10518

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

22589
49 г.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПЕТРОГРАДЪ.

1914.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ на 1915 годъ.

(Пятидесятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО и А. С. ПОСНИКОВА,**

при ближайшемъ участіи:

И. Б. ЖИЛКИНА, И. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петроградѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою **1 р. 50 к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «Петроградскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. Если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очереднаго номера. За перемѣну адреса городского на иногородній уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Петроградъ, Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ—НОЯБРЬ.

		стран.
I.	ЗАРЯ ЖИЗНИ.—(Окончаніе).—Повѣсть.—**А. Ѳедорова**	5
II.	ИЗЪ ОСЕННИХЪ МЕЛОДІЙ.—Стихотвореніе.—**Вѣры С.**	42
III.	ВЪ СНѢГАХЪ.—**А. Черевковой**	43
IV.	ПЕРЕДЪ КОНЦОМЪ.—Стихотвореніе.—**Бориса Садовскаго**	108
V.	ПРОѢЗДОМЪ.—Изъ очерковъ военнаго времени.—**Е. Ганейзера**	109
VI.	ВЪ ШВЕЙЦАРСКОЙ МЫШЕЛОВКѢ.—**З. Журавской**	131
VII.	ДОМА.—Стихотвореніе.—**Павла Зорева**	144
VIII.	ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ОСНОВАНІЯ ГЕРМАНСКАГО ИМПЕРІАЛИЗМА.—**С. Загорскаго**	145
IX.	ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.—Два литературныхъ портрета, въ которыхъ молодежь 1855 — 1861 годовъ себя не узнала. Молотовъ и Базаровъ.—**Нестора Котляревскаго**	171
X.	ВЪ ПЛѢНУ. (20—27 іюля 1914).—**С. Ш.**	203
XI.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**А. И. Домасудъ-Бромирской**	228
XII.	ГРАФЪ КАСТИЛЬОНЕ. — Гуманистъ, придворный, дипломатъ. (Окончаніе).—**А. Дживелегова**	229
XIII.	ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.—Стихотвореніе.—**Г. Вяткина**	254
XIV.	ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ. — Повѣсть Арнольда Беннета. — (Окончаніе).—Перев. съ англ. **М. Славинской**	255
XV.	ХРОНИКА.—ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ ВЪ СИБИРИ.—**В. Кузнецова**	317
XVI.	НА ТЕМЫ ДНЯ.—**К. Арсеньева**	333
XVII.	ГЕРМАНСКІЕ УЧЕНЫЕ И МИЛИТАРИЗМЪ.—**Л. Слонимскаго**	342
XVIII.	ЛИТЕРАТУРА И ВОЙНА.—(Параллели) **Е. Колтоновской**	351
XIX.	ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. Ключевскій. Отзывы и отвѣты. Третій сборникъ статей. — **Ч. В—скаго.** — П. Рюльманъ. Идея гражданскаго воспитанія въ Швейцаріи.—Народное образованіе въ земствахъ. Подъ редакціей Е. А. Звягинцева, А. М. Обухова, С. О. Сѣрополко и Н. В. Чехова.—А. И. Яроцкій. Какова должна быть средняя школа? — **В. В.**—De l'animal à l'enfant, par P. Hachet-Souplet. — **Б.** — І. М. Гольдштейнъ. Панамскій каналъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и наши торговые договоры.—**В. В.**—И. И. Левинъ. Германскіе капиталы въ Россіи.—**Б.**—А. Бѣлоруссовъ. Парижъ. Кн-во писателей въ Москвѣ	358
XX.	ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Воинственное выступленіе Турціи. — Открытіе турецкаго наслѣдства. — Политика балканскихъ государствъ. — Итальянская дипломатія. — Вопросъ о германскихъ звѣрствахъ	364

стран.

XXI. ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГЪ И ВОЕННЫЙ СБОРЪ.—**А. Посникова** 374

XXII. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Свѣтлыя ожиданія и тяжелое настоящее Польши.—Лояльность поляковъ.—Обывательскіе комитеты.—Общественная помощь изъ коренной Россіи. — Шпіонство, возведенное на степень культа. — Шпіонство и милитаризмъ. — Какъ бороться съ шпіонажемъ?—Отклики нѣмецкой шпіономаніи.—Газетная „охота“ на нѣмцевъ.—**В. Кузьмина-Караваева.**—† А. А. Тихоновъ-Луговой. . . 384

XXIII. АКАДЕМИКЪ И. И. ЯНЖУЛЪ. (Некрологъ)—**В. Э. Денъ** 398

XXIV. ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.—**А. Оглина** 402

XXV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 417

XXVI. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 420

XXVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 421

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село. Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ЗАРЯ ЖИЗНИ.

Повѣсть.

(*Окончаніе*)[1]).

18.

Послѣ ухода Эди, я вытеръ полъ и прежде, чѣмъ итти въ гости, долженъ былъ вытопить печь.

Топка печи въ этомъ домѣ была единственнымъ занятіемъ, которое я любилъ. Пріятно было принести съ мороза дрова, еще покрытыя иннеемъ, набить ихъ въ печь и, сидя на полу, растапливать березовой корой.

На глазахъ моихъ происходило настоящее чудо, и ужъ чудомъ была сама эта сѣрная спичка, которую достаточно было чиркнуть и она вспыхивала оранжево-синимъ пламенемъ. Легкая березовая кора, покрытая бѣлой, прозрачной, какъ папиросная бумага, пленкой, занималась отъ спички, оживая, ежась и скручиваясь. Я подсовывалъ ее подъ полѣнья, которыя начинали потѣть и поддаваться съ шипѣніемъ и трескомъ.

Струйки огня пробѣгали по нимъ быстро, какъ огненныя ящерки, заползали внутрь и вырывались оттуда яркими языками, красными, оранжевыми, синими. Разгорались всѣ дрова въ печи, и она наполнялась веселымъ пламенемъ, которое заводило буйную и таинственную игру.

Тепло лилось на меня оттуда, слѣпило глаза, но я не сводилъ взгляда съ огня. И мысли мои въ это время были совсѣмъ не тѣ, что всегда.

Я положительно хмелѣлъ отъ этой игры пламени, въ которомъ возникали самые фантастичные образы, возбуждавшіе неопредѣленныя, но сладостныя мечты и воспоминанія.

---

[1]) См. октябрь стр. 5.

Отецъ часто разсказывалъ намъ, какъ онъ ранней весной или осенью разводилъ костеръ гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса, въ то время, какъ собака стерегла скотъ, загоняя громкимъ лаемъ стадо, когда оно разбредалось. Я представлялъ себѣ необыкновенно ясно и этотъ костеръ, и лѣсъ, и стадо, и собаку, втайнѣ мечталъ убѣжать въ деревню и стать пастухомъ, какъ былъ отецъ.

Въ огнѣ заключалось для меня что-то почти священное и жуткое, особенно послѣ того, какъ я едва не погибъ однажды за городомъ во время грозы, когда молнія зажгла огромное старое дерево, подъ которымъ я укрывался, ослѣпила меня, а громъ оглушилъ своимъ ударомъ.

Меня тянули уличные пожары, которые, вмѣстѣ со звономъ набата и дикой скачкой гремящихъ пожарныхъ, вызывали во мнѣ какой-то экстазъ. Пламя, все сжигавшее и разрушавшее, являлось въ моихъ глазахъ страшно мстительнымъ разбойникомъ, который смѣялся надъ человѣческими воплями и усиліями, пока не насыщался, или пока его самого, въ свою очередь, не убивали.

Съ какимъ-то непонятнымъ мнѣ самому трепетомъ слушалъ я отъ взрослыхъ воспоминанія о томъ недавнемъ времени, когда пожары запылали по всей Руси, и въ поджогахъ подозрѣвались какіе-то злонамѣренные люди.

Красный пѣтухъ, котораго при этомъ поминали, мнѣ именно представлялся огромнымъ красно-огненнымъ пѣтухомъ, котораго выпускаютъ изъ-подъ черной полы чьи-то мстительныя руки, и онъ съ громкимъ крикомъ, хлопая крыльями, летаетъ съ крыши на крышу, всюду разнося пламя и гибель.

Мнѣ было лѣтъ семь, когда я ѣхалъ какъ-то въ телѣгѣ изъ деревни въ городъ и на пути видѣлъ въ селѣ пожаръ и ужасъ и кровь вмѣстѣ съ нимъ.

Горѣло село, гдѣ жили старообрядцы, а по другую сторону глубокой балки было другое село, и тамъ жили православные, постоянно враждовавшіе съ старообрядцами изъ-за вѣры. Собственно, враждовали-то церковнослужители, и они-то стали издѣваться надъ старообрядцами, которые пошли вокругъ огня съ древней, глубоко-чтимой ими иконой, чудотворное свойство которой православные отрицали:

— Посмотримъ, посмотримъ, какъ она поможетъ вамъ! — кричали невѣрующіе.

Тогда тѣ, оставивъ икону, въ изступленіи бросились на хулителей: за тѣхъ и другихъ стали прихожане, въ разъярившейся толпѣ замелькали колья, багры и топоры, съ которыми

сначала пытались бороться съ огнемъ. Закипѣла страшная драка въ то время, какъ пламя бушевало, потѣшаясь надъ жалкими жилищами и дикой злобой.

Выхватывали горящія головни и дрались, и бросались ими, и палили другъ друга. И все это среди кипѣнія пламени, треска разрушающихся избъ и человѣческихъ воплей и крови.

— Уѣдемъ отъ грѣха,—сказалъ кривой Семенъ, съ которымъ я ѣхалъ, и изо всей силы погналъ лошадь.

Былъ и еще одинъ случай, который остался у меня въ памяти отъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ.

Въ концѣ нашей улицы, на пустырѣ, за которымъ уже начиналась степь, жилъ пиротехникъ, жестокій пьяница, но мастеръ своего дѣла, снабжавшій лѣтомъ потѣшными огнями весь нашъ городъ.

Разъ онъ заснулъ въ своей мастерской, и въ ней какимъ-то несчастнымъ случаемъ вспыхнулъ пожаръ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ очнуться и выскочить изъ этихъ стѣнъ, поднялось невообразимое: всѣ эти шутихи, фальшфейеры, бураки и ракеты стали взрываться съ неописуемымъ трескомъ и яростью. Огонь, изъ котораго мастеръ создавалъ волшебныя игрушки съ шутовскими названіями, какъ будто мстилъ за издѣвательство надъ нимъ, кого почитали когда-то богомъ и кому поклонялись съ благоговѣніемъ и страхомъ.

Самъ мастеръ превратился въ огненное колесо, которое выкатилось наружу и крутилось и каталось по землѣ съ воплями, среди перепуганной и растерявшейся толпы. А когда пришла помощь, онъ уже лежалъ на землѣ, самъ черный, какъ земля, и ставшій землею.

Все это заставляло меня относиться къ огню съ особеннымъ чувствомъ. И, можетъ быть, я самъ былъ огнепоклонникомъ раньше, чѣмъ узналъ о томъ, что огнепоклонники существовали и существуютъ на землѣ.

Нынче, сидя передъ огнемъ, клокотавшимъ въ печи, я съ суевѣрной душой гадалъ: если вотъ раньше загорится это полѣно, а не то, значитъ, Олечка не забыла меня.

Загорѣлось, и я радостно улыбнулся въ отвѣтъ огню, который засмѣялся мнѣ новыми яркими вспышками.

Успокоившійся, сидя у огня съ скрещенными ногами, я до того ушелъ въ мечты, что забылъ, гдѣ я, и сталъ потихоньку что-то напѣвать.

Уголекъ, съ трескомъ выскочившій на полъ изъ печки,

заставилъ меня оборвать пѣніе. Я проворно схватилъ его прямо пальцами и бросилъ обратно.

Въ это время услышалъ я голосъ старухи, въ которомъ была совсѣмъ новая для меня мягкость:

— А ты славно поешь, мальчуганъ. У кого это ты научился?

Я сказалъ, что былъ пѣвчимъ, а пѣсню, которую я пѣлъ, слышалъ отъ матери.

— Славно, славно, у тебя хорошій голосокъ.

Похваливъ меня такимъ образомъ, она, какъ бы невзначай, перешла къ другому:

— Прогорѣли дрова?

— Почти что прогорѣли.

— Вотъ когда совсѣмъ прогорятъ, ты закроешь печку и пойдешь въ гости. Хорошенько умойся и надѣнь все чистое.

Я удивился этой заботливости.

— Хорошо.

— Да, смотри, не потеряй деньги свои.

— Нѣтъ, не потеряю.

Она помолчала немного и сомнительно покачала головой.

— Лучше бы спрятать ихъ. Ты еще маленькій мальчикъ и не замѣтишь, какъ потеряешь. А то изъ кармана воры вытащатъ. Послѣ воли столько воровъ понабралось въ города, что спасенія нѣтъ.—Она вздохнула.—Да и на что тебѣ такія деньги? Лучше ужъ я спрячу ихъ у себя и буду выдавать тебѣ понемножку, если понадобятся.

Я безъ всякаго колебанія и огорченія досталъ деньги и отдалъ ей.

Она почему-то закашлялась, когда брала ихъ, и, не глядя на меня, сунула мнѣ взамѣнъ въ руку пятачекъ.

— Это тебѣ изъ нихъ на лакомства. Ты у себя отмѣчай, сколько я тебѣ дамъ. А лучше береги.

— Я буду беречь.

— Да, да, береги.

Спрятавъ деньги, она какъ-то вскользь замѣтила:

— Ты можешь не говорить объ этомъ Мари,—и опять неестественно закашлялась.—Да, да, лучше не говорить. Конечно, она могла бы тоже спрятать твои деньги, но за-то ужъ на баловство ты у нея не получилъ бы ни конѣечки.

— Я не скажу.

На этотъ разъ она такъ закашлялась, что долго не могла произнести ни слова, ушла въ спальню и ужъ только оттуда попросила меня спѣть что-нибудь еще.

Я старательно сталъ напѣвать, но вѣрно, вышло хуже, потому что, когда кончилъ пѣть, она лишь вскользь похвалила меня.

Переждавъ, когда сгорятъ дрова и останутся одни угли, устало вздыхающіе, но все еще не желавшіе умирать, я закрылъ заслонъ въ печи, лишь только исчезли ядовитые синіе огоньки.

— Ну, вотъ, теперь ты сдѣлалъ свое дѣло и можешь итти. Только возвращайся не поздно, а то Мари разсердится.

Вычистивъ свое платье и сапоги, умытый и чистенькій, я украдкой досталъ изъ-подъ сундука письмо, сунулъ его въ карманъ и отправился къ Эди. Судьба оказалась на этотъ разъ за меня: я самъ могъ передать Олечкѣ свое письмо. Жаль, конечно, что оно не переписано на хорошей бумагѣ, но Олечка мнѣ проститъ.

Я былъ первымъ изъ гостей, и Эди очень этому обрадовался.

— Вотъ какъ хорошо, что ты пришелъ раньше всѣхъ,— сказалъ онъ, привѣтливо взявъ меня за руку.—Я утаилъ отъ Ростовцевыхъ, что ты будешь у меня, а то Олечку могли не отпустить. Ого, я вѣдь все понимаю!

Съ каждой изъ этихъ фразъ лицо его мѣнялось: изъ привѣтливаго въ лукавое, изъ лукаваго въ серьезное.

— Вотъ Олечка удивится, когда увидитъ тебя!—воскликнулъ онъ, хлопнувъ возбужденно въ ладоши.—И обрадуется, навѣрно, очень обрадуется.

Я посмотрѣлъ на него не вполнѣ довѣрчиво, и онъ это почувствовалъ:

— Ты думаешь, я ревную,—обратился онъ ко мнѣ.—Нѣтъ. Честное слово, нѣтъ. Я теперь влюбленъ въ Катю, или, пожалуй, не въ Катю, а въ Лилю Ковалеву.

Но тутъ же разсмѣялся съ необыкновеннымъ простодушіемъ:

— Я самъ не знаю, въ кого изъ нихъ влюбленъ,—сознался Эди и пожалъ плечами.—Вотъ странно, я никогда не могу этого понять: если вижу Катю, я влюбленъ въ Катю, а если вижу Лилю—въ Лилю.

— А если онѣ обѣ вмѣстѣ?—заинтересовался я.

— Тогда...—онъ застѣнчиво разсмѣялся,—тогда я ужасно боюсь, чтобы онѣ не сказали другъ-другу, что я имъ признался въ любви. Послушай, Паша,—онъ схватилъ меня за руки и, засматривая мнѣ прямо въ глаза, серьезно произнесъ:—вѣдь мы съ тобой друзья, и ты объ этомъ никому не скажешь. Я тебя прошу. Ты нынче посмотри ихъ хорошенько и скажи, въ кого изъ нихъ я долженъ быть влюбленъ.

Я по-товарищески согласился и далъ слово вывести его изъ этого затрудненія.

— А въ Олечку я не влюбленъ,—продолжалъ Эди.—Я не могу быть влюбленъ въ ту, которая въ меня не влюблена.

Убѣжденный тонъ его на этотъ разъ снялъ съ моей души послѣднюю тѣнь подозрѣнія. Я рѣшилъ признаться ему, что написалъ Олечкѣ письмо. Онъ сталъ просить прочесть это письмо, я прочелъ, и онъ былъ въ восторгѣ.

— Какой ты умный!—воскликнулъ онъ.—Я бы никогда не могъ сочинить такого письма.

Я хотѣлъ возразить, что не сочинялъ этого письма, а написалъ лишь то, что чувствовалъ и думалъ, но похвала и предсказаніе его мнѣ были такъ пріятны, что не хотѣлось отъ нихъ отказываться.

— Хорошо бы переписать это письмо на почтовой бумагѣ,—намекнулъ я.

— Успѣешь. Успѣешь. Я тебѣ дамъ потомъ отличной бумаги. А теперь пойдемъ къ папѣ. Я разсказалъ папѣ о томъ, какъ ты живешь у этихъ старухъ, которыя только притворяются добрыми, а на самомъ дѣлѣ препротивныя. Всю эту исторію съ ножичкомъ и деньгами разсказалъ, и папа возмутился.

— Нѣтъ, онѣ ничего,—отвѣтилъ я, вспомнивъ, какъ мягко старуха только-что отнеслась ко мнѣ, но о деньгахъ, опять перешедшихъ въ ея руки, я ему не сказалъ ни слова.

Вся эта бесѣда съ Эди велась частью въ передней, частью въ корридорѣ, но, какъ только окончилось наше таинственное совѣщаніе, онъ повелъ меня въ столовую.

Попутно я замѣтилъ, что квартира, которую они занимали, была велика и свѣтла, но обставлена необыкновенно просто въ сравненіи съ тѣмъ, что я видѣлъ у моихъ покровителей. Въ комнатѣ Эди, куда мы мелькомъ заглянули, стояла совсѣмъ простая деревянная мебель, и Эди съ гордостью сообщилъ мнѣ, что этотъ деревянный столъ, стулья и даже комодъ сдѣланы его отцомъ, въ кабинетѣ котораго стоитъ такая же простая мебель, тоже и въ комнатѣ дѣвочекъ.

— Въ свободное время отецъ всегда занимается какимъ-нибудь ремесломъ, сообщилъ мнѣ Эди.—Онъ не только дѣлаетъ отличную мебель, но и переплетаетъ и точитъ на токарномъ станкѣ и даже теперь дѣлаетъ самъ отличный ботикъ, для котораго дерево выписалъ онъ прямо изъ Америки. Тамъ,—Эди

съ особеннымъ почтеніемъ указалъ на верхъ,—тамъ, папина клиника, гдѣ лежатъ больные, и онъ дѣлаетъ операціи.

Въ открытую дверь столовой донеслись голоса, и одинъ голосъ говорилъ очень отчетливо и медленно, но съ нерусскимъ акцентомъ и съ ошибками.

— Я вамъ говорю, это только начало. У Россіи огромная будущность. Я вѣрю въ нее и люблю ее за то, что она находится въ періодѣ броженія. Мнѣ непріятны страны, которыя вполнѣ сформировались и нашли государственныя формы, можетъ быть, достаточно совершенныя для нихъ, но для Россіи—тѣсныя и узкія. Вотъ, напримѣръ, Англія,—она спокойна въ этихъ формахъ, и, конечно, тамъ легче жить. Это моя родина, а я все-таки больше люблю Россію.

Эди ввелъ меня въ столовую, и я очень удивился, увидѣвъ тутъ Никодима Павловича.

— Вотъ, папа, тотъ самый Паша, о которомъ я говорилъ,—отрекомендовалъ меня Эди, съ такой свободой, какъ будто мы были такіе же взрослые люди и имѣли право во время ихъ бесѣды войти въ ихъ компанію.

Я представлялъ по разсказамъ Эди его отца совсѣмъ не тѣмъ, что увидѣлъ. Это былъ человѣкъ удивительной красоты, совсѣмъ молодой, съ бѣлокурыми подстриженными усами и смѣлымъ спокойнымъ выраженіемъ сѣрыхъ глазъ. Онъ не дѣлалъ ни одного лишняго движенія, и въ каждомъ его движеніи была увѣренность и точность.

Эди былъ очень похожъ на него лицомъ, но въ его изысканныхъ манерахъ было что-то женственное и мягкое и не только отъ возраста, но и отъ натуры. Въ этомъ онъ походилъ на свою мать, которая, видимо, была гораздо старше мужа и сравнительно съ нимъ некрасива и довольно небрежно одѣта; но въ лицѣ ея было столько свѣтлаго ума и доброты, пожалуй, граничившей даже со слабостью, что я сразу почувствовалъ къ ней довѣріе.

И отецъ и мать Эди протянули мнѣ руки, что очень меня смутило, а Никодимъ Павловичъ сказалъ, указывая на меня:

— Вотъ это какъ разъ одинъ изъ тѣхъ будущихъ гражданъ, о которыхъ мы говорили.

Мать Эди продолжала симпатичнымъ, но нѣсколько колеблющимся голосомъ:

— ... И которымъ несомнѣнно принадлежитъ свѣтлое будущее.

Никодимъ Павловичъ со вздохомъ возразилъ:

— Охъ, Людмила Васильевна. Улита ѣдетъ, когда - то будетъ.

— Не когда-то, а очень скоро,—горячо возразила ему она.—Развѣ вы не видите сами.

— Вижу,—отвѣтилъ онъ, съ лицомъ, которое стало серьезнымъ и печальнымъ.—Вижу пятидесятимилліонную массу народа, съ которой наполовину сняли рабскія цѣпи. На половину!—повторилъ онъ глуховатымъ твердымъ голосомъ, когда хозяинъ захотѣлъ что-то возразить ему.—Массу темную и дикую, которая покуда не имѣетъ въ своихъ рукахъ другого оружія для борьбы кромѣ огня, а этого мало.

— Да,—возразила Людмила Васильевна,—я согласна, это масса темная и дикая, но не настолько, чтобы не понимать, что ей надо для того, чтобы дышать и жить по-человѣчески.

— О,—отвѣтилъ онъ, махнувъ рукой,—для того, чтобы понимать то, о чемъ вы говорите, народу нашему очень много надо. И прежде всего надо умѣть отличать, кто его друзья, а кто враги.

— Да, да, я то же самое говорилъ ей,—подтвердилъ мужъ.

Она всплеснула руками.

— Ахъ, Боже мой, какіе вы странные, господа. Развѣ не идутъ въ народъ люди, которые отлично знаютъ, что́ надо, и сумѣютъ ему открыть глаза. Мы-то съ вами знаемъ этихъ людей и видимъ, на что они способны.

— Знаемъ, знаемъ наперечетъ,—горько отвѣтилъ онъ.—И изъ тѣхъ каждый день не досчитываемся то одного, то другого.

Онъ закашлялся. Вынулъ папиросу и, досадливо махая ею, какъ бы предупреждая возраженіе, потому что не договорилъ того, что хотѣлъ сказать, закончилъ:

— И знаемъ также, что многихъ изъ нихъ, какъ враговъ, выдаютъ именно тѣ самые, ради которыхъ они жертвуютъ собой.

— Никодимъ,—строго остановила Людьмила Васильевна его,—что это, разочарованіе? Не слишкомъ ли рано!

Онъ зажегъ спичку, не успѣлъ еще закурить и поспѣшно отвѣтилъ:

— Разочарованіе? Боже упаси, это было бы, дѣйствительно, слишкомъ рано. Нѣтъ, я только говорю, что не скоро...

Онъ зажегъ папиросу, затянулся и, какъ-то сразу оживъ, съ молодымъ порывомъ, своимъ глуховатымъ трогательнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Разочарованіе! Ну, нѣтъ. Это было бы непростительно и преступно. Пускай очаровываются и разочаровываются тѣ, для кого это вновѣ, какъ игра для дѣтей, а не мы съ вами. Если я сдѣлалъ остановку тутъ, то вовсе не потому, что разочаровался.

Онъ взволновался и не замѣчалъ, что пепелъ съ папиросы сыплется на его жилетъ. Глаза его заблестѣли, и на слегка выдающихся, нѣсколько калмыцкихъ скулахъ появились красноватыя пятна.

— Ну, вотъ, ну, вотъ!—обрадовалась она.—Развѣ я васъ не знаю. Дайте мнѣ папиросу.

Онъ подалъ ей изъ кожаннаго портсигара папиросу, протянулъ портсигаръ и хозяину, но тутъ же принялъ его:

— Я и забылъ, что вы не курите.

Меня удивило и, пожалуй, даже огорчило то, что она взяла папиросу, закурила ее отъ папиросы Никодима Павловича, которую тотъ протянулъ ей, стараясь сдержать дрожь худой, слабой руки, и, куря, какъ будто подражала Никодиму Павловичу, глубоко затягиваясь и выпуская дымъ изъ носа разбѣгающимися синими струями.

Хозяинъ въ волненіи всталъ и заходилъ по комнатѣ. Не глядя на нихъ, онъ какъ будто разговаривалъ самъ съ собою, съ трудомъ подбирая иногда слова и дѣлая ошибки въ языкѣ, которыя придавали ему что-то очень привлекательное и мнѣ чрезвычайно нравились.

— Да, да, все это прекрасно, и подвиги, и жертвы, все это прекрасно. Все это такое молодое и... и... я не знаю другого слова, романтическое. А народъ? Развѣ онъ не былъ всегда теменъ, но это не мѣшало ему совершать великіе подвиги О, я убѣжденъ,—воскликнулъ онъ,—поднимая руку, и лицо его просвѣтлѣло.—Для настоящихъ, для коренныхъ переворотовъ въ жизни, важнѣе всего инстинктъ, творческій инстинктъ народа, который, который...—онъ какъ будто переводилъ съ своего роднаго языка то, что хотѣлъ выразить, на русскій языкъ. И, не найдя подходящаго слова, сказалъ англійское.

— Провидитъ,—перевела жена.

— Да, да, я зналъ это слово, но только забылъ его—самолюбиво сказалъ онъ.—Именно провидитъ, больше, чѣмъ сознаетъ правду.

Мы сидѣли съ Эди въ уголкѣ дивана, и я съ жадностью слушалъ эту бесѣду, въ которой мнѣ звучали какъ будто отго-

лоски чего-то давно слышаннаго, непонятно волнующаго и близкаго. И почему-то опять припомнился Ермолай и его книжечки и чудомъ уцѣлѣвшіе въ памяти обрывки бесѣдъ его съ моимъ отцомъ и съ людьми, которые къ Ермолаю приходили.

Эди смотрѣлъ на меня съ блестящими глазами и съ гордостью, когда говорили его отецъ или мать.

Мнѣ казалось, что они совсѣмъ забыли и не замѣчаютъ, что мы здѣсь. Но въ эту минуту Никодимъ Павловичъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и положилъ мнѣ свою слабую руку на плечо.

— Нѣтъ, я не могу быть разочарованъ,—вернулся онъ къ слову, которое, очевидно, задѣло его.—И пускай этотъ мальчикъ,—голосъ его какъ-то повысился и задрожалъ трогательной нѣжностью и умиленіемъ.—И пускай этотъ мальчикъ слышитъ и знаетъ это, потому что онъ самъ изъ того народа, за который мы пойдемъ туда, куда ушли ужъ многіе.

Не знаю почему, я почувствовалъ, какъ вся кровь хлынула мнѣ въ сердце, переполнила его и разлилась по всему тѣлу горячими и сильными струями. Я ощутилъ безотчетный восторгъ, отъ котораго на глазахъ у меня показались слезы. И, если бы молчаніе, которое настало послѣ этой рѣчи, продлилось еще нѣсколько мгновеній, я бы не могъ сдержать этихъ слезъ.

Но въ эту минуту вошелъ человѣкъ, очевидно, слуга, только одѣтый не по-лакейски, какъ Петръ, а въ мягкую рубашку, пиджакъ и высокіе сапоги. Онъ подошелъ прямо къ хозяйкѣ и тихо сказалъ ей что-то.

Она встала съ насторожившимся лицомъ, сдѣлала знакъ слугѣ и, когда тотъ вышелъ, почти торжественно сообщила имъ имя, которое, очевидно, произвело большое впечатлѣніе.

— Костровъ.

Никодимъ Павловичъ и обрадовался, и взволновался.

— Какъ же это такъ неосторожно. Неужели онъ и Савелію сказалъ настоящее имя.

— Савелій—нашъ и на него можно положиться,—убѣжденно отвѣтила она.

— Такъ скорѣе тащите его сюда,—по-товарищески распорядился Никодимъ Павловичъ.

Она нерѣшительно взглянула на мужа.

— Можетъ быть онъ будетъ стѣсняться тебя.

— Да, да,—подтвердилъ Никодимъ Павловичъ, пока вы не знакомы ближе, это неудобно.

— О, я понимаю,—нисколько не обидясь, согласился хозяинъ и вышелъ изъ столовой въ дверь, противоположную той, куда направилась жена.

— И вы, дѣтвора, маршъ отсюда,—распорядился Никодимъ Павловичъ и съ улыбкой прибавилъ:—Пока вы тоже не знакомы

Мы съ Эди вышли вслѣдъ за его матерью и въ корридорѣ встрѣтили Людмилу Васильевну, возвращавшуюся вмѣстѣ съ господиномъ средняго роста, который мелькомъ взглянулъ на меня.

Этотъ взглядъ и лицо показались мнѣ необыкновенно знакомыми.

«Ермолай»!—озарило меня воспоминаніе.

Правда, этотъ былъ одѣтъ очень изысканно и совсѣмъ не походилъ на переплетчика Ермолая, всегда одѣвавшагося въ рабочую блузу. Кромѣ того, Ермолай представлялся мнѣ гораздо выше ростомъ, и бороды у него не было, а у этого бѣлокурая борода. Но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло пять или шесть лѣтъ.

— Хорошо, что и Никодимъ здѣсь, — донесся до меня голосъ гостя.—Я не могъ зайти къ нему, а онъ, мнѣ нуженъ.

Теперь ужъ я не сомнѣвался: голосъ былъ тотъ самый, и сердце мое забилось отъ сознанія, что я случайно пріобщился къ какой-то тайнѣ, которая недоступна даже такимъ людямъ, какъ отецъ Эди.

Мнѣ очень хотѣлось подѣлиться этой тайной съ Эди, но я былъ такъ внутренно горденъ ею, что рѣшилъ сохранить ее про себя.

Узналъ-ли онъ меня?—зашевелилось волнующее любопытство.

Мнѣ очень хотѣлось, чтобы онъ меня узналъ, но я понималъ, что это невозможно.

Онъ прошелъ мимо меня, равнодушно скользнувъ взглядомъ.

А можетъ быть, узналъ, но не хотѣлъ открыться, чтобы не выдать себя.

Предположеніе было нелѣпое, и я почти сознавалъ это, но оно доставляло мнѣ удовольствіе, и хотѣлось, чтобы такъ въ дѣйствительности и было. И еще хотѣлось встрѣтиться здѣсь нынче съ нимъ хоть разъ и дать ему понять, что хоть я и знаю, кто онъ, но что онъ можетъ быть спокоенъ: я никому его не выдамъ.

19.

— Теперь пойдемъ ко мнѣ въ комнату, тамъ ты можешь переписать свое письмо къ Олечкѣ, предложилъ мнѣ Эди.

Но теперь это обстоятельство показалось мнѣ такимъ неважнымъ, что я самъ внутренне этому удивился.

— Нѣтъ, я не стану переписывать этого письма, я раздумалъ.

— Конечно, зачѣмъ переписывать,—согласился Эди.—И такъ прочтетъ.

Но и это показалось мнѣ не важнымъ. Прочтетъ, или не прочтетъ Олечка письмо, врядъ-ли что-нибудь измѣнится. Даже сама Олечка въ эту минуту отодвинулась куда-то въ сторону отъ меня.

— Часто у васъ бываетъ этотъ человѣкъ? — осторожно спросилъ я Эди относительно новаго гостя.

— Нѣтъ, я вижу его въ первый разъ,—отвѣтилъ онъ, а можетъ быть и не въ первый,—не помню. У мамы ихъ—онъ внушительно выдѣлилъ послѣднее слово, очень много бываетъ. Только этотъ, какъ настоящій баринъ, а другіе всѣ не такіе: плохо одѣтые и не особенно чистые. Но они хорошіе—поспѣшилъ добавить Эди, чтобы я не истолковалъ дурно его отзыва.—Впрочемъ, папѣ тоже неособенно нравится, что у нихъ все наоборотъ: женщины стригутъ волоса, а мужчины, наоборотъ, не стригутъ. Но папа ихъ очень уважаетъ. Хотя я слышалъ, какъ онъ говорилъ, что не вполнѣ съ ними согласенъ.

— А ты ихъ уважаешь?—освѣдомился я.

— Конечно. Разъ папа и мама уважаютъ, какъ же я могу ихъ не уважать.

У меня явилось желаніе узнать, что они собственно дѣлаютъ, и я спросилъ объ этомъ Эди.

— Ну, я этого хорошенько не знаю, сознался онъ.—Они читаютъ разныя книги и все спорятъ...

Это и я зналъ, но этого было мало.

Вотъ если бы достать одну изъ тѣхъ книжечекъ, которыя были у Ермолая, навѣрно я бы узналъ и понялъ все. Но гдѣ достать?

— Коль ты не хочешь переписывать письмо, пойдемъ на гимнастику, тамъ Элла и Мея.

Онъ привелъ меня въ большую комнату, которая была и гимнастической, и въ то же время мастерской его отца. Кромѣ трапеціи, параллели и гимнастическихъ колецъ, здѣсь стоялъ

столярный верстакъ, токарный станокъ и весь снарядъ для переплетнаго ремесла. Воздухъ здѣсь былъ свѣжій и прохладный; пріятно пахло деревомъ и клеемъ.

Сестры въ легкихъ гимнастическихъ костюмахъ очень ловко продѣлывали разныя штуки на гимнастикѣ. Онѣ встрѣтили меня весело, нисколько не стѣсняясь своихъ короткихъ панталонъ.

— А ты умѣешь что-нибудь?—спросилъ меня Эди.

Я утвердительно кивнулъ головой.

Прежде чѣмъ мечтать о томъ, чтобы стать писателемъ, я думалъ быть акробатомъ, послѣ того какъ мнѣ удалось однажды побывать въ циркѣ.

Меня плѣнили мишурные костюмы цирковыхъ артистовъ, ихъ смѣлость и ловкость и восторги публики. Я даже устроилъ на чердакѣ у себя подобіе трапеціи и старался продѣлывать тѣ головоломныя упражненія, которыя продѣлывали они.

Но это увлеченіе прошло, послѣ того какъ я увидѣлъ въ циркѣ въ другой разъ, какъ сорвался съ трапеціи изъ-подъ самаго купола мальчикъ-артистъ, хорошенькій, какъ ангелъ, который на афишѣ назывался: Вилли—летающій амурчикъ.

Онъ разбился на смерть, и это событіе такъ потрясло меня, что я навсегда утратилъ охоту къ акробатическому искусству.

Но сейчасъ я вспомнилъ всѣ штуки, которыя продѣлывалъ когда-то, и безъ труда исполнилъ все это передъ ними.

Я думалъ, что удивлю ихъ этимъ, но Эди повторилъ все это съ необыкновенной легкостью и, вдобавокъ, показалъ еще нѣкоторыя упражненія, на которыя мнѣ не хватало силъ.

Я вспомнилъ затаенное желаніе при первой непріятности нашего знакомства отколотить его. Теперь я убѣдился, что могло произойти обратное: несмотря на свою женственную нѣжность, онъ былъ очевидно сильнѣе меня.

Къ моему дружескому чувству прибавилось уваженіе къ Эди. Тѣмъ болѣе, что онъ не придавалъ этому достоинству никакой цѣны.

Насталъ вечеръ: дѣвочки пошли переодѣваться, а Эди съ гордостью повелъ меня показывать ботикъ, который дѣлалъ его отецъ во дворѣ, въ большомъ сараѣ.

Когда мы вернулись оттуда, по звонкому шуму и голосамъ, которые раздавались въ домѣ, я понялъ, что уже собрались дѣти, и мысль о томъ, что я сейчасъ могу встрѣтить Олечку,

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

снова овладѣла мною, вытѣснивъ интересъ, вызванный встрѣчей съ Ермолаемъ.

Я такъ желалъ всѣ эти дни увидѣть ее, а теперь боялся,—самъ не знаю чего.

Но когда дѣти высыпали намъ навстрѣчу, а Олечки съ ними не было, мнѣ стало грустно, несмотря на то, что они выражали искреннюю радость, что видятъ меня, да еще въ дружбѣ съ Эди.

Но въ этой шумной встрѣчѣ чувствовалось и еще что-то, что̀ имъ трудно было отъ меня скрыть. Особенно загадочно было поведеніе сестеръ; онѣ схватили меня за руки и повели куда-то, стараясь сдержать смѣхъ и не выдать тайну, заставившую ихъ избѣгать глядѣть мнѣ въ глаза: другія слѣдовали за нами, подталкивая другъ друга и пересмѣиваясь.

Ясно, что они затѣяли какой-то заговоръ противъ меня, и я рѣшилъ быть на-сторожѣ.

Поровнявшись съ дверью гимнастической комнаты, сестры внезапно втолкнули меня туда, и не успѣлъ я опомниться, какъ за мной захлопнулась дверь, послышался шумъ, смѣхъ и топотъ удаляющихся ногъ.

Я ничего не понималъ.

Въ комнатѣ было совсѣмъ темно послѣ огня, и я не могъ ничего разобрать. Но постепенно взглядъ мой различилъ знакомые ужъ гимнастическіе приборы, мягкими силуэтами рисовавшіеся на мутно-сизомъ фонѣ большого окна.

Вдругъ сердце мое забилось. Я почувствовалъ, что не одинъ здѣсь. Этотъ шорохъ былъ не за дверьми, а гдѣ-то близко. Я обернулся и увидѣлъ въ уголкѣ легкое, свѣтлое пятно, которое мгновенно узналъ.

Это была Олечка.

Она стояла въ углу не шевелясь, и я не смѣлъ подойти къ ней. Дожидалась ли она меня, или, какъ и я, была обманута?

Я не видѣлъ лица ея, но глаза ея были обращены на меня. Это ясно было по обороту лица, намѣчавшемуся во мракѣ смутнымъ очеркомъ.

Подойти къ ней, взять ее за руки, сказать все, что было на душѣ, но мои ноги точно приросли къ полу.

Дѣтскій шумъ доносился откуда-то издали, въ него ворвалось нѣсколько аккордовъ рояля. Я вспомнилъ о письмѣ, и это вывело меня изъ оцѣпенѣнія.

Досталъ письмо: оно было немного измято. Явилось раскаяніе,

что не переписалъ. Я двинулся съ нимъ къ Олечкѣ, письмо дрожало въ моей рукѣ.

— Это что?—шопотомъ спросила она.

— Письмо.

Тутъ я вспомнилъ, что не поздоровался съ ней, и сказалъ:

— Здравствуйте, Олечка.

Письмо очутилось въ ея рукѣ, и въ ту же минуту двѣ тонкія нѣжныя руки обвились вокругъ моей шеи, и она поцѣловала меня.

Мнѣ показалось, что бѣлыя крылья подхватили меня и съ головокружительной быстротой помчали въ высоту. Я часто видѣлъ во снѣ, что летаю, и это было похоже на сонъ, и я закрылъ глаза.

Послышался мгновенный шорохъ, стукъ двери.

Я стоялъ одинъ, но ощущеніе полета все еще оставалось во мнѣ, и дыханіе было глубоко и неровно.

— Олечка, Олечка,—прошепталъ я и закрылъ лицо руками.

На щекѣ около носа такъ необыкновенно живо сохранилось впечатлѣніе ея дыханія и губъ, что нельзя было сомнѣваться, что это произошло въ дѣйствительности.

Что же теперь будетъ?—волновалъ меня вопросъ. Казалось, что теперь должно начаться что-то необыкновенное, какъ ощущеніе только-что пережитаго полета.

Но усилился дѣтскій шумъ, приближались быстро шаги легкихъ дѣтскихъ ногъ. Сейчасъ они ворвутся сюда со смѣхомъ и шутками.

Мнѣ стало ужасно стыдно, и первой мыслью моей было спрятаться куда-нибудь, забиться подъ верстакъ, чтобы меня не нашли. Я даже взглянулъ на окно: нельзя ли вылѣзть въ форточку и убѣжать.

Но дверь отворилась, и дѣти вбѣжали съ крикомъ:

— Гдѣ Олечка? Олечка опять спряталась сюда?

Кто-то зажегъ спичку. Пламя на минуту освѣтило комнату. Я стоялъ растерянный въ углу. Но, по счастью, на меня мало обратили даже вниманія.

— Олечка! Олечка!—снова закричали они и бросились ее искать.

Одинъ Эди остался со мной въ темнотѣ:

— Ну, что?—спросилъ онъ.

Я не зналъ, что ему отвѣтить. Хотѣлось броситься на грудь Эди и крикнуть:—Она меня поцѣловала!—Но еще слаще было сохранить эту тайну.

— Отдалъ ей письмо?—спросилъ онъ.

— Отдалъ.

— А, такъ, значитъ, она и спряталась гдѣ-нибудь, чтобы прочитать это письмо. Побѣжимъ искать ее.

Онъ схватилъ меня за руку, и меня вдругъ залило такое веселье, что хотѣлось стремительно бѣжать, бѣжать куда-то, съ громкимъ крикомъ, прыгать, скакать, кувыркаться.

Вмѣсто этого я бросился на шею къ Эди и обнялъ его крѣпко. Душа была переполнена благодарностью къ кому-то, и первый порывъ этого чувства излился на него: вѣдь и ему я былъ обязанъ этимъ счастьемъ.

Растроганный моимъ порывомъ, онъ сказалъ:

— Давай поклянемся быть вѣрными друзьями.

— Давай.

Но ни я, ни онъ не знали словъ, какими нужно запечатлѣть эту клятву, и стояли другъ противъ друга, держась за руки молча.

Это молчаніе было сильнѣе всякихъ словъ. Наши открытые глаза мѣнялись прямыми и ясными взглядами, и мы, какъ-то безъ словъ, поняли, что этого безмолвнаго обмѣна взглядами было вполнѣ достаточно.

— Ну, вотъ,—сказалъ, наконецъ, Эди.—Теперь тотъ, кто первый измѣнитъ, будетъ нечестный.

— Я никогда не измѣню.

— И я никогда не измѣню.

Мы крѣпко сжали другъ-другу руки и побѣжали къ остальнымъ дѣтямъ.

Олечка была уже съ ними. Она не хотѣла сознаться, гдѣ пряталась эти нѣсколько минутъ, и сама присоединилась къ нимъ, когда они уже теряли надежду ее отыскать.

Теперь, когда я увидѣлъ ее при свѣтѣ, она мнѣ показалась совсѣмъ новой и притомъ безконечно родной.

Въ лицѣ ея не было ни малѣйшаго смущенія: видно, недаромъ она готовилась быть актрисой. Только глаза ея блестѣли какъ-то не по-дѣтски возбужденно и загадочно для всѣхъ, кромѣ меня.

Зато Миша замѣтно ко мнѣ измѣнился. Ему, очевидно, не нравилась наша встрѣча съ Олечкой и особенно этотъ заговоръ, благодаря которому мы очутились съ ней вдвоемъ въ темной комнатѣ.

Онъ даже шепотомъ началъ дѣлать выговоръ сестрѣ, но она посмотрѣла на него такъ высокомѣрно, что разсердила его, и онъ, ужъ не сдерживаясь, пригрозилъ:

— Вотъ я скажу мамѣ.

— Что ты скажешь?

— Что знаю, то и скажу.

— А что ты знаешь?

— Что вы были вдвоемъ въ темной комнатѣ.

Она разсмѣялась самымъ какъ будто искреннимъ смѣхомъ.

— Вотъ и неправда, меня совсѣмъ и не было тамъ.

— Какъ не было!—опѣшилъ онъ.

Она смотрѣла прямо на него, не сморгнувъ глазомъ.

— Такъ и не было. Вы думали, что я осталась тамъ, а я на самомъ дѣлѣ убѣжала оттуда въ ванную.

— Вотъ и врешь, вотъ и врешь, мы были въ ванной.

— Ну, что же, что были, а я закрылась простыней, и вы меня не видѣли.

Онъ не зналъ, вѣрить ему или не вѣрить. Она лгала съ такимъ яснымъ лицомъ, что онъ даже нѣсколько сконфузился.

— Все равно, это свинство,—ревниво рѣшилъ онъ. И, глядя въ мою сторону, сказалъ съ умысломъ громко, чтобы я его слышалъ:

— Онъ теперь поддѣлывается къ Эди и больше съ нимъ водится, чѣмъ со мной, а все-таки деньги платимъ за него мы, а не Эди.

Меня оскорбили послѣднія слова его. За что онъ такъ на меня! Вѣдь не я, а онъ отдалился отъ меня послѣ того, какъ меня изгнали изъ ихъ дома.

Но я не особенно винилъ его, хотя и былъ огорченъ его охлажденіемъ,—тутъ сказывалось вліяніе его матери; но неужели же и онъ подъ ея вліяніемъ считаетъ униженіемъ для своего достоинства это внезапно зародившееся ко мнѣ чувство Олечки.

Эди не слышалъ ихъ разговора. У него было свое огорченіе съ Катей, о которомъ онъ тутъ же разсказалъ мнѣ.

Вчера въ каретѣ онъ возвращался домой вмѣстѣ съ Катей и еще одной дѣвочкой, Ниной Кроль. Такъ какъ въ каретѣ было темно, и всѣ трое притаились и молчали, онъ по ошибкѣ взялъ, вмѣсто руки Кати, руку Нины и всю дорогу цѣловалъ ее. Та, очевидно, ничего противъ этого не имѣла, но, когда Эди вышелъ изъ кареты, смутно догадываясь при прощаніи, что произошло недоразумѣніе, между дѣвочками вспыхнула сцена ревности, и теперь Катя требовала отъ него объясненія.

— Она очень сердится на меня,—жаловался Эди,—но я не виноватъ, Паша, честное слово, не виноватъ. Если бы это

была еще Лиля, это другое дѣло. А Нина мнѣ до того вечера совсѣмъ не нравилась.

— А теперь нравится?

Онъ подумалъ.

— Да, пожалуй. Вѣдь если она позволяла мнѣ цѣловать ее, значитъ, она меня любитъ. А если Катя не хочетъ разговаривать со мной, значитъ, она меня не любитъ,—просто объяснилъ онъ.

Но когда начались танцы, онъ танцовалъ со всѣми тремя, и я любовался его изяществомъ и легкостью.

Самъ я не умѣлъ танцовать и отказывался, когда меня приглашали и уговаривали. Особенно уговаривалъ Эди. Онъ доказывалъ, что это очень просто, и что я, навѣрно, научусь сразу. Мнѣ и самому казалось такъ, но я боялся показаться смѣшнымъ и уронить себя въ глазахъ Олечки.

Признаться, я завидовалъ всѣмъ танцующимъ и особенно Эди, когда онъ танцовалъ съ Олечкой: они кружились такъ быстро и дружно, и онъ что-то говорилъ ей, склонивъ свою красивую голову къ ея розовому уху, похожему на цвѣтокъ.

Несмотря на клятву дружбы, только-что заключенной нами, я ревновалъ ее къ нему.

Но, кончивъ танцовать съ ней, Эди подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Мы во время вальса все говорили о тебѣ. Она увѣряла, что выучитъ наизусть твое письмо и сохранитъ его до гроба. И еще сказала, что она сама тоже напишетъ тебѣ. Она даже для чего-то спрашивала, нельзя ли достать у моего папы сюргучъ и печать. Я обѣщалъ.

Ревность мою сдунуло, какъ пыль, и я уже спокойно смотрѣлъ, какъ кружились танцующія пары, и какъ Олечка совѣщалась о чемъ-то съ Эди.

Большинство гостей были дѣвочки, въ свѣтлыхъ платьяхъ, онѣ танцовали другъ съ другомъ за недостаткомъ кавалеровъ, и это мельканіе бѣлаго и легкаго напоминало снѣжную метель.

Потомъ, всѣ, разгоряченныя, бросились въ столовую пить чай и ѣсть тартинки.

Эди въ это время куда-то исчезъ съ Олечкой, и, когда они вернулись, онъ многозначительно посмотрѣлъ на меня и въ лицѣ его была тайна.

Послѣ чая онъ предложилъ играть въ почту и самъ вызвался быть почтальономъ. Чтобы не навлекать подозрѣнія Миши, я

просилъ Эди, если будутъ ко мнѣ записочки отъ Олечки, передавать ихъ такъ, чтобы Миша этого не замѣтилъ. О томъ, что кто-нибудь будетъ еще писать по моему адресу, мнѣ не приходило въ голову.

Эди кивнулъ съ такимъ видомъ, что молъ это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что мнѣ предстоитъ сейчасъ узнать.

Скоро я получилъ записочку, подписанную одной лишь буквой—О.

«Когда часы будутъ бить десять, приходите въ комнату Эди. Очень важно».

До десяти оставалось минутъ пятнадцать, и сама Олечка исчезла съ Эди гораздо раньше.

Миша, видя ихъ танцующими и даже куда-то исчезающими вдвоемъ, успокоился.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда часы начнутъ бить десять, и при первыхъ же ударахъ скользнулъ въ комнату Эди.

Оба ждали меня, и въ томъ, какъ они меня встрѣтили, было чрезвычайно много торжественности. Я бы предпочелъ, чтобы Олечка встрѣтила меня не такъ торжественно, но ей, видимо, было не до того.

Она подвела меня къ столу Эди, на которомъ лежалъ листъ отличной, такъ называемой министерской бумаги, горѣла свѣча и ярко краснѣла цѣлая палочка сюргуча.

Олечка важно приказала мнѣ прочесть написанное красными чернилами.

Прежде всего мнѣ бросилось въ глаза старательно и крупно выведенное заглавіе:

КЛЯТВА.

Дальше шелъ текстъ:

«Клянемся любить другъ друга до самаго гроба. И клянемся, что Олечка Кропотова за никого другого не выйдетъ замужъ и Паша Горьковъ ни на комъ другой не женится, кромѣ какъ на Олечкѣ Кропотовой. Въ томъ оба клянемся и прикладываемъ въ знакъ верности печать».

— Согласенъ ли ты подписаться?—строго тараща на меня глаза, спросилъ Эди.

Я, конечно, съ радостью поспѣшилъ согласиться.

— И я согласна,—важно объявила Олечка, раньше даже, чѣмъ онъ задалъ этотъ оффиціальный вопросъ ей.

— Тогда подписывайтесь,—все съ той же строгостью приказалъ Эди.

Рука моя задрожала, лишь только въ ней очутилось перо. И я почувствовалъ, что блѣднѣю. Взглянулъ на Олечку, она стояла также блѣдная, нерѣшительная.

Я глубоко передохнулъ, и, обмакнувъ въ чернила перо, уже хотѣлъ расписаться, но замѣтилъ кое-что въ текстѣ, и это меня остановило:

— А это ничего, что тутъ есть ошибка?—робко обратился я къ нему съ вопросомъ.—Вѣрность пишется черезъ ѣ. Впрочемъ, можно ножичкомъ подчистить.

Эди покраснѣлъ и досадливо отвѣтилъ:

— Это все равно. Въ такой бумагѣ ничего исправлять нельзя.

Тогда я повиновался и старательно подписалъ свое имя и фамилію.

Олечка сдѣлала то же самое.

Я уже думалъ, что все кончено, но Эди смѣнилъ Олечку и подъ нашими подписями вывелъ:

«Свидѣтель Эди Райтъ».

И винтомъ расчеркнулся. Хотѣлъ уже встать, но подумалъ немного и приписалъ:

«Англійскій подданый».

Но это было не все. Теперь оставалось самое главное:

Онъ подержалъ надъ пламенемъ свѣчи сюргучъ, пока тотъ не вспыхнулъ.

Эди подставилъ бумагу, и на нее полилась красная, какъ кровь, пахучая смола.

Когда на бумагѣ образовалось горячее красное пятно, Эди досталъ изъ кармана большую отцовскую печать и крѣпко приложилъ ее къ сюргучу.

Онъ поднялъ печать отъ сюргуча и залюбовался самъ своей работой.

На красномъ, быстро остывающемъ сюргучѣ, чрезвычайно отчетливо выступали иниціалы отца Эди: В. и Р.

— Кончено,—сказалъ Эди.—Теперь вы можете итти.

Мы опять съ Олечкой взглянули другъ другу въ глаза, почти потрясенные всѣмъ этимъ.

— Куда итти?—растерянно спросилъ я.

Эди медлительно и важно сложилъ бумагу.

— Это будетъ храниться у меня.

Открывъ ящикъ стола, спряталъ туда нашъ договоръ, заперъ столъ на ключъ и, аккуратно опустивъ ключъ въ карманъ, только тутъ отвѣтилъ на мой вопросъ.

— Куда итти? Играть.

20.

Окончились Рождественскія каникулы: Олечка уѣхала въ институтъ, и трепетная свѣчечка моей любви погасла надолго.

Мало было увѣренности, что Олечка и вдали продолжаетъ меня любить по-прежнему и по скрѣпленному печатью договору никогда не разлюбитъ. Въ одинокой трудной жизни моей хотѣлось участія и ласки, утраченныхъ со смертью матери. Дружба Эди и другихъ гимназическихъ товарищей не давала дѣтской душѣ того, что̀ ей такъ необходимо, и я тосковалъ и даже иногда плакалъ въ своемъ одиночествѣ, самъ не понимая хорошо, почему я плачу.

Дѣдъ продолжалъ сидѣть въ сумашедшемъ домѣ, и я боялся навѣстить его. Бабушка Васена, къ которой я иногда заходилъ по праздникамъ, привѣчала меня, но все ея участіе выражалось главнымъ образомъ тѣмъ, что она кормила меня сладкими кусочками, оставшимися отъ господскаго стола, да вздыхала и проливала слезы надъ моимъ сиротствомъ.

Свиданіе съ сестрой и братомъ также не приносило мнѣ ничего, кромѣ огорченія. Сестра была у модистки на положеніи прислуги, бѣгала за мелочами въ магазины, услуживала мастерицамъ, убирала мастерскую и разводила утюги, отчего у нея постоянно болѣла голова. А брату въ пріютѣ жилось еще хуже, и каждый разъ при свиданіи онъ мнѣ показывалъ слѣды побоевъ на головѣ, на лицѣ и на тѣлѣ.

Я приносилъ имъ копѣечные гостинцы, купленные на тѣ пятаки, что мнѣ съ неохотой выдавала старуха изъ припрятанныхъ ею моихъ денегъ, и это ихъ утѣшало.

Для меня началась однообразная по своему строю жизнь: съ одной стороны занятія въ гимназіи, съ другой—домашнія работы, которыя не давали мнѣ свободно вздохнуть и прочесть книгу, не относящуюся къ школьнымъ требованіямъ.

Все бы это ничего, кое-что даже изъ этой домашней работы имѣло свою хорошую сторону, являясь какъ бы осмысленной гимнастикой: мытье половъ, тасканіе воды, рубка дровъ. Даже то,

что я передъ отходомъ въ гимназію долженъ былъ успѣть сходить на базаръ, нисколько меня не угнетало, но тяжело было это отношеніе ко мнѣ, какъ къ низшему, какъ къ потомку раба, и я, можно сказать, отдыхалъ въ школѣ, гдѣ у меня были добрые товарищи и гдѣ покуда не особенно чувствовалось неравенство происхожденія и состоянія.

Это было время, когда въ гимназію, на-ряду съ привилегированными и богатыми дѣтьми, пошли дѣти разночинцевъ, крестьянъ, бѣдняковъ. Вмѣстѣ со мною учился и сынъ сапожника, съ которымъ когда-то славили вмѣстѣ, Вася Купцовъ, сынъ буфетчика на одной изъ близкихъ къ городу станцій, и еще нѣкоторые изъ уличныхъ моихъ товарищей.

У этого буфетчика, тоже бывшаго крѣпостного, я еще при жизни родителей гостилъ по лѣтамъ и, это время было самымъ свѣтлымъ въ моемъ раннемъ дѣтствѣ.

Дружба съ Эди оставалась нерушимой, но, кромѣ него, я дружилъ еще съ двумя учениками: Колей Зубовымъ и Саввой Тепловымъ: оба они были изъ одной деревни, сыновья крестьянъ, молоканскаго вѣроисповѣданія: ихъ старшіе братья уже оканчивали курсъ въ нашей гимназіи, и мы смотрѣли на нихъ съ большимъ почтеніемъ, не только потому, что они были старшіе, жили самостоятельно уроками и поддерживали младшихъ, но и потому, что они являлись вожаками въ училищѣ и задавали тонъ всей гимназической жизни.

Даже учителя, за рѣдкимъ исключеніемъ, относились къ нимъ съ уваженіемъ, почти по-товарищески и глядѣли сквозь пальцы на ихъ затѣи: совмѣстное чтеніе книгъ, взятыхъ не изъ училищной библіотеки; изданіе школьнаго журнала, гдѣ нерѣдко прохватывались неугодные учителя; составленіе каталога для саморазвитія, который печатался на гектографѣ, и тому подобное.

Младшаго Теплова въ классѣ прозвали бабушкой за его разсудительность и даже ворчливость, а Зубова—чижикомъ. Онъ былъ говорунъ и весельчакъ, любилъ лазить по деревьямъ и продѣлывать разныя головокружительныя штуки. Особенно ему нравилось забраться на высокое дерево, ухватиться за верхушку, которая склонялась низко подъ его тяжестью, и такимъ образомъ опуститься на землю.

Это долго сходило ему благополучно, но однажды обломилась верхушка дерева, онъ упалъ и сломалъ ногу. Мы на рукахъ принесли его въ городъ, и бѣднягѣ пришлось пролежать цѣлый мѣсяцъ съ залитой въ гипсъ ногою.

Тутъ-то, посѣщая больного, мы и сошлись съ нимъ и съ Тепловымъ особенно близко, и я даже узналъ отъ нихъ, что братья ихъ имѣютъ какое-то отношеніе къ тѣмъ, мелькомъ встрѣченнымъ мною, загадочнымъ людямъ, которые были окружены какой-то тайной.

Передъ Пасхой смутно засвѣтилась у меня надежда увидѣть Олечку; но заболѣлъ ея дѣдъ, и все семейство Кропотова поѣхало на Свѣтлый праздникъ въ деревню.

Никогда мнѣ не было такъ трудно учиться и вообще справляться съ собою, какъ въ это время; пробивалась первая трава и цвѣты за городомъ, а на Волгѣ начинался ледоходъ.

Отъ неподвижнаго сидѣнья въ классѣ у меня кружилась голова, особенно въ свѣтлые дни, когда на подоконникѣ, съ надутыми зобами взадъ и впередъ, воркуя, ходили дикіе голуби, и солнце сіяло на ихъ гладкихъ сизыхъ спинкахъ, отливавшихъ радужными переливами.

Хотѣлось въ лодку, да на Зеленый островъ, гдѣ съ запахомъ фіалокъ сливается дыханіе согрѣтой солнцемъ земли, талаго снѣга и вѣтра, который вмѣстѣ съ птицами прилетѣлъ оттуда, гдѣ вся земля вѣчно благоухаетъ, какъ цвѣтокъ.

Раза два за это время мнѣ удалось вырваться на волю и прокатиться съ товарищами на Зеленый островъ. Было любо выгребать до кровавыхъ мозолей на рукахъ противъ теченія, среди изъѣденныхъ, какъ соты, льдинъ, мимо пахнувшихъ свѣжимъ деревомъ плотовъ и неуклюжихъ бѣлянъ; перерѣзать отъ садковъ волжску стрежню, каждую минуту рискуя налетѣть на острую льдину или на канатъ баржи и пойти ко дну. А потомъ, добравшись до острова, съ затопленными на низинахъ деревьями, верхушки которыхъ дрожатъ надъ водой съ налившимися рубиновыми почками, развести тамъ костеръ, скипятить чай, а то такъ и поѣсть рыбачьей ухи. На зарѣ соловьи сходятъ съ ума и заливаютъ тишину такими трелями, что воздухъ кажется наполненъ разсыпающимся звѣзднымъ золотомъ, звономъ жемчуговъ и хрусталя, льющагося изъ прозрачной синевы неба.

— Олечка, Олечка, вспоминаешь ли ты меня?—шепталъ я, глядя на звѣзды, на рѣку, на пробудившіяся деревья, точно она была во всемъ свѣтломъ и радостномъ, что окружало меня.

Возвращались домой ночью, стремительно быстро неслись по теченію среди льдинъ, но Богъ хранилъ насъ.

Послѣ этихъ прогулокъ какъ-то бодрѣе входили въ учени-

ческое ярмо. Но вотъ я выдержалъ экзаменъ и перешелъ во второй классъ.

Отпустили.

За мной заѣхалъ кривой работникъ Семенъ и повезъ въ Курдюмъ къ Васѣ Купцову.

Я бы могъ доѣхать до этой станціи по желѣзной дорогѣ въ десять разъ скорѣе, но въ телѣгѣ, на душистомъ сѣнѣ, съ Семеномъ несравненно пріятнѣе. Ужъ сколько разъ я ѣздилъ съ нимъ такъ весною и осенью, и каждый разъ воспоминаніе объ этихъ поѣздкахъ сохранялось въ душѣ, какъ пѣсня.

Особенно хорошо ѣхать осенью, ночью, на возу съ яблоками, которыя буфетчикъ отправляетъ изъ своего сада въ городъ.

Я не знаю, у всѣхъ ли такъ, но когда я вспоминаю себя мальчикомъ, я представляю себя какъ будто внѣ себя, внѣ того, что̀ я сейчасъ.

Вотъ одно изъ первыхъ моихъ воспоминаній: по проселочной дорогѣ, ночью скрипитъ возъ, на возу, подъ мужицкимъ рядномъ лежитъ мальчикъ пяти или шести лѣтъ. Крѣпко пахнутъ подъ нимъ яблоки, крѣпче и сильнѣе, чѣмъ въ осеннемъ саду; кто-то идетъ рядомъ съ возомъ и тихо, уныло поетъ. Мальчикъ слушаетъ пѣсню, смотритъ на звѣзды, и кажется ему, что тамъ наверху садъ; золотыя яблоки дрожатъ на вѣткахъ, иногда одно изъ нихъ срывается и летитъ внизъ. И хочется и не хочется спать. Но къ зарѣ становится холоднѣе. Семенъ заботливо укрываетъ мальчика толстымъ рядномъ и ворчитъ:

— Ишь ты, роса какая. Будетъ дѣло.

Онъ всегда говоритъ какъ-то загадочно, точно что-то знаетъ. У него на все есть свои примѣты и гаданія. И когда срывается звѣзда, онъ качаетъ головой и многозначительно говоритъ:

— Ишь, куда пошла. Знаю, знаю, меня не проведешь.

Если онъ не поетъ, то разговариваетъ съ лошадью, съ колесомъ, къ камнемъ, встрѣчающимся на дорогѣ, даже съ своимъ собственнымъ кнутомъ, но съ людьми разговаривать не любитъ.

— Знаю, знаю, меня не проведешь,—отвѣчаетъ онъ на обращенную къ нему рѣчь.

Даже когда я пытаюсь разговаривать съ нимъ, онъ отвѣчаетъ загадочно и односложно.

Я такъ ясно вижу этого мальчика. Вижу, какъ онъ

начинаетъ задремывать подъ теплымъ рядномъ и наконецъ засыпаетъ. Я даже вижу его лицо и сбившійся на сторону картузикъ.

Неужели это я? Да, я.

И вотъ опять я ѣду съ Семеномъ въ телѣгѣ, съ подостланнымъ подъ сидѣнье сѣномъ. Миновали тюрьму съ желѣзными рѣшетками, изъ-за которыхъ виднѣются сѣрыя, измученныя лица. Семенъ мигаетъ единственнымъ глазомъ въ ту сторону и бормочетъ про себя:

— Была птица на вѣткѣ, сидитъ птица въ клѣткѣ.

— За что?—спрашиваю я.

— За пыхто,—безсмысленно отвѣчаетъ Семенъ.

Но мнѣ въ этомъ нелѣпомъ словѣ чудится какой-то намекъ на то, чего я не знаю, а Семенъ знаетъ.

За городомъ выселки, монастырь, кладбище, гдѣ схоронены отецъ и мать. Еще не прошло года послѣ похоронъ, а мнѣ представляется, что это было давно. И вѣрно оттого нѣтъ въ душѣ моей настоящей скорби объ умершихъ. А, можетъ быть, и оттого это, что я весь полонъ радостью освобожденія, и что вокругъ такъ свѣтло и просторно.

Вьется дорога среди свѣжихъ зеленей и черныхъ квадратовъ земли, оставленныхъ подъ паромъ. На дорогѣ нищій сидитъ съ жестяной чашкой, сверкающей отъ налившаго ее до краевъ солнечнаго свѣта. На днѣ чашки темнѣютъ мѣдные мужицкіе грошики. Вмѣсто глазъ у нищаго темныя впадины, и тянетъ онъ гнусавую мольбу. А вверху заливаются жаворонки, проходятъ облака, и иногда тѣнь отъ облаковъ скользитъ по зеленямъ, по черному пару, по дорогѣ и оживляетъ все еще болѣе, какъ легкая мимолетная улыбка.

Когда хочется ѣсть, мы ѣдимъ крашеныя, оставшіяся отъ Пасхи, яйца, которыми запасся и на мою долю Семенъ.

Семенъ бережетъ лошадь, и мы не очень торопимся, но, приближаясь къ дому, она сама увеличиваетъ рысь, и скоро передъ нами открывается водокачка на маленькой рѣчушкѣ, поемные луга, а тамъ и станція Курдюмъ.

Въ верстѣ отъ него на холмѣ бѣдное село Зеленкино. Въ этомъ Зеленкинѣ у меня пріятель, съ которымъ мы вмѣстѣ ловимъ рыбу, волостной писарь Павелъ Васильевичъ. Онъ боленъ чахоткой.

— Живъ ли Павелъ Васильевичъ?—спрашиваю я Семена.

— Живъ-то живъ, да житья-то нѣтъ,—загадочно отвѣчаетъ

Семенъ. Но на этотъ разъ не выдерживаетъ, и изъ его полусловъ и намековъ я все-таки, въ концѣ концовъ, догадываюсь, что моего друга засадили въ острогъ за какія-то книжечки, которыя онъ раздавалъ народу.

Я насторожился. Вспомнился Ермолай и книжечки, которыя я видѣлъ у него.

— Какія книжечки?—спросилъ я.

Семенъ поднялъ кнутъ, подмигнулъ зрячимъ глазомъ:

— А такія,—и помахалъ передъ носомъ кнутомъ.

— Какія такія?

— Про дядю Акакія и про дѣла всякія.

Какъ ни странны были эти отвѣты, но я рѣшилъ, что это именно тѣ самыя книжечки, о которыхъ я думалъ. Мое предположеніе подтвердили еще болѣе загадочныя рѣчи, которыя онъ повелъ съ своимъ кнутомъ:

— Вотъ ты кнутъ и для того предназначенъ, чтобы лошадь погонять, а лошадь, вотъ ты предназначена для того, чтобы возить. А вотъ ты, мужикъ,—ткнулъ онъ себя въ грудь кнутомъ,—ты предназначенъ для того, чтобы землю пахать.

Лошадь обогнула внизу мостъ, висѣвшій надъ рѣчушкой, въ изрытыхъ берегахъ которой мы ловили руками раковъ, и ужъ совсѣмъ весело побѣжала къ небольшому домику буфетчика, который стоялъ въ сторонѣ, недалеко отъ станціи.

Къ домику примыкалъ большой садъ, въ которомъ уже отцвѣли фруктовыя деревья, но земля еще была покрыта, точно снѣгомъ, свѣянными бѣлыми лепестками.

Вася Купцовъ выбѣжалъ навстрѣчу намъ съ лохматой собачонкой, которая радостнымъ лаемъ привѣтствовала своихъ. Его мать, сколько я ее помню, всегда лѣтомъ беременная, съ блюдомъ горячихъ пирожковъ шла къ вокзалу, куда вотъ-вотъ долженъ былъ подойти поѣздъ.

На ходу здороваясь со мною, она подставила мнѣ щеку съ коричневыми родильными пятнами.

— У, какъ ты выросъ, Павликъ! Только худенькій. Ну, да у насъ поправишься. Возьми-ка пирожокъ.

Вася тоже потянулся за пирожкомъ.

— Нечего баловаться, ты уже ѣлъ.

И буфетчица, переваливаясь, понесла пирожки для пассажировъ.

Протяжный свистокъ поѣзда донесся издали, и струйка пара закружилась въ воздухѣ. Черный гремящій поѣздъ ворвался въ тишину окружающихъ полей и помчался къ станціи.

— Побѣжимъ къ поѣзду,—предложилъ Вася.

У меня еще ноги были не свои отъ долгаго пути въ телѣгѣ, но я не могъ устоять: соблазняло посмотрѣть станцію, гдѣ всѣ были знакомы, начиная отъ начальника до послѣдняго сторожа. Кусая по пути горячій пирожокъ, подпрыгивая, чтобы размять ноги, я побѣжалъ съ нимъ, слушая на ходу его торопливые разсказы.

У него была удивительная способность разсказать сразу столько, что другому хватило бы на цѣлый день. Все это, правда, были мелочи, но онѣ быстро связывали меня съ той жизнью, которой я жилъ здѣсь лѣтомъ въ прошломъ году и раньше.

На мельницѣ прорвало плотину: ушло въ яръ много воды и рыбы, которую зеленкинскіе мальчишки ловили руками. Чуднѣе всего, что поймали трехъ линей, плотву и пару окуней, которыхъ я въ прошломъ году упустилъ на куканѣ. Такъ съ куканомъ ихъ и поймали.

Въ лугахъ въ нынѣшнемъ году много борщевниковъ, вкусной, сочной травы, стебли которой мы съ наслажденіемъ ѣли.

Изъ Зеленкина писаря отправили въ больницу; а потомъ въ Зеленкинѣ былъ пожаръ: сгорѣла изба и гумно урядника; пріѣзжалъ самъ губернаторъ...

Поѣздъ былъ уже на станціи, когда мы прибѣжали на платформу. Отъ паровоза шелъ знакомый запахъ дыма и торфа; пассажиры бѣгали взадъ и впередъ, жуя и облизываясь на ходу; изъ-за вагонныхъ стеколъ рисовались незнакомыя лица, и меня изумляло, что столько народа ѣздитъ взадъ и впередъ.

Путь отсюда шелъ на Москву и дальше. До Москвы было двое сутокъ ѣзды, но это представлялось очень далеко. Москва и Петербургъ, эти два имени, звучали какъ-то особенно заманчиво, и на тѣхъ, что ѣхали туда, я смотрѣлъ, какъ на необыкновенныхъ счастливцевъ.

У одного изъ вагоновъ, съ стеклами, оплетенными желѣзными рѣшетками, толпилось довольно много народа. Мы бросились туда, и я сразу обмеръ, увидѣвъ за окномъ знакомое лицо.

— Никодимъ Павловичъ!—вырвался у меня крикъ.

Худое лицо съ живыми бровями нервно обернулось на мой крикъ.

Онъ узналъ меня, даже улыбнулся въ отвѣтъ и кивнулъ головой, какъ бы подзывая къ себѣ. Я хотѣлъ броситься къ рѣшеткѣ, но жандармъ тяжелой рукой поймалъ меня за плечо и оттолкнулъ прочь, такъ что я чуть не полетѣлъ. Поѣздъ за-

хлестнулъ меня свистомъ, задымилъ ѣдкимъ дымомъ и тронулся съ тяжелымъ стономъ: ахъ, ахъ, ахъ...

Я стоялъ, разинувъ ротъ, съ внезапно запекшей мнѣ горло горечью.

Въ концѣ лѣта я встрѣтился съ Олечкой. Встрѣча эта была такъ же неожиданна и еще болѣе печальна. Печально началось, печально и окончилось, и какъ будто совсѣмъ не было этого быстро промелькнувшаго веселаго лѣта.

За это лѣто я окрѣпъ и поправился у добрыхъ, хорошихъ людей, которые привѣчали меня у себя, несмотря на то, что сами были далеко не богаты, а дѣтей много и въ домѣ тѣсно. Не помню случая, чтобы они чѣмъ-нибудь меня отличали отъ своихъ, и это дѣлалось не только изъ справедливости и деликатности, а просто, у нихъ иначе не могло и быть. И наказывали меня за провинности такъ же, какъ и своихъ дѣтей, и также заставляли гдѣ надо работать.

Помимо буфета, Васинъ отецъ держалъ также почту, то-есть лошадей для казенныхъ и иныхъ надобностей. На этихъ лошадяхъ мы не только катались, но и купали и чистили ихъ, и водили въ ночное. Помогали и по дому, и по буфету, и у насъ съ Васей было даже нѣчто въ родѣ соревнованія, когда мы съ блюдами, полными горячихъ пирожковъ, бросались въ вагоны и каждый старался продать какъ можно больше. Дѣлали мы это очень охотно, и насъ очень забавляла эта торговля.

Наканунѣ самаго отъѣзда изъ Курдюма, мы съ Васей въ послѣдній разъ собрались продавать пирожки. Это было особенно интересно, такъ какъ отецъ его объявилъ намъ, что всю выручку отъ продажи пирожковъ мы получимъ на этотъ разъ себѣ въ награду за трудъ.

Для меня это было очень кстати, такъ какъ я потерялъ надежду получить что-нибудь еще изъ своихъ денегъ отъ старухи. Она, очевидно, проиграла ихъ. А мнѣ надо было имѣть иногда мелочь, хотя бы для того, чтобы купить гостинецъ брату и сестрѣ.

Правда, при встрѣчѣ со мной, мнѣ всегда совалъ въ руку какую-нибудь монету Хрисанѳъ Андреевичъ, а то и Петръ, но мнѣ стыдно было брать отъ нихъ эти подачки.

Поѣздъ изъ Москвы приходилъ вечеромъ, когда загорались станціонные огни и подходившіе вагоны мигали имъ огнями изъ оконъ.

Въ вагонѣ перваго класса рѣдко брали пирожки. Но мой путь начинался нынче именно со стороны перваго класса.

Ничего: мнѣ нравилось пробѣжать по мягкому ковру красиваго вагона и по пути касаться руками гладкаго, краснаго полированнаго дерева.

Темный бархатъ диванов, вычищенная мѣдь, смѣшанный запахъ духовъ и пыли; шелкъ и перья дамскихъ нарядовъ и чужія интересныя лица, которыхъ я, можетъ быть, никогда не увижу, все это нравилось мнѣ и привлекало меня.

— Горячіе пирожки! горячіе пирожки! — звонко предлагалъ я, заглядывая въ купэ, освѣщенныя блѣдными лампочками; но чаще всего на бархатныхъ мягкихъ подушкахъ полулежали тамъ одинокія скучающія фигуры, которыя досадливо отмахивались отъ меня.

— Мальчикъ, сюда пирожки!—услышалъ я женскій голосъ изъ глубины корридора.

Голосъ показался мнѣ знакомымъ, но прежде, чѣмъ я успѣлъ его вспомнить, ноги примчали меня съ блюдомъ пирожковъ къ открытому купэ, гдѣ стояло цѣлое семейство.

Только очутившись около нихъ, я сразу всѣхъ узналъ и обомлѣлъ: Дарья Николаевна, Олечка, Миша и Константинъ, всѣ они были предо мною, и не успѣлъ я еще опомниться, какъ Миша изумленно воскликнулъ:

— Да вѣдь это Паша!

Смѣхъ Константина привѣтствовалъ это открытіе.

— Такъ, такъ, господинъ сочинитель торгуетъ пирожками. Вотъ это дѣло болѣе подходящее для него.

Дарья Николаевна не сказала ничего, но глядѣла на меня вопросительно, почти строго, точно я, ея воспитанникъ, оскорбилъ ее однимъ своимъ появленіемъ въ такой роли.

Взглянувъ на Олечку, я увидѣлъ, какъ она, покраснѣвъ, во всѣ глаза глядѣла на меня, точно не вѣря себѣ, и въ этихъ глазахъ былъ и стыдъ за меня, и укоръ, и смущеніе.

Все погибло!—хлестнула меня жестокая мысль. Не зная самъ, что говорю, я пробормоталъ, кивнувъ на пирожки и жалко улыбаясь:

— Это я нарочно.

Такими словами я хотѣлъ внушить, что не изъ разсчета и не по какимъ-нибудь корыстнымъ побужденіямъ занимаюсь этой торговлей, а скорѣе изъ шалости, но меня не поняли.

— Что нарочно?—съ недоумѣніемъ спросилъ меня Миша.

— А это, вѣрно, у него пирожки съ начинкой изъ нарочно,—издѣвался Константинъ.

Дарья Николаевна неодобрительно качала головой.

У меня задрожали руки, и блюдо съ пирожками упало на коверъ и потому не разбилось. Я хотѣлъ сломя голову бѣжать, но меня остановилъ окрикъ Константина:

— Подбери же свой товаръ!

Растерянный, я машинально повиновался и, ползая у ногъ ихъ по затертому и запыленному ковру, собиралъ въ блюдо пирожки. Я не слышалъ, какъ прозвонилъ третій звонокъ, но Константинъ опять скомандовалъ мнѣ:

— Уходи. Поѣздъ сейчасъ тронется.

И я такъ же машинально бросился бѣжать по корридору съ блюдомъ въ рукахъ.

На самомъ дѣлѣ поѣздъ уже тронулся.

Мнѣ не разъ случалось прыгать такимъ образомъ на ходу, но, очутившись на площадкѣ, я почувствовалъ такую острую боль обиды и отчаянія, что у меня мелькнула мысль броситься подъ поѣздъ. Но тутъ оберъ-кондукторъ, молодцовато вскочившій на площадку, крикнулъ:

— Ты что тутъ застрялъ, Мишукъ?—и, подхвативъ меня подъ мышки, выставилъ вонъ.

Я не удержался, упалъ, блюдо мое разбилось о деревянную платформу, а пирожки разлетѣлись во всѣ стороны.

Когда я поднялъ голову и взглянулъ вслѣдъ пробѣгавшимъ мимо меня вагонамъ, я увидѣлъ высунувшееся изъ окна испуганное личико Олечки.

Не поднимаясь съ грязныхъ досокъ, я съежился, ткнулся въ согнутую руку лицомъ и горько заплакалъ отъ нестерпимаго униженія и безсилія.

Стучалъ уходящій поѣздъ, громыхали буферами вагоны, и мнѣ казалось, что они проходятъ по моему тѣлу всей своей тяжестью и терзаютъ и давятъ меня.

21.

Прошла зима и лѣто, и еще зима.

Я жилъ по-прежнему на средства моихъ благодѣтелей у ихъ родственниковъ. Впрочемъ, послѣдній годъ дочь моей хозяйки, отчаявшись выйти замужъ, приняла наконецъ мѣсто начальницы въ томъ пріютѣ, гдѣ находился мой братъ. И каждый разъ, какъ я навѣщалъ его, онъ тихонько разсказывалъ мнѣ, что пріютскимъ сиротамъ живется еще хуже, чѣмъ раньше, и отъ новой начальницы нѣтъ покоя не только дѣтямъ, но и служащимъ.

За все это время я лишь мелькомъ видѣлъ раза два Олечку, да и то въ послѣдній годъ. А раньше избѣгалъ ее изъ стыда и сознанія своего униженія, которымъ я навсегда уронилъ себя въ ея глазахъ.

Напрасно я увѣрялъ себя, что ничего постыднаго въ томъ, что я продавалъ пирожки, не было. Я даже много разъ собирался ей написать объ этомъ письмо, но гдѣ-то въ душѣ укрѣпилось сознаніе, что никакія объясненія, никакія письма не помогутъ. Я прочелъ тогда свой приговоръ въ ея глазахъ, полныхъ стыда за меня и за свое чувство, обращенное на такого недостойнаго, какъ я, человѣка.

Новый ударъ подтвердилъ мое скорбное предположеніе: пріѣхавъ опять домой на рождественскіе праздники, Олечка потребовала у Эди нашъ договоръ. Онъ обратился за разрѣшеніемъ ко мнѣ. Обида сжала мнѣ сердце, но я сдѣлалъ видъ, что мнѣ это безразлично, и поспѣшилъ сказать:

— Конечно, верни ей эту смѣшную бумажку.

Эди принялъ мой отвѣтъ, какъ должное и, по счастью, ни о чемъ не сталъ меня разспрашивать: самъ онъ пережилъ періодъ увлеченій и относился теперь къ дѣвочкамъ презрительно и свысока.

Но мое сердце было глубоко уязвлено Олечкой. И въ тишинѣ и въ тьмѣ ночей я проливалъ не мало слезъ. Горе мое не умѣряло даже сознаніе, что не я, а она недостойна моей любви, разъ могла разлюбить изъ-за такого ничтожнаго обстоятельства.

Утрата оказывалась очень тяжелой, и я чувствовалъ себя послѣ этого совершенно осиротѣвшимъ. Но ученіе мое не пострадало отъ этого, а наоборотъ, выиграло. Я рѣшилъ во что бы то ни стало доказать измѣнницѣ, что она, въ концѣ концовъ, раскается въ своемъ вѣроломствѣ, и скоро сталъ въ классѣ первымъ. Однако, въ моемъ усердіи къ наукѣ вовсе не было любви, тѣмъ болѣе, что я разочаровался въ моей надеждѣ научиться въ гимназіи писать разсказы и стихи. То, что здѣсь называлось сочиненіями, вовсе не было похоже на тѣ сочиненія, тайну творчества которыхъ я желалъ бы постичь.

Какъ и предсказывалъ отецъ Эди, послѣ перваго марта стало еще хуже, и даже мы почувствовали стѣсненіе и гнетъ.

Нашъ добрый старикъ директоръ, котораго никакъ нельзя было заподозрить въ сочувствіи тѣмъ, кого онъ называлъ злодѣями, былъ удаленъ, какъ всѣмъ стало извѣстно, за либерализмъ, и на его мѣсто назначили человѣка съ холоднымъ и

жесткимъ сердцемъ, съ тупой ненавистью ко всему, что̀ выходило за предѣлы узкихъ школьныхъ рамокъ.

Черный, приземистый, съ острымъ шныряющимъ взглядомъ и рѣзкимъ сухимъ голосомъ, онъ сразу произвелъ на всѣхъ дурное и даже нѣсколько жуткое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе упрочивалось съ каждымъ днемъ, такъ какъ съ каждымъ днемъ все безпощаднѣе и язвительнѣе отзывалось его давленіе и на ученикахъ, и на учителяхъ.

Уже при переходѣ въ третій классъ мы не встрѣтили нѣкоторыхъ, особенно любимыхъ нами преподавателей, а на мѣсто ихъ были назначены бывшіе его сослуживцы, люди подъ стать ему.

Товарищескіе кружки закрылись, и совмѣстное чтеніе строго преслѣдовалось. Что казается ученическаго журнала, онъ былъ прекращенъ при первомъ же вступленіи новаго директора въ наши стѣны, и началось гоненіе на неимущихъ учениковъ.

Реакція была въ полномъ разгарѣ. Общее угнетенное настроеніе отражалось и на школѣ. Даже до насъ, младшихъ школьниковъ, дошелъ слухъ о какомъ-то министерскомъ циркулярѣ, въ которомъ преслѣдовались «кухаркины дѣти». Скоро мы убѣдились, что̀ такой циркуляръ дѣйствительно существуетъ.

Одинъ изъ бѣдныхъ учениковъ въ нашемъ классѣ явился въ гимназію въ сшитыхъ ему матерью брюкахъ, не совсѣмъ подходящихъ къ установленному цвѣту.

— Это что такое?—набросился на него директоръ передъ всѣмъ классомъ, устремляя пронзительный взглядъ на неуклюжія панталоны.

Тотъ не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Какія на васъ брюки-съ?—продолжалъ онъ, тыча пальцемъ на преступную часть формы.

— Суконныя.

— Я васъ не о названіи матеріи спрашиваю-съ. Но какъ вы смѣли явиться въ брюкахъ не установленной формы и цвѣта?

— У него бѣдные родители,—попробовалъ вступиться за товарища Эди.—Отецъ его сапожникъ.

— Молчать!—прикрикнулъ на заступника директоръ.—Какъ вы смѣете разговаривать, когда васъ не спрашиваютъ! Если у него отецъ сапожникъ и не можетъ ему сшить установленной формы, такъ ему нечего и учиться въ гимназіи. Пусть и онъ будетъ сапожникомъ.

Эта логика ошеломила насъ, и классъ нашъ долго, но безплодно волновался по этому поводу. Съ каждымъ днемъ та-

кихъ поводовъ становилось все больше. Бѣдные, низкаго происхожденія ученики не только преслѣдовались, но и изгонялись изъ училища.

Отчасти потому, что я хорошо учился, а главное, что я былъ подъ покровительствомъ извѣстнаго въ городѣ лица, меня до поры до времени миновали начальственныя придирки. Но вотъ и мнѣ пришлось потерпѣть самымъ неожиданнымъ образомъ.

Дано было написать сочиненіе о вліяніи осени на настроеніе или что-то въ этомъ родѣ. И я написалъ это сочиненіе стихами.

Мнѣ случалось и прежде писать стихи, но это были чаще всего шутки на товарищей и учителей: начавши ученическое сочиненіе прозой, я увлекся и какъ-то незамѣтно перешелъ на стихи.

Новый директоръ нерѣдко присутствовалъ въ классѣ на урокахъ и провѣрялъ тетрадки учениковъ по разнымъ предметамъ. И на этотъ разъ онъ присутствовалъ въ классѣ, когда возвращались ученикамъ тетрадки съ сочиненіями. Моя тетрадь осталась, но я былъ спокоенъ: случалось, что учитель словесности и раньше оставлялъ мою тетрадь, чтобы прочесть передъ классомъ сочиненіе мое, какъ образцовое.

Я видѣлъ, какъ директоръ и словесникъ переглянулись, и скрипучій директорскій голосъ угрожающе вызвалъ меня.

Я подошелъ къ каѳедрѣ.

— Это что такое-съ?—спросилъ онъ меня, впиваясь въ лицо мое тяжелымъ холоднымъ взглядомъ.

Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на мою тетрадь. Мнѣ пришла въ голову мысль, что директоръ подозрѣваетъ меня въ томъ, что я выдаю чужіе стихи за свои.

— Мое сочиненіе,—отвѣтилъ я.

— Это не сочиненіе-съ, а стихи,—строго оборвалъ онъ меня.—Извольте получить вашу тетрадь. Намъ нужны не сочинители, а ученики.

Я взглянулъ въ тетрадь: тамъ стояла единица. Такимъ образомъ второе мое выступленіе на поприще, о которомъ я мечталъ съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ, окончилось для меня очень печально.

Душно становилось въ гимназіи, еще душнѣе дома. Тѣ обиды и оскорбленія, которыя я сносилъ терпѣливо, когда былъ меньше, теперь невыносимо уязвляли меня. Тогда мнѣ помогало дѣтское сознаніе, что я переношу ихъ во имя любви своей къ Олечкѣ, а теперь и этого утѣшенія не было.

Я уже перешелъ въ четвертый классъ, а старуха все смотрѣла на меня, какъ на ребенка, и по-прежнему не стѣснялась со мной. И вотъ насталъ день, когда я уже не могъ стерпѣть слишкомъ оскорбительной для меня обиды.

Въ этотъ день у старухи обѣдала дочь, продолжавшая оставаться начальницей пріюта. Я, по обыкновенію, приносилъ, что приказывали изъ кухни. Послѣднимъ блюдомъ была малина съ молокомъ.

— Почемъ вы покупаете?—спросила у матери дочь.

— По десяти копеекъ,—отвѣтила старуха.—Такъ по крайней мѣрѣ онъ купилъ на базарѣ.

— Ну, конечно,—рѣшила дочь, презрительно и ѣдко глядя на меня.—Онъ покупаетъ по десяти, а мы покупаемъ по восьми. Старая исторія.

Въ рукахъ у меня была бадейка съ молокомъ и чашка съ малиной.

— Что значитъ старая исторія?—спросилъ я, чувствуя, что начинаю блѣднѣть.

— Та, что ты утаилъ денежки.

Такія подозрѣнія были для меня не новы. Мнѣ всегда раньше приходилось опровергать ихъ, и это не трудно было сдѣлать и теперь. Но въ эту минуту у меня не было силъ совладать съ собою. Что-то жгучее и колкое ударило мнѣ въ голову. У меня задрожали ноги и руки. Не помня себя, я поднялъ то, что у меня было въ рукахъ надъ головой, и въ изступленіи грохнулъ все это изо всей силы объ полъ.

Черепки вмѣстѣ съ брызгами молока и ягодами малины подскочили и обрызгали ихъ и меня самого, и всю комнату.

Ошеломленныя, поблѣднѣвшія, разинувъ рты, обѣ испуганно вытаращили на меня глаза, несомнѣнно думая, что я внезапно сошелъ съ ума.

Мною на самомъ дѣлѣ овладѣлъ припадокъ безумнаго бѣшенства. Я изо всей силы ударилъ ногою столъ, и онъ отлетѣлъ къ стѣнѣ, и вся посуда со звономъ упала, разбиваясь объ полъ. Я почувствовалъ въ себѣ неистовую силу, и, если бы онѣ вздумали бороться со мной, я бы, навѣрно, поколотилъ ихъ обѣихъ.

Но обѣ, оцѣпенѣвъ отъ ужаса, глядѣли, какъ я, дрожа, топалъ ногами, что-то кричалъ и вдребезги разбивалъ подкатывавшіяся мнѣ подъ ноги тарелки.

Въ припадкѣ того же изступленія, я наконецъ выскочилъ изъ этихъ ненавистныхъ мнѣ тѣсныхъ стѣнъ и, не помня себя, безъ шапки, бросился вонъ.

Какъ безумный, я бѣжалъ средь бѣла дня по улицѣ, дрожа и плача, и проклиная. Кто-то пытался задержать меня, слышались полицейскіе свистки, но я вырывался, бѣжалъ безъ оглядки, самъ не зная, куда...

Я опомнился у Эди. Какъ я попалъ туда? Уже послѣ мнѣ разсказали, что я прибѣжалъ къ нимъ и упалъ безъ чувствъ.

Когда я очнулся, надо мной стояла мать Эди, въ своемъ бѣломъ больничномъ балахонѣ, и отецъ его. Пахло какими-то лѣкарствами.

Я сначала ничего не соображалъ. Но скоро вспомнилъ и заплакалъ.

Эти слезы были уже не тѣ, что раньше.

Оба стали успокаивать меня, но мнѣ было стыдно этихъ слезъ и всего, что я натворилъ.

— Я не виноватъ. Онѣ меня довели до этого,—вырвалось у меня сквозь слезы.

— Хорошо, хорошо, вы все послѣ разскажете намъ.

Но я не могъ откладывать. Стараясь подавить облегчавшія меня рыданія и слезы, я въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ имъ все, что было.

Лицо Эди, встревоженное, съ полными слезъ глазами, появилось въ дверяхъ. Ему до этой минуты не разрѣшалось войти. Но онъ стоялъ за дверью и все слышалъ. И сейчасъ не выдержалъ и вбѣжалъ въ комнату.

— Ты не вернешься туда!—выкрикивалъ онъ дрожащимъ голосомъ и сжимая кулаки.—Ты останешься у насъ!

Онъ бросился ко мнѣ, сѣлъ рядомъ со мной на постель и, обнявъ меня, плакалъ вмѣстѣ со мною.

Его отецъ и мать горячо разговаривали по-англійски въ сторонѣ. И, когда Эди взволнованно обратился къ нимъ:

— Не правда ли, мы оставимъ его у себя?

Они кивнули головой съ такимъ видомъ, точно иначе не могло быть.

Это участіе тронуло меня; но оно же и подняло мои силы и укрѣпило рѣшеніе, которое вспыхнуло во мнѣ, какъ огонь.

Я всталъ съ постели, вытеръ послѣднія слезы на глазахъ.

— Благодарю васъ,— отвѣтилъ я.—И тебя, Эди, благодарю. Ты хорошій другъ. Но я рѣшилъ, и такъ будетъ. Я никогда больше, никогда не буду жить у другихъ, на чужія деньги. Я не хочу больше быть нищимъ.

— Но пока вы можете жить у насъ,—старалась успокоить меня мать Эди.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я пойду на улицу... буду зарабатывать... найду уроки.

— Но ты можешь послѣ намъ отдать то, что̀ будетъ стоить,—пытался убѣдить меня Эди.

Но я упрямо качалъ головой и повторялъ:

— Нѣтъ, нѣтъ.

Тогда отецъ Эди, молча стоявшій въ сторонѣ съ сложенными на груди руками, сдѣлалъ движеніе ко мнѣ и сказалъ серьезно, даже нѣсколько торжественно:

— Браво. Не отговаривайте его. Пусть поступаетъ такъ, какъ долженъ поступить мужчина.—Онъ протянулъ мнѣ свою красивую твердую руку, и крѣпкое дружеское пожатіе этой руки еще болѣе придало мнѣ силы.

Мнѣ захотѣлось поцѣловать эту руку, но я удержался и, отвѣтивъ на это пожатіе, какъ-то ново для меня самого зазвенѣвшимъ голосомъ сказалъ:

— Спасибо вамъ. Спасибо!

Я больше не могъ говорить отъ волненія: я боялся, что опять прихлынутъ слезы. Это ужъ была бы слабость. Я оглянулся вокругъ, ища свою фуражку.

— Что ты ищешь?—спросилъ меня Эди.

Я сказалъ.

— Но ты прибѣжалъ безъ шапки.

— Такъ дай мнѣ покуда твою,—просто обратился я къ Эди.

Эди растерянно смотрѣлъ то на отца, то на мать. Ему не хотѣлось такъ отпускать меня.

Но отецъ только сдѣлалъ жестъ рукой, и Эди повиновался.

— Фуражка у меня въ передней.

Я простился. Эди проводилъ меня до дверей.

— Приходи хоть нынче ночевать,—не выдержалъ онъ.

Я съ нѣжностью пожалъ ему руку и сказалъ:

— Нѣтъ, спасибо. У меня есть гдѣ.

И вышелъ на улицу.

Ночевать у меня негдѣ было, но объ этомъ я покуда не безпокоился. Найду гдѣ-нибудь уголъ, а тамъ достану урокъ. Не пропаду.

И меня охватило радостное, гордое сознаніе свободы. Было не страшно, а весело и ново, и самъ себѣ я былъ новъ и радостенъ.

И новыми и радостными глазами я глядѣлъ на родной мнѣ городъ, на знакомыя мнѣ зданія, на тихое предвечернее движеніе людей и экипажей. Небо было въ пурпурѣ и золотѣ отъ

зари, и въ золотѣ стояли осеннія деревья, съ которыхъ медленно падали иногда увядшіе листья и яркими пятнышками свѣтились подъ ногами въ пыли.

Я шелъ къ Волгѣ, почти у самыхъ водъ которой я родился и которая знала всѣ мои радости и огорченія. Было необычно для осенняго вечера тепло и тихо, и мнѣ захотѣлось выкупаться.

Я ушелъ вдаль отъ пароходныхъ пристаней, отъ береговой осенней суеты и, раздѣвшись, смѣло бросился въ воду и поплылъ.

Вода была свѣжа, даже холодна, но, когда я вышелъ на берегъ и одѣлся, все тѣло мое наполнилось крѣпкой свѣжестью и бодростью. Точно въ этихъ быстро бѣгущихъ струяхъ остался послѣдній прахъ прошлаго, ѣдкая пыль той затхлости и неволи, въ которой я прожилъ цѣлыхъ три года.

Послѣдніе отблески заката золотыми переливами скользили по водѣ, но уже сѣренькія осеннія сумерки, какъ пепелъ, падали съ востока и гасили ихъ.

Опрокинутая лодка лежала на берегу, и я весело подумалъ, что, если не удастся мнѣ нынче найти уголъ, я заночую подъ ней...

Гдѣ-то далеко тяжело и упруго заревѣлъ пароходъ; другой въ разрѣзъ отвѣтилъ ему. И это меня развеселило и взбодрило. Я шутливо принялъ этотъ ревъ, какъ вызовъ какихъ-то чудовищъ, которыя хотятъ напугать меня.

— Не боюсь, ничего не боюсь...—отвѣтило все во мнѣ.

Я повернулъ къ городу и легко и спокойно сталъ подниматься въ гору.

А. Ѳедоровъ.

ИЗЪ ОСЕННИХЪ МЕЛОДІЙ.

—

Уходящее лѣто золотится въ уборѣ багряномъ,
Мѣрно плещется море, припавши къ объятьямъ земли,
И въ широкомъ просторѣ, развернувшись угломъ, караваномъ
Съ несмолкающимъ крикомъ несутся на югъ журавли.

Между сосенъ повисла разноцвѣтная ткань паутины,
По утрамъ надъ землею дымится прозрачный туманъ,
И воздушныя краски столько разъ ужъ знакомой картины
Вновь ожили и встали, какъ свѣтлый и нѣжный обманъ...

Снова ясный уходъ безъ борьбы, безъ тоски и страданія,
Снова смерть—только отдыхъ—глядитъ изъ померкнувшихъ вѣждъ...
И какъ было, такъ будетъ! Красота и покой умиранья
Дастъ начало для новыхъ, прекрасныхъ и свѣтлыхъ надеждъ...

Вѣра С.

ВЪ СНѢГАХЪ.

I.

Сергѣй Николаевичъ Струнницынъ крупными шагами ходилъ по кабинету, съ нетерпѣніемъ посматривая на бронзовые часы empire на каминѣ.

Ровно въ 11 ч. онъ обѣщалъ пріѣхать на постройку, а въ 1 часъ дня у него дѣловой завтракъ у Кюба.

А тутъ этотъ консиліумъ, эти доктора.

Удивительный народъ. На точность ихъ никогда нельзя разсчитывать. Впрочемъ, надо быть справедливымъ. Профессія такая... Не съ желѣзо-бетономъ, не съ кирпичемъ имѣютъ дѣло... Что можетъ быть несноснѣе больного человѣка вообще... и больной женщины въ частности.

И сталъ думать о женѣ, о ея болѣзни, о суетѣ послѣднихъ дней, объ этомъ консиліумѣ, который сейчасъ собирается въ его домѣ...

Вотъ уже больше десяти лѣтъ, какъ онъ женатъ. Ната прихварывала и раньше—съ кѣмъ не случается,—но сейчасъ съ нею творится что-то небывалое до сихъ поръ.

И глубокія морщинки сдвинули его красиво очерченныя брови.

Скоро мѣсяцъ, какъ Наталья Михайловна больна. Недугъ приближался медленно, исподволь и особенно далъ себя знать за послѣднее время.

Началось съ того, что больная лишилась сна, почти перестала ѣсть и сдѣлалась нервной, раздражительной до неузнаваемости.

То цѣлыми днями сидитъ, запершись въ своей комнатѣ, не показываясь знакомымъ, не выходя къ столу, чѣмъ ставитъ мужа, извѣстнаго архитектора, въ неловкое положеніе, такъ какъ у

него нерѣдко бываютъ дѣловые люди и къ обѣду и къ завтраку, а безъ хозяйки дома... какъ-то... не совсѣмъ удобно.

А то вдругъ исчезнетъ съ утра, бродитъ безцѣльно по незнакомымъ улицамъ и домой возвращается измученная, совсѣмъ... обезсиленная.

Пользуетъ Наталью Михайловну домашній врачъ, Степанъ Петровичъ Муринъ, знающій, внимательный, хоть и не старый, но уже довольно извѣстный, а главное—хорошо изучившій организмъ своей паціентки.

Но въ концѣ концовъ и онъ, повидимому, растерялся и сталъ все приписывать нервамъ.

По мнѣнію Сергѣя Николаевича, нервы для того и существуютъ, чтобы на нихъ валить все, когда господа врачи не могутъ распознать болѣзни.

Время отъ времени обращались къ разнымъ спеціалистамъ и, наконецъ, рѣшили пригласить свѣтило науки, извѣстнаго ученаго, профессора по нервнымъ болѣзнямъ.

Профессоръ обѣщалъ быть около 10, а пріѣхалъ въ 11 ч. и вотъ сейчасъ, въ комнатѣ Натальи Михайловны идетъ консиліумъ, а Сергѣй Николаевичъ нетерпѣливо ждетъ у себя въ кабинетѣ.

Профессоръ выслушалъ, выстукалъ, продѣлалъ надъ больной все, что̀ полагается, и пришелъ къ выводамъ, которые и до него были извѣстны, что органы здоровы, а вся суть въ нервахъ, «въ которыхъ вообще кроется причина всѣхъ золъ».

«И этотъ съ нервами»—съ раздраженіемъ подумалъ Сергѣй Николаевичъ, когда врачи перешли для обмѣна мнѣній въ кабинетъ, а потомъ, пригласивъ его, Сергѣя Николаевича, стали излагать результаты своихъ совѣщаній.

— Больная страдаетъ потерей вкуса къ жизни—говорилъ профессоръ. — Болѣзнь довольно частая въ наше переходное время. Подобные субъекты склонны къ самоубійству и нерѣдко кончаютъ имъ.

Предупредивъ супруга обо всемъ, профессоръ сдѣлалъ нѣсколько указаній своему коллегѣ, постоянному врачу больной, назначилъ лѣкарства, получилъ 25 рублей и уѣхалъ, оставивъ карточку съ № своего телефона на всякій случай.

Прошла недѣля послѣ консиліума. Больная все это время усердно лѣчилась: глотала пилюли, пила микстуры, терпѣливо выполняла, по выраженію институтской подруги, Зои Павловны Галаниной, всѣ докторскіе капризы, но улучшенія никакого не замѣчалось, что̀ съ большимъ огорченіемъ констатировалъ, только-что окончившій изслѣдованіе больной, Степанъ Петровичъ.

Раздался звонокъ, и въ передней послышался веселый голосокъ Зои Павловны. Окинувъ бѣглымъ взглядомъ доктора и Наталью Михайловну, она увидѣла, что перемѣнъ никакихъ не произошло за то время, что ея здѣсь не было.

— О чемъ грустите, Степанъ Петровичъ, что Ната? Никакихъ перемѣнъ?

— Къ сожалѣнію,—отвѣтилъ онъ.

— Но надо же что-нибудь дѣлать.

Докторъ, начавшій уже дѣлать карьеру, несмотря на свою относительную молодость, былъ, какъ и всѣ врачи-практики, на которыхъ ихъ профессія накладываетъ извѣстную печать, немножко философъ, немножко скептикъ; на все смотрѣлъ чуть-чуть насмѣшливо. Больше всего не любилъ разговаривать о медицинѣ съ публикой. Онъ счелъ лишнимъ объяснять, что все нужное уже сдѣлано и что подобныя больныя—тяжелое испытаніе, бичъ для врача; и ограничился общимъ мѣстомъ:

— Да. Конечно, надо.

— Профессоръ предложилъ продолжительное путешествіе,—сказала Наталья Михайловна.

— Можетъ быть, кругосвѣтное?—улыбаясь, спросила Зоя Павловна.

— Путешестіе въ подобныхъ случаяхъ—давно испытанное и вѣрное средство.

— Конечно, докторъ, вѣрное. Это и намъ, профанамъ, извѣстно. Но, къ сожалѣнію, не всегда примѣнимое... Я вижу, что господамъ эскулапамъ—простите, докторъ,—тутъ дѣлать нечего и что придется таки мнѣ приняться за тебя, Наталья.

Больная улыбнулась, а докторъ залюбовался на цвѣтущую здоровьемъ вдовушку.

— У меня идея!—продолжала она.—Не улыбайтесь, докторъ, я говорю серьезно.

— Я васъ очень серьезно слушаю.

— Что вы скажете о поѣздкѣ въ Финляндію? Это, конечно, не кругосвѣтное путешествіе, но доступно и, главное, осуществимо немедленно.

— Да. Въ послѣднемъ условіи—за вашей идеей большой плюсъ.

— Не правда ли?—обрадовалась она и, обратившись къ подругѣ, продолжала.—Тамъ ты будешь глотать кислородъ вмѣсто Петербургскихъ бациллъ, пить молоко, вмѣсто докторскихъ микстуръ—еще разъ простите, милый докторъ!

— Не стѣсняйтесь, продолжайте!—улыбнулся онъ.

— И отъ бездѣлья станешь ѣсть и спать за троихъ. Не правда ли? Степанъ Петровичъ? И въ концѣ концовъ такъ осатанѣешь отъ скуки, что влюбишься въ перваго встрѣчнаго синеокаго викинга, въ образѣ... ну хоть бы мѣстнаго лэндсмена.

— Вѣрнѣе въ «убогаго чухонца».

— Не безпокойтесь. Когда поживетъ тамъ мѣсяцъ—другой, то и «убогій чухонецъ» покажется «викингомъ». И къ намъ вернешься неузнаваемой.

— Что же, идея ваша въ общемъ недурна.

— Слушай дальше, Ната!—продолжала Галанина, все больше увлекаясь своимъ планомъ.—Ни книгъ, ни газетъ, ни писемъ отъ милыхъ родственниковъ! Забудь на время, что ты супруга и членъ множества просвѣтительныхъ обществъ. Ха-ха-ха! Купи коньки, лыжи и кати! Не правда ли, докторъ?

— Чудесно. Что вы скажете на это, Наталья Михайловна?

— Мнѣ все равно,—апатично проговорила она.

— Значитъ, дѣло на мази. Ха-ха! Надавите кнопку, она у васъ подъ рукой.

Вошла горничная.

— Баринъ дома?

— Они у себя.

— Попросите сюда.

Вошелъ Сергѣй Николаевичъ, поцѣловалъ руку Галаниной и внимательно сталъ слушать планъ ея. Всегда замкнутый, сдержанный, съ лицомъ, на которомъ трудно было что-нибудь прочесть, онъ сейчасъ же, съ начала изложенія плана Зои Павловны, радостно заулыбался.

— У меня у самого давно мелькала ваша мысль,—сказалъ Струнницынъ.

— Почему же вы ее не высказали?—спросилъ докторъ.

— Ждалъ, что скажутъ спеціалисты.

— Тѣмъ лучше. Значитъ, рѣшено. Кто поѣдетъ съ Натальей Михайловной?

— Конечно, я!

— Но ты такъ занятъ...

— Къ чему эти проводы? Я нахожу ихъ совершенно лишними. Вы оба устали за время ея болѣзни и вамъ необходимо отдохнуть отъ прелестей супружеской жизни. Ха-ха-ха!

— Я могъ бы проводить и устроить Наталью Михайловну, но у меня сейчасъ нѣсколько серьезныхъ больныхъ на рукахъ.

— Спасибо, Степанъ Петровичъ.

— И это лишнее!—запротестовала Зоя Павловна.—Вѣдь и я могла бы проводить Нату. Меня-то ужъ ничто не держитъ.

— Какъ не держитъ? У васъ всегда столько дѣлъ.

— Мои дѣла—не ваши, докторъ. Они терпятъ. Ха-ха! Но, по-моему, ей необходимо побыть одной. Не правда ли, Ната? Поѣзжай одна, совсѣмъ одна.

И вспомнились Натальѣ Михайловнѣ институтскіе годы, когда она съ Зоей сидѣла на одной скамьѣ. Если въ классѣ заваривалась какая-нибудь каша, случалась «исторія»,—всегда выручала Зоя. Когда же приходилось вступать въ переговоры съ начальницей—особой упрямой и чванной, считавшейся только съ тѣми ученицами, родъ которыхъ значился въ «Бархатной книгѣ», тогда безъ Зои, или Волчка—какъ ее звали въ институтѣ за живость ума и характера—ничего нельзя было сдѣлать.

— Такъ согласна, Ната?—спросила опять Зоя Павловна.

— Въ незнакомыя мѣста, какъ-то... жутко...

— Это-то и хорошо. Будетъ прелесть новизны.

— Я не умѣю устраиваться...

— Научишься... А какъ я устраиваюсь? У меня нѣтъ ни мужа, ни такого добраго друга, какъ твой докторъ. А вотъ живу же.

— Что у васъ нѣтъ мужа—въ этомъ вините себя,—умильно глядя на нее, сказалъ докторъ.

— И живется вамъ, кажется, недурно,—улыбнулся Струнницынъ.

— Ничего. Не жалуюсь,—засмѣялась она.—Но вернемтесь къ дѣламъ. Такъ вотъ, Ната, поѣзжай, другъ, одна и безъ вещей. Вещи въ дорогѣ—обуза. Ихъ тебѣ послѣ вышлемъ. Мы тебя проводимъ, усадимъ, благословимъ и... кати съ Богомъ.

— Вамъ бы въ министры, Зоя Павловна!—сказалъ повеселѣвшій Струнницынъ. Перспектива отдохнуть нѣкоторое время отъ больной жены очень улыбалась ему, и онъ, сдержанный, почти суровый Сергѣй Николаевичъ, готовъ былъ на этотъ разъ расцѣловать ручки у Зои Павловны, которую вообще не долюбливалъ за острый язычекъ и... и за многое другое.

Послѣ всесторонняго обсужденія вопроса было рѣшено, что Наталья Михайловна поѣдетъ въ Финляндію одна.

Черезъ два дня ее проводили на вокзалъ.

Когда поѣздъ тронулся, Сергѣй Николаевичъ облегченно вздохнулъ, а Зоя Павловна упорхнула по своимъ, хоть и не важнымъ, какъ она выражалась, но многочисленнымъ дѣламъ.

II.

Поѣздъ мчится быстро. Будни, пассажировъ мало, а въ отдѣленіи Наташи—никого. Она забилась въ уголъ уютнаго и теплаго купэ.

Наконецъ-то она одна! Хорошо ли, худо ли поживется ей потомъ, но сейчасъ она довольна. Она одна и свободно можетъ отдаться своимъ мыслямъ. А подумать есть о чемъ.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ жизнь ея идетъ какимъ-то особеннымъ, страннымъ путемъ, точно направляемая невидимой рукой, помимо ея, Натальи Михайловны, воли и желанія.

Повидимому, почти ничто не измѣнилось. Все идетъ, какъ шло и раньше, по разъ навсегда заведенному порядку, какъ и въ тысячахъ другихъ жизней. Но... это только повидимому... для ненаблюдательнаго глаза. Прошло много дней и безсонныхъ ночей, прежде чѣмъ она замѣтила, такъ сказать, явно ощутила эту перемѣну. Но какъ эта перемѣна произошла, какъ допустила она, чтобы это произошло, уловить теперь ей было трудно.

Жизнь въ большомъ городѣ отнимаетъ такъ много дорогихъ минутъ, уходящихъ на мелочи, пустяки, которые утомляютъ физически, загромождаютъ мысль. Бѣгутъ дни, недѣли, мѣсяцы, и нѣтъ времени вспомнить прожитое, углубиться, заглянуть въ себя и дать себѣ отчетъ въ своихъ душевныхъ переживаніяхъ.

О, эта пошлая, тупая, безсмысленная жизнь большихъ городовъ, отравляющая физически и нравственно, нивеллирующая всѣхъ подъ одинъ уровень, убивающая все своеобразное, оригинальное, сильное!

Не правъ Тургеневъ, говоря, что жизнь вообще должна уподобляться туго набитому чемодану въ пути, чѣмъ больше въ него положено, чѣмъ плотнѣе онъ уложенъ—тѣмъ легче доѣхать...

Вотъ жизнь большихъ городовъ дѣйствительно похожа на такой чемоданъ. Чего, чего тамъ нѣтъ! Только... много ли радости отъ этого. Нѣтъ, каждый моментъ, каждый мигъ нашего земного бытія долженъ быть строго взвѣшенъ и обдуманъ, какъ его прожить и на что его потратить.

Жизнь, этотъ благороднѣйшій изъ даровъ природы, должна быть волшебной сказкой, фееріей... Кажется, Гауптманъ говоритъ:

«Протянемъ руки къ радостямъ минутъ
И лучше мы досугъ нашъ неизбѣжный
Наполнимъ счастьемъ, а не пустяками,
Въ чемъ есть удѣлъ толпы, день-изо-дня
Теряющей безцѣнныя мгновенья».

Она, Наташа, подобно сотнямъ и тысячамъ другихъ, подобно той толпѣ, о которой говоритъ Гауптманъ, плыла, не останавливаясь, не вдумываясь, безъ оглядки, плыла по теченію, благо оно шло прямо, никуда не уклоняясь въ сторону.

Но вотъ теченіе, незамѣтно для нея самой, приняло другое направленіе и вынесло ее на незнакомый берегъ. И тутъ только она опомнилась, очнулась и замѣтила свой промахъ, увидѣла, что плыла она невѣрно и что попасть на настоящій путь теперь для нея большая задача, разрѣшеніе которой, она это чувствовала, было ей далеко не по плечу.

Она такъ погрузилась въ свои невеселыя думы, что не замѣтила, какъ поѣздъ подошелъ къ той станціи, гдѣ она должна выйти.

III.

Бойкая лошадка славно бѣжитъ; санки быстро скользятъ по гладко укатанному снѣгу.

Слегка морозитъ. Воздухъ пьянитъ своей чистотой и мягкостью.

Лѣсъ справа и слѣва. На безконечной бѣлой скатерти, какъ на серебряномъ блюдѣ,—золотятся гиганты-сосны.

Холмы, озера, поляны, небо и даль—все покрыто бѣлой пеленой. Точно завороженные рыцари, сторожатъ дорогу ели въ бѣлоснѣжномъ нарядѣ.

Мелькаютъ отдѣльные дома—просторные, свѣтлые, крѣпкіе; мелькаютъ деревеньки, цѣлыя селенія съ нарядными школами, которыя украсили бы любой нашъ городокъ.

Но какая тишина! Точно здѣсь живутъ не люди съ плотью и кровью, мечтами и надеждами, а безтѣлесные духи, выходцы изъ другого міра.

Ни смѣха, ни говора; ни дѣтскаго плача, ни игръ; ни парней, ни дѣвушекъ на улицѣ.

Вонъ ѣдетъ съ нагруженной телѣгой финнъ съ надвинутой на глаза шапкой, точно ему Божій міръ опротивѣлъ, и онъ не хочетъ глядѣть на него.

Молча, безъ словъ и понуканій, уступилъ дорогу. Вонъ баба съ водой, такъ же молча, поклонилась проѣзжимъ. «Спасибо, милая, за полныя ведра»—улыбнулась ей Струнницына.

Только собаки неизмѣнно вѣрны себѣ и всюду встрѣчаютъ ее радостнымъ лаемъ.

Свернули въ сторону. Пріѣхали. Домъ; паркъ; дорожки,

усыпанныя пескомъ. Лаютъ собаки; поетъ пѣтухъ, предводительствуя свой многочисленный гаремъ.

На крыльцѣ владѣлица и свита. Въ окнахъ—любознательныя лица.

Не раздѣваясь, Наташа прошла по комнатамъ, выслушала хвалебный гимнъ хозяйки своему учрежденію, посмотрѣла, подумала—и уѣхала дальше.

А дальше все то же и то же, съ небольшими уклоненіями въ ту или другую сторону.

Опять лай собакъ, домъ, остановка. «Нѣтъ, не здѣсь, не здѣсь»...

— Дальше, дальше!

День смѣнился вечеромъ, вечеръ ночью. Чудно въ лѣсу. Такъ бы и ѣхать безъ конца...

Стало свѣжѣе. Наташа закуталась въ шубку.

Снѣгъ хруститъ подъ копытами лошади. Небо вызвѣздило. Луна взошла. «Какъ я давно луны не видала, или въ городѣ при шумѣ и гомонѣ она другая»...

Дорога стелется серебряной лентой и изгибается, точно сказочная змѣя, то вскочитъ на холмъ, то слетитъ внизъ, то обовьетъ озеро и опять мчится по лѣсу.

«Здѣсь хорошо!»...—Всплыли въ памяти слова поэта:

«Здѣсь ели вѣютъ темными руками
Загадочно. Вершинами своими
Торжественно киваютъ.
Сказка! Сказка
Медлительно проходитъ черезъ лѣсъ».

Трещатъ деревья въ лѣсу; въ озерѣ странные звуки: не то плачъ, не то стонъ; а подчасъ и тихая жалоба...

— Пріѣхали.—И лошадка останавливается.

— Не надо, милый; поѣзжай дальше!

— Куда?—съ отчаяніемъ спрашиваетъ финнъ.

— Не знаю. Все равно, куда. Въ лѣсу хорошо...

— Въ лѣсу худо. Холодно. Замерзнуть худо.

«Жизнью дорожитъ и замерзнуть не охота».

— Ну, ладно!—уступаетъ она,—поѣзжай на вокзалъ къ поѣзду въ Гельсингфорсъ.

— Вокзалъ далеко. Машина ри часа. Холодно.

— Дѣлай, что хочешь.

— Поѣдемъ моя домъ.

— Далеко?

— Не. Лизко. Нѣга ного. Половина часа будетъ моя домой.

— Ладно. Ѣзжай.

— Баба моя хорошо. Молоко. Чай. Огонь ного, ного. Хорошо.

Бѣдняга совсѣмъ, должно-быть, продрогъ. Какъ онъ мечтаетъ о своемъ очагѣ, о своей подругѣ.

Наталья Михайловна глубоко вздохнула.

— У тебя, барыня, есть?

— Что, милый?

— Вотъ се равно, моя баба, только... какъ я... мужикъ,— догадался или вспомнилъ слово, наконецъ.

— Ты спрашиваешь, есть ли у меня мужикъ, мужъ?

— Мушъ, мушъ.

— Да... есть.

Выѣхали изъ лѣса; поднялись на пригорокъ, потомъ спустились и опять поднялись. На высокой площадкѣ показалась усадьба; окна привѣтливо манили яркими огнями, и все сіяло въ лунномъ свѣтѣ.

— Это твой домъ?—пошутила Наташа.

— Въ раю,—показываетъ на небо,—если заслужитъ, будетъ жить въ такомъ домѣ.

— Хорошо. Вези въ рай. Попрошусь на ночлегъ. Кто тамъ живетъ?

— Ного человѣкъ, се равно, ты.

— Отчего же ты раньше не привезъ меня сюда?

— Тебѣ сё не равится, сё худо. Не останешься, сё равно.

«Хорошаго же онъ мнѣнія обо мнѣ»,—улыбнулась Наташа.

Подкатили къ подъѣзду. Опять лай собакъ. Выбѣжала прислуга. Финнъ заговорилъ на своемъ языкѣ и что-то многословно разсказывалъ. Очевидно, жаловался на нее и на свою судьбу.

Наталья Михайловна начинала терять терпѣніе.

— Говорятъ тутъ по-русски?

— Да, да! — опомнилась миловидная горничная, увлекшаяся повѣствованіями финна, и ловко высадила пріѣзжую изъ саней.

— Пожалуйте!—и распахнула двери.

Вошли въ просторную, теплую переднюю. Ихъ встрѣтила пожилая дама.

— Можно здѣсь переночевать? Искала помѣщеніе и ничего подходящаго не нашла, а дальше ѣхать поздно.

— Ночуйте. Завтра виднѣе будетъ. Присядьте, прошу, вотъ здѣсь, въ конторѣ, пока тамъ приготовятъ комнату.

Черезъ минуту явилась знакомая горничная Паша.

— Пожалуйте, сударыня. Комната готова. Позвольте вашъ сакъ.

Они поднялись по витой лѣстницѣ въ большую гостиную, устланную коврами, уставленную растеніями. На столахъ валялись газеты, журналы.

— Сюда, направо!

И она вошла въ небольшую комнату, показавшуюся ей вызолоченной бонбоньеркой. Потолокъ, стѣны, полъ — все покрыто золотистымъ лакомъ. Лампа подъ такимъ же золотистымъ шелковымъ абажуромъ. Въ изразцовомъ каминѣ много огня, бѣлоснѣжная кровать, мягкая кушетка—отъ всего вѣяло домовитостью и уютомъ.

— Помочь вамъ переодѣться?

И черезъ нѣсколько минутъ Наташа въ мягкомъ фланелевомъ капотѣ и теплыхъ туфляхъ уже нѣжилась на кушеткѣ, подставляя огню зазябшія ноги.

— Вотъ деньги. Заплатите извозчику, а сдачу дайте ему на чай. Онъ, бѣдняга, заслужилъ.

Горничная ушла. Наташа еще разъ осмотрѣла свою комнату.

— Какъ мило!—невольно вырвалось у нея.—И подумаешь, что попала-то я сюда такъ случайно, неожиданно.

Изъ камина выпалъ уголь и угодилъ прямо на коверъ. Она вскочила, бросила уголь въ каминъ и пошла мыть руки. Какое-то изреченіе надъ умывальникомъ? У евреевъ, кажется, на косякахъ входныхъ дверей, у японцевъ тоже при входѣ въ домъ, только на ширмахъ. А здѣсь надъ умывальникомъ. Что же—всякому свое... Взяла лампу и прочла:

«Erwache und lache». Поставила лампу и опять хотѣла лечь, и на подушкѣ что-то написано:

«Ein Schläfchen nach Tisch
Macht munter und frisch».

Очаровательно. Хозяева, значитъ, нѣмцы. Оттого, здѣсь такъ: «Gemüthlich».

Въ дверь постучали. Вошла хозяйка.

— Вы, вѣроятно, голодны. У насъ уже поужинали. Но кое-что для васъ найдется. Чего бы вы хотѣли?

— Пожалуйста, не безпокойтесь. Пришлите, что есть.

— Къ ужину были окуни въ сметанѣ. Можно сейчасъ разогрѣть.

— Боюсь подавиться.

— Не бойтесь. Окуни безъ костей. Очень вкусные.

— Безъ костей? Никогда не слыхала. Откуда же вы получаете ихъ, изъ Гельсингфорса?

— Нѣтъ, изъ нашего озера. Тутъ много рыбы. Каждый день свѣжая.

— И всѣ безъ костей?

Хозяйка снисходительно улыбнулась.

— Конечно, съ костями. Кости вычищаютъ на кухнѣ.

— Хорошо. Пришлите, что хотите, и чаю, горячаго чаю, пожалуйста. Здѣсь рано встаютъ?

— Спите, сколько хотите. Вамъ подадутъ, что прикажете, сюда. Обѣдаютъ въ часъ, а къ обѣду всѣ выходятъ.

— Я постараюсь не нарушать порядка дома.

Хозяйка простилась. Вскорѣ явилась Паша съ подносомъ. Быстро, проворно накрыла столъ, аппетитно разставила все и ушла, указавъ на звонокъ.

И закуски и кушанья пахли аппетитно. Сперва попробовала и, какъ Людмила, «подумала и стала кушать». А безкостные окуни, плававшіе въ сметанномъ соусѣ, показались ей верхомъ кулинарнаго искусства.

«Посмотрѣли бы на меня теперь Волчекъ, докторъ и всѣ медицинскія свѣтила, опасавшіяся, что я помру отъ истощенія».

Она налила чаю и подошла къ окну.

«Что за ночь! Какъ все просто, незатѣйливо и прекрасно!»

Большая открытая поляна, тутъ и тамъ темнѣютъ группы густыхъ низкорослыхъ елокъ, отягченныхъ причудливыми бѣлыми цвѣтами, далѣе одиноко стоящіе гиганты—ели и сосны, а за ними поляна мягко спускается внизъ, гдѣ свѣтлѣетъ озеро, съ темно-свинцовыми волнами въ срединѣ и застывшей каймой у береговъ. Далеко за отяжелѣвшей водой, опять бѣлая кайма и густой, темный лѣсъ до самаго горизонта... А бездонное синее небо, какъ бы соперничая съ землей, нарядилось во всю свою звѣздную красу; и все, насколько видитъ глазъ, залито яркимъ луннымъ свѣтомъ, и все кругомъ искрится и переливается сотнями тысячъ брилліантовъ и алмазовъ.

Какъ хорошо въ Божьемъ мірѣ и какъ мрачно, тускло и темно въ ея собственной душѣ. Она опустила голову на руки и забылась...

Постучала Паша и, не получивъ отвѣта, пріоткрыла дверь, вошла и стала безшумно убирать со стола.

Наташа очнулась и опять взглянула въ окно.

Но какой знакомый пейзажъ. Гдѣ она его видѣла?.. Ахъ, да—обрадовалась.—Да вѣдь это картина изъ «Потонувшаго

Колокола». Вотъ налѣво, на скалѣ избушка «бабушки кустовъ», направо колодецъ морского царя, Никельмана. Вотъ онъ сейчасъ выдвинется со своей длинной сѣдой бородой и закричитъ: «Брекекекексъ». А вотъ тамъ за деревьями, залитая луннымъ свѣтомъ, бѣлѣется сама Раутли, Раутенделейнъ.

Какъ хорошо!

Она накинула шубку, распахнула окно и вся поддалась впередъ. На нее пахнуло свѣжимъ морознымъ воздухомъ, она вдохнула его полной грудью и стала смотрѣть на небо, на звѣзды, на озеро, на качающіяся вершины деревьевъ, точно видѣла все это въ первый разъ.

«Какъ хорошо, а между тѣмъ... какъ все незатѣйливо и просто».

— Спасибо, милый Волчекъ!—проговорила она вслухъ, потягиваясь въ теплой постели и наслаждаясь физическимъ покоемъ. Книжка, приготовленная для чтенія, выпала изъ рукъ, и Наташа впервые, послѣ ряда мучительныхъ ночей, уснула, какъ уже давно не спала.

IV.

Къ обѣду собрались всѣ: человѣкъ двадцать женщинъ разныхъ возрастовъ.

«Да это женская обитель, какой-то «Зеленый Островъ» наизнанку»,—подумала Наташа, присматриваясь къ лицамъ, прислушиваясь къ разговорамъ.

Ѣли, большею частью, молча, исподтишка разсматривали новую гостью. Говорили урывками, между блюдами, о вещахъ будничныхъ и, для посторонняго человѣка, мало интересныхъ. Все вертѣлось вокругъ да около здоровья присутствующихъ: сообщали другъ другу о повышеніи или пониженіи t^{0}, о прибавленіи или потерѣ вѣса тѣла и пр. въ томъ же родѣ.

За столомъ рѣзко бросались въ глаза «тучныя» и «тощія». Послѣднія, впрочемъ, преобладали.

Къ концу обѣда публика, какъ бы набравшись силъ, заговорила:

— Зачѣмъ это вы, Галя, принимаете сразу столько лѣкарствъ?—спросила съ обвѣтреннымъ докрасна лицомъ, вертлявая, худенькая блондинка, лѣтъ 23—24, въ темномъ платьѣ курсистки, съ пенснэ, еле державшимся на комично вздернутомъ носикѣ.—Они у васъ въ желудкѣ перепутаются и забудутъ свои роли. Ха-ха-ха!—И пенснэ скачетъ на столъ.

— Объ этомъ спросите моихъ мучителей,—отвѣчаетъ съ

капризными нотками въ голосѣ и сильнымъ хохлацкимъ акцентомъ Галя.

— Можно подумать, что ваши мучители насильно тащили васъ лѣчиться,—обижается за врачей одна изъ «тощихъ», типа классной дамы на пенсіи.

— Пейте молоко, побольше молока и никакихъ лѣкарствъ не надо будетъ,—сентенціозно произноситъ другая дама, стараясь замять грубость тона своей сосѣдки.

Наташа поднимаетъ глаза и видитъ Екатерину II, точно снятую съ музейнаго портрета. По классификаціи Тартарэна—эта изъ партіи «черносливныхъ» и въ увеличеніи вѣса тѣла не нуждается.

Принадлежность къ той или иной партіи рѣзко сказывается на характерахъ ихъ членовъ: тогда какъ классная дама «на пенсіи» раздражительна, обидчива и подчасъ груба, Екатерина II философски настроена, часто произноситъ сентенціи, добродушна, снисходительна къ маленькимъ слабостямъ своихъ ближнихъ и миролюбиво старается сгладить тренія въ ихъ разговорахъ.

— Ахъ,—отвѣчаетъ Галя, нѣжная шатенка съ прелестными темно-карими глазами на матово-блѣдномъ личикѣ,—если бъ вы знали, какъ оно мнѣ надоѣло.

— Будто вы уже такъ много его пьете!—ехидствуетъ классная дама,—просто фокусы!

— Такъ много, такъ много,—жалуется Галя, благоразумно пропуская мимо ушей послѣднее замѣчаніе,—что иногда мнѣ снится, что я сама становлюсь дойной коровой.

— Скорѣй молочнымъ теленкомъ!—улыбается Екатерина II.

— Ха-ха-ха!—разражается курсистка и пенснэ летитъ въ тарелку.

Послѣ обѣда «тощихъ» вымораживаютъ на верандѣ съ открытыми окнами и дверьми. На длинныхъ креслахъ лежатъ, закутанныя въ мѣховые мѣшки, фигуры, завернутыя въ плэды, одѣяла, платки и пр. Изъ-подъ груды теплыхъ вещей видны только лица. Тутъ почти все—молодежь. Лежатъ они давно и изучили другъ друга до тонкости.

— Ахъ, какъ надоѣло! Все, все надоѣло!

Наташа смотритъ въ сторону протестующаго мѣшка и видитъ темноглазую хохлушку Галю.

— Какая ты сегодня несносная, Галя! Лежала бы и дышала.

Этотъ окрикъ дѣлаетъ старшая сестра Гали, пріѣхавшая погостить къ ней.

— Очень интересно, подумаешь! Пятнадцатаго танцовали у Холмогоровыхъ, перваго у Синявиныхъ. А нашъ абонементъ въ оперѣ! Ужъ пять разъ пропустила!—вздыхаетъ Галя.—Да мало ли еще что!

Раздается дружный смѣхъ. Очевидно, центръ тяжести въ этой послѣдней фразѣ.

— Ну, вотъ, наживете полпуда,—хохочетъ курсистка,—и уѣдете домой.

— Полпуда?—привстаетъ отъ удивленія на своемъ креслѣ Галя.—Какъ же, жди! Пожалуй, всю жизнь пролежишь тутъ въ ожиданіи.

— А мнѣ,—слышится на другомъ концѣ веранды—и Наталія Михайловна узнаетъ свою вчерашнюю, синеокую, свѣтлорусую Раутенделейнъ,—мнѣ бы только фунтиковъ пять!.. Только пять фунтовъ!.. Господи, ты, у котораго милліарды пудовъ, что тебѣ стоитъ дать мнѣ скорѣй мои пять фунтовъ... И тогда... О!..—вздыхаетъ не то шутя, не то серьезно бѣлоснѣжная Раутли.

— Ха-ха-ха! Что же тогда, Карина Львовна?—любопытствуетъ неугомонная курсистка.

— Кари выйдетъ тогда замужъ и сдѣлается важной, важной дамой и уѣдетъ въ Египетъ на пирамиды,—отвѣчаетъ молодая, хорошенькая особа, извѣстная здѣсь просто, какъ «вдовушка».

— Воображаю, какъ тамъ сейчасъ солнышко грѣетъ!

— «Солнце низенько, вечоръ близенько!» О, солнышко, милое, золотое солнышко!—поетъ и вздыхаетъ Галя, вспоминая свой хуторъ «пидъ Пилтавою», откуда увезли ее на сѣверъ, гдѣ она стала хирѣть и чахнуть.

Наступаетъ общее молчаніе, длящееся нѣсколько минутъ. Воображеніе мчится далеко отъ ихъ блѣдной дѣйствительности, въ обаятельный міръ фантазіи и грезъ, куда уноситъ ихъ молодая, жаждущая счастья, душа.

— Не понимаю, зачѣмъ насъ тутъ морятъ? Что за радость, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть на эти ели и сосны, на снѣгъ и сосульки, на это озеро «безъ конца въ длину, безъ мѣры въ ширину»...

— И съ концомъ и съ мѣрой. Ха-ха-ха!—протестуетъ курсистка.

— И на единственнаго нашего рыцаря,—вторитъ вдовушкѣ Галя.

— Манія великолѣпнаго!—оканчиваетъ вдовушка.

— О, неблагодарныя! Онъ же вашъ стражъ и тѣлохранитель!—хохочетъ курсистка.

— А тебѣ куда же это захотѣлось? Небось опять въ Ниццу или, вѣрнѣе, на Горку Св. Карла?.. Соскучились тамъ по лептѣ вдовицы.

— Ой, какъ соскучились!—смѣется металлическимъ контральто другой мѣшокъ.

— Да, да, тетя Рита! Въ Ниццу, къ морю, на солнышко! И тамъ мы съ тобой болѣли, но какъ весело лѣчились! Ты—свое неугомонное сердечко, а я... увы! и тамъ ловила неуловимое...

— Ловила фунты въ залахъ Монте-Карло. А «фунты» твои поймалъ ученый князь Монакскій.

— Ха-ха-ха!—раздается смѣхъ курсистки.—И много вы ему оставили этихъ самыхъ «фунтовъ»?

— Ну... Это дѣла давно минувшихъ дней!—недовольная воспоминаніями, отвѣчаетъ вдовушка.

Ударилъ колоколъ, призывавшій къ 4-хъ-часовому кофе; послѣ чего опять лежали, опять дышали морознымъ воздухомъ и говорили, шутили, мечтали вплоть до ужина. Потомъ общая, короткая прогулка, во время которой паркъ и лѣсъ оглашались взрывами хохота курсистки, и сонъ.

«День прошелъ, и слава Богу!»

На другой, на третій день то же, все то же, съ незначительными варіантами, въ зависимости отъ погоды, отъ случайныхъ посѣтителей и прочее.

Воскресенія тутъ были двойнымъ праздникомъ: наряжались, прихорашивались и... неистово ждали гостей.

Забывалась веранда, забрасывались теплые футляры. Отъ нетерпѣнія бродили въ неурочное время по парку, вдоль озера. Взбирались съ бинoклями на вышку, откуда далеко виднѣлась змѣевидная лента дороги и, если тамъ показывалось нѣчто, похожее на движущіяся санки, скопомъ выходили на дорогу встрѣчать дорогихъ гостей.

Навѣщали, впрочемъ, далеко не всѣхъ. Но, въ ожиданіи, волновались всѣ.

Постоянными воскресными посѣтителями бывали: пожилой учитель гимназіи, супругъ Екатерины II, и женихъ Раутенделейнъ.

Учитель былъ самый обыкновенный педагогъ, какъ всѣ учителя средней руки, на которыхъ ихъ профессія накладываетъ особую печать.

Женихъ—былъ важный, красивый, молодцеватый генералъ, несмотря на свои 50 съ лишнимъ лѣтъ.

Педагогъ привозилъ новости, вычитанныя большею частью изъ газетъ. Но такъ какъ дамы въ газеты заглядывали рѣдко, то новости имѣли успѣхъ.

Женихъ привозилъ конфекты и цвѣты. Цвѣты всегда бѣлые—эмблема чистоты его намѣреній, и за столомъ пахло розами, туберозами, гвоздикой, обсуждались факты и событія минувшей недѣли; чаще обыкновеннаго раздавались взрывы хохота курсистки, сентенціи Екатерины II, желчныя замѣчанія классной дамы на пенсіи... День проходилъ разнообразно и весело. Вечеромъ провожали гостей, и начинались будни, казавшіеся иногда еще болѣе монотонными, чѣмъ въ обыкновенное время.

Такъ вотъ и жила тутъ эта кучка людей: отъ звонка до звонка; отъ обѣда до ужина, оторванная отъ внѣшняго міра, съ его заботами и треволненіями, богоборствомъ и богоискательствомъ, мишурнымъ блескомъ, фальшью, ложью и истиннымъ горемъ и страданьями и страстными, мучительными поисками лучшихъ идеаловъ во имя правды и добра...

Впрочемъ, какъ и вездѣ у людей, и тутъ были свои маленькія радости и печали, и тутъ съ надеждой и упованіемъ устремлялись мечты въ будущее, вдаль...

V.

И Наталья Михайловна постепенно втягивалась въ это существованіе. И для нея дни проходили за днями, не внося ничего новаго, никакой свѣжей струи. Подобно другимъ, и она начинала забывать названія дней, числа и мѣсяца. Измученная, усталая душа ея требовала покоя, прежде всего покоя и всецѣло отдавалась ему. Это прозябаніе безъ яркихъ впечатлѣній, безъ какихъ-либо опредѣленныхъ желаній, безъ мысли о будущемъ и, даже, безъ горечи къ прошлому, казалось ей какимъ-то длиннымъ сномъ, переживаемымъ на яву.

Вотъ уже больше мѣсяца, какъ она живетъ этой новой для нея жизнью, зарытая въ снѣгахъ, съ обледенѣлой душой, съ застывшими мыслями и чувствами. «И хорошо, и слава Богу!» думаетъ она.

Пока душа отдыхала или спала, тѣло съ каждымъ днемъ крѣпло. Постепенно пришелъ сонъ и аппетитъ, заигралъ на щекахъ румянецъ, появилась потребность въ движеніи. Она ухо-

дила утромъ и возвращалась домой къ вечеру, когда наступали раннія сумерки короткаго зимняго дня.

Къ столу являлась рѣдко, отговариваясь усталостью, недомоганіемъ и, такимъ образомъ, была цѣликомъ предоставлена самой себѣ.

Особенно любила она дни, когда налеталъ буранъ, поднималась мятель. Проходили часы за часами, въ каминѣ дотлѣвали уголья, книга выпадала изъ рукъ, а она, точно зачарованная, смотрѣла, какъ наростаютъ сугробы снѣга, прислушивалась къ плачу деревьевъ, къ стонамъ и вздохамъ озера, къ трелямъ и руладамъ вьюги... Эту музыку не промѣняла бы она ни на какіе концерты и оперы.

Въ этомъ безумствѣ бушевавшей природы она находила что-то умиротворяющее, глубокоуспокаивающее.

Когда же вьюга, какъ бы уставъ отъ лишнихъ эксцессовъ, постепенно замирая, умолкала совсѣмъ и только безшумно, нѣжно падалъ снѣгъ, чувство тихой радости наполняло ея душу. Не отрываясь отъ окна, слѣдила она за кружившимися снѣжинками, за ихъ причудливыми формами, за ихъ эфемерной жизнью.

«Снѣгъ серебряный вьется и вьется и медленно падаетъ
На холодную землю... Мой взоръ
Мою душу волнуетъ, волнуетъ и радуетъ
Этотъ бѣлый коверъ»,

мысленно повторяла она.

Непроницаемый чистый коверъ покрывалъ теперь все кругомъ...

«Ахъ, если бы можно было такой же непроницаемой завѣсой закрыть все прошлое. Закрыть навѣки, навсегда, чтобы оно никогда оттуда не выглянуло... Ахъ, если бы можно было!..»

А какія дивныя минуты переживала она, блуждая безъ опредѣленной цѣли, какъ и куда попало, взбираясь на холмы, спускаясь въ долины, въ незнакомыя селенія, на занесенныя снѣгомъ кладбища съ полуобвалившимися крестами, въ поле, на большую проѣзжую дорогу...

Но больше всего любила она бродить по сосѣднимъ лѣсамъ, погружаясь подчасъ по колѣна въ снѣгъ... Тамъ у нея были свои излюбленныя мѣста, гдѣ она подолгу просиживала на камнѣ, на пнѣ, на упавшемъ стволѣ сосны, читая, мечтая, но больше всего наслаждаясь врачующей лѣсной тишиной, которая изрѣдка нарушалась отдаленнымъ лаемъ собакъ, шуршаніемъ бѣлки, пере-

бѣгавшей съ вѣтки на вѣтку, или біеніемъ ея собственнаго сердца...

Мысли о ея личной жизни, то возвращаясь къ прошлому, то останавливаясь на настоящемъ, назойливо лѣзли въ голову. Являлась потребность опредѣлить свое положеніе, выявить свое «я», выяснить свою роль и, такъ или иначе, найти выходъ изъ этой, навязанной ей, жизни.

Но при воспоминаніи о городѣ, о домѣ, о мужѣ, обо всемъ пережитомъ за послѣдніе годы и, особенно, за послѣднее время,—ее охватывала невыразимая тоска... Она начинала испытывать чисто-физическія страданія: сердце тоскливо билось, въ вискахъ стучало, горло сжимало тисками, и слезы, горячія слезы обиды и ничѣмъ не вызваннаго, не заслуженнаго оскорбленія—текли изъ глазъ.

Тогда она напрягала всю силу воли, на какую была способна, чтобы прогнать отъ себя эти мысли, заглушить воспоминанія, уйти отъ себя, забыться—забыть все, что связало, запутало, перепутало ея жизнь съ жизнью другихъ, ненужныхъ, враждебныхъ, чужихъ и чуждыхъ ей людей—чуждыхъ по духу, по мыслямъ, по склонностямъ, по всему укладу ея существованія... «Потомъ, когда оправлюсь, когда окрѣпну,—найду себя»...—обманывала она себя почти сознательно.—«Авось, какъ-нибудь само собою образуется»,—цѣплялась она за химеру, въ душѣ не вѣря въ нее.

Глотала капли, вытирала слезы и опять ходила, ходила до боли, до судороги въ ногахъ и временно обрѣтала душевный покой въ физической усталости, въ созерцаніи суровой сѣверной зимы, въ ея своеобразной красотѣ.

«Нѣтъ глубже, нѣтъ слаще покоя»...

читала она на случайно открытой страницѣ:

«Какой посылаетъ намъ лѣсъ,
Недвижно, безтрепетно стоя
Подъ холодомъ зимнихъ небесъ.
Нигдѣ такъ глубоко и вольно
Не дышитъ усталая грудь,
И ежели жить намъ довольно,
Намъ слаще нигдѣ не уснуть».

Да, да... Вотъ такъ, въ лѣсу, среди этой величественной природы забыться и уснуть, уснуть навѣки, какъ героиня Некрасовской поэмы:

«А Дарья стояла и стыла
Въ своемъ заколдованномъ снѣ».

А сколько радости доставила бы ея смерть тѣмъ... въ городѣ... «Вѣдь она... стоитъ на ихъ дорогѣ къ полному счастью, связываетъ, мѣшаетъ жить». Ха-ха! Но это ложь, низкая ложь! Они пьютъ полную чашу наслажденія, вырванную насильно изъ ея рукъ.

Пока она тутъ зарылась въ снѣгахъ, они уѣхали въ Ниццу и думаютъ, что она и теперь ничего не знаетъ, не подозрѣваетъ, какъ это было до сихъ поръ.

Чужая, другая сидитъ съ нимъ теперь въ поѣздѣ, въ отдѣльномъ купэ; той онъ расточаетъ теперь ласки, принадлежащія «ей», одной «ей»; той поцѣлуи, «ея» поцѣлуи. Съ той будетъ слушать музыку на пляжѣ, смотрѣть закатъ, наслаждаясь синевой моря, бродить по горамъ, по «ея» любимымъ мѣстамъ, по «ихъ» любимымъ мѣстамъ...

— «Но нѣтъ...—спохватилась она.—Не надо объ этомъ думать. Надо пожалѣть себя... Послѣ... Потомъ... А сейчасъ еще не время... Какъ тамъ дальше у Некрасова?—И она быстро, быстро переворачиваетъ страницы... Вотъ, наконецъ, нашла:

«Ни звука! Душа умираетъ
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, какъ покоряетъ
Ее эта мертвая тишь»...

«Неправда! Живая душа никогда не умираетъ ни для страсти, ни для скорби, особенно для скорби».

И вспомнила она свою скорбную жизнь, эту вѣчно одинокую жизнь и дома, и на людяхъ, и въ праздникъ, и въ будни, и днемъ, и ночью...

О, эта постылая жизнь безъ семьи, безъ радости, безъ привѣта, безъ ласки Сергѣя, ея избранника, боготворившаго ее, молившагося на нее...

А ея ночи безъ сна, полныя муками ревности, страстью, тоскою, вѣчной тоской по немъ, по ея желанномъ, вѣчно ненасытно желанномъ. Нѣтъ, она не мѣшаетъ ихъ счастью, они счастливы! О, какъ счастливы! А она, какъ ненужная, отслужившая вещь, выброшена за бортъ, безъ спроса выброшена. Покинутая жена! Ха-ха-ха! Женщина, которая надоѣла своему господину. Ха-ха-ха!

Но почему, почему все это произошло? По какому праву должна она отдать свою долю счастья другой? Почему она должна уступить то, что̀ принадлежитъ ей, одной ей?

«Безумная! Да потому, что онъ любитъ ее, а не тебя! Какія еще тутъ права? Кажется, ясно и просто».

Нѣтъ, не ясно, для нея не ясно и далеко не просто. И вотъ почему: онъ долженъ былъ прійти тогда же, сейчасъ же, въ самомъ началѣ, какъ только почувствовалъ, что «ихъ» совмѣстной жизни, «ихъ» счастью наступилъ конецъ. Онъ долженъ былъ прійти и сказать, честно, открыто, безъ утайки сказать всю правду.

Отъ любви, какъ и отъ смерти—лѣкарствъ нѣтъ. Ей было бы тяжело, больно, но не обидно. Не было бы лжи, этого моря лжи съ обѣихъ сторонъ... Не было бы оскорбленія, обмана, годами длившагося обмана. Не было бы скорби, ея безумной скорби и слезъ по этимъ потраченнымъ годамъ ея жизни... О, если бы онъ тогда сказалъ всю правду!

Но онъ этого не сдѣлалъ тогда, не дѣлаетъ и теперь, лгалъ тогда, лжетъ и теперь; скрывалъ отъ нея все прежде, продолжаетъ скрывать и теперь. Усыплялъ ея бдительность, прибѣгалъ ко всевозможнымъ уловкамъ, измышленіямъ, ухищреніямъ, чтобы направить на ложный слѣдъ начинавшую просыпаться въ ней подозрительность.

И эта его тактика ему долго удавалась, всегда приводила къ желанной цѣли—отвести ей глаза—благодаря ея вѣрѣ въ него... Развѣ боги лгутъ, обманываютъ? А онъ былъ для нея кумиромъ, богомъ, авторитетомъ во всѣхъ вопросахъ жизни, всѣмъ.

Теперь для нея ясно одно. Вся эта куча лжи, хитрости, обмана и уловокъ была имъ пущена въ ходъ, чтобы скрыть отъ нея все. Онъ не хотѣлъ, чтобы она знала.

Но почему онъ этого не хотѣлъ? Какія у него были причины скрывать отъ нея всю правду, разъ она перестала существовать для него? Какую онъ преслѣдовалъ при этомъ цѣль? Трусилъ ли онъ передъ моментомъ, роковымъ моментомъ объясненія? Изъ одной ли боязни огласки? Изъ одного ли страха передъ общественнымъ мнѣніемъ?..

Нѣтъ, онъ слишкомъ гордъ, слишкомъ высоко ставитъ себя и никогда не считался съ мнѣніемъ другихъ. На первомъ планѣ у него всегда было его собственное «я». Судьей всему могъ быть только онъ, одинъ онъ, Сергѣй Николаевичъ Струнницынъ. Въ этомъ кроется его успѣхъ. Этимъ объясняется его вліяніе на другихъ...

Всѣ эти мысли неотступно преслѣдовали ее теперь, и порой ей казалось, что она начинаетъ терять разсудокъ... Но она

чувствовала, что никакія силы не спасутъ уже ее отъ разрѣшенія назрѣвшаго вопроса.

Такъ почему же онъ молчалъ?—продолжала она нить своихъ разсужденій. Почему скрывалъ, такъ тщательно пряталъ отъ нея эту новую свою страсть?

Почему, почему?..

Богъ мой, все это совсѣмъ не такъ сложно, какъ она думаетъ. Да, просто потому, что она, Ната, нужна была ему для дома, для свѣта, какъ красивая игрушка, какъ рѣдкая мебель, какъ дорогой выѣздъ, какъ преданная собака... Наконецъ, нужна была такъ... «на всякій случай». Совсѣмъ просто и ясно. Вѣдь она не мѣшала ему; а до ея души, до ея переживаній ему... давно дѣла нѣтъ...

Какъ же смѣлъ онъ распоряжаться ею, какъ своею вещью? По какому праву? Кто вручилъ ему власть надъ ея жизнью, надъ ея судьбой? Она не желаетъ быть ничьей вещью. Она не желаетъ быть женой «на всякій случай». Она требуетъ свою долю счастья отъ жизни... Она требуетъ ее теперь, немедленно, сейчасъ.

VI.

Дни, между тѣмъ, шли за днями, не внося ничего новаго. Душевное настроеніе Наталіи Михайловны оставалось въ томъ же состояніи. Съ внѣшней стороны она, какъ и всегда, казалась ровной, спокойной и вполнѣ уравновѣшенной. Съ населеніемъ «Обители» видѣлась рѣдко; но при встрѣчахъ шутила, даже смѣялась. А внутри ее все время, не переставая, глодалъ червь обиды, сомнѣній, колебаній...

Иногда она ловила себя на тайномъ желаніи—броситься къ нему, цѣловать его безумно, страстно; выплакать у него на груди всѣ слезы, открыть ему всю душу, излить передъ нимъ всѣ страданія, накопившіяся за столько лѣтъ...

Но мгновенно вся кровь приливала къ лицу, и она вся начинала пылать такимъ стыдомъ, какъ будто даже мимолетная мысль подобнаго рода уже унижала, загрязняла ее.

Какъ? Брошенная, забытая, оскорбленная въ самыхъ чистыхъ своихъ чувствахъ, она станетъ вымаливать у него крошки счастья? Какіе-то остатки чувствъ изъ жалости?..

Нѣтъ, скорѣй покончить съ собой, чѣмъ идти на такое униженіе...

А между тѣмъ она испытывала такую мучительную тоску

одиночества. Въ ней просыпалась по временамъ такая безумная жажда счастья простого, незатѣйливаго, маленькаго личнаго счастья, которое поднимаетъ часто на такую нравственную высоту, открываетъ такіе горизонты, такія дали...

Но почему же она лишена его? Значитъ, она не такая, какъ всѣ, значитъ, она хуже этихъ сотенъ, тысячъ женщинъ, окруженныхъ семьей, любовью, вниманіемъ и лаской. Но нравственнымъ уродомъ—ее никто никогда не считалъ. Можетъ быть, она измѣнилась физически?..

И она становилась передъ зеркаломъ и осматривала себя съ ногъ до головы. Разглядывала лицо, глаза, волосы, зубы... Сравнивала себя съ другими и при самомъ искреннемъ желаніи найти въ себѣ какое-нибудь уродство, какой-нибудь физическій изъянъ — ничего не находила. Тогда она опять начинала думать, мучительно анализировать послѣдніе годы своего счастья, чтобы выяснить, почему оно прекратилось, почему онъ ее разлюбилъ?..

Вѣдь любилъ же онъ ее, Нату, безумно, мучительно страстно, такой, какая она есть. Не измѣнилась же она за тѣ годы, что была его женой?

И вспомнился ей не анекдотъ, а фактъ изъ дѣйствительной жизни. Былъ у ея отца товарищъ по службѣ—милый и очень образованный человѣкъ. Женился онъ по страстной любви на красивой, умной и тоже очень развитой дѣвушкѣ. Прожили они 6 лѣтъ, что называется, душа въ душу. Было у нихъ два очаровательныхъ бутуза. Кажется, чего еще больше для счастья?

И вотъ отецъ ея узнаетъ, что товарищъ разошелся и форменно разводится съ женой.

На вопросъ почему, чѣмъ кто изъ нихъ провинился, полковникъ отвѣчалъ: «Ахъ, рѣшительно никто изъ насъ не провинился другъ передъ другомъ».

— Но почему же ты все-таки разводишься?—настаивалъ ея отецъ.

— Ну, какъ тебѣ объяснить... Да просто потому, что одна и та же женщина надоѣдаетъ... Да, да... Это единственная причина нашего развода.

Такъ вотъ и она, Наташа, тоже надоѣла. Tout court.

VII.

Погода вдругъ испортилась. Наступили туманы. Съ деревьевъ закапало. Озеро тосковало и потемнѣло отъ грусти. Снѣгъ таялъ, и вездѣ стояли лужи. Воздухъ былъ пропитанъ сыростью. И такъ продолжалось уже 3—4 дня...

Наталія Михайловна взглянула изъ окна и съ досадой увидала, что и на этотъ день придется отказаться отъ любимой прогулки. Велѣла затопить каминъ, улеглась поудобнѣе на кушеткѣ и принялась читать.

Послѣ обѣда, по обыкновенію, пришла почта, и ей подали письмо. «Отъ него». Посмотрѣла на штемпель. Оказалось, изъ Петербурга. «Значитъ, вернулся изъ Ниццы». И она съ лихорадочною поспѣшностью стала распечатывать конвертъ.

«Милая Ната»,—писалъ онъ,—«пока ты тамъ вымораживала свои недуги, мнѣ пришлось съѣздить за границу по дѣламъ».—«По дѣламъ».—«Привезъ тебѣ кучу подарковъ, всякихъ. «Lateste cry». Буду очень радъ, если угодилъ твоему капризному вкусу. Собираюсь на-дняхъ навѣстить тебя. Какъ прикажешь, привезти ихъ туда или оставить дома до твоего возвращенія въ городъ. Если привезти—дай знать по телеграфу.—Я знаю, что писать ты лѣнива.

Поправляйся, выздоравливай, и, если чувствуешь тамъ себя недурно, не торопись домой. Въ городѣ теперь омерзительно».—«Еще бы! Послѣ Ниццы-то!»—«Поживи тамъ въ снѣгахъ, которые ты такъ любишь. Впрочемъ, объ этомъ еще поговоримъ, когда я пріѣду...»

Недоконченное письмо выпало изъ рукъ...

«Поживи... Не торопись домой...»—Забота о ея здоровьѣ... Какое лицемѣріе... Имъ упоеніе, восторги... радости, а ей... подарки... вещи... И такъ вотъ всегда... Они ѣдутъ на Острова или въ Павловскъ на музыку, а ей... посылаютъ билетъ въ какой-нибудь театръ... И такъ вотъ проходитъ ея жизнь... лучшіе годы ея жизни... Миражъ... Фата-моргана... вмѣсто жизни...

Взглянувъ на валявшееся недочитанное письмо, она встряхнулась, прошлась по комнатѣ и опять, что называется, вернулась къ дѣйствительности. Что бы могъ значить этотъ внезапный пріѣздъ? Какая странная фантазія! Что ему нужно отъ нея? Онъ, который давно забылъ о ея существованіи, проходя ежедневно мимо нея, какъ проходятъ люди мимо тысячи вещей и дома и на улицѣ, не замѣчая, не думая, часто даже не видя ихъ, вотъ именно, онъ даже никогда теперь и не глядитъ на нее, а когда ему нужно что-нибудь сказать,—то смотритъ въ сторону. Нѣтъ, тутъ, безъ сомнѣнія, что-то есть и что-то новое... Но что, что именно?

И глубоко, въ тайникахъ души, не ясно, не смѣло, какъ бы крадучись, начиналъ зажигаться и снова гаснуть едва уловимый, едва ощутимый лучъ надежды...

Быть можетъ, онъ опомнился, пожалѣлъ о прошломъ, вспомнилъ былые годы счастья. Быть можетъ, онъ почувствовалъ, понялъ, наконецъ, что она одна любитъ его, несмотря на его измѣну или измѣны—кто его знаетъ—несмотря на причиненное горе, несмотря ни на что, наконецъ...

Возможно также, что «та» измѣнила ему, или просто бросила его, и вотъ онъ возвращается къ ней, къ своей Натѣ, чтобы въ ней, въ своей неизмѣнной, вѣрной, найти утѣшеніе, найти успокоеніе...

Да, конечно; испытавъ на себѣ лично, какъ тяжело оскорбленіе отъ близкаго, дорогого человѣка, онъ приходитъ къ ней съ повинной склоненной головой...

Но вдругъ выплыли факты, рядъ фактовъ изъ прожитыхъ лѣтъ, и, особенно послѣднихъ мѣсяцевъ, и она изъ области фантазіи снова вернулась къ дѣйствительности, обдавшей ее сразу холоднымъ, отрезвляющимъ душемъ.

Какія наивныя мечты! Точно только-что покинувшая школьную скамью институтка!

Раскаяніе, слова прощенія, воскресшая любовь, у кого? У холоднаго, себялюбиваго, чопорнаго Сергѣя Николаевича Струнницына? Ха-ха-ха! Какая наивность! Даже стыдно въ ея годы такъ плохо знать жизнь... такъ мало знать людей...

Тогда, что же, что же тянетъ его сюда?

Быть можетъ онъ рѣшился, наконецъ, на серьезный шагъ, чтобы прервать нудную нить ея существованія, чтобы добыть свободу себѣ и ее освободить отъ прозябанія...

Можетъ быть, наконецъ, «та» стала настойчиво требовать, чтобы онъ оформилъ ихъ связь, длящуюся годами; и вотъ онъ рѣшилъ воспользоваться тѣмъ, что она, Ната, поправилась и что съ ней можно теперь говорить и, такъ сказать, прямо нанести ей послѣдній ударъ.

Да. Второе предположеніе гораздо болѣе вѣроятно. Какъ ей ни тяжело, но это все же исходъ, о которомъ стоитъ подумать. Вѣдь она такъ молода еще, несмотря на все пережитое, такъ полна силъ... Міръ такъ просторенъ... Жизнь такъ манитъ... Столько въ ней красоты...

А онъ, милый, любимый, несмотря ни на что, любимый. Неужели она такъ легко откажется отъ своихъ правъ на него... даже отъ надежды, отъ мечты, что онъ все же когда-нибудь да вернется къ ней...

И тутъ только, при мысли потерять его навсегда, впервые

поняла, какъ глубоко, какъ беззавѣтно предана ему, какъ всецѣло пропитана чувствомъ къ этому обаятельному для нея человѣку.

VIII.

Черезъ два дня по полученіи Натальей Михайловной письма отъ мужа, прикатилъ онъ самъ. Она первая увидѣла его изъ окна. Сердце забило такую тревогу, что она съ трудомъ удержалась на ногахъ. Пока онъ расплачивался съ привезшимъ его финномъ и о чемъ-то съ нимъ уславливался, прошло нѣсколько минутъ, показавшіяся ей цѣлой вѣчностью, и, наконецъ, онъ взбѣжалъ, молодо, весело наверхъ, постучалъ и, не дождавшись отвѣта, толкнулъ дверь, подошелъ къ ней близко, близко и, какъ ни въ чемъ не бывало, поцѣловалъ ее въ губы, отошелъ на нѣсколько шаговъ и сталъ разсматривать.

— Ну и молодцомъ же ты стала! Просто неузнаваема. Это удивительно. Знаешь,—разсмѣялся онъ,—ты могла бы служить рекламой и для хозяевъ, и для учрежденія, въ которомъ живешь. Поправилась на славу!

«Что-то будетъ, что-то онъ сейчасъ скажетъ, о чемъ заговоритъ?»—тоскливо спрашивала она себя, почти не слушая его.

А онъ, не подозрѣвая ея тревогъ и волненій, весело, оживленно продолжалъ:

— О тебѣ справлялись и по телефону, и такъ, при встрѣчахъ. Я, конечно, зналъ въ общихъ чертахъ, что тебѣ лучше—ты вѣдь не очень щедра на письма—но такой цвѣтущей никакъ не ожидалъ тебя найти.

«Сколько самообладанія... Какая выдержка!»—Почти восхищалась она.

— Что же ты молчишь? Ни о чемъ не спрашиваешь?

— Я вижу... ты здоровъ... оживленъ... веселъ... Чего же еще?

— Я-то здоровъ. Что мнѣ станется? Тебя не интересуетъ, какъ я съѣздилъ?

«Сказать, что я знаю, что онъ былъ въ Ниццѣ? Начнетъ вилять, увертываться... Нѣтъ, подожду...»

— Съ какимъ это ты поѣздомъ? Такъ рано сюда изъ Петербурга попасть нельзя.

— Да я и не изъ Петербурга. Я прямо изъ Выборга, куда пріѣхалъ ночью.

— Изъ Выборга?

— Ну да. Чему ты удивляешься? Мнѣ нужно быть на

Иматрѣ. Тамъ живетъ одинъ господинъ, котораго мнѣ нужно видѣть по дѣлу, и вотъ по дорогѣ свернулъ къ тебѣ.

«Значитъ, не будетъ говорить о разводѣ,—облегченно вздохнула она—но тутъ что-то есть!».

— И долго ты разсчитываешь пробыть тамъ?

— Нѣтъ, день-два. Кстати и отдохну; а тамъ и за дѣла!

«Ѣдетъ не одинъ. На Иматрѣ или въ Выборгѣ ждетъ «та». Но что ему нужно? Что именно?»

— Какъ ты тутъ проводила время? Не скучала? Отчего, собственно, такъ поправилась?

— Скучать?.. Нѣтъ, ты знаешь, я вообще не скучаю... Отчего поправилась?.. Опредѣленно сказать трудно... Ложилась рано, вставала рано, много бывала на воздухѣ... Вотъ и весь секретъ. Но больше всего, думаю, оттого, что жила далеко отъ городской сутолоки.

— Я знаю твой взглядъ на жизнь въ большихъ городахъ,—снисходительно улыбнулся онъ,—особенно въ столицахъ.

— Причина всѣхъ золъ и несчастій людей.

— Твой вѣчный конекъ.

— Развѣ же я не права? Жизнь вдали отъ природы, безъ воздуха, вѣчная сутолока, вѣчная погоня за другими: день обращенъ въ ночь. Ночь проводится въ душныхъ помѣщеніяхъ, при искусственномъ свѣтѣ, ради искусственныхъ интересовъ. Жизнь изломанная, развращенная, извращенная—проклятіе Бога и людей.

Она махнула рукой и внезапно смолкла, какъ бы вспомнивъ что-то.

— Ты вѣрна себѣ! Это рѣдко въ наше время. Но что бы я, напримѣръ, сталъ дѣлать въ провинціи?

— То же, что и здѣсь. Развѣ тамъ люди не нужны? Могъ бы служить въ земствѣ, по выборамъ, мало ли гдѣ. А не захотѣлъ жить въ городѣ, жилъ бы въ моей усадьбѣ. Ты забылъ, какъ тебѣ тамъ нравилось...—вздохнула она.

— Нѣтъ, не забылъ, тамъ дѣйствительно хорошо... Красота... И охота, и рыбная ловля, и прекрасная библіотека...

— Книги можно вездѣ имѣть. Но найди-ка время, когда ихъ читать. А тамъ, помнишь? Сколько мы читали... Вдали отъ всѣхъ толковъ и кривотолковъ, кружковъ и кружковщины... Эхъ! Да что говорить! Живи мы въ деревнѣ или въ хорошемъ провинціальномъ городѣ, развѣ наша личная жизнь была бы такой...

— Но такъ какъ намъ все-таки приходится жить въ Петербургѣ,—прервалъ онъ ее,—то, какъ поется въ какой-то французской опереткѣ: «N'en parlons plus». А тебя такъ-таки и не ин-

тересуетъ, какъ я съѣздилъ, что видѣлъ, слышалъ за границей?..— произнесъ онъ, чтобы свернуть разговоръ съ того скользкаго пути, на который привела его послѣдняя фраза жены.

— Что же тамъ можетъ быть особеннаго? Я вообще не большая поклонница газетнаго чтенія, но существенное знаю изъ газетъ, какъ и всѣ... А что касается тебя лично... — и она на мгновенье остановилась и, набравшись духу, окончила,—то знаю, что ты былъ въ Ниццѣ.

Онъ смутился, но тотчасъ же овладѣлъ собой.

— Ну, да. Ты знаешь, что я люблю море, а иногда не прочь и попытать счастье—улыбнулся онъ, снисходя къ своимъ слабостямъ.—И по теоріи вѣроятности, рѣшила, что я туда заѣхалъ, тѣмъ болѣе, что былъ такъ близко.

«Ловко! Подожди же!»

— Нѣтъ; о томъ, что ты былъ въ Ниццѣ, я знала не по теоріи вѣроятности, а навѣрное.

— Навѣрно? Но объ этомъ я самъ узналъ лишь, когда туда попалъ.—Улыбнулся онъ и всѣмъ видомъ своимъ изображалъ олимпійское спокойствіе.

— А я знала навѣрно!—тоже улыбаясь, проговорила она твердо.

— Странно! — И выраженіе, такъ хорошо ей знакомое, испытующее, стерегущее, выжидающее, промелькнуло въ его красивыхъ глазахъ и моментально исчезло.

— Дѣло простого случая, какъ все въ жизни,—улыбнулась она.—Съ тобою въ одномъ поѣздѣ ѣхалъ близкій родственникъ одной барыни, живущей здѣсь, и написалъ ей, а она передала мнѣ. Какъ видишь, «simple, comme bonjours».

— Да?..—Онъ вполнѣ уже овладѣлъ собою, и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его окаменѣвшемъ сразу лицѣ. — Кто же это?

— Не могу тебѣ сказать. Не поинтересовалась узнать фамиліи.

— А ты спроси сейчасъ.

— Ея уже здѣсь нѣтъ.

— Да это, впрочемъ, и неважно! — небрежно бросилъ онъ.—Конечно, былъ. Покончилъ дѣла и съѣздилъ. Ненадолго, впрочемъ.

— А гдѣ были дѣла?—спросила она тоже небрежно, поправляя уголья въ каминѣ.

— Въ Бельгіи, въ Брюсселѣ.

— И изъ Брюсселя ты поѣхалъ...

— Изъ Брюсселя прямо въ Ниццу, разумѣется, съ остановкой въ Парижѣ на два дня... Скверно тамъ теперь... Слякоть...

— А изъ Парижа въ Ниццу, на солнце?

— Да, на солнце и... на золото... На золотое солнце!— улыбнулся онъ своей игрѣ словъ.

— Да?—пропустила она его остроту. — Вотъ это такъ дѣйствительно странно.

— Почему же?—насторожился онъ опять.

— Такъ... вообще...

— Да что такое?.. Ты что-то замалчиваешь. Ну, да говори же, Ната!

— Господинъ этотъ писалъ, что ѣхалъ съ тобою прямо изъ Петербурга въ Ниццу въ нордъ-экспрессѣ.

— Ну, это вздоръ. Просто смѣшалъ меня съ кѣмъ-нибудь.

— Нѣтъ, не смѣшалъ. Выписалъ полностью твое имя, отчество и фамилію и даже прибавилъ «нашъ извѣстный».

«Проклятый случай! Она начинаетъ что-то подозрѣвать».

Наталья Михайловна ликовала. Она такъ приперла къ стѣнкѣ своего супруга, а онъ ли не былъ дипломатомъ — что ей даже жаль его стало.

«На этотъ разъ довольно!»—подумала она.

Кстати позвонили къ обѣду, и щекотливое положеніе Сергѣя Николаевича само собою кончилось.

— Это звонятъ къ обѣду,—какъ ни въ чемъ не бывало сказала она. Пойдешь въ столовую? А то можно и сюда велѣть подать.

— Какая тамъ публика?

— Исключительно дамы.

— Вотъ странно! Монастырь...

— Да; я и называю нашъ пансіонъ «Обителью».

— А какого типа монашенки?

— Какъ тебѣ сказать...—замялась она.—Больше... обывательскаго... Есть очень милыя и много хорошенькихъ.

Онъ взглянулъ въ зеркало на свое бѣлье—на немъ все было безукоризненно.

— Пойдемъ въ столовую. Хочу взглянуть, въ какомъ ты обществѣ живешь.

Обѣдъ на этотъ разъ прошелъ оживленнѣе обыкновеннаго. Сергѣй Николаевичъ много и интересно разсказывалъ про Ниццу, Парижъ, не забылъ упомянуть и о послѣднихъ новинкахъ по части дамскаго туалета и въ результатѣ очаровалъ всѣхъ дамъ.

Къ женѣ былъ все время нѣжно-внимателенъ, а когда

подали дессертъ, попросилъ послать кофе наверхъ, прибавивъ, что, къ сожалѣнію, долженъ скоро уѣхать и послѣдній часъ желалъ бы провести съ женой.

Наверху топился каминъ, дымился ароматный кофе... Сергѣй Николаевичъ самъ открылъ большую корзину и сталъ развертывать фрукты, конфекты, сласти—все самое лучшее, самое отборное, самое изысканное. Потомъ досталъ тщательно упакованный пакетъ, завернутый въ толстый слой ваты. Въ пакетѣ была корзина свѣжихъ ландышей, наполнившихъ комнату ароматомъ весны и молодости.

Сергѣй Николаевичъ вошелъ въ роль и началъ такъ мило, такъ очаровательно потчевать жену, точно они были въ свадебной поѣздкѣ.

Наталья Михайловна съ тихой грустью смотрѣла на начавшій падать снѣгъ, на изящныя движенія мужа и думала свои печальныя думы:

«Es wäre so schön gewesen»,
«Aber es hät nicht sollen sein».

А Сергѣй Николаевичъ оживлялся все болѣе и болѣе: разсказывалъ про заграничныя встрѣчи, театры, рисовалъ комическія картинки, дѣлалъ мѣткія характеристики, сыпалъ замѣчанія. Словомъ, былъ въ ударѣ, какъ въ лучшіе дни ихъ совмѣстной жизни...

— Вотъ бы тебѣ куда теперь поѣхать! Здѣсь-то хорошо, хорошо, а на солнцѣ у моря, которое ты такъ любишь—все же лучше... Соберись-ка въ самомъ дѣлѣ и поѣзжай!

«Недурно бы теперь ее спровадить подальше. Что-то мнѣ не нравится ея задумчивость. Прежде была больна, а теперь-то что? И видъ у нея такой!.. Попутчикъ, чортъ бы его побралъ... Подгадилъ здорово»...

— «Выживаетъ меня, это какъ-то грубо даже выходитъ!»

— Одной скучно!—проговорила она вслухъ.

— Что ты! На Ривьерѣ сейчасъ милліоны знакомыхъ!

— Я не поклонница сутолоки и знакомствъ.

— А природа, а море, а прогулки въ сосѣдніе курорты, по горамъ, которыя ты такъ любишь, любила, по крайней мѣрѣ, прежде, когда мы туда ѣзжали. Да мало ли куда...

— Вотъ именно, когда мы ѣздили вмѣстѣ.

— Вечеромъ поѣдешь въ оперу,—продолжалъ онъ, какъ бы не дослушавъ послѣдней фразы,—въ казино, попытаешь счастья. Это иногда занятно...

— Я не поклонница азарта... ни въ чемъ.—И чтобы перемѣнить тему:—Ну, а ты испыталъ счастье?

— М-да!—замялся онъ,—немного, впрочемъ.

— Что немного? Выигралъ или проигралъ?

— Въ общемъ итогѣ, кажется, проигралъ. Но... были моменты... довольно сильные...

— Въ «trente et quarante»? Знаю. Въ одинъ вечеръ выигралъ довольно крупную сумму...

— Но это удивительно! Что у тебя тамъ агенты были свои, которые слѣдили за мной?

— Агенты... это... сильно. Но... вѣдь ты же мнѣ чѣмъ-нибудь приходишься... Что же тутъ удивительнаго, что я интересуюсь тобою.

— Напротивъ. Это даже лестно... Такое вниманіе...

«Задѣла за живое и, пожалуй, выдала себя».

— Вниманіе жены къ мужу поощряется даже, кажется, законами...—сентенціозно проговорила она, вспомнивъ Екатерину II.

— Да, конечно, конечно. Но все же... Если у тебя не было агентовъ—ахъ, да,—вспомнилъ онъ вдругъ,—это все тотъ таинственный господинъ, который будто ѣхалъ со мною въ одномъ поѣздѣ...

«Струсилъ и заволновался».

— Нѣтъ, его свѣдѣнія ограничились только вашимъ совмѣстнымъ пребываніемъ въ поѣздѣ.

— Пожалуй, еще что-нибудь наплелъ.

— Отчего же такъ строго? Сообщеніе простого факта не представляетъ вѣдь ничего предосудительнаго.

— Кажется, мой возница пріѣхалъ. Значитъ, пора собираться.

«Да, ему что-то нужно было... И онъ не сказалъ. Но что, что?»—мучительно волновалась она.

Лошади между тѣмъ подкатили къ подъѣзду, и финнъ прислалъ сказать, что дорога испортилась и ѣхать надо сейчасъ, чтобы попасть на скорый поѣздъ.

Сергѣй Николаевичъ подобрался, спряталъ подъ каменной маской всѣ волненія, вызванныя свиданіемъ съ женой, простился съ ней очень тепло и, уже сидя въ саняхъ и глядя на небо и почернѣвшую мѣстами и оголенную отъ снѣга дорогу, сказалъ:

— Подумай-ка, Ната, о нашемъ разговорѣ. Погода, кажется, начинаетъ тутъ портиться, а съ твоимъ здоровьемъ, не думаю, чтобъ эта гниль послужила тебѣ въ пользу.

«Ясно, что выживаетъ меня».

— Заѣдешь на обратномъ пути?

— Нѣтъ. Я такъ запустилъ дѣла. Отдохну. Подышу воздухомъ «бѣшеной чухонки» и домой. Ну, до свиданія. Ты напишешь, конечно, если вздумаешь ѣхать. О формальностяхъ не безпокойся. Паспортъ, билетъ—все это я беру на себя. А пока поправляйся и будь здорова.

Лошадь и санки покатили по кругу передъ домомъ. У воротъ онъ оглянулся, очаровательно улыбнулся женѣ,ославъ ей воздушный поцѣлуй, и, спустившись съ холма, скрылся изъ вида.

Наталья Михайловна поднялась къ себѣ, схватила бинокль и, взобравшись на вышку, откуда виднѣлась дорога, долго слѣдила, пока санки не обратились въ маленькую точку, наконецъ и она скрылась за лѣсомъ.

Рыданія сдавили ей горло, и безсильныя слезы потекли и залили склоненное на руки лицо.

IX.

Нѣтъ, нѣтъ! У нея больше нѣтъ силъ дольше тянуть это невыносимое положеніе. Она должна видѣть Сергѣя, должна говорить съ нимъ прямо, откровенно, честно, безъ лжи и хитрости, должна высказать ему все, какъ она страдаетъ теперь, какъ страдала и мучилась раньше. Да, да. Это должно кончиться теперь, сегодня же.

Она спустилась внизъ, достала расписаніе поѣздовъ и увидала, что на скорый она уже сегодня не попадетъ. Прійдется ѣхать со слѣдующимъ, который будетъ на Иматрѣ около 6 ч. вечера. Позвонила горничную и начала быстро одѣваться, при чемъ поймала себя на желаніи принарядиться. «On ne pénetre pas sans peine, ni obstacle au paradis»,—улыбнулась она.—«Бороться за свое счастье право каждаго, — подумала уже серьезно. «Цѣль нашего земного бытія—это счастье всѣхъ вообще и каждаго въ частности. Вопросъ въ томъ, въ чемъ счастье». Но это вопросъ другой и болѣе сложный, и сейчасъ ее не занимаетъ. А ей лично нужно сейчасъ одно—очаровать своего мужа.

Итакъ за дѣло—и даже повеселѣла отъ одной мысли этой. Приказала подать хорошее платье, новую шляпу и шубку. Взглянувъ въ зеркало, осталась довольна своимъ видомъ, велѣла

горничной положить въ сакъ все необходимое для ночного туалета и укатила на станцію.

Чтобы не думать, не разстраиваться, начала читать одинъ изъ желтыхъ томиковъ, привезенныхъ Сергѣемъ Николаевичемъ изъ Парижа. Эта невинная стряпня французской беллетристики заняла ея время и вниманіе, оставивъ въ покоѣ душу и умъ, чего она собственно и хотѣла.

Наконецъ, въ 6 ч. съ минутами поѣздъ остановился на станціи «Иматра». Оставивъ свой ручной багажъ на храненіе, она вышла съ вокзала. Но куда идти? Вспомнивъ старую привычку мужа—останавливаться всегда въ лучшихъ отеляхъ, наугадъ приказала везти себя въ «Каскадъ». Спросила комнату и, пока служащіе наводили справку о свободныхъ №№, взглянула на доску и подъ однимъ № увидала печатную карточку мужа. Сердце опять забило тревогу.

Пошептавшись на своемъ языкѣ, одинъ изъ служащихъ, одѣтый не хуже какого-нибудь секретаря посольства, подошелъ къ ней и заявилъ, что послѣ обѣда освободится нѣсколько №№, но что раньше, чѣмъ господа, занимающіе ихъ, не уѣдутъ, видѣть эти №№ нельзя. А это будетъ черезъ два часа, когда поѣзда, идущіе въ Петербургъ и Гельсингфорсъ, уйдутъ.

— Хорошо. Я зайду черезъ два часа.

— Не угодно ли, сударыня, въ столовую. Обѣдать только-что сѣли.

— Спасибо, я предпочитаю погулять.

— А ваши вещи на вокзалѣ? Позвольте квитанцію. Когда вы вернетесь, онѣ уже будутъ здѣсь.

— У меня нѣтъ вещей. Я не надолго. На день, на два, не больше.

Она вышла изъ гостиницы, перешла мостъ, брошенный черезъ «бѣшеную чухонку»—какъ назвалъ Сергѣй Николаевичъ Иматру, и, не давая себѣ отчета, совершенно машинально направилась на противоположный берегъ рѣки, гдѣ находился, въ сторонѣ отъ другихъ, маленькій пансіонъ.

Все то же, что́ и тогда... Деревья вотъ немного подросли. Открытая площадь—луга—въ сторону рѣки обнесена низкимъ заборомъ, чтобы не закрывать вида на Иматру. Позади садъ, переходящій въ лѣсъ. Большой домъ, въ саду нѣсколько маленькихъ дачекъ... Вотъ ихъ окна, окна тѣхъ двухъ комнатъ въ большомъ домѣ, которыя она занимала тогда съ Сергѣемъ.

И вспомнились ей тѣ неизгладимые изъ памяти дни, ко-

торые они прожили здѣсь. Кровь прилила къ лицу, и чувство неизъяснимой радости наполнило душу и куда-то сразу исчезли всѣ ужасы и страданія послѣднихъ годовъ.

X.

И вспомнила она ту раннюю весну и раннюю Пасху. Въ Петербургѣ трезвонъ колоколовъ, суета и сутолока страстной недѣли. Насилу дождались страстной Субботы и съ утреннимъ поѣздомъ уѣхали на Иматру.

Остановиться рѣшили въ маленькомъ отелѣ, чтобы отдохнуть отъ людей, отъ чужихъ, отъ знакомыхъ, которыхъ въ это время здѣсь видимо-невидимо.

Пріѣхали днемъ. На улицахъ мокро, грязно, но солнце свѣтитъ уже по-весеннему, почки на деревьяхъ наливаются, поютъ раннія птички, бѣгаютъ совсѣмъ по-лѣтнему босоногіе ребятишки—словомъ, пахнетъ весною, неуютной сѣверной весною.

Взяли возокъ—санный путь испортился—и начали объѣзжать отели и пансіоны.

Хотѣлось чего-то особеннаго, чтобы хоть на время забыть о петербургской квартирѣ, о парадныхъ подъѣздахъ, электрическихъ люстрахъ, телефонномъ трезвонѣ, швейцарахъ, дворникахъ, чаевыхъ, поздравленіяхъ и прочихъ прелестяхъ цивилизаціи большихъ культурныхъ центровъ. И, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, нашли. Наталія Михайловна, Ната, или Тася, какъ звалъ ее тогда Сергѣй Николаевичъ, пришла въ восторгъ отъ чисто вымытыхъ деревянныхъ, даже не крашеныхъ половъ, отъ простыхъ деревенскихъ половиковъ домашняго тканья, отъ низенькихъ оконъ съ внутренними ставнями и незатѣйливыми кисейными занавѣсками и отъ огромной финской печи, въ которой за рѣшеткой тлѣлъ чуть ли не пудъ угольевъ. Комнаты находились въ концѣ корридора, съ отдѣльной маленькой передней, и были очаровательны своей чистотой и уютностью.

Она усѣлась на скамью напротивъ дома и вся отдалась воспоминаніямъ...

Пообѣдали тутъ же у себя вдвоемъ и пошли бродить.

И вспомнился ей ихъ первый споръ...

— Нѣтъ, не люблю я сѣверной весны!—съ капризными нотками въ голосѣ, говорила она, Ната.—То ли дѣло у насъ теперь, на югѣ! Ты, Сережа, городской житель и понятія не имѣешь—сколько прелести въ нашей южной, ранней веснѣ.

— Понятіе-то имѣю, моя дѣвочка. Но восхищаться новорожденными телятами и прочими «атами»—не умѣю!—разсмѣялся онъ.

— Конечно, не умѣешь. И понятія настоящаго не имѣешь! Если бы ты видѣлъ, какъ они очаровательны, всѣ эти «ата», всѣ эти только-что вылупившіеся изъ яичка, утята, цыплята, гусята... О, какъ они нѣжны, какъ изящны, сколько въ нихъ граціи, поэзіи... Ты смѣешься? Отъ невѣжества, мой миленькій... потому что ты, Серженокъ, хоть и страсть какой ученый, а въ этихъ дѣлахъ ничего не смыслишь. Индюшата, напримѣръ, тѣ страшно комичны, но необыкновенно важны, настоящія «принцессы на горошинѣ». Ха-ха-ха! Ты знаешь, напримѣръ, чѣмъ кормятъ маленькихъ индюшатъ? Ага! Говорила, что ты ничего не знаешь... Такъ извольте, сударь, знать, что ихъ кормятъ творогомъ. Да-съ! Самымъ свѣжимъ творогомъ, самымъ лучшимъ творогомъ. А цыплята—тѣ больше всего любятъ круто сваренныя яйца и особенно желтки.

— Совѣтую тебѣ написать трактатъ на эту тему.

— Безъ меня написано. И много. А въ поле пойдешь... Подъ ногами таетъ, вездѣ ручейки, солнышко грѣетъ жарко-жарко... И тишь такая, и ароматъ какой-то особенный, и отъ земли и отъ деревьевъ, и небо такое особенное, глубокое, бездонное и голубое, голубое... и душа рвется куда-то, невѣдомо куда и такъ хорошо, хорошо; и хочется плакать и хочется смѣяться, безъ причины плакать, безъ повода смѣяться...

— Ахъ, да что говорить!—махнула рукой и задумалась...

И сейчасъ это чувствуетъ такъ—будто это было вчера, сегодня утромъ...

— Ну, что же ты, щебетунья моя, замолчала? Пощебечи, моя птичка колибри! Тася, Тасюкъ! Что это, слезки по индюшатамъ?

— Ахъ, оставь, ты ничего не хочешь понять.

— Можетъ быть, ты и права. Вѣдь надо вырости среди природы, среди животныхъ, чтобы полюбить все это, какъ ты...

— Не въ однихъ животныхъ дѣло, а во всемъ вмѣстѣ, во всей этой красотѣ, во всей красочности... На всемъ тамъ особая печать Божья... И счастье само просится въ душу... А тутъ... что тутъ?—вздохнула она опять...—Да, что тутъ? —повторила она уже теперь тотъ самый вопросъ.

Сергѣй, помнится, отвѣтилъ:

— Дорогая моя, вѣдь ты же сама хотѣла ѣхать сюда, а теперь недовольна.

— Хотѣла прежде всего изъ противнаго города долой...

Мечтала о снѣгѣ, о санномъ пути, о катаньи по окрестностямъ.

— Какой же теперь снѣгъ! Видишь, какія лужи, калоши вязнутъ.

— Надоѣло мѣсить грязь,—капризно проговорила она,—пойдемъ домой.

— Пойдемъ.

Долго ныть, быть недовольной—она не умѣла. Вообще это была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя въ каждомъ положеніи умѣютъ находить какую-нибудь хорошую сторону.

Прійдя домой, Ната весело сказала мужу:

— Я захватила кучу новыхъ журналовъ, даже не разрѣзанныхъ. Подложимъ еще дровъ въ печь, закроемъ ставни и давай читать. А, главное, что никто не помѣшаетъ, и мы, какъ двое влюбленныхъ, проведемъ вечеръ «tête à tête».

— Dixi, моя крошка!

Вечеръ провели чудесно. Читали, декламировали. Сергѣй Николаевичъ любилъ читать вслухъ стихи,—потомъ пили чай вдвоемъ, что̀ въ городѣ удавалось рѣдко—и въ концѣ такъ развеселились, что сдвинули мебель и Ната стала показывать мужу новые танцы.

— На слѣдующій день утромъ,—вспоминала далѣе Наталья Михайловна,—Свѣтлое Воскресеніе. Сергѣй Николаевичъ на цыпочкахъ подошелъ къ кровати жены, боясь разбудить ее. Но она и не думала спать, а притворилась спящей, шаловливо выжидала, что̀ онъ станетъ дѣлать, онъ, такой смѣшной при его ростѣ въ этихъ низенькихъ, игрушечныхъ комнатахъ. Но, долго не выдержавъ роли, разсмѣялась.

— Христосъ Воскресе!—И сталъ осыпать ее поцѣлуями.—А я приготовилъ тебѣ сюрпризъ.

— Какое-нибудь яичко съ фокусами? Я выросла; меня этимъ не удивишь!

— Конечно, мы такъ умны! Но, повторяю, сюрпризъ мой стоитъ награды. Что дашь за него?

— Ого! Настоящій коммерціи совѣтникъ. Самъ напрашивается съ сюрпризомъ и еще требуетъ мзду.

— Я не шучу и повторяю, что сюрпризъ стоитъ большой награды.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Я привыкла вѣрить моему господину и повелителю,—ну, показывай скорѣй, не мучь.

— Нѣтъ, братъ, это не такъ просто. Предупреждаю, дешево не уступлю!

— Однако, это меня начинаетъ интриговать. Ну, ладно, говори, чего хочешь, только не запрашивай.

— Чего хочу? Клянись!

— Въ чемъ?—разсмѣялась она опять.

— Что никогда, слышишь, никогда не разлюбишь.

— Торжественно! И вотъ такъ, неодѣтая, тутъ, въ постели.

— Ничего не значитъ. Клянись!

— Ха-ха-ха! Вотъ глупый! А еще такой умный! Ахъ, ты комикъ! Развѣ можно давать подобныя клятвы? Встрѣчу вотъ тутъ какого-нибудь викинга и тогда...

— Что тогда?

— Прощай, герой моего законнаго романа. Ха-ха-ха!

— Наташа, не смѣйся! Если бы ты знала, какъ мнѣ больно отъ твоей шутки.

И лицо его стало серьезнымъ, почти каменнымъ. Такое выраженіе она тогда впервые увидала у своего Сережи.

— Милый, вѣдь я пошутила! Глупыя слова, которымъ смѣшно придавать значеніе...

— Есть слова, которыми шутить не должно!

— Ну, не буду! Больше никогда не буду!—стала осыпать его лицо поцѣлуями.—А сюрпризъ?

— А ты не поклялась!

— Смѣшной! Всѣ клянутся и даютъ зароки, а потомъ великолѣпно нарушаютъ ихъ.

— Ты это по личному опыту?

— А то какъ же!—поддразнила она его; но, взглянувъ на его лицо, ей стало почти страшно.

— Говори, въ чемъ клясться?

— Въ томъ, что если полюбишь—скажешь мнѣ объ этомъ первому.

— Только-то! Вотъ чудакъ! — разочарованно проговорила она.

— Можетъ быть, но я этого хочу!

— Прежде всего, этого никогда не будетъ,—проговорила она очень серьезно.—Но если бы и случилось, то кому же бы я могла сообщить о такомъ важномъ въ моей жизни событіи, кромѣ тебя? Ближе и дороже тебя—у меня никого нѣтъ. А умнѣе и лучше тебя—на свѣтѣ нѣтъ. О, мой родной!—И слезы заблестѣли на ея рѣсницахъ и медленно стекали по щекамъ.

Онъ наклонился и поцѣлуями выпилъ всѣ слезинки и понемногу успокоилъ ее.

— И ты долженъ поклясться въ томъ же. Иначе...

— Что?

— Помнишь твой первый подарокъ, свадебный?

Онъ сталъ припоминать. Протянувъ руку къ ящику стола, она его открыла и достала оттуда крошечный футляръ, протянула мужу.

— Вотъ этотъ, помнишь?

Онъ надавилъ пружину и досталъ игрушечный револьверъ, на которомъ былъ выгравированъ годъ и день ихъ свадьбы, а затѣмъ взялъ со дна футляра бумажку.

— Читай.—И онъ, наклонившись къ окну при свѣтѣ, падавшемъ изъ щели ставней, прочелъ: «Если я измѣню тебѣ, Тася, ты отомстишь мнѣ изъ этой вотъ игрушки». Слѣдовала подпись. Оба задумались. По комнатѣ пронеслась невидимая тѣнь, и этотъ моментъ глубоко запечатлѣлся въ душѣ Наты.

— Весело же мы проводимъ первое праздничное утро! Сюрпризъ, скорѣй сюрпризъ!

— Да, милая!—И, поцѣловавъ ее безумно, страстно, съ надрывомъ сказалъ:—Закрой глаза и смотри не открывай ихъ, пока я не позволю.

Онъ всталъ и вмигъ открылъ ставни.

— Гляди!

Она открыла глаза... и замерла на мѣстѣ. Все кругомъ—поля, деревья, лѣсъ и берега ревущей Иматры, словно для праздника, нарядилось въ дѣвственно-чистый снѣжный покровъ.

Снѣгъ валилъ густыми хлопьями, снѣжинки кружились, разъединяясь и сливаясь.

— Какой восторгъ!—могла только выговорить Наташа.

Прошло нѣсколько мгновеній, и она не могла оторваться отъ неожиданнаго зрѣлища.

— Какъ я была счастлива тогда... А теперь... Но дальше, что̀ было дальше.

— Ну, что̀, хорошъ сюрпризъ?

Наташа оглянулась.

— Противный! — Промучилъ цѣлую вѣчность и отнялъ цѣлый часъ наслажденія.

— Логично! Вѣчность ожиданія и часъ наслажденія... Впрочемъ, ты сама не замѣчаешь, какую великую истину выразила...

— Оставь логику и философію. Ха-ха-ха! Вотъ комикъ! Приготовилъ сюрпризъ, точно по его мановенію разверзлись небеса!

И оба стали хохотать, молодо, весело, и отъ печальной тѣни, только-что промелькнувшей надъ ихъ счастьемъ, и слѣда не осталось.

— Живо ступай къ себѣ и вели подать кофе, а я вмигъ одѣнусь и—гайда на улицу!

— Нѣтъ, братъ, шутишь! Не на улицу, а прямо на Малую Иматру! Въ самыхъ лучшихъ саняхъ, какія тутъ можно было достать, и съ великолѣпной медвѣжьей полостью. Ну-ка, живо, соскочи и взгляни изъ моего окна. Видишь? Все готово къ услугамъ Королевы!

У подъѣзда стояли прекрасныя сани, откормленный рысакъ и принаряженный, молодцеватый финнъ. А она бросилась цѣловать своего мужа.

— Вотъ такъ сюрпризъ!

— Но такъ мы никогда не кончимъ! Маршъ одѣваться! А я пріймусь за хозяйство.

И все забѣгало, все засуетилось подъ его командой. Его комната была мигомъ убрана, столъ накрытъ. Изъ корзины были вынуты петербургскія пасхи, куличи, фрукты, конфекты, корзины съ цвѣтами—любимые Натой ландыши, туберозы, бѣлая гвоздика.

Вскорѣ появилась и сама Ната въ бѣломъ суконномъ платьѣ, плотно охватившемъ ея стройную фигуру, и въ простой, скромной дѣвичьей прическѣ—его любимой—свѣжая, прекрасная, счастливая...

— О, моя радость!—пошелъ онъ ей навстрѣчу и началъ ее опять цѣловать.

— Нѣтъ, нѣтъ! — запротестовала она. — Живо за столъ, завтракать и въ путь!

Къ вечеру температура еще понизилась, и установился чудесный санный путь, продержавшійся всю Пасху.

Объѣздили всѣ окрестности; побывали въ Гельсингфорсѣ, осмотрѣли музеи, выставки, накупили кучу ненужныхъ вещей и опять вернулись въ свои любимыя, уютныя комнатки и въ такомъ счастливомъ угарѣ провели всю Пасхальную недѣлю.

А теперь... Часы пробили гдѣ-то 7, и она сразу очнулась...

Ее охватила невыразимая тоска... Утреннія радужныя надежды и мечты растворились во мракѣ ночи. И, разбитая, потерянная, одинокая, побрела къ отелю.

XI.

Оказалось, что обѣдъ идетъ уже къ концу, гости скоро уѣдутъ и можно будетъ видѣть комнаты, а пока ее попросили подождать въ гостиной. Но, вспомнивъ, что здѣсь могутъ оказаться знакомые, наконецъ, кто ей поручится, что Сергѣй здѣсь одинъ, а встрѣча съ «нею»... О! этого еще не доставало! Нѣтъ. Она лучше побродитъ и вернется сюда, позже, когда все успокоится.

Наталья Михайловна прошла къ рѣкѣ и опять очутилась во мракѣ ночи. Свѣтъ отъ фонарей сюда не достигалъ. Отъ усталости и слабости она едва держалась на ногахъ и опустилась на первую попавшуюся скамью. Что-то знакомое вспомнилось ей опять и, оглянувшись, она вдругъ узнала «ихъ» любимый «грибокъ», гдѣ она часто сиживала съ Сергѣемъ. Скамью эту онъ назвалъ «предательской», потому что, сидя на ней, можно было слышать, но не видѣть сосѣдей.

Съ Иматры дуло холодкомъ; Наташа подняла воротникъ и плотнѣе закуталась въ шубку.

«Если послать за нимъ сегодня же, то выйдетъ, пожалуй, черезчуръ поспѣшно. Да и устала я... Нѣтъ, лучше отложить на завтра... Высплюсь, отдохну и попрошу его къ себѣ пить кофе. Воображаю его удивленіе... Впрочемъ... Не надо называть свою фамилію. Такъ просто: «знакомая дама, увидавъ его карточку, проситъ къ себѣ позавтракать вмѣстѣ». Такъ лучше... застать его врасплохъ... Да, да, вотъ именно такъ».

Пока она намѣчала планъ дѣйствія на завтрашній день, по ту сторону скамьи сѣли. Она была такъ погружена въ свои мысли, что ничего не замѣтила.

— Напрасно ты не хотѣлъ разсказывать за столомъ. Въ это время года русскіе сюда заглядываютъ рѣдко. Кромѣ шведовъ, туристовъ изъ Англіи и этой противной француженки, все время пялившей на тебя свои буркалы—никого и не было. Ну, разсказывай, я горю отъ нетерпѣнія.

Голосъ былъ рѣзкій и немолодой.—«Дама властная»,—подумала Наталья Михайловна.—Кто это сказалъ?—Кажется, Достоевскій, что по смѣху узнаютъ человѣка. А по-моему—по голосу. У хорошаго человѣка не можетъ быть скверная голоса.

— Что же ты молчишь?—прервалъ размышленія Натальи Михайловны тотъ же голосъ,—или такъ размякъ отъ нѣжнаго свиданія, что потерялъ способность говорить?

— Нечего разсказывать, — проговорилъ довольно угрюмо мужской голосъ.

Наталья Михайловна чуть не вскрикнула... Это былъ онъ, Сергѣй. Первое ея движеніе было—броситься бѣжать. Но инстинктъ самосохраненія, борьба за свое счастье и, можетъ быть, еще цѣлая гамма чувствъ, не поддававшихся въ этотъ моментъ анализу,—удержали ее на мѣстѣ.

— Глупо не воспользоваться такимъ случаемъ... И притомъ... я не искала его. Сама судьба... «Fatalité»,—мелькнуло въ умѣ, и осталась на мѣстѣ...

Молчаніе.

— Ты, кажется, намѣренъ довести меня до бѣлаго каленія. Да, это издѣвательство какое-то! Оставилъ меня на цѣлый день одну въ противномъ чухонскомъ городишкѣ; извелась вся отъ скуки... а онъ тамъ прохлаждается.

— Въ Выборгѣ недурной музей. Пошла бы туда и не скучала бы.

— Ну, миленькій, это ты свою законную развивай и обучай. А я и такъ учена. На мой вѣкъ моей учености хватитъ.

— Чего ты злишься?

— Радоваться нечему. Ждала тамъ. Сюда ѣхала одна.

— Вольно же было не подождать меня.

— Но ты черезчуръ долго тамъ миндальничалъ. Наконецъ, изволилъ прибыть, и я не могу изъ тебя слова вытянуть.

— Гдѣ же можно было говорить. Ты, не дождавшись меня, уѣхала кататься и вернулась, когда всѣ сидѣли за столомъ...

— А ты, что же воображалъ, что я буду мерзнуть на дебаркадерѣ въ ожиданіи милаго дружка...

«Боже мой!—думала Наталья Михайловна—и эту женщину онъ любитъ»...

— Не хотѣла ждать, такъ и пеняй на себя, что до сихъ поръ ничего не узнала,—огрызнулся Струнницынъ.

— Но что же ты теперь томишь меня? Вѣдь мы одни и не за столомъ, хоть и тамъ ты отлично могъ бы все передать.

— Ты не даешь мнѣ слова сказать.

— Вотъ такъ всегда, что бы ни случилось, виновата всегда я. Необыкновенно благородная черта, рыцарская черта! Все валить на другихъ, а особенно на женщину, на беззащитную.

Въ голосѣ послышались истерическія нотки.

— Перестань, Катя. Ну, виноватъ, если тебѣ отъ этого легче. Брось. Слезы портятъ глаза.

Женщина начала сморкаться, всхлипнула еще раза два и мало-по-малу успокоилась.

— Говори!—повелительно приказала она.

— Я уже сказалъ, что разсказывать нечего. Въ пустую съѣздилъ.

— Какъ такъ въ пустую? Не дала?

— Я не спросилъ.

— Для чего же ты ѣздилъ? Для чего же было всю эту исторію затѣвать?

Молчаніе.

— Но я не могу; пойми ты, не могу. Безъ этихъ пяти тысячъ я не могу вернуться въ Петербургъ... Это возмутительно. Это не передается словами — поѣхать, потерять цѣлый день и не сдѣлать самаго главнаго.

— Пойми ты тоже,—уже повысивъ голосъ, проговорилъ Струнницынъ,—что я не могъ спросить, не могъ и кончено!

— Но почему, почему, что случилось?..

— Ничего особеннаго... А только...

— Что только? Говори, не мямли...

— Она начинаетъ подозрѣвать.

— Ну, это твоя фантазія. Она слишкомъ глупа для этого.

— Я бы просилъ тебя выражаться не такъ рѣзко.

— Ахъ, скажите! Обидѣлся за законную супругу! Дура она, вѣдь, твоя законная супруга. Развѣ умная женщина позволила бы такъ измываться надъ собой? Развѣ только, что утѣшается любовниками.

— Катя! Прошу тебя! Брось этотъ тонъ! Ты отлично знаешь, что она любитъ меня и что она... не... такая...

— Не такая? Что ты этимъ хотѣлъ сказать? Не такая, какъ я?.. Это ты хотѣлъ сказать? Это? Такъ и ступай къ ней. Я тебя не держу.

— Давно бы ушелъ,... если бы...

— Что если бы? Договаривайте. Если бы въ васъ не сидѣлъ звѣрь, развратникъ... Небось къ ней не лѣзъ съ тѣми гадостями, съ которыми лѣзъ ко мнѣ. Самъ признавался въ минуты изліяній. Знаю я тебя. Во—какъ знаю!

— Богъ мой, Богъ мой! — чуть не вслухъ волновалась Наташа.

— Вотъ тебѣ послѣднее слово: завтра я ѣду въ городъ и, если къ концу недѣли у меня не будетъ этихъ пяти тысячъ... Можешь вернуться къ своей дурѣ... А съ меня довольно!

И съ этими словами женщина встала и пошла по направленію къ «Каскаду».

— Катя, Катя! Умоляю тебя, вернись; подожди. Будутъ у тебя эти деньги. Достану. Уѣдемъ утромъ, и я достану. Къ концу недѣли достану.

Женщина остановилась.

— Сядь, ну, сядь, милая. Ты знаешь свою власть надо мною. Ты знаешь, что ты нужна мнѣ, что я готовъ пойти на преступленіе, чтобы не потерять тебя. Ты мое проклятіе, ты моя радость. Жить безъ тебя не могу! Называй меня, какъ хочешь, но мнѣ нужна ты вся, вся, твое тѣло и твои поцѣлуи, твоя страсть, ненасытная страсть. Я звѣрь, развратникъ. Да. Но ты моя сообщница и оставлять меня ты не должна, не смѣешь... Иначе я покончу и съ тобою, и съ собою.

— Вотъ то-то же!

Наташа вскочила, какъ ужаленная, бросилась прочь отъ скамьи. Она не помнила потомъ, какъ добралась до вокзала, получила свой сакъ и очутилась въ первомъ, подошедшемъ къ дебаркадеру, поѣздѣ. Не помнила и того, какъ на своей станціи передала кондуктору телеграмму для Зои съ просьбой пріѣхать немедленно. Поѣздъ, въ которомъ она очутилась, случайно шелъ въ Петербургъ, и поздно ночью она была уже у себя—въ своей милой, тихой «Обители».

Уставшая физически, разбитая нравственно, она желала одного — забвенія, полнаго забвенія всего, что̀ она видѣла и слышала и пережила въ этотъ ужасный день.

Впервые поняла она и позавидовала людямъ пьющимъ, къ которымъ всегда относилась съ нѣкоторой брезгливостью. Будь у нея подъ руками морфій, гашишъ или другіе наркотики—она, не задумываясь, приняла бы все, чтобы хоть на время уйти подальше отъ своего внутренняго «я».

Но такъ какъ подъ рукой былъ только одинъ верональ—приняла его въ двойной порціи и впала въ глубокое забытье.

На другой день встала поздно. Сонъ освѣжилъ и подкрѣпилъ ее. Но думать, разбираться въ переживаніяхъ послѣднихъ дней—ей было теперь не по силамъ, и она рѣшила отложить, отодвинуть все на то время, когда пройдетъ острота, живость, свѣжесть только-что пережитыхъ впечатлѣній и когда можно будетъ спокойно, безъ волненія, какъ анатомъ со скальпелемъ въ рукахъ, проанализировать ихъ съ начала до конца и такъ или иначе вырѣшить вопросъ о ея личной роли въ дальнѣйшихъ событіяхъ.

XII.

Телеграмму Наташи Зоѣ Павловнѣ вручили поздно ночью, когда она вернулась съ вечера у знакомыхъ.

Вѣрная своему взгляду, что для полнаго отдыха подруги нужно поменьше сношеній съ городомъ, она сама писала ей мало, ограничиваясь лишь краткими отвѣтами на лаконическія записки Наташи. Телеграмма, хотя тоже лаконическая,—совсѣмъ другое дѣло. Телеграмма, такъ или иначе, всегда пугаетъ. И Зоя Павловна серьезно взволновалась.

Съ Сергѣемъ Николаевичемъ со дня отъѣзда Наташи въ Финляндію она видѣлась раза два-три и то урывками: въ театрѣ, на улицѣ. У нея онъ за послѣдніе годы бывалъ рѣдко, ограничиваясь оффиціальными визитами въ торжественные дни, а то и просто присылкой карточекъ.

Она относилась къ нему, какъ къ человѣку прежде всего неглупому, корректному и считала его весьма порядочнымъ, то, что въ обществѣ принято называть «très comme il faut». Въ болѣе глубокій анализъ супруга Наташи она не вдавалась просто потому, что онъ ее интересовалъ только, какъ мужъ подруги.

Съ нѣкоторыхъ поръ стала замѣчать съ его стороны что-то новое, не вполнѣ уловимое по отношенію къ себѣ. Не то, чтобы совсѣмъ враждебное, но, во всякомъ случаѣ, что-то отрицательное. Это ей не нравилось, и она стала держаться подальше отъ семьи Наташи.

Что въ этой семьѣ не все благополучно—она догадывалась давно, а въ послѣднее время уже знала все. Но въ виду того, что сама Наташа ни о чемъ первая не заговаривала, не считала нужнымъ насильно лѣзть подругѣ въ душу.

Зная гордость Наты, она чувствовала, какое страданіе причиняли ей неосторожно сказанное слово, шутка, намекъ, и потому всегда старалась быть насторожѣ, насколько позволяла живость ея характера.

Сперва ее обижала эта скрытность Наташи; но, вдумавшись въ ихъ взаимныя отношенія, она рѣшила, что Ната права и такъ лучше, а главное, свободнѣе имъ обѣимъ.

На слѣдующее утро Зоя Павловна первымъ дѣломъ послала срочный отвѣтъ Наташѣ, что выѣзжаетъ со скорымъ поѣздомъ, а потомъ протелефонировала Сергѣю Николаевичу, разсчитывая узнать у него что-нибудь опредѣленное насчетъ Наты.

Лакей Струнницына отвѣтилъ, что баринъ уѣхалъ изъ города, сказалъ, что не на долго, но куда именно, онъ, лакей, не знаетъ. Слыхалъ отъ швейцара, что извозчика баринъ приказалъ нанимать на финляндскій вокзалъ. На вопросъ, была ли передъ этимъ телеграмма отъ барыни, человѣкъ отвѣтилъ, что телеграммъ вообще за послѣднее время никакихъ не получалось.

Этотъ разговоръ по телефону окончательно сбилъ съ толку Зою Павловну. Если бы Ната была очень больна, то, конечно, послала бы телеграмму мужу, каковы бы ни были отношенія между супругами... Но, съ другой стороны, зачѣмъ бы ему туда выѣзжать?

А что онъ поѣхалъ къ ней, было ясно со словъ лакея. Значитъ, дѣло обстоитъ приблизительно такъ: Натѣ стало хуже и она вызвала Сергѣя Николаевича письмомъ, не желая его тревожить телеграммой, но когда ей сдѣлалось совсѣмъ плохо, оба супруга уже вмѣстѣ рѣшили вызвать Зою, тѣмъ болѣе, что Струнницыну на долго отлучаться изъ города не позволяютъ его дѣла и ему пришлось бы оставить Наташу одну. Не везти же ее въ самомъ дѣлѣ больную обратно въ городъ.

Остановившись на этомъ послѣднемъ предположеніи, какъ на наиболѣе вѣроятномъ, она рѣшила на всякій случай предложить Степану Петровичу поѣхать съ ней къ Натѣ.

Тамъ въ Финляндіи, конечно, есть врачи. Но все же... Степанъ Петровичъ общій другъ, давно знаетъ и лѣчитъ Нату, и его пріѣздъ туда обрадуетъ больную и будетъ очень кстати.

Позвонивъ доктору и сообщивъ ему всѣ свои соображенія по поводу полученной ночью телеграммы, она просила его хоть на одинъ день поѣхать къ больной Натѣ.

У доктора въ это время не было на рукахъ серьезныхъ больныхъ, а въ больницѣ, гдѣ онъ состоялъ ординаторомъ, его могъ замѣнить товарищъ, и онъ согласился.

Условились встрѣтиться на вокзалѣ и съ первымъ отходящимъ поѣздомъ уѣхать.

XIII.

Наташа была чрезвычайно удивлена, когда получила срочную телеграмму Зои съ извѣщеніемъ, что она съ докторомъ Степаномъ Петровичемъ пріѣдутъ къ вечеру того же дня и, только

подумавъ хорошенько, вспомнила, что сама вызвала ее сгоряча ночью.

Институтская дружба, которая отъ прикосновенія дѣйствительности обыкновенно разлетается, какъ и прочія юныя мечты и волшебные замки, въ данномъ случаѣ, наоборотъ, еще болѣе окрѣпла и вылилась въ хорошія, сердечныя отношенія созрѣвшихъ людей, благодаря тому обстоятельству, что подруги принадлежали къ одному кругу общества, въ которомъ продолжали вращаться и по выходѣ замужъ. Наташа любила Зою, какъ сестру, и далеко не считала ее легкомысленной, какъ это дѣлали многіе, знавшіе ее поверхностно, въ томъ числѣ и Сергѣй Николаевичъ, называвшій ее не иначе, какъ шалой бабенкой.

О своихъ семейныхъ дѣлахъ Наташа до сихъ поръ никогда не говорила съ Зоей, не потому что не довѣряла ея скромности—далеко нѣтъ, а просто не любила ни съ кѣмъ дѣлиться своими душевными переживаніями, предпочитая таить и вынашивать все въ себѣ самой.

Права она была или не права, поступая такимъ образомъ, вѣрны или ложны были ея взгляды на жизнь, на отношенія къ людямъ, хороши или плохи тѣ выводы, къ которымъ она приходила, но это ея взгляды, ея выводы. «Mon verre est petit, mais je bois dans mon verre»—примѣняла она къ себѣ слова поэта.

Въ данномъ случаѣ, кромѣ нея, Наты, былъ замѣшанъ еще человѣкъ, ея мужъ, котораго она любила, искренно уважала и привыкла видѣть такое же отношеніе къ нему со стороны того общества, въ которомъ ему приходилось жить и дѣйствовать.

Сообщить кому бы то ни было что-нибудь изъ своей личной жизни — значило измѣнить своему взгляду на нѣкотораго рода святость семьи.

Вотъ почему она до сихъ поръ тщательно скрывала все не только отъ постороннихъ, но даже и отъ Зои.

Когда она бѣжала съ Иматры—иначе она не могла назвать свой быстрый отъѣздъ оттуда—душевное настроеніе ея окончательно потеряло свое обычное равновѣсіе—она задыхалась, захлебывалась отъ переполнившейся чаши горя и страданія, и ей, тогда, какъ воздухъ, нужно, необходимо было кого-нибудь, кому бы она могла открыть свою душу и услышать хоть одинъ сочувственный вздохъ, хоть одно слово утѣшенія. И вотъ въ этотъ моментъ она и послала Зоѣ этотъ полный от-

чанія «крикъ души»,—какъ она мысленно называла свое ночное посланіе.

Итакъ, Зоя пріѣдетъ сегодня, и она, Ната, должна будетъ разсказать ей все, открыть всю свою душевную драму, драму, которую она до сихъ поръ такъ тщательно скрывала, прятала отъ посторонняго взгляда, даже и отъ нея, Зои, единственнаго близкаго ей человѣка.

Но можетъ ли, должна ли она это сдѣлать даже и при нынѣшнихъ отношеніяхъ къ мужу.

Имѣетъ ли она право, нравственное право, открывать постороннему человѣку — для него-то Зоя уже совсѣмъ посторонній человѣкъ—то, что онъ такъ тщательно скрывалъ не только отъ нея, Наты, но и отъ всѣхъ. Нѣтъ, не имѣетъ никакого права.

Можетъ ли Зоя своимъ здравымъ умомъ и трезвымъ взглядомъ на жизнь повліять на рѣшеніе этихъ сложныхъ вопросовъ?

Безусловно можетъ повліять.

Желательно ли ей, Натѣ, такое вліяніе? Не станетъ ли она потомъ упрекать себя въ томъ, что позволила другому человѣку вмѣшаться въ ея личную жизнь?

Безъ сомнѣнія, станетъ.

Выводъ, къ которому она пришла послѣ всесторонняго обсужденія вопроса, былъ тотъ, что она еще глубже ушла въ себя и рѣшила и на этотъ разъ никому ничего не говорить.

А какъ она объяснитъ Зоѣ свое ночное посланіе? — Это вопросъ второстепенный, надъ которымъ задумываться не стоитъ— рѣшила она и спустилась внизъ, чтобы самой поговорить съ хозяйкой насчетъ комнаты для дорогой гостьи.

Когда комната была выбрана и соотвѣтственнымъ образомъ обставлена, Наташа велѣла внести туда корзину ландышей — подарокъ мужа, нѣсколько желтыхъ томиковъ французскихъ новинокъ, которыми Зоя зачитывалась еще въ институтѣ, несмотря на самую зоркую бдительность классныхъ дамъ.

XIV.

Вечеромъ пріѣхала Зоя, очень обезпокоенная. Мигомъ взбѣжала по лѣстницѣ и, не успѣвъ ни раздѣться, ни оглядѣться, едва открывъ дверь, заговорила:

— Что съ тобой? Отчего не писала, не дала знать раньше...— Но, взглянувъ на Наташу, остолбенѣла, отступила на шагъ, еще

разъ осмотрѣла ее и расхохоталась такъ, какъ только она одна умѣла смѣяться: громко, раскатисто и заразительно-весело и, не поздоровавшись съ подругой, выбѣжала изъ комнаты, перегнулась черезъ лѣстницу, гдѣ въ передней докторъ раздѣвался и расплачивался съ привезшимъ ихъ финномъ.

— Докторъ, Степанъ Петровичъ, скорѣй, Наташа умираетъ!

Докторъ, страшно перепуганный, скинулъ на-ходу шубу, запутался въ собственныхъ калошахъ и, не видя ничего отъ запотѣвшихъ очковъ, бросился наверхъ и остановился передъ указанной дверью съ растерянным видомъ, протирая очки.

— Да идите же скорѣй!—услыхалъ онъ властный голосъ Зои, и дверь Наташиной комнаты широко открылась передъ нимъ.

— Взгляните на умирающую!—и, сбросивъ золотистый абажуръ съ лампы, освѣтила лицо и фигуру подруги.

Наташа смотрѣла немного сконфуженной, точно чувствовала себя виноватой, что напрасно потревожила своихъ друзей. Но, опомнившись, сказала:

— Мнѣ такъ хотѣлось тебя видѣть. Если бы я написала письмо или длинную телеграмму, ты бы стала долго собираться, укладываться...

— Бѣгать по магазинамъ,—прервала Зоя,—что-то покупать и пріѣхала бы черезъ недѣлю.

— Вотъ именно.

— А такъ я здѣсь, что и требовалось доказать. Ха-ха-ха!

— Но я-то хороша!—и, протянувъ обѣ руки доктору, подошла къ нему.—Докторъ, милый! Спасибо вамъ и въ то же время простите меня великодушно. Я никакъ не могла предположить, что эта сумасбродка рѣшится обезпокоить васъ.

— Въ чемъ ты извиняешься? Вѣдь ты не виновата, что я привезла его.

— Косвеннымъ образомъ, конечно, виновата. Изъ моей телеграммы ты могла заключить...

— Что ты умираешь. Ха-ха-ха! И потому и попросила Степана Петровича ѣхать со мной.

Докторъ смотрѣлъ то на одну, то на другую, удивляясь цвѣтущему виду своей паціентки, любуясь веселымъ смѣхомъ Зои, отдававшимся лучшей музыкой въ его душѣ.

— Чортъ знаетъ, что... эти бабы... эти бабы... А, впрочемъ, все чудесно: и поѣздка, и эта комната, и смѣхъ Зои...

— Но о чемъ вы спорите?—удалось наконецъ вставить ему.—Если бы Наталья Михайловна была дѣйствительно больна

то не стали бы же вы жалѣть о моемъ пріѣздѣ... Значитъ, вамъ жалко...

— Что она здорова. Ха-ха-ха!

И на этотъ разъ смѣялись всѣ трое. Потомъ докторъ окончательно успокоилъ Наташу, сказавъ, что въ городѣ никакихъ серьезныхъ больныхъ не оставилъ, жертвы никакой не принесъ, а, напротивъ того, даже очень благодаренъ, что его вытащили изъ города.

— Конечно, самъ-то Степанъ Петровичъ ни за что съ мѣста не сдвинулся бы. И выходитъ, что не ты виновата передъ нимъ, а онъ дѣйствительно долженъ быть тебѣ благодаренъ, что пріѣхалъ сюда, и хоть на одинъ день разстался съ ароматомъ своей больницы.

Зоя послѣ дороги вся разгорѣлась въ тепломъ воздухѣ комнаты и представляла олицетвореніе свѣжести и здоровья. Наташа была почти счастлива отъ свиданія съ близкими ей людьми и на-время какъ бы ушла отъ себя, точно и не было впечатлѣній вчерашняго дня.

Позвонили къ ужину.

— Что это? Симандры, созывающіе вѣрующихъ на молитву въ твоей обители.

— Да, это звонокъ къ ужину. Пойдемъ въ твою комнату. Ты тамъ переодѣнешься.

И Наташа повела гостей смотрѣть комнату Зои.

— А вамъ, докторъ, придется помѣститься внизу.

Зоя пришла въ восторгъ отъ своей комнаты.

— Что это, свѣжіе ландыши, французскія новинки, даже не разрѣзанныя. Откуда это?

Наташа разсказала о визитѣ мужа, умолчавъ, разумѣется, объ Иматрѣ и обо всемъ остальномъ. Тѣнь сразу легла на ея лицо при этомъ воспоминаніи, но Зоя была такъ увлечена новыми впечатлѣніями, а докторъ Зоей, что Наташа успѣла оправиться, прежде чѣмъ они могли замѣтить что-либо.

Въ столовую не пошли, предпочитая поужинать въ комнатѣ Наташи, гдѣ она и приказала накрыть.

Говорили долго и много. Докторъ сообщилъ всѣ новости и ходячіе анекдоты про разныхъ общественныхъ дѣятелей. Зоя разсказывала, какъ она прожила эти два мѣсяца, кого видѣла изъ общихъ знакомыхъ, что творилось въ «обществахъ» и «кружкахъ», въ которыхъ онѣ обѣ состояли членами, и разошлись такъ поздно, что нарушили всѣ правила «обители».

XV.

Зоѣ не спалось на новомъ мѣстѣ. Вставъ довольно рано, даже для деревни, и узнавъ отъ горничной, что Наташа еще не звонила, велѣла передать, что кофе будетъ пить съ Натальей Михайловной, а сама пошла погулять въ садъ. Спускаясь по лѣстницѣ, ведущей къ озеру, она столкнулась съ какимъ-то господиномъ. Тотъ промычалъ извиненіе, и Зоя, поднявъ голову, вдругъ залилась веселымъ смѣхомъ.

— Звѣробоевъ, вы? Здѣсь? Ха-ха-ха! Что сія мистификація значитъ?

Звѣробоевъ, не менѣе удивленный неожиданной встрѣчей, приложился къ рукѣ и съ лицомъ, покорнымъ судьбѣ, проговорилъ:

— Всякое бываетъ!.. Эскулапы нашли переутомленіе. Папенька струсилъ. Степанъ Петровичъ указалъ на это мѣсто, ссылаясь на какую-то изъ своихъ паціентокъ, будто бы воскресшую здѣсь изъ мертвыхъ и «voilà».

— У васъ переутомленіе? Ха-ха-ха! Отъ танцевъ и флирта на балахъ. Ха-ха-ха!

— Но это очень утомительно. Parole d'honneur! И притомъ... я же не только танцую...

— Ахъ, да, я и забыла, что вы и компонируете... Что же вы тутъ станете дѣлать? Ха-ха-ха! Бѣдненькій, какъ мнѣ васъ жаль!

— Хорошая ваша жалость, веселая! Но... напрасно жалѣете. Здѣсь очень мило. Parole d'honneur! Сколько хорошенькихъ!

— Да, zehn Mädchen und ein Mann! Передерется, пожалуй, тутъ вся обитель изъ-за васъ.

— Я здѣсь вовсе не одинъ. Здѣсь извѣстный писатель К... Кончаетъ тутъ пьесу; потомъ премилый капитанъ генеральнаго штаба, служилъ на Амурѣ. Здѣсь готовится къ экзаменамъ. Веселый такой... Да мы тутъ чудесно проводимъ время.

— Бѣдненькій! Вы и тутъ переутомитесь! Ха-ха-ха!

— Папенька напрасно воображалъ, что я здѣсь погружусь въ размышленіе о суетѣ суетъ. Чудакъ онъ, parole d'honneur, чудакъ! Но съ чего вы взяли, Зоя Павловна, что здѣсь, какъ вы изволили выразиться, женская обитель? «Зеленый островъ» «sans femmes, sans femmes»,—запѣлъ онъ вполголоса.

— Вѣрнѣе будетъ «sans hommes», ха-ха-ха!

— Но откуда сія легенда?

Они уже давно спустились къ озеру и кружили по береговой дорожкѣ.

— У меня тутъ институтская подруга—она и написала.

— Кто это?

— Ишь, любопытный! Не знаете вы ее. Нѣкая Струнницына.

— Жена извѣстнаго архитектора?

— Да.

— Живетъ здѣсь затворницей... Dieu, quelle femme!.. Музыка Шопэна, parole d'honneur!

— Ха-ха-ха! Уже успѣли увлечься?

— Не я одинъ... Но къ ней не подступишь. Вижу иногда изъ окна, иногда случайная встрѣча. Къ столу, въ общей гостиной — не показывается. На-дняхъ къ ней мужъ пріѣзжалъ, и она, говорятъ, обѣдала въ столовой. Но нелегкая понесла меня въ этотъ день—развѣ я могъ предположить—въ Гельсингфорсъ. Ну, и прозѣвалъ. Pas de chances, parole d'honneur!

— Ахъ вы, несчастный! А очень хочется познакомиться?

— И не говорите! Зоя Павловна, родненькая, познакомьте! Хотите на колѣни стану, вотъ тутъ въ снѣгу.

— Очень мнѣ нужно, чтобы вы простудились и мы лишимся одного изъ «трехъ», ха-ха-ха! Нѣтъ, вы знаете, я человѣкъ практичный. Что дадите?

— Все, что хотите.

— Это слова!

— Я серьезно... Вотъ... вы еще состоите въ томъ «обществѣ» съ такимъ смѣшнымъ названіемъ? Какъ бишь его, parole d'honneur, забылъ.

— «Общество призрѣнія подростковъ женскаго пола». А еще васъ секретаремъ выбирали. Нашли кого! Ха-ха-ха!

— Не я же себя выбиралъ, parole d'honneur. Такъ состоите еще?

— Ну, разумѣется. Вице-предсѣдательницей.

— Хотите сто рублей для вашихъ подростковъ.

— Вотъ это дѣловой разговоръ, parole d'honneur! Ха-ха! Но... Звѣробоевъ, предупреждаю. Познакомлю, отчего же нѣтъ. Только флирта не выйдетъ. Напрасно время потратите...

— Что вы! Да я и думать не посмѣлъ бы! «Parole d'honneur!» Такія женщины, какъ говоритъ писатель, только для... вдохновенія и...

— Молитвъ. Ха-ха-ха! Такъ она тутъ всѣмъ вскружила

головы? Вотъ такъ затворница! Пишите чекъ! Сегодня, за обѣдомъ будете знакомы.

Прибѣжала Паша и сказала, что Наталья Михайловна и баринъ,—такъ она звала доктора—ждутъ ее съ кофеемъ. Зоя взяла чекъ, простилась и ушла наверхъ.

— Что это ты писала,—проговорила Зоя, здороваясь съ Наташей и докторомъ,—что у васъ тутъ однѣ женщины—нѣчто въ родѣ женскаго монастыря? Да здѣсь теперь цѣлое общество и не безъинтересное, если присоединить и нашего Степана Петровича. Давай скорѣе кофе, страшно проголодалась.

И принялась хрустѣть сухариками.

— Во-первыхъ, — считала она по пальцамъ—извѣстный писатель, кончаетъ или начинаетъ здѣсь въ тиши лѣсовъ какую-то пьесу.

— Откуда ты это взяла?

— Погоди, дай кончить. Затѣмъ капитанъ генеральнаго штаба, весельчакъ, балагуръ... Служилъ на Амурѣ—словомъ, человѣкъ бывалый. Готовится тутъ къ экзаменамъ. А въ-третьихъ...

— Да неужели еще?—удивилась Наташа.

— А въ-третьихъ извѣстный петербургскій саврасый: купчикъ, богачъ, единственный сынокъ у папеньки, который трясется надъ нимъ, свѣтскій дэнди, танцоръ, мнящій себя знатокомъ музыки.

— Звѣробоевъ?—проговорилъ докторъ.—Онъ уже здѣсь?

— Да вы же его сюда послали?

Ната смотрѣла, слушала и глазамъ не вѣрила.

— Я, конечно. Папенька этого самаго франта спросилъ, что съ нимъ дѣлать, чтобы удалить его на время отъ его «безпокойной» жизни. Такъ и выразился «безпокойной». Я и посовѣтовалъ ему ѣхать сюда, вспомнивъ отзывы Натальи Михайловны о здѣшнихъ мѣстахъ.

— Что, онъ боленъ?—спросила она.

— Боленъ!—разсмѣялась Зоя.—Переутомился!—и опять смѣхъ.

— Отчего?—недоумѣвала Ната.

— Отъ пустоты жизни,—произнесъ докторъ.—Но откуда вы его знаете?—обратился онъ къ Зоѣ.

— Знаю. Былъ да и теперь состоитъ секретаремъ въ моемъ «обществѣ».

— Въ какомъ?—спросила Ната.

— Не знаешь. Туда его притащила наша предсѣдатель-

ница, графиня Сытина. На засѣданія никогда не является, но каждый годъ присылаетъ или передаетъ лично графинѣ по 200 рублей.

— Баринъ!—проговорилъ докторъ.

— И добрый малый,—сказала Зоя.—Помѣшанъ на музыкѣ; играетъ недурно и все свое.

— Композиторъ?—удивилась Наташа.

— Да... но не въ твоемъ вкусѣ. Пишетъ салонныя вещицы и исполняетъ ихъ премило. Но и классиковъ любитъ—особенно Шопэна—и расхохоталась, вспомнивъ его сравненіе Наты съ музыкой Шопэна и ихъ дальнѣйшій разговоръ, о которомъ не сочла нужнымъ пока разсказывать.

— Какъ это ты успѣла все узнать такъ скоро?

— Ты знаешь—у меня по-суворовски: Измаилъ у ногъ В. В-ва. Ха-ха-ха! Ну, и хорошо здѣсь, не мудрено, что ты такъ расцвѣла и стала прехорошенькой, Ната! Parole d'honneur! Какъ говоритъ Звѣробоевъ. Ха-ха-ха! Ну, что твой благовѣрный? Небось раскисъ, увидя тебя? Это онъ привезъ желтые томики?

— Да, и еще что-то по части тряпокъ. Въ городѣ осталось...

— И ты не полюбопытствовала взглянуть! Нѣтъ, ты невозможный человѣкъ! Ну, кончайте, господа, скорѣй и гулять, до обѣда немного времени. У васъ тутъ, кажется, обѣдаютъ, когда мы въ городѣ еще сны видимъ.

— Да, ровно въ часъ дня.

— Ладно. Я пойду одѣваться. Не задержу. У меня скоро.

Оба посмотрѣли ей вслѣдъ.

— Какая счастливая, здоровая натура!—проговорилъ докторъ съ невыразимо-теплыми нотками въ голосѣ.

— Да,—задумчиво проговорила Наташа.

«Отъ такой жены мужъ не уйдетъ и не опустится. А если и уйдетъ, то такая ныть и плакать не станетъ»,—подумалъ онъ и всталъ, сказавъ, что пойдетъ покурить и будетъ ждать дамъ въ саду.

«А все-таки хорошо, что я сгоряча не проговорилась и не испортила настроенія этой жизнерадостной, свободной отъ заботъ, птички. Теперь мы обѣ рылись бы въ моей жизни, разбирали бы жизнь Сергѣя... Зоя не была бы въ своемъ натуральномъ видѣ... Строила бы мины—соотвѣтственныя обстоятельствамъ... Нѣтъ, пусть ее живетъ и радуется и да не омрачитъ никакая тѣнь ея счастливаго пути!»—проговорила она уже вслухъ, съ чисто материнскою нѣжностью.

Во время прогулки, Наташа водила гостей по своимъ любимымъ мѣстамъ, но вскорѣ замѣтила, что Зоя не оцѣнила того, что̀ такъ нравилось ей, Наташѣ, и потому сократила прогулку и вернулись домой какъ разъ во̀-время, чтобы не опоздать къ обѣду.

За столомъ на этотъ разъ собралось довольно большое общество. Казалось, что никто изъ присутствующихъ не былъ такъ радъ этому, какъ сама Наташа.

Когда она дня два тому назадъ, послѣ долгаго затворничества въ своей комнатѣ, показалась здѣсь впервые, она такъ была поглощена своими личными переживаніями, что никого не замѣтила изъ новыхъ лицъ и сейчасъ почти что увидала ихъ впервые. Ей было безразлично, что̀ они изъ себя представляли сами по себѣ, ей было нужно одно—только бы не оставаться одной, только бы быть на людяхъ.

До сихъ поръ люди, жившіе съ нею бокъ-о-бокъ, не сумѣли захватить ее, и то, что она случайно узнавала о нихъ, какъ-то быстро забывалось, не задѣвая ея души, не оставляя никакихъ слѣдовъ въ памяти.

— Наталья Михайловна, знаете,—радостно заговорила вдовушка, какъ только Ната со своими друзьями показалась въ столовой,—разсказы вашего супруга о Ривьерѣ такъ взбудоражили тетю Риту, что она, наконецъ, согласилась ѣхать.

— Ну ужъ и взбудоражили!—улыбнулась тетя Рита.—Просто надоѣли твои приставанія.

— Все равно, но вы ѣдете.

— Да. Только съ условіемъ.

— Слыхала, слыхала,—недовольно произнесла вдовушка.

Наташа вопросительно взглянула на Маргариту Михайловну.

— Въ Монте-Карло—ни ногой,—смѣясь, отвѣтила она.

— А если вдругъ?—спросилъ капитанъ, красивый брюнетъ со смѣющимися глазами.

— Я моментально снимаюсь съ якоря и, что называется, умываю руки.

— И вы пошли на такія тяжелыя условія?—улыбнулся капитанъ одними глазами.

— Ахъ, на что подневольный человѣкъ не пойдетъ?

За столомъ засмѣялись. Тетка и племянница были почти однолѣтки—обѣимъ вмѣстѣ не было и пятидесяти. Росли и воспитывались вмѣстѣ. Племянница, овдовѣвшая почти въ медовый мѣсяцъ, трагически—мужъ упалъ съ аэроплана и разбился на смерть—пристрастилась къ рулеткѣ, когда родные повезли ее на

Ривьеру послѣ смерти мужа, и проиграла въ короткій срокъ значительную часть своего приданаго.

— Я получила сегодня письмо съ Ривьеры, изъ Ниццы, отъ вашей Раутенделейнъ,—обратилась она къ Натальѣ Михайловнѣ,—чтобы замять непріятный для нея разговоръ.

— Она, кажется, успѣла за это время выйти замужъ?

— Да. Теперь она генеральша Рузинская.

— Генералу надоѣло ждать, когда она поправится, и рѣшилъ везти ее на югъ,—произнесъ молчавшій все время докторъ.

— А вы и его знаете?—заинтересовался Звѣробоевъ.

— Кого врачи не знаютъ!—произнесъ писатель.—Благодарная профессія.

— Не всегда,—сказалъ про себя докторъ.

— Со стороны генерала очень корректно!—продолжалъ писатель, оставивъ безъ вниманія слова доктора.—Генералъ, да еще богатый, могъ бы найти и здоровую невѣсту,—сказалъ онъ, посвященный уже, какъ видно, въ курсъ мѣстныхъ интересовъ.

— Любовь зла!—засмѣялась тетя Рита.

— Любовь, что такое!—процѣдилъ про себя капитанъ, метнувъ своими смѣющимися глазами въ сторону тети Риты.

— Ха-ха-ха!—прозвенѣлъ колокольчикъ курсистки.—Какое легкомысленное отношеніе къ такой важной сторонѣ жизни.

— А очень важная по-вашему?—спросилъ писатель.

— У меня пока личнаго опыта мало... Но вотъ философы, поэты,—замялась она.—Вотъ Шиллеръ, напримѣръ, говоритъ, что любовь основной двигатель всего существующаго: боговъ, людей, животныхъ и растеній, планетъ и даже атомовъ,—выпалила она однимъ духомъ,—а вы знаете, докторъ, что онъ былъ вашъ коллега по профессіи?

— Шиллеръ?—усомнился писатель.

— Да. Онъ былъ докторомъ медицины. Впрочемъ, онъ былъ и профессоромъ исторіи; цѣлыхъ 15 лѣтъ читалъ въ одномъ изъ германскихъ университетовъ исторію. А вы этого не знали? Ха-ха-ха! А я думала, что если уже человѣкъ пишетъ книги...

— То знаетъ все, что̀ другіе писали... Ну, это вы ошибаетесь, милая барышня. У насъ писатель большею частью читаетъ только то, что̀ самъ написалъ, и то лишь въ черновикѣ.

Начался споръ. Всѣ разгорячились. Говорили всѣ вмѣстѣ. Никто никого не слушалъ или слушалъ самого себя. Доктору хотѣлось курить, и онъ попросилъ у хозяйки позволенія встать. И всѣ вышли на веранду. Свѣжій воздухъ охладилъ страсти. Но всѣ почему-то стали дуться на сосѣдей, вспоминая обидныя сло-

вечки, намеки и пр., безъ чего не обходится ни одинъ русскій споръ, особенно такой, гдѣ преимущественно принимаютъ участіе дамы.

Наташа въ спорѣ участія не принимала и почти не слушала, но отъ толпы не отдѣлялась, боясь остаться одной со своими воспоминаніями и назойливыми вопросами, настойчиво требовавшими отвѣта.

Звѣробоевъ нѣсколько разъ заговаривалъ съ ней, но она или не слушала его, или отвѣчала невпопадъ. Наконецъ, онъ предложилъ всѣмъ вмѣстѣ поѣхать кататься и по дорогѣ осмотрѣть образцовый дѣтскій пріютъ. Позвонили въ телефонъ, и черезъ часъ у подъѣзда стоялъ цѣлый рядъ саней, присланныхъ изъ сосѣдней деревушки.

При занятіи мѣстъ произошло нѣсколько комичныхъ сценъ. Зоя хотѣла ѣхать съ Наташей, но у доктора при этомъ лицо стало такимъ печальнымъ, что, взглянувъ на него, Зоя разсмѣялась и пригласила его сѣсть съ собою, Звѣробоевъ тоже устремился къ санямъ Наташи на мѣсто Зои, но былъ предупрежденъ курсисткой, а рядомъ съ возницей на облучкѣ усѣлся писатель. Капитанъ примостился къ вдовушкѣ, а Звѣробоевъ поѣхалъ съ тетей Ритой и Галей.

Заѣхали въ финляндскую лавку купить сластей для пріютскихъ ребятъ. Въ лавкѣ опять много смѣялись. Никакъ не могли объяснить лавочнику, чего и сколько нужно было купить. Нашелся Звѣробоевъ. Онъ пробрался за прилавокъ, выволокъ нѣсколько ящиковъ съ карамелью и прочими сластями и велѣлъ все уложить въ сани, потомъ вынулъ бумажникъ и предоставилъ финну взять, что слѣдовало.

— Это по-барски,—восхищалась курсистка.

— По-купечески,—протестовалъ писатель. Легко тратить то, что не нажито собственнымъ трудомъ.—Опять заспорили и поѣхали дальше, громко и шумно разговаривая.

— Вы ничего не замѣчаете, Степанъ Петровичъ?—спросила Зоя, когда другія санки уѣхали впередъ, и они немного отстали.

— Вы насчетъ Натальи Михайловны?

— Ну, да, конечно.

— Она какая-то странная... А вы что-нибудь замѣтили или узнали?

— Какъ вамъ сказать... что-то есть... Мнѣ хотѣлось провѣрить свои впечатлѣнія... Какъ вы думаете, зачѣмъ пріѣзжалъ Струнницынъ?

— Думаю, что не только за тѣмъ, чтобы привезти корзину ландышей.

— Разумѣется! Бѣдная Ната, какъ ей должно быть тяжело таить все въ себѣ...

— Характеръ! Большая выдержка... Очень рѣдкій экземпляръ между женщинами. Надо отдать ей справедливость,—проговорилъ онъ, выпуская въ сторону дымъ отъ сигары.

— Говорятъ, что характеръ людей мѣняется каждыя семь лѣтъ, а вотъ Наташа и въ институтѣ была тихоней и скрытницей, и такой же осталась и до сихъ поръ... Но... не напоминаетъ ли она вамъ тѣхъ птицъ, кажется, страусовъ, которые, спрятавъ голову за дерево, воображаютъ, что ихъ никто не видитъ,—проговорила съ очевидной досадой на пріятельницу Зоя Павловна.

— Согласитесь, не можетъ же она помѣшать другимъ наблюдать. Но сама...

— О, да, кремень! И оттого ей должно быть очень тяжело, бѣдняжкѣ. Нѣмцы говорятъ: «Getheilte Freude, doppelte Freude, getheilter Schmerz—halber Schmerz.

Это смотря по натурѣ.

— А вы, другъ мой, вѣрите, что она такъ, безъ всякой причины вдругъ захотѣла меня видѣть?

— Безусловно вѣрю. Она къ вамъ очень искренно привязана.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки... Il y a du louche dedans, parole d'honneur, какъ говоритъ Звѣробоевъ. И, вспомнивъ про богатаго купчика, разсказала про свою утреннюю встрѣчу съ нимъ и похвастала чекомъ въ сто рублей для своихъ подростковъ. Оба засмѣялись.

— Mais revenos nos à moutons.

— Вы что-то зафранцузили тутъ—разсмѣялся докторъ.

— Все подъ вліяніемъ вашего паціента, parole d'honneur! расхохоталась она вновь, но, вспомнивъ Наташу, перестала смѣяться. И, послѣ минутнаго размышленія, проговорила:

— Степанъ Петровичъ, я хочу пробыть тутъ дня два. Останьтесь и вы и помогите мнѣ понаблюдать за ней. Вообще—что-то въ ней творится новое. Что-то назрѣваетъ... Можетъ быть, наступитъ моментъ, когда ей понадобится близкій человѣкъ и мнѣ не хотѣлось бы упустить его... То-есть нѣтъ... я не такъ выразилась. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы она не очутилась одна. Вы понимаете?

— Ну, конечно... И глубокое чувство засвѣтилось въ его

глазахъ. Если я понадоблюсь въ городѣ, еня вызовутъ по телефону, а пока я къ вашимъ услугамъ.

Вернулись всѣ веселые, довольные. Послѣ ужина, по случаю отъѣзда за границу тети и племянницы, устроили экспромптомъ музыкально-литературный вечеръ. Звѣробоевъ оказался прекраснымъ пьянистомъ. Онъ сыгралъ нѣсколько собственныхъ вещицъ, послѣ чего дамы стали гораздо болѣе внимательны къ нему. Писатель читалъ отрывки изъ своихъ произведеній. Пробовали привлечь къ участію и Наташу, обладавшую хорошо поставленнымъ голосомъ, но изъ этого ничего не вышло, что́ особенно отмѣтили Зоя и докторъ, знавшіе, какъ охотно и много она пѣла въ другое время. Разошлись поздно. Всѣ благодарили Зою, говорили, что она вдохнула жизнь въ «Обитель», что съ ея пріѣздомъ все измѣнилось.

Съ этого дня Наташа стала жить какъ всѣ и, что называется, старалась войти душой и тѣломъ въ жизнь и интересы «Обители». Заброшены были книги, забыты одинокія прогулки, любимыя мѣста. Гуляли теперь всѣ вмѣстѣ, скопомъ. Погода опять установилась, озеро подмерзло, на немъ устроили катокъ, обнесли елками, поставили скамьи и фонари. Распоряжался всѣмъ Звѣробоевъ. И все дѣлалось съ поразительной быстротой. На каткѣ проводили часть вечеромъ, когда надоѣдала музыка и чтеніе. Словомъ—веселились, какъ никогда раньше.

Наконецъ, наступилъ день отъѣзда дамъ за границу. Пили шампанское. Много смѣялись. На вокзалъ поѣхала почти вся Обитель.

Къ вечеру того же дня слегла Галя, которая не отставала отъ другихъ въ общемъ угарѣ и въ результатѣ простудилась.

Наташа исполняла обязанности сидѣлки и дежурила у больной поочередно съ другими, когда дѣвочкѣ стало совсѣмъ плохо.

Выслушивала, слѣдя по запискамъ, курсистку, когда та отвѣчала курсъ логики, психологіи и кучу другихъ премудростей, экзамены съ которыхъ должна была скоро сдавать.

И такъ сжилась съ интересами другихъ, и такъ вошла въ ихъ маленькій мірокъ, что проходили часы, когда она не имѣла возможности заглянуть въ себя, а къ вечеру такъ уставала, что спала, по выраженію Зои, «съ упоеніемъ» и безъ малѣйшей «пересадки».

Зоя почти успокоилась насчеть пріятельницы и собралась домой, но не надолго. Рѣшила устроить кой-какія дѣла, забрать

все нужное и вернуться въ «Обитель», жизнь которой ей пришлась по сердцу.

Галѣ стало лучше, и Степанъ Петровичъ, котораго задержала тутъ ея болѣзнь—уѣхалъ вмѣстѣ съ Зоей Павловной.

XVI.

Когда Наташа вернулась со станціи, куда вмѣстѣ съ другими ѣздила провожать Зою, ей подали письмо отъ мужа. На этотъ разъ она не торопилась вскрывать его, предчувствуя, что какого бы характера ни было его содержаніе, оно непремѣнно нарушитъ тотъ душевный покой, который она обрѣла за послѣдніе дни въ близкомъ общеніи съ этими милыми, сердечными, простыми людьми.

Но... Какъ она ни тянула время, а письмо все же нужно было прочесть...

«Милая Ната—писалъ Сергѣй Николаевичъ—безъ всякихъ предисловій приступаю прямо къ дѣлу. Ты меня чрезвычайно обяжешь, если пришлешь чекъ на 5000 рублей. Дѣло въ томъ, что за послѣднее время мои дѣла немного запутались; предстоитъ нѣсколько неотложныхъ платежей и, если я не внесу въ срокъ, мнѣ грозитъ быть объявленнымъ несостоятельнымъ должникомъ, что́ было бы крайне непріятно во многихъ отношеніяхъ. Какъ обстоитъ вопросъ съ твоей заграничной поѣздкой... Я...»

Весь угаръ послѣднихъ дней, какъ водой смыло. Волна воспоминаній захлестнула умъ и душу своей грязью. Все, отчего она такъ тщательно старалась уйти за всѣ эти дни искусственныхъ интересовъ, напускного веселья, еще ярче, еще рельефнѣе всплыло наверхъ. Картины прожитой жизни, какъ кинематографическая лента на экранѣ, проходили передъ глазами одна за другой.

Случайный взглядъ на брошенное письмо вывелъ ее изъ тяжелой задумчивости.

— Опять ложь, ха-ха-ха! Но не могъ же онъ въ самомъ дѣлѣ написать ей, что любовница броситъ его, если онъ не достанетъ этихъ 5 тысячъ. О, эта гнусная ложь, которой она окружена уже столько лѣтъ. Каждый его шагъ, слово, движеніе—ложь! И ее онъ вовлекъ въ эту сѣть лжи; и она стала его невольной сообщницей и лгала... лгала всѣмъ своимъ видомъ. Сколько силъ, энергіи затрачено было на эту ложь. Сколько

самообладанія нужно было, чтобы сохранить беззаботный видъ человѣка, у котораго, какъ пишутъ въ оффиціальныхъ бумагахъ, «все обстоитъ благополучно!».

Зачѣмъ она все это дѣлала? Зачѣмъ позволяла издѣваться надъ собой? Какъ они должны были смѣяться вдвоемъ надъ ея простотой, наивностью, глупостью, да, конечно, глупостью...

Зачѣмъ она такъ унижала себя... такъ низко падала въ собственныхъ глазахъ? Зачѣмъ?...

Она чувствовала, ей казалось, что такъ надо, что такъ лучше, что въ такихъ ея поступкахъ правда, истина... красота...

Быть можетъ, въ тайникахъ ея души теплился лучъ надежды, что угаръ его пройдетъ, и онъ въ концѣ концовъ пойметъ, что его счастье здѣсь, у нея, и онъ вернется къ ней...

И во имя чарующей мечты—воскресить, вернуть къ правдѣ, къ чистой жизни близкаго, дорогого ей человѣка—она барахталась во лжи. Чтобы облегчить ему этотъ возвратъ, не дать почувствовать своего паденія—она купалась въ грязи.

Безумныя надежды! Жалкія мечты!

Развѣ всѣ перенесенныя испытанія не стали бы стѣной между ними? Развѣ могутъ быть забыты всѣ пролитыя слезы, скорбныя ночи, тусклые одинокіе вечера, когда она, обезумѣвъ отъ страданія, металась по пустымъ комнатамъ, прислушиваясь къ каждому звуку на улицѣ, къ каждому экипажу у подъѣзда въ надеждѣ, что онъ наконецъ вернется.

Но вотъ въ дверномъ замкѣ щелкалъ ключъ, и онъ входилъ и видѣлъ ее склоненной надъ книгой, чтобы скрыть отъ него, что она весь вечеръ металась и плакала отъ тоски и ожиданья, чтобы не подать и вида о той бурѣ, которая клокотала въ ея душѣ—видалъ и проходилъ мимо нея, какъ мимо вещи, мебели, не взглянувъ въ ея сторону... какъ проходятъ мимо посторонняго, незнакомаго человѣка на улицѣ, и запирался въ кабинетѣ, предоставивъ ей дѣлать, что угодно.

Развѣ такой холодъ, презрѣніе со стороны человѣка, которому отдана вся жизнь, всѣ помышленія, все лучшее, что есть въ душѣ—могутъ быть забыты?

Развѣ тѣни прошлаго, эти живыя, говорящія, требующія мщенія тѣни, не омрачили бы самаго искренняго раскаянія съ его стороны.

Гдѣ нашла бы она силы вѣрить ему? Ему, такъ тонко-изощрившемуся въ искусствѣ лжи и обмана.

Безумная! Нѣтъ забвенія, не можетъ быть прощенія... И возврата къ прошлому нѣтъ.

Мертвецы не воскресаютъ.

Довольно! Довольно лжи и слезъ, и самообмана! Довольно иллюзій. Пора проснуться отъ долгаго, мучительнаго сна. Пора стряхнуть съ себя кошмаръ, давившій мозгъ и душу въ теченіе столькихъ лѣтъ, и взглянуть жизни прямо въ глаза.

Но какъ вернуть лучшіе годы такъ безцѣльно, безсмысленно прожитой жизни. Кто и какъ вознаградитъ ее за нихъ?

Кто, наконецъ, виноватъ въ томъ, что она очутилась на пустомъ мѣстѣ. Конечно, онъ, ея богъ, ея кумиръ... строитель ея жизни...

Безсильная злоба сдавила ей горло, но слезъ не было, плакать она больше не могла.

Мщеніе, да мщеніе! Одна жажда мщенія царитъ отнынѣ въ ея измученной душѣ... Но какъ... какъ отомстить. Нѣтъ у насъ законовъ, которые карали бы за такія преступленія, какія совершилъ онъ. Нѣтъ во всемъ сводѣ законовъ ни одной статьи, которая наказывала бы за оскорбленіе, униженіе, поруганіе лучшихъ чувствъ близкаго, дорогого человѣка... Нѣтъ... нѣтъ...

Но она сама отомститъ за себя! О! Она найдетъ пути и средства.

Да здравствуетъ древній богъ Іегова! Богъ мести!

Око за око. Зубъ за зубъ. Жизнь за жизнь!

Но раньше, чѣмъ мстить, надо услышать его, что онъ скажетъ, что-то онъ скажетъ. Надо посмотрѣть, какъ онъ приметъ извѣстіе о томъ, что она все знаетъ, давно знаетъ. Да, такъ надо, такъ должно поступить!

Она быстро собрала все нужное; велѣла подать лошадей и сказать хозяйкѣ, что ѣдетъ по дѣламъ въ городъ.

Было уже далеко за полночь, когда поѣздъ остановился у финляндскаго вокзала. Взяла извозчика и назвала первую попавшую на языкъ гостиницу.

Какъ человѣкъ, принявшій послѣ долгихъ и мучительныхъ сомнѣній и колебаній опредѣленное рѣшеніе, она сразу почувствовала успокоеніе и давала себѣ отчетъ въ каждомъ впечатлѣніи, въ каждомъ шагѣ и поступкѣ.

Ночь почти всю проспала. Сонъ укрѣпилъ нервы. Не спѣша одѣлась и поѣхала домой. Въ это время между 11 и часомъ Сергѣй Николаевичъ всегда у себя и занимается дѣлами.

Дверь открыла своимъ ключемъ и, не снимая шубки, подошла къ кабинету мужа и постучала. Отвѣта не было. Пріоткрыла дверь и вошла. Никого. На спинкѣ стула виситъ вычищенное платье. «Онъ въ уборной, принимаетъ ванну. Вчера

былъ гдѣ нибудь. Да,—вспомнила она.—Вчера былъ нашъ абонементъ, значитъ, былъ въ оперѣ и, вѣроятно, съ нею, а потомъ гдѣ-нибудь ужинали. Оттого и проспалъ. Ничего. Подожду».

Больше трехъ мѣсяцевъ она не заглядывала въ эту комнату. Все осталось по-прежнему. Стѣны уставлены шкафами съ книгами. Въ промежуткахъ—гравюры любимыхъ мастеровъ. Мраморные бюсты Толстого, Гёте, Вольтера. Огромный письменный столъ заваленъ журналами, справочными книгами, дѣлами. Надъ столомъ поясной портретъ ея, Наты, писанный тотчасъ послѣ свадебной поѣздки. Какъ она измѣнилась съ тѣхъ поръ... На просторномъ диванѣ подушки, вышитыя ея рукой подъ его чтеніе... вслухъ... Большой пушистый медвѣдь съ распростертыми лапами замѣняетъ коверъ поверхъ сукна и смотритъ открытой пастью въ каминъ, въ которомъ тихо тлѣетъ коксъ. Тяжелыя драпри заглушаютъ шумъ улицы. Комната дышитъ уютомъ и величавымъ покоемъ. Онъ умѣетъ жить и всегда устраивался хорошо.

Она такъ ушла въ свои думы, что не слыхала, какъ дверь отворилась и на порогѣ остановился, пораженный отъ этого неожиданнаго визита, Сергѣй Николаевичъ.

— Ната, ты! Безъ телеграммы, не предупредивъ!

Она посмотрѣла на него, впервые за время ихъ совмѣстной жизни, взглядомъ посторонняго человѣка.

Чисто выбритъ, одѣтъ со вкусомъ, просто, но изящно. Ногти блестятъ и хорошо отточены, «работа маникюрши»,—подумала она. Сѣдина на вискахъ подкрашена подъ «sel et poivre», «Это ново, должно быть та потребовала». Манеры спокойныя. Осанка человѣка, знающаго себѣ цѣну.

«Какъ я любила, богъ мой, какъ любила и этотъ голосъ, и это олимпійское спокойствіе, и величественныя манеры, и эту внѣшнюю культурность»...

И, поднявъ опущенные глаза, сказала:

— Намъ нужно объясниться.

— По поводу чека?

— Нѣтъ... Дѣло въ томъ, что мнѣ извѣстно все.

— Что именно? Ничего не понимаю.

На лицѣ полное недоумѣніе.

— Ты знаешь, о чемъ я говорю.

Онъ сразу понялъ. Поблѣднѣлъ, смутился; но, какъ опытный актеръ, быстро овладѣлъ собою.

— Нѣтъ. Понятія не имѣю.

— Да? Что же... прійдется объяснять. Видишь ли, о

твоихъ... похожденіяхъ я давно догадывалась; но неоспоримыя доказательства получила передъ болѣзнью.

Онъ стоялъ у стола и смотрѣлъ на нее, быстро соображая, какъ ему дѣйствовать дальше.

— И ее знаю,—продолжала Наташа, очень спокойно, разглядывая тлѣющіе уголья въ каминѣ и чувствуя себя страшно далеко отъ всего, о чемъ сейчасъ говоритъ. Эти уголья напомнили ей тѣ милыя комнаты на Иматрѣ, въ которыхъ она жила въ ихъ первый пріѣздъ туда.

«Нѣтъ большаго мученья», — вспомнились вдругъ слова Данте,—«какъ о порѣ счастливой вспоминать въ несчастьи».

— Кого ее?—старался онъ выиграть время.

Она сразу очнулась отъ грезъ и вернулась къ дѣйствительности.

— Ты знаешь, о комъ я говорю. Видала съ тобою.

— Мало ли съ кѣмъ мнѣ приходится встрѣчаться. По дѣламъ встрѣчаться.

— Не лги! Не къ чему.

— Что за тонъ у тебя. Что за манера выражаться!

— Вопросъ не въ тонѣ и не въ манерахъ...

Онъ, наконецъ, понялъ, что отрицаніе и запирательство ни къ чему не поведутъ, и предпочелъ молча выжидать, что будетъ дальше—его обычная тактика въ щекотливыхъ положеніяхъ.

Въ комнатѣ стало тихо. Прошло нѣсколько тяжелыхъ минутъ.

— Отчего ты не сказалъ мнѣ правды съ самаго начала?— нарушила она первая молчаніе.

— Что я долженъ былъ сказать?

— Правду, одну голую, неподкрашенную правду! Что я свободна. Что между нами все кончено... Что разлюбилъ...

— Это была бы ложь, а не правда. Тебя я никогда не переставалъ любить.

— Вотъ какъ! Любилъ меня, а съ той не разставался, и продолжалось это годы, безконечные, долгіе годы.

— Женщины такъ узко понимаютъ любовь. Любить не значитъ вѣчно торчать у юбокъ любимой особы.

Она подняла голову и съ глубокимъ презрѣніемъ посмотрѣла на его выхоленное лицо. «Какой цинизмъ!»—подумала она.

— Да я, кажется, и не требовала ничего подобнаго... Но зачѣмъ было лгать и изворачиваться на всѣ лады, когда мы могли разойтись спокойно, не теряя уваженія другъ къ другу,

безъ излишней горечи, и, главное, безъ того зла, непоправимаго зла, которое ты причинилъ мнѣ.

— Я тебѣ причинилъ зло? Я? Ты можешь упрекнуть меня въ некорректности по отношенію къ тебѣ?.. Ну, знаешь...

И онъ взволнованно заходилъ по комнатѣ.

— На что ты можешь жаловаться?—остановился онъ передъ нею.—Чего тебѣ не доставало? У тебя, кажется, все было?—отчеканилъ онъ каждое слово.

— Да... Вещи... подарки... билеты въ театръ...

— Вотъ видишь, ты сама признаешь, наконецъ, что я честно исполнялъ принятыя на себя обязанности по отношенію къ тебѣ.

— Это ты называешь обязанностями? Какая пошлость, какое мѣщанство. Ты убилъ во мнѣ лучшее. Я разучилась смѣяться, вѣрить людямъ. Я стала злой, подозрительной...

— Я-то тутъ при чемъ? При чемъ я тутъ?—въ недоумѣніи остановился онъ передъ нею.

— Какъ при чемъ ты тутъ? Ты всѣ эти годы лгалъ и сейчасъ тоже, въ ужасную минуту нашей жизни, моей жизни, ломаешь комедію! Ахъ ты, фигляръ! Кто, какъ не ты, развратилъ безпрестанной ложью, отравилъ мою душу? Ты своимъ цинизмомъ загрязнилъ лучшіе годы моей жизни...

— Ну знаешь, всему есть предѣлъ...

— Ты обрекъ меня на вѣчное одиночество,—продолжала она, не обращая вниманія на его послѣдній выкрикъ.—На мучительныя ночи безъ сна. Ты отнялъ у меня все, что краситъ жизнь. Ты лишилъ меня семьи, радости, ласки.

— Ночи безъ сна! Ласки. Ха-ха-ха! Семейныя радости... Но ты такая обаятельная женщина... Стоило тебѣ захотѣть и у твоихъ ножекъ...

— Негодяй! Какъ ты смѣешь!—И, выхвативъ револьверъ изъ муфты, направила въ него.

— Безумная! Опомнись!—И онъ очутился позади стола...

Она повернулась и посмотрѣла на него долгимъ, пронизывающимъ взглядомъ.

— Ты такъ жалокъ, такъ ничтоженъ, что и пули не стоишь!—и свадебный подарокъ выпалъ изъ рукъ.

Не сказавъ больше ни слова, не взглянувъ въ его сторону, она вышла изъ комнаты, прошла къ себѣ, выпила воды, присѣла и, собравшись съ мыслями, открыла свой столъ, достала кой-какія бумаги и собралась уйти.

На порогѣ она столкнулась съ нимъ.

— Ната! Наташа! Я виноватъ передъ тобою, глубоко виноватъ, за все зло, причиненное тебѣ. Давно виноватъ. Прости, умоляю, прости и забудь. Я люблю тебя. Тебя одну. Я брошу ее. Я все брошу. Мы уѣдемъ отсюда. Если хочешь, къ тебѣ въ деревню. Ты успокоишься. Я все сдѣлаю, чтобы заставить забыть тебя прошлое... Я только сейчасъ узналъ тебя настоящую, только сейчасъ оцѣнилъ... Только сейчасъ понялъ, на кого промѣнялъ тебя, любящую, чистую, прекрасную душой и тѣломъ прекрасную. Я былъ глупъ, слѣпъ, проходилъ мимо сокровища и не замѣчалъ его... въ грязь топталъ. Умоляю тебя, скажи мнѣ что-нибудь, скажи, что простила...

— И я за послѣднее лишь время узнала тебя вообще, а сегодня особенно. Узнала... и оцѣнила.

Онъ опустился въ кресло и, склонивъ голову на руки, заплакалъ, некрасиво, почти по-дѣтски всхлипывая.

Наташа молча прошла мимо и скрылась за дверью.

XVII.

На слѣдующій день поздно вечеромъ Наташа позвонила въ квартирѣ Зои.

— Дома барыня?

— Дома, дома! —послышался голосъ изъ гостиной, и сама Зоя выбѣжала въ переднюю.

— Ната! Натуся! Милая, ты? Какими судьбами?—и начала душить ее въ объятіяхъ...—Но отчего ты съ нами не поѣхала, разъ тебѣ нужно было въ городъ?

— Такъ пришлось.

— Скрытница! Ну, да ладно. Я теперь счастлива и всѣмъ прощаю. Можешь поздравить. Надоѣло вдовѣть. Выхожу замужъ. Угадай, за кого?

Наташа взглянула на сіяющее лицо доктора и поняла, что, наконецъ, совершилось то, о чемъ она давно догадывалась.

— Отъ души желаю вамъ счастливой, долгой жизни. Я, впрочемъ, давно ждала, что такъ кончится. И отличная изъ васъ пара выйдетъ. Ну... и меня можете поздравить.

— Съ чѣмъ? — не безъ удивленія спросили въ одинъ голосъ оба.

— Со свободой. Дѣло о разводѣ—о моемъ разводѣ—уже въ ходу. Цѣлыхъ два дня хлопотала. Всѣ формальности испол-

нены. Бумаги подписаны. Остальное дѣло—адвоката. Завтра уѣзжаю къ себѣ въ деревню. Скоро вѣнчаетесь?

— На масляной.

— Такъ вотъ что, когда обвѣнчаетесь, пріѣзжайте ко мнѣ. У меня тамъ хорошо. Да и весна скоро, и вы, другъ мой, поможете мнѣ тамъ кое-въ-чемъ. Хочу засѣсть въ деревнѣ и думаю о цѣломъ рядѣ реформъ и на заводѣ, и въ школахъ, и въ читальняхъ.

— Имѣю право на двухмѣсячный отпускъ. Такъ куда мы?—обратился онъ къ Зоѣ,—за границу или..

— Ну, разумѣется, къ ней.

И, обратившись къ подругѣ:—Жди гостей и надолго!

— Чудесно! А теперь давай ѣсть и пить. Я за цѣлый день проголодалась.

— И, шампанское! — ликующимъ голосомъ проговорилъ докторъ.

— Разумѣется! За счастье и свободу!

А. Черевкова.

ПЕРЕДЪ КОНЦОМЪ.

—

Въ ясный вечеръ луга пустѣли,
Опускался шаръ золотой.
Подъ прощальные звуки свирѣли
Уходили люди домой.

Уходили съ веселой пляской
Съ голубыхъ и лиловыхъ луговъ.
Синій вечеръ томился лаской
Несказанныхъ предвѣчныхъ сновъ.

Вотъ разлился пламень кровавый,
Одиноко смолкли поля.
Передъ смертью поникли травы,
О концѣ вздохнула земля.

Тишина, тишина надъ лугами!
Только воетъ песъ вдалекѣ,
Только совы рѣютъ кругами,
Изнывая въ вѣчной тоскѣ.

Борисъ Садовской.

ПРОѢЗДОМЪ.

(Изъ очерковъ военнаго времени).

Неожиданно пришлось мнѣ остановиться въ N-скѣ. Прямого сообщенія теперь нѣтъ; въ N-скѣ надо было пересаживаться. Но мой поѣздъ опоздалъ на нѣсколько часовъ, а поѣздъ дальнѣйшаго слѣдованія не подождалъ насъ. Поѣзда же ходили разъ въ сутки.

У меня, какъ у стараго петербуржца, составилось самое архаическое представленіе о маленькомъ провинціальномъ городѣ. Казалось просто не вполнѣ понятнымъ, для чего дѣлаются эти маленькіе городки съ полицейскимъ управленіемъ и острогомъ. Никто туда не стремится. Напротивъ, всѣ, тамъ живущіе, мечтаютъ о томъ, какъ бы поскорѣй удрать оттуда.

Можно предположить, что маленькій провинціальный городъ существуетъ исключительно для того, чтобы было гдѣ служить маленькимъ провинціальнымъ чиновникамъ. Для нихъ учреждается казначейство, гдѣ бы они могли получать присвоенное имъ содержаніе, для нихъ возникаетъ мѣстный Мюръ и Мерилизъ со всевозможными деликатессами; для нихъ обыватели строили свои маленькіе домики и заводили ремесла и промышленность; для нихъ разъ въ недѣлю на Соборной площади собирается базаръ...

При мысли, что вдругъ пришлось бы жить въ такомъ городѣ, овладѣваетъ чувство тоскливаго испуга.

Съ такимъ именно чувствомъ ѣхалъ я съ вокзала въ номера «Эрмитажъ», рекомендованные мнѣ извозчикомъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ «Эрмитажѣ» ударило меня въ носъ керосиновой копотью и тѣмъ особеннымъ запахомъ никогда не провѣтриваемыхъ помѣщеній, которымъ отличаются провинціальные номера. Въ августовскій теплый день, когда солнце грѣло совсѣмъ по-лѣтнему, окна были крѣпко заперты

и завѣшены, чтобы мебель не пылилась, чтобы обои не выцвѣтали.

Спѣшу открыть окно. Все-таки тамъ воздухъ. Прямо напротивъ окна читаю вывѣску: «Контора нотаріуса В. А. Курнашева»...

Вѣдь я зналъ, что въ N-скѣ живетъ Курнашевъ, Вадимъ Андреевичъ, но совершенно забылъ объ этомъ. Я познакомился съ нимъ въ Петербургѣ, когда онъ былъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго. Курнашевъ бывалъ въ редакціи, часто приносилъ замѣтки по юридическимъ вопросамъ, давалъ отчеты объ интересныхъ дѣлахъ. Писалъ онъ толково, просто, обстоятельно, но сухо. Такъ же говорилъ и рѣчи, когда ему приходилось защищать въ судѣ. Не прибѣгалъ къ эффектамъ элоквенціи, а дѣловито и добросовѣстно излагалъ сущность предмета. Онъ даже не понималъ, зачѣмъ все остальное нужно.

Понятно, что успѣха онъ не имѣлъ и не составилъ имени и положенія, ни въ качествѣ литератора, ни въ роли адвоката. Женившись на курсисткѣ, дочери нотаріуса въ N-скѣ, онъ получилъ въ наслѣдство его домъ и контору.

Не могу сказать, обрадовался я или нѣтъ, увидѣвъ вывѣску Курнашева. Съ одной стороны, какъ будто и хорошо, что открывается возможность куда-нибудь приткнуться въ безконечный праздный день; съ другой—какъ-то боязно, не будетъ ли намъ въ общеніи скучнѣе, чѣмъ порознь.

Жену его, Анну Львовну, я зналъ дѣвушкой и часто встрѣчался у общихъ знакомыхъ. Помнилъ ея лицо, круглое, блѣдное, съ очень большими сѣрыми глазами, имѣвшими странное выраженіе: казалось, будто она не то испугалась, не то изумилась чрезвычайно, да такъ и сохранила навсегда это выраженіе недоумѣннаго испуга. Лицо было пріятное. Но это выраженіе глазъ возбуждало безпокойство. Хотѣлось спросить: въ чемъ дѣло, что случилось, чего вы ищете?

Я познакомился съ нею послѣ 1905 года. Но зналъ, что въ жестокіе дни этого года погибъ братъ Анны Львовны. Ей было тогда восемнадцать лѣтъ.

Пока я стоялъ передъ окномъ, размышляя, идти мнѣ или нѣтъ къ Курнашевымъ, вопросъ разрѣшился самъ собой. На порогѣ курнашевскаго дома показался самъ Вадимъ Андреевичъ. Онъ сразу замѣтилъ новое обстоятельство—открытое окно въ «Эрмитажѣ» и остановился, встрѣтившись со мной глазами. Улыбнулся, кивнулъ головой и энергично завертѣлъ палкой съ крючкомъ, описывая полные круги.

Черезъ минуту былъ у меня. Онъ значительно пополнѣлъ, но лицо было свѣжѣе, жизнерадостнѣе. Послѣ общепринятыхъ вопросовъ и восклицаній, Вадимъ Андреевичъ рѣшительно потребовалъ, чтобы я «бѣжалъ отъ этого смрада» къ нему.

— Анна Львовна будетъ рада васъ видѣть. Она теперь у меня молодцомъ!..

— Почему теперь? А какъ же было раньше?

— Раньше было плохо...

Мы вышли изъ «Эрмитажа». Вошли не въ домъ, а въ калитку сада, въ глубинѣ котораго виднѣлась бесѣдка, заросшая пышно расцвѣтшими высокими робескіями. Большіе, ярко-желтые цвѣты застилали всю бесѣдку, пробивались внутрь и поднимались почти на крышу.

— Анюты нѣтъ. Она ушла въ больницу. Работаетъ... Въ комнатахъ уборка... Посидимъ пока здѣсь.

— Но вы куда-то шли?

— Такъ, безъ дѣла. Просто пройтись. У меня привычка— каждое утро сдѣлать маленькую пробѣжку передъ конторой. отомъ засядешь на цѣлый день.

— Если я не мѣшаю, пойдемте вмѣстѣ,—предложилъ я.

— Великолѣпно! Я только сообщу по телефону Аннѣ Львовнѣ, что вы пріѣхали.

Онъ ушелъ. Я заглянулъ въ бесѣдку и увидѣлъ спрятавшуюся въ уголкѣ дѣвочку съ книгой. Поздоровался съ ней. Она подняла глаза, такіе же большіе, какъ у Анны Львовны. По глазамъ и круглому личику можно было сразу угадать, что это дочь Курнашевой.

Она молча кивнула головой и, опустивъ глаза, вышла. Я невольно полюбовался ея тонкой, изящной фигуркой. Въ движеніяхъ этой девяти-десятилѣтней дѣвочки было много чистоженственной граціи.

— Можетъ быть, я помѣшалъ?—спросилъ я.

Она оглянулась съ улыбкой на лицѣ, покачала головой и ушла.

Я остался въ бесѣдкѣ. Задумался о тихой, уютной жизни владѣльцевъ этого крошечнаго садика...

Вадимъ Андреевичъ скоро вернулся. Послѣ нѣсколькихъ минутъ пребыванія въ домѣ, онъ сталъ совсѣмъ другой. Лицо утратило выраженіе бодрости, глаза глядѣли печально. Съ нимъ шелъ высокій, прямой старикъ съ длинными бѣлыми волосами и съ выбритымъ начисто лицомъ, какъ у актера. Онъ такъ высоко держалъ голову, что казалось, будто разсматривалъ что-то вдали.

— Позвольте васъ познакомить,—сказалъ Курнашевъ.—Іустинъ Ивановичъ Погрузовъ. Мой товарищъ по конторѣ и другъ нашего дома.

— Весьма пріятно познакомиться съ литераторомъ,—сказалъ Іустинъ Ивановичъ, крѣпко пожавъ мнѣ руку.—Весьма пріятно. Давно мечталъ увидѣть и побесѣдовать съ писателемъ... Я также писалъ корреспонденціи въ «Голосъ»...

Онъ долго не выпускалъ моей руки.

— Вотъ была газета! Пожалуй, вы ея не помните...

— Позвольте, Іустинъ Ивановичъ,—перебилъ нѣсколько нетерпѣливо Курнашевъ.—Вы тутъ успѣете наговориться... Я оставляю васъ,—обратился онъ ко мнѣ,—съ Іустинъ Иванычемъ. Онъ здѣшній, коренной... Все вамъ покажетъ и разскажетъ... Я пойду, попытаюсь разыскать Анну Львовну... Пока до свиданія. Обѣдъ въ 4 часа.

Онъ ушелъ съ особой поспѣшностью, точно боялся, что я задержу его.

Мнѣ стало какъ-то не по-себѣ. Вотъ и причинилъ людямъ безпокойство.

Іустинъ Ивановичъ не далъ мнѣ долго задуматься.

— Хотите прогуляться? Пойдемъ. Покажу вамъ Ривьеру. Рѣчка у насъ есть, значитъ, есть и Ривьера... Какъ же иначе? Тамъ бульваръ. Вечеромъ гуляютъ, а теперь пусто, тихо, никакой суеты...

— Мнѣ именно хотѣлось бы посмотрѣть суету, а не рѣчку.

— Черезъ весь городъ пройдемъ, все увидимъ. Всѣ нравы и обычаи. Теперь нравы новые, безъ водки. Всѣ босяки сапоги надѣли и въ штанахъ ходятъ. Какъ же иначе? Некуда денегъ дѣвать, стали прилично одѣваться... Дамы и барышни въ сестры милосердія идутъ, а кавалеры въ санитары записались. Папиросы для раненыхъ собираютъ. Какъ же иначе? Война...

Мы шли по главной улицѣ, ведущей къ вокзалу. На тротуарѣ изъ досокъ, пляшущихъ подъ ногами, было довольно людно. Всѣ шли по одному направленію—къ вокзалу.

— Выходитъ такъ, что раненыхъ привезли,—продолжалъ Іустинъ Ивановичъ.—Отъ насъ близко... Въ N-скѣ первый этапъ. Прямо съ поля брани привозятъ. Всѣ идутъ... Какъ же иначе? Остановка 2—3 часа; перевязку сдѣлаютъ—и дальше. Публика идетъ... Вмѣсто кинематографа. Всѣ идутъ. Видѣли раненыхъ? Нѣтъ. Что вы? Надо посмотрѣть. Считается неприличнымъ ра-

неныхъ не видѣть... Цѣлыми днями торчатъ на вокзалѣ. Какъ же иначе? Въ щелочки заглядываютъ, на заборъ взбираются...

— А вы видѣли?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, краснѣя.

— Мнѣ хотѣлось бы увидѣть.

— Вамъ другое дѣло!

Не знаю, почему мнѣ было другое дѣло. Но тянуло туда, куда шли всѣ. Не похоже было, чтобы люди шли къ раненымъ, какъ въ кинематографъ, какъ на развлеченіе. Лица у всѣхъ были не такія. Съ такими лицами идутъ не въ кинематографъ, а за покойникомъ.

Мы свернули въ узенькій переулокъ, гдѣ собралась небольшая толпа, быстро увеличивавшаяся. Везли тяжело раненаго, котораго надо было оставить въ N-скѣ, въ госпиталѣ. Ѣхали не мощенными улицами, по мягкой дорогѣ. Теперь приходилось выѣхать на тряскую мостовую. Надо было переложить раненаго на носилки, чтобы не везти его по ужаснымъ камнямъ. Раненаго сопровождалъ санитаръ, который обратился къ публикѣ съ просьбой помочь ему. Проходившій мимо рыжебородый псаломщикъ въ длинномъ подрясникѣ, узнавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же сталъ распоряжаться. Всѣ безпрекословно повиновались ему. Прежде всего онъ отстранилъ на нѣкоторое разстояніе публику, чтобы не мѣшали. Когда принесли носилки, онъ выбралъ изъ публики четырехъ человѣкъ и поручилъ имъ держать носилки наготовѣ. Самъ онъ вмѣстѣ съ санитаромъ снималъ раненаго. Это былъ молодой солдатъ, маленькій, худой съ продолговатымъ лицомъ, съ острымъ подбородкомъ, заросшимъ густыми черными волосами—повидимому цыганъ или еврей. Въ пролеткѣ онъ полулежалъ, положивъ забинтованныя ноги, покрытыя шинелью, на мѣшокъ съ сѣномъ. Глаза его были закрыты; губы плотно сжаты.

Когда его снимали съ пролетки и укладывали на носилки, онъ не жаловался, не стоналъ. Великанъ-псаломщикъ бережно взялъ его подъ мышки, какъ берутъ маленькихъ дѣтей, а санитаръ держалъ ноги. Раненый открылъ глаза и тотчасъ же опять закрылъ; еще плотнѣе сжалъ губы. На лбу появилась поперечная морщина; крупныя капли пота выступили на лицѣ...

Псаломщикъ еще разъ окинулъ взглядомъ носильщиковъ.

— Надо идти въ ногу,—наставлялъ онъ ихъ.—Поднимать носилки въ одно время... Начинать съ одной ноги. Всѣ съ правой ноги начинайте...

Когда онъ выбиралъ носильщиковъ, то руководствовался только однимъ соображеніемъ, чтобы всѣ были одинаковаго роста.

Но кромѣ роста во всемъ остальномъ они были рѣзко не схожи между собою. Въ первой парѣ стояли лавочникъ въ грязномъ передникѣ, повидимому, мясникъ и акцизный чиновникъ съ кокардой, съ бѣлыми манжетами въ новенькой тужуркѣ съ блестящими пуговицами; во второй—маляръ, весь обмазанный красками всѣхъ цвѣтовъ, и провизоръ въ элегантномъ костюмѣ, бѣломъ съ полосками.

Къ раненому подошла молодая женщина въ черной шляпѣ съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, вытерла ему лицо своимъ платкомъ и оставила платокъ на носилкахъ.

Раненый приподнялъ голову, оглядѣлъ толпу черными, лихорадочными глазами и прошепталъ чуть слышно: «Спасибо»...

Этотъ слабый шепотъ, видимо, взволновалъ всѣхъ собравшихся. Молчаливая, сдержанная толпа вдругъ всколыхнулась, придвинулась къ раненому и заговорила:

— Ничего, милый, Богъ дастъ, ничего!..

— Поправишься!

— Спасибо тебѣ! Ты за насъ старался.

— Молодой! Еще поживешь!..

— Докторъ вылѣчитъ тебя. Хорошій у насъ докторъ...

— Онъ, братъ, тебя живо на ноги поставитъ...

— Ого! Молодцомъ будешь!..

— Ровнѣй, ровнѣй!—командовалъ псаломщикъ.—Съ правой ноги!

Когда носилки двинулись, многіе пошли за ними.

Іустинъ Ивановичъ кивнулъ на носильщиковъ и сказалъ:

— Равенство и братство... Война-то—что дѣлаетъ? Всѣхъ равняетъ. Много хорошаго поднимается въ людяхъ. Война—бѣдствіе. Это такъ. Какъ же иначе? А не было бы бѣдствій, оскотинился бы человѣкъ...

Мы подошли къ вокзалу. Поѣздъ съ ранеными остановили не на вокзалѣ, а въ полуверстѣ, возлѣ наскоро сколоченной платформы. Это не былъ еще санитарный поѣздъ, какіе ходили впослѣдствіи, а простой, съ товарными вагонами. Во избѣжаніе наплыва публики, впускали на платформу по билетамъ, которые выдавалъ жандармскій ротмистръ, по своему усмотрѣнію. Іустинъ Ивановичъ получилъ билеты безпрепятственно.

Но и съ билетами публики набралось много. Вся платформа была заполнена преимущественно женщинами въ шляпкахъ и платочкахъ, молодыми и старыми.

Вдоль узкой, длинной платформы вытянулся поѣздъ, наполненный ранеными. Въ широко открытыя двери красныхъ вагоновъ видно было, какъ они лежали безъ движенія, словно спящіе. Нѣкоторые сидѣли и бесѣдовали съ публикой, разсказывая впечатлѣнія чуть не вчерашняго боя.

Іустинъ Ивановичъ кого-то искалъ. Вытянулся во весь свой ростъ и смотрѣлъ черезъ головы. Меня оставилъ и вмѣшался въ толпу.

Я стоялъ около вагона, въ которомъ было только нѣсколько человѣкъ. Половина вагона была занята чѣмъ-то въ родѣ стола. Кажется, это лежала дверь на козлахъ, на которой возвышалась куча тряпокъ и банки съ какими-то медикаментами. За этимъ столомъ, въ глубинѣ, подъ самой стѣной спала на полу сестра милосердія, положивъ голову на солдатскую шинель.

Молодой, красивый солдатъ съ русыми усиками, тщательно подкрученными, сидѣлъ въ вагонѣ, свѣсивъ ноги наружу. Правая рука висѣла на перевязкѣ и голова была обвязана узенькой чистой повязкой. Его обмыли, сдѣлали перевязку, накормили, набросили на плечи старый мундиръ съ артиллерійскими погонами. Онъ курилъ папиросу, улыбался и держалъ себя непринужденно. Видимо, былъ городской человѣкъ.

Замѣтивъ, что я смотрю на спящую сестру милосердія, сказалъ:

— Какъ ѣхала, была на ногахъ. За цѣлыя сутки не присѣла. А какъ пришли сюда, такъ и свалилась...

Покачалъ головой.

— Утомилась. Много бѣдняжкѣ работы съ нами. Насъ-то много... Каждому нужно то да это... А ихъ двѣ на весь поѣздъ... Отдыхаетъ... Обѣдать не пошла. Ноги не ходятъ... Выпила чаю, яблоко съѣла да и заснула, какъ убитая...

— Скажи, миляга, видѣлъ ты его по близости?—спросилъ плотный мужчина съ большой бородой купеческаго склада.

— Кого?

— Нѣмца-ти.

— Чего ближе! Вонъ лежитъ. Смотри самъ.

Всѣ потянулись къ вагону, заглядывая внутрь.

Въ другой половинѣ вагона лежали четыре человѣка. Кромѣ одного, всѣ спали. Возлѣ неспавшаго стояла женщина въ черномъ платьѣ и вполголоса читала по-нѣмецки. Это былъ раненый нѣмецкій офицеръ, очень юный съ едва пробивавшимися усиками, съ нѣжнымъ лицомъ. Онъ лежалъ на спинѣ.

— Офицеръ ихній...—продолжалъ солдатъ.—Руки у него

порѣзаны. Видно, за палашъ схватился... Плечо прострѣлено... Чудной какой-то... не ѣстъ, не пьетъ. Ни на кого не смотритъ...

Женщина въ черномъ платьѣ читала евангеліе слабымъ, старческимъ голосомъ. Маленькая, худенькая старушка въ черной шляпѣ съ большой черной вуалью, она стояла, прислонившись къ вагону, часто поправляя очки, плохо державшіяся за ушами.

Трудно сказать, слушалъ ли ее раненый юноша. Онъ не смотрѣлъ на читавшую. Глаза его были неподвижны и смотрѣли вверхъ. Изъ глазъ обильно текли слезы. Старушка наклонялась, вытирала слезы и продолжала читать. Но слезы лились неудержимымъ потокомъ.

Возлѣ раненаго нѣмецкаго офицера лежали булка, яблоки, папиросы и плитка шоколаду—приношенія публики.

Я перешелъ къ другому вагону. И тутъ большинство раненыхъ спали. Мучительная тряска во время хода не давала спать. На остановкахъ засыпали моментально, едва остановится поѣздъ. Для кормленія, для перевязки приходилось будить. Послѣ этого опять засыпали крѣпчайшимъ сномъ. Но и здѣсь былъ разговорчивый солдатъ, раненый въ ногу. У него была забинтована ступня. Онъ сидѣлъ въ глубинѣ вагона, вытянувъ больную ногу на шинели. Разсказывалъ о рукопашной схваткѣ. Его слушали нѣсколько женщинъ, старый священникъ, у ногъ котораго стояла корзина съ французскими булками, и старикъ-еврей, очень бѣдно одѣтый, въ круглыхъ синихъ очкахъ, принесшій для раненыхъ вареныя яйца въ платкѣ.

— Лошадей убили, такъ мы пѣшими шли... Я къ товарищу бѣжалъ, который, упавши съ лошади, большой опасности подвергался. Лошадь упала и онъ упалъ... Я къ нему, чтобы намъ вдвоемъ стать... Бѣгу я, то-есть къ нему, поспѣшак на помощь... Пули откуда-то шуу-жжи, шуу-жжи... Вдругъ меня будто кто за ногу потянулъ. Такъ и шлепнулся... Эхъ, Ѳедюха, думаю, плохо тебѣ одному быть. Пробую встать—не могу... А на Ѳедора двое бѣгутъ. Одинъ ударилъ его въ грудь... Здоровый шельма. Упалъ Ѳедоръ. Не сильный онъ, тонкій, легкій... Другой штыкомъ его прямо къ землѣ прикололъ... На смерть прикололъ. Пропалъ Ѳедоръ... Жалко мнѣ его. Товарищъ мой любимый. Пѣсни хорошо пѣлъ. Голосъ у него былъ звонкій...

— Какъ фамилія вашего товарища? — спросила вдругъ женщина съ красивымъ, полнымъ, страшно поблѣднѣвшимъ лицомъ.

Повязанная чернымъ платкомъ, въ темномъ платьѣ, она имѣла

видъ мѣщанки средняго достатка. Стоя возлѣ самаго вагона, смотрѣла на разсказчика исполненными ужаса глазами и дрожала всѣмъ тѣломъ. Чтобы не упасть, прижалась къ вагону, безъ кровинки въ лицѣ.

— Фамилія?..—спросилъ солдатъ, заглядывая на спросившую.—Какъ она, фамилія-то его?..

— Можетъ Никаноровъ?—съ усиліемъ спросила женщина,—Ѳедоръ Никаноровъ, волосы свѣтлые, курчавые, глаза голубые...

— Нѣтъ!.. Черные глаза... Насыпкинъ—вотъ его фамилія.

— Спасибо, голубчикъ!—сказала женщина.

Щеки ея зарумянились. Она отошла отъ вагона.

Разсказчикъ умолкъ. Тянулся впередъ, стараясь заглянуть на ушедшую.

— Ушла?—спросилъ онъ.

— Ушла,—отвѣтилъ священикъ.

— Она мать ему,—продолжалъ раненый.—Похожъ на нее... Ѳедоръ-то и есть Никаноровъ... Насыпкинъ—я, моя фамилія Насыпкинъ. Я ей свою фамилію сказалъ. Жалко ее, какъ ей сказать?.. Двѣ недѣли... Нѣтъ и двухъ недѣль, какъ ушелъ Ѳедоръ... Время пройдетъ, такъ можетъ привыкнетъ безъ него... Привыкнетъ по времени... По времени все узнается...

Священникъ, собравшійся уже идти, поставилъ на землю свою корзину и слушалъ раненаго. Вдругъ онъ закрылся широкимъ рукавомъ рясы и истерически зарыдалъ. Громко всхлипывалъ. Оглянулся безпомощно, словно искалъ мѣста, гдѣ спрятаться. Ушелъ, быстро шагая, бросивъ свою корзину. Старый еврей догналъ его.

— Батюшка, вы не безпокойтесь... Я отдамъ остальныя булки и корзину принесу вамъ.

Священникъ махнулъ рукой и пошелъ еще быстрѣе.

— У него сынъ... добровольцемъ пошелъ,—пояснилъ намъ еврей.—Мой сынъ тоже пошелъ... Они вмѣстѣ товарищи... Въ одной ротѣ...

— Сынъ батюшки вольноопредѣляющимся поступилъ,—замѣтилъ кто-то,

—Ну—все равно,—сказалъ еврей.

Онъ взялъ корзину и пошелъ къ слѣдующимъ вагонамъ.

Появился кондукторъ.

— Поторопитесь, господа. Скоро поѣздъ тронется.

Несли послѣднихъ раненыхъ съ перевязки. Публика засуетилась, спѣша раздать свои приношенія.

— Готово?—послышался гдѣ-то далеко громкій голосъ.

— Готово.

Кондукторъ далъ свистокъ. Но поѣздъ не двигался. Публика, отпрянувшая отъ вагоновъ, опять къ нимъ прихлынула.

Іустинъ Ивановичъ шелъ мнѣ навстрѣчу. Спѣшилъ, почти бѣжалъ.

— Мендель, Мендель!—кричалъ онъ.—Идите скорѣе! Тамъ вашъ сынъ, въ послѣднемъ вагонѣ, возлѣ паровоза.

Старый еврей бросился бѣжать, размахивая пустой корзиной. Раздался свистокъ паровоза. Поѣздъ тронулся. Мы съ Іустиномъ Ивановичемъ спѣшили за Менделемъ. Онъ энергично пробирался черезъ толпу, все не выпуская корзины и обгоняя медленно двигавшіеся вагоны. Наконецъ увидѣлъ сына, юношу съ худымъ блѣднымъ лицомъ, съ едва пробивавшимися черными усиками. Сынъ улыбался и привѣтливо кивалъ головой. Старикъ уже почти подбѣжалъ къ послѣднему вагону, но поѣздъ пошелъ быстрѣе и разстояніе между ними сразу увеличилось.

— Осипъ! Осипъ!—кричалъ старикъ, задыхаясь отъ бѣга. Ну что ты скажешь про сына батюшки?..

Шумъ поѣзда заглушалъ его слабый голосъ. Мендель бѣжалъ, пока не прошелъ весь поѣздъ. Остановился, тяжело дыша. Поставилъ корзину и тихо покачивалъ головой.

Когда мы приблизились, онъ сказалъ.

— Ну, все-таки я его видѣлъ.

Старые, слезящіеся глаза свѣтились.

— Ну, что онъ вамъ сказалъ?—спросилъ старикъ Іустина Ивановича.

Тотъ сообщилъ, что Осипъ не тяжело раненъ въ ногу и что его везутъ въ Москву или въ Витебскъ.

— И что еще онъ вамъ говорилъ?—спросилъ старикъ.

Ему хотѣлось безконечно долго слушать про сына.

— Еще сказалъ, что вамъ напишетъ.

— Богъ... Богъ...—тихо повторялъ Мендель, наклоняясь за корзиной. Потомъ совсѣмъ шепотомъ произнесъ еще какія-то еврейскія слова. Можетъ быть, слова молитвы...

— Искалъ Анну Львовну. Не понимаю, гдѣ она можетъ быть!—сказалъ Іустинъ Ивановичъ, когда мы пробирались къ выходу вмѣстѣ со всѣми.

Какъ разъ въ это время мы встрѣтили Анну Львовну. Вышла изъ-за загородки, гдѣ наскоро были устроены приспособленія для перевязки раненыхъ. Она была въ костюмѣ сестры

милосердія, въ коричневомъ платьѣ съ краснымъ крестомъ на рукѣ, въ бѣлой повязкѣ. Худощавое, блѣдное лицо было озабоченно и серьезно. Въ большихъ глазахъ не было знакомаго мнѣ выраженія недоумѣнія или испуга. Въ нихъ была печаль и забота.

— Что, наработались? Очень устали?—участливо спросилъ Іустинъ Ивановичъ.

Столько было ласки въ его голосѣ и такъ измѣнилось обычно насмѣшливое выраженіе лица, что сразу почувствовалось, что старикъ Погрузовъ относится къ Курнашевой съ особенной нѣжностью.

— Совсѣмъ не устала...

Я поздоровался. Вздрогнула отъ неожиданности, чуть-чуть зарумянилась и по-пріятельски крѣпко пожала руку.

— Слишкомъ много желающихъ работать,—сказала она. Такъ что, собственно говоря, тутъ нечего дѣлать,—сказала она, какъ будто мы видѣлись только вчера.

Но вдругъ вспомнила, что мы не видѣлись нѣсколько лѣтъ.

— Здравствуйте! Я рада васъ видѣть. Вы были у насъ? Какъ вы попали сюда? Ѣдете дальше?

— Былъ у васъ. Вадимъ Андреевичъ пошелъ васъ искать, а меня оставилъ съ Іустиномъ Ивановичемъ.

— Я нечаянно обманула его. Сказала, что вернусь только вечеромъ. Но все окончилось очень скоро.

— А вотъ и онъ!—воскликнулъ Іустинъ Ивановичъ.

Вадимъ Андреевичъ шелъ навстрѣчу, опустивъ голову, и насъ не видѣлъ. Анна Львовна ускорила шаги и позвала мужа. Онъ поднялъ растерянное лицо и тотчасъ просіялъ, увидѣвъ жену.

— Въ обѣ больницы ѣздилъ... Нигдѣ тебя не нашелъ. Видѣла, кто пріѣхалъ? Я его перетащилъ къ намъ.

— Отлично сдѣлалъ. Пойдемъ обѣдать. Ѣсть хочется.

— Ты сегодня больше не уйдешь?

— Кажется, нѣтъ...

Анна Львовна отошла отъ мужа, взяла подъ-руку Іустина Ивановича и пошла съ нимъ впередъ.

У нея была такая же легкая граціозная походка, какъ у ея маленькой Гали.

Вадимъ Андреевичъ взялъ подъ руку меня.

— Не знаете, тутъ у нея ничего не было?—спросилъ онъ вполголоса.—Ничего не случилось?.. У нея совсѣмъ другое настроеніе... Я это услышалъ въ ея голосѣ, когда мы говорили по телефону. Утромъ была веселая, бодрая... Теперь совсѣмъ не то...

Я сказалъ, что картины поѣзда раненыхъ вполнѣ способны измѣнить настроеніе.

— Нѣтъ. Она вѣдь ходила и раньше. Видѣла раненыхъ. Очень увлекалась работой. Съ тѣхъ поръ какъ началась война, она совсѣмъ преобразилась. Поднялся духъ, появилась энергія...

Курнашевъ замедлилъ шаги, чтобы увеличить разстояніе между нами и женой.

— Какъ съ ней плохо было раньше! Не зналъ, что и дѣлать. Почти насильно заставилъ ее поѣхать въ Крымъ... Вернулась черезъ три недѣли... Самый нелѣпый образъ жизни вела. Ночами сидитъ за книгами, днемъ спитъ. До часу дня въ постели... Ко всему и ко всѣмъ полнѣйшее равнодушіе... Никакихъ интересовъ. Ни у кого не бывала... Не любила, когда къ намъ приходили. Даже неловко бывало. Придетъ кто-нибудь изъ знакомыхъ, а она изъ дому уходитъ... Думаю, можетъ, я надоѣлъ ей или наша N-ская жизнь опротивѣла... Говорю съ ней, а она: «Мнѣ все равно...» Эти слова мнѣ больно дѣлали... Лучше ударить человѣка, чѣмъ говорить ему—мнѣ все равно... Мнѣ очень тяжело было. Видишь передъ собой каждый день человѣка близкаго, дорогого, чувствуешь, что у него на душѣ тяжесть какая-то, и не можешь помочь... Теперь вдругъ все измѣнилось. Какъ въ сказкѣ. Встаетъ въ семь часовъ, бѣжитъ въ больницу... Она вѣдь на медицинскихъ курсахъ училась. Работаетъ весь день... Вечеромъ приходитъ веселая. Не чувствуетъ усталости. Ѣстъ отлично. Прежде бывало едва дотронется до пищи...

Онъ замолчалъ и съ ожесточеніемъ сталъ вертѣть палкой.

— Сегодня мнѣ показалось, какъ будто опять что-то разладилось...

— Что вы такъ отстали? — сказала Анна Львовна, останавливаясь.

Дальше пошли вмѣстѣ.

За обѣдомъ Анна Львовна была веселой, радушной хозяйкой. О войнѣ не говорили. Вспоминали общихъ знакомыхъ и тѣ времена, когда жили въ Петербургѣ. Казалось, Вадимъ Андреевичъ успокоился относительно своихъ сомнѣній. Довольно легко далъ себя убѣдить, что ему не слѣдуетъ лишать себя послѣобѣденнаго сна.

Маленькая Галя все время молчала. Изрѣдка взглядывала на меня большими материнскими глазами, но тотчасъ же опускала ихъ, когда я ловилъ ея взглядъ. Худенькое, блѣдное личико съ серьезными глазами, двѣ тяжелыя косы и высокій ростъ

дѣлали ее старше ея возраста. На самомъ дѣлѣ ей не было еще восьми лѣтъ.

Какъ только кончился обѣдъ, Галя исчезла. Мы отправились въ бесѣдку, освѣщенную розовымъ свѣтомъ заходящаго солнца.

— Какъ у васъ уютно. Совсѣмъ не похоже на городъ,— сказалъ я.

— Да, уютно, — машинально проговорила Анна Львовна, утратившая веселость.—А какъ теперь *тамъ?..* Все время думаю объ этомъ... Не могу освободиться отъ этой мысли. Ночью и днемъ преслѣдуютъ меня ужасы человѣческой бойни... Когда засну, приходятъ сновидѣнія... Просыпаюсь, и на яву чудятся вопли, крики, лязгъ желѣза. Часто преслѣдуетъ меня одинъ образъ: катится огромная, окровавленная пушка по человѣческимъ тѣламъ... Тяжелая, черная... Люди видятъ, что она на нихъ надвигается, и не могутъ пошевелиться, чтобы убѣжать. Или приходитъ ко мнѣ во снѣ высокая женщина въ красномъ съ огненными глазами. У нея въ рукахъ ядовитыя змѣи, которыхъ она бросаетъ въ толпу женщинъ и дѣтей... У васъ бываютъ страшные сны?

— У насъ ихъ не было.

— А у меня каждую ночь.

— Это потому, — сказалъ Іустинъ Ивановичъ, что вы слишкомъ много думаете о войнѣ...

— Да, какъ же не думать о ней?

— И представляете ее себѣ слишкомъ односторонне, — продолжалъ Погрузовъ.

— Ахъ, у нея только и есть одна сторона—невыразимаго ужаса!—сказала Анна Львовна.

— Спросите военныхъ. Они вамъ скажутъ другое, — возразилъ Погрузовъ. — Что такое война? Великій законъ необходимости... Желѣзный законъ...

Іустинъ Ивановичъ, когда говорилъ, то не смотрѣлъ на собесѣдника; глаза его устремлялись вдаль, какъ у вдохновенныхъ проповѣдниковъ.

— Законъ необходимый... Такой же необходимый, какъ смерть. Только война и смерть приводятъ къ истинному равенству между людьми. Только война и смерть возвышаютъ... Смерть въ самой подлой душѣ пробуждаетъ благородныя чувства. А война! Сколько высокихъ чувствъ поднимаетъ война! Вы говорите—ужасы. Да, ужасы... Какъ же иначе... Но скажите, подумайте и скажите, какая была наша жизнь до войны?

Самая гнусная была наша жизнь... Безъ божества, безъ вдохновенья... Нужно было насъ встряхнуть... Открыть глаза на мерзость нашей жизни... Всколыхнуть проклятую плѣсень застоявшагося болота... Смотрите, сколько людей явилось... Каждому хочется сдѣлать хорошее, помочь, пожалѣть, утѣшить. Война пройдетъ... Мы явимся послѣ войны возрожденными. Явимся строителями новой жизни. Мы развѣ жили до сихъ поръ? Не жизнь это была, а трепетъ... Жалкій страхъ передъ пустотой нашей жизни. Сколько самоубійствъ! Подумайте, какъ же иначе!..

Анна Львовна слушала рѣчь Погрузова со скорбнымъ лицомъ. Морщинки появились на лбу. Она покачала головой и сказала:

— Никто изъ раненыхъ не разсуждаетъ такъ. Ни одинъ изъ убитыхъ не думалъ объ этомъ, когда шелъ на войну. Ни одна изъ матерей, дѣти которыхъ тамъ, не поймутъ вашихъ разсужденій. Я вамъ прямо скажу, что, если бы моя Галичка должна была погибнуть ради возрожденія жизни, я прокляла бы это возрожденіе..

— Возрожденіе не требуетъ ничьей гибели,—воскликнулъ горячо Іустинъ Ивановичъ.—Но люди не умѣютъ осуществлять его иначе, какъ въ мукахъ и скорби... Надо преклониться передъ неизбѣжностью ради высокихъ идеаловъ будущаго... Какъ же иначе?..

— Отъ вашихъ разсужденій мнѣ не станетъ легче. Меня мучительно тянетъ туда...

— Ну-да, вотъ видите!—воскликнулъ Погрузовъ.

— Нѣтъ, погодите... Вы помогите мнѣ лучше успокоить Вадима. И вы помогите,—обратилась она ко мнѣ.—Я не могу оставаться здѣсь... Я должна ѣхать туда. Иначе я сойду съ ума. Тамъ, я знаю, что я дѣйствительно нужна... Мои двѣ руки тамъ необходимы. Сегодня вы видѣли этотъ поѣздъ?... Огромный поѣздъ, и въ немъ двѣ сестры! Подумайте—двѣ! Вѣдь только воды подать раненымъ, только воды... для этого сколько рукъ нужно!

При послѣднихъ словахъ въ домѣ открылась дверь. Показался Вадимъ Андреевичъ. Онъ позвалъ меня.

— Убѣдите его... Объясните ему,—шепнула Анна Львовна,—что въ этомъ нѣтъ никакой опасности.

— Я посылаю за вашими вещами,—сказалъ Курнашевъ.—Переночуете у насъ. Тамъ невозможно... Заѣдятъ васъ насѣкомыя. А я не могъ заснуть сегодня...

Онъ взялъ меня подъ-руку, привелъ въ свой кабинетъ. Заперъ дверь и усадилъ меня рядомъ съ собой на диванъ.

— Очень меня безпокоитъ Анюта. Что, она говорила что-нибудь? Не разсказывала чего-нибудь?

Я не рѣшился сказать и отрицательно покачалъ головой.

— Какъ вы ее нашли?

— Все такая же...

— Нѣтъ, она очень измѣнилась. Знаете, она мѣста себѣ не находила... Еще пока Галичка была маленькая, она все возлѣ нея держалась... Какъ подросла дѣвочка, совсѣмъ плохо стало... Знаете, я сказалъ ей: если тебя тяготитъ совмѣстная наша жизнь, уѣзжай. Нѣтъ, говоритъ, я люблю тебя такъ же, какъ и любила... Некуда, говоритъ, уѣзжать. Мнѣ все равно... Въ послѣдніе дни неожиданно преобразилась... Увлеклась работой, ходитъ на перевязки...

— Да, вы мнѣ разсказывали.

— А-а! Я забылъ... Правда, правда, я говорилъ вамъ.

Онъ замолкъ. Опустилъ голову. Какъ-то безпомощно разсматривалъ золотую цѣпочку на животѣ и вертѣлъ пальцами брелокъ—золотую свинку.

Я чувствовалъ себя очень неловко. Сказать или не сказать ему? Мнѣ казалось, что лучше ей самой поговорить съ мужемъ. Изъ тягостнаго молчанія вывелъ насъ стукъ въ двери.

Вадимъ Андреевичъ нервно вскочилъ. Ему подали письмо.

— Вотъ опять ей письмо...

Онъ смотрѣлъ на адресъ.

— Отнесите Аннѣ Львовнѣ. Она въ бесѣдкѣ.

Опять сѣлъ на диванъ.

— Вы поговорите съ Анной Львовной. Это лучше всего,— сказалъ я.

— А я хотѣлъ васъ просить поговорить съ ней... Вы ее давно знаете... Я волнуюсь очень, не умѣю говорить съ ней, нервничаю... Вообще нервы у меня не того... Не могъ заснуть сегодня...

Дверь пріоткрылась, и послышался голосъ Гали:

— Папа, мама проситъ чай пить.

Мы пошли.

— Знаешь, я не заснулъ сегодня,—еще издали сказалъ Вадимъ Андреевичъ.

Вскрытое письмо лежало на столѣ.

— Ты получила письмо?—спросилъ онъ.

Анна Львовна была взволнована; легкій румянецъ появился на блѣдныхъ щекахъ. Она передала письмо мужу.

Іустинъ Ивановичъ, повидимому, прервавшій свою рѣчь продолжалъ:

— Въ такіе моменты просыпается душа народа... Обычно она спитъ или дремлетъ. Цѣлыя столѣтія проходятъ въ такомъ снѣ. Теперь наступитъ пробужденіе... Говорятъ, что дѣти выростаютъ во снѣ. Такъ растутъ и народы. Когда наступаетъ моментъ пробужденія, то народъ встаетъ не такимъ, какимъ онъ заснулъ... Встаетъ выросшимъ... Если же онъ не выросъ, то онъ умеръ. Какъ же иначе? Приходитъ время великаго испытанія. Если въ такое время не проснется народъ, значитъ, онъ не живой... Душа его умерла...

Вадимъ Андреевичъ читалъ письмо. Онъ усиленно моргалъ глазами. Прочитавши, положилъ письмо на столъ и вышелъ изъ бесѣдки.

Анна Львовна передала письмо мнѣ.

— Вы знаете... Это Волнухинъ, нашъ петербургскій докторъ.

— Но нашъ народъ живетъ. Онъ встанетъ во весь ростъ, и всѣ увидятъ, какъ онъ выросъ...

Повидимому, Погрузовъ не интересовался, слушаютъ его или нѣтъ. Пожалуй, если бы мы всѣ вышли изъ бесѣдки, онъ продолжалъ бы свою рѣчь.

— Это будетъ народъ-великанъ. Народъ-Толстой... Обязательно Толстой. Какъ же иначе? Не Достоевскій, нѣтъ. Пушкинъ и Толстой. Сила, здоровье и красота... И свобода, свобода!

Послѣднее слово онъ произнесъ повышеннымъ тономъ.

Анна Львовна вышла. Я остался единственнымъ слушателемъ Іустина Ивановича.

На столѣ самоваръ тянулъ унылую пѣсенку, словно обидѣлся, что на него не обращаютъ вниманія.

Волнухинъ писалъ Аннѣ Львовнѣ, что отправляется на театръ войны и будетъ проѣздомъ въ N-скѣ.

Письмо было написано въ томъ сдержанно-шутливомъ тонѣ, въ какомъ у насъ часто говорятъ о вещахъ серьезныхъ. «Идемъ на нѣмца, чортъ бы его побралъ. Надѣюсь, что мнѣ удастся васъ устроить. Подвезу васъ къ самымъ пушкамъ, не безпокойтесь... Заѣду въ N-скъ и захвачу васъ съ собой»...

— Народъ идетъ подъ знаменемъ свободы. Не подъ запрещеннымъ знаменемъ, которое могъ сорвать каждый городовой... Нѣтъ, господа, теперь потише. Война за свободу! Нѣмецъ держалъ насъ въ тьмѣ и рабствѣ. Долой нѣмца, долой рабство!..

Показались Вадимъ Андреевичъ и Анна Львовна. Онъ шелъ впереди, возбужденный, красный.

— Господа!—воскликнулъ онъ, раньше чѣмъ вошелъ въ бесѣдку.—Разсудите насъ. Мы споримъ. Неужели можно принимать серьезно все, что пишетъ Волнухинъ? Аня, ты забыла его обычную манеру болтать. Право, смѣшно. Несомнѣнно, это шутка. Гдѣ письмо? Ты прочти внимательно... Прочти, пожалуйста...

Онъ схватилъ письмо дрожащей рукой.

— Вотъ: захвачу васъ съ собой... Скажите, господа, развѣ такъ говорятъ серьезно?

Господа молчали, а Курнашевъ продолжалъ:

— Захвачу съ собой... Легко сказать! Удивляюсь Волнухину. Серьезный человѣкъ, и такъ легкомысленно относится къ серьезному дѣлу...

Онъ сѣлъ къ столу. Наше молчаніе онъ, видимо, истолковалъ въ свою пользу. Получилъ вдругъ независимый видъ и говорилъ побѣдоноснымъ тономъ, не ожидая возраженій.

— Такъ писать можно какой-нибудь студенткѣ: накинула платокъ и готова. Но когда есть семья, ребенокъ, домъ... Это такъ понятно. Волнухинъ самъ семейный человѣкъ... Удивительно, что онъ не понимаетъ, что это вовсе не такъ просто...

Анна Львовна разливала чай, ни на кого не глядя. При послѣднихъ словахъ мужа, она подняла глаза. Въ нихъ свѣтились спокойствіе твердо принятаго рѣшенія.

— Да, Волнухинъ семейный... У него больная мать, жена и трое маленькихъ дѣтей,—сказала Курнашева.

— Вотъ именно!—воскликнулъ Вадимъ Андреевичъ, видимо не понимая, что хотѣла сказать жена.—Онъ долженъ понимать... Прихвачу васъ съ собой... Это мнѣ нравится... Приду и возьму подъ мышку...

На лбу Анны Львовны мелькнули морщинки. Курнашевъ ихъ замѣтилъ, и это отразилось на тонѣ его рѣчи,

— Такъ можно говорить только въ шутку, а ты все принимаешь въ серьезъ... Вовсе это не такъ просто. Накинула пальто и поѣхала... Нужно время, чтобы собраться... Нужно одежду приготовить соотвѣтственную, платье, плащъ непромокаемый, припасовъ разныхъ... Теплое платье необходимо имѣть... Осень скоро, наступятъ холода...

Голосъ Вадима Андреевича все падалъ и падалъ. Можетъ быть, онъ самъ почувствовалъ, насколько все то, что онъ говорилъ, неубѣдительно для Анны Львовны. Онъ взялъ со стола письмо.

— Это что же выходитъ?.. Какое сегодня число? Іустинъ Ивановичъ, какое число сегодня?

— Пятое.

— Вотъ, пятое!.. Да вѣдь онъ сегодня можетъ пріѣхать... Вотъ ты и сообрази... Не будетъ тебя ждать военный поѣздъ. Нельзя собраться въ полчаса... Смѣшно!...

Наконецъ онъ рѣшилъ пустить въ дѣло послѣдній аргументъ.

— Главное, что это не нужно. Мало ли здѣсь работы? Дальше, когда война разгорится, будутъ привозить по нѣсколько поѣздовъ въ день. Здѣсь люди нужнѣе... Тамъ имѣется свой штатъ, а здѣсь требуется экстренная помощь. Не такъ много людей, подготовленныхъ для ухода за ранеными. Здѣсь ты будешь полезнѣе, чѣмъ тамъ... Не правда ли, господа?

Анна Львовна опять подняла голову и сказала, обращаясь ко мнѣ:

— Здѣсь работаетъ врачъ, служившій въ японскую войну, раненый подъ Мукденомъ, хромой... Какъ только началась война, сейчасъ же облачился въ мундиръ. Хирургъ. Онъ сегодня осматривалъ раненыхъ.. Въ загородку, гдѣ дѣлали перевязку, набилось столько дамъ, что онъ сказалъ: «Господа, вы безпокоите раненыхъ... Зачѣмъ васъ такъ много?..» Но еще лучше сказалъ солдатъ: «Большое собраніе дамъ въ здѣшнемъ городѣ... Очень пріятно... За одинъ кончикъ повязки восемь рукъ хватаютъ...» Я спрашиваю: а тамъ много сестеръ? «Мы тамъ сами другъ для друга сестры...»

— Вздоръ!—заволновался Вадимъ Андреевичъ.—Какъ это можетъ быть? Въ началѣ, понятно, возможно... Я допускаю, что въ началѣ — да, возможно... Но въ дальнѣйшемъ этого не можетъ быть... Я вчера вечеромъ самъ видѣлъ на вокзалѣ четырнадцать сестеръ милосердія... Всѣ ѣхали на войну, туда, на передовыя позиціи...

Мы не могли удержаться отъ улыбки.

— Нѣтъ, вы скажите, — обратился ко мнѣ Курнашевъ, окончательно теряя почву. — Вы вѣдь видѣли, мало ли здѣсь работы? Іустинъ Ивановичъ, скажите вы. Какъ по-вашему, развѣ здѣсь нельзя быть полезной?

— Работы вездѣ много! Война призываетъ всѣхъ. Какъ же иначе?..

Повидимому, онъ готовился произнести длинную рѣчь. Но мы услышали возгласъ «уфъ!», потомъ пыхтѣніе и тяжелые шаги. Къ бесѣдкѣ приближался грузный человѣкъ, высокаго

роста, съ крупными чертами лица, заросшаго волосами. Странно сидѣлъ военный мундиръ на грузной фигурѣ этого неуклюжаго, лохматаго человѣка.

— Фу-ты, что за городъ! Отъ самаго вокзала ни одного извозчика! Человѣку моей комплекціи — это зарѣзъ... Здравствуйте, голубчики мои!

Онъ снялъ фуражку, бросилъ на траву и вытеръ лицо, залитое потомъ.

— Теперь поздороваемся по-христіански.

Заключилъ въ свои объятія тоненькую Анну Львовну, потомъ расцѣловалъ солиднаго Вадима Андреевича.

— Дайте чаю, голубчики мои!.. Не пивши, не ѣвши пришелъ... Времени мало, время военное... Поѣздъ стоитъ часъ и сорокъ минутъ... На путешествіе къ вамъ израсходовано двадцать пять минутъ...

Онъ поздоровался съ нами.

— Здравствуйте, господа.

Пожалъ намъ руки и опустился на скамью, которая погнулась и заскрипѣла.

Но вдругъ онъ вскочилъ съ неожиданной легкостью и выбѣжалъ изъ бесѣдки.

Въ саду мелькнула легкая фигурка Гали.

— Эй, эй, держи ее!

Но Галя стояла и ждала его съ улыбающимся дружелюбно лицомъ.

Онъ высоко поднялъ ее, расцѣловалъ и поставилъ на землю.

— Э-эхъ, ты, тощая. Моя Нинка меньше тебя, а вѣситъ больше.

Анна Львовна налила чай, поставила передъ Волнухинымъ сразу два стакана и вышла изъ бесѣдки.

— Спасибо. Для начала хорошо...

Онъ жадно выпилъ чай. Положилъ возлѣ себя кучку печенья и энергично глоталъ, забивая въ ротъ по нѣсколько штукъ за-разъ.

Анна Львовна вмѣстѣ съ Галей принесли холодную курицу, ветчину, сыръ и сардины...

— Спасибо, голубочка моя! Сейчасъ пойдемъ на приступъ... Очень спѣшилъ къ вамъ... Не ѣлъ, не пилъ на вокзалѣ. Зналъ, что накормите.

Онъ принялся за ѣду.

— А вы собирайтесь, для васъ мѣсто оставлено,—сказалъ онъ Аннѣ Львовнѣ.

Курнашевъ взглянулъ на него, блѣдный. Хотѣлъ что-то сказать, но удержался. Опустилъ глаза и размѣшивалъ ложечкой давно остывшій чай. Рука его дрожала и ложечка стучала по стакану, не повинуясь ей. Пересталъ мѣшать.

— Я готова,—сказала Анна Львовна, краснѣя, и вышла изъ бесѣдки.

Галя стояла у входа и не сводила глазъ съ Волнухина.

Вадимъ Андреевичъ ушелъ вслѣдъ за женой.

— Позвольте узнать, вы намѣрены сейчасъ взять Анну Львовну?—спросилъ Іустинъ Ивановичъ.

— Непремѣнно! Что, Вадимъ Андреевичъ не одобряетъ?

— Позвольте... Такъ неожиданно... Онъ совершенно не подготовленъ?

— Голубчикъ мой, когда же готовить... Военное время. Все равно, вы ее тутъ не удержите. Непремѣнно поѣдетъ... Такъ лучше ей быть при мнѣ, при своемъ человѣкѣ, чѣмъ неизвѣстно какъ и у кого... Правильно я разсуждаю?—спросилъ онъ подошедшую къ столу Галю.

Схватилъ ее за руку и притащилъ къ себѣ. Она немножко упиралась, но не была недовольна.

— Помнишь, когда тебѣ было три мѣсяца, я тебя отъ насморка вылѣчилъ? А?

Галя улыбалась, большіе сѣрые глаза блестѣли.

— Пойди къ отцу... Вотъ онъ безпокоится за маму. Скажи, чтобы не боялся. Я ее буду беречь. Не дамъ въ обиду нѣмцу. Ступай!

Улыбка улетѣла, лицо стало серьезнымъ. Галя ушла.

— Вѣрно вы сказали! — сказалъ Іустинъ Ивановичъ. — Удержать ее нельзя. Какъ же иначе? Душа ея тамъ, мысли тамъ, вся она тамъ. Война захватываетъ... Тянетъ какъ пропасть, когда заглянешь въ нее...

Іустинъ Ивановичъ всталъ и подсѣлъ къ Волнухину. Говорилъ ему вполголоса:

— Я Анну Львовну знаю съ дѣтства. На рукахъ ее носилъ... Какъ же иначе? Она безъ матери выросла. Характеръ у нея порывистый. Когда увлекается, то себя забываетъ. Вы ее не оставляйте, смотрите за ней. Въ огонь полѣзетъ! Засядетъ ей въ голову, что надо идти, такъ и пойдетъ, ничего не разбирая...

— Вѣрно, вѣрно, голубчикъ мой. Надо за ней смотрѣть... Хорошая она...

Вернулся Вадимъ Андреевичъ, ведя за руку Галю. У него

было совсѣмъ другое лицо. Какое-то преображенное, спокойное, доброе.

— У меня къ вамъ большая просьба,—сказалъ онъ и сѣлъ возлѣ Волнухина съ другой стороны.—Вы за ней присматривайте. Она не думаетъ объ опасности никогда. Въ огонь полѣзетъ. Когда заработается, ничего не видитъ и не слышитъ. О себѣ никогда не позаботится. Не поѣстъ, не заснетъ вѣ-время...

Онъ почти тѣми же словами, что Іустинъ Ивановичъ, упрашивалъ беречь и охранять отъ опасности Анну Львовну. Передалъ Волнухину деньги для жены и крѣпко пожалъ ему руку.

Докторъ вытеръ усы салфеткой и сказалъ:

— Знаю я ее, голубчикъ мой, хорошо знаю. Не безпокойтесь. Ни на шагъ отъ себя не отпущу.

— Спасибо, спасибо!..

Курнашевъ обнялъ доктора. При этомъ быстро смахнулъ непокорную слезу, выжавшуюся все-таки изъ усиленно мигавшихъ глазъ.

Когда пришла Анна Львовна, всѣ опять сидѣли на своихъ мѣстахъ. Она была въ сѣромъ пальто съ кожаной сумкой черезъ плечо и съ портфелемъ въ рукѣ.

Было что-то спокойное и сильное въ блестящихъ глазахъ, въ упругой, легкой походкѣ, во всей тоненькой, хрупкой фигуркѣ этой маленькой женщины.

— Наѣлись вы?—спросила она, подсаживаясь къ столу.

Волнухинъ нѣжно погладилъ себя по животу.

— До самаго Берлина хватитъ!

Онъ опять притащилъ къ себѣ Галю.

— Ну-съ, Галина Вадимовна, не поѣдете ли и вы съ нами?

— Если бы я была взрослая, то поѣхала бы,—отвѣтила дѣвочка, не по-дѣтски серьезно.

И совсѣмъ по-дѣтски прижалась къ Волнухину. Смотрѣла на мать большими серьезными глазами.

Докторъ поцѣловалъ ее и погладилъ хорошенькую круглую головку, оттянутую назадъ тяжелыми косами.

— Когда ты выростешь, то войнъ больше не будетъ,—сказалъ докторъ.

— Войны будутъ всегда!—рѣшительно заявилъ Іустинъ Ивановичъ.—Какъ же иначе? Подлой войны не должно быть, а хорошая, честная война необходима... Она развиваетъ скрытые запасы энергіи... Война...

— Пора намъ, голубчики мои,—перебилъ докторъ.—Давайте прощаться.

— Мы васъ проводимъ!—сказалъ Вадимъ Андреевичъ.—Я пошлю за извозчиками.

Онъ все еще былъ во власти волшебнаго преображенія. Говорилъ спокойно, ходилъ безъ торопливости.

— А ты, что не собираешься?—спросилъ докторъ Галю.

Дѣвочка молча показала ему кофточку и шляпу, которыя держала въ рукѣ за спиной.

— Іустинъ Ивановичъ, вы къ намъ переселитесь... Ему одному будетъ трудно,—сказала Анна Львовна.

— Вы только пишите чаще. Мы съ Галей за нимъ смотрѣть будемъ... Какъ же иначе?

— Она, пожалуй, возомнитъ себя тутъ хозяйкой! —замѣтилъ докторъ.

И, сдѣлавъ страшное лицо, прибавилъ:

— Ты у меня смотри!

Рѣшили идти, не дожидаясь извозчиковъ, которыхъ встрѣтили на улицѣ.

Когда подъѣхали къ вокзалу, трубилъ рожокъ горниста. Нѣсколько поѣздовъ стояли передъ станціей: санитарный поѣздъ съ бѣлыми вагонами, воинскій поѣздъ съ пушками и артиллеристами. Въ широкія отверстія вагоновъ выглядывали головы тѣсно сбившихся солдатъ, сидѣвшихъ и стоявшихъ. Запоздавшіе бѣжали къ своимъ мѣстамъ. У большинства лица были серьезныя, сосредоточенныя. Но были и весельчаки. Разсказывали что-то веселое, шутили, смѣялись и вызывали улыбки у всѣхъ. Гдѣ-то въ дальнемъ вагонѣ слышалось пѣніе.

Когда поѣздъ тронулся, въ какомъ-то вагонѣ крикнули—ура! Сначала нерѣшительно, слабо, потомъ все громче, дружнѣе. Публика махала платками и шапками.

Изъ одного вагона, когда онъ проходилъ мимо насъ, высунулся далеко солдатъ и крикнулъ:

— Счастливо оставаться!

Изъ публики также что-то кричали ему.

Вадимъ Андреевичъ долго смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся поѣзду. Галя стояла, прижавшись къ отцу.

— Идемъ, малышъ!—сказалъ онъ.—Вотъ какъ все вышло просто! Сказала и сдѣлала...

Молча мы возвращались домой. Даже Іустинъ Ивановичъ не говорилъ о войнѣ.

Е. Ганейзеръ.

ВЪ ШВЕЙЦАРСКОЙ МЫШЕЛОВКѢ.

I.

Къ намъ судьба была милостивѣе, чѣмъ ко многимъ другимъ,—въ моментъ объявленія войны мы были въ Швейцаріи и не подверглись ни арестамъ, ни побоямъ, ни издѣвательствамъ. Но и намъ пришлось пережить немало душевныхъ мукъ и тревогъ. Личныя невзгоды, однако, такъ ничтожны по сравненію съ тѣмъ чудовищнымъ бѣдствіемъ, которое обрушилось на всю Европу, что не стоило бы и разсказывать о нихъ, но, вѣдь, тѣ же невзгоды переживали тысячи и десятки тысячъ людей. И сколько ихъ еще осталось тамъ, въ опостылѣвшей швейцарской мышеловкѣ!..

* * *

На другой же день послѣ объявленія войны, какъ уже извѣстно, швейцарскіе банки перестали мѣнять деньги—русскія, французскія, нѣмецкія, англійскія, какія бы то ни было—выдавать по чекамъ и аккредитивамъ. Даже швейцарцамъ-вкладчикамъ выдавалось въ счетъ вклада не болѣе двухсотъ франковъ единовременно, хотя бы вкладъ былъ въ 20.000—30.000. А такъ какъ нашъ братъ русскій, особенно подъ конецъ отпуска, всегда оттягиваетъ до послѣдняго дня взять изъ банка послѣднія деньги на дорогу, то всѣ почти русскіе очутились въ положеніи, прямо-таки трагическомъ. И есть, какъ-будто, деньги—и нѣтъ ихъ. А у многихъ-таки и не было—ждали присылки изъ Россіи на обратный путь. Вѣдь, на курортахъ повсюду женщинъ почти вдвое больше, чѣмъ мужчинъ—все больше жены, поѣхавшія отдохнуть отъ семейнаго счастья—и дать отдыхъ мужьямъ—и даже аккредитивы были у немногихъ, а большинство жили періодическими присылками отъ мужей. И, когда въ Бернѣ стали кормить неимущихъ на средства

города похлебкой съ хлѣбомъ по два раза въ день, за наскоро сколоченными изъ досокъ длинными столами не рѣдкость было увидѣть и людей съ общественнымъ положеніемъ. Все, не безусловно нужное для жизни, сразу утратило цѣну, и за тысячныя серьги давали въ продажѣ—50 франковъ, а въ закладъ и вовсе не хотѣли принимать.

Съ невольной жутью вспоминаю первую свою поѣздку въ Бернъ въ русское посольство, за свѣдѣніями и размѣномъ денегъ. Нашъ Беатенбергъ оказался настоящей западней: тамъ нѣтъ, вѣдь, ничего—ни справочныхъ конторъ, ни банковъ, и со всѣмъ остальнымъ міромъ онъ сообщается лишь посредствомъ фуникулера. Чтобы попасть на первый фуникулеръ, встать пришлось въ пять часовъ; ночью глазъ не сомкнула отъ тревоги; отель еще весь спалъ, и о стаканѣ чаю или кофе нечего было думать, а утра въ горахъ пронизывающе холодныя... Но это вздоръ, конечно, въ сравненіи съ тѣмъ отчаяніемъ, которое охватило насъ, когда оказалось, что обычнаго парохода, подогнаннаго къ фуникулеру, нѣтъ, и все расписаніе поѣздовъ измѣнено, вслѣдствіе войны. На берегу Тунскаго озера только кучка злополучныхъ русскихъ, блѣдныхъ и озябшихъ—и никакихъ признаковъ парохода. Ждали-ждали безъ конца—нескоро дождались. Потомъ столько же ждали поѣзда, ѣхали черепашьимъ шагомъ и едва-едва попали въ Бернъ.

Передъ банками милліонъ народу всѣхъ національностей; всѣ одинаково встревожены; и всѣмъ одинъ отвѣтъ:—всякія операціи съ выдачами прекращены. Бросились въ посольство. Передъ нимъ вся улица запружена русскими. У дверей посольства часовой, съ ружьемъ, къ которому привинченъ штыкъ, и съ нѣмецкимъ строгимъ окрикомъ: «Halt!» Да и къ двери не пробраться... Наконецъ, проскользнули внутрь. Но и внутри, въ узкомъ темномъ корридорѣ такая же толчея, духота — и тишина. Здѣсь перешептываются, не смѣя говорить громко, все о томъ же:—будутъ ли мѣнять деньги. «Говорятъ, чиновникъ пошелъ въ банкъ за деньгами».—«А когда придетъ?»—«Кто жъ его знаетъ». Двери всѣ закрыты и охраняются тоже часовыми, весьма безцеремонно захлопывающими двери передъ носомъ смѣльчака, пытающагося проскользнуть, когда двери пріотворяются, пропуская кого-нибудь изъ служащихъ посольства. Тѣмъ не менѣе, группа молодыхъ людей настойчиво добивается впуска, по-нѣмецки переругиваясь съ часовымъ—это евреи-запасные—они добиваются удостовѣренія, что были задержаны par force majeure и не могли во-

время явиться и попасть на родину, чтобы принять участіе въ ея защитѣ. Но и столь похвальныя стремленія не встрѣчаютъ сочувствія среди равнодушныхъ и озлобленныхъ служащихъ посольства. Лишь послѣ долгихъ усилій, нѣсколькимъ дамамъ, проскользнувшимъ внутрь, подъ предлогомъ, что онѣ больше не въ силахъ держаться на ногахъ, удается убѣдить чиновниковъ, что надо же хоть объяснить резервистамъ, что имъ дѣлать и къ кому обратиться,—въ корридорѣ появляется рослый бравый воинъ, по-нѣмецки командующій: «За мною». И юноши, рвущіеся въ бой, скрываются.

Куда? Оказывается, что невдалекѣ отъ русской миссіи, въ довольно скверномъ переулкѣ, въ темномъ сараѣ, служившемъ, вѣроятно, для какихъ-нибудь народныхъ чтеній, русскіе уже сварганили импровизированное бюро. И, такъ какъ намъ удостоиваютъ объявить, что раньше трехъ часовъ денегъ не будетъ—если только онѣ будутъ, вообще—всѣ мы, усталые и голодные, перекочевываемъ туда. Въ сараѣ что-то въ родѣ митинга. Вскакиваютъ на скамьи, что-то кричатъ, что-то доказываютъ, въ чемъ-то убѣждаютъ пожилого человѣка, стоящаго на эстрадѣ — чиновника посольства—до самого посланника не добирались даже и русскіе сановники, а простымъ смертнымъ гдѣ ужъ!—но понять ничего нельзя. Наконецъ, начинаемъ соображать, что рѣчь идетъ о томъ, чтобы выпросить у швейцарскаго правительства безплатный поѣздъ для русскихъ до границы Италіи; дальше такой же итальянскій поѣздъ, и изъ Генуи или Венеціи—безплатный пароходъ, т. е. не совсѣмъ безплатный, а въ кредитъ, чтобы можно было платить потомъ, въ Россіи. Какъ будто есть надежда. На одномъ изъ столовъ уже записываются на мѣста въ поѣздѣ и на пароходѣ: фамиліи, адреса и кто сколько можетъ заплатить. Лица проясняются надеждой. Молодая женщина съ двумя ребятами, все время злобно твердившая: «У меня всего денегъ 25 франковъ—дѣти голодаютъ—ѣхать не на что. Мой мужъ офицеръ—взятъ на войну—если меня не повезутъ въ Россію, лягу съ дѣтьми поперекъ дверей посольства—тутъ и помирать будемъ—пускай смотрятъ!»—при первомъ проблескѣ надежды смягчается и начинаетъ горько плакать...

Сколько надеждъ возлагали мы на этотъ поѣздъ и на этотъ пароходъ! Изъ посольства слали телеграммы, посылали и чиновника въ Геную, но не добились даже толковаго отвѣта. А изъ тѣхъ пароходовъ, которые организовывались за счетъ посольства, т. е. русскаго правительства, сколько мнѣ извѣстно, ушелъ только

одинъ, 29 августа, изъ Венеціи, и то благодаря энергіи и распорядительности не бернскаго, а лозаннскаго русскаго бюро, гдѣ дѣйствовалъ эмигрантъ, полковникъ Оберучевъ...

Мучительно было изо-дня-въ-день слоняться по Беатенбергу, слушая все тѣ же терзающіе разговоры, съ замираніемъ сердца дожидаясь почты—и ничего не получая: ни писемъ, ни газетъ; но еще мучительнѣй безъ толку обивать пороги русской миссіи и банковъ и возвращаться домой въ конецъ измученной, ничего не добившись и одной надеждой бѣднѣе.

Надо быть, однако, справедливыми. Служащіе нашей миссіи, проводившіе дотолѣ жизнь въ пріятномъ ничегонедѣланіи, естественно растерялись и обозлились подъ наплывомъ непривычной и неожиданной работы и, понятно, вначалѣ встрѣчали соотечественниковъ не очень-то привѣтливо. Постепенно же дѣло болѣе или менѣе наладилось и, все-таки, большинству русскихъ удалось выбраться изъ швейцарской мышеловки исключительно съ помощью посольства, которое и деньги русскія мѣняло по 250 фр. за 100 рублей (когда отельщики брали русскія сторублевки по 200 и 180, даже по 120 франковъ), и выдавало пособія подъ аккредитивы и пенсію, и безплатные билеты для проѣзда — въ третьемъ классѣ,—вообще, стало единственной передаточной инстанціей между родиной и нами. Нельзя не помянуть добрымъ словомъ двухъ-трехъ чиновниковъ посольства, работавшихъ прямо до одури, съ помощью добровольцевъ изъ русской молодежи.

Къ сожалѣнію, и въ посольствѣ не было никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается на Руси, такъ какъ съ объявленіемъ мобилизаціи въ Швейцаріи почти прекратилось желѣзнодорожное движеніе, телеграфное и телефонное сообщеніе между городами; французскія и нѣмецкія газеты исчезли, и остались только швейцарскія, злобно подчеркивавшія каждую неудачу русскихъ, дѣйствительную или мнимую, и аршинными буквами печатавшія извѣстія о нѣмецкихъ побѣдахъ. Особенно усердствовала въ этомъ «Züricher Zeitung» и, вначалѣ, «Bund»; потомъ онъ сталъ сдержаннѣе. Женевскія газеты, издающіяся на французскомъ языкѣ, были болѣе доброжелательны, но тоже лишены свѣдѣній изъ первоисточника. Попытку дать резюме событій на театрахъ военныхъ дѣйствій и хоть изрѣдка телеграммы изъ Россіи можно было найти только въ итальянскихъ газетахъ: «Secolo» и «Corriere della Sera», но наша публика мало читаетъ по-итальянски, а итальянцы разъѣхались, и итальянскихъ газетъ достать было часто невозможно.

И въ атмосферѣ, насыщенной слухами о томъ, что не-

сегодня-завтра отель закроютъ и насъ всѣхъ выгонятъ на улицу, или посадятъ въ тюрьму за неплатежъ по счету, и вообще всѣхъ русскихъ вышлютъ изъ Швейцаріи, особенно тяжко было читать злорадныя замѣтки о сожженіи Либавы, о взрывѣ мола въ Ганге, «по недоразумѣнію», о разрушеніи финляндской желѣзной дороги, о бомбардировкѣ Выборга, возстаніи въ Польшѣ и о томъ, что Одесса «въ рукахъ революціонеровъ». Чувствовалась ложь, но, вѣдь, трудно же было представить себѣ, чтобы нѣмецкая печать отважилась на такое наглое, безсовѣстное вранье.

Но это все миновало. И, все-таки, спасибо швейцарцамъ, которые, оправившись отъ паники, хоть, можетъ-быть, и въ разсчетѣ на будущее, кормили насъ въ кредитъ—не очень хорошо кормили, но, все же, не дали умереть съ голоду. Многіе вели себя даже настоящими джентльмэнами и не требовали отъ уѣзжавшихъ ничего, кромѣ надписи на счетѣ и адреса въ Россіи. Спасибо имъ, конечно, но, все же, съ Швейцаріей связано теперь у всѣхъ, кто былъ тамъ, столько непріятныхъ и тягостныхъ воспоминаній, что врядъ ли многимъ захочется вернуться туда, и разсчетливые швейцарцы, «культивирующіе иностранцевъ», пожалуй, не скоро еще возмѣстятъ убытки неудачнаго сезона.

II.

У насъ, какъ и у каждаго, кому удавалось раздобыться деньгами для возвращенія на родину, тотчасъ одна забота смѣнилась другой—какимъ путемъ вернуться. Сѣверный путь пугалъ многихъ—и минами въ Нѣмецкомъ морѣ, и столкновеніями съ нѣмецкими судами; а главное, нѣмцы были уже въ 30 километрахъ отъ Парижа и шла рѣчь о переводѣ правительства въ Бордо—какъ же, при такихъ условіяхъ ѣхать въ Парижъ. Правда, для англичанъ, застрявшихъ въ Швейцаріи, организовывали спеціальные поѣзда и вывозили ихъ большими партіями, какъ разъ въ это же время, но, вѣдь, то англичане... Южный путь, на Константинополь, развѣтвлялся на два: ѣхать все моремъ черезъ Венецію, или Марсель, или же моремъ только отъ Бриндизи до Патраса, Пирея, или Салоникъ, а дальше сушей, черезъ Сербію, Болгарію, Румынію. Но этотъ путь утомительно дологъ, съ массой пересадокъ и ночевокъ, а, главное, частью идетъ по турецкой территоріи — удовольствіе тоже малое: застрять въ Турціи, когда она наканунѣ войны съ Россіей. Ужъ если нѣмцы рѣжутъ уши и носы, то башибузуки и подавно.

Многіе мучительно ломали себѣ головы надъ этою дилеммой, напряженно ждали извѣстій отъ уѣхавшихъ, уже рискнувшихъ, и каждая частная телеграмма мгновенно становилась общимъ достояніемъ, но этихъ телеграммъ было такъ мало. Каждый уѣзжавшій обѣщалъ телеграфировать съ каждой остановки, сообщать всѣ свѣдѣнія — и исчезалъ безслѣдно. И это, разумѣется, пугало. Телеграммы и задатки разсылали во всѣ стороны, записывались и на Венецію, и на Марсель—и отовсюду отвѣчали, что раньше 22—29 сентября мѣстъ нѣтъ. Болѣе опытные и смѣлые говорили: «Поѣзжайте сами въ Венецію—итальянцы народъ плутоватый: у нихъ за деньги все достанешь—и билеты тоже». И мы поѣхали. Билеты у насъ были записаны на 8-е сентября, но мы надѣялись уѣхать 1-го.

Стоило выбраться изъ швейцарской мышеловки, какъ на душѣ полегчало и горизонтъ прояснился. Въ Миланѣ первое слово носильщика, взявшаго наши вещи, было: I austriaci son cattivi—non è vero? [1]) и сообщеніе, что русскіе бьютъ австрійцевъ и нѣмцевъ тоже. Контролеръ остановилъ насъ было, потребовавъ, чтобъ мы сдали въ багажъ чемоданы, не предназначенные для багажа, такъ какъ они не запирались, но носильщикъ отвелъ насъ въ сторону, шепнулъ: «Дайте лиру»—и дѣло уладилось. Это было хорошимъ предзнаменованіемъ для парохода. Ласковое южное солнце, ласковыя, благожелательныя лица кругомъ—мы сразу пріободрились.

И это ощущеніе доброжелательства все время не покидало насъ въ Италіи, хотя контора Servizi Maritime оказалась настоящей грабиловкой, гдѣ, вмѣсто установленныхъ 200 франковъ за билетъ перваго класса, брали по 325—370 и еще безцеремонно давали понять, что нужно приложеніе, и въ солидномъ размѣрѣ. (Одинъ господинъ, спѣшившій въ Петроградъ, заплатилъ, напримѣръ, за три билета 1-го класса по 100 франковъ на каждый бакшиша). Но даже это не портило настроенія.

И опять таки,—больно отмѣтить,—самое непріятное впечатлѣніе было вынесено изъ русскаго консульства. Крохотная квартирка въ 4-мъ этажѣ гдѣ-то на задворкахъ; узкая полутемная передняя, гдѣ консулъ, стоя, принимаетъ посѣтителей—и никокой готовности итти навстрѣчу. «Нельзя ли немножко денегъ подъ аккредитивъ? не хватаетъ на дорогу».—«Денегъ нѣтъ».—Нельзя ли протелеграфировать турецкому консулу въ Бриндизи, чтобъ онъ встрѣтилъ пароходъ? Мы пріѣзжаемъ туда поздно

[1]) Австрійцы гадкіе—не правда ли?

вечеромъ, стоимъ недолго, попадемъ ли къ консулу—а, говорятъ, безъ визы въ Константинополь не пускаютъ».—«Я турецкому консулу не начальникъ,—какъ же я могу ему телеграфировать?» «И тонъ такой, что одинъ изъ присутствующихъ, человѣкъ горячій, рѣзко заявляетъ, что не стоило и ходить въ посольство. Послѣ чего его просятъ удалиться... Наконецъ, дамы, болѣе дипломатичныя, выпросили обѣщаніе, что будетъ послана депеша русскому агенту въ Бриндизи.—Не знаю, была ли она послана, но консулъ, дѣйствительно, насъ встрѣтилъ.

На 1-е сентября билетовъ нѣтъ. Если угодно, въ третьемъ классѣ, или палубными пассажирами, безъ койки—senza letto. Но со мною больной сынъ, только поправляющійся послѣ маляріи—на палубѣ такъ легко простудиться; не говоря уже объ усталости, а въ третьемъ классѣ—мы нарочно съѣздили на «Сицилію», взглянуть—Боже мой! да это хуже всякаго арестантскаго вагона: вонь, грязь, насѣкомыя, омерзительно грязные мочальные матрацы и подушки, безъ признаковъ бѣлья... Рѣшили остаться до 8-го.

Живемъ недѣлю на Лидо, купаемся, отдыхаемъ отъ беатенбергскихъ разговоровъ, съ замираніемъ сердца читаемъ газеты, боясь найти извѣстіи о закрытіи Дарданеллъ. Города, какъ слѣдуетъ, не смотримъ—не до того намъ, и льстивыя зазыванья гидовъ остаются безъ отвѣта. Всѣ мысли устремлены впередъ, къ 8-му. И нѣкоторый интересъ вызываетъ только пріѣздъ развѣнчаннаго принца Вида, который послѣ своего «дурацкаго дѣйства» бѣжалъ въ Венецію, отъ своего «любезнаго народа», которому надоѣло оставаться только зрителемъ. Бѣднаго принца, разумѣется, осадили репортеры, но онъ имѣлъ мужество искренно отвѣтить имъ: «Господа, вѣдь вы же понимаете, что въ моемъ теперешнемъ состояніи мнѣ тяжело говорить о происшедшемъ»,—и они ретировались.

III.

Но вотъ, наконецъ, и 8-е. Въ часъ дня мы уже на «Сарденьѣ». Пароходъ просторный и устойчивый, но, по-итальянски, съ большой грязцой. Команда бравая, все молодцы на подборъ Офицеры молоденькіе, съ привѣтливыми лицами, съ южными ласковыми голосами. У капитана такое симпатичное, открытое лицо. Съ этакимъ не страшны и Дарданеллы.—Охъ, эти Дарданеллы! Сколько разъ мы ихъ открывали и закрывали. Каждый день получалось по пяти-шести противорѣчивыхъ телеграммъ. Одинъ

шутникъ увѣрялъ, будто турки, какъ дѣти, «играютъ» въ Дарданеллы, то ихъ откроютъ, то закроютъ...

Около 4-хъ часовъ двинулись въ путь. Прощай, милый городъ дожей, съ площадью, напоминающей декорацію изъ «Золотого Пѣтушка», съ тихими каналами, засоренными всякими объѣдками, съ безшумными гондолами и крикливыми гондольерами, съ льстивыми гидами и громкимъ стукомъ каблуковъ по гулкимъ камнямъ переулковъ, городъ, который спитъ днемъ и живетъ ночью. Прощай, милое Лидо, съ дивнымъ купаньемъ и шумомъ прибоя. Хороши вы, но родина лучше, и такъ радостно ѣхать на родину.

Первые три дня пути—одно наслажденіе. Качки ни малѣйшей, словно по озеру ѣдешь; кормятъ неважно, но сытно, и фруктовъ много; матросы-итальянцы развлекаютъ пѣснями и пляской. Да и на что развлеченія, когда такъ сладко лежать, закрывъ глаза, въ длинномъ креслѣ, и только дышать... А надоѣстъ, начинаешь приглядываться къ публикѣ. Кого только тутъ нѣтъ! И «высшіе государственные чины», сенаторъ съ семьей, членъ Гос. Совѣта, и двѣ княгини, съ громкими именами, одна изъ нихъ въ третьемъ классѣ, и бельгійскій консулъ изъ Бухареста, красавецъ-румынъ, съ такою же красивой женой и дѣтьми, и группа студентовъ и студентокъ-румынъ, изъ которыхъ одинъ чудесно играетъ на віолончели. Инженеры, врачи, адвокаты, крупные заводчики и просто русскіе интеллигенты—этихъ больше всего въ третьемъ классѣ. А такъ какъ въ третьемъ классѣ нестерпимо, то большинство изъ нихъ даже не ложится на свои кишащія насѣкомыми койки и спитъ на скамейкахъ на палубѣ, на «длинныхъ стульяхъ», кто ихъ догадался купить, а то и просто на полу.

Время летитъ незамѣтно. Первая остановка—въ Корфу, гдѣ насъ атакуетъ цѣлая орава чумазыхъ грековъ съ открытками и чудесными фруктами. Затѣмъ, Пирей. Но—увы!—въ Пиреѣ, увѣряютъ, чума, и на берегъ выйти нельзя. Стоимъ ночь въ двухъ миляхъ отъ берега, и на утро уходимъ, лишь издали любуясь холмами Акрополя. Этакая обида! Когда еще доведется попасть въ Грецію и доведется ли?

Заря новаго дня, 13-го сентября н. ст., застаетъ насъ въ Дарданеллахъ. Жуткое слово, ставшее для многихъ кошмаромъ, облеклось въ камень и сталь. Передъ нами узкій проливъ съ крѣпостью слѣва, довольно внушительной. На верхней платформѣ, надъ зубцами, черныя дула орудій; пониже, изъ отверстій въ стѣнахъ, торчатъ другія. И весь лѣвый берегъ—сплошной воен-

ный лагерь: войска, палатки, пушки, ружья. День занимается хмурый; и небо, и море сѣро-свинцовыя; солнце куда-то спряталось; сразу похолодало. Тѣмъ не менѣе, съ 5 часовъ утра мы всѣ на палубѣ. Самый тревожный моментъ—пропустятъ, или не пропустятъ?

Кто-то крикнулъ: *Сигнализируютъ!* Устремляемся всѣ на носъ. Оттуда видна группа офицеровъ на капитанскомъ мостикѣ, съ подзорными трубами, и флаги разныхъ цвѣтовъ и узоровъ, поочередно взвивающіеся надъ нашимъ пароходомъ. Изъ крѣпости отвѣчаютъ не сразу. Потомъ долго виситъ одинъ и тотъ же уныло поникшій флагъ. Что это значитъ?

Сейчасъ же находятся знатоки-толкователи. Мы, молъ, спрашивали: свободенъ ли путь? Намъ отвѣчали: свободенъ.—Тогда дайте лоцмана. Отвѣта долго нѣтъ. Затѣмъ сигналъ: *ждите.* Ждемъ. Стоимъ часъ, другой, третій. Подняли-было якорь, но тотчасъ же опять спустили. Тревога растетъ. Начинаютъ циркулировать уже иныя версіи. На просьбу дать лоцмана нашему капитану, будто бы, отвѣтили: «Путь свободенъ. Идите, но на собственный страхъ, а лоцмана мы не дадимъ». А безъ лоцмана мыслимо ли? вѣдь, Дарданеллы минированы. По другой версіи получился отвѣтъ: «Путь свободенъ». Капитанъ запросилъ: «А можно ли будетъ вернуться?»—«Не знаемъ».—«Запросите Константинополь».—«Запросите сами». И затѣмъ молчаніе.

Надо замѣтить, что «Сицилія», другой пароходъ той же компаніи, который ушелъ изъ Венеціи 1-го и долженъ былъ встрѣтиться намъ на пути, намъ не встрѣтился и, повидимому, застрялъ въ Дарданеллахъ. Офицеры англійской миноноски, посѣтившіе насъ нынче ночью, тоже говорили, что за послѣдніе четыре дня ни одинъ пароходъ не вышелъ изъ Дарданеллъ. Что тамъ такое творится, Господь его вѣдаетъ. А запросить Константинополь мудрено, когда приборы для безпроволочнаго телеграфированія уже сняты, по требованію турокъ. Всѣ наши вопросы и недоумѣнія остаются безъ отвѣта. Офицеры только загадочно улыбаются и разводятъ руками; капитанъ къ завтраку не пришелъ, а на капитанскій мостикъ никого не пускаютъ. Публика волнуется, но ждетъ терпѣливо.

Въ 2 часа пароходъ неожиданно снимается съ якоря и поворачиваетъ—назадъ. Куда? Оказывается, мы идемъ въ Дедеагачъ, болгарскій портъ, четыре часа ходу, откуда можно снестись по телеграфу и узнать, въ чемъ дѣло, почему не пускаютъ въ Дарданеллы. Таковъ отвѣтъ начальства нашимъ делегатамъ: сенатору и бельгійскому консулу въ Веронѣ.

— Что же, насъ высадятъ въ Дедеагачѣ. Но мы не хотимъ.—Не хотите, такъ повезутъ обратно въ Венецію.—Боже мой! Что же это такое? Неужели вся пережитая мука начнется сызнова?

Волненье растетъ. Оказывается, и команда, и прислуга не хотятъ идти въ Дарданеллы—боятся. Чего именно? Крушенія—убытковъ—задержки?.. Наконецъ, капитанъ, видя, что на пароходѣ творится неладное, успокаиваетъ насъ заявленіемъ, что сегодня, все равно, уже поздно было идти въ Дарданеллы: пускаютъ только до трехъ часовъ,—а завтра къ разсвѣту мы вернемся туда, — получивъ свѣдѣнія и запасшись провизіей. Въ самомъ дѣлѣ, завтракъ былъ скудноватый—вѣдь мы послѣ Корфу никуда не заходили, а въ Пиреѣ ничего не покупали — чума. Немножко отлегло отъ души.

Приходимъ въ Дедеагачъ уже вечеромъ. Въ темнотѣ чуть мерцаютъ на берегу рѣдкіе тусклые огоньки... Что это? Глухая деревня? Разбойничье гнѣздо? Спѣшимъ справиться по путеводителю. Дедеагачъ—единственный болгарскій портъ, куда два раза въ мѣсяцъ заходятъ пароходы австрійскаго ллойда. Вотъ-то должно-быть обрадуются нежданнымъ гостямъ! Однако, выходитъ другое. На берегъ не пускаютъ — нельзя: военное положеніе. Почему? Вѣдь, Болгарія не воюетъ. Впрочемъ, за четыре дня нашего пребыванія въ морѣ многое могло измѣниться. Лодка, посланная отправить наши коллективныя телеграммы: Гирсу въ Константинополь и Савинскому въ Софію, за подписью сенатора, лично знающаго обоихъ, вернулась обратно. А сколько мы бились надъ этими телеграммами, стараясь составить ихъ подипломатичнѣе, такъ чтобы никакихъ гусей не раздразнить. О Дарданеллахъ даже не упомянули. Жаловаться нашему послу на то, что насъ не пускаютъ въ Дарданеллы, не рѣшились. Написали такъ: «500 русскихъ, въ большинствѣ женщины и дѣти, на пароходѣ «Сардинія» находятся передъ Дедеагачемъ. Въ виду бѣдственнаго положенія ихъ, просимъ ваше превосходительство указать возможный путь въ Россію».

Утро дождливое, хмурое, засгало насъ тамъ же, передъ Дарданеллами. Но даже и утромъ эта невиннѣйшая телеграмма не отправлена — потому что на телеграфѣ, будто бы, не мѣняютъ денегъ. Однако, другую телеграмму, Савицкому, приняли, деньги размѣняли и привезли сдачу. Очевидно, капитану просто не желательно, чтобы мы дали знать нашему послу объ его фокусахъ. Значитъ, онъ насильно хочетъ насъ везти въ Венецію? Волненіе доходитъ до крайняго предѣла, особливо въ третьемъ классѣ.

Кто-то предлагаетъ, съ помощью солдатъ-румынъ, ѣдущихъ съ нами, перевязать команду и прислугу, за эти сутки страшно обнаглѣвшую, а капитана бросить за бортъ... Да, но какъ же тогда идти въ Дарданеллы? Какъ сигнализировать?

Въ довершеніе всего, на доскѣ возлѣ входа на телеграфъ Маркони появляется — первая за все время — радіотелеграмма:

«По слухамъ, погибъ въ Дарданеллахъ, наткнувшись на мину, русскій пассажирскій пароходъ «Николай II», съ 2.000 пассажировъ».

Извѣстіе, явно нелѣпое. Прежде всего, русскихъ пароходовъ въ Дарданеллы не пускаютъ, да и гдѣ у насъ пароходы, поднимающіе 2.000 человѣкъ? Тѣмъ не менѣе, злостная выдумка дѣлаетъ свое дѣло. Паника растетъ. Слышатся рыданія; мужскіе голоса звучатъ угрозой...

Жутко вспомнить этотъ кошмарный день. Что дѣлать? Высаживаться въ Дедеагачѣ? При дневномъ свѣтѣ онъ совсѣмъ другой—чистенькій городокъ съ каменными домами, съ набережной, съ какой-то фабрикой. Поодаль вьется дымокъ уходящаго поѣзда. Что за вздоръ, будто это разбойничье гнѣздо, гдѣ васъ могутъ изувѣчить и ограбить! Но желѣзная дорога оттуда въ Адріанополь на протяженіи 150 километровъ идетъ по турецкой территоріи, а если нельзя моремъ по турецкимъ владѣніямъ, то почему же можно сушей? Вдобавокъ, на берегу, если сойдемъ, насъ ожидаетъ карантинъ. И карантинъ не изъ пріятныхъ. — Рано утромъ на берегъ высадилась семья болгаръ и къ полудню прислала слезное посланіе: — дайте чего-нибудь поѣсть; сидимъ на дворѣ, подъ дождемъ, дѣти плачутъ, карантинъ переполненъ — не впускаютъ и не выпускаютъ. Сколько же сидѣть въ карантинѣ? — Кто говоритъ: 5 дней, кто — 7, а кто — и всѣ 20!

Наиболѣе робкіе и наиболѣе состоятельные уже готовы вернуться въ Венецію, утѣшая другихъ, что ихъ повезутъ даромъ. Но для многихъ это—почти смертный приговоръ. Вся энергія, всѣ рессурсы были мобилизованы для того, чтобъ добыть денегъ на отъѣздъ. Деньги истрачены. Если вернуться, чѣмъ и какъ жить? И гдѣ жить, когда Италія не сегодня завтра ввяжется въ войну? А, главное, какъ добыть денегъ? Всѣ заработки, всѣ рессурсы—дома, тамъ, въ Россіи. Да еще и уцѣлѣли ли. Еще и выдаютъ ли деньги даже тѣмъ, у кого онѣ есть въ запасѣ. Вѣдь, о Россіи мы ничего не знаемъ. Можетъ быть, и тамъ, какъ въ Швейцаріи... Румынскія студентки, однако, рѣшительно заявляютъ, что онѣ высаживаются, и подбадриваютъ

своихъ мужчинъ. Какъ-нибудь, молъ, проберемся въ Бухарестъ И убѣждаютъ насъ сдѣлать то же. «Ужъ вовсе болгары не такіе некультурные».

И мы рѣшаемся высадиться, во что бы то ни стало. Не съѣдятъ же насъ, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ Дедеагачѣ. Ну трудно, ну карантинъ—что же дѣлать, потерпимъ—не по желѣзной дорогѣ, такъ на лошадяхъ, на мулахъ, хоть пѣшкомъ доберемся до безопасной желѣзной дороги. Но и для высадки не даютъ лодокъ. Ходитъ слухъ, будто софійское правительство не разрѣшаетъ высадки. Отъ офицеровъ толку не добьешься; капитанъ неуловимъ и неприступенъ. Начинаешь остро ненавидѣть это привѣтливое, съ виду симпатичное лицо, прикрывающее такую трусость и недобросовѣстность.

Жуть и тревога растутъ. На лицахъ растерянность, злоба или тупое отчаяніе...

Чѣмъ дальше, тѣмъ мучительнѣе ждать. На настойчивые разспросы итальянцы только выразительно пожимаютъ плечами и начинаютъ доказывать, что въ Италіи жить гораздо спокойнѣе. Прямо силъ нѣтъ дольше выносить эту пытку.

И вдругъ, весь въ клеенкѣ, мокрый отъ дождя, мичманъ, ѣздившій на берегъ, привозитъ капитану телеграмму. Ее несутъ наверхъ. Мы замираемъ отъ волненія. Черезъ минуту по «Сарденьѣ» несется бѣшеное «*Ура!*» и громъ апплодисментовъ. Телеграмма гласитъ: «Идите немедленно въ Дарданеллы. Путь свободенъ».—Ага! Съѣлъ, трусишка. Дали и тебѣ пощечину между строкъ. Иные, крѣпившіеся до того, вдругъ ослабли и неудержимо рыдаютъ—отъ радости. Много пришлось намъ пережить за это лѣто, но такого испытанія нервамъ еще не было. Ну, слава Богу! Конецъ нашимъ мученіямъ.

Радость, какъ и горе, не приходитъ одна. Къ «Сарденьѣ» подъѣзжаетъ лодка съ берега. Въ ней два болгарина: докторъ и фельдшеръ, бѣлозубые, ласковые, веселые. Оба отлично говорятъ по-русски. Оказывается, въ Дедеагачѣ получена телеграмма отъ премьеръ-министра Радославова—можетъ быть, результатъ нашей депеши Савинскому?—«оказать русскимъ всяческую помощь и содѣйствіе». И пріѣзжіе убѣждаютъ насъ высаживаться, даютъ указанія, какъ надо ѣхать, сколько стоитъ проѣздъ, когда уходятъ поѣзда. Все не такъ страшно, какъ мы думали. Въ Дедеагачѣ есть гдѣ размѣститься—«столько пустыхъ домовъ, брошенныхъ греками»—и ѣда найдется. Карантинъ не страшенъ, дольше двухъ дней насъ держать не станутъ—вѣдь мы ужъ давно изъ Пирея. Черезъ турецкую территорію, вообще, про-

пускаютъ, не спрашивая даже паспортовъ; разумѣется, теперь задержка можетъ быть. Тогда можетъ въ объѣздъ, на мулахъ. Правда, въ горахъ разбойничаютъ турецкіе башибузуки, но все же...

Мы спѣшимъ запастись второй тетивой на нашемъ лукѣ, разспрашиваемъ, беремъ карточки, записываемъ адреса—на случай, если насъ все-таки не пустятъ черезъ Дарданеллы. Сразу подобрѣвшій капитанъ обѣщаетъ тогда непремѣнно доставить насъ въ Дедеагачъ, и мы, какъ братьевъ, провожаемъ веселаго доктора и его словоохотливаго помощника.

Эту ночь мы спали, какъ убитые, а на утро проснулись снова въ Дарданеллахъ. И на этотъ разъ уже прошли.—Но кому была нужна вся наша мука? Какъ можно было вывѣшивать эту гнусную телеграмму о гибели «Николая II»? Если бъ даже она была правдива, ее слѣдовало бы утаить, изъ жалости къ невольнымъ эмигрантамъ, и безъ того истерзаннымъ душой...

Еще разсвѣтъ—девятаго дня, вмѣсто пятаго—и въ голубоватой дымкѣ вырисовываются воздушныя очертанія минаретовъ. Передъ нами городъ-сказка, волшебно прекрасный. Но и его, какъ Аѳинъ, намъ не суждено осмотрѣть. Рядомъ съ нашимъ пароходомъ уже стоитъ другой, русскій—тотъ самый «Николай II», который будто бы погибъ...

Еще часа два суеты, возни съ билетами, съ переноской вещей и размѣщеніемъ пассажировъ, но это уже радостная суета. И самые привередливые изъ пассажировъ-мужчинъ охотно берутъ билеты третьяго класса, уступая первый и второй женщинамъ. Устроившись, бѣжимъ на берегъ запастись газетами. О радость!—наши всюду побѣждаютъ. И про Либаву, и про Одессу, и про Выборгъ— все было злостное вранье. И невольныя слезы радости выступаютъ на глазахъ...

Еще сутки пути съ качкой и холодомъ, съ импровизированнымъ цыганскимъ таборомъ на палубѣ—и мы въ Одессѣ, гдѣ насъ встрѣчаютъ друзья. Кончены мытарства—теперь надо забыть о себѣ и принять участіе въ общей работѣ. Наконецъ-то!

З. Журавская.

ДОМА.

—

Возвратился я домой—
Здѣсь уютнѣй и знакомѣй.
Тихо, тихо, какъ зимой
Въ молчаливомъ, старомъ домѣ.

Я оставилъ у воротъ
Призракъ жизни дальней, новой.
Пусть, какъ прежде, все живетъ
И въ гостиной, и въ столовой.

Пусть подъ низкій потолокъ
Все тѣснѣе жмутся стѣны,—
Я забылъ на краткій срокъ
И тревоги, и измѣны.

И сквозь сумрачную мглу
Мнѣ теперь увидѣть сладко,
Что на столикѣ, въ углу
Робко молится лампадка.

Павелъ Зоревъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ОСНОВАНІЯ ГЕРМАНСКАГО ИМПЕРІАЛИЗМА.

I.

«Мотивы, вызвавшіе войны между Америкой и Испаніей, Англіи съ бурами и Россіи съ Японіей, свидѣтельствуютъ о томъ, что войны за обладаніе колоніями, сферами вліянія, рынками сбыта и базами для міровой торговли не исчезнутъ. Лучшей гарантіей противъ опасности, угрожающей намъ отъ этихъ войнъ, остается для насъ сильная территоріальная и морская защита. Въ ней заинтересованы одинаково капиталъ и трудъ... Будущее германской политики слѣдуетъ поэтому искать не во внутреннихъ соціальныхъ вопросахъ. Національная необходимость развить хозяйственныя силы за предѣлами страны и испытать ихъ въ колоніяхъ и заграницей обезпечиваетъ экспортному капитализму усиленное вниманіе».

Въ этихъ словахъ, которыми одинъ изъ видныхъ и горячихъ защитниковъ имперіалистической политики Германіи заканчиваетъ свое изслѣдованіе о помѣщеніи капиталовъ заграницей [1]), содержится вполнѣ опредѣленная формулировка тѣхъ народно-хозяйственныхъ мотивовъ, которые привели Германію къ воинствующему имперіализму. И всякій, кто хочетъ понять причины, вызвавшія настоящую міровую войну, долженъ обратиться къ изученію той эволюціи, которая произошла въ народномъ хозяйствѣ Германіи.

Имперіализмъ не является программой одной только Германіи. Сильныя тенденціи къ имперіалистической политикѣ обнаруживаютъ и Великобританія, и Соединенные Штаты, и Италія,

[1]) A. Sartorius v. Waltershausen. Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande. 1907, стр. 440 и 441.

и Японія. Но не случайно, что именно Германія оказалась воинственнѣе и непримиримѣе другихъ въ проведеніи своей имперіалистической политики. Въ этой странѣ капитализмъ проявился во всей своей силѣ; какъ разъ здѣсь индустріализація страны со всѣми сопутствующими ей явленіями—ростомъ городовъ, сильной концентраціей капитала, созданіемъ грандіозныхъ капиталистическихъ монополій, синдикатовъ и трестовъ, накопленіемъ финансоваго капитала, выросшей ролью могучихъ банковъ,—достигла высшей степени развитія. Въ то же время здѣсь это развитіе капиталистическаго хозяйства стало въ наибольшее противорѣчіе къ торговой міровой политикѣ, здѣсь протекціонизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и милитаризмъ достигли наибольшей остроты.

Въ самомъ народномъ хозяйствѣ Германіи развились силы, которыя неминуемо должны были,—при данномъ положеніи вещей въ міровомъ хозяйствѣ,—привести къ той міровой войнѣ, свидѣтелями которой мы являемся.

II.

Занимаемое Германскою имперіей пространство вмѣстѣ съ колоніями составляетъ 1,2 милл. кв. англ. миль, тогда какъ пространство Франціи равняется 4,7 милл., Великобританіи—11,4 милл., Россіи—8,7 милл. Превосходя нѣкоторыя государства (Италію, Бельгію, Голландію) по пространству европейской территоріи, Германія значительно уступаетъ имъ по общимъ размѣрамъ всѣхъ своихъ владѣній. Пространства, занимаемыя Германіей и Франціей въ Европѣ, равны—0,2 милл. миль; но въ то время, какъ внѣевропейскія владѣнія Франціи составляютъ 4,5 милл., всѣ колоніи Германіи занимаютъ 1 милл. кв. миль. Колоніи Бельгіи превышаютъ по пространству метрополію въ 80 разъ, колоніи Голландіи—въ 60 разъ, даже колоніи Италіи больше метрополіи въ 5,3 раза, между тѣмъ какъ колоніи Германіи превышаютъ метрополію въ 4,8 раза. Въ то же время населеніе Германіи обнаруживаетъ совершенно исключительный ростъ. При основаніи Германской имперіи въ 1871 г. оно составляло 41.060.792, а въ 1910 г.—64.925.993 человѣкъ, увеличившись, такимъ образомъ, за 40 лѣтъ на 58,1%. За послѣднія 15 лѣтъ ея населеніе увеличивалось ежегодно въ среднемъ на 843,2 тыс., тогда какъ въ Великобританіи—на 323 тыс., во Франціи—на 46 тыс.

По плотности населенія Германская имперія уступаетъ и Англіи, и Бельгіи, и Голландіи, но нѣкоторыя германскія государства превосходятъ эти страны: число жителей на 1 англ. милю составляло въ Германіи 310,4, въ Англіи и Уэльсѣ—618, въ Бельгіи—652, въ Голландіи—483; но въ Саксоніи оно было—830, въ Гессенѣ—439, въ Баденѣ—368 и т. д. Тѣмъ не менѣе, такой интенсивный ростъ населенія не составляетъ для Германіи остраго вопроса и прежде всего не вызываетъ здѣсь «вывоза людей», т. е. явленія, которое въ такой сильной степени присуще не только аграрнымъ странамъ, какъ Россія, Италія, Венгрія, но даже и Англіи.

Правда, убыль населенія путемъ эмиграціи съ 1871 по 1905 г.г. опредѣляется въ 2.312.634 чел., но въ послѣдніе годы упорно обнаруживается тенденція къ ея сокращенію. Въ пятилѣтіе 1893—97 г.г. эмиграція въ заокеанскія страны составляла, въ среднемъ, въ годъ 46,9 тыс. чел., или 1,07%; въ 1908—12 г.г.—22,3 тыс. чел., или 0,34% всего населенія [1]). Болѣе того, на-ряду съ такой незначительной эмиграціей совершается значительное переселеніе въ Германію изъ другихъ странъ. Еще въ 1890—95 г.г. число выселившихся превышало число переселившихся въ Германію на 448,8 тыс., а въ пятилѣтіе 1895—1900 г.г. число послѣднихъ превышало число эмигрировавшихъ на 94,1 тыс., а въ 1900—1905 г.г. на 52,3 тыс. чел. [2]). Кромѣ того, въ движеніи населенія наблюдается въ послѣднее время уменьшеніе его естественнаго прироста. Правда, Германія все еще превосходитъ въ этомъ отношеніи другія, капиталистически сильно развитыя страны, какъ Великобританія, Франція, Бельгія, но и ее уже постигаетъ та же участь, которой еще раньше подверглись эти страны съ сильной урбанизаціей и индустріализаціей. Коэффиціентъ рождаемости (на 1.000 чел.) составлялъ въ Германіи въ 1871—80 г.г.—40,7, въ 1881—90 г.г.—38,2, въ 1891—1900 г.г.—37,3, въ 1901—1910 г.г.—33,9. И, по свидѣтельству многочисленныхъ изслѣдователей, сильный приростъ населенія въ Германіи объясняется въ значительной степени уменьшеніемъ смертности, достигнутымъ благодаря улучшенію санитарно-гигіеническихъ условій жизни широкихъ массъ. Коэффиціентъ смертности въ Германіи

---

[1]) Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1913.

[2]) F. Zahn. Deutschland's wirtschaftliche Entwickelung. Annalen d. Deutschen Reichs. 1910, стр. 405.

составлялъ въ указанныя выше десятилѣтія: 28,8, 26,5, 23,5, 19,7 [1]).

Имперіалистическія стремленія Германіи не стоятъ, такимъ образомъ, въ тѣсной связи съ проблемой народонаселенія. Въ послѣдніе годы мысль нѣмецкихъ экономическихъ политиковъ занята не ростомъ населенія, но уменьшеніемъ его прироста. И въ многочисленныхъ обоснованіяхъ германскаго имперіализма въ числѣ доводовъ мы не встрѣтимъ, за небольшими исключеніями, ссылокъ на сильный ростъ населенія [2]).

Ростъ германской промышленности и торговли и мѣры соціальной политики устранили для населенія Германіи необходимость искать себѣ заработка въ другихъ странахъ, и стремленіе къ расширенію хозяйственной территоріи вызвано совершенно исключительнымъ развитіемъ индустріализаціи въ Германіи. Но это развитіе промышленнаго капитализма повлекло за собой и другія явленія, составляющія характерныя черты современнаго капитализма и мірового хозяйства. Господство промышленнаго и финансоваго капитала, «экспортный капитализмъ» является движущей пружиной германскаго имперіализма. Находя для своего развитія благопріятныя условія въ торговой политикѣ, «экспортный капитализмъ» въ то же время является главной поддержкой этой политики. И тѣсная связь между развитіемъ экспортнаго капитализма и господствующимъ въ Германіи высокимъ протекціонизмомъ является тѣмъ основаніемъ, на которомъ должны были пышно расцвѣсти имперіалистическія стремленія.

III.

Совершенно исключительная индустріализація Германіи составляетъ, начиная съ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, наиболѣе замѣчательный фактъ въ экономической исторіи современной Европы. Она находитъ свое характерное выраженіе прежде всего въ чрезвычайномъ возростаніи городского населенія. Сельское населеніе, составлявшее въ 1871 г. двѣ трети всего населенія, въ 1905 г. равняется всего лишь 42,6%; абсолютно оно не уве-

[1]) Stat. Jahrbuch f. d. D. R. 1913.

[2]) См. P. Mombert. Ueber den Rückgang der Geburten und Sterbeziffern in Deutschland. Arch. f. Sozialw. u. Socialpol. 1912 г., стр. 794; тамъ же полемика между Момбертомъ и Ольденбергомъ.—Brentano. Die Maltussche Lehre und die Bevölkerungsbewegung in den letzten Dezennien. Abh. d. hist. Klasse d. K. Bayr. Akad. d. Wiss. 1909.

личилось, а уменьшилось: въ 1871 г. оно составляло 26,2 милл., въ 1905 г.—25,8. Въ то же время городское населеніе увеличилось съ 14,7 милл. до 34,8 милл.; въ 1871 г. немного болѣе одной трети, въ 1905 г. оно достигло больше половины (57,4%). На-ряду съ этимъ совершается и сильная концентрація этого городского населенія въ крупныхъ центрахъ. Число большихъ городовъ увеличилось съ 8 въ 1871 г. до 48 въ 1910 г.; населеніе же большихъ городовъ увеличилось съ 4,4 милл. въ 1885 г., что составляло 9,5% всего населенія, до 13,8 милл., или 21,3%, въ 1910 г. [1]).

Ростъ городского населенія выражаетъ преобладаніе среди населенія лицъ, занятыхъ въ промышленности, торговлѣ и транспортѣ. И дѣйствительно, если въ 1882 г. число лицъ, занятыхъ въ этихъ отрасляхъ народнохозяйственной жизни, вмѣстѣ съ ихъ семьями, составляло 45,53%, то въ 1907 г. оно равнялось уже 56,16% всего населенія. Въ общемъ населеніи въ 64,9 милл. промышленность, торговля и транспортъ являлись источникомъ существованія для 36,7 милл. жителей [2]). Въ этомъ сказывается та сильная индустріализація, которая характеризуетъ собой германское народное хозяйство.

Германія стала важнѣйшимъ производителемъ цѣлаго ряда продуктовъ, играющихъ въ современной хозяйственной жизни первостепенную роль.

Укажемъ здѣсь для сравненія лишь на нѣкоторыя отрасли производства въ странахъ, являющихся, на-ряду съ Германіей, наиболѣе развитыми въ промышленномъ отношеніи:

Добыча угля составляла (въ 1000 тоннахъ [3]):

ГОДЫ.	Германія.	Великобританія.	Франція.	Соед. Штаты.
1890 . . .	89.291	184.529	26.084	143.127
1911 . . .	234.521	276.255	39.230	450.165

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, Германія послѣ Соед. Штатовъ и Великобританіи является наиболѣе крупной производительницею угля. Если оставить въ сторонѣ Соед. Штаты, то по своему росту угольная промышленность Германіи опередила угольную промышленность не только Франціи, но и Великобританіи. Въ то время, какъ въ этой послѣдней добыча угля

[1]) S. Schott. Die grossstädtischen Agglomerationen d. Deutschen Reichs. 1912. — См. также мою статью „Ростъ современныхъ городовъ", „Энциклопедическій Словарь" т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°, 7-е изд., т. 16.

[2]) См. Zahn, указ. соч., стр. 431 и слѣд.

[3]) 1911 г.

увеличилась на 49%, въ Германіи это увеличеніе составляетъ 162%.

То же явленіе наблюдается и въ области производства чугуна, желѣза и стали.

Производство чугуна составляло (въ 1000 тоннъ) [1]:

ГОДЫ.	Германія.	Великобританія.	Франція.	Соед. Штаты.
1890 . . .	4.658	8.031	1.962	9.350
1912 . . .	17.853	10.033 [2]	4.872	30.203

Въ Германіи производство увеличилось болѣе, чѣмъ въ три раза, въ Соед. Штатахъ немного менѣе, чѣмъ въ три раза, во Франціи болѣе, чѣмъ въ два раза, въ Великобританіи всего лишь на 25%. И по абсолютному количеству Германія производитъ чугуна больше, чѣмъ Англія и Франція, вмѣстѣ взятыя.

Производство желѣза и стали составляло (въ 1000 клгр.) [3]:

ГОДЫ.	Германія.	Англія.	Франція.	Соед. Штаты.
1890 . . .	3.804	5,30	1,41	4,13
1911 . . .	14.563	7,88	3,22	24,06

Здѣсь успѣхи Германіи еще болѣе поразительны. Двадцать лѣтъ тому назадъ по производству желѣза и стали Англія занимала первое мѣсто; теперь производство желѣза и стали въ Германіи вдвое больше производства Англіи.

Для успѣховъ Германіи въ области крупной промышленности характерно еще развитіе электротехнической и химической отраслей производства, которыя имѣютъ такое важное значеніе для многихъ отраслей промышленности. Еще въ 1891 г. сумма всего производства въ электротехнической промышленности составляла 45 милл. м., къ 1899 г. она увеличилась въ 5 разъ. Въ 1907 г. сумма вывоза равнялась 153 м. м., а въ 1910 г.— 218 милл. м. Количество занятыхъ рабочихъ увеличилось съ 54,4 тыс. въ 1898 г. до 100,9 тыс. въ 1907 г.

Въ химической промышленности число предпріятій увеличилось съ 4.464 въ 1888 г. до 7.727 въ 1907 г., число занятыхъ въ нихъ рабочихъ—съ 85.143 до 165.434 [4].

Такое развитіе производства было возможно, помимо иныхъ условій, благодаря сильному повышенію производительности промышленнаго труда. Въ производствѣ чугуна количество,

---

[1] Weltwirtschaftliches Archiv. 1914. Heft 1, стр. 106/107.

[2] Тамъ же, стр. 110/111.

[3] Тамъ же.

[4] Stat. Jahrb. f. d. D. R. 1913.

производимое однимъ рабочимъ, увеличилось съ 100 тоннъ въ 1872/73 г.г. до 295 т. въ 1906 г.; въ желѣзодѣлательной промышленности—съ 12 тоннъ плавильнаго желѣза въ 1871 г. до 24,1 т. въ 1907 г.; въ добываніи каменнаго угля—съ 192 тоннъ въ 1874/76 г.г. до 264 въ 1907 г.; въ добываніи желѣза за тотъ же промежутокъ времени съ 192 до 554 [1]).

IV.

Колоссальное развитіе промышленной дѣятельности въ различныхъ областяхъ производства вызвало два рода явленій, имѣющихъ первостепенное значеніе для міровой политики Германіи: сильный ростъ внѣшней торговли и значительное накопленіе капиталовъ.

За послѣднія 30 лѣтъ, 1880—1910 г.г., обороты германской внѣшней торговли увеличились почти втрое: съ 5.821,0 милл. до 16.954,2 м. марокъ. При этомъ характерной чертой германской внѣшней торговли является пассивный торговый балансъ. Въ 1880 г. превышеніе вывоза надъ ввозомъ составляло 132,4 милл. мар., а въ 1910 г., наоборотъ, ввозъ превышалъ вывозъ на 1.665,8 милл. мар. Германія, такимъ образомъ, изъ страны вывозящей превратилась въ страну ввозящую [2]).

Для характеристики капиталистическаго развитія Германія чрезвычайный интересъ представляетъ анализъ составныхъ частей, изъ которыхъ слагаются обороты внѣшней торговли.

		Ввозъ	Вывозъ	Превышеніе ввоза (—) или вывоза (+).
		(въ милл. марокъ).		
Сырые и полуобработанные матеріалы для промышлен. цѣлей	1880 г. . .	1.364	775	— 590
	1910 г. . .	5.083	1.918	— 3.165
Продукты сельскаго хозяйства, животноводства и скотъ	1880 г. . .	924	656	— 268
	1910 г. . .	2.483	761	— 1.722
Готовые продукты	1880 г. . .	515	1.493	+ 977
	1910 г. . .	1.368	4.796	+ 3.428

[1]) K. Ballod. Die Produktivität d. industriellen Arbeit. „Schmoller's Jahrbücher". 1910, II.

[2]) Zahn, указ. соч., стр. 197.—St. Jahrbuch f. d. D. R. 1913.—A. Hesse. Die wirtschaftliche Entwicklung des Deutschen Reichs. 1913, стр. 13.

Какъ видно изъ этой таблицы, въ 1910 г. превышеніе ввоза надъ вывозомъ въ $1^1/_2$ милліарда марокъ объясняется чрезвычайнымъ ввозомъ сырья, необходимаго для промышленныхъ цѣлей, и съѣстныхъ продуктовъ. Характерно то, что съ развитіемъ индустріализаціи Германіи растетъ ввозъ сырыхъ матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ. Преобладаніе промышленнаго населенія дѣлаетъ трудъ земледѣльческаго населенія недостаточнымъ для прокормленія всего населенія страны. Тридцатилѣтній усиленный аграрный протекціонизмъ съ его высокими хлѣбными пошлинами и вывозными преміями, повысивъ ренту крупныхъ землевладѣльцевъ, сумѣлъ только развить искусственный вывозъ продуктовъ сельскаго хозяйства и сократилъ, такимъ образомъ, безъ того недостаточное количество съѣстныхъ припасовъ, доставляемыхъ отечественнымъ сельскимъ хозяйствомъ. Но и при отсутствіи усиленнаго покровительства сельскаго хозяйства, оно оказалось бы безсильнымъ обезпечить продовольствіемъ все населеніе страны. По мѣрѣ развитія индустріализаціи и роста городовъ въ Германіи долженъ расти и ввозъ съѣстныхъ припасовъ. Таковъ неизбѣжный результатъ промышленнаго развитія, которому подверглись до Германіи и другія сильно индустріализованныя страны, какъ Англія и Бельгія. Въ то же время сильное развитіе промышленной дѣятельности вызываетъ и сильный ростъ ввоза сырья. Въ 1880 г. превышеніе ввоза сырья надъ его вывозомъ составляло немного болѣе $^1/_2$ милліарда, въ 1910 г. оно превысило 3 милліарда, а весь ввозъ достигъ 5 милліардовъ, почти равняясь суммѣ вывоза готовыхъ фабрикатовъ и съѣстныхъ продуктовъ.

Когда-то второй имперскій канцлеръ Каприви говорилъ о томъ, что Германіи приходится выбирать между «вывозомъ людей» и «вывозомъ товаровъ». Германская торговая политика пошла по второму пути. Экспортъ товаровъ сталъ предметомъ усиленныхъ заботъ государственныхъ дѣятелей. Его необходимостью аргументировался и аграрный протекціонизмъ, для чего вводился цѣлый рядъ вывозныхъ премій для продуктовъ фабричнаго производства. Развитіе экспорта товаровъ, начиная съ 90-хъ годовъ, направляетъ всю торговую, таможенную и экономическую политику Германіи [1]); но чѣмъ дальше шла индустріализація Германіи, чѣмъ сильнѣе становился ея вывозъ, тѣмъ болѣе, на-ряду съ этимъ, усиливался и ея ввозъ. «Вывозъ людей» почти прекратился;

[1]) W. Lotz. Die Handelspolitik des Deutschen Reiches unter Graf Caprivi und Fürst Hohenlohe. (1890—1900). Schr. d. Ver. f. Soc. т. 92, стр. 85 и слѣд., 101 и слѣд.

вывозъ товаровъ достигъ огромныхъ размѣровъ, но еще бо̀льшихъ достигъ ввозъ. Передъ германскимъ народнымъ хозяйствомъ предстала иная дилемма—къ вывозу товаровъ, замѣнившему вывозъ людей, долженъ былъ присоединиться вывозъ капиталовъ.

Задачѣ, опредѣленной Каприви, была дана теперь иная формулировка проф. Гессе: «мы должны ввозить для того, чтобы существовать и питаться; мы должны вывозить для того, чтобы имѣть возможность ввозить» [1]). Пассивный торговый балансъ долженъ быть возмѣщенъ активнымъ платежнымъ балансомъ.

Развитіе торговаго флота, съ одной стороны, и вывозъ капиталовъ, увеличеніе доходовъ отъ процентовъ по помѣщеннымъ внѣ Германіи капиталамъ, съ другой стороны, стали теперь главной задачей германской торговой политики [2]). Къ осуществленію ея были направлены всѣ силы; защита ея стала предметомъ многотомныхъ изслѣдованій германскихъ экономистовъ; и никто, пожалуй, не умѣлъ давать этой задачѣ наиболѣе откровенные, краткіе, но рѣшительные лозунги, чѣмъ самъ германскій императоръ, романтическія мечты котораго о міровой политикѣ совпадали съ интересами германскаго капитала.

Первая задача, развитіе торговаго флота, получила удачное разрѣшеніе безъ особаго труда. Общее количество коммерческихъ судовъ увеличилось съ 1871 по 1910 г.г. немного съ 4.519 до 4.658, но ихъ водоизмѣщеніе—съ 982.355 тоннъ до 2.859.307 тоннъ; число коммерческихъ пароходовъ увеличилось за это время болѣе, чѣмъ въ 11 разъ—съ 147 до 1950, а ихъ водоизмѣщеніе съ 81,9 тыс. тоннъ до 2.349 тыс. тоннъ, т. е. почти въ три раза. Число пароходовъ, посѣтившихъ германскія гавани подъ германскимъ флагомъ, увеличилось съ 60.342, съ вмѣстимостью въ 5,9 милл. тоннъ въ 1873 г. до 166.265, вмѣстимостью въ 31,1 милл. тоннъ въ 1910 г. Въ 1897 г. общая стоимость германскаго торговаго флота составляла около 300 милл., а въ 1905—810 милл. Ростъ мірового торговаго флота Германіи почти въ четыре раза превышаетъ ростъ ея населенія. Занимавъ въ 1874 г. четвертое мѣсто по величинѣ своего флота въ ряду другихъ державъ (послѣ Англіи, Америки и Франціи), въ 1908 г. Германія стала на второе мѣсто, превзойдя и Францію, и Соед. Штаты [3]).

Доходъ, приносимый торговымъ флотомъ, исчислялся къ

---

[1]) Albert Hesse, указ. соч., стр. 13.

[2]) Sartorius v. Waltershausen, указ. соч., гл. VI.—P. Dehn. Von deutscher Kolonial-und Weltpolitik. 1907, стр. 34 и слѣд., 65 и слѣд.

[3]) Zahn, указ. соч. „Annalen etc.“. 1911 г., стр. 193—194.

1907 г. въ 350 милліоновъ; этотъ доходъ болѣе, чѣмъ вдвое, однако, ниже стоимости содержанія всего флота. Поэтому до настоящаго времени въ общемъ чистомъ доходѣ всей страны торговый флотъ все еще не играетъ никакой роли. Такимъ образомъ, компенсированіе пассивнаго торговаго баланса стало возможнымъ, лишь благодаря усиленному вывозу капиталовъ и помѣщенію ихъ заграницей [1]). Этому благопріятствуетъ и та эволюція, которая произошла въ послѣднее время въ народномъ хозяйствѣ Германіи. Промышленное развитіе страны повело къ сильному накопленію капиталовъ, создало значительный денежный капиталъ, господство финансоваго капитала, который, въ свою очередь, вызвалъ усиленное помѣщеніе капиталовъ внѣ Германіи.

V.

Промышленное развитіе Германіи характеризуется сильной концентраціей производства и капиталовъ. Въ промежуткѣ между двумя промышленными переписями 1882 и 1907 г.г. количество мелкихъ предпріятій уменьшилось съ 2.175.857 до 1.870.261, т. е. на 14%, а количество крупныхъ увеличилось съ 9.481 до 29.303, или на 209%; количество же занятыхъ рабочихъ въ первыхъ уменьшилось съ 3.270.404 до 3.200.282, или на 21,9%, а количество рабочихъ въ крупныхъ предпріятіяхъ увеличилось съ 1.554.131 до 4.937.927, или на 211%. Крупныя предпріятія составляютъ въ настоящее время всего лишь 0,9% общаго числа предпріятій, число занятыхъ въ нихъ рабочихъ—39,4%, число лошадиныхъ силъ—75,3% [2]). Развитіе крупнаго производства, при необходимости въ огромныхъ капиталахъ, означаетъ въ настоящее время развитіе коллективныхъ предпріятій, создаваемыхъ путемъ соединенія капиталовъ. Это находитъ свое выраженіе прежде всего въ развитіи акціонерныхъ обществъ. Съ 1871 по 1910 г.г. было образовано 6.524 акціонерныхъ предпріятій съ общимъ капиталомъ въ 9,9 милліардовъ марокъ, представляющимъ собой увеличеніе на $2^1/_2$ милліарда по сравненію съ 1900 годомъ [3]). Сильное развитіе промышленныхъ акціонерныхъ предпріятій означаетъ существованіе большого спроса

---

[1]) Sartorius v. Waltershausen, стр. 101.

[2]) Zahn, указ. соч. „Annalen des D. R.“ 1911, стр. 165.

[3]) Riesser. Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration. 1912, стр. 109.

на промышленныя акціи и на значительную емкость внутренняго акціонернаго рынка.

Эволюція въ доходахъ, ихъ увеличеніе, дѣйствительно, указываетъ на сильный ростъ денежнаго богатства германскаго населенія. Народный доходъ увеличился съ 1895 по 1907 г.г. съ 25,3 до 42,7 милліардовъ марокъ. Но въ этомъ увеличеніи наблюдается, однако, и процессъ концентраціи доходовъ. Въ то время, какъ общая сумма доходовъ лицъ съ доходомъ менѣе 3.000 марокъ увеличилась всего лишь на 6% и относительная доля этого дохода въ общей суммѣ народнаго дохода уменьшилась, сумма доходовъ свыше 3.000 мар. увеличилась на 8%, и относительная доля этихъ доходовъ также возрасла. Въ 1907 г. 97% всѣхъ занятыхъ какой-либо профессіей обладали почти $^3/_4$ всего народнаго дохода, а 3% самодѣятельныхъ, т. е. 1 милліонъ изъ 30 милліоновъ, обладали доходомъ свыше 3.000 мар. и въ общемъ 26% всего народнаго дохода. Съ 1895 по 1907 г. населеніе возрастало ежегодно въ среднемъ на 1,6%, а народный доходъ—на 5,1%[1]). Свободные капиталы значительной массы населенія увеличиваются. Это выражается въ увеличеніи взносовъ въ сберегательныя кассы и вкладовъ въ банки. Число сберегательныхъ книжекъ увеличилось въ Пруссіи съ 3.345.000 въ 1882 г. до 12.362.140 въ1909 г., т. е. въ $3^1/_2$ раза; во всей имперіи—съ 14,8 милл. въ 1900 г. до 19.8 милл. въ 1908 г. Общая сумма вкладовъ — съ 8,8 до 14,5 милліардовъ [2]). Количество вкладовъ въ банкахъ возрасло съ 498 милл. марокъ въ 1893 г. до 3,2 милліардовъ въ 1910 г., т. е. за 28 лѣтъ въ $6^1/_2$ разъ [3]).

Если накопленіе капиталовъ, выражаясь въ ростѣ сберегательныхъ вкладовъ, означаетъ ростъ денежнаго богатства у менѣе имущихъ классовъ, то, съ другой стороны, оно выражается и въ другомъ явленіи — въ увеличеніи числа лицъ, живущихъ доходами съ денежнаго капитала. Съ 1895 по 1907 г. число такихъ лицъ, живущихъ доходами съ рентъ и процентовъ на помѣщенный капиталъ, увеличилось на 1 милл., и изъ числа самодѣятельныхъ лицъ оно составляло въ первомъ случаѣ 5,71%, во второмъ уже 7,53%. Изъ всего народнаго дохода, по даннымъ Мая, въ 42—43 милліарда марокъ къ 1907 г. отъ 1/6 до 1/7 дохода или 6,5 милліардовъ полу-

[1]) May. Das deutsche Volkseinkommen und der Zuwachs des deutschen Volksvermögens im Jahre 1907. „Schmoller's Jahrbücher". 1909, IV.—Zahn, указ. соч., стр. 3—4.

[2]) Zahn, указ. соч., стр. 231 и слѣд.

[3]) Riesser, указ. соч., стр. 91.

чается въ видѣ процентовъ на капиталъ [1]). «Германія постепенно превращается въ государство рантье» [2]). Денежный капиталъ начинаетъ играть чрезвычайно крупную роль въ народномъ хозяйствѣ Германіи.

Такое сильное накопленіе капиталовъ, ищущихъ помѣщенія для полученія дохода въ видѣ процентовъ, и создало, на-ряду съ развитіемъ промышленности и торговли, ту благопріятную почву, на которой развилось господство финансоваго капитала и которое, въ свою очередь, стало возможнымъ, благодаря сильному развитію и концентраціи банковаго дѣла.

Количество коммерческихъ банковъ возросло въ Германіи съ 71 въ 1885 г. до 165 въ 1910 г., акціонерный капиталъ съ 723,9 милліоновъ до 2,8 милліардовъ марокъ. Концентрація банковаго дѣла достигла значительныхъ размѣровъ. 8 крупныхъ банковъ, каждый съ капиталомъ свыше 1 милл.: Германскій, Учетное о-во, Дрезденскій, Дармштадтскій, Берлинское торговое о-во, Шаффгаузенскій банковый союзъ, Коммерческій учетный и Національный банкъ для Германіи) вмѣстѣ обладали въ 1910 г. капиталомъ въ 1,2 милліарда, т. е. почти половиной акціонерныхъ капиталовъ, принадлежавшихъ всѣмъ банкамъ [3]).

Эта концентрація банковаго капитала приводитъ, далѣе, къ различнымъ объединеніямъ и монополіямъ въ области кредита. Изъ указанныхъ выше 8 крупныхъ банковъ 6 крупнѣйшихъ стоятъ во главѣ банковыхъ группъ, или такъ наз. *консернъ*. Общее количество банковыхъ учрежденій въ этихъ консернахъ составляло въ 1895 г. 42, въ 1911—450. Вокругъ двухъ крупнѣйшихъ банковъ,—Германскаго и Учетнаго о-ва,—сосредоточены 91% всего количества объединенныхъ въ такія консерны частныхъ конторъ и банковъ и 1,4 милліарда акціонернаго и резервнаго капитала [4]).

Увеличеніе народнаго богатства, достигшаго къ 1907 г. суммы въ 350 милліардовъ, накопленіе денежнаго капитала, широкое развитіе и концентрація банковаго дѣла расширили германскій денежный рынокъ и увеличили контингентъ ищущаго помѣщенія въ цѣнныхъ бумагахъ свободнаго капитала. Германскій денежный рынокъ, еще такъ недавно самъ испытывавшій

---

[1]) Сюда не входятъ страхованіе жизни, рабочее страхованіе, наемная и арендная плата.

[2]) Указ. статья Мая въ Schmoller's Jahrbücher, 1909, IV, стр. 119, 125.—J. Esslen. Konjunktur und Geldmarkt. 1909, стр. 84—100.

[3]) Riesser, указ. соч., стр. 534 и слѣд.

[4]) Тамъ же, стр. 484—490.

нужду въ свободныхъ капиталахъ, постепенно все болѣе превращается въ кредитора. Показателемъ этого могутъ служить данныя о цѣнныхъ бумагахъ, обращающихся на германскихъ биржахъ и объ эмиссіяхъ, совершенныхъ въ самой Германіи.

Общая стоимость цѣнныхъ бумагъ, допущенныхъ къ котировкѣ, составляла (въ милл. мар.) [1]):

	Германскія бумаги.	Иностранныя бумаги.
1897—1904 г.г.	20.534	15.531
1905—1911 „	21.739	18.583
Всего съ 1897 по 1911 г. .	42.273	34.114

Такимъ образомъ, съ 1897 по 1911 гг. на германскихъ биржахъ обращалось цѣнныхъ бумагъ на сумму въ 76,3 милліарда марокъ. Эта цифра говоритъ намъ о размѣрахъ тѣхъ запросовъ, которые предъявлялись въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ къ денежному рынку Германіи. Но для характеристики размѣровъ помѣщенія германскихъ капиталовъ въ германскія и иностранныя предпріятія, другими словами—для выясненія размѣровъ сбереженій, имѣющихъ мѣсто въ германскомъ народномъ хозяйствѣ, необходимо знать размѣры эмиссій, совершаемыхъ въ въ Германіи. Такихъ выпусковъ было совершено (въ милл. марокъ) [2]):

Пятилѣтія.	Всего.	Германскихъ.	Иностранныхъ.
1898—1902	9.720	7.768	1.953
1903—1907	10.859	8.820	3.038
1908—1912	13.954	12.114	1.840
Всего 1898—1912 г.г. .	34.533	28.702	6.831

За послѣднее пятилѣтіе общая сумма эмиссій увеличилась по сравненію съ пятилѣтіемъ 1898—1902 г.г. на 43%; иностранныя же эмиссіи за все 15 лѣтіе составили не менѣе 17%.

Въ общемъ цѣлый рядъ изслѣдователей опредѣляютъ раз-

---

1) По даннымъ имперской статистики. Statistisches Handbuch für das Deutsche Reich. 1907, p. I. Vierteljahrshefte d. deutschen Statistik. 1908—1913, H. I.—См. также M. Max. Die Emissionsstatistik in Deutschland und einigen ausländischen Staaten. „Schmoller's Jahrbücher". 1913, IV.

2) Вычислено по даннымъ „Deutscher Oekonomist" 1899—1913 г.г.

мѣры капитала, помѣщеннаго въ цѣнныхъ бумагахъ, до 60 милліардовъ, т. е. до одной шестой всего національнаго имущества Германіи [1]).

VI.

Финансовый капиталъ пріобрѣлъ, такимъ образомъ, огромное значеніе въ германскомъ народномъ хозяйствѣ, и усиленное помѣщеніе собственныхъ свободныхъ капиталовъ внѣ Германіи стало господствующей цѣлью въ торговой и банковой политикѣ. Къ этому толкаетъ Германію та солидарность интересовъ, которая создалась въ результатѣ капиталистическаго развитія Германіи, между двумя могущественными силами: банками и крупной, тяжелой промышленностью.

Германія—страна, въ которой, послѣ Сѣв.-Ам. Соед. Штатовъ, больше всего развиты въ промышленности могучія крупно-капиталистическія объединенія. Здѣсь нѣтъ въ настоящее время ни одной сколько-нибудь крупной отрасли промышленности, которая не была бы объединена въ картели, синдикаты и тресты. Еще въ 1906 г. общее число ихъ опредѣлялось въ 385; количество же объединяемыхъ ими предпріятій—въ 12.000. Въ настоящее время число капиталистическихъ монополій можно считать до 500, а количество сосредоточенныхъ въ нихъ предпріятій—не менѣе 15.000. Эти могучія капиталистическія монополіи оказываютъ огромное вліяніе на всю народно-хозяйственную жизнь страны. Подчинивъ себѣ не только производство, но торговлю и транспортъ, онѣ господствуютъ на внутреннемъ рынкѣ, благодаря тому высокому, безудержному протекціонизму, который составляетъ характерную черту германской торговой политики.

Создававшіяся въ началѣ съ воспитательными цѣлями, покровительственныя пошлины давно утратили свое первоначальное назначеніе. Устраняя иностранную конкурренцію, онѣ должны были воспитать отечественную промышленность къ конкуррентной борьбѣ съ иностранной промышленностью на внутреннемъ рынкѣ. Но съ образованіемъ картелей и трестовъ, соперничество между отечественными предпринимателями на внутреннемъ рынкѣ было устранено. Синдикаты и тресты получили монопольное господство. Но стремленіе къ одностороннему установленію монопольныхъ цѣнъ находитъ свои предѣлы въ условіяхъ внутренняго рынка. Массовое производство въ такихъ огромныхъ

[1]) R. Liefmann. Beteiligungs-u.Finanzierungsgesellschaften. 1913, стр. 32 и слѣд.

размѣрахъ, которые необходимы при современной техникѣ и современныхъ грандіозныхъ коллективныхъ предпріятіяхъ, не соотвѣтствуетъ емкости внутренняго рынка, ограниченность котораго есть слѣдствіе тѣхъ высокихъ цѣнъ, къ которымъ стремятся картели и синдикаты. Политика капиталистическихъ монополій направлена поэтому на то, чтобы совмѣщать возможно болѣе высокія цѣны съ возможно болѣе крупнымъ сбытомъ. Это вызываетъ стремленіе къ расширенію сбыта на внѣшнихъ рынкахъ. Благодаря защитѣ отъ иностранной конкурренціи пошлинами и отъ отечественной конкурренціи своимъ объединеніемъ, картеллированные и трестированные предприниматели извлекаютъ въ своей странѣ чрезвычайно высокую прибыль. Это даетъ имъ возможность сбывать свои товары на внѣшнихъ рынкахъ по значительно пониженнымъ цѣнамъ. И такъ какъ такой внѣшній сбытъ является необходимымъ условіемъ массоваго производства и дальнѣйшаго существованія грандіозныхъ картеллированныхъ производствъ, то стремленіе къ новымъ рынкамъ сбыта наполняетъ собой всю экспортную политику капиталистическихъ монополій. Существованіе таможенной ограды въ другихъ странахъ и конкурренція на рынкахъ аграрныхъ странъ вызываетъ въ то же время стремленіе къ расширенію собственной хозяйственной территоріи, къ присоединенію къ европейскимъ владѣніямъ территорій въ другихъ частяхъ свѣта. Здѣсь, въ мѣстностяхъ, не развитыхъ въ промышленномъ отношеніи, товары германскихъ капиталистическихъ монополій должны найти себѣ широкій сбытъ, обезпеченный рынокъ.

Промышленное развитіе этихъ новыхъ хозяйственныхъ территорій должно вызывать спросъ на товары германской промышленности. Постройка желѣзныхъ дорогъ, проведеніе каналовъ, разработка рудниковъ порождаетъ спросъ на желѣзные товары, продукты каменноугольной промышленности, а развитіе путей сообщенія, появленіе новыхъ заработковъ для туземнаго населенія вызываютъ со стороны послѣдняго спросъ на продукты и другихъ отраслей отечественной промышленности. Такимъ образомъ, тяжелая индустрія прежде всего, а затѣмъ и другія отрасли промышленности сильно заинтересованы въ расширеніи хозяйственной территоріи Германіи, въ пріобрѣтеніи колоній и присоединеніи новыхъ земель. Здѣсь помѣщеніе капиталовъ въ различныхъ отрасляхъ хозяйства даетъ болѣе высокую прибыль, порождаетъ спросъ на отечественные товары; а этотъ вывозъ даетъ возможность поддерживать на отечественномъ рынкѣ цѣны, а, слѣдовательно, и прибыль на желательномъ уровнѣ.

И, дѣйствительно, изученіе торговли африканскихъ колоній Германіи съ метрополіей обнаруживаетъ параллельный ростъ желѣзныхъ дорогъ и вывоза въ колоніи продуктовъ тяжелой промышленности. Такъ, вывозъ изъ Германіи въ африканскія колоніи [1]) составлялъ (въ дв. центнерахъ) [2]):

Пятилѣтія.	Различн. товары.	Желѣзнодор. матеріалы. абс.	въ %% къ количеству товар.	Длина жел. дор. въ клм. къ концу пятилѣтія.
1893—1897 . . .	137.870	3.320	2,3	60
1898—1902 . . .	358.741	33.500	9,3	466
1903—1907 . . .	1.045.490	184.624	17,7	1.752
1908—1912 . . .	1.326.128	700.229	52,7	3.867

Нетрудно видѣть, что, на-ряду съ общимъ ростомъ германскаго вывоза въ колоніи, постепенно преобладающее значеніе въ этомъ вывозѣ пріобрѣтаютъ продукты желѣзодѣлательной промышленности.

Экспортные интересы капиталистическихъ монополій совпадаютъ и съ интересами банковъ, со стороны которыхъ они и находятъ самую широкую поддержку. Развитіе огромныхъ банковыхъ учрежденій и концентрація въ нихъ финансоваго капитала въ особенно сильныхъ размѣрахъ вызвали тѣсную связь между крупными банками и капиталистическими монополіями. Изъ простыхъ кредиторовъ промышленныхъ предпріятій банки превратились въ главныхъ дѣятелей картеллированія и трестированія промышленности. Созданіе стального синдиката, грандіозныхъ сліяній въ электротехнической промышленности, развитіе рейнско-вестфальскаго угольнаго синдиката—все это дѣло крупныхъ банковъ [3]).

Огромные денежные капиталы, сосредоточивающіеся въ гранціозныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, требуютъ своего помѣщенія и находятъ его не только въ государственныхъ и коммунальныхъ займахъ, не только въ желѣзнодорожныхъ компаніяхъ, но и въ частныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Въ то же время конкурренція на денежномъ рынкѣ, вызывая и среди банковъ стремленіе къ объединенію и концентраціи, дѣлаетъ ихъ заинтересованными въ прекращеніи соперничества въ области про-

---

[1]) Въ Вост. Африку, Зап. Африку, Камерунъ и Того.

[2]) Stat. Jahrbuch f. d. D. R. 1895—1913 г.г.

[3]) Riesser, указ. соч., отд. V, стр. 572—611.

мышленности и въ объединеніи предпріятій [1]). Объ этой тѣсной связи между германскими банками и крупной промышленностью можно судить на основаніи того, что въ наблюдательныхъ совѣтахъ шести крупнѣйшихъ банковъ засѣдали къ концу 1911 г. слѣдующіе представители промышленности. Въ Торгово-промышленномъ—6 представителей, въ Берлинскомъ торговомъ о-вѣ—13, въ Германскомъ банкѣ—5, въ Дрезденскомъ—5, въ Шаафгаузенскомъ—17, въ Учетномъ обществѣ—2. Въ то же время и въ наблюдательныхъ совѣтахъ акціонерныхъ обществъ крупные банки имѣютъ своихъ представителей. Общее количество представителей въ предпріятіяхъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности насчитывалось къ 1912 году у Германскаго банка въ 139, у Шаафгаузенскаго — 133, у Учетнаго о-ва—127, у Берлинскаго торговаго о-ва—107, у Торгово-промышленнаго банка—97, у Дрезденскаго банка—96 [2]).

Такое объединеніе грандіозныхъ банковыхъ учрежденій съ не менѣе грандіозными промышленными предпріятіями вызываетъ общность интересовъ между финансовымъ и промышленнымъ капиталомъ. Политика промышленныхъ синдикатовъ и трестовъ становится политикой банковъ и, наоборотъ, политика банковъ и ихъ операціи становятся политикой синдикатовъ. Такая общность интересовъ особенно сказывается въ стремленіи къ пріобрѣтенію новыхъ рынковъ сбыта. Для банковъ это означаетъ помѣщеніе—и притомъ болѣе доходное—свободныхъ капиталовъ; для крупной промышленности—сбытъ своихъ товаровъ. Банкъ помѣщаютъ свои капиталы въ займы, государственные, коммунальные, особенно же въ желѣзнодорожные; сооруженіе же желѣзныхъ дорогъ и другихъ крупныхъ предпріятій означаетъ спросъ на продукты тяжелой промышленности. Интересы германской промышленности требуютъ помѣщенія банками своихъ капиталовъ внѣ Германіи; интересы германскихъ крупныхъ банковъ требуютъ завоеванія промышленностью новыхъ рынковъ въ новыхъ хозяйственныхъ территоріяхъ. И точно также, какъ развитіе экспорта въ новыя хозяйственныя территоріи является главной цѣлью капиталистическихъ монополій въ германской крупной промышленности,—развитіе экспорта капиталовъ становится одной изъ главныхъ цѣлей политики крупныхъ банковъ и объявляется важнѣйшей національной задачей. «Она (эта

[1]) R. Hilferding. Finanzkapital. 1910, стр. 215 и слѣд.—O. Jeidels. Das Verhältniss der deutschen Grossbanken zur Industrie. 1913.

[2]) Riesser, указ. соч., стр. 463, прил. IV.—С. Загорскій. Синдикаты и тресты. 1914, стр. 230.

задача. С. З.) должна находиться въ тѣсной связи съ государственной колоніальной политикой» и «отъ выполненія ея зависитъ,—по мнѣнію многочисленныхъ германскихъ имперіалистовъ,—не только сохраненіе и расширеніе нашего вліянія и престижа за границей, но и гораздо больше: все наше экономическое существованіе» [1]).

Въ соотвѣтствіи съ этими имперіалистическими планами, дѣятельность банковъ въ послѣднее время направлена на созданіе и развитіе колоніальныхъ банковъ и обществъ, финансирующихъ крупныя желѣзнодорожныя и промышленныя предпріятія. Уже при своемъ основаніи одинъ изъ крупнѣйшихъ германскихъ банковъ «Deutsche Bank» ставилъ себѣ цѣлью «главнымъ образомъ, поддерживать и облегчать торговыя отношенія между Германіей, прочими европейскими странами и заокеанскими рынками». Въ 1905 г. Дрезденскій банкъ, подводя итоги своей дѣятельности, категорически заявилъ, что завершеніе развитія дѣятельности этого банка внутри страны дѣлаетъ для него необходимымъ направленіе своихъ операцій на поддержаніе промышленнаго экспорта въ заокеанскія страны. Съ начала 80-хъ годовъ, съ того момента, когда имперіалистическія тенденціи восторжествовали въ германской политикѣ и даже Бисмаркъ измѣнилъ свой взглядъ на колоніи, начинается усиленное развитіе германскихъ колоніальныхъ банковъ. Въ 1884 г. былъ основанъ «Германскій заокеанскій банкъ» съ акціонернымъ капиталомъ, дошедшимъ въ 1909 г. до 30 милл. марокъ; въ 1887 г.—Бразильскій банкъ Германіи; въ 1889 г.—Германскій Азіатскій банкъ; въ 1895 г.—банкъ для Чили и Германіи; въ 1904 г.—Восточно-Африканское колоніальное о-во; въ 1904/5—Восточно-Африканскій и Западно-Африканскій банки; въ 1905 г.—Германскій Африканскій банкъ и Банкъ для центральной Америки; Восточный банкъ (Orientbank), Южно-Американскій банкъ; въ 1906 г. — Мексиканскій торгово-промышленный банкъ; въ 1907 г.—германскіе банки принимали близкое участіе въ основаніи государственнаго банка въ Марокко; въ 1911 г. былъ основанъ Торговый банкъ для восточной Африки. Заокеанскій банкъ имѣетъ 27 отдѣленій въ Чили, Аргентинѣ, Перу, Боливіи, Уругваѣ и Бразиліи; Восточный банкъ—17 отдѣленій въ Турціи, Египтѣ, Алжирѣ. Кромѣ того, банки проявили усиленную дѣятельность въ финансированіи и основаніи цѣлаго ряда желѣзнодорожныхъ и промышленныхъ обществъ. Въ 1889 г. было основано «Анатолійское ж. д. О-во»

---

[1]) Riesser, указ. соч., стр. 423.

съ капиталомъ въ 60 милл. франковъ для проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Малой Азіи на разстояніи 623 клм.; въ этомъ же году было создано спеціальное «Общество для эксплоатаціи восточныхъ жел. дорогъ» на 1.503 клм. Въ 1891 г.—«Société de Chemin de fer Saloniki-Monastir» съ капиталомъ въ 20 милл. мар.; для эксплоатаціи всѣхъ восточныхъ жел. дорогъ былъ созданъ спеціальный банкъ съ капиталомъ въ 63 милл. фр.; въ 1899 г. организуется «Шаньдунское ж.-д. О-во» (кап. 54 милл. мар.); въ 1901 г. — жел.-д. и горно-промышленное общество въ Отавѣ; въ 1903 г.—Императорское Оттоманское О-во Багдадской ж. д. для проведенія 1.718 клм. ж. д.; въ 1904 г.—Восточно-Африканское жел.-дор. О-во; въ 1906 г.—Камерунское ж.-д. О-во и т. д. [1]).

Дѣятельность колоніальныхъ банковъ и всякаго рода финансирующихъ обществъ постепенно подчиняетъ Германіи тѣ новыя хозяйственныя территоріи, въ которыя они получаютъ доступъ. «Каждый основанный въ чужой странѣ банкъ или желѣзная дорога, акціи которыхъ остаются въ странѣ, являются въ то же время піонеромъ для занятія отечественной промышленности и для созданія длительныхъ отношеній между обѣими хозяйственными территоріями» [2]).

Такъ полагалъ бывшій директоръ «Германскаго банка», Сименсъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ финансовыхъ дѣятелей Германіи. И, дѣйствительно, то обстоятельство, что въ числѣ такихъ банковъ преобладаютъ банки, основанные въ балканскихъ и въ южно-американскихъ государствахъ, оказалось далеко не случайнымъ. Именно эти хозяйственныя территоріи явились благодарнымъ поприщемъ для дѣятельности германскаго экспортнаго капитализма. Здѣсь германскій вывозъ сдѣлалъ огромные, совершенно исключительные успѣхи, и эти рынки оказались почти завоеванными германскимъ и промышленнымъ, и финансовымъ капиталами.

Главнымъ рынкомъ для германской внѣшней торговли попрежнему продолжаетъ оставаться Европа. Но въ то время, какъ относительная доля вывоза въ европейскія страны уменьшается, растетъ вывозъ въ балканскія и южно-американскія государства.

---

[1]) Riesser, указ. соч., стр. 344—375.—R. Rosendorff. Die deutschen Banken im überseeischen Verkehr. «Schmoller's Jahrbücher». 1904, IV.

[2]) Rosendorff, указ. статья, стр. 121. — Его же. Zur neuesten Entwicklung der deutschen Auslandsbanken. «Schmoller's Jahrbücher». 1906.—Hauser. Die deutschen Ueberseebanken. 1906.

Вывозъ Германіи составлялъ въ %%[1]):

	1891 г.	1910 г.
Въ европейскія страны	85,8	74,1
„ балканскія „	2,9	4,0
„ южно-американскія страны.	4,0	7,1

Значеніе балканскихъ и южно-американскихъ государствъ, играющихъ для Германіи роль колоніальныхъ рынковъ, служащихъ вывозу и промышленнаго, и финансоваго капиталамъ весьма велико, но развитіе германскаго экспорта оказалось не одинаковымъ на Балканахъ и въ Ю. Америкѣ. Балканскій рынокъ сталъ, дѣйствительно, прочнымъ убѣжищемъ для германскаго экспортнаго капитализма [2]).

Ввозъ Германіи въ эти страны превзошелъ въ послѣднее время не только ввозъ Англіи, но и Австро-Венгріи, для которой балканскія государства обыкновенно считались главнымъ и неотъемлемымъ рынкомъ сбыта. Въ Болгаріи и Греціи доля австрійскаго ввоза все еще превышаетъ долю ввоза Германіи, но ростъ послѣдняго обнаруживаетъ наиболѣе быстрый темпъ.

	Въ Болгарію.		Въ Грецію.	
	1892—96	1907—911	1892—96	1907—911
	въ %% къ общей суммѣ ввоза.			
Ввозъ изъ Германіи . . .	12	18,1	7,3	8
„ „ Австро-Венгріи	38,8	22	12,7	12
„ „ Англіи	22,1	15	30,6	22

За 20 лѣтъ, съ 1892 по 1911 г., ввозъ изъ Германіи въ Болгарію абсолютно увеличился на 190%, изъ Австро-Венгріи на 25%, изъ Англіи на 35%; ввозъ въ Грецію—изъ Германіи на 72%, изъ Австро-Венгріи на 34%, изъ Англіи на 0,6%.

Еще болѣе значителенъ ростъ германскаго ввоза въ Сербію и Румынію.

	Въ Румынію.		Въ Сербію.	
	1892—96	1907—11	1897—01	1907—11
	въ %% къ общей суммѣ ввоза.			
Ввозъ изъ Германіи . . .	27,6	33	14,9	32,1
„ „ Австро-Венгріи .	26,1	23	53,1	32,1
„ „ Англіи	21	15,2	—	—

[1]) По даннымъ Stat. Jahrbuch. f. d. D. R.

[2]) О значеніи европейскихъ рынковъ для Германіи см. K. Rathgen. Deutshland und England auf dem Weltmarkt. „Schmoller's Jahrbücher". 1913, I.—F. Diepenhorst. Eine wirtschaftliche Betrachtung zum deutsch-englischen Problem. „Annalen d. D. R." 1913.—О расширеніи емкости балканскихъ рынковъ см. L. Stein. Die politische Neuordnung auf dem Balkan und der deutsche Aussenhandel. „Schmoller's Jahrbücher". 1913, IV.—Данныя о ввозѣ

Въ то время, какъ ввозъ въ Румынію изъ Австро-Венгріи абсолютно уменьшился на 3%, а изъ Англіи—на 21%, ввозъ изъ Германіи въ эту страну увеличился на 31%. Ввозъ въ Сербію изъ Германіи увеличился на 285%, а изъ Австро-Венгріи всего лишь на 10%.

Иное положеніе на южно-американскихъ рынкахъ.

Ввозъ изъ Германіи въ Аргентину, Бразилію и Чили все еще занимаетъ второе мѣсто въ общей суммѣ ввоза въ эти страны; однако, *темпъ* роста германскаго ввоза, при всей своей силѣ, все же значительно меньше роста ввоза изъ Соединен. Штатовъ.

	Въ Аргентину.		Въ Бразилію.		Въ Чили.	
	1892—97 г.г.	1907—11 г.г.	1902—06 г.г.	1907—11 г.г.	1892—97 г.г.	1907—11 г.г.
	въ %% къ общей суммѣ ввоза.					
Изъ Германіи . . .	11,6	16,2	13,2	15	25,4	25
„ Англіи	37,9	32,2	19,4	28,6	37,7	33
„ Соед. Штат. . .	9	13,8	11,1	12	9	11

Ввозъ изъ Германіи въ Аргентину увеличился на 349%, въ Бразилію на 55%, въ Чили на 327%, а увеличеніе ввоза изъ Соединенныхъ Штатовъ въ эти же страны составляло 388%, 73%, 575%, т. е. ввозъ изъ Соединенныхъ Штатовъ росъ значительно сильнѣе. Характерное явленіе обнаруживаютъ и торговыя отношенія съ Мексикой.

Сюда ввозъ составлялъ въ %% къ общей суммѣ ввоза:

	1892—97 г.г.	1907—11 г.г.
Изъ Германіи	8,8	11,3
„ Англіи	50,8	11,8
„ Соед. Штатовъ . .	13	57,4

Здѣсь еще сильнѣе сказывается растущее вліяніе Соединенныхъ Штатовъ. И абсолютно и относительно германскій ввозъ сильно увеличился—почти въ 7 разъ, но гораздо сильнѣе увеличился ввозъ изъ Соединенныхъ Штатовъ—до 20 разъ, превысивъ въ $2^1/_2$ раза ввозъ и Германіи и Англіи.

въ балканскія и южноамериканскія государства составлены мною на основаніи Statistical Abstract for the foreign and other principal countries. 1892—1913 г.г.

Такимъ образомъ, господство на южно-американскихъ рынкахъ постепенно все рѣшительнѣе переходитъ къ Соединеннымъ Штатамъ, и вліяніе Германіи уменьшается.

Совершенно то же явленіе наблюдается и на азіатскихъ рынкахъ. Въ Японіи господство переходитъ къ Соединеннымъ Штатамъ, да и капиталистическое развитіе самой Японіи должно привести къ вытѣсненію германской промышленности японской.

Ввозъ въ Японію составлялъ (въ тыс. іенъ):

	1892—96 г.г.		1907—11 г.г.		Увеличеніе въ %%
	абс.	%%	абс.	%%	
Изъ Германіи	10,2	8,7	48,5	10,1	373
„ Англіи	39,2	33,3	106,5	22	171
„ Соед. Штатовъ . .	9,8	8,3	71,4	15	627

Въ то же время и китайскій рынокъ становится все болѣе достояніемъ Японіи.

Ввозъ въ Китай составлялъ (милл. таелей):

	1892—96 г.г.		1907—11 г.г.		Увеличеніе въ %%
	абс.	%%	абс.	%%	
Изъ Англіи	31,1	18,2	77,7	17,5	151
„ Японіи	11,6	7	65,8	14,6	450
„ Соед. Штатовъ . .	7,5	4,6	35,2	7,8	337
„ Германіи	—	—	17,8	4	—

Такимъ образомъ, и на американскихъ, и на азіатскихъ рынкахъ внѣшняя торговля Германіи, несмотря на совершаемые ею значительные успѣхи, должна выдерживать, при неблагопріятныхъ для нея условіяхъ, сильную конкурренцію со стороны не только своего стараго соперника Англіи, но и болѣе молодыхъ, сильно развившихся за послѣднее время странъ—Соед. Штатовъ и Японіи.

Этого обстоятельства не могли, конечно, не видѣть дѣятели хозяйственной политики въ Германіи, и вопросъ о расширеніи собственныхъ хозяйственныхъ территорій пріобрѣлъ поэтому въ Германіи въ послѣднее десятилѣтіе совершенно исключительную остроту.

VII.

Исторія германской колоніальной политики за послѣднее время обнаруживаетъ цѣлый рядъ препятствій, на которыя должны были натолкнуться имперіалистическія стремленія Германіи.

Попытки завладѣть южно-американскими рынками встрѣтили противодѣйствіе со стороны Соед. Штатовъ, и, при всей успѣшности германскаго экспортнаго капитализма, колоніальная политика банковъ, по свидѣтельству самихъ банковыхъ дѣятелей, не дала въ южно-американскихъ странахъ, въ особенности въ Бразиліи и Мексикѣ, тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидали. Стремленіе пріобрѣсти вліяніе на азіатскихъ рынкахъ, вызвавшее знаменитую китайскую карательную экспедицію, хотя и привело къ занятію Кіао-Чао, но встрѣтило сильное препятствіе въ лицѣ Японіи. Русско-японская война способствовала еще большему усиленію вліянія Японіи на всемъ восточномъ побережьѣ Азіи, а заключеніе Японіей договоровъ сначала съ Англіей, затѣмъ съ Франціей и, наконецъ, съ Россіей привело почти къ полной потерѣ Германіей вліянія на Дальнемъ Востокѣ. Тѣмъ сильнѣе вспыхнули притязанія Германіи на обладаніе сѣверо-африканскими рынками. Но и здѣсь, какъ извѣстно, марокканская авантюра окончилась ничѣмъ. Распредѣленіе сферы вліянія между Франціей и Германіей не лишило здѣсь Францію преобладающаго вліянія и принесло Германіи слишкомъ мало по сравненію съ ея желаніями.

Крупнымъ рынкомъ для германскаго сбыта является Турція; вывозъ сюда изъ Германіи увеличился съ 43,8 милл. въ пятилѣтіе 1892—97 гг., до 88,5 въ 1907—1911 гг., т. е. болѣе, чѣмъ на 100%. На азіатскіе турецкіе рынки была направлена и планомѣрная политика банковъ. Но упорная борьба за проведеніе Багдадской жел. дороги, въ концѣ концовъ, закончившаяся внѣшне довольно успѣшно для интересовъ германскаго капитала, вызвала такія мѣры со стороны Англіи въ Средней Азіи, которыя въ значительной степени подорвали работу германской дипломатіи.

Такимъ образомъ, настойчивое стремленіе Германіи къ расширенію своей территоріи всякій разъ встрѣчало препятствія, которыя при господствующей торговой политикѣ оказывались почти непреодолимыми [1]). Но германскій промышленный и финансовый капиталы все еще имѣютъ широкое поприще для своей дѣятельности на европейскихъ рынкахъ. Главная сумма германскаго вывоза, какъ мы видѣли, приходится на вывозъ въ европейскія государства. Здѣсь же находятъ свое помѣщеніе въ широкихъ размѣрахъ и нѣмецкіе капиталы. Но

1) См. объ этомъ интересную, почти пророческую статью K. Emil. Der deutsche Imperialismus und die innere Politik. „Die Neue Zeit“, 1907 г., № 5.

съ теченіемъ времени поле дѣятельности германскаго капитализма въ Европѣ должно суживаться. Промышленное развитіе въ такихъ странахъ, какъ Россія, Италія и Австро-Венгрія, сильный хозяйственный подъемъ въ Балканскихъ государствахъ неизбѣжно должны противодѣйствовать расширенію вліянія германскаго капитала въ этихъ странахъ [1]). Къ этому естественному процессу развитія присоединяется высокій протекціонизмъ, господствующій на континентѣ Европы.

Воздвигнувъ для себя высокую таможенную стѣну въ 1879 г., германскій промышленный капиталъ долженъ былъ натолкнуться на такіе же таможенные барьеры въ другихъ странахъ. И чѣмъ сильнѣе развивалась германская промышленность, чѣмъ быстрѣе шелъ процессъ индустріализаціи страны, тѣмъ больше высокій протекціонизмъ въ другихъ странахъ, созданный въ немалой степени подъ вліяніемъ германской торговой политики и идей ея теоретиковъ, становился препятствіемъ для успѣшнаго распространенія вліянія германской промышленности и германскаго капитала въ Европѣ [2]).

Нужно было обратить настойчивое вниманіе на тѣ внѣевропейскіе рынки, гдѣ аграрное состояніе мѣстностей создавало потребность въ германскомъ капиталѣ и германскихъ товарахъ и гдѣ могла быть достигнута болѣе высокая прибыль. Но, какъ мы видѣли, и въ Америкѣ, и въ Азіи, и въ Африкѣ политика Германіи въ сторону расширенія ея хозяйственнаго вліянія встрѣтила сильныя противодѣйствія. Политика расширенія рынковъ сбыта должна была поэтому отъ «мирнаго проникновенія» (pénétration pacifique) въ чужія страны перейти къ подчиненію Германіи новыхъ хозяйственныхъ территорій. Такое подчиненіе было возможнымъ лишь путемъ вооруженной силы. И чѣмъ настойчивѣе становилась борьба за новые рынки со стороны промышленнаго и финансоваго капитала, тѣмъ рѣшительнѣе въ Германіи стали звучать голоса теоретиковъ и практиковъ германскаго имперіализма. Лозунгъ «Великой Германіи» начинаетъ раздаваться въ XX-мъ столѣтіи все громче и громче; заявленія о правахъ германскаго народа на расширеніе своей хозяйственной территоріи во что бы

---

1) G. Hildebrand. Die Erschütterung der Industriehersschaft und des Industriesozialismus. 1910.

2) Otto Bauer. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. 1907, стр. 461—491. О роли современнаго протекціонизма въ неизбѣжномъ конфликтѣ между европейскими державами говорила почти вся германская соц.-дем. литература. См. также R. Hilferding. Das Finanzkapital. 1910, гл. 22.—K. Kautsky. Der Weg zur Macht. 1911.

то ни стало, несмотря ни на какія препятствія, получаютъ все большее и большее распространеніе.

Ходъ разсужденій, которыя неминуемо должны были привести къ оправданію упроченія гегемоніи Германіи путемъ силы, прекрасно изложенъ авторомъ, котораго мы уже цитировали въ самомъ началѣ статьи.

Уступая сѣвернымъ американцамъ политическое преобладаніе въ Америкѣ, авторъ считаетъ, что европейцы имѣютъ право считать Африку неотъемлемой областью своего господства. Средиземное море еще болѣе соединяетъ сѣверъ и югъ, чѣмъ Мексиканскій заливъ. Великое будущее вывоза европейскаго капитала лежитъ между мысами Бѣлымъ и Игольчатымъ. Азія также не должна считаться неприкосновенной. Свѣтъ цивилизаціи исходитъ не съ Востока, а изъ Европы. И такъ какъ въ настоящее время восточные народы нуждаются въ европейскихъ деньгахъ, въ европейскихъ товарахъ, въ европейскомъ умѣ и энергіи, то ихъ можно принудить къ строгому исполненію ихъ долга по отношенію къ европейцамъ и показать имъ, что существуетъ европейскій капиталъ. Въ этомъ капиталѣ заложена сильная воля къ власти, и носителемъ ея является прежде всего капиталъ германскій.

«Въ сердцѣ западно-европейскаго континента лежитъ Германская имперія, въ настоящее время среди другихъ странъ, по силѣ своей промышленной и торговой предпріимчивости, самая сильная страна. Именно на ней поэтому лежитъ нравственная обязанность и ей, благодаря ея культурнымъ заслугамъ, принадлежитъ полное право стать хранительницей европейской мысли въ міровомъ хозяйствѣ и въ міровой политикѣ» [1]).

Такъ потребности германскаго промышленнаго и финансоваго капитала вызвали къ жизни и укрѣпили идею о міровомъ призваніи Германской имперіи. Стремленіе къ расширенію хозяйственной территоріи, имѣющее въ своей основѣ потребность въ новыхъ и болѣе доступныхъ рынкахъ сбыта и достигшее въ Германіи особенной остроты вслѣдствіе тѣхъ историческихъ и географическихъ условій, въ которыя поставлено здѣсь развитіе капиталистическаго хозяйства, привело къ широкой міровой политикѣ.

«Мы никого не хотимъ оттѣснять, а только требуемъ и для себя мѣстечка на солнцѣ»,—говорилъ въ 1897 г. будущій канцлеръ ф. Бюловъ по поводу занятія Кіао-Чао [2]). Но послѣ этого заявленія Германія быстро ушла далеко впередъ по пути

---

[1]) Sartorius v. Waltershausen, указ. соч., стр. 425—426.

[2]) W. Lotz, указ. соч., стр. 162.

своихъ требованій. Чѣмъ тѣснѣе становилась связь германской хозяйственной жизни съ міровымъ хозяйствомъ, тѣмъ острѣе, настойчивѣе становились ея стремленія, тѣмъ большее противодѣйствіе они должны были встрѣчать въ капиталистическомъ развитіи другихъ странъ и не только въ ихъ торговой политикѣ, но и въ высокомъ протекціонизмѣ самой Германіи.

Развитіе мірового хозяйства привело господствующую протекціонную систему въ тупикъ. Протекціонизмъ завершилъ кругъ своего развитія. Совмѣщеніе его съ міровой политикой, съ имперіалистическими стремленіями таило въ себѣ настолько глубокія противорѣчія, что разрѣшеніе ихъ мирнымъ путемъ, при помощи международныхъ соглашеній, стало невозможнымъ. Предстояло или придти къ соглашеніямъ относительно взаимнаго таможеннаго разоруженія, отъ чего весьма далекъ былъ и промышленный и финансовый капиталъ, или попытать разрѣшить вопросъ о расширеніи своей хозяйственной территоріи за счетъ другихъ странъ, т. е. насильственнымъ путемъ.

Этотъ путь и избрала германская политика.

С. Загорскій.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.

Два литературныхъ портрета, въ которыхъ молодежь 1855—1861 годовъ себя не узнала. Молотовъ и Базаровъ.

I.

Поэтическіе образы способны возбудить въ насъ не менѣе сильныя чувства любви и антипатіи, чѣмъ живые собесѣдники; и мы иногда соглашаемся или споримъ съ призраками охотнѣе и упорнѣе, чѣмъ съ окружающими людьми. Въ исторіи жизни русскаго интеллигента такая любовь или нелюбовь къ измышленнымъ героямъ, никогда на самомъ дѣлѣ не жившимъ, явленіе очень обычное. Потому ли, что въ жизни вообще все, даже самое значительное, является всегда съ примѣсью мелочей, и цѣльные, яркіе характеры, расходящіеся съ общепризнанной и торжествующей программой компромиссовъ, большая рѣдкость,—но только литературные типы людей съ яснымъ міросозерцаніемъ и строгими правилами жизни, людей, побѣждающихъ жизнь, хотя бы на бумагѣ, были всегда любимыми нашими собесѣдниками или спорщиками. Много лѣтъ прожили мы въ обществѣ такихъ воздушныхъ посѣтителей, которые замѣняли намъ живыхъ людей, и только въ самое послѣднее время, съ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, эти герои вымышленныхъ подвиговъ стали исчезать съ печатныхъ страницъ, стали мельчать и теряться среди портретовъ самыхъ заурядныхъ обывателей.

Шестидесятые и семидесятые годы были годами расцвѣта повѣстей и романовъ, написанныхъ въ прославленіе разныхъ героевъ и героинь, жизнь и дѣянія которыхъ должны были намъ помочь разобраться въ смыслѣ нашей личной и общественной жизни. Описаніе жизни такого героя, созданіе его облика, внѣшняго

и внутренняго, подборъ для него собесѣдниковъ, враговъ и союзниковъ—было дѣломъ нелегкимъ, и писатель, который рѣшался приступить къ работѣ надъ такимъ «программнымъ» романомъ, попадалъ въ положеніе трудное. Въ блаженныя времена романтизма найти героя было куда легче, такъ какъ онъ былъ тѣмъ желаннѣе читателю, чѣмъ меньше онъ имѣлъ точекъ соприкосновенія съ реальной жизнью и чѣмъ выше онъ надъ ней подымался. Такого героя можно было въ любой часъ выдумать...

Трезвый и практичный читатель шестидесятыхъ годовъ, несмотря на свою молодость, былъ большой врагъ всякаго романтизма и всякой выдумки. Ему хотѣлось заручиться такимъ собесѣдникомъ, который именно во всѣхъ мелочахъ жизни помогъ бы ему разобраться. Онъ ждалъ, когда же наконецъ со страницъ книги на него взглянетъ дорогое лицо, которое онъ могъ бы принять за родного брата. Ему нуженъ былъ герой, который не имѣлъ бы никакихъ отличительныхъ свойствъ героя, былъ бы самымъ простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вождемъ, говорящимъ отъ лица многихъ, и зовущимъ за собой людей на совершенно опредѣленную работу, которую можно было бы начать завтра, не выжидая вторженія чуда въ окружающую обстановку.

Молодого читателя первыхъ годовъ новой эры (1855—1861) литература съ такими вождями не сталкивала. Писатель искалъ ихъ въ жизни, присматривался къ нѣкоторымъ оригиналамъ, но не рѣшался воспользоваться своими наблюденіями для портрета, въ которомъ подрастающее поколѣніе могло бы себя узнать. Художникъ предпочиталъ вспоминать старину и знакомить читателя съ его предками или со старшими членами его семьи—ему и безъ того хорошо знакомыми.

Наконецъ, въ 1861 году, появились два разсказа, совсѣмъ необычные по основному замыслу. Писатель отступалъ отъ обычнаго пріема—говорить лишь о прошломъ или, говоря о настоящемъ, имѣть въ виду лишь тѣ стороны жизни, которыя заслуживали осужденія. Герой, съ которымъ онъ наконецъ рѣшился познакомить читателя, былъ изъ семьи передовыхъ молодыхъ людей, вполнѣ отрекшихся отъ прошлаго и смѣло смотрящихъ впередъ. Ни тѣни печали, или сожалѣнія о чемъ-либо не было на молодомъ и выразительномъ лицѣ этого юноши, который давалъ понять, что онъ не случайный гость въ нашей жизни, а въ извѣстномъ смыслѣ представитель цѣлаго поколѣнія. Онъ былъ бодръ и въ себѣ увѣренъ, смѣлъ и очень откровененъ, такъ какъ былъ убѣжденъ, что дѣлаетъ и говоритъ дѣло.

II.

Вымышленная жизнь одного изъ такихъ характерныхъ представителей молодежи 1855—1861 годовъ, его думы и чувства были очень подробно изложены и очерчены Н. Г. Помяловскимъ, въ двухъ повѣстяхъ «Мѣщанское счастіе» и «Молотовъ». Съ Егоромъ Ивановичемъ Молотовымъ можно было во многомъ не соглашаться, можно было даже отвергнуть ту программу жизни, которую онъ предлагалъ, но не увлечься талантомъ разсказчика было невозможно, тѣмъ болѣе, что онъ былъ единственнымъ изъ молодыхъ беллетристовъ передового лагеря, про котораго можно было сказать, что онъ настоящая и крупная литературная сила.

Рѣдко когда писатель рѣшался быть такъ откровеннымъ въ описаніи жизни героя и въ анализѣ самыхъ интимныхъ его думъ и чувствъ, какъ себѣ разрѣшилъ это Помяловскій, сознававшій, очевидно, опасность того положенія, въ какое среди требовательныхъ сверстниковъ попадалъ Молотовъ. Помяловскій чувствовалъ, что его герой можетъ не понравиться, и онъ, спасая не программу жизни, предложенную Молотовымъ, а его самого какъ личность, рѣшился ничего не скрывать и оголить передъ читателемъ душу этого безспорно вполнѣ порядочнаго человѣка.

Молотовъ былъ очень добрый и добродушный человѣкъ. «Онъ во всемъ отыскивалъ искру Божью и любилъ приникать къ доброй сторонѣ жизни». Всѣ пороки и преступленія людей онъ объяснялъ внѣшними условіями; всякаго негодяя ему было жалко. Онъ былъ увѣренъ, что «во всякомъ человѣкѣ есть добрыя начала». Съ молодыхъ лѣтъ любилъ онъ говорить о широкихъ началахъ, общеміровыхъ идеяхъ и замогильныхъ вопросахъ: «жизнь, природа, человѣчество»—на этихъ предметахъ постоянно вертѣлись его мысли; онъ смотрѣлъ идеалистомъ, хотя, странно, онъ былъ всегда остороженъ, аккуратенъ и осмотрителенъ. О важныхъ матеріяхъ онъ говорилъ всегда серьезно. Молотовъ боялся фразерства и потому не проповѣдывалъ новыхъ идей, не кричалъ о прогрессѣ, рѣдко позволялъ себѣ нѣжныя слова и возвышенныя рѣчи, хотя въ университетскомъ кружкѣ (а онъ былъ студентъ-филологъ) онъ бывало спорилъ до слезъ и до глубокой ночи. Онъ вообще не любилъ пѣть съ чужого голоса, проповѣдывать заученное, кидаться изъ стороны въ сторону, находясь подъ вліяніемъ только-что прочитанной статейки.

Какъ видно, Молотовъ сохранилъ кое-какія черты людей старшаго поколѣнія—ихъ любовь къ постановкѣ отвлеченныхъ

общихъ вопросовъ и широкій идеализмъ если не ума, то души. Но на эти черты характера, принадлежащія прошлому, легли уже ясныя наслоенія новаго времени.

«Молотовъ былъ плотно сложенъ и широкъ въ плечахъ, нѣсколько сутуловатъ; его нельзя было назвать красавцемъ, но выраженіе лица было доброе и въ сѣрыхъ, огромныхъ глазахъ свѣтился умъ. Онъ не созданъ былъ дамскимъ кавалеромъ. Руки имѣлъ онъ большія, сильныя и мускулистыя, съ толстыми пальцами и коротко остриженными на нихъ ногтями; ступня ноги была большая. Внѣшніе пріемы его были не безукоризненны; походка тяжеловата, съ переваломъ и крупными шагами; французскій языкъ онъ зналъ, но имѣлъ плохое произношеніе; онъ смѣялся слишкомъ громко, стѣснялся при женщинахъ въ первую минуту, а потомъ говорилъ съ ними какъ съ мужчинами, вставляя часто словцо, нетерпимое въ дамскихъ рѣчахъ. Но онъ не былъ циникъ, былъ опрятенъ и чистоплотенъ, любилъ порядокъ и немало сокрушался о своихъ внѣшнихъ недостаткахъ».

Фигура, какъ видимъ, оригинальная, бросающаяся въ глаза, совсѣмъ не похожая на портреты идеалистовъ стараго времени, и очень напоминающая своей наружностью хваленыхъ «нигилистовъ» ближайшаго будущаго.

Въ вопросахъ религіи Молотовъ, какъ можно догадаться, былъ скептикъ. «Вѣруетъ ли онъ?» спрашивала его невѣста. Она не знала, какъ въ нынѣшній вѣкъ вѣруютъ люди, но она поняла, что въ этомъ отношеніи Молотовъ не былъ похожъ на всѣхъ, кого она знала. И образа въ домѣ Молотова не было, и креста на шеѣ также не было. Яснѣе авторъ не пожелалъ или не могъ высказаться.

Въ вопросахъ морали Молотовъ былъ сторонникомъ «здороваго» эгоизма. «Чѣмъ короче жизнь, разсуждалъ онъ, тѣмъ больше побужденій жить! Если ты увѣренъ, что твоя жизнь не повторится, то и долженъ беречь ее. Эгоизмъ рождаетъ любовь. Когда удовлетворены твои потребности, является страстное желаніе сдѣлать всѣхъ счастливыми. Ты не любишь другихъ потому, что не любишь себя. Въ томъ-то и любовь, что чужое горе до такой степени станетъ твоимъ горемъ, что дѣлается жалко самого себя». Нельзя забывать себя въ жизни, надо въ достаточной мѣрѣ себя обезопасить отъ нея, иначе пропадутъ безплодно всѣ добрые помыслы и начинанія. «Молотовъ былъ человѣкъ независимый, гордый, который ни передъ кѣмъ не гнулъ спины, человѣкъ свободомыслящій и притомъ степенный, положительный и практическій». «Мнѣ некуда было пріютиться, разсказывалъ

онъ про себя. Я завидовалъ тѣмъ юношамъ, которые, кончивъ курсъ, имѣютъ возможность года три, четыре не поступать ни на какую службу, которые обезпечены своими отцами и дѣдами. Будь у меня небольшое состояніе, я ни-за-что не пошелъ бы на службу. Тяжело мнѣ было думать: «зачѣмъ меня несетъ туда? ни больше, ни меньше, какъ на казенную пищу, на государственные харчи!» Что жъ? подумалъ я, я буду работать. Я поѣхалъ на службу такимъ карателемъ, что страшно стало за человѣка... Пересталъ я жалѣть себя, готовъ былъ взяться за дѣло честно, вынести какую угодно борьбу, всю жизнь свою положить на истребленіе подлости людской, на гибель нарушителямъ закона... Я постою за правду... на пядень не отступлю отъ нея... Я былъ почти увѣренъ, что мнѣ придется страдать за правду, я уже мечталъ о такой участи съ наслажденіемъ. Но кто же такой Молотовъ, спрашивалъ я себя со злостью. У меня не только не было ни роду, ни племени, ни кола, ни двора—у меня не было и сословія, я не принадлежалъ ни къ какому кружку, я былъ космополитъ, человѣкъ, не имѣющій почвы подъ ногами... О Боже мой! если бы можно года четыре пожить безъ службы частной и общественной, осмотрѣться одуматься и отвѣдать вольнаго, нестѣсненнаго существованія!» «Неужели моя жизнь пропадетъ даромъ? Гдѣ моя дорога?.. Неужели такъ я и ненуженъ никому на свѣтѣ?».

Молотова мучило такое сознаніе своей зависимости отъ обстоятельствъ. Онъ хотѣлъ закалить себя въ борьбѣ съ ними, побороть ихъ силой воли и труда и, дѣйствительно, чего только онъ не зналъ, чего не видѣлъ, гдѣ не бывалъ? О чемъ угодно спросите его—на все есть отвѣтъ. Какъ Молотову удалось собрать столько свѣдѣній о жизни, это—тайна автора, но передъ нами не неопытный юноша, а человѣкъ, уже умудренный жизнью, несмотря на свою молодость.

Молодость не помѣшала Молотову выработать въ себѣ характеръ и независимый образъ мыслей. «Онъ былъ мѣщанинъ, плебей, но у него былъ свой гоноръ». Онъ сказалъ себѣ: «я долженъ, *самъ* долженъ, *своимъ* опытомъ, *своей* головой дойти до того, что мнѣ нужно. Всякій самъ для себя работаетъ. Великое дѣло—своя жизнь, свое убѣжденіе; это то же, что собственность. Только то и можно назвать убѣжденіемъ, что самимъ добыто. Я самъ и есть первый и послѣдній авторитетъ, исходная точка всѣхъ моральныхъ отправленій и чего нѣтъ во мнѣ, того не дадутъ ни воспитаніе, ни примѣръ, ни законъ, ни среда. У меня все свое и за все я одинъ отвѣчаю». «Мое призваніе—жить...

всей душой, всѣми порами тѣла жить»... «Бери жизнь, какъ есть она, не прибавляя и не убавляя! да, вотъ она, вотъ смотритъ въ глаза; она идетъ, въ дверь стучитъ. Я не могу пока постигнуть, что она такое, но безъ смысла не возьму ее; разгляжу я жизнь, разниму по частямъ, душу ея выну. Я и учился для того, чтобы жить; государству часть себя отдамъ, а весь не отдамся».

Но хорошо такъ разсуждать, если человѣкъ хоть до извѣстной степени защищенъ отъ ударовъ жизни. А какъ жить, если нужда придавитъ человѣка своей тяжестью? Нужда, «безживотіе злое» — великая причина. Она можетъ разрушить всѣ наши планы. Нужда потрепала и Молотова, но только онъ ее осилилъ... Прошелъ онъ черезъ многія мытарства, бывалъ въ унизительномъ положеніи, пристраивался ко всевозможнымъ видамъ труда и занятій, жилъ какъ чернорабочій, какъ пролетарій, долго сбирающій собственность и въ одинъ незаработный годъ пожирающій ее—пока наконецъ чиновничья служба не спасла его. Молотовъ пошелъ на службу не по призванію, а потому, что это былъ единственный путь, идя по которому, можно было чувствовать себя огражденнымъ отъ нужды и все-таки кое-какъ дѣйствующимъ. «Намъ говорятъ, что отечество нуждается въ образованныхъ людяхъ,—разсуждалъ онъ,—но посмотрите, что случилось: весь цвѣтъ юношества, все, что только есть свѣжаго, прогрессивнаго, образованнаго—все это поглощено присутственными мѣстами, и когда эта бездна наполнится? Лишь только кто-нибудь выбирается изъ своей среды, и думаетъ, какъ бы сдѣлаться человѣкомъ; выходятъ ли люди изъ деревни, бурсы, залавка или верстака, куда они идутъ? Все въ чиновники! Большинство образованныхъ людей находятся именно въ этомъ сословіи. Чиновничество—какой-то огромный резервуаръ, поглощающій силы народныя. Вотъ и я, мужикъ по происхожденію, по карьерѣ все-таки чиновникъ. Выдѣлился я изъ народа и потерялся. Натура звала на какое-то другое дѣло; во мнѣ было полное желаніе опредѣлить себя, отыскать свою дорогу, самостоятельно выбрать родъ жизни, и ничего не могъ я сдѣлать—судьба насильно надѣла на меня мундиръ чиновника и осудила на архивную карьеру»...

Одна изъ многочисленныхъ дамъ, которыя увлекались Молотовымъ, сказала ему однажды: «Изъ васъ выйдетъ замѣчательный дѣятель; такіе люди, какъ вы, нужны для общества; вы не будете представителемъ науки или искусства, но станете во главѣ практическаго движенія».

Предсказаніе это не сбылось, и Молотовъ, завоевавъ

себѣ «мѣщанское» счастье, состоя на службѣ, огражденный отъ всѣхъ случайностей, счастливый, наканунѣ свадьбы съ любимымъ человѣкомъ, долженъ былъ съ грустью вспоминать о тѣхъ годахъ, когда съ непокрытой головой онъ стоялъ подъ непогодой жизни и жилъ мечтой и надеждами. «Мало ли есть непріятностей на свѣтѣ?—говорилъ онъ своей невѣстѣ,—я теперь настолько независимъ отъ всѣхъ, что могу считать людей, презирающихъ меня, ничтожными. Не сразу дошелъ я до такого благодѣтельнаго равнодушія; постепенно и медленно утихала сокрытая ненависть, пропадали насмѣшки и дерзости; самое презрѣніе пропало, и наступило полное равнодушіе, такъ что обиды не шевелятъ и сердца моего. Жизнь вытекаетъ не изъ принципа, а изъ натуры, не изъ теоріи, а изъ причины... Не любовь къ труду, приносящему деньги, а именно любовь къ деньгамъ руководила мною. Много было потрачено силъ душевныхъ, терпѣнія и выжиданія, прежде нежели я освоился, оглядѣлся, пріобрѣлъ ловкость, тактъ и изворотливость, пріобрѣлъ связи и рекомендацію, и, наконецъ, обстановился. Я теперь вполнѣ обезпеченъ, потому что, при даровой квартирѣ и дровахъ, могу проживать до полутора тысячи рублей, сытъ всегда достаточно, одѣтъ прилично, помѣщенъ въ теплѣ. Я люблю свою квартиру»... И Молотовъ описывалъ невѣстѣ уютный уголокъ ихъ будущаго семейнаго счастія. Онъ говорилъ о картинахъ, канделябрахъ, коврахъ, серебрѣ, фарфорѣ, мраморѣ и дорогихъ бобрахъ. Онъ сказалъ ей также, что у него въ шкатулкѣ заперто болѣе пятнадцати тысячъ, но, разсказавъ ей все это, Молотовъ задумался, вспомнивъ былые дни...

«Душа спала, — продолжалъ онъ свою исповѣдь, — и когда просыпалась, я ощущалъ страшную скуку и тоску... И не глупъ я, и силенъ, и работать люблю, но куда пошли мои силы? Благонравная чичиковщина! Иногда такъ тяжело становилось, что я готовъ былъ схватить и брякнуть объ полъ вазы, порвать картины, разметать цвѣты и статуи... Когда-то жизнь казалась такъ широка, безпредѣльна... Я былъ выходцемъ изъ своего сословія, и потому, какъ всѣ выходцы, не понималъ, что многаго требовать нельзя, что необходима умѣренность, тихій гласъ и кроткое отношеніе къ существующимъ интересамъ общества. Мы ломать любимъ, либо дѣлаемся отъявленными подлецами, либо благодушествуемъ, какъ я благодушествую. Поневолѣ пришлось съежиться, обособиться, а дома устроить себѣ и моральную и матеріальную жизнь по-своему, завести своихъ пе-

натовъ, своихъ поэтовъ, общество и друзей. Что же дѣлать, не всѣмъ быть героями, знаменитостями, спасителями отечества. Пусть какой-нибудь геній напишетъ поэму, нарисуетъ картину, издастъ законъ,—а мы, люди толпы, придемъ и посмотримъ на все это. Не угодитъ намъ геній, мы не будемъ насильно восхищаться, потому что толпа имѣетъ полное право не понимать генія»... Неужели запрещено устроить простое, мѣщанское счастіе? спрашивалъ Молотовъ свою невѣсту и на устроеніе такого счастія получилъ ея согласіе.

Молотовъ, кажется, такимъ концомъ остался доволенъ, но Помяловскій съ нимъ не согласился: «*Эхъ, господа, что-то скучно!*»—сказалъ онъ, приведя своего героя къ мирной пристани.

Еще до окончанія романа у автора возникали сомнѣнія относительно того пріема, на какой у публики могъ разсчитывать Молотовъ. Авторъ, начиная свое повѣствованіе, счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ какъ бы въ оправданіе героя, хотя никакихъ провинностей за нимъ не числилось. Повѣствуя о раннихъ годахъ жизни Молотова и подготовляя читателя къ разсказу объ его дальнѣйшей судьбѣ, Помяловскій говорилъ: «Плебейское происхожденіе пока не смущало Молотова. Ничто не тревожило его гордости. Онъ былъ молодъ, надеждъ впереди много, и, значитъ, онъ вполнѣ наслаждался жизнью... У насъ есть типъ особаго рода людей, живыхъ, подвижныхъ, вѣчно занятыхъ, типъ человѣка хлопотливаго, который все замѣчаетъ, которому все надобно знать. Случалось ли вамъ встрѣчать людей, у которыхъ, что вы ни спросите, они на все отвѣтятъ вамъ—все до нихъ какъ-то дойти успѣло. У людей такого рода много знакомыхъ, въ жизни ихъ множество случаевъ, потому что они всюду носъ суютъ. Понятно, что въ полномъ развитіи этотъ типъ встрѣчается въ людяхъ пожилыхъ... Такіе люди вообще пользуются у насъ уваженіемъ, хотя не скроемъ, что изъ нихъ большею частью выходятъ пройдохи, народъ ловкій, умѣющій отовсюду извлечь высшій процентъ. Въ нихъ выразилась практическая сила. Въ Молотовѣ были задатки такого типа. Очевидно, пройдохой его назвать нельзя, но, съ другой стороны, трудно опредѣлить смыслъ его дѣятельности, самой разнообразной и неутомимой. По большей части все ему какъ-то удавалось. Это натура упругая и терпѣливая. Многоталантливость и неугомонность дались ему отъ природы; такія качества не пріобрѣтешь, не сдѣлаешь, не купишь, это даръ—врожденный,—хотя и странно, что вся дѣятельность Молотова была безъ всякой напередъ заданной мысли, безъ опредѣленной

цѣли, ему просто хотѣлось все знать и все сдѣлать — вотъ такъ, какъ намъ ѣсть хочется; то была дѣятельность безъ принципа; потребность натуры, «комплекція» такая. *Одно ясно: Молотовъ еще не опредѣлился, его натура нетронутая; мы видимъ въ немъ пока одну силу безъ приложенія: онъ въ настоящую минуту скорѣе идеалистъ, только съ практическими задатками для будущаго. Онъ еще не сформировался, не получилъ полный законченный образъ».*

III.

Таковъ былъ первый портретъ одного изъ представителей молодежи 1855—1861 годовъ, въ которомъ писатель, очевидно, подмѣтилъ общія черты характера его времени. Портретъ не льстилъ молодымъ людямъ, и читатель имѣлъ основаніе задать себѣ вопросъ: да точно ли передъ нимъ положительный типъ, у котораго можно чему-нибудь научиться? Нѣкоторые критики позднѣйшаго времени хотѣли видѣть въ романѣ Помяловскаго даже прямое предостереженіе, совѣтъ—не слишкомъ увлекаться матеріальными благами жизни, которыя могутъ идеалиста превратить въ «мѣщанина» духомъ. Но врядъ ли авторъ имѣлъ въ виду такую шаблонную дидактическую цѣль. Онъ писалъ съ натуры, это несомнѣнно, и потому въ столь правдоподобно созданномъ имъ образѣ сочетались и достоинства, и недостатки молодыхъ людей, которымъ приходилось прокладывать себѣ дорогу при новыхъ условіяхъ жизни. Наслѣдникъ идеализма предшествующаго поколѣнія, Молотовъ любилъ думать надъ принципами жизни, но онъ скоро понялъ, что жизнь требуетъ отъ него борьбы въ самомъ прямомъ смыслѣ слова и что размышленіемъ и словесной проповѣдью многаго не достигнешь. Какъ сынъ своего поколѣнія, онъ призналъ законность практическаго взгляда на вещи и хотѣлъ стать твердой ногой на твердую почву жизни. Онъ зналъ, что никто на него работать не будетъ, что онъ предоставленъ собственнымъ силамъ, и потому онъ изощрялъ эти силы на чемъ только могъ, развивалъ ихъ въ разныхъ направленіяхъ и брался за самыя разнообразныя дѣла, которыя ему и удавались. Родомъ онъ былъ плебей, но не плебей приниженный и услужливый, а гордый и знающій себѣ цѣну. Онъ хотѣлъ отстоять свою независимость, свое право на жизнь и потому прежде всего обезпечилъ себѣ матеріальный достатокъ. На него хотѣлъ онъ опереться при

дальнѣйшей работѣ, а отъ работы онъ не бѣгалъ и приходилъ въ отчаяніе отъ мысли, что жизнь его можетъ пропасть даромъ. Работа рисовалась ему какъ дѣятельность, какъ участіе въ жизни общей. Онъ поступилъ на службу совершенно сознательно, не изъ корысти, а потому, что въ 1855—1861 годахъ чиновничья служба была, дѣйствительно, единственнымъ способомъ пристроиться къ дѣлу, которое могло бы отзываться на самой жизни. Настоящая общественная дѣятельность была въ тѣ годы еще немыслима, если не считать дѣятельности словесной и писательской, къ которой у Молотова не было ни любви, ни способности. Но читалъ онъ все-таки немало и отъ своего поколѣнія не отставалъ. Въ вопросахъ религіозныхъ онъ былъ, очевидно, свободнымъ мыслителемъ, въ этикѣ исповѣдывалъ теорію разумнаго эгоизма, въ женскомъ вопросѣ былъ большой либералъ и несомнѣнный демократъ какъ по рожденію, такъ и по убѣжденіямъ. «Бѣлую породу» онъ не любилъ, но и особыхъ симпатій къ кости черной онъ также не имѣлъ. Онъ выросъ типичнымъ сыномъ города, деревни не зналъ; жизнь простонародья была для него закрытой книгой, но, конечно, онъ народу желалъ отъ души всякаго блага.

Полюбить Молотова, не говоря уже о томъ, чтобы увлечься имъ, молодой читатель, конечно, не могъ.

Ничего героическаго въ Молотовѣ не было. Человѣкъ онъ былъ порядочный, благомыслящій; отъ вѣка онъ не отсталъ, но и не опередилъ его, даже не былъ въ силахъ чѣмъ-нибудь расшевелить его, озадачить его какой-нибудь смѣлой мыслью или поступкомъ. Отъ всякой идейной проповѣди новыхъ началъ жизни Молотовъ воздерживался, ни съ кѣмъ не спорилъ, никого не обращалъ въ свою вѣру; народолюбія не исповѣдывалъ, хотя былъ демократомъ; о политикѣ и соціальныхъ порядкахъ не заикался, хотя, конечно, не одобрялъ существующаго; новыхъ формъ семейной жизни не придумывалъ и мирился съ установленными — вообще, ни съ кѣмъ не воевалъ, а приспособлялся, имѣя въ виду, приспособившись, начать дѣйствовать. Но дѣйствовать ему не пришлось ни на какомъ поприщѣ, за исключеніемъ шаблонно-чиновничьяго.

Такіе типы среди молодежи тѣхъ годовъ могли попадаться; иные могли счесть мѣщанское счастье за необходимую точку опоры для дальнѣйшихъ вылазокъ противъ жизни; многихъ это «счастье» могло и засосать... Мимо такихъ людей можно было спокойно пройти, какъ и прошелъ молодой читатель, тѣмъ болѣе, что почти одновременно съ этимъ знакомствомъ онъ имѣлъ случай

встрѣтиться съ человѣкомъ, гораздо болѣе замѣчательнымъ по образу мыслей и душевному складу.

Появленіе Евгенія Васильевича Базарова въ молодыхъ кругахъ сопровождалось необычайнымъ шумомъ и сенсаціей.

IV.

Романъ «Отцы и дѣти» появился въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1862 года — въ журналѣ пока еще не ретроградномъ, но уже дававшемъ ясно понять, что за молодымъ передовымъ поколѣніемъ онъ слѣдовать не намѣренъ.

Судьба этого романа—исключительная. Давно умеръ Базаровъ, давно умеръ Тургеневъ, но споры о томъ, въ чемъ Тургеневъ съ Базаровымъ расходился и въ чемъ они соглашались, не умолкаютъ и до сего дня. Романъ сталъ какимъ-то пробнымъ камнемъ того отношенія, въ какое старики вообще становятся къ своимъ наслѣдникамъ.

Споры и раздоры начались со дня выхода повѣсти въ свѣтъ. Первыми высказались люди, непосредственно въ немъ заинтересованные, т. е. ближайшіе современники; затѣмъ и молодые читатели послѣдующихъ годовъ, такъ какъ никто изъ нихъ не желалъ примириться съ смертью Базарова въ 1859 году и всѣ были убѣждены, что Базаровъ живъ и только подъ другимъ именемъ, и въ другой обстановкѣ продолжаетъ сердить стариковъ или вообще старшихъ. Потомъ Базаровъ преобразился въ символъ «молодежи вообще» независимо отъ того, какого образа мыслей молодежь тѣхъ или иныхъ годовъ держалась и какую имѣла программу жизни, и часто случалось, что люди, которые расписывались въ своей любви или нелюбви къ Базарову, спорили или соглашались съ человѣкомъ, который если бы онъ самъ встрѣтился съ Базаровымъ Тургенева, вѣроятно также началъ бы съ нимъ спорить.

Историкъ 1855—1861 годовъ можетъ не считаться съ посмертной судьбой Базарова. Изъ всѣхъ споровъ, къ какимъ этотъ выдающійся молодой человѣкъ подалъ поводъ, для историка первыхъ лѣтъ новой эры имѣютъ значеніе лишь тѣ слова, которыя относились непосредственно къ самому Базарову, а не къ его просвѣтленной или подчеркнутой тѣни.

Тургеневъ, какъ извѣстно, очень дорожилъ мнѣніемъ о себѣ

молодого поколѣнія, и когда молодежь разсердилась на него за Базарова, онъ принялъ эту вспышку молодого негодованія очень болѣзненно къ сердцу. Сбитый съ толку похвалами людей старшаго поколѣнія, людей, мнѣніемъ которымъ онъ не имѣлъ особаго основанія дорожить, и обиженный суровымъ судомъ молодежи, которую несомнѣнно любилъ поэтической и гуманной любовью, Тургеневъ пожелалъ самъ откровенно высказаться по поводу своего романа. Эта мысль пришла ему въ голову, вѣроятно, въ первые же дни похода молодежи противъ Базарова, но осуществилъ онъ ее десять лѣтъ спустя въ 1868—9 году, когда живыя впечатлѣнія прошлаго въ его душѣ достаточно изгладились. Статья «По поводу «Отцовъ и дѣтей» все-таки имѣетъ рѣшающее значеніе.

Оказывается, что Тургеневъ, создавая образъ Базарова, самъ не зналъ, создаетъ ли онъ его въ оправданіе или въ осужденіе героя. Онъ самъ былъ застигнутъ врасплохъ тѣми ожесточенными спорами, которые возникли. Онъ признавался, что «никогда не покушался создавать образъ, если не имѣлъ исходною точкой не идею, а живое лицо, къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы». Въ основаніе главной фигуры, Базарова, легла одна личность, поразившая автора своей оригинальностью, личность какого-то молодого провинціальнаго врача. Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ воплотилось то, едва народившееся, еще бродившее начало, которое потомъ получило названіе нигилизма. Впечатлѣніе, произведенное на Тургенева этой личностью, было очень сильное и въ то же время не совсѣмъ ясное; онъ самъ не могъ себѣ хорошенько отдать въ немъ отчета, онъ напряженно прислушивался и приглядывался ко всему, что̀ его окружало, какъ бы желая провѣрить правдивость собственныхъ ощущеній. У него поневолѣ возникало сомнѣніе: ужъ не за призракомъ ли онъ гнался?.. Не смущаясь такой неясностью, Тургеневъ все-таки не устоялъ передъ соблазномъ нарисовать портретъ самого современнаго молодого человѣка. Во все время писанія Тургеневъ чувствовалъ къ Базарову невольное влеченіе. Романъ былъ напечатанъ. «Я замѣчалъ холодность, доходившую до негодованія во многихъ мнѣ близкихъ и симпатичныхъ людяхъ; я получилъ поздравленія, чуть не лобзанія отъ людей противнаго мнѣ лагеря, отъ враговъ. Меня это конфузило... огорчало; но совѣсть не упрекала меня; я хорошо зналъ, что я честно и не только безъ предубѣжденія, но даже съ сочувствіемъ отнесся къ выведенному мною типу; я слишкомъ уважалъ призваніе художника,

литератора, чтобы покривить душою въ такомъ дѣлѣ»... «Рисуя фигуру Базарова, я исключилъ изъ круга его симпатій все художественное, я придалъ ему рѣзкость и безцеремонность тона—не изъ нелѣпаго желанія оскорбить молодое поколѣніе, а просто вслѣдствіе наблюденій надъ моимъ знакомцемъ докторомъ и подобными ему лицами». «Многіе изъ моихъ читателей удивятся, если я скажу имъ, что, за исключеніемъ воззрѣній на художество—я раздѣляю почти всѣ убѣжденія Базарова. А меня увѣряютъ, что я на сторонѣ отцовъ! Я, который довелъ до каррикатуры недостатки Павла Кирсанова и сдѣлалъ его смѣшнымъ». «Читатель готовъ навязать автору небывалыя симпатіи или небывалыя антипатіи, чтобы только выйти изъ непріятной неопредѣленности въ вопросѣ, какъ читателю надлежитъ думать о такомъ-то лицѣ. А если отношенія автора къ этому лицу свойства еще болѣе неопредѣленнаго, если авторъ самъ не знаетъ, любитъ ли онъ или нѣтъ выставленный характеръ, какъ это случилось со мной въ отношеніе къ Базарову? Я понимаю причины гнѣва, возбужденнаго моей книгой въ извѣстной партіи. Онѣ не лишены основанія. Выпущеннымъ мною словомъ «нигилистъ» воспользовались тогда многіе, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движеніе, овладѣвшее русскимъ обществомъ. Не въ видѣ укоризны, не съ цѣлью оскорбленія было употреблено мною это слово, но какъ точное и умѣстное выраженіе проявившагося историческаго факта».

Отчего этимъ словамъ Тургенева не повѣрить? Они такъ просты и ясны. Положимъ, они были сказаны не во-время, много лѣтъ спустя послѣ инцидента, ихъ вызвавшаго; все это слѣдовало сказать значительно раньше, и тогда открытое признаніе своей солидарности съ молодымъ поколѣніемъ во многихъ вопросахъ имѣло бы иную цѣну. Все недоразумѣніе произошло потому, что самому художнику былъ, дѣйствительно, не вполнѣ ясенъ типъ, надъ разъясненіемъ котораго онъ работалъ, а вовсе не потому, что онъ исказилъ вполнѣ ясный типъ въ угоду какимъ-то личнымъ или инымъ соображеніямъ. Совѣсть художника была спокойна, а между тѣмъ портретъ получился настолько туманный и далекій отъ желаннаго, что молодежь никакъ не хотѣла себя узнать въ немъ и имѣла право разсердиться. Если бы молодежь отнеслась къ роману болѣе хладнокровно, она увидала бы, что историческая правда въ немъ нисколько не нарушена, не искажена, и что если ужъ нужно автору сказать непріятность, то винить его надо не въ зломъ умыслѣ, а въ нетерпѣніи и въ слишкомъ поспѣшномъ выборѣ героя, который въ герои не годился.

V.

У насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній предполагать, что Тургеневъ въ Базаровѣ желалъ видѣть лучшій продуктъ новой культуры. Оригиналъ, съ котораго онъ писалъ портретъ, могъ быть очень интересенъ, могъ производить сильное впечатлѣніе, но вовсе не претендовалъ на то, чтобы въ немъ думы и стремленія цѣлаго поколѣнія нашли себѣ точное выраженіе. Молодой читатель, несомнѣнно, предъявилъ Базарову гораздо большія требованія, чѣмъ авторъ, и потому остался имъ крайне недоволенъ.

Но авторъ былъ виноватъ. Онъ ввелъ читателя въ заблужденіе тѣмъ, что наговорилъ Базарову такихъ комплиментовъ, которые не покрывались ни рѣчами Базарова, ни его поступками. «Вы человѣкъ не изъ числа обыкновенныхъ» говоритъ Базарову Одинцова. «Вашъ сынъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, съ которыми я когда-либо встрѣчался, говоритъ отцу Базарову Аркадій. «Подобныхъ ему людей не приходится мѣрить обыкновеннымъ аршиномъ», говоритъ отецъ Базарова. «Онъ будетъ знаменитъ», утверждаетъ Аркадій. «Я ему обязанъ моимъ перерожденіемъ» утверждаетъ нѣкій Ситниковъ. Положимъ, всѣ эти слова очень неопредѣленны, сказаны людьми, которые не могутъ быть безпристрастны, но они читателя, несомнѣнно, къ чему-то подготовляютъ, и авторъ—умѣющій говорить колкости и большой юмористъ,—ни разу не разрѣшилъ себѣ даже легкаго ироническаго выраженія по адресу своего героя. Очевидно, авторъ согласенъ съ Аркадіемъ, Одинцовой и Василіемъ Ивановичемъ въ томъ, что Базаровъ человѣкъ замѣчательный.

Молодой читатель тѣхъ годовъ давно ждалъ такого товарища замѣчательнаго и съ богатымъ будущимъ, чтобы на немъ провѣрить самого себя и въ его лицѣ имѣть защитника на страницахъ литературы, которая до сей поры о «дѣтяхъ» умалчивала и все стремилась возможно справедливѣе и спокойнѣе говорить объ «отцахъ». И вотъ, когда молодой читатель сталъ присматриваться къ Базарову въ надеждѣ открыть въ немъ «замѣчательнаго» человѣка—онъ былъ крайне непріятно пораженъ этой встрѣчей. Онъ въ Базаровѣ нашелъ всѣ свои недостатки и почти ни одного качества умственнаго и душевнаго, которыми привыкъ гордиться.

VI.

Непріятно поражали прежде всего привычки героя вести себя въ обществѣ.

Наружность Базарова была очень некрасива, но по крайности хоть выразительна. Длинное и худое съ широкимъ угреватымъ лбомъ, кверху плоскимъ, книзу заостреннымъ носомъ, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочнаго цвѣта лицо его оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоувѣренность и умъ. Темно-бѣлокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупныхъ выпуклостей просторнаго черепа...

Свою красную руку онъ протягивалъ людямъ неохотно: за столомъ говорилъ мало, но ѣлъ много; въ саду не стѣснялся шагать черезъ клумбы; при разговорѣ отвѣчалъ отрывисто и неохотно, и въ звукѣ его голоса было что-то грубое, почти дерзкое; изъ дома, гдѣ онъ былъ встрѣченъ гостепріимно, уходилъ, не прощаясь съ хозяйкой; велъ себя развязно съ такими людьми въ домѣ, къ которымъ слѣдовало бы отнестись съ особой деликатностью, и не понималъ, что иногда нарушаетъ права гостепріимства... Все это, конечно, мелочи: многіе молодые люди тѣхъ годовъ вели себя не лучше, но вѣдь чѣмъ-нибудь такая угловатость ихъ манеръ искупалась въ жизни?—какой-нибудь смѣлостью и рѣшительностью въ поступкахъ или рѣчахъ, какимъ-нибудь вызывающимъ эффектомъ, а за Базаровымъ никакихъ такихъ ни рѣчей, ни поступковъ не числилось.

Молодой читатель все-таки съ интересомъ подошелъ къ незнакомцу и сталъ наблюдать не за тѣмъ, какъ онъ себя ведетъ въ обществѣ, а за тѣмъ, что онъ вообще дѣлаетъ, чѣмъ занимается. «Главный предметъ его—естественныя науки—пояснялъ читателю Аркадій. Да, онъ все знаетъ. Онъ въ будущемъ году хочетъ держать на доктора»... Въ усадьбѣ Базаровъ «работалъ»: «вставалъ очень рано и отправлялся версты за двѣ, за три, не гулять, а собирать травы, насѣкомыхъ... Но любимымъ его занятіемъ было потрошить лягушекъ, наблюдать за инфузоріями и за какими-то химическими составами». Иного «дѣла» онъ не имѣлъ; правда, онъ только готовился къ дѣлу и отдыхалъ въ деревнѣ лѣтомъ, т. е. могъ и ничего не дѣлать. Зимой онъ, вѣроятно, работалъ по болѣе систематичной и полной программѣ. Мы не знаемъ, обладалъ ли онъ настоящимъ научнымъ міросозерцаніемъ; онъ велъ какіе-то длинные споры съ Аркадіемъ, но авторъ не говоритъ на какія темы. Съ другими лицами онъ

въ разсужденія научныя и философскія не пускался, и только нѣкоторыя его сентенціи позволяютъ намъ предположить, что, работая надъ деталями естественныхъ наукъ, онъ не чуждъ былъ нѣкоторыхъ обобщеній; ему напр. очень нравилась такая обобщающая, смѣлая по своимъ голословнымъ выводамъ книга, какъ трактатъ Бюхнера «Stoff und Kraft», которой онъ предлагалъ замѣнить Пушкина на письменномъ столѣ Кирсанова. Иногда Базаровъ самъ разрѣшалъ себѣ афоризмы въ современномъ философскомъ духѣ; такъ, напр., онъ утверждалъ, что «порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта». На замѣчаніе Аркадія, что надо быть справедливымъ, онъ, исходя, очевидно, изъ наблюденій надъ работой химическихъ и физическихъ силъ въ природѣ, спрашивалъ: «А изъ чего слѣдуетъ, что надо быть справедливымъ?» «Важно то, замѣчалъ онъ глубокомысленно, что дважды два четыре, а остальное все пустяки»; что онъ хотѣлъ сказать этимъ афоризмомъ, не совсѣмъ ясно, какъ не ясно и знаменитое его изреченіе: «Природа не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ».

Если бы Базаровъ выступилъ съ такими рѣчами не въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, а въ серединѣ шестидесятыхъ, тогда, когда Писаревъ уговаривалъ всѣхъ молодыхъ людей начинать свое самообразованіе съ естественныхъ наукъ, отъ нихъ ждать спасенія и разрѣшенія всѣхъ тайнъ науки о мірѣ и духѣ — то нашъ герой могъ бы вполнѣ разсчитывать на симпатію читателя. Но въ годы, о которыхъ говоримъ мы, диктатура естественныхъ наукъ еще провозглашена не была; Тургеневъ лишь угадывалъ ея наступленіе и могъ случайно столкнуться лишь съ первыми піонерами новаго культа естествознанія, съ людьми, которые были ослѣплены яркими афоризмами науки, имъ мало еще знакомой, и потому такъ много обѣщавшей. Такіе люди, въ особенности столь скупые на слова, какъ Базаровъ, не могли разсчитывать пока на большой кругъ лицъ, съ ними во всемъ согласныхъ. Критика, публицистика и наука 1855—1861 годовъ пріучала читателя къ серьезному раздумью надъ выработкой новаго философскаго міросозерцанія, много и часто говорила о старой философіи идеализма и о замѣнѣ ея новой философіей, построенной на началахъ матеріализма или «антропологіи». Читатель, болѣе или менѣе серьезный, привыкъ быть свидѣтелемъ состязанія Гегеля и Фейербаха на страницахъ самаго излюбленнаго молодежью передового журнала, и отъ Базарова онъ естественно могъ потребовать болѣе или менѣе яснаго сужденія объ идейномъ спорѣ, который имѣлъ столь значительныя практическія послѣдствія.

Базаровъ никакихъ сужденій не высказывалъ и, повидимому, этимъ споромъ не интересовался. Онъ философію считалъ «романтизмомъ» и не любилъ ее.

Если молодой читатель могъ въ чемъ согласиться съ Базаровымъ, такъ это въ его нелюбви къ эстетикѣ, къ эстетическимъ эмоціямъ, къ искусству вообще..., но и въ данномъ случаѣ молодые люди конца пятидесятыхъ годовъ врядъ ли были такъ нетерпимо настроены по отношенію къ искусству,—какъ эта черта сказалась въ нихъ позднѣе, къ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, когда Писаревъ предоставилъ въ ихъ распоряженіе свой блестящій талантъ громителя и разрушителя эстетики. Базаровъ, какъ цѣнитель искусства, опередилъ свой вѣкъ и могъ казаться слишкомъ рѣшительнымъ въ своихъ сужденіяхъ. Врядъ ли многіе изъ молодыхъ читателей могли съ нимъ согласиться въ томъ, что «романтизмъ, чепуха, гниль и художество» одно и то же, что «Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ», что «виды природы могутъ заинтересовать человѣка скорѣе съ точки зрѣнія геологической, чѣмъ эстетической, что Пушкинъ, должно быть, служилъ въ военной службѣ, такъ какъ на каждой страницѣ все кричалъ «на бой! на бой!» и что «на небо только тогда надо смотрѣть, когда чихнуть хочется». Но, можетъ быть, Базаровъ всѣ эти глупости говорилъ шутя или съ озорства? Едва-ли, однако.

Всѣ вопросы общаго теоретическаго характера, а также и всѣ вопросы практическіе, вытекающіе изъ общихъ положеній сведены Базаровымъ къ чистому отрицанію.

«Хотите, я вамъ скажу, что онъ собственно такое? — говоритъ Аркадій отцу.—Онъ нигилистъ.

— Нигилистъ, — проговорилъ Николай Петровичъ, — это отъ латинскаго nihil—ничего; стало быть, это слово означаетъ человѣка, который ничего не признаетъ? Который ничего не уважаетъ?

— Который ко всему относится съ критической точки зрѣнія, замѣтилъ Аркадій.—Нигилистъ—это человѣкъ, который не склоняется ни передъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ»...

Аркадій—неправъ; Базаровъ не былъ «критически мыслящей личностью». Онъ былъ отрицатель; онъ критиковалъ все ради отрицанія, а не ради замѣны стараго чѣмъ-нибудь новымъ. Припертый къ стѣнѣ Павломъ Кирсановымъ, Базаровъ, правда, разсерженный и потому умышленно рѣзкій, говоритъ очень откровенно: «на что намъ логика исторіи? мы безъ нея обходимся.

Мы дѣйствуемъ въ силу того, что мы признаемъ полезнымъ. Въ теперешнее время полезнѣе всего отрицаніе,—мы отрицаемъ. Все... все... Строить, это уже не наше дѣло... Сперва нужно мѣсто расчистить»... Когда Кирсановъ спрашиваетъ Базарова: а собираются ли нигилисты *дѣйствовать* въ направленіи разрушенія,—Базаровъ молчитъ, но за него отвѣчаетъ Аркадій, очевидно, съ согласія своего учителя: «мы ломаемъ, потому что мы сила, и сила такъ и не даетъ отчета». «Коли насъ раздавятъ,—добавляетъ Базаровъ,—туда намъ и дорога, но насъ не такъ мало».

Ни одинъ Кирсановъ, слушая такія рѣчи, могъ сказать: «странный человѣкъ! въ принципы не вѣритъ, а въ лягушекъ вѣритъ!» Слишкомъ ужъ велико несоотвѣтствіе между смѣлостью отрицанія Базарова и тѣмъ дѣломъ, которому онъ служитъ.

Да, въ сущности, какому онъ служитъ дѣлу? Онъ готовится къ *какому-то* дѣлу, очень пока неясному, и кто знаетъ, что это дѣло дастъ нашему обществу, нашему народу? Любой изъ молодыхъ читателей (не говоря уже о старшихъ) могъ задуматься надъ такимъ вызовомъ, брошеннымъ прошлому безъ всякаго прикрытія какими-либо планами будущаго. Молодежь также отрицала многое, можетъ быть, и все, но передъ ея глазами всегда была картина новой жизни и образъ новаго человѣка, который созидаетъ... Голое отрицаніе могло читателя поразить непріятно, даже въ томъ случаѣ, если онъ ничего не желалъ удерживать изъ прошлаго. Но читатель все-таки могъ Базарову простить такую теоретическую расправу съ жизнью въ надеждѣ найти въ немъ живой отзвукъ хоть на нѣкоторые практическіе ея вопросы.

Демократъ по рожденію и по убѣжденіямъ, Базаровъ попалъ въ дворянскую среду... Далъ ли онъ ей понять законность и разумность своего образа мыслей и отстоялъ ли онъ съ достоинствомъ свое положеніе въ враждебномъ лагерѣ? Едва-ли. Положимъ, гостепріимство хозяевъ обязывало его быть сдержаннымъ (впрочемъ, онъ врядъ ли сталъ бы считаться съ этимъ соображеніемъ), но, все-таки, онъ могъ, не тратя словъ, а молчаливо дать дворянамъ понять, что заслуживаетъ и требуетъ себѣ признанія. Онъ велъ себя съ ними пренебрежительно, вызывающе, но ни разу не поставилъ себя ни словомъ, ни дѣломъ въ такое положеніе, которое вызвало бы въ старикахъ чувство уваженія къ нему. Наговорилъ онъ имъ много задорныхъ, но общихъ фразъ о преимуществѣ молодого поколѣнія надъ старымъ, упрекнулъ Павла Кирсанова въ томъ, что онъ сидитъ сложа руки (Кирсановъ могъ бы вернуть ему этотъ упрекъ), повелъ себя неделикатно съ Ѳеничкой и грубо съ Одинцовой, и никому рѣши-

тельно, за исключеніемъ деревенскихъ мальчишекъ, не далъ почувствовать преимущество демократическаго принципа надъ аристократическимъ. А аристократы тѣмъ временемъ успѣли доказать ему, что ихъ принципы допускаютъ весьма гуманное отношеніе къ ближнему. Павелъ Кирсановъ, напр., забывъ свои дворянскіе предразсудки и отстаивая честь брата, вызвалъ Базарова на дуэль, Николай Кирсановъ съ одобренія брата женился на Ѳеничкѣ, Одинцова пріѣхала облегчить Базарову его прощаніе съ жизнью. Аристократы оказались столь незлобивы, справедливы и дальновидны, что, *вопреки* поведенію Базарова и *не считаясь* съ его словами, сами задали себѣ вопросъ: «А не въ томъ ли состоитъ преимущество Базарова, что въ немъ меньше слѣдовъ барства, чѣмъ въ насъ?»

Базаровъ былъ, очевидно, очень неумѣлый и нетактичный защитникъ демократизма, и тонко чувствующему демократу-читателю могло стать и досадно, и неловко при разсказѣ о томъ, какъ велъ себя его единомышленникъ.

Да былъ ли Базаровъ демократомъ въ прямомъ смыслѣ этого слова? Демократу полагается, если не отдавать себя въ услуженіе народу, то хоть быть объ этомъ народѣ болѣе или менѣе высокаго мнѣнія, или обнаруживать къ нему извѣстную долю симпатіи. Представить себѣ молодого прогрессиста конца пятидесятыхъ годовъ, свидѣтеля всѣхъ подготовительныхъ работъ по освобожденію крестьянъ,—индифферентнымъ къ вопросу о судьбахъ народа и грубымъ въ обращеніи съ нимъ—довольно трудно. А Базарова можно упрекнуть и въ невниманіи, и въ грубости.

«Мой дѣдъ землю пахалъ, — говоритъ онъ съ надменной гордостью Павлу Кирсанову.—Спросите любого изъ вашихъ мужиковъ, въ комъ изъ насъ—въ васъ или во мнѣ—онъ скорѣе признаетъ соотечественника. Вы и говорить-то съ нимъ не умѣете.

— А вы говорите съ нимъ и презираете его въ то же время.

— Что жъ коли онъ заслуживаетъ презрѣнія!».

И никакихъ устоевъ народной жизни Базаровъ признать не желаетъ. Община, круговая порука, трезвость... все это для него—«штучки».

Мужика и посѣчь можно. «Мой отецъ на-дняхъ велѣлъ высѣчь одного своего оброчнаго мужика,—разсказываетъ Базаровъ Аркадію,—и очень хорошо сдѣлалъ, да, да, не гляди на меня съ такимъ ужасомъ—очень хорошо сдѣлалъ, потому что воръ и пьяница онъ страшнѣйшій».

«Иногда Базаровъ отправлялся на деревню и, подтрунивая

по обыкновенію, вступалъ въ бесѣду съ какимъ-нибудь мужикомъ: «ну, говорилъ онъ ему, излагай мнѣ свои воззрѣнія на жизнь, братецъ: вѣдь въ васъ, говорятъ, вся сила и будущность Россіи, отъ васъ начнется новая эпоха въ исторіи, вы намъ дадите и языкъ настоящій, и законы... Ты мнѣ растолкуй, что такое есть вашъ міръ? И тотъ ли это самый міръ, что на трехъ рыбахъ стоитъ?

Мужикъ, конечно, не понималъ такой тонкой ироніи и бормоталъ въ отвѣтъ затверженныя хитрыя слова: «вы наши отцы! чѣмъ строже баринъ взыщетъ, тѣмъ милѣе мужику!..» И Базаровъ презрительно пожималъ плечами... Но и мужикъ, отойдя отъ Базарова на почтительное разстояніе, съ «небрежной суровостью» говорилъ: «Такъ, болтаетъ кое-что; языкъ почесать захотѣлось. Извѣстно, баринъ, развѣ онъ что понимаетъ?»

«Увы! добавлялъ отъ себя Тургеневъ,—Базаровъ этотъ, презрительно пожимавшій плечомъ, умѣвшій говорить съ мужиками Базаровъ, этотъ самоувѣренный Базаровъ и не подозрѣвалъ, что онъ въ глазахъ мужика былъ все-таки чѣмъ-то въ родѣ шута гороховаго...»

Читатель начиналъ сердиться; но одно соображеніе могло прицти ему въ голову:—если Базаровъ былъ самъ мужикъ по рожденію, то, быть можетъ, онъ и имѣлъ нѣкоторое право на такое отношеніе къ народу? Въ устахъ дворянина такія рѣчи звучали оскорбленіемъ, въ устахъ человѣка, вышедшаго изъ народа, они могли быть лишь словами гнѣва. Быть можетъ, страдая душой за мужика, Базаровъ не могъ сдержать своего раздраженія... Но одно признаніе, имъ сдѣланное, лишало читателя возможности именно такъ истолковать слова Базарова и его глумленіе.

«Вотъ ты сегодня сказалъ,—говорилъ Базаровъ Аркадію,—что Россія тогда достигнетъ совершенства, когда у послѣдняго мужика [будетъ хорошая изба] и что всякій изъ насъ долженъ этому способствовать... А я и *возненавидѣлъ* этого послѣдняго мужика, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасиба не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо?—Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ»...

Нельзя отъ человѣка требовать, чтобы онъ смотрѣлъ на свою жизнь не какъ на цѣль личнаго счастья, а какъ на средство ко благу ближняго. Но зачѣмъ же ненавидѣть тѣхъ людей, которые ждутъ отъ тебя добровольной жертвы? И въ данномъ случаѣ Базаровъ упредилъ свое время и былъ болѣе похожъ на нѣкоторыхъ «индивидуалистовъ» шестидесятыхъ годовъ, чѣмъ

на своихъ современниковъ наканунѣ освобожденія, которые заботу о благѣ народа считали первымъ и неотложнымъ требованіемъ дня.

Молодой читатель, не найдя ни въ словахъ, ни въ поступкахъ Базарова ничего не только героическаго, но даже возбуждающаго для ума и сердца,—могъ отказаться отъ желанія предъявлять этому человѣку какія-либо широкія общественныя требованія и могъ захотѣть познакомиться съ нимъ поближе, просто какъ съ личностью. И читатель изъ этого знакомства опять выносилъ непріятное впечатлѣніе. Онъ сталъ слѣдить за Базаровымъ въ тѣ минуты, когда онъ подходилъ къ женщинѣ, т. е. въ минуты, когда человѣкъ способенъ на наибольшія уступки, на самопожертвованіе и на забвеніе самого себя.

«Базаровъ былъ великій охотникъ до женщинъ и до женской красоты, но любовь въ смыслѣ идеальномъ, или, какъ онъ выражался, романтическомъ, называлъ белибердой, непростительной дурью, считалъ рыцарскія чувства чѣмъ-то въ родѣ уродства или болѣзни... «Нравится тебѣ женщина,—говаривалъ онъ,—старайся добиться толку; а нельзя—ну, не надо, отвернись—земля не клиномъ сошлась». Бракъ онъ, конечно, считалъ предразсудкомъ. Вопросъ—хорошенькая ли женщина? былъ первый, который онъ ставилъ, когда ему предлагали новое знакомство. Когда онъ встрѣтился съ Одинцовой, первое, что́ бросилось ему въ глаза, были ея плечи. «Этакое богатое тѣло,—воскликнулъ онъ,—хоть сейчасъ въ анатомическій театръ!» Положимъ, Базаровъ въ этихъ рѣзкихъ словахъ искалъ защиты противъ того романтическаго чувства, которое его самого охватило при встрѣчѣ съ Одинцовой; положимъ, во всѣхъ своихъ достаточно циничныхъ афоризмахъ онъ могъ быть не вполнѣ искренненъ, могъ до извѣстной степени становиться въ позу. Но молодой читатель,—самъ, быть можетъ, охотникъ до женщинъ,—могъ спросить, неужели же мы всѣ такіе грубые, и умышленно грубые, неужели, несмотря на всѣ наши трезвые взгляды, мы въ любви ищемъ прежде всего физическаго наслажденія? Это, конечно, не такъ, потому что вѣдь и самъ Базаровъ не уберегъ себя отъ романтизма и на нашихъ глазахъ дважды, хоть и мимолетно, былъ влюбленъ по-старому, по-настоящему. Не онъ ли вдругъ попросилъ у Ѳенички красную розу?!. Не онъ ли просилъ Одинцову, чтобы она «дунула на умирающую лампу» и поцѣлуемъ благословила его на смерть?

Дѣйствительно, какъ въ эти два момента герой себѣ не вѣренъ! Но почему въ душѣ читателя отъ этихъ двухъ эпизодовъ

остается опять какое-то непріятное чувство? Потому ли, что роза была нужна Базарову лишь для того, чтобы поцѣловать Ѳеничку въ раскрытыя губы, послѣ чего ему самому стало «презрительно, досадно»... а поцѣлую Одинцовой предшествовала довольно грубая и дикая сцена, когда у Базарова было «почти звѣрское лицо»? Неужели, спрашивалъ читатель, молодые люди нашего поколѣнія въ дѣлахъ любви такъ неумѣлы, косолапы и прозаичны? А, можетъ быть, во всемъ виновата, дѣйствительно, грубая натура Базарова? А онъ, повидимому, тонко чувствовать не умѣетъ.

Почему онъ такъ безсердеченъ и черствъ въ своихъ отношеніяхъ къ родителямъ? Мы согласны, разсуждалъ молодой читатель, что вопросъ о родителяхъ въ настоящее время,—вопросъ сложный. Родители не всегда одобряютъ образъ нашихъ мыслей и наше поведеніе; случается, что они намъ препятствуютъ стать на новую дорогу жизни; иногда оказываютъ прямое давленіе на насъ, не останавливаясь даже передъ насиліемъ. Но развѣ родители Базарова, эти два добрѣйшихъ, смирнѣйшихъ и любящихъ существа, развѣ они въ чемъ-нибудь провинились передъ сыномъ? Почему, зная, какъ они ждутъ его домой, ко дню его ангела, онъ говоритъ равнодушно,—ну, подождутъ, что за важность! Неужели онъ не чувствуетъ, что этотъ «презабавный старикашка», какъ онъ зоветъ отца, и женщина «безъ хитрости», какъ онъ аттестуетъ свою мать, живутъ лишь имъ и готовы поступиться ради него всѣми скромными благами жизни и всѣми предразсудками? Базаровъ говоритъ Аркадію, что онъ стариковъ «любитъ», но какая это все-таки странная любовь! Какъ скупъ онъ не только на нѣжность съ ними, но даже на простое вниманіе! «Ему было не до того, чтобы разбирать, что именно выражали глаза его матери: онъ рѣдко обращался къ ней и то съ коротенькимъ вопросомъ... «Я слышу, какъ она вздыхаетъ за стѣной,—говоритъ онъ,—а выйдешь къ ней—и сказать ей нечего». Даже въ страшныя минуты сознанія близости смерти, Базаровъ не нашелъ словъ истинной любви для несчастныхъ стариковъ. Онъ или не думалъ о нихъ, или впадалъ въ какой-то излишне развязный тонъ... Неужели онъ былъ человѣкъ черствый?

Мимо нѣкоторыхъ признаній Базарова, очень интимныхъ, касающихся его собственной личности и его отношенія къ людямъ, читатель не могъ пройти безъ недоумѣнія. «Мнѣ, пойми ты это,—говорилъ онъ Аркадію,—мнѣ нужны олухи. Не богамъ же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигать!.. Вонъ моло-

децъ муравей, тащитъ полумертвую муху. Тащи ее, братъ, тащи! Не смотри на то, что она упирается, пользуйся тѣмъ, что ты, въ качествѣ животнаго, имѣешь право не признавать чувства состраданія, не то, что нашъ братъ, «самоломанный!» «Я вовсе не добръ», — говоритъ Базаровъ Одинцовой. «Онъ хищникъ»,—говоритъ про него Катя Одинцова.

Онъ несомнѣнный хищникъ, но хищникъ какъ будто съ благими цѣлями... «Для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не созданъ,—говоритъ онъ Аркадію.—Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости, ни злости, а есть молодая смѣлость, да молодой задоръ; для *нашего дѣла* это не годится. Наша пыль тебѣ глаза выѣстъ, наша грязь тебя замараетъ, да ты и не доросъ до насъ, ты невольно любуешься собою, тебѣ пріятно самого себя бранить: а намъ это скучно,— намъ другихъ подавай! намъ другихъ ломать надо! Ты славный малый, но ты все-таки мякенькій, либеральный баринъ!»

Очевидно *какое-то* дѣло Базаровымъ задумано. Для этого дѣла нужна и злость и дерзость, для него нужна горькая, терпкая жизнь; совершая его, надо пройти черезъ грязь, до него надо дорости, надо имѣть смѣлость сломать другихъ; для этого дѣла нужна толпа олуховъ, которыми можно распорядиться...

Молодой читатель могъ быть въ данномъ случаѣ согласенъ съ Базаровымъ. Онъ чувствовалъ, что великое дѣло всяческаго обновленія не можетъ обойтись безъ сильныхъ людей, съ желѣзной волей, людей даже жесткихъ, обрекающихъ себя на страданіе, не боящихся замараться въ схваткахъ съ житейской грязью, людей даже жестокихъ, привыкшихъ ломать другихъ и повелѣвать ими, во всякомъ случаѣ людей иныхъ, чѣмъ недавніе либеральные баре.

Какъ сильный характеръ, Базаровъ пожалуй могъ молодымъ читателямъ понравиться. Но не одинъ вопросъ могли они задать ему. Они могли спросить: въ какихъ же очертаніяхъ рисуется ему то дѣло, какимъ онъ хочетъ оправдать всѣ странности своего поведенія? На какія здоровыя силы хочетъ онъ опереться? Почему онъ не ищетъ товарищей? Почему онъ молчитъ по всѣмъ вопросамъ общаго характера, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ направленіе новаго практическаго дѣла? Почему онъ не указываетъ никакихъ ближайшихъ задачъ, на рѣшеніе которыхъ должны быть направлены силы? Почему онъ такъ одинокъ не только среди людей, но и среди всѣхъ дѣлъ и задачъ, которыя со всѣхъ сторонъ надвигаются и тре-

буютъ пересмотра? Неужели онъ только отрицатель, отрицатель и только? Неужели только нигилистъ?

Да встрѣчаются ли въ жизни отрицатели въ чистомъ видѣ? Теоретически ихъ существованіе признать, конечно, возможно. Взгляды, чувства и житейскія программы мѣняются; на смѣну имъ идутъ другіе и всегда моментъ отрицанія стараго предшествуетъ созиданію новаго; но врядъ ли процессъ отрицанія можетъ быть обособленъ отъ процесса созиданія: они протекаютъ параллельно и одновременно. Базаровъ, не имѣющій никакихъ положительныхъ плановъ (положительные идеалы у него, вѣроятно, были, хотя онъ о нихъ упорно молчалъ), Базаровъ, только отрицающій все и не имѣющій ничего предложить на замѣну разрушеннаго—не могъ произвести впечатлѣніе живого человѣка: онъ отражалъ собою лишь одну частицу живой души людей живущихъ, и молодые люди, встрѣчаясь съ нимъ, понимали, что что-то правдивое есть въ его словахъ и чувствахъ, но что таковъ, какимъ онъ выведенъ, онъ въ союзники и товарищи не годится, такъ какъ ни одно изъ достоинствъ молодого ума и сердца въ немъ не проявляется, а все то, что́ со стороны кажется недостаткомъ и порокомъ, въ немъ рѣзко обозначено. Какого бы высокаго мнѣнія о себѣ ни была молодежь, какъ бы она ни цѣнила смѣлость, рѣзкость, даже грубость удара, она все-таки желала, чтобы эта сила была оправдана какимъ-нибудь гуманнымъ принципомъ. А въ томъ, что́ говорилъ и дѣлалъ Базаровъ, никакой гуманности не было.

VII.

Странно было бы въ наши дни со страстью нападать на Базарова; много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ разсердилъ своихъ современниковъ, и все, что́ случилось послѣ его смерти, позволяетъ намъ быть, болѣе справедливыми къ нему. И не столько къ нему, сколько къ Тургеневу. Тургеневъ, конечно, не имѣлъ въ мысляхъ сказать молодежи лѣваго лагеря что-нибудь обидное, хотя самъ, можетъ быть, и чувствовалъ себя обиженнымъ кое-кѣмъ изъ ея среды. Вполнѣ спокоенъ—какъ надлежало быть художнику старыхъ традицій—онъ однако не былъ. Желаніе посмѣяться надъ смѣшными сторонами людей новой формаціи онъ въ себѣ не могъ осилить и, выводя на сцену «олуха» Ситникова и даму эмансипе́ Кукшину, погрѣшилъ не противъ правды, а противъ художественнаго такта.

Работая надъ портретомъ Базарова, художникъ зналъ, что онъ берется говорить о самомъ существенномъ вопросѣ современности: онъ первый возымѣлъ смѣлость раскрыть молодую душу передъ читателемъ. Писатель старался проникнуть въ тайну этой души и одну изъ характерныхъ чертъ ея онъ несомнѣнно уловилъ. Онъ отмѣтилъ въ Базаровѣ—силу удара и наскока на существующее и торжествующее... Художникъ вооружилъ Базарова ломомъ и придалъ ему для этой работы соотвѣтствующую мускулатуру и нервную систему... Его устами онъ произнесъ то слово «дерзай», которое было лозунгомъ его эпохи и ближайшихъ послѣдующихъ годовъ. Этому дерзанію принесены были въ жертву всѣ нѣжныя чувства, всѣ мечты и слова объ идеалѣ, всякая забота о ближайшемъ дѣлѣ, всякая уступка кому бы то ни было,—все, кромѣ сознанія силы своей личности и своей правоты, пока никакими поступками не оправданной, но въ ожиданіи какого-то большого и труднаго подвига.

Значеніе такого дерзанія было ясно всѣмъ, но всѣ привыкли понимать его не иначе какъ въ связи съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ дѣломъ. Въ чистомъ своемъ видѣ оно могло производить впечатлѣніе непріятное. Натуры, которыя ощущали его въ себѣ и притомъ въ сильной степени, и могли бы жить имъ независимо отъ мысли о приложеніи его къ практическому дѣлу—встрѣчались рѣдко.

VIII.

Современники, единомышленники Базарова остались имъ очень недовольны.

Передовой журналъ, въ которомъ Тургеневъ до 1861 года состоялъ ближайшимъ сотрудникомъ, первый долженъ былъ отозваться на выступленіе своего недавняго союзника въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Добролюбова, голосъ котораго въ данную минуту имѣлъ бы особую цѣну, въ живыхъ не было, Чернышевскій отъ литературной критики давно отошелъ и отвѣтъ былъ порученъ молодому публицисту М. А. Антоновичу.

Въ ряду молодыхъ сотрудниковъ «Современника» М. А. Антоновичъ,—и до нашихъ дней на пользу русской науки здравствующій,—пользовался большимъ авторитетомъ. Чернышевскій былъ весьма высокаго мнѣнія объ его знаніяхъ и талантѣ, и онъ намѣчался въ наслѣдники Добролюбову. Но особой любви къ литературѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова Антоновичъ въ тѣ годы не обнаруживалъ, и кажется, что роль присяжнаго критика

была ему до извѣстной степени навязана необходимостью, тѣмъ труднымъ положеніемъ, въ какомъ очутился журналъ, потерявъ такъ неожиданно Добролюбова.

Симпатіи Антоновича лежали въ сферѣ философскаго мышленія, и въ 1861 году онъ въ «Современникѣ» былъ самымъ убѣжденнымъ и краснорѣчивымъ апологетомъ матеріализма вообще и Фейербаха въ частности [1]). Онъ отстаивалъ необходимость близкаго знакомства по возможности со всею областью положительныхъ и точныхъ знаній; подробно и добросовѣстно излагалъ систему Гегеля и доказывалъ, что она не годится для нашего времени; близко къ сердцу принималъ онъ судьбы философіи въ Россіи и съ жаромъ нападалъ на стариковъ, оффиціальныхъ представителей философской каѳедры въ университетахъ въ родѣ проф. Гогоцкаго и на молодыхъ, которые не рѣшаются освободиться отъ соблазновъ идеализма, какъ напр. П. Л. Лавровъ.

Отцовъ Антоновичъ обвинялъ въ томъ, что они думаютъ надъ неразрѣшимой задачей соглашенія вѣры и разума, стремятся укоротить права разума религіозными догматами и церковной традиціей; въ томъ, что, не имѣя никакихъ знаній въ области естественныхъ наукъ, они берутся судить о такихъ философскихъ доктринахъ, которыя безъ этихъ знаній разработаны быть не могутъ. Антоновичъ предостерегалъ философовъ старой школы отъ манеры не читать ни одной современной строчки, не промолвить съ живымъ человѣкомъ ни одного слова и отгораживаться стѣной отъ выдвинутыхъ жизнью вопросовъ. «Ужель философія такъ ужъ возвышенна, спрашивалъ онъ, что ей и спуститься нельзя къ обыкновеннымъ смертнымъ? Отчего наши философы сторонятся отъ разсужденій о благѣ и благополучіи, о воспитаніи, добродѣтели, долгѣ, законѣ, идеалѣ искусствѣ, изящномъ и проч.?» Всего больше сердился Антоновичъ на стариковъ за то, что они всѣмъ, кто мыслитъ иначе, чѣмъ они, бросаютъ въ лицо упрекъ въ безнравственности; «зачѣмъ про своихъ враговъ въ области мышленія, т. е. про молодыхъ послѣдователей матеріализма, они такъ беззастѣнчиво распускаютъ дурные слухи?» спрашивалъ онъ. «Зачѣмъ они говорятъ про нихъ, что они «безпрерывно поглощены удовлетвореніемъ своихъ страстей, что идеи помрачены въ ихъ духѣ плотоугодіемъ и своекорыстіемъ? Зачѣмъ прибѣгать къ такимъ пріемамъ, которые не подвинутъ ни на шагъ работу надъ раскрытіемъ истины и только спо-

[1]) «Современная философія», «Современникъ» 1861 II. «Два типа современныхъ философовъ» 1861 г. IV. «О гегелевой философіи» 1861 VIII.

собны обозлить людей, которые должны сообща и спокойно работать?»

Молодыхъ философовъ, т. е. людей, которые хотятъ новые идеалы жизни поставить подъ защиту старыхъ философскихъ системъ, и со старымъ методомъ приступаютъ къ рѣшенію новыхъ вопросовъ знанія—Антоновичъ призывалъ покинуть старую плохо защищенную позицію и стать подъ новое знамя. «Кто долго мучился въ удушливой атмосферѣ мрачныхъ подваловъ старой философіи, писалъ онъ, кто испытывалъ на себѣ всю тягость ея деспотическаго гнета, кто послѣ отчаянныхъ усилій ума какъ-нибудь осмыслить для себя ея систему и освободиться отъ ея противорѣчій—смутно чувствовалъ ея неестественность и неудовлетворительность, тотъ живо понимаетъ и сознаетъ значеніе и привлекательную силу новыхъ философскихъ системъ... Кто можетъ разсуждать самостоятельно, кто способенъ хоть на самое скромное сомнѣніе—тотъ необходимо пойдетъ по пути, какой прокладаютъ для человѣка новыя современныя системы философіи. Въ нихъ все такъ просто и естественно; міръ, съ его явленіями, въ томъ числѣ и человѣкомъ, разсматриваются, какъ они есть и какъ мы видимъ ихъ на самомъ дѣлѣ; всякій видитъ въ нихъ что-то родное, близкое: замѣчаетъ, что тутъ дѣло идетъ именно объ немъ и о его дѣйствительной жизни, а не о какихъ-то абсолютныхъ привидѣніяхъ. А главное—тутъ никто никогда не потребуетъ неестественныхъ жертвъ, отреченія отъ законовъ и требованій ума и мысли: принужденій, страха и наказаній нѣтъ никакихъ... ...Если бы не механическія поддержки, старая философія распалась бы давно; да и теперь обратите вниманіе на образъ воззрѣнія образованнаго большинства, на дѣятельныя практическія убѣжденія самихъ защитниковъ ея, и вы увидите, на чьей сторонѣ перевѣсъ».

Спасеніе философіи въ матеріализмѣ, въ «антропологіи», въ антропологическомъ принципѣ, т. е. въ ученіи Фейербаха. Если бы Базаровъ, — вопреки своему рѣшенію не спорить о философскихъ принципахъ—вступилъ въ разговоръ на эту тему съ Антоновичемъ, онъ нашелъ бы въ немъ единомышленника, и Антоновичъ, съ своей стороны, привѣтствовалъ бы въ Базаровѣ молодого адепта новой философіи, поклонника естественныхъ наукъ и сторонника «антропологіи».

А между тѣмъ, никто изъ молодыхъ читателей не вынесъ изъ встрѣчи съ Базаровымъ такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ именно Антоновичъ, и никто не былъ такъ сердитъ на Тургенева, какъ онъ. Въ мартовской книжкѣ «Современника» 1862 года,

появилась столь нашумѣвшая тогда статья Антоновича, подъ заглавіемъ «Асмодей нашего времени». За статьей этой остается значеніе историческаго документа, такъ какъ она, несомнѣнно, выражала не только личное мнѣніе одного сотрудника, а мнѣніе самой редакціи о Базаровѣ, объ этомъ первомъ представителѣ молодого поколѣнія, который теперь изъ жизни, какъ обобщенный образъ, переходилъ въ литературу. Статья Антоновича являлась до извѣстной степени отвѣтомъ самой молодежи на вопросъ—насколько вѣрно и полно были уловлены Тургеневымъ господствующія черты ея ума и характера.

«Молодое поколѣніе, всегда довѣрчивое, — писалъ Антоновичъ, — заранѣе услаждалось надеждой увидѣть свой портретъ, нарисованный искусной рукою симпатическаго художника, портретъ, который будетъ содѣйствовать развитію самосознанія молодежи и сдѣлается ея руководителемъ. Молодежь думала, что она посмотритъ на самое себя со стороны, критически взглянетъ на свое изображеніе въ зеркалѣ таланта и лучше пойметъ себя, свои достоинства и недостатки, свое призваніе и назначеніе». И что же? «Чтеніе романа обдаетъ какимъ-то мертвящимъ холодомъ; вы не живете съ дѣйствующими лицами романа, не проникаетесь ихъ жизнью, а начинаете холодно разсуждать съ ними. Вы забываете, что передъ вами лежитъ романъ талантливаго художника, и воображаете, что вы читаете морально-философскій трактатъ, но плохой и поверхностный, который, не удовлетворяя уму, тѣмъ самымъ производитъ непріятное впечатлѣніе и на ваше чувство. Въ романѣ, за исключеніемъ одной старушки, нѣтъ ни одного живого лица, а все только отвлеченныя идеи и разныя направленія, олицетворенныя и названныя собственными именами, а главное, къ этимъ несчастнымъ, безжизненнымъ личностямъ Тургеневъ не имѣетъ ни малѣйшей жалости, ни капли сочувствія и любви, того чувства, которое зовется гуманнымъ. Тургеневъ питаетъ къ нимъ какую-то личную ненависть и непріязнь, какъ будто они лично сдѣлали ему какую-нибудь обиду и пакость, и онъ старается отомстить имъ на каждомъ шагу... Главный герой романа человѣкъ не глупый—напротивъ, очень способный и даровитый, изобрѣтательный, прилежно занимающійся и много знающій, а между тѣмъ въ спорахъ онъ совершенно теряется, высказываетъ безсмыслицы и проповѣдуетъ нелѣпости, непростительныя самому ограниченному уму. О нравственномъ характерѣ и нравственныхъ качествахъ героя и говорить нечего; это не человѣкъ, а какое-то ужасное существо, просто дьяволъ или, выражаясь болѣе поэтически, асмодей. Никогда ни одно чувство

не закрадывалось въ его холодное сердце; не видно въ немъ и слѣда какого-нибудь увлеченія или страсти; самую ненависть онъ отпускаетъ разсчитанно, по гранамъ. И, замѣтьте, этотъ герой—молодой человѣкъ, юноша! Онъ представляется какимъ-то ядовитымъ существомъ, которое отравляетъ все, къ чему ни прикоснется; всѣхъ вообще подчиняющихся его вліянію онъ учитъ безнравственности и безсмыслію; ихъ благородные инстинкты и возвышенныя чувства онъ убиваетъ своей презрительной насмѣшкой и ею же онъ удерживаетъ ихъ отъ всякаго добраго дѣла».

«Тургеневъ, однако, старается охарактеризовать молодыхъ людей возможно полнѣе и многостороннѣе; описываетъ ихъ тенденціи, излагаетъ ихъ общія философскія воззрѣнія на науку и жизнь, ихъ взгляды на поэзію и искусство, ихъ понятія о любви, объ эмансипаціи женщинъ, объ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ, о бракѣ». Но онъ видимо не расположенъ къ молодому поколѣнію, относится къ «дѣтямъ» даже враждебно. Романъ не что иное, какъ безпощадная и разрушительная критика молодого поколѣнія. Во всѣхъ современныхъ вопросахъ, умственныхъ движеніяхъ, толкахъ и идеалахъ, занимающихъ молодое поколѣніе, Тургеневъ не находитъ никакого смысла и даетъ понять, что они ведутъ только къ разврату, пустотѣ, прозаической пошлости и цинизму. Если бы въ авторѣ была хоть искра вѣрнаго и яснаго пониманія воззрѣній и стремленій молодежи, то она непремѣнно гдѣ-нибудь заблестѣла бы въ теченіе всего романа, но во всемъ романѣ мы не видимъ ни малѣйшаго намека на то, каково должно быть общее правило, лучшее молодое поколѣніе; всѣхъ «дѣтей», т. е. большинство ихъ, Тургеневъ суммируетъ въ одно и представляетъ всѣхъ ихъ какъ исключеніе, какъ ненормальное явленіе; смыслъ его романа нельзя формулировать такъ: между множествомъ хорошихъ дѣтей есть и дурныя; задача его приводится къ такой формулѣ: дѣти дурныя, а отцы хорошіе. Если въ романѣ есть тенденція охарактеризовать извѣстное направленіе и образъ мыслей—то мы въ правѣ требовать, чтобы авторъ не утрировалъ этого направленія, чтобъ представлялъ эти мысли не въ искаженномъ видѣ и каррикатурѣ, а такъ, какъ онѣ есть... Стараясь набросить невыгодную тѣнь на молодое поколѣніе, авторъ слишкомъ ужъ погорячился, перепустилъ, какъ говорится, и ужъ сталъ выдумывать такія небылицы, что вѣрится имъ съ большимъ трудомъ—и обвиненіе кажется пристрастнымъ... Авторъ направлялъ стрѣлы своего таланта противъ того, въ сущность чего онъ не проникъ. Онъ слышалъ разнообразные голоса,

видалъ новыя мнѣнія, наблюдалъ оживленные споры, но не могъ добраться до ихъ внутренняго смысла и потому въ своемъ романѣ онъ коснулся однѣхъ только верхушекъ, однихъ словъ, которыя произносились вокругъ него; понятія же, соединенныя съ этими словами, остались для него загадкою. Можно набрать тысячу еще болѣе рѣзкихъ и болѣе губительныхъ для «дѣтей» фактовъ, разукрасить ихъ цвѣтами фантазіи и поэтическаго воображенія, составить изъ нихъ романъ и также назвать его «Отцы и дѣти». Романъ Тургенева имѣетъ одностороннее значеніе и, вмѣсто обличенія, у него вышла клевета. Распространителей здравыхъ понятій между молодымъ поколѣніемъ онъ хотѣлъ представить развратителями юношества, сѣятелями раздора и зла, ненавидящими добро»...

Таковы были основныя мысли статьи Антоновича. Критикъ былъ очень раздраженъ, писалъ нервно, мѣстами злобно, приписалъ Тургеневу желаніе во что бы то ни стало очернить молодежь, наговорилъ автору много обидныхъ дерзостей, нерѣдко толковалъ слова и поступки Базарова превратно, силясь найти въ нихъ и глупость, и безнравственность, и злой умыслъ, которыхъ не было; особенно сердитъ былъ критикъ, когда ему пришлось говорить о философскихъ симпатіяхъ Базарова и объ его взглядахъ на женщину: видно было, что въ этихъ двухъ больныхъ вопросахъ молодой читатель чувствовалъ себя всего болѣе обиженнымъ, въ первую голову авторомъ, а затѣмъ Базаровымъ.

Много непріятностей причинила эта статья Антоновичу. Въ свое время она была прочтена съ любовью и удовольствіемъ молодыми людьми, которые не желали Базарова признать свримъ апостоломъ, и прочтена съ злорадствомъ тѣми, кто вообще не любилъ молодое поколѣніе. Потомъ, когда время сгладило остроту перваго впечатлѣнія, произведеннаго романомъ, и когда Базаровы смѣнились иными вождями, въ памяти людей, вспоминавшихъ тѣ годы, да и въ памяти тѣхъ, кто брался писать объ этихъ годахъ, сохранилось лишь воспоминаніе о томъ, что Антоновичъ отругалъ Тургенева, какъ Базаровъ Пушкина.

А между тѣмъ статья Антоновича имѣетъ большую историческую цѣнность. Она выражала не единичное мнѣніе какого-нибудь любителя словесности, а мнѣніе широкаго круга читателей, которымъ до словесности не было въ сущности никакого дѣла. Эти читатели были возмущены тѣмъ, что художникъ старшаго поколѣнія, много жившій и опытный въ рѣшенія разныхъ психологическихъ задачъ, такъ произвольно упростилъ въ своемъ

романѣ одну изъ труднѣйшихъ задачъ души человѣческой. Пусть художникъ и не имѣлъ въ виду умышленно опорочить молодое поколѣніе, пусть онъ добросовѣстно наблюдалъ жизнь, но зачѣмъ онъ такъ легкомысленно отнесся къ тѣмъ душевнымъ и умственнымъ бореніямъ, которыя молодежь такъ глубоко переживала, которыя стоили ей такихъ усилій надъ собою и, конечно, стоили многихъ страданій? Развѣ та сложная душа, мятежная, поставленная на распутіи между отрицаніемъ и утвержденіемъ, между ненавистнымъ прошлымъ и желаннымъ будущимъ, вынужденная отрекаться отъ многаго, что могло быть дорого—развѣ она была такъ проста, какъ невозмутимо самоувѣренна, спокойна и такъ часто груба и нечувствительна, какъ душа Базарова, для котораго всѣ вопросы рѣшены безповоротно, потому что большинство этихъ вопросовъ имъ отвергнуто безъ всякаго раздумья? Неужели разрушитель и отрицатель, и только отрицатель, былъ наиболѣе характернымъ и наиболѣе распространеннымъ типомъ среди всѣхъ молодыхъ душъ и умовъ, которые считали, что отрицаніе есть необходимая ступень къ новому строительству жизни? Антоновичъ былъ правъ, когда упрекалъ Тургенева въ томъ, что онъ освѣтилъ необычайно сложный вопросъ лишь съ одной стороны и выбралъ изъ среды молодежи представителя, который ни въ какомъ случаѣ не могъ быть представителемъ большинства. Пусть даже Тургеневъ не былъ тенденціозенъ въ этомъ выборѣ, онъ погрѣшилъ противъ правды жизни, которая была значительно сложнѣе, чѣмъ ему это показалось.

XI.

Молодой читатель не пожелалъ признать ни въ Молотовѣ, ни въ Базаровѣ близкаго товарища и друга. Наблюдая за своими сверстниками и за самимъ собой, онъ видѣлъ, что вопросы новой жизни рѣшаются далеко не такъ просто и такъ сплеча, какъ они рѣшены были Базаровымъ, и вовсе не такъ вяло и такъ осторожно, какъ ихъ рѣшалъ Молотовъ. Молотовъ готовился къ настоящей борьбѣ и настоящему дѣлу и застылъ въ его ожиданіи, утративъ и желаніе, и способность бороться. Мѣщанское счастье парализовало его силы. Базаровъ—тотъ избралъ иной путь: онъ также готовился къ борьбѣ и дѣлу, но думалъ, что такая подготовка можетъ обойтись безъ всякихъ душевныхъ и умственныхъ бореній, что одной силой своей воли и смѣлостью рѣшенія человѣкъ можетъ сразу и безболѣзненно

отречься отъ всего прошлаго, и, разрушивъ все, ждать, пока не онъ, а сама жизнь начнетъ строить на пустомъ мѣстѣ новое зданіе. Быть можетъ, такіе люди и встрѣчались въ жизни, но не они были солью молодежи.

Общая заключительная характеристика міросозерцанія молодежи и ея настроенія объяснитъ намъ, почему она такъ обидѣлась и разсердилась, когда «отцы» попрекнули ее тѣмъ, что она только разговариваетъ, критикуетъ, разрушаетъ и ничего не дѣлаетъ.

Несторъ Котляревскій.

ВЪ ПЛѢНУ.

(20—27 іюля 1914).

...Мы выѣхали изъ Берлина въ тотъ самый день, когда Германія объявила войну Россіи. Но мы не знали этого и оставались при убѣжденіи, что объявлена лишь всеобщая мобилизація...

На Friedrichstrasse-Bahnhof было столпотвореніе. Толпа кинулась въ вагоны, мѣстами пассажировъ подсаживали съ платформы на рукахъ въ окна вагоновъ, тою же дорогой выскакивали изъ вагоновъ провожавшіе, гдѣ-то звенѣли разбитыя стекла оконъ... Наконецъ, мы оставили за собой кипучій Берлинъ. Въ шестимѣстномъ купэ, кромѣ насъ, былъ еще молодой кавалерійскій офицеръ и пожилая интеллигентная дама. Ночь провели въ полудремотѣ, которая исчезала, какъ спугнутая птица, какъ только въ умѣ мелькала мысль: что будетъ завтра на границѣ? На другой день, 20-го іюля, съ утра въ поѣздѣ распространилось какое-то тревожное настроеніе, откуда-то ползло сомнѣніе, довезутъ ли насъ до границы. Кондуктора на этотъ вопросъ отвѣчали загадочно-неопредѣленно. Пассажиры—нѣмцы постепенно исчезали изъ поѣзда. Кавалерійскій офицеръ, съ которымъ я вступила въ разговоръ по поводу войны, заявилъ, что война, конечно, нежелательна, и что нѣмцы ея не хотятъ, а виноваты въ ней русскіе. «Es ist ihr Pech», сказалъ онъ мнѣ съ холодной усмѣшкой. Хуже всего въ такихъ разговорахъ было то, что въ послѣдніе дни мы были лишены свѣжихъ новостей изъ русскихъ газетъ, поздно доходившихъ до насъ, а потому сами не знали истиннаго положенія дѣлъ и не могли возражать достаточно основательно; нѣмецкія же газеты давали своимъ читателямъ неполныя и невѣрныя свѣдѣнія съ тенденціозной окраской.

Офицеръ ушелъ отъ насъ въ Кенигсбергѣ, вѣжливо, но холодно простившись съ нами. Въ поѣздѣ оставались теперь почти исключительно тѣ, кто ѣхалъ Россію. Проѣхали Инстербургъ, Гумбиненъ, оставалось всего двѣ станціи до границы.

Перешедшій изъ другого отдѣленія къ намъ москвичъ-фабрикантъ разсказывалъ, что онъ уже второй разъ ѣдетъ къ русской границѣ, такъ какъ день тому назадъ ихъ не пустили черезъ Калишъ. Поѣздъ снова замедлилъ ходъ. Показалось изъ-за группы деревьевъ зданіе, на которомъ развѣвался флагъ Краснаго Креста. «Готовятся къ войнѣ», соображали мы, не зная, что война объявлена. Мы подъѣзжали къ станціи, странное названіе которой бросилось мнѣ въ глаза,—«Stallupönnen»—похоже на Столыпина, мелькнуло у меня въ головѣ. Въ это время поѣздъ остановился, и послышался громкій окрикъ кондуктора: «Alles aussteigen!» Мы вышли на платформу, кондуктора объявили намъ, что они дальше насъ не повезутъ, и мы можемъ поступать, какъ знаемъ. На всѣ наши вопросы они молча съ холодной ироніей пожимали плечами и отходили или отвѣчали: «wir sind im Krieg. Sie sind unsere Feinde». Съ такимъ же холоднымъ, ироническимъ любопытствомъ смотрѣла на насъ изъ оконъ поѣзда прислуга вагона-ресторана, тѣ самые люди, которые часъ тому назадъ съ такой услужливостью исполняли наши заказы. Мы стояли на платформѣ, кондуктора дѣлали видъ, что суетятся возлѣ опустѣлаго поѣзда; неподалеку стояла группа: два офицера и какіе-то штатскіе. Ни одного участливаго взгляда, ничего, кромѣ холоднаго любопытства и жесткой, иронической усмѣшки мы не видѣли вокругъ. Когда у людей появляется такое выраженіе лица, они становятся способными на жестокость. Мы были подавлены. Я подошла къ одному изъ офицеровъ и спросила его: «будьте добры, я ѣду съ ребенкомъ, скажите мнѣ, что я должна дѣлать?» «Что дѣлать? Радоваться, что ваши солдаты такъ близко»,—отвѣтилъ онъ и, громко расхохотавшись, повернулся ко мнѣ спиной. Насъ было 240 человѣкъ. Не сговариваясь, мы двинулись къ станціи и вошли въ залъ. Знакомый, бывшій съ нами, пошелъ въ кассу, такъ какъ мы рѣшили немедленно возвратиться въ Берлинъ и оттуда ѣхать черезъ Швецію. У кассы стоялъ какой-то нѣмецъ, пришедшій возвратить взятый имъ билетъ въ Пилькаленъ, такъ какъ туда уже ѣхать нельзя. «Почему?»—спросилъ знакомый. «Потому что тамъ русскіе». Помѣщеніе кассы оказалось закрытымъ, билеты никуда не выдавались; желѣзная касса съ деньгами, билетными бланками и т. п. отправлялась съ тѣмъ поѣздомъ, который насъ привезъ, и съ которымъ теперь уѣзжали безплатно мѣстные жители и резервисты. На наши вопросы, можно ли намъ возвратиться въ Берлинъ, будутъ ли еще поѣзда, отвѣчали, что это неизвѣстно; вѣроятно, нѣтъ и т. д. Видно было, что они сами

еще точно не знаютъ, что дѣлать съ нами. Мы размѣстились въ залѣ и широкомъ корридорѣ. Состояніе было крайне подавленное, что-то невѣдомое тяготѣло надъ нами.

Вскорѣ послышались грубые окрики, и насъ выгнали изъ зала на улицу, за станцію, объявивши намъ, что залъ—для резервистовъ, а не для насъ. Но и на улицѣ, гдѣ мы частью стояли, частью сидѣли, примостившись вдоль стѣнъ на землѣ, на чемоданахъ и т. д., насъ не оставляли въ покоѣ. Подозрительныя фигуры оборванцевъ, шнырявшихъ вокругъ, хищно поглядывали на насъ.

Резервисты со злыми лицами, съ мѣшками и сундуками на спинѣ, грубо расталкивали насъ съ крикомъ: «fort aus dem Weg, wenn des Militär geht». Когда мы собирались потолковать группами въ нѣсколько человѣкъ, полупьяный желѣзнодорожный служащій разгонялъ насъ, покрикивая: «aus, meine Herrschaften, aus, keine Versammlungen, wir sind im Kriegszustande»...

Около $5^1/_2$ ч. веч. среди насъ произошло сильное движеніе: кто-то объявилъ, что разрѣшено всѣмъ, кто хочетъ, итти пѣшкомъ черезъ границу съ тѣмъ, чтобы мы были на границѣ не позже 8 ч. веч., пропускать будутъ по паспортамъ.

Отъ Сталюпенена до Эйдкунена 11 километровъ, отъ Эйдкунена до Вержболово километровъ 5—6. Человѣкъ около ста не рѣшились итти и предпочли остаться ждать, что будетъ; остальные рѣшили итти. Мы были въ числѣ послѣднихъ. Солдатъ изъ ландвера, провожавшій насъ, въ разговорѣ съ нашимъ знакомымъ высказывался въ томъ смыслѣ, что совсѣмъ бы не нужно этой войны, что они охотно бы жили въ мирѣ съ русскими. Мы подошли къ заставѣ. Послѣ провѣрки паспортовъ, повторенной у слѣдующей заставы, мы быстро двинулись впередъ. Какъ ярко встаетъ передо мной эта прекрасно шоссированная, окаймленная высокими деревьями, уходящая въ даль дорога!

Среди насъ было много людей старыхъ и много тяжело больныхъ. Тѣ изъ нихъ, которые пошли съ нами, сильно задерживали шествіе; постоянно раздавались возгласы: господа, тише! не спѣшите! не будемъ разбиваться! идемъ всѣ вмѣстѣ! больные просятъ итти медленнѣе! Но трудно было сдержать нетерпѣніе людей, страстно рвавшихся впередъ, и скоро шествіе растянулось на большое пространство: авангардъ едва виднѣлся впереди, арьергардъ терялся далеко позади. Нѣсколько человѣкъ несли бѣлые флаги изъ носовыхъ платковъ, одѣтыхъ на зонтики и палки. Мы съ дочерью, несшей тоже бѣлый флагъ, шли въ серединѣ нашей колонны, насъ обгоняли, отъ насъ отставали,—вотъ мель-

кнула группа: двое мужчинъ несли на рукахъ женщину съ больными ногами, обутыми въ пестрыя, мягкія туфли, вотъ, прихрамывая, прошелъ толстый подагрикъ, москвичъ-фабрикантъ.

Уже вечерѣло, розовѣлъ закатъ, мы напрягали послѣднія силы: не позже 8 ч. веч. надо было перейти границу, намъ оставалось четверть часа. Мы миновали первые домики Эйдкунена, мы были почти у цѣли, какъ вдругъ увидѣли мчавшіяся обратно двѣ подводы и бѣгущую толпу нашихъ передовыхъ. Они кричали намъ: «назадъ! иначе въ насъ будутъ стрѣлять!»—«Кто? за что?»—«Ничего не объясняютъ, грозятъ стрѣлять!»—«Да кто?»—«Нѣмецкіе солдаты».—Дѣйствительно, за нашими вслѣдъ, почти бѣгомъ шли нѣмецкіе солдаты и кричали: «назадъ!» Увлекаемые бѣгущей толпой, мы тоже повернули обратно, ошеломленные, не понимая, что́ случилось. Спрашивать разъясненій у солдатъ было невозможно: они только дико выкрикивали намъ приказанія не отставать, не разбиваться, а итти всѣмъ вмѣстѣ, не заходить въ домики по сторонамъ дороги, грозя разстрѣломъ за нарушеніе каждаго изъ этихъ приказаній. Для большей убѣдительности ружья брались на-перевѣсъ, иногда направлялись на отдѣльныхъ лицъ.

Мы прошли версты двѣ, какъ вдругъ послышался звукъ колесъ и окрики «halt!» Вахмистръ, явившійся навстрѣчу намъ изъ Сталюпенена, предложилъ женщинамъ и дѣтямъ сѣсть на телѣгу и ѣхать. Мы отказались отдѣляться. Тогда онъ торжественно объявилъ: «Frauen und Kinder, sie haben nichts zu fürchten, Ich schütze sie!» Трагически нелѣпо, но успокоительно прозвучало это рыцарское воззваніе въ такой моментъ и въ этой обстановкѣ. Мы сказали вахмистру, что ѣхать должны не только Frauen und Kinder, а всѣ, кто не можетъ итти. Онъ согласился и остановилъ еще одну телѣгу, возвращающуюся изъ Сталюпенена. Мы взвалились, какъ кладь, на телѣги,—на нашей было 18 душъ. Вахмистръ сѣлъ на свою телѣжку, остальные шли, и мы медленно подвигались къ городу. Безконечно длиннымъ казался намъ путь. Около 11 ч. н. мы подъѣхали къ гостиницѣ въ центрѣ города, и вахмистръ объявилъ, что мы можемъ размѣщаться здѣсь, какъ хотимъ. Нѣкоторые номера были уже заняты мѣстными жителями, въ другихъ размѣстились или больные, или тѣ, кто успѣлъ раньше захватить мѣста; большинство же помѣщалось внизу, въ нѣсколькихъ залахъ гостиницы. Кто примостился на узенькихъ диванчикахъ, кто на стульяхъ, кто на большихъ столахъ, на билліардѣ, кто—просто на полу. Окна нашей комнаты выходили на улицу, въ одно изъ нихъ глядѣлъ съ

улицы часовой, у подъѣзда и въ вестибюлѣ тоже были солдаты. Выходить изъ гостиницы безъ разрѣшенія и не въ сопровожденіи солдата намъ было запрещено подъ страхомъ разстрѣла. Итакъ, мы были арестованы. На другой день съ самаго ранняго утра въ городѣ началось оживленное движеніе: ѣхали телѣги, нагруженныя домашнимъ скарбомъ; на нихъ сидѣли женщины и дѣти, шли резервисты, солдаты, промчался верхомъ офицеръ, отдавая какія-то приказанія. Вдругъ откуда-то пронеслось извѣстіе, что мы свободны. Нашъ знакомый вышелъ на крыльцо и спросилъ у закусывавшихъ тутъ двухъ солдатъ: «Правда ли, что мы свободны?» — «Да», отвѣтилъ солдатъ. — «Кто же это сказалъ?» — «Офицеръ пріѣзжалъ и сказалъ. Ѣшь скорѣе», обратился онъ къ товарищу, «чтобъ мы успѣли догнать». — «А вы уходите?» — «Да». — «Совсѣмъ оставляете городъ?» — «Да». «Почему?» — «Русскіе идутъ сюда».

Къ намъ явился бургомистръ, заявившій, что войска уходятъ, городъ порученъ ему, и онъ предупредилъ жителей, чтобъ они относились къ намъ, какъ къ гостямъ. Потомъ пришла жена бургомистра и съ нею нѣсколько женщинъ, принесшихъ намъ безплатные бутерброды, молоко, какое-то особенное пиво. Черезъ четверть часа у нашихъ дверей снова стояли солдаты, и снова намъ запрещено было выходить безъ сопровожденія солдатъ. Очевидно было, что и вокругъ насъ и по отношенію къ намъ царила полная растерянность.

Время шло. Видя полную неопредѣленность нашего положенія, мы стали изыскивать способы уяснить его. Рѣшили вступить въ переговоры съ комендантомъ, который находился на вокзалѣ при отправкахъ резервистовъ. Комендантъ сказалъ, что можетъ принять для переговоровъ только одно лицо. Сначала просили пойти къ нему баронессу К., которая была среди насъ съ мужемъ и двумя дочерьми, потомъ явился иной планъ. Между нами было два военныхъ генерала, І. и М., послѣдній состоялъ на дѣйствительной службѣ. Они рѣшили просить отъ своего имени коменданта зайти къ нимъ для переговоровъ. Комендантъ обѣщалъ, мы его долго и тщетно ждали; наконецъ, намъ сказали, что онъ будетъ обѣдать здѣсь въ обычный часъ. Черезъ нѣсколько времени насъ попросили очистить комнаты, выходившія на улицу, такъ какъ здѣсь будутъ обѣдать мѣстные жители. Вѣроятно, отъ насъ хотѣли также по возможности скрыть движеніе войскъ черезъ городъ. Мы всѣ столпились въ театральномъ залѣ съ небольшой сценой и обсуждали только-что народившійся слухъ о томъ, что насъ будутъ назначать на принудительныя работы. Нако-

нецъ, мы начали выходить изъ своего затворничества въ опустѣвшія, имѣвшія безпорядочный видъ комнаты. Мы узнали важныя новости: 1) наши генералы I. и M. были арестованы, какъ военные, и уже увезены куда-то изъ нашей гостиницы; 2) ресторанъ гостиницы закрывался, такъ какъ хозяинъ уѣзжалъ со всѣмъ своимъ персоналомъ. Возникшій вопросъ—что будутъ дѣлать съ нами? — разрѣшился внезапно: движеніе у крыльца, зычный крикъ «Alles h'raus», и грубый вахмистръ, появившійся передъ нами, приказалъ сейчасъ же выходить на улицу съ вещами.

Выстроившись по командѣ въ шеренги, по три человѣка, окруженные конвоемъ, мы двинулись въ невѣдомый путь. Намъ объявили, что мы должны безпрекословно исполнять всѣ приказанія, должны «gehorchen», иначе они будутъ «losschiessen». Мы долго шли по городу съ вещами въ рукахъ. Оставшіеся жители провожали насъ, и трудно было сказать, что́ еще, кромѣ любопытства и тревоги, выражали ихъ лица. Имъ тоже было не весело: они сами не были увѣрены въ завтрашнемъ днѣ, должны были бросать на произволъ судьбы родныя гнѣзда. Надвигалась война и всѣмъ несла ужасъ. Мы реально почувствовали его, пришедши на вокзалъ. Снова стояли мы на платформѣ Сталлюпенена и ожидали поѣзда, который на этотъ разъ долженъ былъ, по словамъ конвойныхъ, везти насъ въ Кенигсбергъ, гдѣ насъ отпустятъ на свободу. Вдали подымался сѣрый дымокъ—то, говорятъ, горѣлъ Эйдкунѐнъ; тамъ были русскіе, которые вотъ-вотъ могли явиться сюда. Пристрѣлятъ ли насъ тогда въ отместку нѣмцы, спасаясь бѣгствомъ? Разстрѣляютъ ли насъ русскіе, бомбардируя городъ и не зная, что мы здѣсь? Жуткія перспективы! Не онѣ ли заставили нашу толпу такъ ринуться къ поѣзду, когда, послѣ $1^1/_2$-часового ожиданія, онъ подошелъ къ платформѣ? Онъ состоялъ изъ трехъ вагоновъ четвертаго класса и одного багажнаго.

Кое-какъ протиснулись... Кто могъ, примостился на скамьѣ, окаймлявшей вагонъ; большинство же стояло плечо къ плечу, садясь на полъ или, присаживаясь на корточки, когда не хватало силъ стоять. Тутъ я впервые увидѣла барона К., представительнаго старика 70 съ лишнимъ лѣтъ, страдавшаго легочной астмой. Попавши въ нашъ вагонъ, онъ почувствовалъ себя скверно и сталъ требовать, чтобъ его посадили хоть въ товарный вагонъ, потому что здѣсь ему не хватаетъ воздуха. Онъ хотѣлъ выйти изъ вагона, но конвойный солдатъ толкнулъ его въ грудь. Баронъ К. все-таки вырвался и выскочилъ на

платформу. Его посадили на площадку товарнаго вагона. Рядомъ со мной сидѣла измученная беременная женщина съ двухлѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ. Съ ними былъ ея мужъ и нянька. Всѣ они поѣхали изъ Сибири въ Швейцарію и Германію лѣчить ребенка, теперь былъ ихъ Nachkur.

Въ 11 ч. н. мы пріѣхали въ Кенигсбергъ. Вокзалъ былъ переполненъ военными и толпами любопытствующей публики. Насъ ждалъ на платформѣ усиленный конвой: солдаты съ одѣтыми на ружья штыками, направленными въ нашу сторону, окружили насъ, какъ только мы вышли изъ вагоновъ. Это грозное начало не предвѣщало ничего добраго. Но каково было наше удивленіе, когда тутъ же, на нашихъ глазахъ, поднялся ожесточенный споръ между двумя офицерами изъ-за насъ. «Кого вы намъ привезли?» говорилъ одинъ—«мы ждали военно-плѣнныхъ,—что же это такое?» — «Они и есть военно-плѣнные,—кричалъ на весь вокзалъ другой, я ихъ такъ и разсматриваю, съ ними такъ и надо обращаться».—«Какіе же они военно-плѣнные?—недоумѣвалъ другой, глядя на нашу армію дѣтей, женщинъ, стариковъ, разнаго рода болящихъ, нагруженныхъ Handgepäck'ами, пріобрѣтенными большею частью въ германскихъ же курортахъ. За рѣшеніемъ спора они обратились къ старшему офицеру.

Онъ выслушалъ докладъ офицеровъ и безстрастно положилъ краткую резолюцію: «sind keine Kriegsgefangene, sie kommen vom Westen». Споръ моментально прекратился; солдаты, по командѣ офицера, перебросили ружья за плечи, взяли наши тяжелыя вещи и повели насъ на другой перронъ. Здѣсь намъ объявили, что тѣ, у кого есть знакомые въ городѣ, свободны и могутъ идти къ нимъ. На этомъ основаніи ушелъ отъ насъ баронъ К. съ семьей.

Былъ уже поздній часъ, а мы все стояли на перронѣ. Очевидно, и здѣсь не знали точно, что съ нами дѣлать, и наблюдалась та же растерянность, что и въ Сталлюпененѣ, только въ иной формѣ. Разрѣшеніе разыскивать знакомыхъ, у кого они есть здѣсь, только-что данное, было отмѣнено.

Наконецъ, около 1 ч. ночи подошелъ поѣздъ съ вагонами четвертаго и третьяго класса. Мы сѣли въ одинъ изъ послѣднихъ вагоновъ поѣзда. Въ этомъ же отдѣленіи 4-го класса былъ и баронъ К., котораго жена и дочь случайно оказались отдѣленными отъ него и ѣхали въ другомъ вагонѣ, тоже запертыя, и, кстати сказать, въ вагонѣ безъ уборной. Ѣхала съ нами также жена полковника Т. съ дочерью, хорошенькой, живой

институткой, ихъ знакомые мужъ и жена Я., ксендзъ, ѣхавшій въ обыкновенномъ штатскомъ платьѣ, два литовца неопредѣленнаго вида, три молодыхъ врача, режиссеръ театровъ П., москвичъ-фабрикантъ и другіе, всего 15—16 человѣкъ. Усадивши всѣхъ насъ въ поѣздъ, кондуктора заперли вагоны на ключъ, перевели поѣздъ на другой путь и ушли, а передъ вагонами стали часовые съ ружьями на-перевѣсъ...

Мы все стояли на мѣстѣ, все ждали—чего? никто не зналъ. Баронъ К., видимо, становился все безпокойнѣе, все чаще подходилъ къ раскрытымъ окнамъ вагона и глубоко вдыхалъ воздухъ. Затѣмъ онъ сталъ жаловаться, что ему нехорошо, что ему трудно дышать. Врачи, ѣхавшіе съ нами, успокаивали его, давали оказавшіяся у насъ капли, но его волненіе все возрастало, онъ не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ, да еще въ спертомъ воздухѣ: у него начинался тяжелый приступъ легочной астмы. Ему надо было выйти на платформу и походить на свѣжемъ воздухѣ. Онъ обратился къ стоявшему у дверей вагона на платформѣ солдату съ просьбой открыть дверь и выпустить его. «Ich kann nicht», отвѣчалъ часовой. Тогда баронъ К. сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ выскочитъ въ окно. — «Dann schiesse ich Sie tot»—былъ отвѣтъ. «Nun, so schiessen sie mich tot», воскликнулъ баронъ К., въ изнеможеніи отъ астмы бросаясь къ окну. — «Ne, ich kann nicht», былъ невозмутимый отвѣтъ. Доведенный до отчаянья, задыхающійся, баронъ К. рванулся изъ рукъ удерживавшихъ его врачей и, перебросивъ одну ногу за окно, хотѣлъ выскочить. Мы всѣ съ ужасомъ смотрѣли на эту сцену, нѣкоторые плакали. Три врача едва удерживали барона, успокаивая его, и въ то же время требовали отъ конвоя, чтобы барону позволили выйти на перронъ. Солдаты долго отказывались, сопровождая отказъ насмѣшками, пока, наконецъ, не появился на платформѣ кондукторъ, который и приказалъ отпереть дверь. Солдаты заявили, что они не могутъ согласиться на это безъ вѣдома своего начальника, за которымъ они послали. Кондукторъ возразилъ, что онъ беретъ это на свою отвѣтственность: «они намъ поручены, сказалъ онъ; мы отвѣчаемъ за нихъ, если что-либо случится съ ними». Баронъ К. былъ выпущенъ; въ это же время появился офицеръ, командовавшій конвоемъ.

Эта сцена тяжело подѣйствовала на насъ всѣхъ. Одинъ изъ врачей, удерживавшихъ барона, упалъ на скамью и разрыдался. Вскорѣ также и жену и дочь барона, ѣхавшихъ въ другомъ вагонѣ, выпустили къ нему на перронъ.

Такъ простояли мы до 8 ч. утра, когда пришелъ офицеръ, сказавшій, что мы ѣдемъ въ Браунсбергъ, гдѣ насъ отпустятъ, съ тѣмъ, чтобы мы отправлялись дальше, куда угодно, nach Westen, но сюда, nach Osten, чтобы не возвращались. Заявленіе офицера о нашемъ близкомъ освобожденіи вызвало общую радость.

Солнце стояло уже высоко, когда мы двинулись въ путь; день былъ жаркій, въ вагонѣ становилось душно. Намъ предстояло миновать укрѣпленія Кенигсберга и проѣхать два моста. Когда мы ѣхали изъ Берлина къ русской границѣ два дня назадъ, то въ этихъ мѣстахъ кондуктора предупреждали пассажировъ о томъ, что всѣ окна въ поѣздѣ должны быть закрыты, занавѣски у оконъ не задернуты. Теперь у нашей двери появился офицеръ и грубо крикнулъ распоряженіе—закрыть окна и задернуть занавѣски, «иначе вы отвѣдаете нашихъ пуль»,—прибавилъ онъ съ холодной улыбкой.

Въ вагонѣ становилось всѣ душнѣе. Мы всѣ едва держались на ногахъ: худенькое личико моей дочери стало совершенно бѣлымъ и безконечно усталымъ. Кенигсбергъ и эта дорога на всю жизнь запечатлѣлись въ моей памяти, какъ тяжелый кошмаръ.

Наконецъ, мы выѣхали изъ этого ада, и намъ разрѣшили открыть окна.

Около 12 часовъ мы подъѣхали къ Браунсбергу. Много народу столпилось у оконъ поѣзда, преимущественно молодежь. Вдругъ раздалось привѣтствіе на русскомъ языкѣ съ сильнымъ акцентомъ: «здрав-ствуй-те, какъ ваше здо-ровье?»

Среди нашей молодежи раздался смѣхъ и добродушно-фамильярные отвѣты: «спасибо! не важно! а вы какъ поживаете?»

Въ отвѣтъ на это послышались уже съ инымъ оттѣнкомъ нѣмецкія фразы: «а вотъ эти штучки (патроны) вы знаете? Мы ими отправляемъ туда, «in den Himmel», при этомъ слѣдовалъ выразительный жестъ.

— Первымъ мы разстрѣляли уже вашего консула въ Кенигсбергѣ.

— За что же?—спросили изъ нашего окна.

— За то, что онъ отравлялъ рѣку вибріонами.

Разсказъ о разстрѣляніи консула оказался впослѣдствіи вымысломъ.—Я выглянула въ окно на привѣтствовавшаго насъ автора этихъ небылицъ: это былъ почтово-телеграфный чиновникъ, въ разстегнутомъ форменномъ сюртукѣ, рыжій, толстый,

съ наглымъ взглядомъ. Мы простояли здѣсь, у какого-то деревяннаго сарайчика, съ полчаса. Двинулись дальше и снова остановились передъ огромнымъ желѣзнодорожнымъ пакгаузомъ. «Не здѣсь ли будутъ насъ держать?»—мелькнулъ въ головѣ вопросъ, тотчасъ же выраженный вслухъ кѣмъ-то. Насъ высадили, построили въ шеренги, по пяти человѣкъ въ рядъ, и повели въ Браунсбергъ. Мы шли съ вещами черезъ городъ, пыльной, необычайно грязной, покрытой навозомъ мостовой, измученные двумя ночами безъ сна, голодовкой въ теченіе сутокъ и кошмарными переживаніями. По обочинамъ улицъ, заполняя тротуары, стояла толпа мѣстныхъ жителей, бросившихъ всѣ свои дѣла, ради такого невиданнаго зрѣлища. Я вела свою дочь подъ руку, она едва держалась на ногахъ: по измученному лицу безмолвно катились крупныя слезы. Мнѣ тоже было невесело. Я, не отрываясь, вглядывалась въ лица толпы, и я видѣла, какъ при взглядѣ на насъ съ дочерью не только женщины, стоявшія съ дѣтьми, но и нѣкоторые мужчины быстро отводили глаза въ сторону.

Я замѣтила также, что выраженіе лицъ постепенно измѣнялось: сначала оно было явно враждебное, но по мѣрѣ того, какъ передъ ними разворачивалась наша процессія, эта враждебность уступала мѣсто недоумѣнію. И здѣсь, какъ въ Кенигсбергѣ, ждали Kriegsgefangene, даже Kosaken (какъ выяснилось впослѣдствіи), и вдругъ потянулась цѣлая вереница стариковъ, старухъ, дѣтей и всякаго рода болящихъ. Недоумѣніе росло и нашло исходъ въ добродушной насмѣшкѣ. Въ толпѣ громко говорили: «а, это была большая битва подъ Сталлюпененъ, она длилась недолго: старыя дамы и дѣти сдались безъ боя».

Мы шли очень долго, прошли мостъ надъ рѣкой, свернули въ старую часть города, миновали большое высокое зданіе фабрики, гдѣ изо всѣхъ оконъ выглядывали подростки-работницы При видѣ насъ эта молодая компанія проявила большое оживленіе: поднялся шумъ, смѣхъ. Одинъ изъ солдатъ глянулъ на окна верхнихъ этажей и крикнулъ: «тише тамъ, не то отсюда (онъ показалъ на дуло ружья) кое-что полетитъ туда». Угроза стрѣлять, очевидно, пользуется большой популярностью у нѣмецкихъ воиновъ, по крайней мѣрѣ, слова «losschiessen, totschiessen, unsere Kugeln» и т. п. такъ и стоятъ въ моихъ ушахъ, какъ необходимое добавленіе къ каждому распоряженію, чуть ли не къ каждой фразѣ.—Сейчасъ за фабрикой мы увидѣли тоже красное кирпичное зданіе посреди большого двора, окруженнаго

деревянной рѣшеткой, и прочли на зданіи надпись: «Katolische Knabenschule». Насъ ввели въ этотъ дворъ, и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, мы поспѣшили усѣсться на низенькой деревянной оградѣ, отдѣлявшей палисадникъ отъ двора. Противъ насъ выстроились солдаты. Раздалась какая-то команда, и они зарядили ружья. Было что-то жуткое въ этотъ моментъ, но это было одно мгновеніе. Насъ позвали внутрь зданія и сказали, что мы можемъ располагаться, гдѣ и какъ хотимъ. Наша семья попала въ 4-й классъ. Здѣсь оставалась вся классная обстановка: очень длинныя скамьи, шкапъ, каѳедра, плохія картинки по стѣнамъ. Едва мы успѣли войти, какъ моя дочка легла на узкую твердую скамейку, поставила свой саквояжикъ подъ голову и моментально заснула глубокимъ сномъ. Мы не рѣшились нарушить этотъ крѣпкій сонъ ради лучшаго ея устроенія и ѣды, и она проспала такъ двѣнадцать часовъ безъ перерыва, несмотря на шумъ вокругъ. Этотъ сонъ былъ спасительнымъ: на другой день она выглядѣла окрѣпшей и бодрой. Всѣхъ насъ «въ четвертомъ классѣ» было 17 человѣкъ—мужчинъ и женщинъ. Остальные устроились въ другихъ классахъ 1-го и 2-го этажей. На огромномъ высокомъ чердакѣ 3-го этажа расположилась партія рабочихъ въ 80 человѣкъ. Большинство ихъ было изъ русской Польши, то, что нѣмцы называютъ Russ-Polen; они были на заработкахъ въ Восточной Пруссіи, потомъ были арестованы и присоединены къ намъ въ Кенигсбергѣ. Среди нихъ было 12 человѣкъ малороссовъ изъ Волынской губерніи. Ихъ разсчитали, купили имъ билеты, дали немного денегъ на дорогу и отправили домой.

Размѣстившись, мы вышли во дворъ. Тамъ царило оживленіе: толпа, столько времени бывшая въ вагонахъ подъ ключемъ и голодная, теперь радовалась воздуху, движенію, возможности поѣсть, и эти непосредственныя радости бытія отодвинули на мигъ горькія думы объ ожидающей насъ участи. Съ другой стороны появленіе наше въ небольшомъ городѣ вызвало огромную сенсацію. У рѣшетчатаго забора, окружавшаго нашъ огромный дворъ, стояла толпа мѣстныхъ жителей самыхъ разнообразныхъ возрастовъ. Мало-по-малу они стали вступать въ разговоры съ нашими.

Въ самомъ дворѣ скоро появились торговцы и торговки съ хлѣбомъ, фруктами, минеральными водами и т. п. Голодъ вызвалъ живую иниціативу: вступили въ соглашеніе съ кухаркой завѣдывающаго школой и ея мужемъ, служителемъ школы. Мобилизована была кухня съ массой посуды—варилось кофе, ки-

пятилось молоко; нетерпѣливая толпа, наводнившая кухню, приводила въ отчаяніе красивую «Köchin». Слово «Kind» дѣйствовало на нее умиротворяюще. Послѣ того, какъ я, стоя передъ нею съ бутылками для молока и кофе, сказала ей: «у васъ есть ребенокъ и у меня тоже,—вы меня должны понять»—я завоевала ея вниманіе.

Несмотря на всѣ неудобства и душевныя волненія, которыя намъ пришлось пережить здѣсь, все-таки Браунсбергъ во многихъ отношеніяхъ былъ лучшимъ пунктомъ нашего путешествія. Въ Сталюпененѣ мы были оглушены отчаяніемъ. Въ Кенигсбергѣ мы окаменѣли, обратившись въ автоматическія орудія чужой воли. Здѣсь мы получили возможность, наконецъ, оглядѣться, столковаться, разобраться въ томъ, что съ нами происходитъ. Наша толпа была очень пестрая: здѣсь были представители родовитой аристократіи, были люди всевозможныхъ интеллигентныхъ профессій и чернорабочіе; богатые и бѣдные, были очень старые и очень молодые, беременныя женщины; были русскіе, поляки, литовцы, русскіе нѣмцы и около 60% евреевъ. Эта разнообразная толпа теперь знакомилась другъ съ другомъ, придумывала разные способы выяснить наше положеніе, завести какія-нибудь сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Былъ еще очень настоятельный вопросъ—финансовый: у многихъ не было денегъ; у другихъ были русскія деньги, но не было или мало было марокъ. Необходимо было организовать помощь неимущимъ и, если возможно, размѣнъ денегъ. Кромѣ того, надо было добыть свѣдѣнія о положеніи дѣла въ Европѣ, узнать, кѣмъ и кому объявлена война. Необходимо было, наконецъ, что-то предпринять для выясненія мучительной неизвѣстности относительно насъ самихъ, къ кому-то обращаться, хлопотать о возвращеніи насъ въ Россію.

Когда я пишу эти слова, передо мной вырисовываются изъ нашей толпы двѣ благородныя фигуры, которымъ, по моему убѣжденію, мы въ значительной степени обязаны тѣмъ, что не попали въ такія черезчуръ трагическія условія, какъ другіе задержанные въ Германіи русскіе. Графъ и графиня Z оба очень больные, съ трудомъ двигавшіеся, умно и тонко держались въ нашей толпѣ при такихъ необычныхъ условіяхъ. Прибывши въ Браунсберъ, графиня Z послала императору Вильгельму телеграмму такого содержанія: «Его императорскому величеству. Берлинъ. Какъ сестра покойнаго генерала, который удостаивался вниманія вашего величества, я позволю себѣ обратиться къ вашему величеству съ покорной просьбой обратить вниманіе на положеніе

русскихъ путешественниковъ, которые, по окончаніи курса лѣченія, по большей части въ германскихъ курортахъ, отправляются домой и теперь по военному времени арестуются. Среди насъ старые, больные мужчины, много женщинъ, есть беременныя, дѣти, большая часть путешественниковъ безъ средствъ, всѣ мы подъ усиленнымъ военнымъ конвоемъ доставлены въ Браунсбергъ. Мы глубоко обезпокоены за наше будущее и я обращаюсь къ вашему величеству, моля принять къ сердцу положеніе несчастныхъ русскихъ путешественниковъ».

Одновременно графиня Z послала телеграмму генералъ-адъютанту императора Вильгельма, графу Дона-фонъ Шлобитену. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ графиня: «Мы окружены солдатами. Насъ запираютъ въ вагоны III и IV классовъ и такая давка, что пассажиры сидятъ одинъ на другомъ. Двери вагоновъ закрываются. Въ вагонѣ, гдѣ были заперты баронесса К. и двѣ ея дочери - фрейлины Ихъ Величествъ, не было туалета и имъ пришлось просидѣть въ вагонѣ въ теченіе 8 часовъ безвыходно. Я не хочу вамъ всего разсказывать, но представьте себѣ наше шествіе, со стариками, которыхъ солдаты заставляютъ идти пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока они падаютъ въ обморокъ, не выдерживая жары и всего ужаса, и вамъ станетъ ясно, что намъ пришлось пережить». («Нов. Время», № 13791).

Дошла ли по назначенію телеграмма имп. Вильгельму, — я не знаю, но личное положеніе Z она не улучшила: они такъ же, какъ всѣ, спали на соломѣ, на полу, не имѣя никакихъ удобствъ, но для рѣшенія участи нашей партіи арестованныхъ, мнѣ думается, эти телеграммы имѣли значеніе и нельзя безъ искренней благодарности вспомнить этихъ отзывчивыхъ людей, умѣвшихъ, оставаясь какъ будто въ тѣни, понимать и чужое горе и приходить, гдѣ нужно, на помощь. Относительно нашей дальнѣйшей судьбы въ толпѣ ходили разнообразные слухи: упорно держался слухъ о томъ, что всѣ, подлежащіе призыву, не будутъ выпущены изъ Германіи; другая версія гласила, что мы всѣ будемъ призваны къ принудительнымъ работамъ, соотвѣтственно нашимъ профессіямъ, при этомъ оптимисты высказывали мнѣніе, что работы будутъ не принудительныя, а по желанію: тѣмъ, кто не имѣетъ средствъ содержать себя, будетъ предложено избрать ту или другую форму труда для заработка. Говорили еще, что каждому изъ насъ будетъ предложено выбрать себѣ мѣсто жительства въ Германіи на все время войны; нѣкоторые предполагали, что такими мѣстами будутъ курорты, состоящіе во время войны подъ международной

охраной; другіе называли нашимъ будущимъ убѣжищемъ герцогство Брауншвейгъ, гдѣ даже нѣтъ совсѣмъ войска. Слухи рождались и исчезали, постоянно волнуя массу людей, и при отсутствіи всякаго занятія составляли неистощимый фондъ для разговоровъ.

Утомленные, мы разошлись «по классамъ». Парты были сдвинуты, на полу положена свѣжая солома, на которой намъ предложено было спать. Мы не рѣшились ложиться на влажной соломѣ и устроились на скамьяхъ, положивши подъ голову пальто или дорожныя вещи. Намъ не позволили въ эту ночь зажечь газовыя лампы, висѣвшія съ потолка, но въ комнатѣ, гдѣ не было ни ставней, ни шторъ на окнахъ, не было темно. Въ 9 ч. веч. къ намъ вошелъ офицеръ и сказалъ, что послѣ 10 ч. нельзя выходить ни на дворъ, ни даже въ коридоръ безъ разрѣшенія часового, который будетъ всю ночь дежурить въ коридорѣ. Это создало новыя ненужныя страданія для нѣсколькихъ больныхъ женщинъ, которыя должны были ночью ходить во дворъ въ уборныя.

На другой день, 23-го іюля, мы поднялись рано: все тѣло болѣло послѣ ночи, проведенной на голыхъ доскахъ. Умываніе происходило около крана въ коридорѣ, совершенно не приспособленнаго для этой цѣли, и потому полъ былъ залитъ водой. Потомъ пили кофе или молоко, сваренное нашей Köchin, а затѣмъ, пользуясь снова хорошимъ теплымъ днемъ, толпились во дворѣ. Тамъ къ этому времени образовалось нѣчто въ родѣ маленькой ярмарки—изъ города пришло много торговцевъ съ разными товарами, которые были разложены на лоткахъ—тутъ были писчебумажныя принадлежности, бѣлье, дорожныя вещи, аптекарскіе товары, всевозможные съѣстные припасы и т. п. Населеніе маленькаго городка хорошо зарабатывало на насъ и все дружелюбнѣе относилось къ намъ. Изъ гостиницы и отъ частныхъ жителей пришли къ намъ съ предложеніемъ доставить обѣды за извѣстную плату. За обѣдъ брали отъ 80 пфениг. до 2 марокъ. Начались записи на обѣды въ разныхъ мѣстахъ. Наша Köchin тоже приняла небольшое количество заказовъ. Было и совсѣмъ безкорыстное дружелюбіе: къ оградѣ подходили нѣмецкіе с.-деки и говорили, что они сочувствуютъ намъ, что о нашемъ положеніи они уже написали въ лондонскія газеты.

Отъ времени до времени во дворѣ появлялся лейтенантъ, любезно взявшій на себя размѣнъ денегъ. Курсъ русскихъ денегъ упалъ въ это время до 80 марокъ за 100 рублей.

Передавали изъ устъ въ уста съ воли полученныя свѣдѣ-

нія о томъ, что война уже идетъ не только между Россіей и Германіей, но и между Франціей и Германіей, а сейчасъ и Англія объявила войну; послѣднее извѣстіе было принято съ единодушнымъ восторгомъ. Подробностей событій мы не знали.

Около 10 часовъ вечера, когда мы снова начали готовиться къ ночлегу на голыхъ доскахъ, раздался шумъ, крикъ, знакомые звуки команды: намъ приказано было собрать вещи и сойти внизъ, такъ какъ насъ отправляютъ.

Разрѣшили было нанять экипажи для женщинъ, дѣтей, больныхъ и слабыхъ, телѣги для багажа. Мы вышли и ждали приказа строиться въ шеренги. Въ нашей толпѣ были хорошенькія и веселыя дѣвушки, которыя рѣшили попытаться узнать у лейтенанта нашу дальнѣйшую судьбу. Онъ былъ очень любезенъ съ ними и даже прочелъ имъ только-что полученную телеграмму, гдѣ приказывалось везти насъ въ Штеттинъ.

Итакъ, мы ѣдемъ въ Штеттинъ—что ждетъ насъ тамъ, если это правда? Вопросъ: «правда ли»—вставалъ неизбѣжно въ виду той лжи, которую мы слышали при прежнихъ отправкахъ. Кареты, присланныя изъ гостиницъ, увезли уже нашихъ недужныхъ на вокзалъ, а мы стояли все во дворѣ, какъ вдругъ подъѣхалъ автомобиль съ офицеромъ, привезшимъ новое распоряженіе: намъ было сказано идти въ наши комнаты и ждать. Было около 1 ч. ночи, когда мы возвратились въ свой IV-ый классъ.

На другой день, около 10 часовъ, намъ сказали собираться и строиться въ шеренги (по 5 человѣкъ). Снова потянулись мы къ вокзалу черезъ весь городъ. Нашъ вахмистръ, заслужившій симпатіи нашей публики за порядочность въ отношеніи насъ, стоялъ у деревянныхъ рѣшетчатыхъ воротъ, черезъ которыя мы входили на платформу вокзала, и привѣтливо прощался съ уходящими, которые отблагодарили его.

«Adieu», сказала и я ближайшему ко мнѣ конвойному.

«Adieu», отвѣтилъ онъ: «но мы еще будемъ нѣкоторое время сопровождать васъ».

Подошелъ большой поѣздъ, къ которому прицѣплены были вагоны для насъ 4-го и 3-го классовъ. Мы поспѣшили занять купэ 3-го класса—все-таки насъ здѣсь было всего 7 человѣкъ—намъ хотѣлось отдохнуть отъ безконечно утомляющей разношерстной толпы. Кромѣ насъ четырехъ, въ купэ ѣхали: рабочій—контрабандистъ, старый учитель изъ какого-то учебнаго заведенія въ Юрьевѣ, и женщина—по виду экономка, попавшая за границу съ какой-то семьей и арестованная по дорогѣ въ Россію,

но не въ Столлюпененъ, а въ Гумбинненцъ съ небольшой группой задержанныхъ тамъ русскихъ.

На вокзалѣ въ Браунсбергѣ устроенъ былъ буфетъ, оттуда и намъ даромъ давали «alkoholfreies Bier». Вѣроятно, это дѣлалось потому, что населеніе уже знало насъ. Буфеты и столы съ бутербродами, этимъ же пивомъ, кофе и молокомъ были устроены для такъ—называемыхъ «резервистовъ»—призывныхъ,—которые стекались теперь со всѣхъ сторонъ. Заканчивалась всеобщая мобилизація, дороги были запружены воинскими поѣздами, пассажирскіе поѣзда шли рѣдко и медленно.

Отъ Браунсберга до Штеттина мы ѣхали тридцать шесть часовъ. Проѣзжали красивые, дремучіе лѣса, на которыхъ немного отдыхали глаза и душа. На большихъ станціяхъ, особенно узловыхъ, творилось нѣчто невообразимое. На разныхъ путяхъ стояли поѣзда резервистовъ; вагоны были украшены вѣтками, на вагонахъ неизмѣнно начертаны были мѣломъ надписи: «nach Petersburg», «nach Moskau», «nach Sibirien», нарисованы были очень грубыя каррикатуры на Россію, изображенную въ видѣ медвѣдя; на многихъ вагонахъ красовались надписи непередаваемо-оскорбительнаго характера, а также изображенія висѣлицъ для русскихъ. Такія же висѣлицы, сдѣланныя изъ какихъ-то костей, они показывали намъ издали, грозили намъ кулаками и выкрикивали грубо-злобныя фразы. Изъ оконъ ихъ поѣздовъ высовывались эти грозящіе намъ кулаки, эти полныя дикой злобы физіономіи, готовыя на все. Такое же выраженіе злобы или холодной, злой ироніи было на лицахъ ихъ сестеръ, невѣстъ, юныхъ женъ. Казалось, попадись только въ руки этой молодой компаніи, и они расправятся безпощадно. Особенно непріятно было въѣзжать между двухъ готовыхъ къ отходу поѣздовъ, наполненныхъ резервистами.

Отношеніе къ намъ остального населенія было очень разнообразное. Прежде всего имъ было внушено, что русскіе начали войну,—этому они вѣрили и, конечно, не могли не питать къ намъ за это злобы; но война взваливала на ихъ плечи такое тяжелое бремя, требовала отъ нихъ такихъ жертвъ, что это озлобленіе тонуло въ глубокой печали, глядѣвшей изъ ихъ глазъ. Печальны и серьезны были также солдаты: они знали, что такое война, и готовы были исполнить свой долгъ. Колоссальная дисциплина заставляла ихъ безпрекословно повиноваться каждому велѣнію свыше: они, не задумываясь, по первому приказанію своего командира, разстрѣляли бы насъ такъ же, какъ несли наши вещи, когда имъ приказали это сдѣлать. Разные

оттѣнки отношенія къ намъ со стороны населенія явственно сказались на станціяхъ. На многихъ станціяхъ намъ давали за деньги кофе, молоко, бутерброды, на нѣкоторыхъ ничего не хотѣли продавать, говоря, что все приготовлено только для резервистовъ; но случалось, что намъ давали и даромъ. На ст. Buchholz нашъ спутникъ, старый учитель, обратился къ женщинѣ, стоявшей у буфета, съ просьбой дать ему кофе; она дала, но не захотѣла взять денегъ. Онъ настаивалъ и сказалъ: «вы знаете, вѣдь, мы не пруссаки».—Кто же вы?—спросила она.—«Мы русскіе». — «Ну, что же, и вы не должны голодать»,—сказала женщина и не взяла денегъ.

Двое изъ нашихъ спутниковъ были спокойны и молчаливы. Старикъ-учитель вездѣ, гдѣ на станціяхъ было повышенное настроеніе, высовывался изъ окна вагона. Онъ былъ тяжело боленъ. Его измученное лицо, длинные, совершенно бѣлые волосы и такая же борода производили впечатлѣніе. Его принимали за священника, за пастора. Онъ мягкимъ и кроткимъ голосомъ на отличномъ нѣмецкомъ языкѣ просилъ воды или заговаривалъ съ кѣмъ-нибудь и порою, видимо, смягчалъ настроеніе тѣхъ, къ кому обращался. Въ промежуткахъ онъ усердно читалъ иллюстрированные разсказы Мопассана. Наша спутница разсказывала намъ свои злоключенія. Задержанные на ст. Гумбиненъ, они, въ числѣ 11 человѣкъ, были арестованы и отправлены въ Кенигсбергъ, гдѣ ихъ повезли въ автомобилѣ сначала въ участокъ, потомъ въ крѣпость. При проѣздѣ черезъ городъ они должны были держать руки вверхъ, а сопровождавшіе ихъ въ томъ же автомобилѣ солдаты держали направленные на нихъ револьверы. Имъ запрещено было разговаривать другъ съ другомъ и съ конвойными подъ угрозой разстрѣла. Когда во время томительнаго ожиданія въ крѣпости кому-нибудь дѣлалось дурно, солдатъ, молча, подносилъ воду. Послѣ провѣрки бумагъ и обыска, при чемъ женщинъ осматривали приглашенныя для этого женщины же, ихъ снова отправили на вокзалъ и присоединили къ нашему поѣзду. Спутница наша, видимо, привыкла переносить лишенія: она спала ночь въ вагонѣ на полу, безъ подстилки, какъ-то эпически относилась къ своимъ невзгодамъ и только одного боялась—не зная языка, остаться одинокой среди нѣмцевъ.

Самымъ безпокойнымъ спутникомъ былъ контрабандистъ—рабочій. Родомъ изъ русской Польши, неудачникъ въ жизни, благодаря безпокойному и строптивому характеру, видимо, способный человѣкъ, онъ производилъ впечатлѣніе прирожденнаго бродяги,—онъ побывалъ въ Австріи, Германіи, Швеціи, Норвегіи,

Даніи, мечталъ о томъ, чтобы поселиться на всю жизнь въ Швейцаріи. У него были нѣкоторыя вещи, не подходившія къ его облику, которыя, по его словамъ, онъ «нашелъ», были и деньги; кромѣ того, онъ оказывалъ разныя мелкія услуги и получалъ за это плату. Все время, когда не спалъ, онъ разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ, о жизни и пріемахъ контрабандистовъ, и многое изъ этихъ разсказовъ могло бы представить большой интересъ для беллетриста-бытописателя. Былъ у него и задоръ равенства «въ отношеніяхъ» съ другими лицами, и та несносная неугомонность, которая заставляла его устраивать сквозняки, потому что ему жарко, открывать окна при проѣздѣ черезъ мосты, за что̀ намъ угрожали разстрѣломъ и т. п. Тяжело тянулась для насъ ночь, которую мы провели, скрючившись, въ душномъ воздухѣ вагона, отравленномъ тяжелымъ запахомъ уборной. — Около 2-хъ часовъ дня мы прибыли въ Штеттинъ, откуда насъ, не высаживая, повезли дальше, присоединивши къ намъ новую партію арестованныхъ. На небольшихъ станціяхъ отдѣльныя лица изъ публики оказывали намъ охотно маленькія услуги, подзывали къ нашимъ запертымъ вагонамъ продавщицъ изъ буфетовъ, наливали намъ сами воду въ наши бутылки и т. п. На одной изъ станцій видный господинъ, кажется, одинъ изъ представителей мѣстнаго муниципалитета, сообщилъ намъ, что насъ везутъ на о-въ Рюгенъ, гдѣ оставятъ до окончанія войны. Направленіе на Штральзундъ дѣлало вѣроятной эту тяжелую вѣсть.

Печально глядѣли мы въ окна и печальную картину видѣли передъ собой: золотистыя нивы, которыми мы еще такъ недавно любовались, стояли почернѣвшія: хлѣбъ оставался на корню, некому было убрать жатву. По пустымъ полямъ кое-гдѣ бродили одинокія женскія фигуры, мужчинъ не было видно.

Со стѣсненнымъ сердцемъ подъѣхали мы поздно вечеромъ 25-го іюля къ Штральзунду. Насъ высадили въ гавани. Непонятные силуэты какихъ-то странныхъ сооруженій—не то мостовъ, не то пароходовъ рисовались въ темнотѣ. Впослѣдствіи они оказались паромами-пароходами, на которыхъ мы переправлялись на Рюгенъ. Мы высадились изъ поѣзда и рады были размять члены и вдохнуть чистаго воздуха послѣ сутокъ съ половиной, проведенныхъ взаперти въ вагонахъ. Насъ повели по темнымъ, узкимъ и грязнымъ улицамъ какой-то гаванной слободки. Было пусто кругомъ, только пьяные и распущенные солдаты брели группами по этой трущобѣ и иногда врѣзывались въ нашу толпу. Составъ нашего конвоя какъ будто уменьшился, и

это дѣлало наше положеніе болѣе жуткимъ. Вотъ впереди показалось какое-то мрачное зданіе; насъ ввели въ деревянныя рѣшетчатыя ворота и остановили передъ зданіемъ,—зачѣмъ? неизвѣстно,—можетъ быть, для того, чтобы въ душу закрался трепетъ—не сюда ли засадятъ? По моимъ наблюденіямъ, нѣмцы любятъ такіе эффекты и не упускаютъ случая пользоваться ими. Постоявъ 2—3 минуты, мы двинулись черезъ какой-то длинный проходъ и вышли къ берегу моря. Оно было совершенно тихое; тамъ и здѣсь вырисовывались силуэты лодокъ и пароходовъ, точно врѣзавшихся въ его сонную гладь. Далеко позади мелькали огоньки города. Было тихо и красиво. Передъ нами стоялъ паромъ, а вдали вырисовывались очертанія острова, покрытаго роскошной растительностью и напоминавшаго картины Беклина.

Насъ партіями стали переправлять на островъ. Мы попали во вторую партію. Тихо скользилъ паромъ, точно унося насъ въ какую-то сказочную страну. Мы сошли на берегъ и углубились въ темную аллею, усаженную вѣковыми буками. Необыкновенно высокіе, они образовали точно куполъ надъ нашими головами. Нигдѣ ни огонька, только большіе мѣловые камни свѣтились по обѣимъ сторонамъ темной аллеи, которой, казалось, не было конца. Вдругъ вдали мелькнулъ огонь, и скоро мы подошли къ кирпичному зданію казармы, насъ повели мимо и остановили передъ длиннымъ двухэтажнымъ кирпичнымъ сараемъ съ 4-мя воротами, которыя были широко открыты.

«Входите и располагайтесь», сказали намъ. Мы заглянули въ ворота: въ широкомъ проходѣ на земляномъ полу съ обѣихъ сторонъ набросаны были охапки соломы. Пыль покрывала толстымъ слоемъ полъ, застилала густымъ вуалемъ все помѣщеніе: висящія съ потолка лампы казались туманными пятнами. Неужели здѣсь надо «располагаться» на ночь? Но думать было некогда, надо было занимать мѣста. Мы заняли мѣсто въ концѣ сарая, противоположномъ выходу. Вблизи насъ часть стѣны была застеклена и кое-гдѣ были открыты форточки. Мы заглянули въ одну изъ нихъ: на обрывѣ надъ водой стоялъ солдатъ. Въ длинныхъ пролетахъ, отдѣленныхъ отъ нашего прохода невысокой кирпичной стѣной аршина $1^1/_2$ вышиной, расположились конвойные солдаты.

Оставивши вещи, мы поспѣшили уйти на воздухъ отъ пыли. Она была такъ невыносима, что нѣкоторые предпочли спать подъ открытымъ небомъ и, устроивши себѣ постели на скамьяхъ у стѣны сарая, провели такъ всю ночь, несмотря на дождь. Надъ нашими воротами-дверьми красовалась надпись:

„Wagenhaus № 3». Наша партія арестованныхъ все возрастала по дорогѣ,—это была столбовая партія, съ которой сливались меньшія, притекавшія съ разныхъ сторонъ. Послѣ Штеттина насъ было уже болѣе 500 человѣкъ, и теперь всѣ мы были размѣщены въ четырехъ Wagenhaus'ахъ.

Среди тѣхъ, кого присоединили къ намъ въ Штеттинѣ,—было нѣсколько польскихъ семей, прибывшихъ изъ Цонпота и изъ нѣкоторыхъ австрійскихъ курортовъ. Въ одной изъ этихъ семей было 6 малышей, въ другой 5, въ нѣсколькихъ по 3; здѣсь былъ также докторъ со слѣпой матерью и тремя дѣтьми. Все это валялось тутъ же на землѣ въ пыли, задыхалось, кашляло, плакало. Конвойный принесъ солдатскія одѣяла, чтобъ накрыть солому, и раздавалъ ихъ желающимъ. «Ist es rein»? спросила я. «Ganz rein». — «Ganz rein»? переспросила я. «Im Deutschland Alles ist rein. Sie wissen es selbst sehr gut».

У насъ завязался разговоръ,—я сказала ему, что мы ихъ Kurgäste, жили на ихъ курортахъ и вотъ въ какихъ условіяхъ очутились теперь. Онъ сочувственно покачалъ головой, но тутъ же, встряхнувшись, прибавилъ: «Deutschland nimmt Alles mit»; выраженіе лица какъ-бы добавило: и ничего съ этимъ не подѣлаешь. Эти напыщенныя «Deutschland», «bei uns» и т. п. были обычными припѣвами въ устахъ всѣхъ нѣмцевъ.

Былъ второй часъ ночи, когда мы улеглись. Измученные физически и нравственно, безъ мыслей, безъ чувствъ, мы повалились на наше жесткое пыльное ложе и заснули, какъ убитые. На утро первой заботой нашей было скорѣе умыться: всѣ предметы въ нашемъ сараѣ, въ томъ числѣ и наши лица, пріобрѣли свѣтло-сѣрую окраску; пыль чувствовалась въ горлѣ, въ носу, на зубахъ. На вопросъ мой, гдѣ можно добыть воды, солдатъ спросилъ: «Trinkwasser или Waschwasser?».

Въ нѣмецкой казармѣ это строго различается, такъ какъ нѣмцы съ необыкновенной тщательностью относятся къ санитарнымъ и гигіеническимъ условіямъ жизни своихъ офицеровъ и солдатъ. Образцовое содержаніе казармъ—чистота, здоровая пища, удобная обувь и т. п.—и здѣсь сразу бросались въ глаза. Въ казармѣ былъ небольшой буфетъ, который, благодаря намъ, сильно развилъ свою дѣятельность; но онъ не могъ удовлетворить изголодавшихся людей, не ѣвшихъ въ теченіе двухъ сутокъ. Подняли вопросъ относительно обѣда. Оказалось, что здѣсь насъ взяли на казенное содержаніе: военная казарма на островѣ не допускала проникновенія въ нее мѣстныхъ жителей,

«маркитантовъ», какъ мы ихъ называли въ Браунсбергѣ. Здѣсь назначили казенный паекъ: на обѣдъ и на ужинъ рисовая каша со свининой и краюхой чернаго хлѣба, утромъ и вечеромъ—кофе безъ сахара. Какъ только мы были взяты на казенное иждивеніе, нѣмцы знали уже точно, что имъ надо съ нами дѣлать. У нѣмцевъ мало человѣчности, имъ нѣтъ дѣла до вашей души, и они съ ней не церемонятся, но техника культуры у нихъ поставлена крѣпко. Намъ сейчасъ же открыли цейхгаузъ, откуда выдали каждому совершенно новыя, запечатанныя въ бумагѣ: миску для ѣды, миску и кувшинъ для умыванія, ложку, вилку, ножъ и также наволоки для соломы. Наша толпа, не дисциплинированная, жадная, при этихъ раздачахъ была крайне непріятна: точно никогда не видѣвшіе раздаваемыхъ предметовъ, кидались многіе впередъ, вырывая изъ рукъ завѣдывавшаго складомъ по 5—6 мисокъ, помногу наволочекъ и т. д. Когда по просьбѣ арестованныхъ привезли для продажи намъ молоко, которое предназначалось главнымъ образомъ для дѣтей или же больныхъ, взрослые здоровые мужчины кинулись съ бутылками на солдата, стоявшаго у молока, съ такой стремительностью, что тотъ съ крикомъ «Donnerwetter» сталъ садить куда попало кулаками въ ринувшуюся на него толпу и, схвативши ведра съ молокомъ, заперся въ комнатѣ и сталъ выдавать молоко изъ окна, у котораго, наконецъ, устроена была очередь. Стыдно было смотрѣть на все это. Невольно вспоминались разсказы о гибели «Титаника», когда англійская толпа, въ моментъ смертельнаго ужаса, умѣла сохранить самообладаніе и прежде всего дала спастись дѣтямъ и матерямъ.

Съ утра день былъ сѣренькій, моросилъ дождь, но скоро небо прояснилось и мы могли проводить время на воздухѣ, пользуясь великолѣпной погодой. Въ концѣ очень длиннаго двора возвышалась зеленая горка, на самой вершинѣ которой находился красный буекъ, тамъ же стоялъ часовой.

На вершину горы всходить запрещалось, но у подошвы ея, на травѣ, мы расположились лагеремъ. Неподалеку слѣва шла широкая тропа къ морю, но туда проходить не позволяли, и мы только издали любовались небольшимъ заливомъ съ зелеными берегами. Въ этотъ день среди насъ было рѣшено попытаться выяснить свою участь. Такъ какъ всей толпой вести переговоры невозможно, то надо было поручить это дѣло довѣреннымъ лицамъ изъ нашей среды. Съ этой цѣлью сначала были избраны выборщики, которые составили комиссію и въ свою очередь

выбрали представителей—графа К., сенатора И. и присяжнаго повѣреннаго С. для переговоровъ съ лейтенантомъ,—начальникомъ нашего конвоя.

Намѣченъ былъ рядъ вопросовъ, которые необходимо было выяснить, но всѣ они сводились къ одному вопросу и одному желанію: что съ нами намѣрены дѣлать? Пусть насъ отпустятъ въ Россію. Лейтенантъ сказалъ нашимъ представителямъ, что о насъ ведутся переговоры со Швеціей и что около 4-хъ часовъ дня онъ сообщитъ намъ результатъ.

Наступилъ часъ обѣда. Длинной вереницей стояли мы у входа въ кухню, гдѣ получали по очереди изъ огромнаго, «бездоннаго» котла похлебку. Здѣсь даже техники культуры не хватило нѣмцамъ: намъ не дали ни столовъ, ни скамеекъ,—мы должны были ѣсть, сидя на землѣ и держа миску въ рукахъ.

Съ утра въ казармѣ царило оживленіе: гарнизонъ собирался уходить, ему на смѣну шелъ другой. Солдаты толпились во дворѣ, вдругъ мы замѣтили въ срединѣ двора какія-то знакомыя фигуры. «Наши солдаты, посмотрите, наши солдаты»,—воскликнула моя дочь. Мы думали, что она ошиблась, но дѣйствительно, окруженные нѣмецкими солдатами, стояли наши—нѣсколько таможенныхъ солдатъ и два казака. На нашихъ глазахъ ихъ отвели въ отдѣльно расположенный казематъ съ рѣшетками у оконъ и заперли тамъ. Ни тѣни жалости или участія къ нимъ не замѣтили мы у нѣмцевъ—одно холодное любопытство.

Тутъ же узнали мы, что въ нижнемъ угловомъ помѣщеніи казармы сидятъ арестованные въ Сталлюпененѣ и привезенные сюда генералы. Ихъ роднымъ и знакомымъ разрѣшено было бесѣдовать съ ними черезъ раскрытыя окна ихъ помѣщеній. Еще одинъ, особо стоящій, одноэтажный домикъ охранялся часовыми; оттуда никто не показывался.

Намъ сказали, что тамъ сидитъ адъютантъ Великаго Князя Константина Константиновича. Всѣхъ этихъ арестованныхъ мы оставили въ Штральзундѣ.

Гарнизонъ уходилъ. Къ моей дочери подошелъ солдатъ и отдалъ ей большой ломоть чернаго хлѣба со словами: «возьмите, мнѣ не надо». Этотъ солдатскій подарокъ мы привезли съ собою.

Въ нашихъ Wagenhaus'ахъ прибивали гвозди, полки и вѣшалки. Это привело насъ въ уныніе. Значитъ, насъ разсчитываютъ долго держать здѣсь. Опять слухи и предположенія стали возникать одно за другимъ. Наконецъ, явился лейтенантъ и объявилъ нашимъ представителямъ, что переговоры о насъ увѣн-

чались успѣхомъ, Швеція насъ принимаетъ, и завтра насъ отправляютъ туда. Мы не знали, вѣрить или не вѣрить—насъ обманывали столько разъ. А такъ хотѣлось вѣрить, и такъ вѣрилось гдѣ-то глубоко въ душѣ! Я подошла къ старику-учителю и сказала ему:

— Ну, что же, надо вѣрить на этотъ разъ?

Онъ поднялъ глаза къ небу и произнесъ:

— Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!

Съ тѣмъ же вопросомъ обратилась я къ молодой симпатичной дѣвушкѣ. «Молчите, молчите»,—шепнула она, точно боясь спугнуть что-то хорошее, а у самой глаза горѣли надеждой и радостью.

Хорошъ былъ этотъ вечеръ, тихій, теплый и влажный; изъ-за горки красиво поднялась луна. Мы ходили съ виду спокойные, съ трепетавшей въ душѣ надеждой. Старый учитель подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Да, надо вѣрить; я сейчасъ говорилъ съ лейтенантомъ, онъ говоритъ, что всѣ переговоры велись черезъ него. Я умолялъ его сказать мнѣ настоящую правду, какъ человѣку тяжело больному, и онъ далъ мнѣ слово офицера, что насъ отправятъ въ Швецію. Офицеръ такого слова понапрасну не дастъ».

Мы долго ходили по двору, вдыхая чистый морской воздухъ и не рѣшаясь войти въ наши конюшни.

На другой день, 27-го іюля, мы встали очень рано, напились чаю и стали укладывать вещи. Вышелъ приказъ сдать всю казенную посуду, наволоки и собираться въ путь. Въ 8 часовъ утра мы направились прежней дорогой къ парому и оттуда въ гавань. Тамъ ждали насъ поѣздъ и два парохода-парома. Паровозъ ввозилъ на нихъ вагоны, и они везли весь поѣздъ по морю до острова Рюгена. Этотъ оригинальный способъ передвиженія при другихъ условіяхъ вызвалъ бы большой интересъ съ нашей стороны; теперь же мы были во власти одной мысли: что будетъ дальше? Мы проѣзжали по совершенно пустынному острову. Тѣ же неубранныя поля, какія мы видѣли раньше, съ кое-гдѣ бродящими унылыми фигурами, опустѣвшія дачи. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ болѣе казалось намъ, что слышанные нами разсказы объ ожидающихъ здѣсь тысячахъ русскихъ невѣрны. Но, можетъ быть, они живутъ всѣ въ Засницѣ?—думали мы и съ нетерпѣніемъ ждали.

Наконецъ, показались красивыя дачи моднаго курорта. Куда насъ повезутъ? На вокзалъ, въ гостиницу или къ гавани? Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ.

— Насъ везутъ къ гавани,—сказалъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ.

Показалось море. Мы жадно искали на немъ большого парохода, который долженъ былъ ждать насъ въ случаѣ отправки въ Швецію. Но мы видѣли только покачивающійся на волнахъ у мола маленькій пароходъ, скорѣе похожій на большую яхту.

Поѣздъ остановился, но вагоны оставались заперты. Изъ окна мы увидѣли, какъ по порядку открываются двери вагоновъ, и на перронѣ нѣмецкіе чиновники производятъ смотръ вещей. Наконецъ, дошла очередь до насъ. Мы вышли, осмотръ вещей былъ коротокъ. Намъ объявили, что мы свободны и можемъ идти покупать билеты на шведскій пароходъ, который скоро долженъ прійти. Нашъ конвой исчезъ. Мы были свободны... Передъ нами разстилалось широкое море. Но мы были еще на нѣмецкомъ берегу, и щемящее сомнѣніе заползало въ душу.

У пароходной кассы на пристани образовалась огромная очередь. Никто не остался безъ билета: тѣмъ, кто былъ въ затруднительномъ положеніи, помогли другіе. Наконецъ, билеты были взяты, и публика частью наполнила залы ожиданія, гдѣ были буфеты, частью столпилась на пристани. Вскорѣ обнаружилось, что нашъ ручной багажъ, ѣхавшій съ нами изъ Браунсберга въ особомъ вагонѣ, исчезъ. Очевидно, вагонъ гдѣ-то заблудился въ дорогѣ. Многимъ это омрачило настроеніе; но судьба рѣшила быть доброй до конца: на пристани появился желѣзнодорожный служащій, громкимъ голосомъ объявившій, что «Handgepäck» изъ Браунсберга придетъ съ однимъ изъ слѣдующихъ поѣздовъ, и если не застанетъ насъ здѣсь, то будетъ отправленъ вслѣдъ за нами въ Стокгольмъ. Конечно, онъ прибавилъ при этомъ: «Не безпокойтесь, въ Германіи ничто не пропадаетъ».

Около $4^1/_2$ часовъ дня мы увидали большой пароходъ, переполненный пассажирами.

На пристани былъ протянутъ канатъ, отгораживающій отъѣзжающихъ отъ пріѣзжающихъ. Мы поспѣшили занять мѣста поближе къ выходу и узнали, что пришедшій пароходъ, «Мальмё», привезъ нѣмецкихъ подданныхъ изъ Россіи. Ихъ было много. Нѣкоторые изъ нихъ подходили къ намъ и разсказывали подробности пути, который продѣлали они и который предстояло совершить намъ. Они говорили, что не подвергались никакимъ насиліямъ въ Россіи.

Пока выгружался и нагружался пароходъ, прошло довольно много времени. Наконецъ канатъ, загораживавшій дорогу, упалъ, и мы бросились къ пароходу. Въ 6 часовъ вечера онъ отчалилъ отъ берега. На этотъ разъ наша толпа оказалась сдержанной въ своихъ чувствахъ: ни звука не сорвалось ни съ чьихъ устъ—безмолвно глядѣли мы на покинутую нами землю нашихъ горькихъ испытаній и вздохнули свободно, когда она осталась далеко позади...

Вокругъ насъ была морская ширь, мы дышали чистымъ воздухомъ моря, а душа была полна радостью освобожденія. Большой пароходъ былъ набитъ биткомъ. Странное состояніе духа было у нашей публики: экспансивная, часто шумно-несдержанная, она теперь затихла, точно отдыхала отъ пережитого. Былъ моментъ тревоги, живо всколыхнувшій недавнее прошлое: на горизонтѣ показались силуэты двухъ германскихъ крейсеровъ; но они скоро исчезли вдали.

Вѣтеръ крѣпчалъ. На морѣ скоро поднялась зыбь, и многихъ укачало. Къ счастью, моя дочка проспала это время и проснулась только тогда, когда волненіе стихло, и пароходъ приближался къ шведскому берегу. Великолѣпно всходила луна. Мы стояли у борта и любовались чудной картиной.

Въ 11 час. ночи мы остановились у пристани Треллеборга. Мы были на шведской землѣ!

С. Щ.

* *
*

Туманомъ бѣлымъ дымится поле,
Вотъ скоро, скоро проснется лѣсъ,
Разгульный вѣтеръ поетъ на волѣ
И гонитъ тучи на край небесъ.

Поднялась озимь на почвѣ талой,
Горячей ласки отъ солнца ждетъ,
Невольно чуешь душой усталой,
Что осіянной весна идетъ.

Ея волшебству ужъ вѣришь снова,
Твердитъ разсудокъ: «я замолчу»,
Забыть мятели ты вновь готова,
И сердца трепетъ отдать лучу.

А. И. Домасудъ-Бромирская.

ГРАФЪ КАСТИЛЬОНЕ.

Гуманистъ, придворный, дипломатъ.

(Окончаніе) [1]).

IV.

Жизнь эта начиналась при самыхъ свѣтлыхъ предсказаніяхъ; кончилась она печально. Личное счастье было разбито, иллюзіи изжиты, призраки славы остались позади. И только черный покровъ мистицизма опустился на одинокаго, разочарованнаго всѣмъ человѣка и закрылъ его печальный закатъ своею пеленою.

Кастильоне былъ поочередно то воиномъ, то придворнымъ, то дипломатомъ. И всегда былъ гуманистомъ и поэтомъ. Онъ началъ службу при дворѣ Лодовика Моро въ Миланѣ, одномъ изъ самыхъ блестящихъ, но и самыхъ зловѣщихъ [2]). Тамъ недавно еще таинственно умеръ послѣдній представитель прямой линіи Сфорца, юный Галеаццо-Марія, и страшный дядя его захватилъ престолъ. Эта узурпація не должна была принести счастья Темному (il Moro) тирану: онъ кончилъ свои дни плѣнникомъ французскаго короля, въ мучительной тюрьмѣ-клѣткѣ. Для Италіи этотъ Сфорца оказался фатальнымъ: его призывъ къ Карлу VIII положилъ начало наводненію Италіи чужеземцами. Но Моро былъ мастеръ интригъ и дипломатическихъ ходовъ, и юному Кастильоне было чему учиться въ Миланѣ. А дворъ столицы Сфорца, гдѣ царила супруга Лодовико, Беатриче д'Эсте, прекрасная сестра Изабеллы, былъ хорошей школой для будущаго автора «Cortegiano». Пока жива была Беатриче, Кастильоне не покидалъ Милана. Но Беатриче умерла рано, и онъ перешелъ

---

[1]) См. октябрь, стр. 197.

[2]) См. новую, роскошно изданную книгу Malaguzzi Valeri, «Lodovico il Moro», т. I, 1913.

въ Мантую, чтобы оплакивать вмѣстѣ съ Изабеллой прекрасную герцогиню миланскую. Франческо Гонзага, маркизъ Мантуанскій, не умѣлъ цѣнить мирныхъ прелестей придворной жизни и не любилъ, чтобы у приближенныхъ его жены ржавѣли латы. Кастильоне пришлось сѣсть на коня и скрестить шпагу съ испанцами. Но ему, видимо, не нравились воинственныя наклонности маркиза. Въ маѣ 1504 года онъ познакомился въ Римѣ съ Гвидубальдо; оба пришлись по душѣ другъ другу, и Гвидубальдо сталъ настойчиво поддерживать передъ маркизомъ Франческо просьбу Кастильоне о разрѣшеніи ему перейти на службу въ Урбино [1]). Маркизъ былъ гордъ и не захотѣлъ удерживать Кастильоне насильно, но онъ былъ очень разсерженъ этимъ поступкомъ любимца и родственника. Когда Кастильоне въ декабрѣ 1505 г. былъ посланъ своимъ новымъ государемъ съ миссіей въ Мантую, маркизъ велѣлъ ему сказать, что положеніе его на мантуанской территоріи можетъ не сойти ему безнаказанно. Пришлось вернуться. Лѣтомъ 1506 года онъ отправился въ Лондонъ съ миссіей къ Генриху VII, о которой говорилось выше, и весною 1507 года былъ уже вновь въ Урбино. Послѣ смерти Гвидубальдо Кастильоне продолжалъ служить Франческо-Марія.

Франческо не былъ похожъ на своего дядю. Его привлекало военное дѣло, и онъ былъ главнокомандующимъ папскихъ войскъ. А папа Юлій былъ не таковъ, чтобы давать покой своимъ войскамъ. Онъ хотѣлъ не только удержать завоеванія Цезаря Борджья въ Романьѣ и Маркахъ, но и расширить ихъ. Перуджа, которой владѣлъ Бальони, Болонья, гдѣ правилъ Бентиволъо, были завоеваны имъ еще въ 1507 году; послѣдней управлялъ кардиналъ Алидози. А въ концѣ 1508 г. папа создалъ Камбрейскую лигу противъ Венеціи, и герцогъ Урбинскій вывелъ въ поле войска. Кастильоне сопровождалъ его, командуя самостоятельнымъ отрядомъ, но по-настоящему сражаться имъ не пришлось. Венеціанцы, тѣснимые въ Ломбардіи, уступали свои позиціи на югѣ. Герцогъ занялъ Равенну почти безъ выстрѣла. Гораздо болѣе серьезную кампанію пришлось выдержать герцогу и ставшему его адъютантомъ Кастильоне въ 1510—1511 годахъ, когда папа объявилъ войну Франціи и ея союзницѣ Феррарѣ. Герцогъ безъ труда покорилъ Модену, но надолго былъ задержанъ мужественнымъ сопротивленіемъ Мирандолы, заслонявшей Феррару. Туда въ концѣ концовъ папа пріѣхалъ самъ ру-

[1]) Martinati, Notizie storico-biografiche di B. Castiglione, стр. 76—77.

ководить работами, и крѣпость сдалась ему. Но вскорѣ послѣ этого неожиданнымъ нападеніемъ французы, подъ начальствомъ Тривульціо, завладѣли Болоньей и на-голову разбили прикрывавшій его корпусъ герцога Урбинскаго. Кастильоне во время отступленія потерялъ все свое имущество. Папа спасся въ Равенну. Его ярость вылилась на герцога, котораго кардиналъ Алидози сумѣлъ представить полнымъ виновникомъ пораженія. Кардинала герцогъ за это собственноручно закололъ на улицѣ, за что былъ отлученъ и лишенъ владѣній, но вскорѣ папа простилъ его и возстановилъ въ правахъ, а послѣ равеннскаго пораженія (1512) вернулъ ему и званіе главнокомандующаго. Франческо-Марія отблагодарилъ папу тѣмъ, что вновь завоевалъ всю Романью, не исключая и Болоньи (іюнь 1512), но его операціи противъ Феррары продолжали оставаться очень вялыми. Изабелла, мать молодой герцогини Леоноры, дѣйствовала очень искусно въ защиту брата, герцога Феррарскаго. Альфонсу удалось въ концѣ концовъ смягчить гнѣвъ папы. Кастильоне самъ былъ чрезвычайно радъ, что дѣло кончилось такъ хорошо: ему неудобно было воевать противъ брата своей маркизы. За услуги, оказанныя св. Престолу, герцогъ получилъ отъ папы Пезаро и могъ, наконецъ, обратиться къ внутреннимъ дѣламъ, которыя были до тѣхъ поръ въ испытанныхъ рукахъ Елизаветы.

Впрочемъ, за исключеніемъ трудной кампаніи подъ Мирандолой, завершившейся болонскимъ пораженіемъ, война оставляла и герцогу и Кастильоне много досуговъ. Походная жизнь сблизила обоихъ, и Кастильоне сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ перваго министра и ближняго придворнаго у герцога. Венеціанцы говорили, что онъ можетъ сдѣлать съ герцогомъ все, что захочетъ [1]). Промежутки между военными дѣйствіями проводились то въ Римѣ, какъ карнавалъ 1510 года, то въ Урбино. Карнавалъ 1513 года, первый, когда урбинскіе воины могли спокойно отдохнуть дома, вышелъ особенно блестящимъ. При дворѣ была поставлена «Каландрія» Биббіены, въ первый разъ, и Кастильоне, изъ Ахиллеса превратившійся въ Омира, былъ уже съ головой погруженъ въ тонкости постановки, сочинялъ прологъ, обучалъ актеровъ, словомъ, находился въ большихъ хлопотахъ. Но скоро увеселенія вновь смѣнились серьезными заботами.

Умеръ папа Юлій, суровый и буйный, но нѣжно любящій дядя. Кто будетъ его преемникомъ? Отъ исхода выборовъ зависѣла, быть можетъ, судьба династіи делла Ровере. Кастильоне

[1]) Cartwright, указ. соч. I, 299.

поспѣшилъ въ Римъ, чтобы быть готовымъ ко всякимъ неожиданностямъ. Но выборъ Льва X, брата Джуліано Magnifico, связаннаго узами неоплатной признательности съ урбинскимъ дворомъ, успокоилъ герцога и обѣихъ герцогинь. Герцогъ пріѣхалъ въ Римъ поздравить папу, былъ утвержденъ и въ должности главнокомандующаго, и въ должности римскаго префекта, и вернулся совершенно спокойный. Кастильоне за всѣ свои заслуги получилъ чудесный замокъ Новиллору близъ Пезаро съ большимъ доходомъ и съ графскимъ титуломъ.

Ему пришлось еще остаться въ Римѣ нѣкоторое время, и эти мѣсяцы были, быть можетъ, лучшей порою его жизни. Новый папа возбуждалъ самыя блестящія надежды. Самъ ученый, который говорилъ про себя, что онъ выросъ въ библіотекѣ и любитъ искусство съ колыбели, другъ всѣхъ гуманистовъ, немедленно назначившій Бембо и Садолетто апостольскими секретарями, а своего друга Биббіену—казначеемъ куріи, покровитель Рафаэля и художниковъ,—Левъ X, казалось, открывалъ «золотой вѣкъ». Нѣтъ ничего удивительнаго, что всякій, кто считалъ себя прикосновеннымъ къ наукѣ или искусству, стремился въ Римъ. Кастильоне былъ плотно окруженъ друзьями. Биббіена и Бембо, Садолетто и Тернандро, Бернальдо—всѣ были тутъ. Рафаэль, который цѣнилъ его вкусъ, не разставался съ нимъ; они вмѣстѣ блуждали по Риму и римской Кампаньѣ въ поискахъ за античными остатками, вмѣстѣ ходили на виллу Агостино Киджи, которую Рафаэль расписывалъ въ это время своими безсмертными фресками. А когда пріѣхалъ изъ Флоренціи и Джуліано Великолѣпный, кругъ друзей сомкнулся совсѣмъ.

Кромѣ радостей, доставляемыхъ ему обществомъ друзей, Кастильоне былъ обрадованъ и болѣе существенными вѣстями. Папа подтвердилъ дарованіе ему Новилляры, какъ верховный сюзеренъ замка, а маркиза Изабелла, которой онъ оказалъ услуги во время ея пребыванія въ Римѣ, съ помощью герцогини Елизаветы примирила его съ его исконнымъ государемъ, суровымъ маркизомъ Франческо [1]). Онъ могъ даже весною 1514 г. съѣздить въ Мантую.

Все у него ладилось. Съ Новиллярою должна была прійти обезпеченность, карьера складывалась прекрасно. Нужно было только, чтобы сбылись надежды на «золотой вѣкъ», мирный,

[1]) Онъ сталъ склонять маркиза къ прощенію сейчасъ же послѣ того какъ ему сдѣлалось ясно, что Франческо гнѣвается серьезно. Уже передъ отъѣздомъ въ Англію онъ написалъ ему письмо, полное достоинства, гдѣ предостерегалъ его отъ клеветниковъ. Оно напечатано у Luzio-Renier, Mantova et Urbino, стр. 177.

свободный отъ войнъ, цѣликомъ отданный наукамъ и искусствамъ. Можетъ быть, онѣ бы и сбылись, если бы у папы не было такой большой родни. Флоренція, вотчина Медичи, казалась имъ тѣсна. Папѣ хотѣлось устроить и брата Джуліано, и племянника Лоренцо, и сына Джуліано, маленькаго Ипполита, и сына Лоренцо, полунегритенка Алессандро. Устроенъ былъ только одинъ кардиналъ Джуліо, двоюродный братъ Льва и Джуліано. Остальнымъ нужны были должности и больше: престолъ. Постепенно въ головѣ папы сложилась мысль о лишеніи герцога Урбинскаго его владѣній и о передачѣ ихъ Лоренцо. Пока былъ живъ Джуліано, этого сдѣлать было нельзя: il Magnifico не давалъ въ обиду старыхъ друзей. Но Джуліано умеръ въ 1516 году, и невозможное стало возможнымъ. Поводъ былъ найденъ вздорный, наряженъ судъ, постановленъ приговоръ. Всѣ усилія Кастильоне были тщетны. Лоренцо съ огромнымъ войскомъ пришелъ въ Урбино, и герцогъ съ обѣими герцогинями должны были бѣжать.

Служить въ Урбино стало некому, какъ это ни было горько Кастильоне. Онъ перешелъ на службу къ маркизу Франческо, въ качествѣ мантуанскаго посла при куріи.

Миссія Кастильоне въ Римѣ была нелегка. Левъ X очень косо глядѣлъ на то, что Гонзага укрываютъ при своемъ дворѣ обѣихъ изгнанныхъ герцогинь урбинскихъ и временами самого делла Ровере. Послу постоянно нужно было быть на-сторожѣ. А когда въ мартѣ 1519 года умеръ старый маркизъ Франческо и его мѣсто заступилъ Федерико, человѣкъ съ большими честолюбивыми замыслами, задача стала еще труднѣе. Сначала дѣло шло все о тѣхъ же интересахъ дома делла Ровере, да еще о какихъ-то финансовыхъ разсчетахъ между куріей и Мантуей [1]). Съ ними Кастильоне справлялся съ обычнымъ своимъ искусствомъ, хотя ему и не удалось убѣдить папу вернуть Урбино его прежнему герцогу послѣ смерти Лоренцо Медичи.

Федерико добивался назначенія главнокомандующимъ папскими военными силами. Это была большая честь, и въ соперникахъ недостатка не было. Кастильоне повелъ дѣло такъ, что уже въ іюлѣ 1521 года назначеніе состоялось. Маркизъ ликовалъ и осыпалъ искуснаго посла выраженіями восторженной признательности. И чѣмъ больше доказывалъ свое искусство Кастильоне, тѣмъ болѣе трудныя задачи на него возлагались. Изабеллѣ пришла фантазія облачить второго сына, Эрколе, въ красную мантію.

---

[1]) Luzio-Renier, op. cit. 242.

И Кастильоне долженъ хлопотать. Напрасно онъ увѣрялъ честолюбивую маркизу, что задача почти невыполнима, потому что уже имѣется одинъ кардиналъ Гонзага, Сиджисмондо, братъ покойнаго Франческо. Изабелла настаивала, и Кастильоне уже почти склонилъ папу Льва къ рѣшенію дать пурпуръ юному Эрколе, но папа умеръ, и хлопоты его должны были принять другое направленіе.

Открылся конклавъ. Въ Мантуѣ теперь хотѣли, чтобы уже имѣющійся въ наличности кардиналъ Гонзага, Сиджисмондо, былъ избранъ папой, и Кастильоне опять хлопочетъ. Но у Сиджисмондо много противниковъ. Испанское золото работало за кардинала Тортозскаго, учителя Карла V, партія Медичи имѣла за собою поддержку банкировъ во главѣ съ Агостино Киджи и, что̀ было еще важнѣе, самого маэстро Пасквино, отъ имени котораго говорилъ Аретино, громившій и позорившій всѣхъ остальныхъ [1]). Сиджисмондо не прошелъ. Папою сдѣлался кандидатъ Испаніи подъ именемъ Адріана VI. Кастильоне работалъ тихо, не задѣвая никого, и ему не пришлось, подобно Аретино, бѣжать изъ Рима, пока не пріѣхалъ новый папа. Наоборотъ, онъ сталъ работать въ куріи Адріана надъ другой трудной задачей.

При первомъ извѣстіи о смерти Льва X, Франческо Марія, наскоро собравъ войско, двинулся на Урбино и безъ всякаго труда водворился въ немъ снова. Городъ встрѣтилъ его съ радостью, а на долю Кастильоне выпалъ трудъ закрѣпить перегорами съ папою создавшееся положеніе вещей. Онъ справился и тутъ блистательно. Но онъ уже усталъ, вынужденный безъ конца сидѣть въ Римѣ, гдѣ тоска, жара, чума. Изабелла сжалилась надъ нимъ и вызвала его къ себѣ, чтобы онъ сопровождалъ ее въ Падую, куда она собиралась на поклоненіе мощамъ св. Антонія. Это было въ мартѣ 1523 года, а въ ноябрѣ умеръ Адріанъ VI, и папою былъ избранъ кардиналъ Медичи, кандидатъ Испаніи, римскаго простого народа и Аретино.

Кастильоне снова былъ отправленъ въ Римъ. Нужно добиться у новаго папы, принявшаго имя Климента VII, чтобы онъ утвердилъ за маркизомъ должность главнокомандующаго. Климентъ не только далъ свое согласіе. Во время переговоровъ Кастильоне произвелъ на папу такое впечатлѣніе, что онъ рѣшилъ

---

1) На долю Сиджисмондо въ пасквинатахъ поочередно доставались эпитеты babbione, coglione, Gomorra, которые повидимому отмѣчали очень извѣстныя наклонности почтеннаго прелата. См. V. Rossi, Pasquinati di Pietro Aretino, стр. 19 и passim. О роли Аретино въ конклавѣ 1521 года см. мою статью „Пьетро Аретино и Возрожденіе“ въ „Голосѣ Минувшаго“, 1914, янв.

поручить ему трудные и очень запутанные переговоры куріи съ Карломъ V. Маркизъ, къ которому папа обратился съ просьбою уступить ему на нѣкоторое время своего искуснаго дипломата, не могъ въ этомъ ему отказать, и Кастильоне, закончивъ свои мантуанскія дѣла, поступилъ въ распоряженіе папы.

Послѣднія услуги, оказанныя имъ Мантуанскому двору, не носили публично-правового характера. То были больше частныя порученія Изабеллы. Уѣзжая изъ Рима въ Мантую, онъ везъ съ собою любимаго ученика Рафаэля, Джуліо Пинно, славнаго впослѣдствіи Джуліо Романо [1]) и рисунокъ Миккель-Анджело. Въ Мантуѣ онъ прожилъ недолго и въ декабрѣ 1524 года уѣхалъ въ Испанію. Времени терять было нельзя, потому что Климентъ безнадежно запуталъ нити своей политики.

Начиная съ Льва X, папская дипломатія была дружественна Испаніи и враждебна Франціи. Еще въ 1512 г., до вступленія на престолъ Льва, тогда еще просто кардинала Джованни Медичи, испанцы, по его просьбѣ, помогли сторонникамъ Медичи (palleschi) сокрушить основанную при Савонаролѣ флорентинскую республику. Левъ, сдѣлавшійся папою въ слѣдующемъ году, былъ тѣмъ болѣе преданъ союзу съ Испаніей, что безъ ея помощи не могъ осуществить своихъ широкихъ плановъ по одаренію итальянскими престолами различныхъ представителей семьи Медичи. Адріанъ VI, учитель и другъ Карла V, естественно былъ преданнымъ его союзникомъ. Климентъ тоже прошелъ, какъ кандидатъ Испаніи, и была увѣренность, что политика св. Престола не потерпитъ измѣненія. Но осенью 1524 года императорская армія была разбита и разсѣяна послѣ неудачной осады Марселя, у Карла почти не осталось войска въ Италіи, а король Франціи двинулся черезъ Альпы, вновь заключивъ союзъ съ Венеціей. Тогда Климентъ благословилъ Франциска и отдалъ подъ его покровительство Флоренцію и Римъ.

Но четырехмѣсячное сопротивленіе Павіи испортило дѣла французовъ. Съ юга подошла свѣжая испанская армія. Французы вышли ей навстрѣчу, король захотѣлъ быть храбрымъ вопреки всѣмъ правиламъ тактики, былъ разбитъ и попалъ въ плѣнъ. Это было 24 февраля 1525 года. Въ началѣ марта папскій посолъ графъ Кастильоне пріѣхалъ въ Мадридъ.

Папа самъ сдѣлалъ миссію своего посла не только трудной,

---

[1]) Какъ разъ передъ этимъ Джуліо выпустилъ свои знаменитыя непристойныя картинки, которыя гравировалъ знаменитый Маркантоніо Раймольди и къ которымъ Аретино написалъ сонеты. Ему было не вредно проѣхаться изъ Рима.

но невозможной. Когда послѣ побѣды своихъ генераловъ подъ Павіей Карлъ V сдѣлался вершителемъ судебъ Италіи, Климентъ пришелъ въ ужасъ. Могущество императора угрожало теперь не только Флоренціи, гдѣ его преемники хозяйничали уже двѣнадцать лѣтъ, но и самой Церковной области. И Климентъ сталъ готовить новую «Священную Лигу» противъ императора, въ которую онъ привлекъ Венецію и мелкія итальянскія государства, ещѣ не потерявшія самостоятельности, завязалъ переговоры съ Швейцаріей, съ Франціей, гдѣ Луиза Савойская не теряла энергіи, съ Портой. Но онъ имѣлъ неосторожность завязать переговоры съ маркизомъ Пескьера, природнымъ испанцемъ, Франческо д'Авалосъ, тѣмъ самымъ, который разбилъ Франциска при Павіи. Тотъ, разумѣется, выдалъ планъ Лиги Карлу и Карлъ двинулъ на церковныя владѣнія свою армію, во главѣ которой стояли коннетабль Бурбонъ, итальянецъ по матери [1]) и нѣмецъ Фрундсбергъ. У папы почти не было войска. Маленькій отрядъ геніальнаго предводителя Чернаго отряда, Джованни Медичи, былъ уничтоженъ въ декабрѣ 1526 г. Венеціанская армія находилась подъ начальствомъ Франческо Марія, герцога Урбинскаго, который ненавидѣлъ всѣхъ Медичи и не былъ увѣренъ, не захочетъ ли Климентъ, избавившись отъ затрудненій, отнять у него, по примѣру дяди, Льва X, Урбино. И онъ старался устроить свои марши и контръ-марши такъ, чтобы по возможности не встрѣчаться съ непріятелемъ. Императорскія войска безъ всякаго сопротивленія дошли до Болоньи и осадили ее. Климентъ сталъ торопить Кастильоне. И хотя трудно было дѣйствовать послѣ столь явныхъ доказательствъ вѣроломства папы, Кастильоне добился подписанія договора о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Но условія показались Клименту унизительными. Подъ вліяніемъ французской партіи, во главѣ которой стояли датарій Джиберти и старый другъ Кастильоне, графъ Лодовико Каносса, папа разорвалъ договоръ и снова сталъ искать сближенія съ Франціей. Движенія Бурбона, однако, напугали его опять, и Кастильоне заключилъ 15 марта 1527 г. новый договоръ, по которому папа долженъ былъ распустить Лигу, а императоръ—отозвать армію Бурбона и Фрундсберга по ту сторону Альповъ. Но было поздно. Измученные лишеніями, перенесенными подъ Болоньей въ теченіе зимы, солдаты Бурбона взбунтовались. Особенно несговорчивы

[1]) Онъ былъ сынъ Кьяры Гонзага, старшей сестры Елизаветы, и въ юности долго прожилъ при мантуанскомъ дворѣ. Однимъ изъ его помощниковъ былъ Гонзага, его кузенъ, братъ Федерико и сынъ Изабеллы.

были нѣмецкіе ландскнехты Фрундсберга. Они только-что выдержали безславную войну съ возставшими въ Германіи крестьянами, не принесшую имъ никакихъ выгодъ, какъ лютеране, ненавидѣли папу и жаждали доказать свой религіозный пылъ разгромомъ и грабежомъ Рима. Армія не повиновалась уже императору и увлекла съ собою Бурбона, который надѣялся найти въ Италіи какое-нибудь владѣніе на зло Франциску и его гордой матери. Вѣчный городъ былъ взятъ и разгромленъ. Бурбонъ при этомъ погибъ [1]), а папа едва спасся въ крѣпкій замокъ св. Ангела.

Климентъ былъ склоненъ считать Кастильоне виновникомъ этого несчастья, наложившаго позоръ на его понтификатъ; но виноватъ въ немъ былъ прежде всего самъ папа. Кастильоне дѣлалъ, что могъ, и несомнѣнно, при сколько-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ, сумѣлъ бы добиться отъ Карла больше, чѣмъ кто-нибудь. Подозрительный и недовѣрчивый, императоръ сразу разглядѣлъ въ немъ прямую натуру и сталъ дарить его своимъ расположеніемъ. Онъ возилъ его по всей Испаніи, когда дворъ переселялся изъ города въ городъ. Онъ натурализовалъ его и далъ ему епископство Авилы, приносившее огромный доходъ. Онъ такъ ему довѣрялъ, что когда ему пришлось послать вызовъ Франциску I, Кастильоне былъ намѣченъ секундантомъ.

Кастильоне очень смущало это дружелюбное отношеніе императора. Онъ боялся и, какъ оказалось не безъ основаній, что его враги по-своему растолкуютъ Клименту это странное совпаденіе: съ одной стороны разгромъ Рима, которому императоръ не мѣшалъ, а съ другой—то, что его собственный посолъ натурализуется испанцемъ и получаетъ богатую пребенду изъ рукъ императора. Опасаясь худшихъ подозрѣній со стороны папы, онъ отказался принять епископство Авилы до тѣхъ поръ, пока папа и императоръ не примирятся окончательно. Этого окончательнаго примиренія, которое произошло въ Болоньѣ, на свиданіи, длившемся съ конца 1529 по начало 1530 годовъ, Кастильоне такъ и не дождался. Онъ принялъ еще участіе въ выработкѣ Барселонскаго договора, но въ началѣ 1529 года умеръ, измученный слухами о неудовольствіи Климента. Умеръ онъ въ Толедо, такъ и не увидавъ еще разъ Италіи и тѣхъ, кого любилъ. Мать его велѣла привезти его тѣло и похоронила въ церкви миноритовъ подъ Мантуей. Джуліо Романо соорудилъ ему гробницу, а Бембо сочинилъ пышную латинскую эпитафію.

[1]) Честь выстрѣла, попавшаго въ коннетабля, приписываетъ себѣ Бенвенуто Челлини.

V.

Кастильоне отличался тѣмъ, что его всѣ любили. Долгая карьера приводила его въ соприкосновеніе съ разными людьми, и всюду, неизмѣнно, вокругъ него образовывалась группа друзей и покровителей. Въ Миланѣ, въ Мантуѣ, въ Урбино, въ Римѣ, въ Испаніи, онъ сразу почти становился въ положеніе одного изъ самыхъ приближенныхъ людей. Государи переманивали его одинъ у другого и награждали всячески даже тогда, когда онъ отстаивалъ интересы, имъ противные. У него не было враговъ. Гнѣвъ маркиза Франческо былъ вызванъ ревностью, т. е. обманутой привязанностью. Объяснялось это одинаково и врожденной привлекательностью, и огромнымъ жизненнымъ тактомъ.

Портреты Рафаэля, одинъ, болѣе знаменитый, который висѣлъ въ Луврѣ на мѣстѣ Джоконды, пока она пропадала, другой на «Аѳинской школѣ», въ правомъ углу, въ одной группѣ съ Содомой и самимъ художникомъ—чудесно передаютъ душевное свойство Кастильоне. Вотъ какъ толкуетъ луврскій портретъ одинъ художественный критикъ: «Душа размѣренная, благожелательная и вѣрная; ясная чувствительность; меланхоличность, свойственная существамъ, черезчуръ добрымъ, которыхъ несправедливость безконечно изумляетъ; возвышенность безъ суровости и мистицизма; воля безъ напряженности» [1]). Это именно тѣ свойства, которыя создаютъ личную привлекательность. Въ такихъ людяхъ нѣтъ ничего, что задѣвало бы окружающихъ: ни открытаго, буйнаго, наступательнаго эгоизма, ни злой насмѣшливости, ни духа интриги. А Кастильоне, кромѣ того, обладалъ большимъ тактомъ, который заставляетъ выступать всѣ его располагающія свойства еще рѣзче. Онъ умѣлъ заставлять не только любить себя, но и довѣрять, а въ то время, когда вѣроломство и измѣна представляли нѣчто очень обыкновенное, человѣкъ, которому можно было довѣрять, имѣлъ особенную цѣнность.

И потомъ, въ немъ привлекало то, что онъ былъ удивительно спокойнымъ человѣкомъ. Уравновѣшенность, отсутствіе темперамента—что можетъ быть пріятнѣе для друзей и особенно для начальства! Такой человѣкъ вообще бываетъ немного скученъ, но Кастильоне выручала образованость, большой художественный вкусъ, огромный художественный талантъ, изяще-

[1]) Robert de la Sizeranne, „Les masques et les visages à Florence et au Louvre", стр. 209 (статья о Кастильоне).

ство. Зато, если друзья продѣлывали по отношенію къ нему вещи не совсѣмъ красивыя, онъ не очень на нихъ претендовалъ. Интриги одного изъ ближайшихъ пріятелей, Биббіены, испортили планъ Кастильоне женитьбы на Клариче Медичи; онъ это знаетъ [1]), но отношенія между ними не портятся. Франческо Марія, вернувшись въ Урбино послѣ узурпаціи Медичи, не вернулъ ему Новиллары. Кастильоне тонко выяснилъ нѣкоторые частные вопросы и продолжалъ относиться къ герцогу по-старому [2]). Стоитъ себѣ представить, какъ бы дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ Аретино.

Спокойная душа Кастильоне не знала бурныхъ порывовъ: порывовъ высокаго идеализма, порывовъ негодованія, порывовъ любви. Ему незнакомы сильныя, всепоглощающія чувства. У него было много привязанностей, но не было ни одной, которая вросла бы въ его душу и сдѣлалась ея неотъемлемой частью. Ни одной женщины онъ не любилъ такъ, какъ любятъ люди, глубоко чувствующіе. Многіе изъ сверстниковъ думали, что онъ любилъ герцогиню Елизавету, но онъ ни разу не обнаружилъ этого прямо, такъ, какъ это дѣлали, напримѣръ, Бернардо Аккольти, или Бембо, у которыхъ не было ничего серьезнаго [3]). У Кастильоне видно не столько по восхваленіямъ въ «Cortegiano» и въ «Tirsi», сколько по болѣе личнымъ и интимнымъ признаніямъ въ латинскомъ стихотвореніи «De Elisabetta Gonzaga canente» и въ двухъ сонетахъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о нераздѣленной любви [4]),—что чувство было сильное. Но все кончилось одной поэзіей. Отношенія его къ мадоннѣ Рафаэля носили очень поверхностный характеръ [5]) и никогда не задѣвали его глубоко. Но лучше всего показываютъ, насколько глубоки могли быть его чувства и насколько его натура нуждалась въ глубокихъ чувствахъ, исторія его женитьбы, а затѣмъ его отношенія къ женѣ.

Начать съ того, что онъ былъ вѣчнымъ женихомъ. Ему лѣтъ десять сватали разныхъ невѣстъ, пока нашли подходящую. Въ ихъ числѣ были такія блестящія, какъ Клариче Медичи, о бракѣ которой съ Кастильоне старался его другъ, Джуліано, il Magnifico. Онъ на все безпрекословно соглашался, особенно, когда невѣста была богатая: финансовый вопросъ игралъ для него

---

[1]) Cartwright, I, 262.
[2]) Cartwright, II, 143 и слѣд.
[3]) Luzio-Renier, 261.
[4]) Luzio-Renier, 177. Авторы предполагаютъ, что нѣкоторыя изъ стихотвореній Кастильоне, въ которыхъ говорится о его чувствахъ къ герцогинѣ, до насъ не дошли.
[5]) Cartwright, I, 360—362.

важную роль [1]). О его бракѣ всѣ хлопотали больше, чѣмъ онъ самъ: его мать, Изабелла д'Эсте, герцогиня Елизавета, Альда Боярда, Эмилія Пія, Джуліано Медичи, Франческо Гонзага. Онъ всѣмъ позволялъ это дѣлать, не очень огорчался, когда комбинація разстраивалась, и мало думалъ о томъ, чтобы самому найти себѣ жену по сердцу. Когда, наконецъ, въ 1516 году,—ему въ это время было близко къ сорока,—юная и прекрасная Ипполита Торелли сдѣлалась его женою, онъ сразу такъ привязался къ ней, какъ будто любилъ ее давно. И эта дѣвушка, которую онъ почти не зналъ до свадьбы, дала ему такое счастье, о которомъ онъ, пассивный и безтемпераментный, не смѣлъ мечтать. Она одна умѣла находить въ его размѣренной душѣ такіе уголки, гдѣ была страсть, способная пробудиться. Но служба держала его подолгу вдали отъ жены, и ему приходилось изливать свое чувство въ письмахъ. Тамъ оно тонуло въ изысканной гуманистической стилистикѣ.

Письма къ нему жены [2]), написанныя на убогомъ сѣверномъ діалектѣ, обнаруживающія вопіющую стилистическую безпомощность, дышатъ настоящимъ, всепоглощающимъ чувствомъ. И такъ какъ самъ онъ не находилъ въ себѣ той же непосредственной, горячей ласки и не умѣлъ отыскать такихъ простыхъ словъ сокрушенія по поводу разлуки, онъ обработалъ одно изъ писемъ Ипполиты въ видѣ латинской элегіи. Она очень красива, особенно то мѣсто, гдѣ жена, жалуясь на отсутствіе мужа, утѣшается хоть тѣмъ, что смотритъ на портретъ его, рисованный Рафаэлемъ, разговариваетъ съ нимъ, шутитъ, смѣется:

Sola tuos vultus referens, Rafaelis imago
Picta manu curas allevat usque meas.
Huic ego delicias facio, arrideoque, jocosque
Alloquor et, tamquam reddere verba queat,
Assensu nutuque mihi saepe illa videtur
Dicere velle aliquid, et tua verba loqui...

Кастильоне былъ бы плохимъ гуманистомъ, если бы не воспользовался такой чудесной темой; но она у него застыла, какъ горный ручеекъ въ морозную ночь. Его современникамъ эта риторика казалась настоящимъ чувствомъ, и Кастильоне

---

[1]) Luzio-Renier, 234.

[2]) Много ея писемъ, неизвѣстныхъ раньше, приводитъ г-жа Картрайтъ въ приложеніяхъ ко II тому своей книги.

слылъ такимъ пылко любящимъ супругомъ, какіе бывали развѣ только въ древности. И когда несчастная женщина умерла послѣ третьяго ребенка, сама еще почти дѣвочкой, всего девятнадцати лѣтъ отъ роду, окружающіе не ее жалѣли, а его: что съ нимъ будетъ при такой любви?

Кастильоне былъ въ Римѣ въ это время. Маркизъ Федерико и его мать, боясь, чтобы потрясеніе не было черезчуръ остро, просили общаго друга, Биббіену, бывшаго давно уже кардиналомъ, подготовить его. Биббіена, не рѣшаясь принять на себя отвѣтственность, посовѣтовался съ кардиналомъ Рангоне и его родственникомъ, графомъ Аннибале Рангоне; они рѣшили дать Кастильоне провести ночь въ невѣдѣніи, и сообщили ему тяжелую вѣсть только слѣдующимъ утромъ. Конечно, Кастильоне былъ потрясенъ; друзья поплакали съ нимъ вмѣстѣ. Но, читая милостивыя письма маркиза и Изабеллы, которыя тутъ же были ему вручены, онъ нѣсколько успокоился. «Думаю, писалъ Биббіена маркизу, что горе его сидитъ больше внутри, чѣмъ проявляется наружу, хотя и проявляется сильно. Вѣдомо всѣмъ, что онъ любилъ свою подругу по-настоящему (da vero), и я не знаю, какъ уйдетъ отъ него память о ней»[1]). Доброму кардиналу, который обожалъ всякую романтику въ жизни и въ литературѣ, хотѣлось, чтобы это было такъ. Онъ ошибся. Память о женѣ не «ушла», конечно. Сейчасъ же послѣ ея смерти Кастильоне составилъ для нея двѣ очень красивыя латинскія эпитафіи и написалъ много писемъ, съ очень красивыми жалобами. Но его горе ничему не мѣшало. И, если такъ легко перенесъ Кастильоне этотъ ударъ, то смерть друзей, даже такихъ, какъ Чезаре Гонзага, Рафаэль, Биббіена, которыхъ онъ нѣжно любилъ, особенно Рафаэля,—проходила еще болѣе спокойно. У графа Бальдесара была удивительно счастливая натура: горе не держалось въ ней долго, потому что ему чужды были глубокія чувства и порывы.

Эта внутренняя безпорывность, эта неспособность срастаться органически съ тѣмъ или инымъ чувствомъ приводили къ тому, что въ душѣ его съ величайшей легкостью расцвѣтали самые типичные цвѣты Возрожденія. За очень немногими исключеніями люди Чинквеченто были «къ добру и злу позорно равнодушны». Оставались немногіе идеалисты, въ родѣ Макіавелли или Миккель-Анджело, но ихъ идеализмъ неизбѣжно становится идеализмомъ отчаянія и переходилъ въ пессимизмъ. Огромное боль-

[1]) Luzio-Renier, 245—246.

шинство жило исключительно для себя, и трезвый эгоизмъ становился универсальнымъ правиломъ жизни. Таковъ былъ и изящный Кастильоне. Въ немъ совершенно не было, напримѣръ, могучаго патріотизма Маккіавелли. Правда, онъ жалуется и въ «Cortegiano», что Италія гибнетъ: «Нѣтъ націи, которая не сдѣлала бы изъ нея своей добычи, и хоть осталось ужъ немного, они не перестаютъ рвать ее другъ у друга изъ рукъ». Или: «При всемъ блескѣ образованности итальянцы обнаружили мало военной доблести за послѣднее время». Или ему кажется «предвѣстіемъ порабощенія» то, что итальянцы перенимаютъ въ костюмахъ испанскую моду. Но онъ нигдѣ не останавливается на этомъ. Сюжетъ его не интересуетъ.—«Я не хочу говорить о тяжелыхъ вещахъ». И продолжаетъ служить то тому, то другому тиранну, которые больше всего содѣйствовали гибели Италіи. Маккіавелли привѣтствовалъ Цезаря Борджья, который этихъ тирановъ искоренялъ. Это былъ единственный правильный выводъ изъ настоящаго, не риторическаго итальянскаго патріотизма. Кастильоне имъ служилъ. Но онъ дѣлалъ и нѣчто худшее: восхвалялъ ихъ.

Въ 1513 году онъ сочинилъ интермедію къ пьесѣ Никколо Грасси, которую ставилъ вмѣстѣ съ «Каландріей» [1]). Онъ вывелъ на сцену Италію въ видѣ женщины печальнаго вида, въ разорванныхъ одеждахъ, угнетенной своимъ горемъ, замученной варварами. Она грустно декламируетъ:

Hor vilipesa, serva, abbandonata,
Mi trovo afflitta, misera et meschina,
Poverella mendica et sconolata,
Piango la mia crudel alta ruina...

Но выбѣгаетъ съ обнаженнымъ мечомъ Франческо-Марія и... освобождаетъ ее отъ варваровъ. За это Италія вѣнчаетъ его вѣнцомъ и набрасываетъ ему на плечи золотую мантію. Потомъ освободитель и освобожденная танцуютъ вмѣстѣ веселую moreska, и все кончается къ общему благополучію.

Только при полномъ моральномъ индифферентизмѣ можно было увѣнчивать славой бандита, только-что зарѣзавшаго кардинала и отличившагося лишь тѣмъ, что ему удалось занять беззащитную Романью, потерянную имъ, когда тамъ были войска.

Такъ, изъ-подъ патріотической риторики, обязательной для гуманиста со временъ Данте и Петрарки, выглянули настоящія чувства Кастильоне: восторженная преданность государю. И это

[1]) Cartwright, I, 341 и слѣд.

всякій разъ, когда въ немъ вспыхиваетъ большое негодованіе или большой порывъ во имя идеала.

Какъ обстоитъ дѣло съ его религіозными чувствами? Онъ съ самаго начала не былъ похожъ въ этомъ отношеніи ни на своихъ великихъ современниковъ, Макіавелли и Гвиччардини, которые были совершенно индифферентны къ религіознымъ вопросамъ, ни на Эмилію Піа, которая дерзнула отклонить передъ смертью причастіе, ни даже на Изабеллу д'Эсте, которая внутренне къ религіи была равнодушна. Кастильоне былъ религіозенъ. Какъ хорошій католикъ, онъ давалъ обѣты Мадоннѣ Лоретской и не очень откладывалъ ихъ исполненіе [1]). Онъ очень не любилъ реформаторовъ и особенно Лютера [2]). Но вѣра не коренилась глубоко въ его душѣ; она была внѣшняя. Пока онъ не сталъ папскимъ дипломатомъ, въ немъ не было замѣтно никакой горячности въ вопросахъ религіи. Гуманистическія традиціи дѣлали свое дѣло. Но когда религіозные вопросы осложнились у него соображеніями службы, все сдѣлалось по-другому: гуманистъ Кастильоне былъ поверхностно религіозный человѣкъ; папскій нунцій Кастильоне сталъ воинствующимъ защитникомъ церкви, хотя его вѣра не стала глубже. Это лучше всего видно на его отношеніи къ взятію Рима въ 1527 году и къ его послѣдствіямъ. Разгромъ Вѣчнаго города произвелъ на Кастильоне потрясающее впечатлѣніе. Онъ предчувствовалъ, что для него лично этотъ фактъ приведетъ если не къ катастрофѣ, то къ большимъ непріятностямъ. Онъ совершенно потерялъ голову, и эта растерянность ясно сказывается въ письмѣ къ Витторіи Колонна, гдѣ онъ говоритъ, что все потрясено настолько, что почти все, что казалось истиннымъ, ложно, и что казалось ложнымъ, истинно. Но у него не было настоящаго религіознаго пламени въ груди, которое въ такія времена подсказываетъ героическія рѣшенія. Онъ молчалъ. Люди, смѣлые духомъ и религіозные по-настоящему, не имѣющіе причинъ смѣшивать религію съ казенно-католической ортодоксіей, истолковали Sacco 1527 года, какъ кару на церковь, на папство, уклонившееся отъ своихъ религіозныхъ задачъ. Однимъ изъ самыхъ пламенныхъ оппонентовъ папства выступилъ молодой испанскій гуманистъ, Альфонсо Вальдесъ, секретарь Карла V. Онъ опубликовалъ жесточайшій

---

[1]) См. его письмо къ матери изъ Валленціи—Серасси у Cartwright, I, 302.

[2]) Впрочемъ, Лютера не любили многіе итальянцы, и равнодушные къ религіи и церкви,—по политическимъ причинамъ.

памфлетъ противъ Климента [1]), въ которомъ не щадилъ ни папу, ни кардиналовъ, — никого. Кастильоне, по своему положенію представителя папы въ Испаніи, долженъ былъ выступить противъ Вальдеса. Это было естественно. Но вотъ какими словами онъ закончилъ свою длинную отповѣдь. Ихъ стоитъ привести цѣликомъ: «Папа и императоръ, быть можетъ, будутъ милостивы къ вамъ и простятъ оскорбленія, которыя вы имъ нанесли. Но ни тотъ, ни другой не могутъ забыть поношеній, которымъ вы подвергли Христа и его религію. Народъ возстанетъ, чтобы выбросить васъ вонъ изъ Испаніи, и камни будутъ вопіять о томъ же; ибо христіанская нація ненавидитъ самое имя еретика. Идите въ Германію, гдѣ вашъ «Діалогъ» приготовилъ вамъ дорогу, гдѣ Лютеръ и его послѣдователи будутъ васъ привѣтствовать. Вы можете быть увѣрены, что инквизиторы, которыхъ вы обзываете фарисеями, не остановятся передъ вашей особой и что Христосъ, покровительство Котораго вы призываете, не протянетъ свою руку, чтобы спасти васъ отъ меча правосудія и отъ кары, которую заслужило ваше упорство» [2]).

Это писалъ гуманистъ, другъ Изабеллы, Елизаветы и Эмиліи Піа, человѣкъ, искушенный на классикахъ. Онъ, конечно, хорошо понималъ, что не шутка сдѣлать такой доносъ инквизиціи, да притомъ еще испанской. Но онъ сознательно губилъ человѣка, даже не останавливаясь передъ клеветой (будто онъ оскорблялъ и императора), потому что тутъ онъ могъ выслужиться. Папа гнѣвался на него за то, что онъ не предупредилъ взятія Рима. Кастильоне походомъ противъ Вальдеса могъ вернуть себѣ папскую милость. Что ему былъ Вальдесъ, когда дѣло шло о папской милости къ нему самому [3]). Близились времена контръ-реформаціи, когда люди будутъ дѣлать блестящія дѣла на обнаруженіи еретиковъ. И какъ характерна для Кастильоне, во всей этой некрасивой исторіи, его пламенная преданность интересамъ своего государя и его особѣ. Моральныя соображенія молчатъ, когда дѣло идетъ о тѣхъ, кому онъ служитъ. Такъ у него всегда. А порою еще соображенія выгоды заставляютъ его распространять свою преданность и на особъ, которымъ онъ не служитъ непосредственно.

Лесть въ XVI вѣкѣ не считалась позорной. Нравственное чувство современнаго человѣка возмущается каждый разъ, когда

---

1) «Dialogo en que particularmente se tratan las cosas acaezidas en Roma el anno de 1527».

2) Письмо приведено почти цѣликомъ у Cartwright, II, 401, слѣд.

3) Къ счастью, Карлъ не только не далъ въ обиду молодого гуманиста, но даже не лишилъ его должности своего секретаря. Доносъ Кастильоне оказался безвреднымъ.

лучшіе люди того времени начинаютъ курить ѳиміамъ различнымъ преступнымъ типамъ, сидящимъ на престолахъ или около нихъ. Кастильоне въ этой толпѣ льстецовъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ. Если бы мы были знакомы съ тѣмъ же самымъ Франческо Марія только по сочиненіямъ и письмамъ Кастильоне, мы бы считали его за идеалъ благороднаго властителя. Не говоря уже о прямыхъ восхваленіяхъ, которыя разсыпаны въ „Cortegiano", мы тамъ находимъ очень ловкіе, какъ бы невзначай оброненные, выпады противъ его враговъ, особенно противъ несчастнаго кардинала Алидози, убитаго имъ. „Il cardinale di Pavia"—всегда выступаетъ у Кастильоне либо какъ злодѣй, либо какъ комичная фигура [1]). А его холодное отношеніе къ убійству Джанандреа дѣлаетъ его почти соучастникомъ этого позорнаго преступленія. У него нѣтъ ни слова негодованія для убійцы. Онъ спокоенъ, какъ всегда.

Въ письмѣ къ матери, въ которомъ онъ даетъ ей распоряженія о сбруѣ и латахъ для лошадей, онъ дѣлалъ приписку: «Были тутъ въ герцогской семьѣ непріятности изъ-за одного несчастнаго случая, но теперь все вошло въ норму; синьоръ префектъ снова здѣсь, и нужно надѣяться, что больше не будетъ уже никакихъ волненій». А когда мать стала спрашивать о подробностяхъ, узнавъ объ инцидентѣ изъ другихъ источниковъ, онъ въ слѣдующемъ письмѣ совѣтовалъ ей не волноваться изъ-за того, «чего нельзя вернуть». Для него главное, что „префектъ вернулъ себѣ расположеніе герцога", а „тотъ, кого нѣтъ, уже забытъ" [2]).

Ему невыгодно выражать осужденіе юному негодяю, такъ хорошо подставившему ловушку человѣку. Вѣдь герцогъ Гвидубальдо плохъ здоровьемъ, и не сегодня — завтра Prefettino станетъ государемъ Урбино. Быть можетъ, еще откровеннѣе сказывается соображеніе эгоистической выгоды въ отношеніяхъ Кастильоне къ другому бандиту, кардиналу Ипполито д'Эсте. Панегирикъ ему, находящійся на первыхъ страницахъ «Cortegiano», многіе не знали какъ объяснить. Между тѣмъ, стоитъ сопоставить его съ однимъ давно уже опубликованнымъ письмомъ (мартъ 1508 года), гдѣ онъ жалуется матери, что не можетъ уплатить долгъ кардиналу д'Эсте, составляющій 150 дукатовъ,— и все будетъ ясно. «Долгъ кардиналу,—пишетъ онъ,—угнетаетъ

[1]) Алидози былъ несомнѣнно, большимъ тираномъ, особенно во время управленія Болоньей, но такихъ, какъ онъ, было множество, а Кастильоне другими либо не занимается, либо ихъ восхваляетъ, какъ Ипполито д'Эсте или Сиджисмондо Гонзага.

[2]) Cartwright, I, 227—228.

меня выше мѣры по тысячѣ причинъ, особенно же потому, что я во что бы то ни стало хочу удержать его дружбу, которая, какъ вы знаете, чрезвычайно цѣнна для меня» [1]).

И еще одинъ панегирикъ: герцогинѣ Леонорѣ Гонзаго, женѣ Франческо Марія и дочери Изабеллы д'Эсте, кажется теперь совершенно непонятнымъ. Прекрасная модель Тиціана [2]) не обладала ни умомъ, ни высокой культурностью своей матери и была сухая, безсердечная ханжа—очень обыкновенный типъ приближающейся католической реакціи [3]). Кастильоне представляетъ ее образцомъ всѣхъ совершенствъ.

Онъ не считаетъ ни недостатковъ, ни пороковъ этихъ людей и людей имъ подобныхъ чѣмъ-нибудь такимъ, что могло бы отнять у нихъ право не только пользоваться службою лучшихъ людей, но и требовать отъ нихъ уваженія. Это не только потому, что ему такъ выгодно, но и потому еще, что самъ онъ плоть отъ плоти и кровь отъ крови того общества, которое такіе типы порождало. Кастильоне—гуманистъ по образованію, вельможа по рожденію и по духу. Онъ преисполненъ большимъ аристократизмомъ, не похожимъ на обычный аристократизмъ гуманистовъ XV и начала XVI вѣка. У нихъ чисто-идейное чувство, происходящее отъ сознанія собственнаго умственнаго превосходства надъ «толпою» и порою отлично уживающееся съ ненавистью къ дворянству. У Кастильоне аристократизмъ — классовый. Его предки были воины, придворные и феодальные владѣльцы. Онъ не могъ вырости человѣкомъ настроеннымъ демократически. Идейный аристократизмъ въ немъ стоитъ особо, и оба чувства сливаются въ нѣчто цѣльное и своеобразное. Кастильоне не интеллигентъ, оторвавшійся отъ своего соціальнаго корня, какъ большинство гуманистовъ. Онъ—помѣщикъ. Онъ живетъ, главнымъ образомъ, доходами со своего помѣстья въ Казатико. Его переписка съ матерью почти сплошь построена на одномъ мотивѣ: нельзя ли прислать ему то или другое количество дукатовъ.

Мать подробно посвящаетъ его во всѣ скудныя и однообразныя детали управленія. Онъ постоянно получаетъ отъ нея жалобы на крестьянъ, которые почему-либо не вносятъ повинностей, постоянно долженъ выслушивать сокрушенія, что трудно при существующихъ условіяхъ сводить концы съ концами. Все

---

[1]) Серасси, цит. у Cartwright, 253—254.

[2]) Ея портретъ въ другомъ возрастѣ находится въ Уффици; нѣсколько идеализированной она представлена на картинѣ, которая называется «La Bella» въ Питти и въ знаменитой Венерѣ съ собачкой въ Трибунѣ въ Уффици.

[3]) Luzio-Renier, Mantova e Urbino, 190.

это обостряетъ въ немъ классовыя чувства, привязываетъ къ тѣмъ, отъ кого зависитъ увеличить его землевладѣльческій доходъ. Когда послѣ женитьбы, потерявъ только-что полученную Новиллару, онъ поселяется въ Казатико и пробуетъ самъ заняться управленіемъ своего помѣстья, у него отъ непрерывныхъ столкновеній съ крестьянами и дрязгъ съ сосѣдями еще больше накопляется горечи. Нужно слѣдить за сборомъ винограда, за сборомъ хлѣба; нужно во-время узнавать цѣны на хлѣбъ на мантуанскомъ рынкѣ и не потерять удобнаго момента для сбыта урожая. Все это утомляетъ и разстраиваетъ нервы [1]), и Кастильоне, по первому зову герцога, возвращается къ дипломатической карьерѣ. Но свои помѣщичьи, дворянскіе интересы онъ приноситъ съ собою всюду.

Къ людямъ низшихъ классовъ онъ питаетъ пренебреженіе, доходящее до ненависти. «Cortegiano» сохранилъ слѣды этого настроенія. Федерико Фрегозо говоритъ о томъ, что придворный можетъ и долженъ принимать участіе въ публичныхъ празднествахъ и прибавляетъ: «Но онъ долженъ обращать вниманіе, въ чьемъ присутствіи и вмѣстѣ съ кѣмъ онъ показывается публично. Ибо не приличествуетъ, чтобы дворянинъ украсилъ своей особой деревенскій праздникъ, гдѣ зрители и его партнеры люди низкаго происхожденія». Гаспаро Паллавичино не видитъ въ этомъ ничего дурного: «У насъ въ Ломбардіи, — говоритъ онъ, — нѣтъ такихъ предразсудковъ: многіе молодые дворяне на празднествахъ подъ открытымъ небомъ цѣлый день танцуютъ съ крестьянами, играютъ съ ними въ игры, состязаются въ метаніи, въ борьбѣ, въ бѣгѣ, въ прыганьѣ». Мессеръ Федерико холодно отвѣчаетъ: «Эти ваши танцы подъ открытымъ небомъ не нравятся мнѣ совершенно, и я не понимаю, какая въ нихъ польза; что же касается того, кто хочетъ состязаться съ крестьянами, то онъ долженъ быть увѣренъ въ побѣдѣ; иначе пусть не суется. Ибо—вещь безобразная и недостойная—видѣть, что мужикъ побѣдилъ дворянина» [2]).

Какъ и всѣ его знатные современники, Кастильоне равнодушенъ къ людямъ низшихъ классовъ. Они его не интересуютъ, онъ ихъ не замѣчаетъ; а если они какъ-нибудь становятся ему на дорогѣ, онъ дѣлается ненужно-жестокимъ, несмотря на всю утонченность и изящество. Однажды, будучи посланникомъ маркиза Мантуанскаго въ Римѣ, онъ пустилъ на скачкахъ лошадь, принадлежавшую его государю. Она обошла свою соперницу на

[1]) Cartwight, II, 15 и слѣд.
[2]) Il Cortegiano, стр. 94.

очень много, но когда пажъ, скакавшій на ней, готовъ былъ схватить palio [1]), между нимъ и матеріей очутился стрѣлокъ, изъ числа тѣхъ, которые наблюдали за порядкомъ. Пажъ не могъ дотянуться, и пока солдатъ отходилъ, подоспѣлъ его соперникъ и сорвалъ palio. Разсказывая объ этомъ въ письмѣ къ герцогу, Кастильоне говоритъ: «Послѣ долгихъ споровъ стрѣлокъ былъ брошенъ въ тюрьму, и какъ сенаторъ, такъ и губернаторъ обѣщали мнѣ не выпускать его до тѣхъ поръ, пока мы не получимъ совершенно такого же palio. Я сверхъ того потребовалъ, чтобы онъ былъ повѣшенъ, или отправленъ на галеры или чтобы, по крайней мѣрѣ, ему дали четыре или пять оборотовъ веревки» [2]).

Человѣкъ, который требуетъ казни или мучительнаго наказанія за такой вздоръ, который не только не стыдится признаваться въ этомъ, но даже ставитъ себѣ это въ заслугу, — долженъ обладать совершенно особенной психологіей. Услужить своему государю хотя бы въ пустякѣ—вотъ единственная забота, достойная хорошаго слуги. Если при этомъ долженъ погибнуть какой-то маленькій человѣкъ, вся вина котораго въ томъ, что онъ оказался недостаточно проворенъ или просто зазѣвался, — тѣмъ хуже для него. Жизнь какого-то солдата—развѣ стоитъ о ней разговаривать.

Такъ разсуждаетъ дворянинъ, котораго долгая служба при дворахъ государей заставила забыть о городскихъ схваткахъ добраго стараго времени. Когда горожане заставляли предковъ высокомѣрнаго вельможи XVI вѣка покидать свои замки и переселяться въ городъ, гдѣ онъ долженъ былъ ладить съ послѣднимъ ремесленнымъ подмастерьемъ, гдѣ нерѣдко даже чернорабочій, чомпо, могъ оказывать вліяніе на ходъ дѣлъ,—дворяне такъ не разговаривали. Теперь тираннія положила конецъ возстаніямъ низовъ и, уравнявъ всѣхъ въ политическихъ правахъ, провела рѣзкую соціальную грань и въ городахъ, и въ селѣ. Дворянство уже предчувствуетъ феодальную реакцію, которая наступитъ вмѣстѣ съ испанскимъ владычествомъ.

Въ этомъ огромный, быть можетъ, главный культурно-историческій интересъ фигуры Кастильоне. Большинство гуманистовъ вышли изъ рядовъ буржуазіи, и они чувствуютъ свою связь съ нею. Когда наступитъ феодальная реакція, сопровождаемая реакціей католической, интеллигенція будетъ ощущать это очень остро, потому что вся ея дѣятельность подпадаетъ

[1]) Кусокъ матеріи, выставленный у того мѣста, гдѣ кончается скачка. Пришедшій первымъ долженъ сорвать его.

[2]) Cartwright, II, 102—103.

подъ надзоръ инквизиціи и органовъ свѣтскаго абсолютизма. Дворянство одно выиграетъ отъ перемѣнъ, потому что торгово-промышленная дѣятельность теперь будетъ подавляться искусственно, а процвѣтать станетъ земельное хозяйство; города придутъ въ упадокъ и вновь, какъ во времена Оттоновъ, поднимется село. Оттого дворянство теперь не находило въ себѣ силы поднимать голосъ противъ иноземнаго владычества; оттого оно не боролось противъ мѣстныхъ тирановъ, привѣтствовавшихъ испанскую неволю; вѣдь испанцы укрѣпили начала абсолютизма.

Кастильоне безсознательный, но яркій представитель этой полосы. Когда мы уяснили это, намъ нетрудно будетъ понять и то, что до сихъ поръ оставалось для насъ непонятно въ «Cortegiano».

VI.

Какъ дворянинъ, преданный принципу абсолютизма, предчувствующій пышный ростъ абсолютизма, служащій его представителямъ, Кастильоне вполнѣ послѣдовательно дѣлаетъ своего совершеннаго человѣка придворнымъ.

Вотъ почему, когда гуманистъ, Кастильоне, т. е. человѣкъ, преисполненный по старой традиціи преклоненія передъ личнымъ началомъ, ищетъ той среды, гдѣ легче всего можетъ воплотиться идеалъ человѣка, онъ останавливается на дворѣ.

Это вполнѣ естественно и логично. Кастильоне, разумѣется, знаетъ все то, что знаетъ Аретино, что знаетъ Аріосто насчетъ различныхъ несовершенствъ придворной жизни. Въ «Cortegiano» этотъ вопросъ обсуждается, хотя и не въ дебатахъ дѣйствующихъ лицъ,—тамъ скептическія мысли о придворной жизни вносили бы диссонансъ,—а въ одномъ изъ вступленій автора. «Говорятъ, пишетъ Кастильоне [1]), что теперь... не только между придворными утратилась братская любовь и старая достойная жизнь (quel viver costumato), но что при дворахъ только и царятъ зависть, зложелательство, дурные нравы, распущенность, пороки всякаго рода; разнузданныя женщины, утратившія стыдъ, женоподобные мужчины». Но его не пугаютъ разговоры скептиковъ. Длинными разсужденіями на ту тему, что дурное только дѣлаетъ болѣе яркимъ хорошее, да ссылками на Платона, больше говорящими о его на-

[1]) Il Cortegiano, стр. 86.

читанности, чѣмъ убѣдительными, онъ старается показать, что теперь дѣло обстоитъ не хуже, чѣмъ раньше. Софистика его разсужденій бросается въ глаза, но вѣдь ему нужно какъ-нибудь формально устоять на своей позиціи. Этого требуетъ его основное настроеніе. Кастильоне прежде всего вельможа. Онъ не рисуетъ портрета идеальнаго придворнаго, но онъ дѣлаетъ больше. Онъ рисуетъ идеальнаго человѣка и этого идеальнаго человѣка дѣлаетъ непремѣнно придворнымъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при вопіющемъ противорѣчіи его теоріи съ фактами, ему трудно справиться съ своей задачей. Жизнь не даетъ матеріала. Онъ черпаетъ его изъ литературы. Ему помогаетъ его гуманистическая образованность. Въ это время гуманизмъ уже начиналъ вырождаться, и гуманисты были разные. Одна группа скоро будетъ окончательно заклеймена кличкой педантовъ. Это та, о которой говоритъ Графъ [1]). Высокомѣрное презрѣніе распространялось на все, что не было античнымъ и классическимъ. Латинское или греческое слово становилось вещью священной, предметомъ ревностнаго культа, но отвергался собственный родной языкъ и отметались писатели, пользовавшіеся имъ въ своихъ сочиненіяхъ». За педантовъ скоро должна была приняться сатира, чтобы лишить ихъ всякаго серьезнаго значенія. Кастильоне и его друзья не были педантами. Они любили классиковъ и владѣли великолѣпно и греческимъ и латинскимъ словомъ, но они любили и свою родную рѣчь. Они всѣ и Кастильоне въ частности даже предпочитали итальянскій языкъ. Въ «Cortegiano» Петрарка и Боккаччьо въ концѣ-концовъ признаются образцами [2]). Но и свои итальянскія писанія они еще пропитываютъ духомъ великихъ классиковъ, греческихъ и римскихъ. Такъ и Кастильоне.

Какъ гуманистъ, онъ писалъ своего «Cortegiano». Его «придворный»—идеалъ совершеннаго человѣка, задуманный вельможей и осуществленный въ значительной мѣрѣ средствами ученаго. Книга пестритъ ссылками на классиковъ. Плутархъ, Цицеронъ, Аристотель, Платонъ, Горацій, Овидій, Катуллъ—кого только не обобралъ Кастильоне, чтобы сдѣлать своего «придворнаго» совершеннымъ человѣкомъ. Больше всего далъ ему Цицеронъ. Трактатъ римскаго философа-дилетанта «De oratore», въ которомъ тотъ тоже набрасываетъ идеалъ человѣка, гораздо болѣе широкій, чѣмъ его нужно или можно было бы требовать отъ ора-

---

[1]) A. Graf, Attrawerso il Cinquecento, 190
[2]) Cortegiano, 55.

тора, послужилъ для Кастильоне богатымъ источникомъ идей [1]). Разсужденія о формахъ правленія рабски скопированы у Аристотеля, со всѣми деталями; разсужденія о воспитаніи государя и объ его свойствахъ—большей частью у Плутарха. Тутъ даже незамѣтно, чтобы Кастильоне переработалъ по-своему то, что онъ взялъ у древнихъ. Онъ бралъ то, что съ точки зрѣнія основной постановки его задачи ему казалось необходимо. Гораздо больше своего внесъ Кастильоне въ заимствованія изъ Платона. Вложенный въ уста Бембо гимнъ идеальной любви, хотя и имѣетъ своимъ источникомъ «Пиръ» Платона, но Кастильоне прочувствовалъ то, что онъ говоритъ; тутъ мы имѣемъ дѣло не съ литературнымъ упражненіемъ, какъ въ политическихъ разсужденіяхъ, а съ собственными завѣтными мыслями писателя. Платоновскія идеи были ближе ему, чѣмъ реалистическія разсужденія Аристотеля. Ихъ онъ бралъ не просто потому, что онѣ отвѣчали поставленной имъ цѣли, а потому, что въ нихъ звучали ноты, родныя его душѣ. Платонизмъ въ XVI вѣкѣ давно уже пересталъ быть религіей, и никто не украшалъ больше цвѣтами алтарей, воздвигнутыхъ въ честь его, какъ это дѣлалъ Марсиліо Фичино. Въ полемикѣ по общефилософскимъ вопросамъ приверженцы Аристотеля уже одерживали верхъ по всей линіи. Но Кастильоне, какъ и Бембо, держится за платонизмъ. Скудныя души любятъ теоретическій, не дѣйственный и не обязывающій къ дѣйствію идеализмъ.

Такъ, не смущаясь противорѣчіями съ жизнью, щедро черпая въ литературныхъ образцахъ, Кастильоне набрасываетъ свой идеалъ человѣка. Современники въ полномъ восторгѣ отъ этого идеала. «Я не удивляюсь,—писала ему Витторія Колонна,—что вы изобразили совершеннаго придворнаго; вамъ стоило для этого поставить передъ собою зеркало и вглядѣться въ свои внутреннія и внѣшнія качества». Знаменитой поэтессѣ вторилъ Аріосто. Въ «Furioso» есть полтора стиха:

C'è chi, qual lui
Vedriamo, ha tali i cortegian formati.

И разумѣется, ни Витторія Колонна, ни Феррарскій поэтъ, ни другіе современники не замѣчали одного: поскольку онъ говоритъ о внутреннихъ достоинствахъ человѣка, рѣчь у него

---

1) Параллельныя мѣста указаны въ изданіи «Cortegiano» Витторіо Чьяна (Cian), Флоренція, 1894. Ср. также Feamini, Il Cinquecento (въ серіи Storia litteraria d'Italia), стр. 371. Особенно подчеркиваетъ зависимость Кастильоне отъ Цицерона и другихъ классиковъ авторъ претенціозной, но мало дающей новаго статьи, Willi, Andreas, «Graf B. Castiglione und Renaissance» въ Archiv für Kulturgeschichte, т. X, стр. 245 и слѣд. (1912).

идетъ почти исключительно объ умственныхъ качествахъ. Шестнадцатый вѣкъ заботился только о нихъ, только о virtú въ чисто интеллектуальномъ смыслѣ, которая великолѣпно сочетается съ моральнымъ убожествомъ. Былъ бы человѣкъ virtuoso,—объ остальномъ никто не заботится. Таковъ идеалъ Кастильоне. Таковъ онъ самъ. Его англійскій біографъ очень хвалитъ его за то, что онъ не совершалъ ни вѣроломства, ни преступленій [1]), и увѣряетъ, что это было рѣдкимъ явленіемъ въ то время. Какъ разъ именно это и не было рѣдкостью. Но дѣло въ томъ, люди, какъ Кастильоне, не видѣли ничего позорнаго въ фактахъ, которымъ они были свидѣтели, и не протестовали противъ нихъ. Кастильоне замалчивалъ и косвенно оправдывалъ худшія проявленія вѣроломства, самыя вопіющія преступленія и умѣлъ обнаруживать холодную, чисто испанскую жестокость, когда это ему было нужно. Поэтому все то, что выходитъ за рамки обычнаго въ Чинквеченто представленія о virtú, въ его книгѣ,—хотя въ ней и Платонъ, и любовь, и многое другое,—по-настоящему не затрагивается. Кастильоне—сынъ Чинквеченто, того этапа итальянскаго Возрожденія, когда оно близко къ закату. Одно изъ самыхъ характерныхъ явленій этого періода—то, что аморализмъ въ обществѣ,—признакъ приближенія феодальной реакціи и реакціи католической,—принимаетъ размѣры сверхъестественные. Кастильоне—вовсе не счастливый выродокъ своей несчастной эпохи. Онъ одинъ изъ ея типичныхъ представителей. Различіе между нимъ, съ одной стороны, и Цезаремъ Борджья, Лодовико Моро, Франческо Марія делла Ровере, Ипполито д'Эсте, съ другой, то, что у него натура пассивная, а не активная, какъ у тѣхъ. Во взглядахъ на жизнь и на людей всѣ они сходятся. И Кастильоне, быть можетъ,—«совершенный придворный», но человѣкъ—привлекательный только для небольшой группы друзей.

VII.

Урбинскій дворецъ, построенный герцогомъ Федерико и его архитекторомъ Лучіано де Лаурана, и сейчасъ стоитъ во всей своей гордой красѣ, вѣнчая окрестныя возвышенности своими башнями. И сейчасъ туристъ можетъ изъ оконъ его любоваться видомъ и на убѣгающую вдаль волнистую цѣпь зеленыхъ холмовъ, и на гору Катри, верхушка которой первая золотится

[1]) Cartwright, I, предисл.

лучами восхода. Внутри дворца посѣтителя охватываетъ то чувство, которое бываетъ только въ Италіи. Ему кажется, что онъ вдыхаетъ въ себя крѣпкій воздухъ Возрожденія, блуждая по заламъ его, видя кругомъ столько слѣдовъ прошлаго. Пышныя лоджіи, широкія лѣстницы, длинныя галлереи, вереница античныхъ мраморовъ... Вотъ смотритель открываетъ дверь, покрытую рѣзными украшеніями, и монотоннымъ голосомъ провозглашаетъ: «комната герцогини Елизаветы!»

Она не очень большая. По стѣнамъ развѣшаны шедевры Федерико Бароччи, замѣчательнаго художника второй половины XVI вѣка, лишь недавно оцѣненнаго по достоинству. И хотя нигдѣ нѣтъ его картинъ въ такомъ количествѣ и такого исполненія,—взоръ скользитъ по нимъ разсѣянно.

Комната герцогини Елизаветы! Здѣсь собирались люди, которыхъ изобразилъ Кастильоне. Здѣсь было возвышеніе, на которомъ стояло кресло герцогини. Здѣсь у ногъ ея сидѣла мадонна Эмилія. Здѣсь съ нею постоянно пикировался юный Гаспаро Паллавичино, какъ Бенедиктъ и Беатриче у Шекспира. Здѣсь Маргарита Гонзага украдкой бросала нѣжные взгляды на Бероальдо, а Бембо ловилъ улыбку мадонны Ипполиты. Здѣсь играли, пѣли, даровитые люди на мелочи расточали радостно свои таланты.

Стоитъ немного задуматься въ этой удивительной комнатѣ, насыщенной воспоминаніями и образами былого, и уже начинаетъ казаться, что всѣ герои «Cortegiano» сидятъ тутъ при яркомъ свѣтѣ свѣчей, съ герцогинею въ центрѣ, съ мадонной Эмиліей у ея ногъ, всѣ—и мужчины, и дамы—въ яркихъ, цвѣтныхъ и раззолоченныхъ одеждахъ, за исключеніемъ двухъ клириковъ, Бембо и Биббіены, одѣтыхъ въ темное. Они спорятъ и горячатся, а Кастильоне, сдержанный, внимательный, все примѣчаетъ, чтобы передать потомству память объ одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ итальянскаго Возрожденія...

А. Дживелеговъ.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.

Безрадостно, безцѣльно, одиноко,
Подъ грохотъ бурь, подъ жуткій скрипъ снастей,
Плывемъ, плывемъ...
Отъ береговъ далеко,—
Ни маяка, ни судна, ни вѣстей.

* * *

И все острѣй тревога сердце ранитъ,
И все грознѣй шумитъ мятежный шквалъ,
И тайный голосъ душу не обманетъ...
Прощай, земля! Девятый мчится валъ.

* * *

О, если бъ только звѣздная порфира
На этотъ мигъ блеснула въ вышинѣ!
Смерть не страшна,—
Великій Кормчій міра
Всѣ корабли ведетъ къ Своей Странѣ.

Г. Вяткинъ.

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ.

Повѣсть Арнольда Беннета.

(*Окончаніе*) [1]).

ГЛАВА VII.

Прайамъ былъ сильно возбужденъ въ тотъ вечеръ, когда окончилъ картину, и даже не старался скрыть свое возбужденіе. Впрочемъ, ему бы не удалось сдѣлать это, если бы онъ и очень старался. Лихорадка творчества со всѣми старыми желаніями и старой радостью овладѣла имъ. Его талантъ все это время дремалъ, точно левъ въ лѣсной чащѣ, а теперь онъ проснулся, бурно потрясая гривой. Уже нѣсколько мѣсяцевъ Прайамъ не бралъ кисти въ руки; нѣсколько мѣсяцевъ онъ старался не думать о живописи. Еще недѣлю назадъ на вопросъ, будетъ ли онъ когда-нибудь снова писать, онъ отвѣтилъ бы: «Вѣроятно, никогда». А теперь его львиный геній проснулся и мощно заявлялъ о своихъ требованіяхъ.

Прайамъ понялъ теперь, что послѣдніе мѣсяцы бездѣятельности были только антрактомъ, что онъ долженъ работать, что онъ не можетъ жить иначе и что только это одно для него имѣетъ смыслъ и значеніе. Понялъ онъ также, что писать можетъ только въ одномъ жанрѣ, въ своемъ, Форлловскомъ. Если его узнаютъ, если откроется, что онъ не погребенъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, если произойдетъ скандалъ, ну, что жъ, пускай! Онъ художникъ, и останется художникомъ! Не ради денегъ, Боже упаси! Деньги, конечно, будутъ притекать сами собой, но не это побудило Прайама снова взяться за кисть: онъ уже почти забылъ о матеріальной сторонѣ дѣла.

Въ такомъ-то настроеніи духа Прайамъ нервно бѣгалъ по

---

[1]) См. окт., стр. 220.

столовой между буфетомъ и каминомъ, гдѣ въ креслѣ сидѣла Алиса въ очкахъ, занятая штопаніемъ чулокъ. Комната была безобразна въ общепринятомъ уютномъ путнейскомъ жанрѣ: черезчуръ реалистическіе обои, на стѣнахъ плохія гравюры и натюръ-морты, темная тяжелая мебель съ ногами въ видѣ лапъ, коверъ изъ отставныхъ и очень заслуженныхъ и черное пятно на потолкѣ отъ копоти и дыма. Но эта обстановка не удручала Прайама: единственнымъ важнымъ для него предметомъ было удобное кресло, а это онъ имѣлъ.

— Генри,—сказала ему жена,—ты бы присѣлъ, голубчикъ!

Спокойный голосъ благоразумія остановилъ его безцѣльное движеніе. Онъ взглянулъ на Алису, а она смотритъ на него, снимая свои очки. Ему хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь, хотѣлось излить душу, а его жена была тутъ, и она самый удобный и подходящій человѣкъ для этого. Страстное желаніе разсказать ей все охватило Прайама. Она пойметъ. Она, вѣдь, всегда все понимаетъ!

Самыя необычайныя обстоятельства, какъ только они коснутся ея, непостижимымъ образомъ превращаются въ обычные, повседневные случаи.

Да, онъ разскажетъ ей все.

— Послушай, Алиса,—началъ онъ,—я хочу поговорить съ тобой.

— Хорошо,—сказала она,—но только нельзя ли сидя? Не знаю, что съ тобой послѣдніе дни: ты все бѣгаешь.

Прайамъ сѣлъ. Онъ не чувствовалъ въ этотъ моментъ настоящей близости съ Алисой. И даже ихъ бракъ казался ему теперь чѣмъ-то искусственнымъ, почти невѣроятнымъ. Онъ не зналъ, что нужно нѣсколько лѣтъ для того, чтобы установилась полная близость между мужемъ и женой.

— Видишь ли,—сказалъ онъ,—Генри Линкъ—это не настоящее мое имя.

— Да?—переспросила она.—Ну, что жъ, это, вѣдь, все равно.

Ее нисколько не удивляло, что Генри Линкъ—не его настоящее имя. Она была женщина бывалая и знала, что на этомъ свѣтѣ всякое возможно. А вышла она за него замужъ потому, что *онъ* былъ *онъ*, и она сама не знала, отчего особенно привлекалъ ее.

— Если только ты никого не убилъ и не ограбилъ, то какая мнѣ разница?—добавила она со своей спокойной улыбкой.

— Мое настоящее имя: Прайамъ Форллъ,—сказалъ онъ угрюмо.

— Но, вѣдь, такъ звали твоего барина,—возразила она.

— Понимаешь ли,—продолжалъ онъ, волнуясь,—вышла ошибка. Карточка, которая была тебѣ послана, это моя карточка.

— Ну, да,—согласилась она.—Я знаю, что твоя.—Что же изъ этого?

— Я хочу сказать,—объяснялъ онъ дальше,—что умеръ мой лакей, а не я. Видишь ли, когда докторъ пришелъ, то онъ принялъ Линка за меня, а я не возражалъ, потому что испугался хлопотъ и возни. Я просто молчалъ... и предоставилъ событіямъ идти по-своему... Ты, вѣдь, знаешь мой характеръ...

— Ну, ты что-то такое говоришь, что я перестаю ужъ понимать,—съ недоумѣніемъ сказала Алиса.

— Какъ? ты не понимаешь? Это очень просто. Я—Прайамъ Форллъ. У меня былъ лакей Генри Линкъ. Онъ умеръ, а всѣ рѣшили, что это умеръ я.

Онъ видѣлъ, что она измѣнилась въ лицѣ, но сейчасъ же овладѣла собой.

— Такъ, значитъ, этого Генри Линка похоронили въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, вмѣсто тебя?—спросила мягкимъ, ласковымъ тономъ эта удивительная женщина, снова надѣла очки и нагнулась надъ работой.

— Ну, да, конечно.

И Прайамъ сталъ разсказывать всю исторію, начавъ съ середины, дойдя до конца и снова возвращаясь къ началу. Онъ не пропустилъ ничего и никого, за исключеніемъ лэди Софьи Энтуистль.

— Такъ. Такъ,—сказала Алиса.—И ты все время никому не говорилъ ни слова объ этомъ?

— Ни слова.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ и дальше молчала,—заговорила она тихо, но убѣдительно.—Такъ гораздо лучше. И не нужно волноваться. Я понимаю, какъ это случилось, и очень рада, что ты разсказалъ мнѣ. Главное, не волнуйся. Послѣдніе дни ты страшно возбужденъ. Я думала, что это изъ-за моихъ денежныхъ дѣлъ, но вижу теперь, изъ-за чего это. Самое лучшее—забыть все это.

Алиса не вѣрила ему! Она просто не вѣрила всей исторіи. И, дѣйствительно, здѣсь, въ Путнеѣ и разсказанная такимъ образомъ, эта исторія казалась фантастической. Алиса всегда замѣчала нѣкоторую странность въ своемъ супругѣ. Его внезапный смѣхъ и восторгъ по поводу напримѣръ цвѣта облаковъ или прыжка лошади на улицѣ были болѣе чѣмъ странны. Иногда

онъ бывалъ такъ разсѣянъ, такъ «не отъ міра сего», что она совершенно терялась. Она была убѣждена въ томъ, что онъ былъ очень плохимъ лакеемъ. Но ей нуженъ былъ не лакей, а мужъ и другъ, и она была довольна своимъ выборомъ. Но что, если онъ ненормаленъ? Это предположеніе объясняло всѣ ея неясныя подозрѣнія относительно его умственнаго состоянія. Впрочемъ, если это и ненормальность, то вполнѣ безвредная. И она многое объясняла. Объясняла, напримѣръ, почему онъ ни съ того, ни сего поселился въ отелѣ «Вавилонъ». Ну, что жъ, теперь она знаетъ все, лучше можетъ понимать его, а любить? Ей казалось, что теперь она любитъ его еще сильнѣе.

Они помолчали.

— Да,—сказала она, самымъ обычнымъ, будничнымъ тономъ,—я бы на твоемъ мѣстѣ никому не разсказала. Я бы старалась забыть это.

— Ты бы старалась?—переспросилъ онъ, нервно барабаня по столу.

— Да, старалась бы и забыла бы! Но какъ бы то ни было, не надо волноваться.

Она говорила успокоительно-ласковымъ тономъ, какъ говорятъ съ дѣтьми или съ сумасшедшими.

Прайамъ увидѣлъ съ полной ясностью, что она не вѣрила ни одному слову изъ всего разсказаннаго имъ. Онъ надѣялся взволновать ее до глубины души, надѣялся, что они просидятъ всю ночь, обсуждая создавшееся положеніе. А вмѣсто этого снисходительный совѣтъ «забыть это все» и упорное стараніе успокоить его.

Ему приходилось думать въ одиночку.

* * *

— Генри!—позвала его жена, когда онъ на слѣдующее утро сталъ подыматься по лѣстницѣ на чердакъ,—что ты *тамъ* дѣлаешь?

Алиса держала себя такъ, какъ будто ровно ничего не случилось. Но все же у нея тоже были нервы, и они были взвинчены.

Онъ остановился, перегнулся надъ перилами и проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Иди сюда и посмотри!

Все равно: рано или поздно она должна увидѣть! Рано или поздно эта натянутая позиція должна провалиться съ большимъ трескомъ. Такъ пусть это будетъ скорѣе!

Алиса стала подыматься по лѣстницѣ. На полдорогѣ она уже начала потягивать носомъ, а, подойдя къ двери на чердакъ, сказала:

— Какъ пахнетъ краской! Я думала вчера, что...

Будь она чутка, она сказала бы:—Какъ пахнетъ новой, великолѣпной картиной!

Но чутка она была въ другихъ областяхъ.

— Ты что? покрасилъ этотъ стулъ изъ ванной?.. Ахъ!

Это громкое восклицаніе вырвалось у Алисы, когда она увидѣла заднюю сторону картины, прислоненной къ стулу, который Прайамъ стащилъ наканунѣ изъ ванной. Алиса подошла ближе къ окну. Отсюда ей хорошо была видна вся картина. Она великолѣпно освѣщена была утреннимъ солнцемъ. Картина была чудесная, вполнѣ достойная многочисленныхъ полотенъ той же кисти, разбросанныхъ по всѣмъ европейскимъ галлереямъ. Въ ней былъ тотъ яркій и вмѣстѣ мягкій колоритъ, который отличалъ всѣ произведенія Форлла. Тысячи любителей и знатоковъ живописи, отъ Петербурга до Санъ-Франциско, вошли бы на этотъ чердакъ съ трепетнымъ благоговѣніемъ, если бы знали, что̀ здѣсь находится. Прайамъ самъ былъ доволенъ. Больше того: онъ былъ въ восторженномъ, въ умиленномъ состояніи. Онъ стоялъ и взглядывалъ то на картину, то на Алису, какъ молодая мать, ревниво поглядывающая на невѣстку, пришедшую полюбоваться на ея первенца. Алиса долго молчала. Ей надо было сперва свыкнуться съ тѣмъ фактомъ, что ея Генри такъ долго скрывалъ отъ нея свои тайныя занятія, а затѣмъ уже она могла остановиться на картинѣ.

— Это ты нарисовалъ?—спросила она.

— Да,—отвѣтилъ онъ.—Какъ тебѣ нравится?

И подумалъ про себя:—Это покажетъ ей, что я не сошелъ съ ума. Это дастъ ей встряску.

— Очень, очень красиво,—сказала она любезно, но безъ всякаго убѣжденія,—что это изображаетъ? Это Путнейскій мостъ?

— Да,—отвѣтилъ онъ.

— Я такъ и подумала. Похоже. Но я совсѣмъ не знала, что ты рисуешь красками. Очень красиво—для любителя.

Послѣднія слова она произнесла твердо. Ихъ взгляды встрѣтились. Она вѣжливо давала ему понять, что не относится серьезно къ его вчерашнимъ росказнямъ. Прайамъ первый опустилъ глаза.

— Нѣтъ! нѣтъ!—живо запротестовалъ онъ, когда она сдѣ-

лала нѣсколько шаговъ по направленію къ картинѣ.—Не подходи ближе! Ты стоишь именно на хорошемъ разстояніи.

— Ладно, ладно. Если ты не хочешь, чтобы я подходила, то я не подойду,—успокоила его Алиса.—Какъ жаль, что ты не нарисовалъ на мосту омнибуса.

— Тутъ есть,—возразилъ Прайамъ.—Вотъ онъ.

— Ахъ, да! Я вижу. Но знаешь ли, по-моему, онъ больше похожъ на фургонъ для перевозки мебели, чѣмъ на омнибусъ. Если бы ты поставилъ на немъ какую-нибудь надпись, напр. Сити или Гайдъ-Паркъ—тогда люди бы знали навѣрное. Но все-таки очень хорошо. Ты, должно быть, выучился рисовать у своего...

Она запнулась, но тотчасъ оправилась и добавила:

— А что это за красная полоска сзади?

— Это желѣзнодорожный мостъ,—пробормоталъ Прайамъ.

— Ахъ, да, конечно! Какая я глупая. А отчего ты не сдѣлалъ на немъ поѣзда? На картинахъ поѣзда выходятъ всегда такіе, какъ-будто имъ ни за какія деньги не сдвинуться съ мѣста. Правда? Но если бы поставить противъ него шлагбаумъ, тогда всѣмъ будетъ понятно, что поѣздъ остановился. Впрочемъ, я не увѣрена, есть ли на этомъ мосту шлагбаумъ.

Прайамъ молчалъ.

— А вотъ тутъ направо я вижу ресторанъ Элька. И онъ, значитъ, на мѣстѣ! Его легко узнать. Всякій бы узналъ.

Прайамъ все еще молчалъ.

— Что ты думаешь съ ней дѣлать?—осторожно спросила она.

— Думаю продать ее!—отвѣтилъ онъ рѣзко.—Тебя, можетъ быть, удивитъ, что это полотно стоитъ не меньше восьмисотъ фунтовъ. Ухъ! какая бы пошла баталія на Бондъ-стритѣ, если бъ они знали, что я здѣсь пишу картину, вмѣсто того, чтобы гнить въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Я не буду подписывать свое имя... я, вообще, рѣдко подписывалъ картины... и мы посмотримъ. Я получалъ по тысячѣ слишкомъ за мелкія вещицы куда хуже этой. Продамъ ее за столько, сколько дадутъ. Вѣдь, намъ скоро нужны будутъ деньги.

Глаза Алисы наполнились слезами. Бѣдный! онъ гораздо болѣе ненормаленъ, чѣмъ она воображала. Тысячи и сотни за картину, въ которой нѣтъ никакой пріятности. Да что тамъ! на Гай-стритѣ настоящую хорошую картину горъ или озеръ, въ чудной рамкѣ можно купить за три фунта штуку! А онъ сыплетъ сотнями и тысячами. Конечно, это обольщеніе у него

естественно происходитъ отъ несчастной маніи, что онъ Прайамъ Форллъ. Что же это будетъ дальше? Кто бы могъ предположить, что ея Генри близокъ къ помѣшательству? Правда, оно пока безвредно, но, вѣдь, каждую минуту оно можетъ переродиться во вредное.

Остается только одно: поддерживать его спокойствіе, охранять его отъ всякихъ тревогъ и волненій. Часто душевныя потрясенія производятъ такое разстройство умственныхъ способностей. Очевидно, смерть хозяина сильно потрясла его. А теперь опять его взволновала исторія съ гибелью ея денегъ.

Алиса приблизилась къ мужу на шагъ, затѣмъ остановилась. Ей приходилось въ одинъ моментъ выработать цѣлый планъ кампаніи! Какъ успокоить его насчетъ этой нелѣпой картины? Она взглянула на него. Въ глазахъ у него было то наивное, почти юношеское выраженіе, которое такъ странно не соотвѣтствовало его сѣдымъ волосамъ и расплывшей фигурѣ.

Онъ смѣялся, но когда она подошла ближе, и онъ увидалъ слезы на ея рѣсницахъ, то пересталъ смѣяться.

— Прекрасная картина! очень красивая!—повторила она нѣсколько разъ.—И если хочешь, то я постараюсь продать ее, но только, Генри...

— Что такое?

— Пожалуйста, ради Бога, не волнуйся изъ-за денегъ. У насъ будетъ ихъ много, много. Тебѣ незачѣмъ волноваться. Я не хочу, чтобы ты терзалъ себя.

— Чего же ты плачешь?—спросилъ онъ шепотомъ.

— Такъ... меня тронуло, что ты хочешь такимъ образомъ заработать денегъ,—солгала она.—Но я не плачу по-настоящему.

И она побѣжала внизъ, плача совсѣмъ «по-настоящему». Прайамъ не пошелъ вслѣдъ за ней: какъ это ни странно, но онъ боялся расплакаться самъ.

* * *

Послѣ этого эпизода въ домѣ на Іиртъ-Родъ наступило временное затишье. Прайамъ продолжалъ работать на чердакѣ и теперь не надо ужъ было скрывать этого. Но въ разговорѣ, они не касались его живописи. И Алиса и Прайамъ избѣгали этой темы: она по свойственному ей такту, а онъ—оттого, что ея взглядъ на искусство казался ему недостаточно тонкимъ. У каждой супружеской четы есть тема—или даже нѣсколько—которой мужъ никогда не касается изъ уваженія къ достоинству

своей жены. Прайамъ едва-ли догадывался о томъ, что Алиса считаетъ его душевно-больнымъ. Онъ думалъ только, что она считаетъ его чудакомъ, какъ обыкновенно художники представляются не-художникамъ. Къ такому отношенію онъ привыкъ: Генри Линкъ тоже всегда считалъ его чудакомъ.

Такимъ образомъ мирное теченіе жизни на Іиртъ-Родъ ничѣмъ не нарушалось уже цѣлыхъ три дня. Затѣмъ случилось нѣчто странное, и снова клубокъ жизни сталъ развертываться.

Однажды Прайамъ, рано утромъ, отправился на берегъ на этюды и незамѣтно дошелъ до близлежащаго городка Барнса, откуда черезъ Ричмондъ Родъ вернулся назадъ. Онъ поравнялся съ угломъ Гай-стритъ, гдѣ на противоположной сторонѣ находился знакомый ему табачный магазинъ. Ему теперь не нужны были папиросы, но витрина магазина имѣла какой-то необычный видъ, и онъ сталъ переходить улицу, чтобы посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Но уже на серединѣ улицы онъ остановился, какъ вкопанный: въ центрѣ окна стояла его картина «Мостъ въ Путнеѣ». Онъ вѣрилъ своимъ глазамъ, потому что глаза были его самой сильной стороной и никогда его не обманывали; но если бы у него были глаза, какъ у всѣхъ людей, онъ бы навѣрное не повѣрилъ имъ. Картина стояла въ окнѣ табачной лавки. Она была вставлена въ дешевую рамку—такую, въ какихъ бываютъ обыкновенно хромографіи пароходовъ и курортовъ. Рама была немного длинна для картины, но пустое пространство было мало замѣтно. На верху красовался бѣлый ярлыкъ, съ надписью: «Продается». А вокругъ были сигары всѣхъ странъ свѣта и качествъ, трубки, мундштукъ и зажигалки изъ аллюминія и разныхъ другихъ металловъ.

Въ этой обстановкѣ картина имѣла самый несообразный видъ. Прайамъ покраснѣлъ, глядя на нее. Ему казалось, что присутствіе его картины въ окнѣ табачной лавки должно привлечь толпы народа, которыя займутъ всю улицу, а когда какой-нибудь субъектъ, не совсѣмъ чуждый искусству, замѣтитъ достоинства картины, тогда только начнется бѣда. Какъ глупо было воображать, что ему удастся сохранить свое инкогнито на полотнѣ! Каждый вершокъ этой картины былъ самый типичный, самый подлинный Форллъ! На любой выставкѣ въ Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ или Мюнхенѣ картина эта была бы признаннымъ «гвоздемъ». И ни грубая, дешевая рамка, ни окружающій товаръ не могли убить ея достоинствъ.

Однако, толпа не собиралась. Люди проходили взадъ и впередъ, словно не было никакого шедевра такъ близко отъ

нихъ. Какая-то дѣвушка - прислуга, съ большимъ хлѣбомъ въ рукахъ остановилась у окна, посмотрѣла съ минутку, а затѣмъ бѣгомъ пустилась домой.

Первымъ побужденіемъ Прайама было зайти въ магазинъ и спросить у торговца объясненіе этого страннаго явленія. Но онъ воздержался. Зачѣмъ? Разумѣется, присутствіе его картины здѣсь объясняется не чѣмъ инымъ, какъ предпріятіемъ Алисы.

Онъ медленно побрелъ домой.

Жена встрѣтила его въ передней и заговорила сразу, возбужденно:

— Ахъ, Генри, какая удача, я должна тебѣ разсказать. Сегодня утромъ, когда я проходила возлѣ магазина м-ра Эльмера, онъ какъ разъ устраивалъ витрину. «Вотъ»,—думаю,— «хорошо бы, если бъ онъ выставилъ твою картину». Я и говорю ему. Онъ сказалъ, что можетъ, но только надо ее сейчасъ принести. Я сбѣгала и принесла. Онъ и раму нашелъ, и ярлыкъ прилѣпилъ, и такъ былъ любезенъ удивительно! Просилъ тебѣ кланяться. Ты бы пошелъ поглядѣть. Кто знаетъ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ продастъ!

Прайамъ нѣсколько секундъ не отвѣчалъ ничего. Не могъ.

— А что Эльмеръ сказалъ насчетъ картины?—спросилъ онъ наконецъ.

— Ну, вотъ!—быстро возразила Алиса,—неужели ты думаешь, что онъ понимаетъ что-нибудь въ такихъ вещахъ? Это не по его части. Но онъ радъ былъ сдѣлать намъ одолженіе. И, право, онъ очень мило устроилъ ее.

— Отлично,—коротко сказалъ Прайамъ,—а мы скоро будемъ завтракать?

Пути любви поистинѣ неисповѣдимы. Несомнѣнно, только любовь помѣстила его картину въ окно табачной лавки, и теперь никакая власть не въ силахъ извлечь ее оттуда!

Проходила недѣля за недѣлей. Картина все стояла въ окнѣ и не привлекала толпы и не производила никакой сенсаціи. Въ газетахъ о ней не было ни слова! Лондонъ жилъ своей будничной жизнью. Единственнымъ прямымъ результатомъ было то, что Прайамъ перемѣнилъ направленіе своихъ прогулокъ и сталъ покупать папиросы въ другомъ магазинѣ.

И вотъ случилось второе странное происшествіе.

Однажды вечеромъ Алиса, сіяя радостью, всунула Прайаму въ руку пять золотыхъ.

— Продана за пять гиней!—сказала она весело. — М-ръ Эльмеръ не хотѣлъ брать себѣ ничего, но я заставила его взять

нѣсколько шиллинговъ комиссіонныхъ. Подумай только, какая удача! Конечно, я всегда думала, что картина прекрасная, — добавила она.

Дѣло было въ томъ, что продажа картины, сфабрикованной ея мужемъ на чердакѣ, за такую большую сумму, какъ пять гиней, сильно измѣнила ея взглядъ на искусство Генри. Его рисованіе не представлялось ей теперь капризомъ тихаго помѣшаннаго. Что-то было въ немъ. И ей хотѣлось теперь убѣдить самое себя, что она съ самаго начала чувствовала, что въ немъ что-то есть.

Картина была куплена чудакомъ-владѣльцемъ ресторана Элькъ. Ему нравилось, что на ней цѣликомъ виденъ весь его ресторанъ. Онъ заказалъ для нея массивную золотую раму и повѣсилъ ее въ главной обѣденной залѣ.

* * *

Однажды въ декабрѣ, часовъ около пяти, Прайамъ и Алиса сидѣли въ столовой въ ожиданіи чая. Скатерть съ ажурной строчкой была положена на столъ по діагонали (какъ Алиса видѣла на выставкѣ образцовыхъ комнатъ), при чемъ варенье изъ крыжовника занимало крайній сѣверный пунктъ, желе — южный, а коржики и песочныя лепешки изображали востокъ и западъ. Хлѣбъ и масло, какъ и слѣдовало ожидать, занимали центръ вселенной. Надъ спиртовой горѣлкой пофыркивалъ большой чайникъ кипятку. Алиса рѣзала хлѣбъ для гренокъ. Огонь былъ какъ разъ впору для поджариванія гренокъ, и вилка лежала подъ рукой. Съ началомъ зимы чаепитія становились все уютнѣе и роскошнѣе и пріобрѣтали болѣе сложный характеръ. Чтобы не ходить холоднымъ корридоромъ на кухню, Алиса устраивала такъ, что вся процедура производилась въ столовой.

Въ ту самую минуту, какъ Алиса вонзила длинную вилку въ ломоть хлѣба, послышался громкій, рѣшительный стукъ въ дверь. Алиса пошла отворять. Въ передней газъ еще не горѣлъ и такъ какъ уже стемнѣло, то она остановилась и зажгла его. Затѣмъ она открыла дверь и увидѣла худую, невзрачную пожилую женщину, одѣтую съ дешевой нарядностью. Казалось страннымъ, чтобы такое слабосильное и незамѣтное существо могло производить такой шумъ у дверей.

— Здѣсь живетъ м-ръ Генри Линкъ? — спросила незнакомка недовольнымъ или скорѣе усталымъ тономъ.

— Да,—отвѣтила Алиса.

— А-а-а!—протянула женщина, оглядываясь назадъ и, не дожидаясь приглашенія, вошла въ переднюю.

Въ тотъ же моментъ три мужскія фигуры взбѣжали по ступенькамъ въ переднюю, запыхаясь и тѣсня Алису. Одинъ изъ этого тріо былъ крѣпкій, широколицый, плечистый молодой человѣкъ лѣтъ тридцати (онъ то, по всей вѣроятности, и стучалъ въ дверь), а два другіе были священники, бритые и аскетическаго вида.

Передняя теперь была населена такъ густо, точно въ квартирѣ готовился митингъ, и такъ какъ Алиса никогда не видала никогда ее такъ населенной, то она невольно издала возгласъ удивленія.

— Да, сказалъ одинъ изъ священниковъ. — Вы, дѣйствительно, можете удивляться. Но мы рѣшили пробраться сюда, и пробрались. Джонъ, закрой дверь. Мамаша, придите въ себя!

Джонъ—плечистый и широколицый малый, закрылъ дверь.

— Гдѣ м-ръ Генри Линкъ?—спросилъ другой священникъ.

Прайамъ, любопытство котораго было естественно возбуждено необычайной возней въ передней, выглядывалъ сквозь неплотно прикрытую дверь въ столовую. Женщина замѣтила его, распахнула дверь, всматривалась въ него нѣсколько секундъ и сказала:

— Вотъ и ты, Генри! Послѣ тридцати лѣтъ! Кто бы могъ подумать?

Прайамъ не зналъ, что думать обо всемъ этомъ.

— Я—его жена, мэмъ, — печально произнесла женщина, обращаясь къ Алисѣ.—Это грустно, но я должна сказать вамъ. Онъ — мой мужъ. Я — законная м-съ Линкъ, а это вотъ мои сыновья, которые пришли со мной, чтобы добиться справедливости.

Алиса очень скоро оправилась отъ неожиданности. Она не разъ слыхала о двоеженствѣ и то, что ея мужъ оказался однимъ изъ нихъ, не приводило ее въ отчаяніе. Она сразу стала подыскивать для него всякія извиненія. Глядя на законную м-съ Линкъ, она думала, что, вѣроятно, та принадлежитъ къ такой породѣ женъ, которая способствуетъ развитію двоеженства. Она понимала, что это можетъ случиться. И послѣ тридцати лѣтъ!.. Никогда она не считала двоеженство преступленіемъ и теперь ей и въ голову не приходило пойти и утопиться отъ стыда, что она не настоящая жена своего мужа. Нѣтъ, надо сказать въ пользу Алисы, что она неизмѣнно принимала вещи такъ, какъ онѣ есть.

— Вотъ что, господа!—сказала она,—заходите всѣ, присядьте и поговоримъ.

— Спасибо. Очень любезно,—отвѣтила гостья.

Священникамъ отнюдь не хотѣлось садиться и тонно бесѣдовать, но пришлось: Алиса заставила ихъ сѣсть рядышкомъ на диванѣ. Старшій, плечистый братъ, не промолвившій еще ни слова, занялъ мѣсто между буфетомъ и дверью. Ихъ мать присѣла на краешекъ стула возлѣ стола. Прайамъ ушелъ въ свое глубокое кресло передъ каминомъ, а Алиса продолжала стоять и не обнаруживала никакихъ признаковъ волненія.

Положеніе было драматическое. Но, къ сожалѣнію, обыкновенные люди такъ непривычны къ драматическимъ положеніямъ, что, когда оно наступаетъ, они чувствуютъ себя не на высотѣ его. Если бы посторонній человѣкъ, незнакомый съ обстоятельствами дѣла, заглянулъ въ окно, то онъ подумалъ бы, что это просто знакомые, приглашенные къ чаю, они пришли слишкомъ рано и вдобавокъ, не отличаются разговорнымъ талантомъ.

Тѣмъ не менѣе, священникъ, повидимому, не упускалъ изъ виду благую цѣль своего посѣщенія.

— Ну, что жъ, мамаша!..—напомнилъ ей одинъ изъ нихъ.

Мамаша тотчасъ же заговорила, какъ-будто онъ коснулся заводной пружины:

— Онъ женился на мнѣ ровно тридцать лѣтъ тому назадъ, мэмъ; и черезъ четыре мѣсяца послѣ того, какъ родился мой старшій—Джонъ (она указала на уголъ возлѣ двери), онъ ушелъ изъ дому и бросилъ меня. Да, больно сказать, но такъ оно было! А черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ этого родились мои близнецы—вотъ Генри и Мэтью (показывая на диванъ). Я назвала его Генри по отцу, чтобы показать, что я ему простила и надѣюсь, что онъ вернется назадъ. И вотъ я осталась съ ребятами на рукахъ. А отъ него хоть бы словечко!.. Лѣтъ черезъ пять, да, Джонни было тогда уже пять лѣтъ, я прослышала про Генри... Но онъ былъ далеко, за границей—куда мнѣ было угнаться за нимъ съ малыми дѣтьми? Да и что грѣха таить: добра-то я отъ него немного видала. Бывало, прибьетъ, и больно, кулаками прибьетъ. А я молчу, терплю. Что жъ, думаю, на то мужъ! Прощала ему, и теперь прощаю. И вотъ столько лѣтъ прошло, и ничего мы о немъ не знали, а тутъ вдругъ хозяинъ молочной, у котораго вы молоко берете, и сказалъ Мэтью, что онъ знаетъ м-ра Линка, и адресъ далъ. Вотъ мы и здѣсь.

— Первый разъ въ жизни вижу эту госпожу, — сказалъ Прайамъ возбужденно,—и я вполнѣ увѣренъ, что никогда не вѣнчался съ ней.

— Въ такомъ случаѣ какъ вы объясните это, сэръ?— воскликнулъ одинъ изъ близнецовъ, вскакивая и вынимая изъ кармана голубую бумагу.—Будьте такъ добры передать это *отцу*,—сказалъ онъ, подавая бумагу Алисѣ.

Алиса ознакомилась съ документомъ. Это было свидѣтельство о бракосочетаніи Генри Линка, лакея, съ дѣвицей Сарой Фэзеръ. Прайамъ тоже прочиталъ бумагу. Несомнѣнно, одна изъ продѣлокъ Линка! Никакое разоблаченіе изъ прошлаго этого субъекта не удивило бы его. Единственное, что́ оставалось Прайаму—это отрицать свое тождество съ ея мужемъ. Безполезно, вѣдь, было бы увѣрять почтенную особу, что она вдова человѣка, который удостоился погребенія въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

— Ничего не знаю объ этомъ, — сказалъ Прайамъ упорно.

— Я полагаю, сэръ, что вы не будете отрицать, что ваше имя Генри Линкъ,—сказалъ второй близнецъ, приходя на помощь брату.

— Я отрицаю все,—сказалъ Прайамъ.

Какъ объяснить? Если онъ неспособенъ былъ убѣдить Алису, что онъ—не Генри Линкъ, то какъ надѣяться убѣдить этихъ посѣтителей?

— Я полагаю, сударыня,—продолжалъ близнецъ Генри такимъ приподнятымъ тономъ, точно онъ обращался къ цѣлой паствѣ,—что во всякомъ случаѣ вы... и мой отецъ... живете вмѣстѣ подъ именемъ м-ра и м-съ Генри Линкъ?

Алиса едва повела бровями.

— Все это — недоразумѣніе, — нетерпѣливо сказалъ Прайамъ. И вдругъ его осѣнило вдохновеніе: — Развѣ одинъ только есть Генри Линкъ на свѣтѣ?

— Вы въ самомъ дѣлѣ узнаете моего мужа?—спросила Алиса.

— *Вашего* мужа! Сударыня!—запротестовалъ уязвленный священникъ.

— Разумѣется, я не узнаю его такимъ, какимъ онъ *былъ* тогда,—сказала настоящая м-съ Линкъ.—Какъ и онъ не узнаетъ меня, конечно. Послѣ тридцати-то лѣтъ!.. Ему было двадцать два или двадцать три года, когда я его видѣла въ послѣдній разъ. Но это тотъ же типъ и тѣ же глаза. А потомъ мнѣ раз-

сказывали, что онъ служитъ у какого-то м-ра Форлла, художника или что-то такое, который умеръ недавно и похороненъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. А всякая собака въ Путнеѣ знаетъ, что этотъ господинъ служилъ у м-ра Форлла. Мы слыхали это отъ всѣхъ.

— Я полагаю, вы не будете отрицать,—ядовито замѣтилъ Генри-младшій,—что у м-ра Прайама Форлла не могло быть двухъ лакеевъ по имени Генри Линкъ?

Подавленный этимъ сократовскимъ доказательствомъ, Прайамъ молчалъ.

Алиса подошла къ буфету и вынула четыре чашки и блюдца.

— Знаете, господа,—сказала она спокойно,—давайте чай пить.

— Спасибо. Вы очень любезны,—плаксиво пробормотала «настоящая» м-съ Линкъ.

— Мамаша, не падайте духомъ,—ободрили ее оба священника.

— Развѣ ты не помнишь, Генри, — продолжала она плаксиво, обращаясь къ Прайаму,—какъ ты говорилъ, что ни за что не будешь вѣнчаться въ церкви? И я уступила, какъ и всегда уступала. Развѣ ты не помнишь, какъ ты не хотѣлъ крестить бѣднаго маленькаго Джонни? Я надѣюсь, что это у тебя измѣнилось. И какъ странно, что два твоихъ сына рѣшили пойти по духовной части! И благодаря нашему Джону они и могли. Если-бъ я разсказала, что̀ мы только пережили, ты бы не повѣрилъ. Они оба служили писцами и такъ бы и остались до конца жизни, если бы не Джонни. Онъ всегда зарабатывалъ деньги. А теперь Мэтью младшимъ настоятелемъ въ церкви св. Павла и получаетъ пятьдесятъ фунтовъ въ годъ, а Генри черезъ мѣсяцъ получаетъ приходъ—уже обѣщанъ—и все это благодаря Джонни!

Она заплакала.

— А Джонни въ своемъ уголкѣ продолжалъ молчать, поддерживая свою политику невмѣшательства.

Прайамъ, нисколько не растроганный разсказомъ, досадливо и злобно пожималъ плечами. Его одушевляло единственное желаніе: бѣжать безъ оглядки отъ вдовы и потомства своего бывшаго лакея. Но онъ не могъ бѣжать. Геркулесоподобный Джонъ былъ слишкомъ близко къ дверямъ. Ему ничего не оставалось дѣлать, какъ еще разъ пожать плечами.

— Да, сэръ,—сказалъ Мэтью,—вы можете пожимать пле-

чами, но вы не можете стереть насъ съ лица земли. Вы—нашъ отецъ, и я признаю, что мы обязаны даже оказывать вамъ всякое уваженіе. Но какъ вы можете разсчитывать на наше уваженіе? Заслужили ли вы его, когда вы всячески оскорбляли нашу бѣдную мать? Заслужили ли вы его, когда вы бросили ее безъ сожалѣнія въ нуждѣ и съ дѣтьми? Вы двоеженецъ, сэръ, обманщикъ и соблазнитель женщинъ и Богъ знаетъ...

— Пожалуйста, поджарьте этотъ хлѣбъ,—прервала Алиса его страстную филиппику, всунувъ ему въ руки вилку съ ломтями хлѣба,—а я пока заварю чай.

Это былъ новый способъ укрощенія, но онъ удался какъ нельзя лучше.

Мэтью сталъ держать вилку надъ огнемъ и въ то же время озирался по сторонамъ съ видомъ возмущеннымъ и негодующимъ.

— Пожалуйста, не сожгите, — сказала Алиса добродушно.—Знаете что,—садитесь на этотъ табуретъ.

И она стала по часамъ слѣдить за чайникомъ, чтобы онъ не перестоялъ.

— Разумѣется,—сказалъ Генри младшій,—нечего говорить, что всѣ наши симпатіи, сударыня, принадлежатъ вамъ. Вы въ нѣкоторомъ родѣ...

— Вы обо мнѣ говорите?—спросила Алиса.

А Прайамъ упорно повторялъ вполголоса: — Никогда въ глаза не видалъ эту женщину!

— Да, о васъ, — сказалъ Генри. — Я говорю отъ имени всѣхъ насъ. Всѣ наши симпатіи принадлежатъ вамъ. Вы не могли знать человѣка, за котораго вышли замужъ. Намъ извѣстно, однако, что вы познакомились съ нимъ черезъ брачную контору. А тутъ ужъ надо полагаться на удачу. Ваше положеніе въ высшей степени щекотливо; но что ни говори, вы сами его навлекли на себя. Въ моемъ призваніи мнѣ пришлось столкнуться со многими печальными послѣдствіями безнравственности, но *я* не думалъ, что придется встрѣтиться съ самымъ печальнымъ въ моей собственной семьѣ. Это открытіе такой же тягостный ударъ для насъ, какъ и для васъ. Мы страдали, мать моя много страдала. Боюсь, что теперь приходитъ ваша очередь. Вы не жена этого человѣка. Однако, вы живете съ нимъ подъ одной кровлей. Я затрудняюсь найти опредѣленіе для подобнаго положенія. Врядъ ли это будетъ удобно. Оттого я отъ имени всей семьи...

— Позволите вамъ сахару? — спросила Алиса мать близнецовъ.

— Да, пожалуйста.

— Два кусочка или одинъ?

— Два, пожалуйста.

— Отъ имени семьи...—продолжалъ Генри.

— Будьте такъ любезны, передайте вашей матери чай,— попросила Алиса.

Генри вынужденъ былъ взять чашку. Но, возбужденный своей пламенной тирадой, онъ опрокинулъ чашку, не донеся ее по назначенію.

— Ахъ, Боже мой, Генри?—забормотала его мать въ смущеніи,—какой ты неловкій! И еще красивая, чистая скатерть.

— Пустяки. Не безпокойтесь, пожалуйста,—сказала Алиса и затѣмъ прибавила, обращаясь къ своему Генри.—Пожалуйста, милый, сходи въ кухню и принеси мнѣ полотенце вытереть это. Тамъ виситъ за дверью.

Прайамъ вскочилъ съ изумительной эластичностью. Случай былъ экстренный, и Джону, охранявшему выходъ, ничего не оставалось, какъ пропустить его. Черезъ секунду хлопнула выходная дверь. Прайамъ воспользовался моментомъ и сбѣжалъ. Алиса вытерла чайный потокъ чистымъ накрахмаленнымъ полотенцемъ, висѣвшимъ возлѣ буфета.

* * *

Члены семьи покойнаго Генри Линка, каждый съ чашкой чая въ рукѣ, ощущали нѣкоторую трудность въ поддержаніи разговора въ томъ тонѣ, который приняли Генри и Мэтью. Ихъ мать откровенно дала волю слезамъ, отдавая въ то же время должное варенью, хлѣбу съ масломъ и гренкамъ. Джонъ въ мрачномъ молчаніи бралъ все, что̀ Алиса предлагала ему.

— А что̀, онъ вернется?—спросилъ наконецъ Мэтью.

— Кто?—спросила Алиса.

Мэтью замялся, но затѣмъ, вызывающе и рѣшительно произнесъ:—Отецъ.

Алиса улыбнулась.

— Боюсь, что нѣтъ, — сказала она. — Должно быть, онъ ушелъ. Видите ли, у него очень странный характеръ. Какъ упрется на одномъ, такъ ничего съ нимъ не подѣлаешь. У него есть свои хорошія стороны—я могу говорить открыто, такъ какъ его нѣтъ... да, у него есть хорошія стороны. Когда м-съ Линкъ говорила объ его жестокости къ ней, то я... я понимала ее.

Сохрани меня Богъ говорить о немъ дурное, онъ часто бываетъ очень добръ ко мнѣ, но... позволите еще чашечку, м-ръ Джонъ?

Джонъ подошелъ къ столу, не говоря ни слова, и протянулъ свою чашку.

— Неужели вы хотите сказать,—сказала м-съ Линкъ, — что онъ васъ...

Алиса скорбно-стыдливо кивнула головой.

М-съ Линкъ залилась слезами.

— Знаете, когда моему Джонни было всего какихъ-нибудь четыре-пять недѣль,—сказала она,—онъ чуть не сломалъ мнѣ руку. Оставлялъ постоянно безъ денегъ, а разъ заперъ меня въ погребѣ. А потомъ другой разъ, когда я гладила, онъ вырвалъ у меня горячій утюгъ и...

— Не надо! не надо! успокойтесь!—прервала ее Алиса.— Я знаю. Я знаю все, что вы можете мнѣ разсказать. Знаю, потому что пережила все это...

— Неужели онъ и вамъ угрожалъ утюгомъ?

— Ахъ, если бы только угрожалъ! — сказала Алиса съ видомъ мученицы.

— Такъ, значитъ, онъ не измѣнился за все это время!— заплакала м-съ Линкъ.

— Если измѣнился, то къ худшему,—сказала Алиса.—Но какъ было знать? Какъ мнѣ было угадать? Когда онъ хочетъ, то бываетъ такъ добръ, такъ внимателенъ!

— Вѣрно, вѣрно!—подтвердила настоящая м-съ Линкъ.— Онъ всегда былъ такой перемѣнчивый, такой странный!

— Странный! да, вотъ именно, это настоящее выраженіе,— воскликнула Алиса.—Мнѣ кажется даже, что у него въ головѣ не совсѣмъ ладно. Фантазіи у него прямо удивительныя. Я не обращаю на нихъ вниманія, но онѣ есть. Встану утромъ и думаю: «Ну что жъ, можетъ быть, сегодня придется свезти его!»

— Свезти?

— Ну да, въ лѣчебницу или куда-нибудь. И вы должны помнить,—прибавила она, пристально глядя на близнецовъ,— что въ васъ течетъ та же кровь. Не забывайте этого. Если я не ошибаюсь, вы хотите заставить его вернуться къ вамъ, м-съ Линкъ?

— Да-а,—неувѣренно пробормотала м-съ Линкъ.

— Ну что жъ, если вамъ удастся уговорить его,—сказала Алиса,—если онъ пойметъ свой долгъ, то и отлично. Но мнѣ жаль васъ. Я должна сказать вамъ, что это мой домъ и моя обстановка. У него ничего нѣтъ. Онъ не умѣетъ копить денегъ.

Много онъ мнѣ крови испортилъ, но все-таки я жалѣю его. И я бы не хотѣла, чтобы онъ терпѣлъ лишенія. Можетъ быть, ваши трое молодыхъ людей будутъ въ состояніи справиться съ нимъ. Но я не увѣрена. Съ нимъ очень трудно бываетъ.

М-съ Линкъ покачала головой. Воспоминанія прошлаго вставали передъ нею.

— Вопросъ въ томъ,—угрюмо произнесъ Мэтью,—что онъ долженъ быть преданъ суду за двоеженство. Вотъ что надо сдѣлать.

— Совершенно вѣрно,—помогъ ему Генри.

— Вы вполнѣ правы! — сказала Алиса. — Этого требуетъ справедливость. Конечно, онъ будетъ отрицать, что онъ тотъ самый Генри Линкъ. Онъ будетъ упорно отрицать. Но въ концѣ-концовъ вы все-таки докажете, что это онъ и есть. Бѣда только, что эти дѣла въ судѣ такъ дорого стоятъ. Тутъ и сыщики нужны, и адвокаты, и всякое такое. И, конечно, скандалъ. Не мнѣ! Моей вины тутъ нѣтъ. Всѣ меня знаютъ въ Путнеѣ уже двадцать лѣтъ. Но вотъ не знаю, будетъ ли вамъ, м-ръ Генри, и вамъ, м-ръ Мэтью, какъ священникамъ, удобно, чтобы вашего отца посадили въ тюрьму? Но, конечно, справедливость выше всего. Больно ужъ много развелось людей, которые обманываютъ простыхъ, довѣрчивыхъ женщинъ. Какое счастье, что моя бѣдная мать не дожила до этого!

Близнецы сдѣлали нѣсколько довольно безсвязныхъ замѣчаній, а затѣмъ изъ угла возлѣ двери послышался какой-то звукъ. Это кашлялъ Джонъ.

— Не стоитъ намъ ввязываться въ эту исторію,—сказалъ онъ. Это было его первое и послѣднее словесное выступленіе во всей сценѣ.

* *
*

Между тѣмъ Прайамъ бродилъ по улицамъ, бормоча про себя восклицанія, которыя утонченностью формы не отличались. Онъ выскочилъ изъ дому безъ пальто, а погода оказалась безжалостно сырою. Но онъ даже не чувствовалъ холода—онъ только ощущалъ надъ собою грубую руку судьбы, которая замахивалась на него такъ нелѣпо и случайно.

Вскорѣ послѣ продажи его первой картины оказалось, что рамочникъ въ Гай-стритѣ зналъ одного субъекта, который не прочь былъ покупать такія картины. Ихъ отношенія приняли характеръ постоянной сдѣлки. Обычная цѣна за картины была десять фунтовъ наличными. Такимъ путемъ Прайамъ выработалъ

около двухсотъ фунтовъ за годъ. Никакихъ вопросовъ ему не предлагали. Черезъ нѣкоторые промежутки онъ сдавалъ полотно, и получалъ деньги—больше онъ ничего не зналъ. Первое время онъ жилъ въ безпрерывномъ ожиданіи переполоха въ мірѣ искусства, потому что трудно было предположить, что картины эти никогда не попадутся на глаза опытному знатоку живописи. Но шли недѣли, и ничего не происходило, такъ что Прайамъ сжился съ чувствомъ полной безопасности. Онъ былъ счастливъ. Да, счастливъ тѣмъ, что могъ безъ помѣхи предаваться любимому искусству; и тѣмъ, что имѣлъ достаточно денегъ для всего, что нужно было ему и Алисѣ; онъ былъ счастливѣе, чѣмъ раньше, въ бродячіе дни славы и богатства. Алиса была потрясена его способностью зарабатывать и, повидимому, постепенно отказывалась отъ своихъ подозрѣній въ его ненормальности. Однимъ словомъ, злой песъ судьбы спалъ, а Прайамъ старался не будить его.

И вдругъ теперь это неслыханное нашествіе, это воскрешеніе старыхъ грѣховъ настоящаго Линка! Онъ былъ оскорбленъ, потрясенъ, онъ былъ въ ярости. Но онъ не былъ удивленъ. Наоборотъ, его изумляло, какъ это грѣхи Генри Линка не тревожили его раньше. Но что дѣлать? Трагедія въ томъ, что дѣлать нечего; онъ можетъ только надѣяться на Алису. Какъ она изумительно себя держала! Чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ геніальнѣе ему представлялось ея обращеніе съ близнецами-священниками. Неужели ему придется, благодаря дурацкому обвиненію въ двоеженствѣ, лишиться этой несравненной женщины? Онъ зналъ, что въ Англіи за двоеженство полагается тюрьма. И ему представлялось, какъ эти два добродѣтельныхъ священника и ихъ нѣмой братецъ вмѣстѣ съ своей опечаленной мамашей доведутъ его до тюрьмы или до смерти! Какъ ему объяснить? Нѣтъ—Алиса не повѣритъ!.. Впрочемъ, можетъ быть, она и не захочетъ никакого объясненія. Она въ такихъ случаяхъ обыкновенно объявляетъ: «я понимаю отлично» и берется приготовлять обѣдъ или ужинъ.

Но вотъ вѣтеръ стихъ, и сталъ накрапывать дождь. Прайамъ не обращалъ на него вниманія, но декабрьскій дождь имѣетъ особыя упорныя свойства. Онъ способенъ преодолѣть даже самую серьезную умственную сосредоточенность. Онъ одолѣлъ Прайама. Онъ заставилъ его признать, что его измученная душа заключена въ оболочку плоти, и что эта оболочка промокла до костей. И вотъ душа его постепенно стала сдаваться, и онъ отправился домой.

Всунувъ ключъ въ замокъ, онъ старался дѣлать какъ можно меньше шума, тихонько заперъ дверь и пробрался въ домъ, какъ воръ. Въ передней онъ остановился, внимательно прислушиваясь. Ни звука! То-есть, ни звука, кромѣ стука капель, стекавшихъ съ его шляпы на линолеумъ. Дверь въ столовую стояла широко открытой. Прайамъ вошелъ. Алиса сидѣла и штопала носки.

— Генри!—воскликнула она.—Что это, ты весь мокрый!

И она поднялась со стула.

— Они ушли?—спросилъ онъ.

— И ты убѣжалъ безъ пальто! Генри, Генри, какъ ты могъ? Ну, теперь я тебя моментально уложу въ постель, а то не дай Богъ, легко схватить воспаленіе легкихъ или что-нибудь другое.

— Они ушли?—повторилъ онъ.

— Да, конечно,—сказала она.

— Когда они опять придутъ?

— Я не думаю, чтобы они опять пришли,—отвѣтила она.—Мнѣ кажется, что они получили полное удовольствіе. Мнѣ удалось убѣдить ихъ, что самое лучшее оставить это дѣло. Видалъ ты когда-нибудь такіе гренки, какіе поджарилъ этотъ священникъ?

— Увѣряю тебя, Алиса,—говорилъ Прайамъ позже, лежа въ постели послѣ горячей ванны,—увѣряю тебя, что все это—ошибка. Я никогда раньше не видалъ этой женщины.

— Разумѣется, ты не видѣлъ,—сказала она успокоительно.—Конечно, не видѣлъ. Но если бъ даже и видѣлъ, то подѣломъ ей. Видно сразу, что это плакса и попрошайка. Всѣ они какіе-то истеричные, что ли,—всѣ, кромѣ старшаго, который не говорилъ ни слова. Тотъ мнѣ даже понравился.

— Но я не знаю ее!—воскликнулъ онъ.

— Голубчикъ мой, я вѣрю, что ты не знаешь.

Но онъ чувствовалъ, что она только успокаиваетъ его. Онъ чувствовалъ, что она рѣшила удержать его, чего бы это ни стоило. И невольно у него явилась мысль, какая глубокая пучина неразборчивости открывается въ душѣ хорошей и любящей женщины.

— Только я надѣюсь, что больше ихъ уже не появится!—прибавила она сухо.

А! такъ вотъ въ чемъ дѣло! Дѣйствительно, вполнѣ возможно, что проходимецъ Линкъ надѣлалъ кучу всякихъ грѣховъ, за которые ему, Прайаму, придется теперь расплачиваться. Его

терроризированному воображенію представились цѣлые легіоны неутѣшныхъ вдовъ Генри Линка и ихъ потомства, духовнаго и свѣтскаго. Онъ зналъ, что такое изображалъ собою Линкъ. Поистинѣ, Вестминстерское аббатство странное мѣсто для его послѣдняго успокоенія!

ГЛАВА IX.

Автомобиль подкатилъ къ воротамъ такъ безшумно, что Алиса не слыхала его, хотя она занята была уборкой передней комнаты. Она не слыхала ничего до той минуты, пока не зазвонилъ звонокъ. Предполагая, что звонитъ мальчикъ изъ мясной лавки, Алиса вышла отворить, какъ была—въ рабочемъ фартукѣ и со щеткой въ рукѣ. На лѣстницѣ стоялъ элегантный, красивый господинъ. Цилиндръ, ошеломляющаго блеска и новизны, сверкалъ надъ его блестящей черной шевелюрой и блестящими глазами. Пальто его было оторочено красивымъ пушистымъ мѣхомъ. Носилъ онъ черный шелковый галстухъ, при чемъ въ математическомъ центрѣ его верхней части красовалась маленькая жемчужная булавка. Перчатки были стального цвѣта. Въ темно-полосатыхъ брюкахъ утюженная складка, было само совершенство, а сапоги изъ шевро glacé были гладкіе и безукоризненные. Великолѣпные зубы сверкали бѣлизной, а цвѣтъ лица могъ свѣжестью красокъ соперничать съ мальчикомъ-подросткомъ. Господину было лѣтъ тридцать пять, онъ былъ необыкновенно изященъ и произвелъ на Алису неотразимое впечатлѣніе; несомнѣнно, никогда еще ея порога не переступалъ такой интересный и великолѣпный мужчина.

— Здѣсь живетъ м-ръ Линкъ?—спросилъ онъ, улыбаясь и приподнимая шляпу.

— Да,—отвѣтила Алиса, тоже съ улыбкой.

— А онъ дома?

— Да, вотъ занятъ онъ своимъ дѣломъ,—сказала Алиса.—Въ эту погоду, знаете, не очень разгуляешься, такъ онъ и...

— Нельзя ли мнѣ зайти къ нему въ мастерскую?—спросилъ господинъ съ такимъ видомъ, какъ будто просилъ величайшей милости.

Первый разъ Алисѣ пришлось услышать, что чердакъ называется «мастерской». Она призадумалась.

— Это по поводу картинъ,—пояснилъ посѣтитель.

— Ахъ!—воскликнула Алиса.—Не угодно ли вамъ войти?

Мнѣніе Алисы о талантѣ мужа сильно измѣнилось за эти

два года. Человѣкъ, который зарабатываетъ отъ двухсотъ до трехсотъ фунтовъ въ годъ тѣмъ, что мажетъ по холсту красками—этотъ человѣкъ заслуживаетъ, чтобы его чердакъ считать мастерской, а его самого—честнымъ ремесленникомъ. Правда, Алиса считала, что онъ получаетъ несоразмѣрно большія деньги за свою, по ея мнѣнію, ничего не стоющую работу, но, увидѣвъ пріятнаго незнакомца, съ великолѣпнымъ автомобилемъ, она поняла, что возможны даже еще большія чудеса въ смыслѣ гонорара. Ей представилось, что обычная цѣна въ десять фунтовъ выростаетъ до пятнадцати и даже до двадцати—лишь бы только Генри не испортилъ дѣло своей безконечной робостью!

— Пожалуйста, не угодно ли вамъ,—обратилась она къ незнакомцу.

И онъ пошелъ за ней наверхъ. Отворяя дверь на чердакъ, она сказала:

— Генри, тутъ одинъ господинъ желаетъ повидаться съ тобой насчетъ картинъ.

* * *

— Какъ женщины нелѣпы!—было первой мыслью Прайама. Лучшія изъ нихъ продѣлываютъ совершенно невообразимыя вещи. Что за идея—безъ всякаго предупрежденія ввести чужого, незнакомаго человѣка прямо къ нему въ мастерскую! Но, поднявшись съ мѣста, Прайамъ увидалъ посѣтителя и сразу успокоился. Ему стало ясно, что тутъ онъ не встрѣтитъ ни грубости, ни отсутствія пониманія, ни невѣжества. Да и посѣтитель съ увѣренностью далъ тонъ сразу же.

— Доброе утро, maître,—сказалъ онъ, войдя.—Извиняюсь за свое безцеремонное нашествіе. Но я пришелъ узнать, нѣтъ ли у васъ чего-нибудь для продажи. Я работаю для коллекціонера. Фамилія моя—Оксфордъ.

Произнесъ онъ все это съ чрезвычайно пріятной смѣсью искренности, почтенія и дѣловой прямоты, а также не проявилъ никакого удивленія по поводу своеобразнаго устройства мастерской.

Maître! Напрасно было бы утверждать, что величайшимъ художникамъ не доставляетъ удовольствія, когда къ нимъ обращаются съ этимъ именемъ. Давно уже Прайамъ Форллъ не слыхалъ такого обращенія, да и благодаря его образу жизни онъ вообще крайне рѣдко слыхалъ его. И слово это пріятно приласкало его слухъ.

На мольбертѣ вблизи окна стояла только-что оконченная картина; она изображала сценку лондонской жизни: Гай-стритъ

ночью съ омнибусомъ и фигурами лошадей, выступающихъ изъ тумана и освѣщенныхъ такъ, что онѣ казались конными статуями. Игра свѣта и тѣней была чрезвычайно сложна и интересна. По тому, какъ посѣтитель глядѣлъ на картину, Прайамъ опредѣлилъ сразу, что это человѣкъ много видавшій на своемъ вѣку. Его не бросало ни назадъ, ни впередъ, онъ не разсыпался въ похвалахъ и не велъ себя, какъ одержимый галлюцинаціями. А между тѣмъ картина была не изъ тѣхъ, что́ легко поддаются воспріятію. Для нея нуженъ былъ опытный глазъ, а профану она могла показаться даже юмористической.

— Продать!—воскликнулъ Прайамъ. Какъ всѣ очень робкіе люди, онъ могъ скрывать свою робость только за чрезвычайной развязностью.—Какая цѣна?

И онъ указалъ на картину, безъ всякихъ другихъ вступленій.

— Удивительно тонкая разработка,—пробормоталъ м-ръ Оксфордъ.—Удивительно тонкая! Могу я узнать, сколько вы...

— Это я у *васъ* спрашиваю,—сказалъ Прайамъ, немилосердно крутя въ рукѣ тряпочку, запачканную красками.

— Гм.,—протянулъ м-ръ Оксфордъ и задумался. Затѣмъ спросилъ:—Двѣсти пятьдесятъ?

Прайамъ уже запродалъ картину своему всегдашнему покупателю и не разсчитывалъ получить за нее больше, чѣмъ двѣнадцать фунтовъ. Но художники странно устроены!

Онъ покачалъ головой. Хотя двѣсти пятьдесятъ фунтовъ была сумма, какую онъ зарабаталъ въ теченіе всего послѣдняго года, все же онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ?—спросилъ м-ръ Оксфордъ ласково и почтительно, заложивъ руки за спину.—Да, кстати,—вдругъ съ живостью обратился онъ къ Прайаму,—вы, вѣроятно, видѣли портретъ Аріосто Тиціана, который купленъ для Національной Галлереи? Каково ваше мнѣніе о немъ, мэтръ?

— Мое мнѣніе, что это, конечно, не Аріосто и ужъ, конечно, не принадлежитъ Тиціану,—сказалъ Прайамъ,—но помимо этого хорошо сдѣланная вещь.

М-ръ Оксфордъ одобрительно улыбался.

— Я ожидалъ, что вы такъ скажете,—сказалъ онъ. И онъ быстро перешелъ на Сегантини, затѣмъ на Морриса, Боннара, обо всѣхъ спрашивая мнѣнія мэтра. Черезъ нѣсколько минутъ завязался оживленный разговоръ о живописи. Какъ давно уже Прайамъ не велъ подобнаго разговора! Послѣднее время ему приходилось слышать о живописи только невѣроятныя глупости. Онъ пріучился не слушать ихъ; такого рода замѣчанія влетали ему

въ одно ухо и вылетали въ другое. Теперь же онъ упивался разговоромъ съ м-ромъ Оксфордомъ и только сейчасъ понялъ, какая у него была все время жажда. Онъ отводилъ душу. Онъ становился все горячѣе, одушевленнѣе. М-ръ Оксфордъ слушалъ его съ восторгомъ. Очевидно, это былъ чрезвычайно тонкій цѣнитель, который видѣлъ въ собесѣдникѣ крупнаго художника, и только. Онъ не пытался разгадать тайну, отчего большой художникъ работаетъ гдѣ-то на чердакѣ, на Уиртъ-Родъ въ Путнеѣ? Онъ не задавалъ щекотливыхъ вопросовъ о прежней дѣятельности и произведеніяхъ? Тутъ было простое, искреннее признаніе его таланта. Это было странно, но такъ пріятно!

— Значитъ, вы не согласны на двѣсти пятьдесятъ?—спросилъ м-ръ Оксфордъ, снова перескакивая къ дѣлу.

— Нѣтъ,—упрямо возразилъ Прайамъ.—По правдѣ говоря,—прибавилъ онъ,—мнѣ хотѣлось бы оставить себѣ эту картину.

— Хотите пятьсотъ, мэтръ?

— Да-а... пожалуй,—сказалъ Прайамъ, вздохнувъ. Вздохъ былъ искренній, потому что ему, дѣйствительно, жалко было разстаться съ картиной: онъ зналъ, что лучшаго никогда онъ не написалъ.

— Вы мнѣ позволите увезти ее съ собой?—спросилъ м-ръ Оксфордъ.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Прайамъ.

— А что бы вы сказали, если бы я осмѣлился предложить вамъ проѣхаться вмѣстѣ со мной въ городъ?—съ мягкой почтительностью продолжалъ м-ръ Оксфордъ.—У меня есть двѣ-три картины, которыя бы очень хотѣлось показать вамъ. Думаю, что онѣ доставятъ вамъ удовольствіе. И мы поговорили бы о дальнѣйшемъ. Если бы вы могли удѣлить часокъ, другой...

Въ груди Прайама проснулось желаніе и вступило въ борьбу съ его робостью. Тонъ, которымъ м-ръ Оксфордъ произнесъ: «Думаю, что онѣ доставятъ вамъ удовольствіе», указывалъ на что-то изъ ряду вонъ выходящее. А Прайамъ уже не могъ вспомнить, когда въ послѣдній разъ ему пришлось испытать сильное впечатлѣніе.

* * *

Я уже указывалъ выше, что автомобиль м-ра Оксфорда былъ не изъ обыкновенныхъ. Во-первыхъ, это былъ, какъ выражаются спортсмены въ газетныхъ статьяхъ, «великолѣпный ли-

музинъ». Во-вторыхъ, онъ и снаружи и внутри былъ съ иголочки новенькій, безъ единаго пятнышка.

И мягкія кожаныя подушки его сидѣній и патентованныя механическія шторы, и подножки, и лампы, и костяныя ручки на дверцахъ—все это не носило никакихъ слѣдовъ употребленія. Можно было подумать, что м-ръ Оксфордъ никогда не пользуется два раза однимъ автомобилемъ, а покупаетъ каждое утро новый, какъ биржевики цилиндры. Внутри былъ складной столикъ для писанія и со всѣхъ сторонъ масса полочекъ и карманчиковъ, предназначенныхъ для всякаго рода документовъ; кромѣ того здѣсь были два кресла, а на стѣнкѣ часы съ барометромъ и термометромъ и разговорный рупоръ. Если бы еще машина была соединена безпроволочнымъ телеграфомъ съ биржей и парламентомъ и если бы въ ней былъ устроенъ маленькій ресторанчикъ, то м-ръ Оксфордъ никогда не былъ бы поставленъ въ необходимость покидать ее, а могъ бы оставаться тамъ съ утра до поздняго вечера.

Безупречность автомобиля, а также костюма и осанки м-ра Оксфорда усугубляли потертый видъ Прайама. Надо сознаться, что въ Путнеѣ онъ сильно обносился, но когда-то во времена достопамятнаго Линка—онъ одѣлался хорошо и теперь, когда моторъ плавно и безшумно несся по направленію къ центру Лондона по оживленнымъ нарядным улицамъ, Прайаму становилось не по себѣ. Онъ похоронилъ себя въ Путнеѣ. Онъ никогда не оставлялъ Путнея, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда онъ подземной дорогой ѣздилъ освѣжиться въ Національную галлерею. Такимъ образомъ и вышло, что онъ уже давно не видалъ главныхъ лондонскихъ улицъ. Онъ сталъ уже забывать роскошь, моду, восточные табачные магазины, имена которыхъ оканчиваются на «онулосъ», высокомѣріе правящихъ классовъ и еще болѣе упрямое высокомѣріе ихъ лакеевъ. Теперь Путней и Алиса остались позади, и душу Прайама терзалъ какой-то демонъ, который заставилъ его пугливо сжиматься передъ блестящей перспективой Лондона, и вызывалъ желаніе удрать что силы домой въ Путней. Это тотъ демонъ, котораго мы зовемъ привычкой. Теперь онъ бы даромъ отдалъ картину лишь бы очутиться въ Путнеѣ, вмѣсто того чтобы нестись по Гайдъ-парку подъ аккомпаниментъ любезнаго и тактичнаго разговора м-ра Оксфорда.

Но другой его демонъ—робость—удерживалъ его отъ желанія опрометью выскочить и пуститься бѣжать.

Наконецъ, автомобиль остановился на Бондъ-стритъ передъ

зданіемъ съ широкой аркой и парящимъ надъ крышей геніемъ. Объявленія возвѣщали, что входъ черезъ арку стоитъ шиллингъ; но м-ръ Оксфордъ, неся картину Прайама такъ бережно и благоговѣйно, точно она стоила не пятьсотъ, а пятьдесятъ тысячъ фунтовъ, прошелъ прямо безъ всякой уплаты, и Прайамъ вслѣдъ за нимъ, по его настойчивому приглашенію. Нѣсколько старыхъ ветерановъ съ медалями встрѣтили поклонами м-ра Оксфорда, а дальше существа въ такихъ же безупречныхъ цилиндрахъ, какъ у м-ра Оксфорда, сняли ихъ передъ нимъ, на что́ онъ не отвѣтилъ имъ тѣмъ же. Онъ только слегка, по наполеоновски, кивнулъ головой. Вообще, поведеніе его сильно измѣнилось. Теперь это былъ человѣкъ несокрушимой воли, привычный пользоваться людьми, какъ пѣшками, въ сложной партіи своей карьеры. Они вошли въ кабинетъ, гдѣ м-ръ Оксфордъ, съ помощью мальчика-жокея, снялъ пальто, шляпу и перчатки и повелительно приказалъ принести подходящую для новой картины раму, что́ и было тотчасъ исполнено.

— Не угодно ли сигару,—предложилъ м-ръ Оксфордъ Прайаму, снова возвращаясь къ прежнему тону и протягивая ему ящикъ. Сигары были изъ тѣхъ, что стоятъ цѣлую крону въ ресторанѣ, полъ-кроны въ лавкѣ и два пенса въ Амстердамѣ. Царскія сигары—что и говорить!—съ дивнымъ ароматомъ и бѣлоснѣжнымъ пепломъ. Но Прайамъ не могъ наслаждаться ими. О, нѣтъ! Когда они шли, онъ замѣтилъ подъ аркой мѣдную доску съ надписью «Галлерея Парфиттсъ». Онъ находился въ извѣстной галлереѣ своихъ бывшихъ агентовъ, которыхъ кстати онъ никогда не видалъ. И теперь ему было боязно, и подъ ложечкой онъ чувствовалъ щемящую пустоту.

М-ръ Оксфордъ еще разъ внимательно осмотрѣлъ картину. Затѣмъ, окруженный клубами дыма, точно ѳиміамомъ, онъ написалъ чекъ на пятьсотъ фунтовъ и, не вынимая изо рта сигары, онъ передалъ его Прайаму. Чекъ подписанъ былъ «Парфиттсъ».

— Вѣроятно, вы слыхали, что я являюсь теперь единственнымъ владѣльцемъ этой фирмы,—сказалъ м-ръ Оксфордъ съ сигарой во рту.

Затѣмъ онъ повелъ Прайама по толстому ковру въ залъ, гдѣ электричество при помощи рефлекторовъ сильно, но мягко освѣщало прекрасную коллекцію картинъ.

М-ръ Оксфордъ не преувеличилъ. Онѣ, дѣйствительно, доставили удовольствіе Прайаму. Здѣсь былъ великолѣпный огромный холстъ Делакруа, а также чудесный Вермиръ, а на почетномъ мѣстѣ, къ которому м-ръ Оксфордъ подошелъ въ заключе-

ніе, висѣлъ вечерній пейзажъ Вольтерры, холмистаго итальянскаго городка. Сердце Прайама запрыгало въ груди, когда онъ увидалъ эту картину. На ея дорогой рамѣ, внизу, стояли два слова: «Прайамъ Форллъ». Какъ хорошо помнится ему работа надъ нею! И какъ она геніально хороша!

— А вотъ это,—сказалъ м-ръ Оксфордъ,—по-моему скромному мнѣнію, одна изъ лучшихъ Форлловскихъ вещей. А вы какъ думаете, м-ръ Линкъ?

Прайамъ помолчалъ. Затѣмъ сказалъ:

— Я согласенъ съ вами.

— Вообще,—сказалъ м-ръ Оксфордъ,—Форллъ—это единственный новѣйшій художникъ, который можетъ выдержать съ честью такую компанію. Не правда ли?

Прайамъ покраснѣлъ.—Можетъ быть,—прошепталъ онъ.

Между Путнеемъ и Вольтеррой дистанція огромная, но картина моста въ Путнеѣ и вечеръ въ Вольтеррѣ явно, безспорно, поразительно обнаруживали кисть одного и того же мастера; это была та же трактовка, та же манера, та же сдержанная и суровая любовная передача природы. Сходство бросалось въ глаза. Его не могъ не замѣтить даже простой маклакъ—но м-ръ Оксфордъ не обмолвился о немъ ни однимъ словомъ. Только, когда они выходили изъ залы и Прайамъ нескладно выражалъ свое восхищеніе, онъ сказалъ:

— Да, это вотъ моя маленькая коллекція. Я ужасно радъ и гордъ, что показалъ вамъ ее. Теперь я хочу просить васъ поѣхать со мной позавтракать въ клубъ. Пожалуйста, пожалуйста. Я былъ бы въ отчаяніи, если бы вы отказались.

Прайаму было глубоко безразлично душевное состояніе м-ра Оксфорда и ему совсѣмъ не хотѣлось ѣхать завтракать въ клубъ. Но онъ сказалъ: «Хорошо!» оттого, что это было безконечно легче сдѣлать, чѣмъ отказаться, и оттого, что м-ръ Оксфордъ былъ человѣкъ рѣшительный. Но тревожно было на душѣ у Прайама. Его угнетало и мучило таинственное молчаніе м-ра Оксфорда.

Они поѣхали на моторѣ въ клубъ.

* * *

Прайамъ никогда раньше не бывалъ въ клубѣ. Это заявленіе, вѣроятно, вызоветъ удивленіе или даже недовѣріе, но что же дѣлать? Это правда. Прайамъ въ очень ранней молодости покинулъ страну клубовъ—Англію, а то, что онъ видѣлъ въ ка-

чествѣ англійскихъ клубовъ на континентѣ, отнюдь не вызывало въ немъ желанія ознакомиться съ ними ближе.

Клубъ м-ра Оксфорда поразилъ и смутилъ его—такой онъ былъ большой и мрачный. Извнѣ онъ напоминалъ вокзалъ большого промышленнаго города. Глядя снизу съ мостовой на широчайшую лѣстницу, ведущую къ первой парѣ откидныхъ дверей и на весь колоссальный фасадъ, черный отъ въѣвшейся за много лѣтъ угольной пыли, думалось, что это зданіе—памятникъ тѣхъ временъ, когда на землѣ жили великаны. Единственнымъ уцѣлѣвшимъ потомкомъ великановъ былъ огромнаго роста швейцаръ за дверью. Когда м-ръ Оксфордъ и Прайамъ вскарабкались по лѣстницѣ до него, великанъ съ страшной силой распахнулъ гигантскую дверь. Они очутились въ огромномъ вестибюлѣ, гдѣ высоко, высоко надъ ними, недосягаемо, какъ небо, чернѣли рѣзные своды потолка. М-ръ Оксфордъ вписалъ свое имя въ огромную книгу посѣтителей, затѣмъ повелъ его по колоссальнымъ корридорамъ, и наконецъ они пришли въ очень длинную комнату, гдѣ по обѣимъ стѣнкамъ висѣла тысяча вѣшалокъ и на нихъ кое-гдѣ пальто и шляпы. М-ръ Оксфордъ выбралъ пару вѣшалокъ въ сторонѣ и, когда они раздѣлись, онъ повелъ Прайама въ другую большую комнату, которая, повидимому, должна была напомнить бани Каракаллы. Въ одномъ изъ гигантскихъ гранитныхъ бассейновъ Прайамъ почистилъ свои ногти такой огромной щеткой, какая ему раньше не представлялась даже въ кошмарахъ, а лакей почистилъ ему сюртукъ страннымъ предметомъ, похожимъ на музейное орудіе пытки старыхъ временъ.

Они поднялись по грандіозной лѣстницѣ изъ темнаго мрамора и черезъ другіе аппартаменты проникли въ столовую, изъ которой можно было бы устроить превосходную школу для верховой ѣзды. Здѣсь было шесть гигантскихъ оконъ въ рядъ, задрапированныхъ портьерами, которыя падали тяжелыми складками съ невидимой высоты. Вѣроятно, гдѣ-то былъ потолокъ. На стѣнахъ висѣли огромныя картины въ тяжелыхъ рамахъ, а въ простѣнкахъ между окнами стояли мраморные бюсты на базальтовыхъ колоннахъ. Стулья были такіе, что ихъ невозможно было бы двинуть съ мѣста, если бы не подвижные колесики—все же рядомъ со столами они казались дѣтскими игрушками. Въ одномъ концѣ столовой стоялъ буфетъ, который выдержалъ бы быка, а въ другомъ—каминъ, надъ которымъ смѣло можно было изжарить цѣлаго быка.

Было тихо и торжественно. Полы всюду были устланы толстыми коврами, которые заглушали всякій шумъ. Казалось даже,

что здѣсь запрещены какіе бы то ни было звуки. Прайамъ по пути въ столовую уже видѣлъ одну огромную комнату, гдѣ на стѣнкахъ висѣли таблички съ надписью: «Просятъ не разговаривать». Замѣтилъ онъ также, что въ ней всѣ кресла и стулья были такъ обиты мягкой кожей, что невозможно было, даже при желаніи, ни скрипнуть, ни стукнуть. При бѣгломъ взглядѣ комната казалась пустой, но послѣ болѣе тщательнаго осмотра можно было разсмотрѣть какихъ-то букашекъ, ползавшихъ кругомъ или взобравшихся на кресла, изъ коихъ каждое могло вмѣстить ихъ не менѣе двухъ; букашки эти были члены клуба, потерпѣвшіе такое превращеніе благодаря невѣроятнымъ размѣрамъ его. Странная и зловѣщая раса! Они мало говорили, а обмѣнивались угрюмыми, мрачными взглядами; если же случайно заговаривали другъ съ другомъ, то у нихъ былъ скучающій и усталый тонъ. Весь клубъ дышалъ прошлымъ и, казалось, грезилъ о той титанической эпохѣ, когда жили настоящіе великаны.

М-ръ Оксфордъ угостилъ Прайама очень хорошимъ завтракомъ, не носившимъ никакихъ слѣдовъ досторическаго происхожденія, но тѣмъ не менѣе эффектъ всей обстановки на настроеніе Прайама былъ губительный. М-ръ Оксфордъ понялъ свою ошибку.

— Давайте пить кофе въ курилкѣ,—предложилъ онъ.

Курилка была единственнымъ мѣстомъ въ клубѣ, гдѣ разговаривать обыкновеннымъ голосомъ не считалось преступленіемъ. М-ръ Оксфордъ нашелъ уголокъ, почти свободный отъ букашекъ, и они устроились въ немъ съ кофе, ликерами и сигарами. Букашки толковали и смѣялись въ облакахъ дыма, и Прайамъ вдругъ почувствовалъ себя точно наэлектризованнымъ, что́ не ускользнуло отъ опытнаго взгляда м-ра Оксфорда.

М-ръ Оксфордъ довольно быстро выпилъ свой кофе и затѣмъ слегка наклонился надъ столомъ, удобно вытянулъ ноги и пустилъ цѣлые клубы дыма. Очевидно, это была прелюдія къ интимной бесѣдѣ, приближеніе которой онъ подготовлялъ уже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Сердце Прайама забилось.

— Каково ваше мнѣніе, maître,—сказалъ онъ,—объ истинной цѣнѣ картинъ Форлла?

Положеніе Прайама было бѣдственное. Тонъ м-ра Оксфорда былъ корректный, любезный, почтительный. Но Прайамъ не зналъ, что́ сказать. Онъ зналъ только, что если бы онъ нашелъ въ себѣ силу, то побѣжалъ бы куда глаза глядятъ вонъ изъ этого клуба.

— Я... я не знаю, — сказалъ Прайамъ, замѣтно блѣднѣя.

— Видите ли, дѣло въ томъ, что я купилъ въ свое время нѣсколько его вещей,—продолжалъ м-ръ Оксфордъ,—и долженъ сказать, что хорошо продалъ ихъ. У меня осталась только одна вещь, которую я вамъ показалъ сегодня, и вотъ я самъ не знаю, какъ быть: придержать ли ее съ тѣмъ, что она можетъ еще подняться въ цѣнѣ или продать сейчасъ?

— За сколько вы можете ее продать? — пролепеталъ Прайамъ.

— Да какъ вамъ сказать,— отвѣтилъ м-ръ Оскфордъ.— Нѣсколько тысченокъ за нее возьму. Картинка небольшая, но она у него одна изъ лучшихъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ ее продалъ,—произнесъ Прайамъ еле слышно.

— Вы бы продали? Что жъ? Можетъ быть, вы и правы. Но вопросъ, вѣдь, въ томъ, что не сегодня—завтра можетъ вынырнуть другой художникъ, который превзойдетъ самого Форлла. Я считаю возможнымъ появленіе настолько искуснаго имитатора, что только такіе люди, какъ вы, мэтръ, или можетъ быть, какъ вашъ покорный слуга, смогутъ замѣтить разницу. Это именно такой стиль, который великолѣпно поддается поддѣлкѣ, если, разумѣется, имитаторъ достаточно искусенъ и человѣкъ съ головой. Какъ вы полагаете?

— Но что вы, собственно, хотите сказать? — спросилъ Прайамъ. Отъ волненія у него даже спина вспотѣла.

— Видите ли,—сказалъ м-ръ Оксфордъ, — чего на свѣтѣ не бываетъ! У Форлла могутъ найтись подражатели, и рынокъ будетъ наводненъ картинами, не уступающими Форллу. Довольно долго это можетъ пройти незамѣченнымъ, но затѣмъ произойдетъ смятеніе въ умахъ и рѣзкое паденіе цѣнъ. Потому что, разумѣется, такая имитація, которую никто не можетъ отличить отъ оригинала, равна по достоинству и по цѣнѣ оригиналу. Поэтому я склоненъ принять вашъ совѣтъ и продать моего единственнаго оставшагося Форлла.

Онъ улыбался все интимнѣе, все фамильярнѣе. Взглядъ его былъ полонъ тайнаго значенія. Онъ какъ бы старался внушить Прайаму взглядомъ то, что́ не поддавалось словамъ. Выраженіе его лица было такое, что мы, молъ, съ вами знаемъ, что нѣтъ ни дурного, ни хорошаго и что то, что обычный рабъ условности считаетъ дурнымъ, на самомъ дѣлѣ вовсе не худо. Такъ Прайамъ понималъ это выраженіе.

— Этотъ проходимецъ хочетъ, чтобы я фабриковалъ для

него поддѣлки подъ самого себя! — подумалъ Прайамъ, и его охватила досада.—Онъ зналъ все время, что нѣтъ никакой разницы между той картиной, которая уже у него была, и той, что̀ онъ купилъ у меня. Онъ намекаетъ на то, что намъ надо сговориться. Все время онъ игралъ со мной комедію.

И Прайамъ произнесъ вслухъ:

— Я ничего не могу вамъ совѣтовать, м-ръ Оксфордъ. Я не антикваръ и не маклакъ.

Сказалъ онъ это такимъ рѣзкимъ, враждебнымъ тономъ, который, казалось, долженъ былъ бы заставить м-ра Оксфорда замолчать навѣки. Но это не произошло. Какъ ловкій стратегъ, онъ перешелъ къ другому—тактическому пріему и сталъ подробно говорить о достоинствахъ пейзажа Вольтерры. Анализировалъ онъ картину съ такими деталями, какъ будто она стояла у него передъ глазами. Прайамъ былъ изумленъ его памятью и точностью.

— Вы, вѣдь, не думаете, что я перехваливаю ее, cher maître?— закончилъ онъ, улыбаясь.

— Немного,—сказалъ Прайамъ.

— Ахъ, если бъ убѣжать! Но нельзя. М-ръ Оксфордъ прижалъ его въ самый уголъ. Нѣтъ никакихъ шансовъ на освобожденіе.

— А! Я ожидалъ, что вы это скажете. Вы не помните, въ какой именно періодъ вы написали ее? — спросилъ вдругъ м-ръ Оксфордъ безъ всякихъ обиняковъ. Въ голосѣ его не было волненія, но руки были сжаты такъ крѣпко, что даже суставы побѣлѣли.

Такъ вотъ къ чему велась вся эта игра! Значитъ, за его улыбкой все время скрывалось знаніе тайны Прайама.

ГЛАВА X.

— Что вы хотите этимъ сказать? — спросилъ Прайамъ Форллъ. Но задалъ онъ этотъ вопросъ такимъ тономъ, точно говорилъ: «Я знаю, что вы хотите сказать, и я бы отдалъ все, что̀ имѣю, чтобы провалиться сейчасъ сквозь землю».

М-ръ Оксфордъ все еще улыбался, но въ улыбкѣ этой чувствовалась нервность игрока, поставившаго va banque.

— Вѣдь, *вы* — Прайамъ Форллъ? — сказалъ онъ очень тихо.

— Откуда вы взяли?

— Я думаю, что вы—Прайамъ Форллъ оттого, что вы написали картину, которую я сегодня купилъ у васъ, а я убѣжденъ, что никто кромѣ Форлла не могъ написать ее.

— Такъ вы все утро вели со мной игру!

— Пожалуйста, не смотрите *такъ* на это дѣло, *cher maître*, — умоляюще зашепталъ м-ръ Оксфордъ.—Я хотѣлъ только позондировать почву. Знаю, что Прайамъ Форллъ считается умершимъ и похороненнымъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Но для меня наличность картины, явно только-что оконченной, служитъ безспорнымъ доказательствомъ, что онъ не похороненъ, а живъ. Какъ оказалась возможной такая феноменальная ошибка—не мое дѣло. Я не интересуюсь этимъ, то-есть не заинтересованъ дѣловымъ образомъ. Увидя картину съ еще непросохшими красками, я просто говорю: «Эта картина принадлежитъ такому-то художнику. Я—экспертъ и моя репутація мнѣ дорога». Напрасно будутъ мнѣ говорить, что этотъ художникъ, молъ, уже нѣсколько лѣтъ какъ умеръ и похороненъ со всѣми почестями въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Я скажу, что этого не могло быть. Я знаю свое дѣло. И если фактъ его смерти и похоронъ не сходится съ результатомъ моей экспертизы, то я скажу, что это не фактъ. Очевидно, произошло какое-то не... недоразумѣніе съ тѣлами. Да. Такъ вотъ, cher maître, что вы думаете на этотъ счетъ?

— Я, право, не знаю,—сказалъ Прайамъ.

— Но, вѣдь, вы же—Прайамъ Форллъ?—настаивалъ м-ръ Оксфордъ.

— Что же, если вамъ это обязательно надо,—выпалилъ Прайамъ,—то да, да, да! Ну, а теперь вы знаете!

М-ръ Оксфордъ пересталъ улыбаться и вздохнулъ глубоко, съ облегченіемъ. Все время онъ скользилъ по тонкому льду, который трещалъ у него подъ ногами, и теперь, только достигнувъ берега, онъ почувствовалъ, какъ опасно было его предпріятіе. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ своемъ знаніи дѣла. Но, когда человѣкъ вполнѣ увѣренъ въ чемъ-нибудь и особенно когда онъ говоритъ это съ большимъ паѳосомъ, это всегда означаетъ, что онъ—не вполнѣ увѣренъ. Такъ было и съ м-ромъ Оксфордомъ.

— Но я не хочу, чтобы это стало извѣстнымъ,—сказалъ Прайамъ, тѣмъ же ожесточеннымъ шепотомъ.—Я не хочу говорить объ этомъ.

И онъ покосился на ближайшихъ къ ихъ столу букашекъ, подозрѣвая ихъ въ подслушиваніи.

— Разумѣется,—сказалъ м-ръ Оксфордъ, но въ его тонѣ не чувствовалось убѣжденія.

— Это дѣло мое и касается только меня,—сказалъ Прайамъ.

— Разумѣется,—повторилъ м-ръ Оксфордъ.—И увѣряю васъ, что я не имѣю никакого намѣренія разглашать, но..

— Я прошу васъ помнить,—перебилъ его Прайамъ,—что вы сегодня утромъ купили у меня картину, просто за ея достоинства. Вы не имѣете права присваивать ей мое имя, и я долженъ просить васъ не дѣлать этого.

— Будьте покойны,—сказалъ м-ръ Оксфордъ.—Я купилъ ее въ качествѣ художественнаго произведенія, и я вполнѣ доволенъ своей покупкой. Мнѣ не надо подписи.

— Я двадцать лѣтъ не подписываю своихъ вещей,—сказалъ Прайамъ.

— Простите меня,—заявилъ м-ръ Оксфордъ,—каждый квадратный дюймъ вашего холста помѣченъ вашимъ именемъ. Разъ вы коснулись кистью полотна, подпись ваша уже есть. Геніальнымъ художникамъ незачѣмъ ставить свои иниціалы въ уголкѣ картины, чтобы другіе не выдали ихъ за свои. Для меня всѣ ваши вещи мѣчены. Но есть люди, которымъ нужны иныя доказательства, кромѣ тѣхъ, которыя можетъ дать экспертиза знатока, и вотъ въ этомъ все несчастье.

— Несчастье?—спросилъ Прайамъ, сильнѣе проникаясь сознаніемъ сложности своего положенія.

— Ну, да,—отвѣтилъ м-ръ Оксфордъ,—я долженъ разсказать вамъ кое-что, и тогда положеніе станетъ для васъ яснымъ.

Онъ принялъ очень торжественный видъ.—Недавно ко мнѣ пришелъ одинъ субъектъ, мелкій скупщикъ, и предложилъ мнѣ одну картину, въ которой я тотчасъ узналъ вашу руку. Я купилъ ее.

— А сколько вы заплатили за нее? — пробурчалъ Прайамъ.

М-ръ Оксфордъ послѣ нѣкотораго раздумья сказалъ:—Я не скрою отъ васъ цифры. Я заплатилъ пятьдесятъ фунтовъ.

— Ага!—воскликнулъ Прайамъ, раскусивъ, что кто-то нажилъ на его произведеніи четыреста процентовъ, еще прежде, чѣмъ оно попало въ руки большого дѣльца.—Кто былъ этотъ субъектъ?

— Такъ, мелкій маклакъ. Еврей, конечно.

Слово «еврей» м-ръ Оксфордъ произнесъ съ оттѣнкомъ ироніи, но Прайаму важно было то, что это не его рамочникъ, который былъ чистокровный іоркширецъ.

М-ръ Оксфордъ продолжалъ:

— Я продалъ картину съ гарантіей, что это подлинный Форллъ.

— На кой чортъ вы это сдѣлали?

— Я былъ твердо увѣренъ въ своемъ діагнозѣ.

— Кто ее купилъ?

— Уитней изъ Нью-Іорка. Онъ теперь уже старикъ. Полагаю, что вы помните его, cher maître. Онъ, конечно, принялъ мою гарантію. Вскорѣ послѣ этого тотъ же маклакъ предложилъ мнѣ еще нѣсколько картинъ, явно вашихъ. Я купилъ ихъ. Я продолжалъ покупать, и за это время у меня собралось ихъ около сорока.

— А вашъ маклакъ не догадался, кому принадлежатъ картины?—спросилъ Прайамъ подозрительно.

— О, нѣтъ! Если бы онъ догадывался, то, повѣрьте, не разставался бы съ ними за какихъ-нибудь пятьдесятъ фунтовъ! Замѣтьте, что вначалѣ я предполагалъ, что картины эти писаны до предполагавшейся вашей смерти. Я думалъ, какъ и всѣ прочіе, что вы лежите въ аббатствѣ. Потомъ только у меня возникли сомнѣнія. А однажды, я увидѣлъ свѣжую краску на своихъ пальцахъ, и совсѣмъ растерялся. Но все-таки я оставался при своемъ прежнемъ мнѣніи и продолжалъ ручаться за картины.

— И вамъ не приходило въ голову, что надо произвести разслѣдованіе?

— Приходило,—сказалъ м-ръ Оксфордъ.—Я сдѣлалъ все возможное, чтобы узнать у маклака, откуда онъ беретъ картины. Но онъ ни за что не хотѣлъ сказать. Я понялъ, что тутъ замѣшана тайна, а такъ какъ тайны не входятъ въ мою спеціальность, то я рѣшилъ оставить ее въ покоѣ. Такъ я и сдѣлалъ.

— Отчего же вы теперь не хотите продолжать въ томъ же духѣ?—спросилъ Прайамъ.

— Оттого, что обстоятельства не позволяютъ. Я продалъ картины этому американцу, Уитнею. Я поручился именемъ фирмы Пэрфиттсъ въ томъ, что это ваши произведенія. И вдругъ въ одинъ прекрасный день я слышу отъ м-ра Уитнея, что на оборотной сторонѣ одной изъ картинъ стоитъ печать эстампнаго магазина и число, относящееся ко времени послѣ смерти Форлла. Лондонскій адвокатъ м-ра Уитнея собралъ свѣдѣнія у владѣльцевъ

художественныхъ и эстампныхъ магазиновъ, и они берутся доказать, что холстъ этотъ купленъ послѣ смерти Прайама Форлла. Понимаете, въ чемъ загвоздка?.. Но тутъ, видите ли, дѣло идетъ о репутаціи моей... и фирмы Парфиттсъ. Если эти картины не принадлежатъ Форллу, то я, значитъ, мошенникъ, фирма погибла навѣкъ—и предстоитъ величайшій скандалъ. Уитней грозитъ судебнымъ преслѣдованіемъ. Я предложилъ ему взять всю коллекцію обратно по той же цѣнѣ, которую онъ мнѣ платилъ, но онъ не хочетъ. Онъ старикъ, немножко кажется ненормальный, и уперся на своемъ. Ему кажется, что его провели, и онъ хочетъ во что бы то ни стало вывести это дѣло на свѣжую воду. Онъ требуетъ, чтобы я доказалъ ему, что картины — ваши и чтобы я указалъ, какія у меня были основанія для ручательства. Не стану долго разсказывать, но я нашелъ васъ, что̀ и требовалось.

И онъ вздохнулъ отъ полноты сердца.

— Послушайте,—сказалъ Прайамъ.—Сколько Уитней заплатилъ вамъ всего вмѣстѣ за мои картины?

Послѣ короткой паузы м-ръ Оксфордъ произнесъ: — Мнѣ нечего скрывать отъ васъ цифру. Онъ заплатилъ мнѣ семьдесятъ двѣ тысячи фунтовъ чистоганомъ.

Когда Прайамъ вспомнилъ, что онъ получилъ за эти картины всего около четырехсотъ фунтовъ, т. е. меньше одного процента съ той суммы, которую загребъ этотъ великолѣпный и учтивый торгашъ, его охватила обычная профессіональная злоба артиста противъ посредника-паразита. Теперь онъ понялъ, какимъ путемъ достались м-ру Оксфорду роскошный автомобиль, мѣха и клубъ. Значитъ, все это заработано не имъ самимъ, а *для него* въ убогихъ мастерскихъ и даже на чердакѣ! М-ръ Оксфордъ не что иное, какъ благоденствующій воръ и эксплоататоръ.

Это было ужасно несправедливо со стороны Прайама. Никто не велѣлъ ему умирать. Никто не заставилъ его отказаться отъ своей личности. Если онъ недавно получалъ за свои картины десятки вмѣсто тысячъ, то вина была—его. М-ръ Оксфордъ только купилъ и продалъ, но главнымъ грѣхомъ м-ра Оксфорда въ глазахъ Прайама было то, что онъ былъ формально правъ.

Даже гораздо менѣе чуткій человѣкъ, чѣмъ м-ръ Оксфордъ, могъ замѣтить, что Прайаму очень не по душѣ вся эта исторія.

— Для насъ обоихъ, cher maître, будетъ лучше,—убѣдительно проговорилъ м-ръ Оксфордъ,—если вы дадите мнѣ возможность доказать, что моя гарантія Уитнею была обоснована.

— Отчего для насъ обоихъ?

— Оттого, что... видите ли, я съ радостью готовъ уплатить вамъ, скажемъ... тридцать шесть тысячъ фунтовъ въ...

И запнулся. Должно быть, онъ мгновенно почувствовалъ, что совершаетъ крупную безтактность. Надо было или ничего не предлагать, или предложить всю полученную имъ сумму, за вычетомъ небольшихъ комиссіонныхъ. Проектъ же раздѣленія барыша пополамъ былъ инстинктивнымъ движеніемъ прирожденнаго торгаша.

— Я не возьму ни гроша, — сказалъ Прайамъ. — И ничѣмъ я не могу помочь вамъ... А теперь мнѣ пора итти. Уже поздно.

Холодная, безсильная злоба толкала Прайама прочь отсюда. Не обращая вниманія ни на какія правила вѣжливости, онъ всталъ изъ-за стола. М-ръ Оксфордъ пошелъ за нимъ и проводилъ его до гигантской раздѣвальной, все время нашептывая мягкія умиротворяющія слова въ уши Прайама.

— Возможно судебное дѣло,—сказалъ м-ръ Оксфордъ уже въ вестибюлѣ,—и ваше показаніе будетъ мнѣ необходимо.

— Извините, я тутъ ровно ни при чемъ. Честь имѣю кланяться!

Великанъ едва успѣлъ раскрыть передъ Прайамомъ массивную дверь подъѣзда. Прайамъ бѣжалъ, преслѣдуемый ужасными видѣніями публичнаго выступленія на судѣ. Онъ проклиналъ м-ра Оксфорда и далъ себѣ слово, что онъ и пальцемъ не шевельнетъ, если бы даже м-ру Оксфорду предстояли пожизненныя каторжныя работы.

* * *

Прайамъ очутился за дверью клуба и остановился на лѣстницѣ, свирѣпо разговаривая самъ съ собою. Онъ не ясно помнилъ, что произошло съ того момента, какъ онъ поднялся изъза стола; онъ не помнилъ, видѣлъ ли онъ кого-нибудь или что-нибудь, когда шелъ; въ ушахъ у него звучалъ только убѣждающій и почтительный голосъ м-ра Оксфорда, провожавшаго его до самыхъ дверей съ великаномъ. Въ воспоминаніи весь клубъ представлялся Прайаму какимъ-то обиталищемъ черной магіи. Забывая, что это улица, онъ громко бранилъ и клубъ, и м-ра Оксфорда, и спохватился только, замѣтивъ, что какой-то молодой человѣкъ кланяется ему. Это былъ шоферъ м-ра Оксфорда, терпѣливо дожидавшійся своего господина. Вѣроятно, бормотанье

Прайама показалось ему очень подозрительнымъ, но его обязанность была—кланяться, и онъ поклонился.

Прайамъ немедленно повернулъ отъ него въ сторону. На углу находилось большое зданіе банка. Съ безтрепетнымъ мужествомъ воина, идущаго въ бой, Прайамъ вошелъ въ помѣщеніе банка. Устроено оно было въ родѣ большого звѣринца, гдѣ въ клѣткахъ изъ краснаго дерева и проволочной сѣтки сидѣли отлично дрессированные молодые люди. Прайамъ пустился прямо къ одной изъ клѣтокъ съ небольшимъ отверстіемъ и небрежно положилъ свой чекъ на пятьсотъ фунтовъ.

— У слѣдующей кассы, будьте любезны,—произнесли за сѣткой губы надъ высокимъ воротникомъ съ зеленымъ галстукомъ, и презрительная рука отодвинула чекъ назадъ къ Прайаму.

— У слѣдующей кассы? — повторилъ Прайамъ злобно.—Отчего?

— Здѣсь отъ А до М,—произнесли губы.

Прайамъ, чувствуя новый приливъ ярости, бросился къ сосѣдней клѣткѣ, гдѣ другая презрительная рука подхватила чекъ. Затѣмъ другія губы надъ другимъ высокимъ воротникомъ съ зеленымъ галстукомъ проговорили:—Нѣтъ надписи. И снова рука оттолкнула Прайаму его чекъ такъ презрительно, какъ будто это было свидѣтельство о нищенствѣ.

— Только всего?—сказалъ Прайамъ. Отъ досады онъ едва могъ говорить.—А такая вещь, какъ перо, у васъ имѣется?

Велъ онъ себя чрезвычайно безразсудно. Какое право имѣлъ онъ вымещать свою злобу на безусловно невинномъ учрежденіи, которое платило двадцать пять процентовъ своимъ акціонерамъ, по тысячѣ фунтовъ въ годъ каждому изъ директоровъ, а ту мелочь, что̀ оставалась—людямъ въ клѣткахъ? Но Прайамъ непохожъ былъ на насъ съ вами. Онъ не всегда дѣйствовалъ сообразно съ здравымъ смысломъ. Онъ не умѣлъ сердиться только на одного человѣка или на одно учрежденіе. Когда онъ сердился, то отдавался этому чувству во всей полнотѣ, и ни луна, ни солнце, ни звѣзды не могли избѣгнуть общей участи.

Когда онъ подписалъ чекъ, презрительная рука снова завладѣла имъ и подвергла его лицевую и оборотную стороны энергичному обстрѣлу подозрительныхъ взглядовъ; затѣмъ пара глазъ съ критическимъ недовѣріемъ уставилась на то немногое, что̀ видно было отъ личности Прайама. Затѣмъ глаза исчезли, губы произнесли что-то краткое и въ мигъ уже надъ чекомъ оказалось четыре глаза и двѣ пары губъ, и всѣ четыре глаза съ

минуту покоились на Прайамѣ. Онъ ожидалъ, что сейчасъ призовутъ полисмена, и, самъ не зная, отчего, почувствовалъ себя виноватымъ.

— Вы—м-ръ Линкъ?—спросили его губы.

— Да,—отвѣтилъ онъ.

— Вы ничего не имѣете противъ такихъ денегъ?

— Я бы просилъ дать мнѣ бумажками,—высокомѣрно отвѣтилъ Прайамъ.

Презрительная рука дважды пересчитала стопку ассигнацій, съ сухимъ шелестомъ отбрасывая бумажку за бумажкой. Прайамъ сгребъ ихъ кучей и безъ всякой церемоніи и безъ слова благодарности всунулъ въ правый карманъ брюкъ. Затѣмъ онъ вышелъ изъ банка съ бранью на устахъ.

Тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ себя лучше. Онъ испытывалъ какъ бы облегченіе. Когда у человѣка въ карманѣ лежитъ пятьсотъ фунтовъ новенькихъ денегъ, то очень трудно таить въ себѣ злобу на весь міръ.

* * *

Прайамъ быстро шелъ, и ходьба очень успокаивала его. Онъ не замѣтилъ, какъ очутился на набережной. Сумерки уже заволакивали благородныя очертанія Темзы. Панорама рѣки была полна такой величавой красоты, которая способна была настроить поэтически и не такую поэтическую натуру, какой обладалъ Прайамъ.

Темными громадами вырисовывались на лиловомъ фонѣ неба большіе отели, особняки милліонеровъ, соборы, парламентъ и снова грандіозныя башни и шпили отелей. Вагоны трамвая скользили мимо него, какъ стеклянные дома, извозчики обгоняли ихъ, а автомобили—извозчиковъ. По глади рѣки плыли похожія на привидѣнія баржи и исчезали въ пролетахъ мостовъ, какъ нитка исчезаетъ въ ушкѣ иголки. Лондонъ, всемогущій, величавый, шумный Лондонъ! Прайамъ съ восхищеніемъ переводилъ взглядъ по линіи вдоль берега, и замѣтилъ вдругъ высокій фронтонъ зданія, незнакомаго ему. Такъ какъ онъ былъ уже у самаго моста Ватерлоо, то онъ перешелъ по немъ на южный берегъ Темзы.

Пробродивъ нѣкоторое время, Прайамъ нашелъ, наконецъ, понравившееся ему зданіе. Да, это была великолѣпная постройка. Верхушку ея составляло нѣсколько расположенныхъ пирамидой разноцвѣтныхъ ярусовъ, при чемъ верхній увѣнчивался фигурой, на распростертыхъ крыльяхъ вздымающейся къ

небу. А внизу зданіе было широкое, массивное, съ большими сводчатыми окнами. Весь низъ былъ еще окруженъ лѣсами, и оттуда слышался шумъ и свистъ машины. Прайамъ робко заглянулъ въ дверь. Внутренность дома была огромна. Группа мускулистыхъ, волосатыхъ рабочихъ, ярко освѣщенныхъ огнемъ печки, возилась надъ огромными каменными глыбами. Сцена была чисто-рембрандтовская.

Къ дверямъ приблизился толстый, грязно одѣтый мужчина. Во рту у него торчалъ длинный карандашъ, а подъ мышкой свертокъ чертежей. Это былъ человѣкъ, который служилъ посредникомъ между мечтой архитектора и рабочими.

— Послушайте,—сказалъ онъ Прайаму,—какого чорта вамъ здѣсь надо?

— Какого чорта мнѣ надо?—повторилъ Прайамъ, еще не успѣвшій вполнѣ отрѣшиться отъ своего враждебнаго отношенія ко всему существующему.—Мнѣ надо только знать, что это за чортова махина строится?

Толстый мужчина былъ нѣсколько озадаченъ. Онъ вынулъ карандашъ изо рта и сплюнулъ.

— Это—новая картинная галлерея, по завѣщанію Прайама Форлла. Неужто не слыхали?

Прайамъ едва удержалъ готовое сорваться съ его губъ восклицаніе.

— А людей намъ больше не надо,—прибавилъ мужчина и показалъ на приклеенный къ стѣнѣ аншлагъ «Рабочихъ не требуется». Его взглядъ холодно скользнулъ по всей фигурѣ Прайама, отъ его зеленоватой шляпы до неуклюжихъ, сильно потрепанныхъ сапогъ.

Прайамъ удалился.

Снова закипѣла въ немъ ярость. Отъ него не ускользалъ комизмъ положенія, но ему было не до смѣха. Весь поглощенный своей живописью, какъ когда-то, въ старые дни, онъ давно пересталъ читать газеты, и хотя не забылъ о своемъ дарѣ англійскому народу, но никогда не думалъ объ его архитектурномъ осуществленіи. Онъ не предполагалъ, что кузенъ его Дунканъ такъ рьяно возьмется за дѣло. Видѣнное поразило его. Какъ странно! Когда-то, много лѣтъ назадъ, подъ вліяніемъ минуты, онъ написалъ нѣсколько строкъ на клочкѣ бумаги и при свидѣтеляхъ подписался. Послѣ этого прошло двадцать лѣтъ и—ничего! Бумажка эта мирно дремала въ какомъ-то ящикѣ и вдругъ, подумать только! изъ нея выросло въ центрѣ Лондона это огромное зданіе. Его дворецъ, его музей!

Какъ всякій крупно одаренный художникъ, Прайамъ зналъ, что самое настоящее удовлетвореніе даетъ усталость послѣ удавшейся работы. Онъ зналъ, что богатство и слава и красивое платье—это ничто, а творческое достиженіе—все. Никогда онъ не былъ такъ счастливъ, какъ въ послѣдніе два года. Но и въ самыхъ прекрасныхъ душахъ бываютъ моменты реакціи, моменты мятежа противъ разума. Душа Прайама была охвачена сейчасъ такимъ мятежомъ. Онъ жаждалъ теперь славы, богатства и красиваго платья. Ему казалось, что онъ былъ внѣ общества, внѣ міра, и теперь ему хотѣлось вернуться. Скрытыя инсинуаціи м-ра Оксфорда жгли и кололи его, а толстый подрядчикъ принялъ его за безработнаго каменщика...

Прайамъ взялъ кэбъ и велѣлъ отвезти себя къ портному, съ парижскимъ отдѣленіемъ котораго онъ имѣлъ дѣло во времена своего великолѣпнаго прошлаго.

* * *

Прайамъ вернулся домой значительно позже обычнаго чаепитія, и Алиса со своей обычной догадливостью не ждала его съ чаемъ. Теперь она угощала странника, и только и дѣлала, что слушала его разсказъ о пережитыхъ впечатлѣніяхъ и наполняла пустую чашку.

— Я готовъ держать пари, что одно только зданіе стоитъ не меньше семидесяти тысячъ,—сказалъ Прайамъ.

— Да?—спросила она, безъ тѣни изумленія передъ грандіозностью этой цифры,—но скажи мнѣ, о чемъ онъ думалъ, твой Прайамъ Форллъ? Вѣдь, это просто глупо. Развѣ мало у насъ картинныхъ галлерей? Когда онѣ всѣ будутъ такъ полны, что захочешь пойти и не попадешь, тогда придется строить новыя! Но теперь—Господи помилуй! Я была какъ-то въ Національной галлереѣ и, право, чуть ли не въ единственномъ числѣ! А еще безплатный входъ! Публикѣ не нужно картинныхъ галлерей. Если бы нужно было, то повалила бы. Гдѣ ты видѣлъ пустой кинематографъ или паноптикумъ? И, вѣдь, стоитъ денегъ!.. Нѣтъ, это непонятно! Отчего онъ не оставилъ свои деньги тебѣ или хоть, по крайней мѣрѣ, на больницы или что-нибудь такое? Это глупо и скандально. Это надо было бы просто прекратить.

Прайамъ рѣшился сдѣлать въ этотъ вечеръ серьезную попытку убѣдить жену въ своемъ тожествѣ съ Форлломъ. Критическая минута приближалась. Ея страстная рѣчь усложняла

трудность его положенія, но онъ рѣшилъ мужественно продолжать свое дѣло.

— Ты положила сахару?—спросилъ онъ.

— Да,—сказала она.—Но ты забылъ помѣшать. Давай, я помѣшаю.

Милое женское вниманіе! Оно ободрило его.

— Послушай, Алиса,—сказалъ онъ,—помнишь, какъ я первый разъ сказалъ тебѣ, что умѣю писать красками?

— Помню,—отвѣтила она.

— Да. И ты тогда сразу подумала, что я не въ своемъ умѣ. Вѣдь, такъ ты думала?

— Нѣтъ,—возразила она.—Я только рѣшила, что у тебя, что называется, есть одинъ пунктикъ.

Она смущенно улыбалась.

— Ну и что же? Въ концѣ-концовъ его, вѣдь, не было?

— Судя по деньгамъ, которыя ты заработалъ, пожалуй, не было,—созналась она.—Что̀ бы съ нами было безъ нихъ, я и не знаю.

— Значитъ, ты ошиблась, да? А я былъ правъ?

— Конечно,—просіявъ, отвѣтила она.

— А ты помнишь, какъ я тебѣ сказалъ, что я Прайамъ Форллъ?

Она съ неохотой кивнула головой.

— Тогда ты рѣшила, что я совершенно спятилъ. Да, да! Не отрицай этого! Я отлично видѣлъ, какія у тебя были мысли.

— Я подумала, что ты не совсѣмъ нормаленъ,—откровенно сказала она.

— Но я былъ вполнѣ нормаленъ, дитя мое. И теперь я долженъ опять повторить тебѣ, что я — Прайамъ Форллъ. Ей Богу, я бы хотѣлъ не быть имъ, но ничего не сдѣлаешь. Вся бѣда въ томъ, что этотъ франтъ, что приходилъ сегодня утромъ, пронюхалъ объ этомъ, и теперь пойдетъ исторія! Уже началось и можетъ пойти и дальше.

Алиса не знала, что̀ сказать на это — она была ошеломлена.

— Но, Прайамъ...—начала она.

— Онъ заплатилъ мнѣ пятьсотъ фунтовъ за картину, что̀ я сегодня окончилъ.

— Пятьсотъ!..

Прайамъ вытащилъ изъ кармана смятую кучку бумажекъ и невольно драматическимъ жестомъ предложилъ женѣ сосчитать ихъ.

— Вѣрно?—спросилъ онъ, когда она кончила.

— Да ужъ вѣрнѣе быть не можетъ!—воскликнула она.— Но, *Прайамъ*, развѣ можно держать такія деньги дома? Ты долженъ былъ положить ихъ въ банкъ!

— Къ чорту банкъ! — воскликнулъ онъ. — Слушай меня дальше и старайся убѣдить себя, что я не сошелъ съ ума. Сознаюсь, что я немного робокъ. Изъ-за этого и вышла вся дурацкая галиматья съ этимъ проклятымъ лакеемъ.

— Ну, о робости своей тебѣ нечего мнѣ разсказывать,— улыбнулась она.—Весь Путней знаетъ, какой ты робкій.

— Это еще вопросъ!—сказалъ онъ, покачавъ головой.

Тутъ онъ началъ съ самаго начала и разсказалъ ей со ссѣми подробностями историческую ночь въ Сельвудъ-Терассъ, гъ психологическимъ анализомъ своихъ переживаній. При мокущественномъ содѣйствіи пяти сотенныхъ бумажекъ онъ въ кавихъ-нибудь десять минутъ окончательно убѣдилъ ее, что онъ— настоящій Прайамъ Форллъ.

— Ну что же, если такъ, то это такъ, — сказала Алиса, окидывая его нѣжнымъ взглядомъ.

Она не считалась съ именами, она считалась лишь съ реальными фактами. Онъ былъ ея реальнымъ фактомъ и до тѣхъ поръ, пока онъ не мѣнялся и былъ самимъ собой, ей было все равно, *кто* онъ. Она только прибавила:

— Все-таки, я не понимаю, Генри, какъ тебѣ пришло въ голову сдѣлать такую вещь!

— Я и самъ не понимаю,—пробормоталъ онъ.

Затѣмъ онъ передалъ ей всю игру, которую велъ съ нимъ м-ръ Оксфордъ.

— Очень хорошо, что ты заказалъ себѣ новые костюмы,— сказала она.

— Отчего?

— Оттого что будетъ судъ.

— Такъ судиться будутъ Оксфордъ и Уитней. Я-то тутъ при чемъ?

— Они заставятъ тебя дать показанія.

— Я не буду. Я сказалъ Оксфорду, что не желаю имѣть дѣло со всей этой исторіей.

— А вдругъ заставятъ все-таки? Они могутъ, знаешь ли, съ помощью субъ... субъ... какъ его, забыла названіе. Тогда тебѣ придется итти въ качествѣ свидѣтеля.

— Я... свидѣтелемъ,—пробормоталъ онъ, потрясенный.

— Да,—сказала она.—Бѣдный мой, это будетъ тебѣ очень тяжело. Но черная пара понадобится при этомъ непремѣнно, и я ужасно рада, что ты заказалъ. Когда назначена примѣрка?

ГЛАВА XI.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ описанныхъ событій, въ одну прекрасную іюньскую ночь, Прайамъ и Алиса совсѣмъ не ложились спать. Алиса прикурнула немножко на диванѣ, Прайамъ читалъ въ креслѣ, а около двухъ, какъ только начало свѣтать, они съ лихорадочной поспѣшностью принялись за работу.

Быстро бѣгая изъ комнаты въ комнату, Алиса приготовила чай, яйца, хлѣбъ съ масломъ. Затѣмъ она сбѣгала наверхъ, бросила еще нѣсколько вещей въ уложенные уже частью сакъ и портъ-пледъ и притащила ихъ внизъ. Тѣмъ временемъ вся энергія Прайама была направлена на ванну и бритье. Не обошлось, конечно, безъ кровопролитія. Затѣмъ Прайамъ сталъ завтракать, а Алиса безпрерывно хлопотала и возилась съ разными вещами, то прибѣгала съ полнымъ ртомъ булавокъ, то мчалась, чтобы убѣдиться, что кошелекъ и ключи отъ чемодана лежатъ на подзеркальникѣ въ передней, гдѣ они не могутъ быть забыты. А въ антрактахъ между этими занятіями она выпивала стоя по нѣсколько ложекъ чаю.

— Ну, Прайамъ,—сказала она, наконецъ,—вода ужъ горячая. Ты еще не кончилъ? Скоро станетъ совсѣмъ свѣтло.

— Вода? То-есть какъ это вода?—спросилъ онъ, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Ну да, вода, — сказала она. — Чтобы вымыть посуду. Неужели ты думаешь, что я оставлю дома грязныя чашки?

Наконецъ, и это было кончено. Алиса въ накидкѣ и въ густой вуалѣ осторожно открыла выходную дверь и выглянула на улицу. Затѣмъ вышла за ворота и поглядѣла въ обѣ стороны.

— Никого не видно?—шепнулъ Прайамъ.

— Кажется, что никого, — такъ же шопотомъ отвѣтила она.

Появился Прайамъ съ ручнымъ чемоданомъ въ одной рукѣ, сакомъ въ другой и трубкой въ зубахъ. Алиса еще разъ взбѣжала наверхъ, окинула взглядомъ комнаты и заперла на ключъ входную дверь. Затѣмъ она и Прайамъ, тихо крадучись, словно

въ багажѣ у нихъ была контрабанда, стали пробираться на Оксфордъ-Родъ. Повернувъ за уголъ, они почувствовали большое облегченіе.

Они сбѣжали.

Это была уже вторая попытка. Первая, предпринятая среди бѣла дня, безславно провалилась. Ихъ извозчика на вокзалъ сопровождало еще три извозчика съ тремя представителями воскресныхъ газетъ. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ кассѣ вслѣдъ за Прайамомъ, услышалъ, какъ онъ спросилъ два билета второго класса въ Веймутъ и купилъ себѣ тоже билетъ второго въ Веймутъ. Они прибыли въ Веймутъ, но такъ какъ тамъ черезъ два часа стало еще невыносимѣе, чѣмъ было въ Путнеѣ, то они благоразумно вернулись домой.

Уиртъ-Родъ сдѣлался въ послѣднее время самымъ популярнымъ райономъ Лондона. Сниики его появились во многихъ газетахъ, при чемъ всюду былъ крестомъ отмѣченъ домъ, гдѣ жилъ Прайамъ и Алиса. Эта тихая обитель теперь съ утра до поздней ночи осаждалась интервьерами всѣхъ національностей. Фотографическіе аппараты стали здѣсь обычными, какъ фонарные столбы. А извѣстный репортеръ «Воскресныхъ Новостей» за очень дорогую плату нанялъ квартиру какъ разъ насупротивъ № 29-го. Прайамъ и Алиса жили подъ стекляннымъ колпакомъ и не могли шагу ступить, чтобы не попасть въ печать. Дошло до того, что Прайамъ пересталъ выходить изъ дому до наступленія полной темноты, и Алиса, встревоженная его блѣдностью и нервнымъ состояніемъ, измыслила планъ этого бѣгства на разсвѣтѣ.

Вотъ и вокзалъ. Входъ закрытъ, такъ какъ до перваго рабочаго поѣзда еще далеко. Они остановились. Кругомъ ни души. Наконецъ, черезъ нѣкоторое время пришелъ портье и открылъ дверь—было все еще очень рано — и Прайамъ ликуя взялъ билеты.

— Ахъ!—воскликнула вдругъ Алиса, когда они поднимались по лѣстницѣ къ платформѣ, — я совсѣмъ забыла поднять шторы въ столовой.

И она остановилась.

— А зачѣмъ ихъ поднимать?

— Да если онѣ будутъ спущены, то вся улица сейчасъ же пойметъ, что мы уѣхали...

И она начала было возвращаться назадъ.

— Алиса!—сказалъ Прайамъ. Голосъ его звучалъ рѣзко, а мускулы лица были напряжены.

— Что такое?

— Къ дьяволу эти шторы! Идемъ или ей Богу я убью тебя!

Алиса поняла, что его нервы въ такомъ состояніи, когда всякое противорѣчіе безполезно, и покорно пошла вмѣстѣ съ нимъ.

Черезъ четверть часа «газетный» поѣздъ увезъ ихъ въ Борнемеусъ на нѣсколько дней отдыха.

* * *

Интересъ всей Англіи былъ сосредоточенъ на единственномъ въ своемъ родѣ судебномъ процессѣ Уитнея и фирмы Парфиттсъ. И немудрено. М-ръ Уитней, извѣстный коллекціонеръ, пріѣхали изъ Америки со своей чисто-американской эксцентричностью съ богатствомъ спеціально для того, чтобы добиться обвиненія Парофиттса. Было что-то трагическое въ образѣ этого сѣдоволосаго старика, который былъ въ свое время знатокомъ и любителемъ картинъ, а теперь продолжалъ покупать ихъ просто по привычкѣ, хотя зрѣніе его настолько ослабѣло, что онъ не могъ видѣть ихъ. Уитней былъ чрезвычайно враждебно настроенъ противъ фирмы Парфиттсъ, такъ какъ былъ убѣжденъ, что м-ръ Оксфордъ воспользовался для обмана его плохимъ зрѣніемъ. И онъ сыпалъ деньгами направо и налѣво, стараясь добиться успѣха въ своемъ дѣлѣ.

М-ръ Оксфордъ, защищавшій интересы фирмы Парфиттсъ, купившій ее и отожествившійся съ ней, тоже представлялъ живописную фигуру и тоже не мало занималъ своей особой мелкую лондонскую прессу. И наконецъ таинственная личность, обитавшая въ Путнеѣ, загадка которой будетъ разрѣшена споромъ между сторонами. Если выиграетъ Уитней, то фирма Парфиттсъ должна ликвидировать дѣла, м-ръ Оксфордъ посаженъ будетъ въ тюрьму за вовлеченіе въ невыгодную сдѣлку, а имя Генри Линка будетъ присоединено къ реестру предпріимчивыхъ негодяевъ, которые выдавали себя за своихъ хозяевъ. Но если Уитней проиграетъ, тогда, значитъ, національныя похороны Прайама Форлла были не что иное, какъ гнусный фарсъ. Тогда, значитъ, подъ священными камнями аббатства покоится прахъ простого лакея, и Европа скорбѣла напрасно! Это значитъ, что надъ британской націей сыграна прескверная шутка. Спрашивается—зачѣмъ?

Отсюда понятно, что общій интересъ къ дѣлу, усиленно питаемый неутомимой прессой, росъ съ каждымъ днемъ. Казалось, что дальше ему расти уже некуда. Но ночное исчезновеніе су-

пружеской четы изъ Уиртъ-Родъ чрезвычайно подняло интересъ. Благодаря спущеннымъ шторамъ, онѣ очень скоро стало извѣстнымъ, и гончія ищейки мелкой прессы стали вынюхивать всѣ лондонскіе вокзалы. Отъѣздъ Прайама сильно вредилъ дѣлу м-ра Оксфорда. Если человѣкъ не сдѣлалъ ничего дурного, зачѣмъ ему бѣжать, да еще ночью? Отъ этого вопроса былъ лишь одинъ шагъ къ утвержденію, что увѣренность м-ра Оксфорда является по меньшей мѣрѣ нелѣпой. И хотя газеты говорили, что до судебнаго разбирательства онѣ воздерживаются отъ сужденія, но онѣ столько разъ на своихъ безпристрастныхъ столбцахъ перемывали всѣ косточки Прайама, что черезъ три дня Прайамъ сталъ въ глазахъ общества несомнѣннымъ преступникомъ—преступникомъ, убѣгающимъ отъ правосудія. Проскользнуло также и подозрѣніе его въ двоеженствѣ: кто могъ отрицать это? Высказано было предположеніе, что онъ находится на пути въ южную Америку. И публика жадно читала спеціальныя корреспонденціи на эту тему изъ Бразиліи, Аргентины, Экуадора и Чили.

Носы читателей стали ближе и ближе склоняться къ газетному листу. Утренній кофе стоялъ простывшимъ на всемъ протяженіи Великобританіи, пока люди глотали послѣднія новости. Дѣло Уитнея и Парфиттса обѣщало быть сенсаціоннымъ. И вотъ наконецъ наступилъ первый день процесса, и утреннія газеты сообщили, что Генри Линкъ (или Прайамъ Форлъ, смотря по желанію) и его жена (или спутница жизни и добровольная жертва) вернулись въ свой домъ на Уиртъ-Родъ.

* * *

Театръ, въ которомъ должна была разыгрываться захватывающая драма Уитнея и Парфиттса, лишенъ былъ обычныхъ свойствъ современнаго увеселительнаго мѣста. Онъ былъ плохо освѣщенъ, не имѣлъ никакой вентиляціи, но зато обладалъ обиліемъ сквозняковъ зимой и пыли лѣтомъ. Если бы онъ находился въ вѣдѣніи городского самоуправленія, то несомнѣнно былъ бы признанъ опаснымъ въ пожарномъ отношеніи, ибо корридоры и выходы были необычайно трудно находимы. Сцены въ немъ не было, а мѣста всѣ были деревянныя, за исключеніемъ одного.

Это одно мѣсто занималъ главный актеръ, въ смѣшномъ парикѣ и дорогомъ пурпурномъ одѣяніи. Онъ былъ довольно способный судья: его рѣдкій талантъ къ третьеклассным шуткамъ создалъ бы ему состояніе на сценѣ фарса или водевиля. Его окружалъ двойной рядъ модныхъ дамскихъ шляпъ, подъ которыми скрывались родственницы и знакомыя.

Кромѣ главнаго актера, дѣйствовало еще четыре: м-ръ Пеннингтонъ и м-ръ Водрей, со стороны обвиненія, а м-ръ Кэссъ и м-ръ Крепитъ со стороны обвиняемаго. Это все были звѣзды въ своей профессіи, оффиціально менѣе, но въ дѣйствительности болѣе, блестящія, чѣмъ главный актеръ въ пурпурномъ одѣяніи. Ихъ парики были худшаго качества, костюмы тоже, но они не обращали на это вниманія, такъ какъ зарабатывали чуть не по сто фунтовъ въ день. Три младшихъ исполнителя получали по десяти гиней въ день каждый. Одинъ изъ нихъ стоялъ на стражѣ интересовъ епископа, который былъ возмущенъ инсинуируемымъ со стороны м-ра Оксфорда утвержденіемъ, изъ котораго вытекало, что якобы торжественное погребеніе съ его, епископа, благословенія было совершенно надъ недостойнымъ. Общіе расходы на многочисленныхъ участниковъ представленія доходили до шестисотъ фунтовъ въ день и могли бы окупиться только продажей мѣстъ, какъ на Карузо или Баттистини. Но предпріятіе субсидировалось казной, а также двумя крупными капиталистами, истцомъ и отвѣтчикомъ, и потому можно было въ немъ, не боясь убытковъ, спокойно культивировать искусство для искусства.

М-ръ Пеннингтонъ сразу же обнаружилъ свое изумительное актерское дарованіе. Онъ началъ спокойнымъ, разговорнымъ тономъ, обращаясь съ присяжными, какъ съ друзьями дѣтства, а съ предсѣдателемъ, какъ съ почтеннымъ дядюшкой, и установилъ простымъ языкомъ, что м-ръ Уитней ищетъ семьдесятъ двѣ тысячи фунтовъ съ отвѣтчика, каковыя деньги онъ уплатилъ ему за негодныя картины, навязанныя почтенному, но слабому зрѣніемъ истцу въ качествѣ шедевровъ. Онъ пересказалъ жизнь и смерть великаго художника Прайама Форлла. Затѣмъ онъ объяснилъ, благодаря какой случайности на полотнѣ картины оказался штемпель даты, относящейся ко времени послѣ смерти Форлла.

Затѣмъ онъ продолжалъ, не мѣняя тона:—Объясненіе чрезвычайно просто. Прайамъ Форллъ не умеръ, а умеръ его лакей. Вполнѣ естественно, вполнѣ понятно, что великій Форллъ пожелалъ провести остатокъ дней своихъ въ качествѣ скромнаго лакея. Онъ обманулъ всѣхъ: доктора, своего кузена, общественныя власти, самого епископа и всю націю, весь свѣтъ! Подъ именемъ Генри Линка онъ женился, и подъ этимъ же именемъ возобновилъ свои занятія живописью въ Путнеѣ. Нѣсколько лѣтъ онъ безпрепятственно занимался своимъ дѣломъ, не вызывая подозрѣнія ни одного лица, но потомъ, по странному совпаденію, истинная личность художника обнаружилась, какъ только мой довѣритель при-

грозилъ отвѣтчику судебнымъ преслѣдованіемъ. Вотъ то простое объясненіе,—сказалъ м-ръ Пеннингтонъ,—которое вы услышите со стороны защиты.

И т. д., все въ томъ же духѣ уничтожающей иронiи. Послѣ показаній м-ра Уитнея и его секретаря, наполнившихъ судъ особой нью-іоркской атмосферой, въ качествѣ свидѣтельницы была вызвана м-съ Генри Линкъ. Двое ея сыновей-священниковъ поддерживали ее, но она тѣмъ не менѣе плакала.

— Это вашъ мужъ?—спросилъ ее м-ръ Водрей, игравшій теперь главную роль, такъ какъ м-ръ Пеннингтонъ занятъ былъ сейчасъ въ другой пьесѣ и въ другомъ театрѣ. И драматическимъ жестомъ указалъ на Прайама.

— Да, это онъ,—всхлипнула м-съ Линкъ.

Несчастная женщина вѣрила тому, что говорила, а два молчаливыхъ священника произвели на присяжныхъ глубокое впечатлѣніе. Однако, впечатлѣніе это было довольно тяжелое, и когда появился м-ръ Дунканъ Форллъ, то неожиданно привелъ публику въ хорошее настроеніе.

Дунканъ разбилъ въ пухъ и прахъ возможность Прайама быть Прайамомъ. Онъ во всѣхъ подробностяхъ разсказалъ, какъ сложились обстоятельства послѣ смерти его родственника. Онъ утверждалъ, что человѣкъ, выдающій себя нынѣ за Прайама, вовсе не джентльменъ, тогда какъ Прайамъ былъ его, Дункана, кузенъ! Дунканъ былъ великолѣпный свидѣтель—точный, сухой, увѣренный! По просьбѣ адвоката Крепита, онъ долженъ былъ разсказать свою дѣтскую встрѣчу съ Прайамомъ.

— Разскажите намъ, что̀ вы помните объ этой встрѣчѣ.

— Помню, что мы подрались.

— Вотъ какъ! А изъ-за чего же вы, скверные мальчишки, дрались? (*Смѣхъ*).

— Кажется, изъ-за пирога со сливами.

— Такъ. А не съ макомъ? А каковъ же былъ результатъ этого кроваваго столкновенія? *(Продолжительный смѣхъ).*

— Онъ выбилъ мнѣ одинъ зубъ. (*Общій смѣхъ всего зала*).

— А вы ему что̀?

— Я, кажется, немного успѣлъ. Помню только, что разорвалъ на немъ костюмъ.

— Ахъ, вотъ что! Вы увѣрены, что это такъ было? А, можетъ быть, онъ разорвалъ вамъ костюмъ? *(Взрывъ смѣха).*

— Нѣтъ,—промолвилъ Дунканъ, глядя куда-то вдаль.— Вспоминаю теперь, что у моего кузена были двѣ родинки подъ воротникомъ. Такъ и вижу ихъ передъ собой.

Есть что-то невѣроятно комичное въ публичномъ упоминаніи даже объ одной родинкѣ. Двѣ же сразу заставили умирать со смѣху весь залъ.

М-ръ Крепитъ наклонился къ сидѣвшему впереди адвокату, тотъ наклонился къ своему сосѣду, а этотъ послѣдній шепнулъ что-то на ухо Прайаму Форллу, который кивнулъ головой.

— Благодарю васъ,—сказалъ м-ръ Крепитъ Дункану,—вы свободны.

Послѣ этого свидѣтель по имени Жюстини, кассиръ изъ отеля въ Монте-Карло, удостовѣрилъ, что извѣстный художникъ Прайамъ Форллъ однажды въ маѣ провелъ четыре дня въ ихъ отелѣ и что эта личность, которую отвѣтчикъ выдаетъ за Прайама Форлла, не есть Форллъ. Никакой перекрестный допросъ не могъ поколебать мосье Жюстини. Затѣмъ появился директоръ изъ отеля Бельведеръ въ Mont-Pelerin, близъ Веве и сообщилъ подобную же исторію.

Послѣ всего этого были принесены картины, явились эксперты, и началось техническое слѣдствіе. Но едва лишь оно началось, какъ пробили часы, и представленіе на этотъ разъ окончилось. Актеры сняли свои костюмы, разошлись и жадно схватили вечернія газеты, чтобы убѣдиться, что репортеры не опустили ихъ въ отчетахъ. Судья, абонированный на вырѣзки изъ бюро, былъ на слѣдующее утро пріятно изумленъ, что ни одна изъ его шутокъ не была упущена ни одной изъ девятнадцати лондонскихъ газетъ. А на Страндѣ и Пикадилли черезъ часъ уже со всѣхъ сторонъ только и слышались голоса мальчишекъ-газетчиковъ, выкрикивавшихъ «Дѣло Уитнея и Парфиттса!» Хитроумные люди въ клубахъ и кафэ говорили о двухъ родинкахъ, которыя рѣшатъ все дѣло, и о томъ, какъ Прайамъ кивнулъ головой въ отвѣтъ на шепотъ адвоката: такія вещи не ускользаютъ отъ современнаго судебнаго хроникера и автора эскизовъ и набросковъ, получающаго тысячу фунтовъ въ годъ. Хитроумные люди говорили, что эти двѣ родинки обѣщаютъ массу интереснаго впереди.

* * *

Какъ Прайамъ относился ко всему этому дѣлу? Онъ одинаково ненавидѣлъ Уитнея и Оксфорда. Ничего онъ не требовалъ отъ людей, кромѣ мира и спокойствія, а люди ни за что не хотѣли предоставить ему этихъ общедоступныхъ благъ. Онъ не просилъ, чтобы его хоронили въ аббатствѣ: это было

навязано ему. И если ему захотѣлось назваться другимъ именемъ, то кому это можетъ мѣшать? Если онъ женился на простой женщинѣ, поселился въ пригородѣ и сталъ писать картины по десяти фунтовъ за штуку, то развѣ онъ не въ правѣ былъ это сдѣлать? Почему вытаскиваютъ его изъ мирнаго уголка потому только, что два человѣка, абсолютно ему безразличные, поссорились изъ-за его картинъ! Какое право имѣла эта толпа любопытствующихъ журналистовъ обратить его жизнь въ Путнеѣ въ сплошное мученіе? И наконецъ за что теперь онъ подвергается пыткѣ публичнаго допроса на судѣ? Это былъ вѣнецъ незаслуженныхъ страданій, и уже много ночей онъ провелъ безъ сна въ ожиданіи готовящагося ужаса!

Появившись на судѣ, Прайамъ имѣлъ видъ загнаннаго звѣря. Движенія его были нервны, взглядъ безпокоенъ, а голосъ звучалъ глухо и рѣзко. Нервное состояніе въ соединеніи съ озлобленностью даетъ великолѣпный матеріалъ для художника перекрестнаго допроса, и м-ръ Пеннингтонъ предвкушалъ успѣхъ заранѣе. Защитникъ Оксфорда, м-ръ Крепитъ, былъ въ менѣе радостномъ настроеніи. Прайамъ былъ его свидѣтель, но свидѣтель, надо сказать, ужасный, такъ какъ онъ все время до появленія на судѣ упорно отказывался произнести хотя бы слово. Правда, онъ кивнулъ въ отвѣтъ на вопросъ адвоката, но помимо этого единственнаго кивка онъ оставался нѣмъ и суровъ.

— Ваше имя Прайамъ Форллъ?—началъ м-ръ Крепитъ.

— Да,—отвѣтилъ мрачно Прайамъ со всѣми внѣшними признаками привычнаго лгуна.

Допросъ начался неблагопріятно и дальше шелъ все хуже и хуже. Мысль, что этотъ угрюмый и несимпатичный свидѣтель можетъ быть всемірно-извѣстнымъ Форлломъ, казалась публикѣ абсурдомъ. Прайамъ, путаясь и сбиваясь, разсказалъ странные эпизоды своей жизни послѣ смерти Линка. Въ разсказѣ не чувствовалось убѣжденія. Онъ сказалъ, что м-съ Линкъ ошиблась, принявъ его за своего мужа, и замѣтилъ, что она истеричная женщина. Это замѣчаніе окончательно отдалило отъ него аудиторію. Заявленіе, что онъ не имѣлъ никакой опредѣленной цѣли назваться Линкомъ и что сдѣлалъ онъ это подъ вліяніемъ минутнаго порыва, было встрѣчено молчаливымъ недовѣріемъ. Когда его спросили по поводу показаній отельныхъ служащихъ, то онъ объяснилъ его тѣмъ, что лакей его Линкъ не разъ въ путешествіяхъ выступалъ вмѣсто него—это показалось всѣмъ присутствующимъ неправдоподобнымъ.

На сцену выступилъ теперь Пеннингтонъ. Путемъ двухчасового перекрестнаго допроса онъ доказалъ, что Прайамъ ничего не зналъ о молодости Прайама Форлла, о живописи и художникахъ. Онъ дѣлалъ съ Прайамомъ все, что́ хотѣлъ, и голосъ Прайама становился все глуше и слабѣе, а жесты его все болѣе выдавали въ немъ преступника.

Пеннингтонъ добился нѣсколькихъ блестящихъ эффектовъ.

— Вы говорите, что были вмѣстѣ съ отвѣтчикомъ въ его клубѣ и что онъ разсказалъ вамъ о своемъ затрудненіи?

— Да.

— Дѣлалъ онъ вамъ денежныя предложенія?

— Да.

— Ага! Сколько же онъ предложилъ вамъ?

— Тридцать шесть тысячъ фунтовъ. *(Движеніе въ залѣ).*

— Такъ! А за что предлагались эти тридцать шесть тысячъ?

— Я не знаю.

— Вы не знаете? Ну, подите...

— Я не знаю.

— Вы приняли предложенную сумму?

— Нѣтъ, я отказался отъ нея. *(Волненіе въ залѣ).*

— Отчего вы отказались?

— Оттого, что не хотѣлъ принимать.

— Значитъ, въ этотъ день вы не получали отъ м-ра Оксфорда денегъ?

— Нѣтъ, получилъ. Пятьсотъ фунтовъ.

— За что?

— За картину.

— Картину изъ такихъ же, какъ вы продавали по десять фунтовъ?

— Да.

— Значитъ, въ тотъ же день, какъ отвѣтчикъ заставилъ васъ признать, что вы—Прайамъ Форллъ, цѣна вашихъ картинъ поднялась съ десяти до пятисотъ фунтовъ?

— Да.

— Не кажется ли вамъ это страннымъ?

— Кажется.

— И вы все-таки скажете,—помните, Линкъ, что вы присягали!—что отказались отъ тридцати шести тысячъ и взяли пятьсотъ?

— Я продалъ картину за пятьсотъ фунтовъ.

— Перейдемъ теперь къ встрѣчѣ съ м-ромъ Дунканомъ

Форлломъ. Если вы въ самомъ дѣлѣ Прайамъ Форллъ, то вы должны помнить ее?

— Да, я помню.

— Сколько вамъ было тогда лѣтъ?

— Точно не знаю. Около девяти, что ли.

— Ага! Около девяти. Да, вполнѣ подходящій возрастъ для драки изъ-за пирога. *(Смѣхъ)*. М-ръ Дунканъ Форллъ говоритъ, что вы выбили ему зубъ.

— Это вѣрно.

— И что онъ разорвалъ вамъ костюмъ.

— Да, это было.

— Онъ говоритъ, что запомнилъ это и то, что у васъ были двѣ родинки

— Да.

— У васъ есть двѣ родинки?

— Есть. *(Сильное движеніе въ залѣ)*.

Пеннингтонъ сдѣлалъ нѣкоторую паузу.

— Гдѣ онѣ находятся?

— На шеѣ, пониже воротника.

— Будьте любезны указать рукой точнѣе мѣсто.

Прайамъ исполнилъ это. Волненіе достигло крайняго предѣла.

Пеннингтонъ снова сдѣлалъ паузу. Но, убѣжденный въ самозванствѣ Прайама, онъ продолжалъ тономъ глубокаго сарказма:

— Быть можетъ, вамъ угодно будетъ снять воротникъ и показать суду ваши родинки?

— Нѣтъ,—твердо отвѣтилъ Прайамъ и въ первый разъ взглянулъ адвокату прямо въ лицо.

— Вамъ, можетъ быть, удобнѣе будетъ сдѣлать это въ совѣщательной комнатѣ, если предсѣдатель разрѣшитъ?

— Я не сдѣлаю этого нигдѣ.

— Но, право,—началъ-было предсѣдатель.

— Я не сдѣлаю этого нигдѣ, милордъ,—громко повторилъ Прайамъ.

Вся его досада вспыхнула снова. Особенное озлобленіе онъ чувствовалъ противъ экспертовъ, которые признали его картину искусной, но не имѣющей цѣны поддѣлкой подъ Прайама Форлла. Если его картины не могутъ доказать его личности, если его слова насмѣшливо перетолковываются этими чудищами въ парикахъ, такъ онъ не станетъ родинками доказывать свое тожество. Онъ рѣшилъ упорствовать.

— Господа присяжные,—радостно объявилъ Пеннингтонъ,—свидѣтель имѣетъ двѣ родинки, въ указанномъ м-ромъ Дунканомъ Форлломъ мѣстѣ, но онъ не желаетъ показать ихъ.

Одиннадцать умовъ занялось рѣшеніемъ трудной проблемы, можетъ ли англійское правосудіе заставить свободнаго человѣка снять воротникъ, если онъ отказывается сдѣлать это. Между тѣмъ дѣло продолжало идти дальше. Были еще разные другіе свидѣтели, и среди нихъ первой была Алиса.

ГЛАВА XII.

Когда появилась улыбающаяся Алиса и поцѣловала Библію съ такимъ видомъ, точно это былъ толстощекій племянникъ, настроеніе въ залѣ суда сразу измѣнилось: всѣ почувствовали потребность улыбаться. Алиса была одѣта во все лучшее, что у нея было, но нельзя сказать, чтобы она была похожа на жену всемірно извѣстнаго художника. Въ отвѣтъ на поставленные ей вопросы она сказала, что передъ выходомъ замужъ за Прайама она была вдовой подрядчика по строительной части, хорошо извѣстнаго въ Путнеѣ. Это было явно правдой. Развѣ она могла быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ не вдовой подрядчика по строительной части?

— Какъ вы встрѣтились впервые съ вашимъ теперешнимъ супругомъ, м-съ Линкъ?—спросилъ ее Крепитъ.

— То-есть, м-съ Форллъ, вы хотите сказать,—поправила она его.

— Хорошо, м-съ Форллъ, если вамъ угодно.

— Я должна сказать,—заговорила она разговорнымъ тономъ,—что меня очень удивляетъ, какъ это вы называете меня м-съ Линкъ, когда вамъ платятъ, чтобы вы доказали, что я м-съ Форллъ, м-ръ... простите, забыла ваше имя.

Это разозлило Крепита. Разозлило его и то, что эта свидѣтельница стояла здѣсь на судѣ такъ свободно, точно она у себя на кухнѣ толкуетъ съ мясникомъ или булочникомъ. Онъ не привыкъ къ такому зрѣлищу. И хотя Алиса была его собственной свидѣтельницей, но онъ былъ сердитъ на нее уже потому, что былъ сердитъ на ея мужа. Онъ даже покраснѣлъ.

— Будьте добры отвѣчать на вопросы,—сказалъ онъ.

— Я встрѣтилась со своимъ мужемъ у входа въ С.-Джорджъ-Холлъ.

— Но еще раньше? Какъ вы познакомились съ нимъ?

— Черезъ брачную контору,—сказала она.

— Вотъ какъ!—проговорилъ Крепитъ и рѣшилъ, что тутъ лучше не пускаться въ подробности. Дѣло въ томъ, что Прайамъ запретилъ женѣ какіе бы то ни было переговоры съ адвокатами, и оттого и ея положеніе было трудное, и Крепитъ не зналъ, какія ловушки могутъ ждать его въ ея показаніяхъ. Онъ добился отъ нея утвержденія, что ея мужъ дѣйствительно есть настоящій Прайамъ Форллъ, но она не могла представить никакихъ доказательствъ и даже какъ-будто не понимала, что доказательства эти необходимы.

— У вашего мужа есть родинки? — спросилъ внезапно Крепитъ.

— Есть что?—переспросила Алиса.

Водрей вскочилъ съ мѣста.

— Позволяю себѣ обратить вниманіе предсѣдателя на то, что коллега ставитъ наводящій вопросъ,—сказалъ онъ.

— М-ръ Крепитъ,—сказалъ предсѣдатель,—не можете ли вы избрать другую форму вопроса?

— Есть ли у вашего мужа какія-нибудь особыя примѣты на тѣлѣ,—снова началъ Крепитъ.

— Ахъ, да! *Родинки* вы сказали? Ничего, не пугайтесь. Да, у него двѣ родинки, на шеѣ, вотъ здѣсь.

И она среди общаго молчанія указала совершенно точно мѣсто.

Затѣмъ снова сталъ ее допрашивать Водрей.

— Вы встрѣтились съ вашимъ мужемъ черезъ посредство брачной конторы?

— Да.

— Кто первый обратился туда?

— Я.

— А какая у васъ была цѣль?

— Разумѣется, я хотѣла найти мужа,—сказала она, улыбаясь. — Для чего же иного можно пойти въ брачную контору?

— Я попросилъ бы васъ не задавать мнѣ вопросовъ,— строго замѣтилъ Водрей.

— Хорошо, — сказала она. — Я только думала, что вы знаете, для чего люди обращаются въ брачную контору. Но, какъ говорится, вѣкъ живи, вѣкъ учись.

— Вы думаете, что брачная контора очень красивый способъ для...

— Смотря, что вы называете «красивымъ», — сказала Алиса.

— Ну, женственнымъ, что ли.

— Да, я думаю,— коротко отрѣзала Алиса.—Если вы мнѣ скажете, что я—не женственна, то я только могу сказать, что вы—не мужественны.

— Вы говорите, что встрѣтили вашего мужа первый разъ возлѣ С.-Джорджа.

— Да.

— Никогда не видали его раньше?

— Нѣтъ.

— Какъ же вы его узнали?

— По карточкѣ.

— А-а! онъ послалъ вамъ свою карточку?

— Да.

— Съ письмомъ?

— Да.

— А какъ письмо было подписано?

— Генри Линкъ.

— Было это до или послѣ смерти человѣка, который похороненъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ?

— За день или два до этого. *(Движеніе въ толпѣ).*

— Такъ, значитъ, вашъ мужъ называлъ себя Генри Линкомъ еще до этой смерти?

— Нѣтъ, онъ не называлъ. Письмо написалъ тотъ человѣкъ, который умеръ. Мой мужъ нашелъ послѣ въ чемоданѣ лакея мой отвѣтъ и мою карточку. И, вотъ подойдя къ С. Джоржъ-холлу, я увидала его и заговорила съ нимъ. Я сейчасъ подумала, что это и есть тотъ, который писалъ мнѣ.

— Отчего вы такъ подумали?

— Я имѣла карточку.

— Значитъ, тотъ, кто написалъ письмо и потомъ умеръ, прислалъ не свою карточку? Онъ прислалъ карточку вашего мужа?

— Ну да, развѣ вы этого не знали? Я думала, что вы знаете.

— И вы воображаете, что присяжные повѣрятъ этой сказкѣ?

Алиса съ улыбкой повернулась въ сторону присяжныхъ.

— Нѣтъ,—сказала она, — я не такъ увѣрена. Я сама долгое время не вѣрила этому. Но это такъ.

— Такъ, значитъ, вы сначала не вѣрили, что вашъ мужъ—Прайамъ Форллъ?

— Не вѣрила. Но видите ли, онъ не разсказывалъ мнѣ какъ слѣдуетъ, а только намекалъ.

— И вы не вѣрили?

— Нѣтъ.

— Вы думали, что онъ лжетъ?

— Нѣтъ. Я думала, что онъ вообразилъ себѣ это. Видите ли, мой мужъ вообще непохожъ на другихъ.

— О, да!—сказалъ Водрей.—Но когда же вы окончательно убѣдились въ томъ, что вашъ мужъ — дѣйствительно Прайамъ Форллъ?

— Когда? Вечеромъ того дня, когда м-ръ Оксфордъ пришелъ къ нему. Тогда Прайамъ все разсказалъ мнѣ.

— А-а! Въ тотъ день, когда м-ръ Оксфордъ заплатилъ ему пятьсотъ фунтовъ?

— Да.

— И вотъ, какъ только м-ръ Оксфордъ далъ ему пятьсотъ фунтовъ, вы тотчасъ же проявили готовность вѣрить, что вашъ мужъ—настоящій Прайамъ Форллъ. Не кажется ли вамъ это совпаденіе удивительно курьезнымъ?

— Да. Но такъ оно было на самомъ дѣлѣ, — увѣренно сказала Алиса.

— Теперь объ этихъ родинкахъ. Вы показали на правую сторону шеи. Вы увѣрены, что онѣ не на лѣвой сторонѣ?

— Позвольте. Дайте мнѣ подумать,—сказала Алиса, сморщивъ брови.—Когда онъ брѣется утромъ—онъ теперь раньше встаетъ—то я вижу его лицо въ зеркалѣ, и въ зеркалѣ эти родинки на лѣвой сторонѣ. Значитъ, на немъ онѣ на правой. Да, на правой.

— А вы ихъ развѣ никогда не видѣли иначе, какъ въ зеркалѣ, милая моя?—вмѣшался предсѣдатель.

Алиса покраснѣла.

— Вы, кажется, думаете, что это очень забавно,—сердито отпарировала она, покачивая головой.

Всѣмъ показалось, что сейчасъ рухнетъ крыша или произойдетъ что-нибудь другое, ужасное. Но ничего ужаснаго не произошло, благодаря чрезвычайно своевременному приступу глухоты предсѣдателя. Если бы не этотъ приступъ, трудно предугадать, какъ онъ вышелъ бы изъ этого положенія.

— Не знаете ли вы,—продолжалъ допросъ Водрей,—почему вашъ супругъ отказывается подвергнуть свою шею судебному осмотру?

— Я не знала, что онъ отказался.

— Да, онъ отказывается.

— Да?—сказала Алиса, — что жъ—если бы вы не удалили меня изъ залы во время его допроса, то я, можетъ быть, могла бы сказать вамъ. А такъ я ничего не могу сказать.

На этомъ и окончилось выступленіе Алисы.

* * *

Засѣданіе было закрыто и еще шесть или семь сотенныхъ перешло въ карманы приглашенныхъ артистовъ. По тону и содержанію вечернихъ газетъ ясно стало, что все дѣло теперь сосредоточилось на вопросѣ о родинкахъ. Ничто другое не интересовало больше широкую публику. Если у Прайама окажутся на шеѣ эти родинки, то онъ—настоящій Прайамъ Форллъ. Если же нѣтъ, то онъ самозванецъ. Публика взяла дѣло въ свои руки. Тутъ чувствовалось ея упорство и здравый смыслъ. Надо сказать, что въ общемъ этотъ здравый смыслъ былъ направленъ прстивъ Прайама. Большинству вся эта исторія представлялась сшитой бѣлыми нитками. Всѣмъ было ясно, что если бы у Прайама, дѣйствительно, были родинки, то онъ показалъ бы ихъ. Меньшинство же толковало насчетъ психологіи и артистическаго темперамента, на нихъ косились и считали ихъ ненаціональными людьми и чуть ли не потомками буровъ.

Какъ бы то ни было, а вопросъ надо было рѣшить разъ навсегда.

Публика недоумѣвала, отчего предсѣдатель не арестовываетъ Прайама за неподчиненіе постановленію суда? Тогда онъ былъ бы препровожденъ въ полицію, обысканъ, и вопросъ рѣшился бы очень просто.

Или почему Оксфордъ не подошлетъ какого-нибудь субъекта завязать съ Прайамомъ ссору на улицѣ. Это тоже привело бы къ желанному результату.

Такъ толковали обыватели и на всѣ лады критиковали правосудіе. Судебные порядки подверглись жестокому разбору изъ-за того, что Прайамъ не желалъ снять свой воротникъ.

И онъ продолжалъ стоять на своемъ.

На другое утро было совѣщаніе въ совѣщательной комнатѣ, и представители закона старались найти законный способъ воздѣйствія на Прайама, но безуспѣшно: Прайамъ явился въ судъ въ своемъ обычномъ высокомъ воротникѣ и былъ сфотографированъ тридцать разъ въ вестибюлѣ и корридорахъ. Одни говорили, что онъ спитъ въ воротникѣ, другіе увѣряли даже, что въ

карманѣ онъ носитъ револьверъ для защиты цѣломудрія своей шеи.

Дѣло продолжалось слушаніемъ. М-ръ Оксфордъ и цѣлая плеяда экспертовъ живописи, людей заслуженныхъ и съ именемъ, должны были доказать, что картины, предположительно написанныя послѣ похоронъ въ аббатствѣ, написаны Прайамомъ Форломъ и никѣмъ инымъ. Они доказали это съ чрезвычайной убѣдительностью, т. е. другими словами, путемъ дедукціи они доказали, что Прайамъ имѣлъ на шеѣ двѣ родинки. Кромѣ того эксперты, хоть и ненамѣренно, достигли двухъ вещей. Во-первыхъ, они усыпили предсѣдателя и, во-вторыхъ, утомили публику, такъ какъ экспертиза затянулась на цѣлые два дня и поглотила еще тысячу фунтовъ. А на третій день Прайамъ, какъ бы закаленный въ публичной передѣлкѣ, снова появился со своимъ воротникомъ и казался еще болѣе упрямымъ, чѣмъ всегда. Онъ прочиталъ въ одной газетѣ, что полиція собрала данныя о его двоеженствѣ и что онъ будетъ арестованъ въ ближайшемъ будущемъ. Но съ нимъ произошло нѣчто болѣе странное, чѣмъ арестъ.

* * *

Главный корридоръ суда — мѣсто самыхъ неожиданныхъ встрѣчъ и разговоровъ. Здѣсь человѣкъ получаетъ приглашеніе на весьма посредственный завтракъ въ ресторанчикѣ внизу и тутъ же узнаетъ новость, которая мѣняетъ все его будущее.

Прайамъ пробирался по запруженному людьми корридору и замѣтилъ вдругъ м-ра Оксфорда, разговаривающаго съ дамой. Послѣ достопамятнаго свиданія въ клубѣ онъ не обмѣнялся ни словомъ съ м-ромъ Оксфордомъ и не былъ расположенъ обмѣниваться и теперь—но между ними не было формальнаго разрыва. Благоразумнѣе всего было бы теперь повернуть въ другой корридоръ. Прайамъ способенъ былъ на удивительное благоразуміе, когда требовалось уклоненіе отъ непріятныхъ встрѣчъ. Но въ тотъ самый моментъ, когда онъ готовился исчезнуть, дама, разговаривавшая съ м-ромъ Оксфордомъ, увидѣла его и быстро подошла къ нему, протягивая руку. Она была высока, тонка и чопорно-презентабельна, но ноги у нея были очень велики — не по ея винѣ, хотя люди склонны считать большія ноги преступленіемъ. Возрастъ ея былъ скрытъ подъ вуалью.

— Здравствуйте, м-ръ Форллъ!—твердо произнесла она.

Это была лэди Софія Энтуистль.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, пожимая ея протянутую руку.

Ничего иного нельзя было ни сказать, ни сдѣлать.

И м-ръ Оксфордъ тоже протянулъ ему свою ненавистную руку.

Все это происходило такъ, точно не было никакого прошлаго. Согласно всѣмъ правиламъ человѣческаго поведенія, лэди Софія должна была бы указать всему міру на Прайама, безчестно играющаго сердцемъ женщины, а онъ долженъ былъ бы оттолкнуть руку м-ра Оксфорда.

А вмѣсто этого они пожали другъ другу руки. Какъ выродились непосредственные инстинкты человѣка.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Я думаю, вы знаете, м-ръ Форллъ,—сказала лэди Софія,—что я должна буду давать показанія въ этомъ дѣлѣ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не зналъ.

— Да. Повидимому, они обшарили весь континентъ и не нашли людей, которые знали бы васъ подъ настоящимъ именемъ и могли бы удостовѣрить вашу личность. Не нашли никого. Несомнѣнно, это произошло вслѣдствіе вашихъ вѣчныхъ странствій.

— Разумѣется,—сказалъ Прайамъ.

Онъ былъ влюбленъ въ эту женщину. Онъ цѣловалъ ее. Онъ хотѣлъ жениться на ней! Какое безуміе! Его взглядъ старался упорно проникнуть сквозь вуаль. Нѣтъ, она была много моложе Алисы. Она, конечно, знала больше Алисы. Она могла говорить о картинахъ, не вонзая ножъ въ сердце и не поворачивая его въ ранѣ. Она была лучше одѣта, чѣмъ Алиса. И ея поведеніе въ настоящій моментъ, тактичное, корректное, скромное, было выше всякихъ похвалъ. И все-таки... Даже въ эту тяжелую минуту онъ чувствовалъ въ себѣ силу ненавидѣть ее за то, что когда-то имѣлъ глупость воображать себя влюбленнымъ.

— Я была въ Индіи, когда услыхала объ этомъ дѣлѣ,— продолжала лэди Софія.—Сначала мнѣ казалось все это уткой, но потомъ, зная васъ, я подумала, что это возможно.

— И такъ какъ лэди Софія теперь, какъ разъ, въ Лондонѣ,—вставилъ м-ръ Оксфордъ,—то она будетъ такъ добра, дать въ мою пользу свои цѣнныя показанія.

— Это не совсѣмъ такъ,—холодно сказала лэди Софія.— Я здѣсь только оттого, что вы заставили меня явиться. Все это случилось благодаря вашему знакомству съ моей тетушкой.

— Совершенно вѣрно! — согласился м-ръ Оксфордъ.— Вполнѣ естественно, что вамъ вовсе непріятно подвергаться до-

просу. И я тѣмъ болѣе благодаренъ за вашу любезность, лэди Софія.

Прайамъ понялъ, въ чемъ дѣло. Очевидно, лэди Софія, послѣ его мнимой смерти, разсказала роднымъ о своей помолвкѣ, а этотъ беззастѣнчивый негодяй Оксфордъ овладѣлъ этимъ секретомъ и заставилъ ее дать показанія.

— Видите ли,—сказалъ м-ръ Оксфордъ Прайаму,—чрезвычайно важно то обстоятельство, что лэди Софія видѣла въ Парижѣ и васъ и вашего лакея. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, что она знала лакея, изображающаго господина. Какъ счастливо вышло, что я еще во́-время напалъ на слѣдъ лэди Софіи! Только вчера послѣ обѣда!

М-ръ Оксфордъ ни однимъ словомъ не упомянулъ объ упрямствѣ Прайама въ вопросѣ о воротникѣ. Онъ разсматривалъ воротникъ Прайама, какъ явленіе природы, къ которому надо относиться съ резиньяціей. Онъ не проявлялъ и тѣни недовольства—тонкій былъ дипломатъ м-ръ Оксфордъ.

— Мнѣ нужно сказать вамъ два слова!—сказала лэди Софія Прайаму.

М-ръ Оксфордъ съ поклономъ отошелъ въ сторону.

Лэди Софія взглянула на Прайама въ упоръ. Ему пришлось снова признать, что она изумительна.

Въ послѣднее ихъ свиданіе онъ цѣловалъ ее. Затѣмъ она присутствовала на его похоронахъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. И она могла спокойно и невозмутимо стоять передъ нимъ—очевидно она прощала.

Лэди Софія сказала:

— Такъ вотъ, м-ръ Форллъ, какъ же мнѣ быть: давать или не давать показанія? Вы знаете, вѣдь, что это зависитъ отъ васъ.

Ея строгій тонъ былъ великолѣпенъ, былъ героиченъ. Онъ даже искупалъ величину ея ногъ.

Прайамъ поклялся, что скорѣе позволитъ изрѣзать себя на уксочки, чѣмъ сниметъ свой воротникъ для того, чтобы помочь беззастѣнчивому м-ру Оксфорду. Онъ потерпѣлъ оскорбленіе, эксплоатацію, издѣвательства. Весь свѣтъ вмѣшался въ его частное дѣло и отравилъ ему жизнь; пусть его разрѣжутъ на кусочки—онъ не покажетъ этихъ двухъ родинокъ, которыя рѣшили бы вопросъ въ одинъ моментъ.

И вотъ лэди Софія однимъ взглядомъ разрѣзала его на кусочки.

— Пожалуйста, не безпокойтесь,—сказалъ онъ въ отвѣтъ.—Я все устрою.

Въ этотъ моментъ появилась Алиса, пріѣхавшая изъ Путнея со слѣдующимъ поѣздомъ.

— Мое почтеніе, лэди Софія,—сказалъ Прайамъ, приподнялъ шляпу и удалился.

* *
*

«Финалъ дѣла Уитней и Парфиттсъ», «Форллъ снялъ воротникъ!»—такъ выкрикивали мальчишки на Странде, такіе плакаты красовались повсюду. Никогда еще обыкновенный крахмальный воротникъ не игралъ такой сенсаціонной роли за всю міровую исторію. Снятіе этого воротника заканчивало дѣло. Впрочемъ, знаменитые артисты, участвовавшіе въ веденіи процесса, не могли допустить, чтобы онъ такъ сразу и оборвался. Нѣтъ, онъ долженъ былъ закончиться медленно и величественно, по всей принятой формѣ и со всѣми необходимыми расходами. Надо было призывать новыхъ свидѣтелей—врачей и передопросить старыхъ. Новому вызову подлежалъ, напримѣръ, Дунканъ Форллъ и другіе. Но все-таки, упрямство Форлла было сломлено, честь англійскаго правосудія была спасена, такъ что Англія могла вздохнуть спокойно.

Вопросъ теперь былъ вотъ въ чемъ: какъ Прайамъ могъ попасть въ сѣти суда? Онъ не совершилъ двоеженства. Онъ ничего не совершилъ. Онъ даже не сдѣлалъ ложнаго заявленія о смерти Прайама Форлла. Онъ только молчалъ. А д-ръ Кэшморъ не могъ пролить свѣта на знакомый ему эпизодъ, такъ какъ успѣлъ за это время умереть—его женѣ и дочерямъ удалось, наконецъ, свести его въ могилу. Предсѣдатель сказалъ, что гнѣвъ епископа и духовенства грозно обрушится на недостойное поведеніе Прайама Форлла, но это звучало неопредѣленно и неубѣдительно для свѣтскаго уха.

Черезъ нѣсколько дней дѣло стало предаваться забвенію, а когда газеты сообщили, что, по желанію Прайама, его музей долженъ быть законченъ постройкой и переданъ въ общественное владѣніе, нація, вопреки всему, рѣшила принять щедрый даръ и была вполнѣ умиротворена.

Прахъ Генри Линка былъ, по распоряженію епископа, ночью вырытъ изъ-подъ плитъ аббатства и перенесенъ въ другое мѣсто.

* *
*

Нѣсколько дней спустя, пароходъ Сѣверо-Германскаго Ллойда отходилъ изъ Соутгамптона въ Алжиръ. Среди пассажировъ его были Прайамъ и Алиса. Была холодная звѣздная

ночь, и полоса взволнованной машиной воды бѣлой дорожкой бѣжала назадъ, къ англійскому берегу. Прайамъ успѣлъ за это время полюбить холмы Путнея и широкую рѣку у ихъ подножья—но онъ чувствовалъ, что ему необходимо покинуть Англію. Пребываніе на родинѣ не увѣнчало его блескомъ. Онъ былъ человѣкъ, не созданный для общества, не способный играть роль и обнаруживать тактъ и осторожность въ жизненныхъ столкновеніяхъ и конфликтахъ. Онъ не умѣлъ ни хорошо говорить, ни хорошо читать, ни вообще выражаться сообразно соотвѣтствующимъ случаямъ. Только кистью онъ умѣлъ выражать себя, его картины были главнымъ элементомъ его бытія. Въ жизни ему не разъ приходилось быть дуракомъ, но на полотнѣ онъ никогда таковымъ не былъ. На полотнѣ онъ съ тонкимъ совершенствомъ умѣлъ все выразить, все передать тѣмъ, которые будутъ умѣть читать черезъ сотни лѣтъ. Зачѣмъ ждать отъ него большаго? Зачѣмъ чувствовать разочарованіе? Мы съ вами, конечно, сумѣли бы избѣжать многочисленныхъ ошибокъ Прайама, но зато онъ былъ не превзойденъ въ своей области.

Пароходъ уходилъ отъ англійскаго берега, и Прайамъ невольно подумалъ:

— Что они будутъ дѣлать со мной дальше?

Но вопросъ этотъ не тревожилъ его. Передъ нимъ была свѣтлая перспектива любимаго труда въ уединеніи рядомъ съ вѣрной спутницей своей—Алисой.

Перевела съ англійскаго М. Славинская.

КОНЕЦЪ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ ВЪ СИБИРИ.

Переселеніе крестьянъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь и другія азіатскія окраины имперіи представляетъ собою столь же крупное, какъ и сложное явленіе въ области нашего государственнаго и народнаго хозяйства. Въ этомъ движеніи играютъ свою роль и политическіе мотивы, и соображенія общегосударственной пользы, и соціальныя, и мѣстныя причины экономическаго характера.

Изъ сложности явленія и разнородности порождающихъ его условій естественно вытекаютъ тѣ трудности, съ которыми приходится встрѣчаться при его оцѣнкѣ. Совершенно неизбѣжны при этомъ различіе во взглядахъ на источники или основанія явленія и тѣ разнорѣчія въ выводахъ и заключеніяхъ о его значеніи, которыя въ дѣйствительности существуютъ и высказываются въ различныхъ сферахъ и слояхъ общества. Сложное и разнородное въ своемъ существѣ явленіе нельзя правильно оцѣнить съ одной какой-либо точки зрѣнія, нельзя достигнуть опредѣленія общаго его значенія приложеніемъ къ нему одной какой-либо мѣрки. Затруднительность положенія еще болѣе увеличивается отъ отсутствія необходимыхъ свѣдѣній относительно разныхъ сторонъ явленія. При практической необходимости, въ силу требованій самой жизни, высказываться и дѣлать заключенія по разнымъ частнымъ вопросамъ переселенія, отсутствіе, неполнота и отрывочность данныхъ дѣлаютъ шаткими соотвѣтствующія сужденія и придаютъ условный характеръ выдвигаемымъ и устанавливаемымъ положеніямъ.

Для примѣра въ послѣднемъ отношеніи можно взять хотя бы одинъ только частный вопросъ о томъ, каковы экономическіе результаты переселенія. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу наименѣе сложныхъ и наиболѣе доступныхъ для изслѣдованія; однако, и о немъ у насъ не имѣется достаточныхъ свѣдѣній. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы отвѣтить на указанный вопросъ, надо знать, во что переселеніе обошлось и что оно дало. Расходы переселенія складываются изъ затратъ и потерь казны и самихъ переселенцевъ, а положительные его результаты опредѣляются размѣрами цѣнностей, производимыхъ переселенцами на новыхъ мѣстахъ.

Какъ же велики затраты и потери казны? — это первый вопросъ.

Оффиціальный отвѣтъ таковъ [1]). Въ шестилѣтіе 1906—1911 г.г. казенныхъ денегъ на переселеніе ассигновано было 114.660 тысячъ рублей. На эти деньги водворено 417.000 переселенческихъ семей. Расходъ на 1 семью въ среднемъ составилъ 275 руб., а за исключеніемъ ссудъ на домообзаводство, подлежащихъ возврату,—157 руб.

Эти свѣдѣнія точны, но они далеко не имѣютъ исчерпывающаго значенія. Можно ли считать 157 руб. потерей казны? Очевидно, нѣтъ. Изъ этихъ денегъ часть пошла на устройство переселенческихъ дорогъ, постройку въ селеніяхъ колодцевъ, школьныхъ зданій, церквей и молитвенныхъ домовъ, больницъ, хлѣбозапасныхъ магазиновъ и другихъ общественныхъ зданій. Расходы на эти постройки и сооруженія нельзя отнести къ потерямъ; это въ сущности тотъ же капиталъ, что и деньги.

Сколько же затрачено на все это? Общихъ итоговъ въ опубликованныхъ матеріалахъ пока не имѣется. А равно еще не сдѣланъ учетъ и того, въ какую сумму обошлись расходы на администрацію и на всѣ прочія издержки, которыя можно отнести къ безвозвратнымъ и потерямъ. Но кромѣ прямыхъ ассигнованій казны, слѣдуетъ имѣть въ виду потери отъ пониженія желѣзнодорожнаго тарифа для провоза переселенцевъ. Потери эти тоже еще предстоитъ привести въ извѣстность. Затѣмъ, помимо переселенческаго вѣдомства, идутъ нѣкоторые расходы на дѣло переселенія изъ другихъ источниковъ, напримѣръ, по вѣдомству св. Синода, изъ фонда Императора Александра III. Въ сущности, это тоже казенные расходы. Имъ также до сихъ поръ не подведено итога. Въ общемъ же, въ концѣ концовъ, является совершенно неизвѣстнымъ, во что обходится казнѣ переселеніе.

Другой вопросъ—сколько теряютъ переселенцы, бросая родину и перебираясь за Уралъ?

Объ этомъ имѣются болѣе опредѣленныя, хотя и не вполнѣ точныя свѣдѣнія. Имѣются свѣдѣнія и о томъ, чего достигаютъ переселенцы въ матеріальномъ отношеніи въ новыхъ мѣстахъ. Благодаря двумъ послѣднимъ обстоятельствамъ представляется возможнымъ учесть результаты переселенія въ смыслѣ выгодности или невыгодности ихъ для самихъ переселенцевъ. Для разрѣшенія же общаго вопроса объ экономическихъ результатахъ переселенія и въ настоящее время еще не существуетъ достаточнаго количества опубликованныхъ данныхъ.

[1]) Смѣта доходовъ и расходовъ переселенческаго управленія на 1913 годъ; стр. 18—20.

Въ подобномъ же положеніи недостаточной опредѣленности и невыясненности находятся и другія стороны переселенія, соприкасающіяся съ сложными интересами государственнаго значенія (аграрный вопросъ, укрѣпленіе окраинъ путемъ заселенія ихъ русскими людьми и т. п.) и имѣющія отношеніе къ чисто мѣстнымъ условіямъ и интересамъ отдѣльныхъ частей населенія. И пока каждая изъ этихъ сторонъ въ отдѣльности не будетъ вполнѣ освѣщена на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, до тѣхъ поръ останется невозможнымъ правильный синтезъ явленія, и общіе выводы относительно его значенія по необходимости должны носить условный характеръ.

При современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній болѣе или менѣе основательные и твердые выводы возможны лишь относительно нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, входящихъ въ область общаго вопроса о переселеніи, который въ настоящее время силою вещей превращается въ еще болѣе широкій и сложный вопросъ о колонизаціи. Къ числу именно такихъ вопросовъ относится помянутый выше вопросъ о результатахъ переселенія для самихъ переселенцевъ.

Пользуясь имѣющимися матеріалами, по которымъ можно опредѣлить съ достаточной точностью значеніе переселенія для новоселовъ въ Сибири, приведемъ наиболѣе важныя свѣдѣнія по этому предмету, который имѣетъ самостоятельное значеніе и справедливо привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе.

Свѣдѣнія эти мы почерпаемъ изъ новѣйшаго изслѣдованія переселенческаго хозяйства, произведеннаго переселенческимъ управленіемъ въ 1911—1912 г.г.[1]).

---

1) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи переселенцевъ въ Сибири. Вып. I, II, III и IV. Спб., 1912.

Изслѣдованіе это коснулось не сплошь всѣхъ переселенческихъ поселковъ, а только части ихъ, признанной типичною для общей массы. О степени типичности описанныхъ поселковъ можно судить по тѣмъ признакамъ, которые положены въ основаніе ея опредѣленія. Признаки эти слѣдующіе: I. Различіе между собою тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ находятся выбранные поселки, въ отношеніи географическаго ихъ положенія и естественно-историческихъ условій. Обслѣдованы поселки въ центральныхъ частяхъ, на югѣ и сѣверѣ, западѣ и востокѣ Сибири, въ мѣстностяхъ съ различными почвами и различными условіями орошенія. 2. Различіе поселковъ между собою въ отношеніи болѣе важныхъ культурныхъ условій Взяты поселки, находящіеся вблизи желѣзной дороги, судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ и большихъ грунтовыхъ трактовъ, а также въ мѣстностяхъ болѣе или менѣе глухихъ и отдаленныхъ отъ промышленныхъ и культурныхъ центровъ, крупные, средніе и мелкіе по числу дворовъ, молодые, средневозрастные и старые, чисто земледѣльческіе и съ тѣми или другими

Матеріалы изслѣдованія позволяютъ разсмотрѣть вопросъ въ его исторической перспективѣ. Съ этой точки зрѣнія опредѣляются три момента въ хозяйственной жизни переселенцевъ: на родинѣ, при водвореніи и приступѣ къ хозяйству на новыхъ мѣстахъ и въ моментъ переписи 1911—1912 г.г. На этихъ моментахъ мы и остановимся, придерживаясь въ изложеніи указанной ихъ послѣдовательности: сначала разсмотримъ, каково было хозяйство и имущественное положеніе переселенцевъ на родинѣ, передъ переселеніемъ, затѣмъ—съ чѣмъ они пришли на новыя мѣста въ Сибирь и приступили тамъ къ хозяйству и, наконецъ,—въ какомъ положеніи они находятся въ настоящее время, чего уже успѣли достигнуть и на что могутъ расчитывать впереди при наличности извѣстныхъ сибирскихъ условій, и насколько улучшилось или ухудшилось ихъ благосостояніе по сравненію съ бывшимъ на родинѣ и въ какой мѣрѣ является обезпеченнымъ положеніе ихъ въ будущемъ.

Обслѣдовано типичныхъ поселковъ 447 съ 31.984 хозяйствами, которые распредѣлены по Сибири и Степному краю слѣдующимъ образомъ:

I. Въ полосѣ западно-сибирской лѣсостепи, являющейся ни чѣмъ инымъ, какъ степью, испещренною рѣдкими березовыми колками мелкаго дровяного лѣса и кустарника и представленной Омскимъ уѣздомъ Акмолинской области и Тюкалинскимъ уѣздомъ Тобольской губерніи	78 поселк. съ 9.036 хоз.
II. Въ степной полосѣ, почти совершенно безлѣсной, если не считать имѣющагося мѣ-	

болѣе или менѣе развитыми промыслами. Благодаря такой постановкѣ дѣла представилась возможность распространить изслѣдованіе на всѣ разнохарактерныя сельскохозяйственныя полосы Западной и Восточной Сибири, въ которыхъ производится водвореніе переселенцевъ. Съ другой стороны, совокупность перечисленныхъ культурныхъ признаковъ охватываетъ весь кругъ тѣхъ условій, которыя, помимо природныхъ и климатическихъ особенностей разныхъ полосъ, въ каждой отдѣльной отъ другихъ по своему характеру мѣстности, оказываютъ существенное вліяніе на организацію хозяйства и успѣхи его развитія. Въ общемъ, при постановкѣ изслѣдованія были соблюдены, по возможности, всѣ требованія, которыми обезпечивается дѣйствительная типичность выбранныхъ поселковъ, могущая служить основаніемъ для распространенія добытыхъ изслѣдованіемъ выводовъ на всю массу переселенческихъ поселковъ. Были также приняты мѣры къ обезпеченію доброкачественности собираемыхъ матеріаловъ. Обслѣдованіе произведено опытными спеціалистами-статистиками на мѣстахъ съ строгимъ соблюденіемъ выработанныхъ русской статистической практикой способовъ и пріемовъ, гарантирующихъ возможную вѣрность собираемыхъ свѣдѣній.

стами мелкаго кустарника, представленной Акмолинскимъ уѣздомъ Акмолинской области и южной частью Ачинскаго уѣзда, Енисейской губерніи	72	поселк.	съ 9.329	хоз.
III. Въ полосѣ восточно-сибирской лѣсостепи, уже значительно лѣсистой и представленной сѣверной частью Ачинскаго, Красноярскимъ и Канскимъ уѣздами, Енисейской губерніи и Нижнеудинскимъ и Балаганскимъ уѣздами, Иркутской губерніи	133	„	„ 8.197	„
IV. Въ урманѣ и тайгѣ,—мѣстностяхъ, на 8 и 9 десятыхъ покрытыхъ лѣсомъ,—представленныхъ Туринскимъ и Тарскимъ уѣздами, Тобольской губерніи и Верхоленскимъ, Иркутской губерніи	164	„	„ 5.422	„

О прежнемъ хозяйственномъ положеніи переселенцевъ можно судить по даннымъ относительно 21.800 семей, вышедшихъ изъ родныхъ мѣстъ въ переселеніе. Въ числѣ этихъ хозяйствъ имѣли землю 17.001 хозяйство, а 4.799 семей или 22% были безземельными. За земельными хозяйствами состояло 89.787 десятинъ надѣльной земли и 9.430 дес. купленной, всего 99.127 дес. По разсчету на общее число хозяйствъ, изъ всей земли приходилось въ среднемъ на хозяйство 4,5 десятины.

Замѣчательно, что приблизительно около этой общей средней цифры колеблются размѣры землевладѣнія на родинѣ у переселенцевъ въ указанныхъ полосахъ, именно: у осѣвшихъ въ I полосѣ 3,6 дес., во II полосѣ 5,0 дес., въ III полосѣ 4,8 дес., въ IV полосѣ 4,9 дес., несмотря на то, что вышли переселенцы изъ самыхъ различныхъ полосъ Европейской Россіи. Такъ въ I и II полосахъ (степной и преимущественно степного характера, простирающихся въ срединной и южной частяхъ Сибири и Степного края) водворились главнымъ образомъ выходцы изъ Полтавской, Кіевской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической и Самарской губерній и Донской области, а въ III и IV полосахъ (многолѣсистыхъ и таежныхъ, заполняющихъ сѣверъ и отчасти центръ Сибири) большею частью изъ губерній Витебской, Могилевской, Минской, Вятской и Прибалтійскихъ.

Указанные размѣры землевладѣнія на родинѣ должны быть признаны очень ограниченными, а въ соотвѣтствіи съ ними, естественно, находились и размѣры хозяйства: подъ пашней находилось всего 72.390 дес. и подъ сѣнокосомъ 1.330 дес., что въ среднемъ на одно хозяйство даетъ: пашни 3,3 дес. и сѣнокоса 0,6 дес., всего 3,9 дес.

Посѣва дѣлали на родинѣ при этихъ условіяхъ крайне мало.

Общая посѣвная площадь составляла 53.288 дес. (73,6% пашни), а на отдѣльное хозяйство приходилось въ среднемъ всего 2,4 дес. посѣва. И это почти одинаково у переселенцевъ, водворившихся въ разныхъ полосахъ: колебанія весьма незначительны — отъ 2 до 2,8 дес.

Ограниченные размѣры землевладѣнія и хозяйства, естественно, порождали малую матеріальную обезпеченность. Весь капиталъ средней переселенческой семьи на родинѣ, оказавшійся по ликвидаціи хозяйства предъ выходомъ въ переселеніе и образовавшійся изъ сбереженій, выручки за проданную землю, постройки и другое имущество и стоимости оставшейся непроданною земли и взятаго съ собою въ Сибирь скота и мертваго инвентаря, составлялъ не болѣе 397 руб.

Всѣ эти данныя приводятъ къ заключенію, что житье переселенцевъ на родинѣ было не сладкое, и выгнала ихъ съ насиженныхъ мѣстъ горькая нужда. Дѣйствительно, какой процентъ можно получить въ земледѣльческомъ хозяйствѣ съ основного и оборотнаго капитала, не превышавшаго 400 руб., или что можно получить отъ хозяйства, не имѣющаго и 2% десятинъ посѣва?

Какъ бы ни старался мужикъ, какія бы усилія ни употреблялъ и какъ бы ни удешевлялъ свой трудъ (т. е. по-просту не доѣдалъ и терпѣлъ во всемъ недостатки), онъ при такомъ хозяйствѣ не могъ имѣть никакого чистаго дохода и болѣе 100 пудовъ валового сбора зерна не могъ получить. Этихъ 100 пуд. едва могло хватить на продовольствіе семьи и кормъ скоту, а кромѣ продовольственной потребности оставались многочисленныя другія потребности личныя, хозяйственныя, общественныя и государственныя, на покрытіе которыхъ отъ хозяйства уже ничего нельзя было получить. Недостатки и вполнѣ необезпеченное положеніе переселенцевъ на родинѣ представляются, такимъ образомъ, очевидными. И какъ бы ни была велика совокупность всѣхъ разнородныхъ причинъ, побудившихъ переселенцевъ бросить родину и идти искать лучшей доли въ далекой и малоизвѣстной Сибири, претерпѣваемыя на старыхъ мѣстахъ нужда и лишенія, несомнѣнно, занимаютъ въ ряду этихъ причинъ, въ общемъ, самое главное и видное мѣсто.

Таковъ въ общихъ чертахъ обликъ перваго момента изъ хозяйственной и имущественной обстановки переселенцевъ: 400 руб. на семью всего основного и оборотнаго капитала, 3 десятины посѣва и сѣнокоса и 80—100 руб. валового дохода отъ хозяйства.

Второй моментъ для части переселенцевъ наступаетъ обыкновенно не тотчасъ за первымъ. Извѣстное количество вышедшихъ съ родины семей не сразу водворяется окончательно на отведенныхъ

казною надѣлахъ, а лишь послѣ пребыванія въ теченіе того или другого времени въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Такихъ семей оказалось по переписи 13% общаго числа. Составъ ихъ самый разнообразный. Нѣкоторая, очень незначительная часть изъ нихъ принадлежитъ къ числу семей, водворившихся сразу по пріѣздѣ съ родины, но потомъ перемѣнившихъ мѣсто водворенія, перейдя съ одного участка на другой. Громаднѣйшее большинство составилось изъ семей, пріѣхавшихъ въ Сибирь безъ предварительнаго, установленнаго правилами о переселеніи, обезпеченія себя землею черезъ ходоковъ, безъ всякихъ льготъ и пособій отъ правительства, на собственный счетъ [1]), а отчасти изъ числа обезпечившихся надѣлами, на которые могли прямо пріѣхать, но почему-либо не воспользовавшихся ими и осѣвшихъ временно въ другихъ мѣстахъ и только спустя нѣкоторое время водворившихся на теперешнихъ участкахъ. Время, въ теченіе котораго такого рода семьи проживали въ разныхъ пунктахъ раньше окончательнаго водворенія на послѣднихъ мѣстахъ, колеблется отъ 1 до 10 и болѣе лѣтъ. На временныхъ остановкахъ занятія этой группы переселенцевъ были самыя разнообразныя, начиная съ работы по найму въ сельскихъ хозяйствахъ, въ городахъ, на желѣзной дорогѣ и т. п., и кончая веденіемъ собственнаго хозяйства на арендованныхъ заимкахъ, на казачьихъ земляхъ, въ старожильческихъ селеніяхъ и т. д. Средства всѣхъ этихъ семей, привезенныя ими на участки и бывшія при приступѣ тамъ къ хозяйству, благодаря добавочнымъ заработкамъ или, напротивъ, излишне прожитымъ на остановкахъ деньгамъ, естественно, разнились отъ тѣхъ, которыя могли быть у нихъ, если бы онѣ прибыли на участки прямо съ родины. Денегъ, скота и инвентаря могло быть привезено больше или меньше, по сравненію съ взятыми съ родины—минусъ путевые расходы по прямому переѣзду на участки. По изслѣдованію, размѣры этихъ средствъ отдѣльно не учтены; привезенное имущество и деньги сосчитаны нераздѣльно для всей массы переселенцевъ.

Общая сумма денегъ и стоимости имущества, привезенныхъ всѣми переселенцами на участки, и стоимости непроданной земли опредѣлилась въ 5.585.163 руб., которые образовались такимъ образомъ.

На родинѣ при ликвидаціи хозяйства и реализаціи имущества

---

[1]) Этой группѣ неприписныхъ переселенцевъ земельные надѣлы отводятся по мѣрѣ возможности изъ свободныхъ долей въ мѣстахъ пребыванія или въ другихъ поселкахъ; отчасти же они сами приписываются къ старожильческимъ поселкамъ по пріемнымъ приговорамъ и тамъ получаютъ землю.

передъ выѣздомъ въ Сибирь 21.800 хозяйствами выручено за проданныя земли около 2.400.000 р.; за постройки, скотъ и мертвый инвентарь 6.397.401 руб., да оставалось непроданной земли приблизительно на 998.663 р. и взятаго въ Сибирь скота и мертваго инвентаря, по сибирской оцѣнкѣ, на 2.123.206 р. Весь валовой капиталъ, не считая, однако, сбереженій наличными деньгами, составлялъ, такимъ образомъ, 9.519.270 руб. За расходами на уплату долговъ, недоимокъ и другія надобности у переселенцевъ оставалось къ моменту выѣзда съ родины чистыми деньгами, считая въ томъ числѣ и сбереженія, а также стоимость непроданной земли, скота и мертваго инвентаря,—на сумму 8.650.012 руб.

При водвореніи и началѣ хозяйства на отведенныхъ надѣлахъ въ Сибири наличныхъ денегъ у 27.569 семей оказалось 2.463.294 р. и, кромѣ того, привезено было скота и хозяйственнаго инвентаря, главнымъ образомъ, взятаго съ родины, отчасти же несомнѣнно пріобрѣтеннаго во время переѣзда и проживанія въ разныхъ мѣстахъ,—на 2.123.206 р.; всего—4.586.500 р. и оставалось за непроданную на родинѣ землю 998.663 р., вообще же весь капиталъ составилъ, какъ сказано выше, 5.585.163 р.

Средніе на хозяйство выводы изъ указанныхъ цифръ составляютъ:

Валовой капиталъ на родинѣ	437 р.
Чистый „ „ „	397 „
Тоже, за исключеніемъ стоимости земли	241 „
Капиталъ при водвореніи и началѣ хозяйства . . .	203 „
Тоже, за исключеніемъ стоимости земли	79 „

Изъ сравненія чистаго капитала на родинѣ и при водвореніи и началѣ хозяйства въ Сибири явствуетъ, что потери переселенцевъ отъ перенесенія своего хозяйства съ родины въ Сибирь составили (8.650.012 р. — 5.585.163 р. —) 13.064.849 р. или 35%.

Чистый капиталъ, бывшій у средней переселенческой семьи при водвореніи и началѣ хозяйства въ Сибири (203 р.), распадается на слѣдующія составныя части:

Наличныхъ денегъ	90 р.
Стоимость привезеннаго инвентаря . .	77 „
Оставалось за непроданную на родинѣ землю	36 „

На рукахъ, въ наличности у переселенецъ при водвореніи и началѣ хозяйства имѣлось, такимъ образомъ, всего капитала — 167 руб. Къ этой суммѣ слѣдуетъ прибавить выданную правительствомъ домообзаводственную сумму, которой въ среднемъ на хозяйство пришлось 96 руб. Вмѣстѣ съ нею было денегъ 186 руб. и инвентаря на 77 руб., а всего на 263 руб. Инвентарь состоялъ изъ

скота,—лошадей, воловъ и коровъ, — по 1,6 шт. и плуговъ, сохъ, сѣялокъ, уборочныхъ машинъ и телѣгъ,—въ общемъ по 1 шт. на хозяйство. При такомъ оборотномъ капиталѣ начали переселенцы свое хозяйство въ Сибири. Онъ былъ равенъ тому, какимъ они располагали на родинѣ (241 руб.), но въ Сибири этотъ капиталъ оказалось возможнымъ приложить къ несравненно большей земельной площади, и это повело къ огромной разницѣ въ результатахъ хозяйствованія.

Надѣлъ переселенцамъ отводился въ Сибири по 15 дес. удобной земли на наличную мужскую душу. Въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по особо выгоднымъ условіямъ переселенческихъ участковъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ эта норма понижалась до 14—10 и даже до 8 дес. Благодаря этому, въ дѣйствительности размѣръ надѣла получился:

Въ полосахъ.	На надѣльную душу (долю).	По расчету на среднее хозяйство по переписи 1911—1912 г.г.
I	14,5 дес.	35,3 дес.
II	14,9 „	39,9 „
III	15,0 „	40,0 „
IV	15,0 „	37,5 „
Вообще	14,9 „ [1]	38,3 „

Эти размѣры въ девять разъ превышаютъ размѣры землевладѣнія на родинѣ.

Въ какой мѣрѣ это обстоятельство, даже при указанномъ сравнительно маломъ оборотномъ капиталѣ, отразилось на хозяйствѣ переселенцевъ и общемъ ихъ экономическомъ положеніи, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, характеризующихъ эволюцію этого хозяйства.

Первый годъ хозяйствованія переселенцевъ на участкахъ является наиболѣе труднымъ. Въ одно и то же время нужно торопиться построить хотя бы временныя жилища и хлѣвы для скота, сдѣлать распашку хотя бы подъ нѣсколько грядокъ огорода и на 2—3 пуда посѣва, отыскать сѣнокосныя мѣста и сдѣлать хоть малую заготовку корма для скота на зиму, заготовить топлива и т. п. Словомъ, нужно «десять дѣлъ кончать». Въ лѣсныхъ полосахъ, особенно въ глухой тайгѣ, заготовка пашни мѣстами осложняется еще недостаткомъ и даже полнымъ отсутствіемъ открытыхъ полянъ, вслѣдствіе чего приходится съ перваго же шага дѣлать расчистки изъ-подъ лѣса и для посадки овощей, и для посѣва хлѣба.

Эти особенности момента и условія мѣстностей прямо отра-

1) Кромѣ того, въ чертѣ надѣла находилась неудобная земля, которой, въ среднемъ, во всѣхъ полосахъ имѣется по 3,2 дес. на надѣльную душу.

жаются на величинѣ хозяйственныхъ заимокъ перваго года. Вотъ относящіяся сюда цифры. Въ первый годъ хозяйствованія среднимъ хозяйствомъ распахано и обращено подъ сѣнокосъ:

Въ	I полосѣ	2,8
„	II „	2,2
„	III „	1,9
„	IV „	0,7

Въ степныхъ полосахъ (I и II), при безпрепятственности распашки открытыхъ площадей, переселенцы въ первый же годъ успѣли обработать въ среднемъ хозяйствѣ приблизительно такую же по размѣрамъ площадь, на какой хозяйничали на родинѣ; въ лѣсныхъ же районахъ, при существованіи указанныхъ природныхъ препятствій, мѣшающихъ сразу приступить къ распашкѣ и сѣнокосу, размѣры первогоднихъ заимокъ замѣтно ниже бывшихъ на родинѣ, и притомъ тѣмъ меньше, чѣмъ глуше мѣстность и чѣмъ, поэтому, труднѣе вести въ ней хозяйство.

Съ теченіемъ времени, однако, новоселы постепенно расширяли свое хозяйство и чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ хозяйство становилось крупнѣе. Изслѣдованіе дѣлитъ общую массу переселенческихъ дворовъ на пять возрастныхъ группъ приписныхъ, т. е. получившихъ надѣлъ, и на неприписныхъ, пока не имѣющихъ по указаннымъ причинамъ надѣльной земли и живущихъ въ поселкахъ по паспортамъ. Приводимыя ниже цифры этихъ группъ представляютъ ясную картину сказаннаго развитія хозяйства въ каждой отдѣльной полосѣ.

Группы хозяйствъ, существующихъ на участкахъ:	Въ 1911—1912 г.г. приходилось въ среднемъ на хозяйство десятинъ, въ полосахъ:							
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
	Посѣва.				Посѣва и сѣнокоса.			
I. Менѣе 3 лѣтъ . .	4,4	3,5	2,2	1,4	12,4	7,6	6,9	4,1
II. 3 года	7,3	4,9	3,0	1,8	17,8	10,3	8,0	4,9
III. 4—7 лѣтъ	8,7	5,6	3,8	2,3	19,8	10,5	8,6	5,7
IV. 8—18 „	9,8	8,5	5,9	3,2	17,3	15,5	12,1	9,4
V. 19 и болѣе . . .	8,0	7,7	3,9	1,5	18,3	11,9	13,3	7,1
Неприписныхъ . . .	2,6	2,0	0,4	0,3	5,1	3,6	1,0	1,2

По даннымъ изслѣдованія, расширеніе переселенческаго хозяйства даже въ наиболѣе старыхъ группахъ еще продолжается [1]) и можетъ достигнуть конечнаго предѣла развитія приблизительно въ 25-лѣтній періодъ времени.

Изъ приведенной таблицы можно усмотрѣть, что въ большинствѣ мѣстностей Сибири и въ Степномъ краѣ переселенцы уже черезъ два года успѣваютъ поставить свое хозяйство выше того уровня, на какомъ стояло оно у нихъ на родинѣ; черезъ три же года хозяйственное положеніе переселенцевъ является вполнѣ обезпеченнымъ при наличности въ среднемъ дворѣ 8—18 дес. посѣва и сѣнокоса. Исключеніе составляетъ урманотаежная полоса, въ которой, вслѣдствіе извѣстныхъ трудностей обработки почвы, хозяйство развивается медленнѣе и обезпеченное положеніе его достигается чрезъ болѣе продолжительный срокъ въ 7—8 и до 10 лѣтъ.

На-ряду съ постепеннымъ расширеніемъ обрабатываемой площади увеличивалось въ хозяйствахъ переселенцевъ и количество скота и рабочаго инвентаря. Если сохранить то, что было у новоселовъ при водвореніи и началѣ хозяйства съ тѣмъ, что оказалось у нихъ по переписи 1911—1912 г.г., то получатся слѣдующія отношенія:

	Въ среднемъ на хозяйство:		% увеличенія въ среднемъ хозяйствѣ.
	Было при водвореніи и началѣ хозяйства.	Оказалось при переписи 1911—1912 г.	
1. Головъ скота	1,5	13,0	767
2. Мертваго инвентаря, кромѣ сѣялокъ и уборочныхъ машинъ .	0,9	5,0	456
3. Сѣялокъ и уборочныхъ машинъ . . .	0,1	0,4	300

Самыя молодыя хозяйства, существующія менѣе 3 лѣтъ, естественно, еще не успѣли достаточно упрочиться. Къ той же категоріи относятся и неприписныя, большинство которыхъ принадлежитъ къ молодымъ хозяйствамъ, а кромѣ того, всѣ они временно встрѣчаютъ препятствія къ быстрому расширенію и къ прочному устройству со стороны неимѣнія пока надѣльной земли.

Чтобы сдѣлать болѣе правильное сравненіе положенія пере-

---

[1]) Меньшія площади въ хозяйствахъ V группы по сравненію съ площадями хозяйствъ IV группы объясняются малымъ числомъ обслѣдованныхъ хозяйствъ V группы (всего 3,8% общаго числа хозяйствъ).

селенческаго хозяйства въ принятые три момента: на родинѣ, при водвореніи и началѣ хозяйства и въ моментъ переписи 1911—1912 г.г., необходимо означенныя двѣ группы хозяйствъ исключить и привести сравненіе относительно хозяйствъ, просуществовавшихъ на участкахъ не менѣе трехъ лѣтъ,—а въ среднемъ 11 лѣтъ,—какъ уже болѣе или менѣе окрѣпшихъ и въ этомъ отношеніи болѣе приближающихся къ имѣвшимъ вполнѣ опредѣлившееся и устойчивое положеніе хозяйствамъ на родинѣ. Въ такомъ случаѣ сравненіе выразится въ слѣдующихъ цифрахъ, касающихся обрабатываемой площади посѣва и сѣнокоса и размѣра капиталовъ въ хозяйствахъ переселенцевъ въ указанные три момента.

ПОЛОСЫ.	Въ среднемъ на хозяйство:							
	Общее количество десятинъ обрабатываемой земли.			Десятинъ посѣва.		Десятинъ посѣва и сѣнокоса.		
	На родинѣ.	Въ Сибири.		На родинѣ.	Въ Сибири въ 1911—1912 г.	На родинѣ.	Въ Сибири.	
		Въ 1 годъ.	Въ 1911—1912 г.				Въ 1 годъ.	Въ 1911—1912 г.
I	3,7	6,8	21,2	2,6	8,8	2,9	6,8	18,4
II	4,0	6,1	18,8	2,7	6,8	3,0	6,1	12,5
III	4,1	5,1	12,5	2,3	4,3	3,2	5,1	9,5
IV	4,2	1,6	9,4	2,0	2,6	3,1	1,6	7,0
Вообще	4,0	5,3	16,2	2,4	6,0	3,0	5,3	12,5

Здѣсь особенно рельефно выступаетъ разница въ положеніи переселенческаго хозяйства въ разные моменты. Самыми мелкими размѣрами отличалось это хозяйство на родинѣ; въ Сибири эти размѣры повсемѣстно, кромѣ таежной полосы, были превзойдены даже въ первый годъ хозяйствованія, а по истеченіи 11 лѣтъ сибирское хозяйство расширилось противъ бывшаго на родинѣ въ 3 и 4 раза. Даже въ наименѣе благопріятныхъ для успѣшнаго веденія хозяйства мѣстностяхъ глухого урмана и тайги переселенцы

удвоили размѣръ хозяйственной площади по сравненію съ размѣрами ея въ мѣстахъ выхода.

Имущественное положеніе переселенцевъ въ тѣ же три момента находилось въ подобныхъ же отношеніяхъ, какъ это видно изъ данныхъ нижеприведенной таблицы о капиталахъ переселенцевъ, состоящихъ изъ стоимости построекъ, живого и мертваго инвентаря, а на родинѣ и при водвореніи и изъ денежныхъ сбереженій (при переписи 1911—1912 г.г. сумма наличныхъ денегъ не выяснялась). Образовавшійся изъ этихъ частей чистый капиталъ переселенцевъ составлялъ: на родинѣ 3.933,3 тыс. руб., при водвореніи и началѣ хозяйства 3.301,5 тыс. руб. и при переписи 1911—1912 г.г. 10.121,9 тыс. руб.

Общая сумма капитала при водвореніи и началѣ хозяйства въ Сибири уменьшилась противъ бывшей на родинѣ на 631,8 тыс. руб., или 16%; въ среднемъ на дворъ это составляетъ 78 руб. Хозяйствованіе въ Сибири, однако, оказалось настолько успѣшнымъ и выгоднымъ, что всѣ эти потери были покрыты съ большимъ избыткомъ. Чистый капиталъ переселенцевъ по даннымъ переписи 1911—1912 г.г. уже превышалъ бывшій на родинѣ на 8.368,5 тыс. руб., или на 213%, а противъ бывшаго при водвореніи и началѣ хозяйства увеличился еще болѣе—на 272%.

По разсчету на средній дворъ (при общихъ количествахъ хозяйствъ: на родинѣ 16.487, при водвореніи и началѣ хозяйства 20.456 и при переписи 21.752) размѣры чистаго капитала опредѣлились въ слѣдующихъ цифрахъ:

На родинѣ	239	р.	(при	колебаніяхъ	по	полосамъ	отъ	196	до	293	р.
При водвореніи . .	161	„	„	„	„	„	„	143	„	188	„
„ переписи . .	466	„	„	„	„	„	„	241	„	665	„

Новый, составившійся въ Сибири капиталъ средняго двора превышаетъ капиталы, бывшіе: на родинѣ—на 227 руб. или 95% и при водвореніи—на 305 руб. или 189%.

Эти проценты ниже выведенныхъ относительно общихъ суммъ капиталовъ, вслѣдствіе разницы въ числѣ дворовъ въ разные моменты. Но это лишь освѣщаетъ вопросъ съ другой стороны, не измѣняя его сущности. Несмотря на то, что численность населенія въ Сибири возрасла, общій уровень его матеріальнаго благосостоянія все-таки гораздо выше того, въ какомъ оно находилось на родинѣ: средній дворъ въ Сибири обезпеченъ почти вдвое болѣе наличнымъ капиталомъ, чѣмъ на родинѣ. И можно сказать, что если на родинѣ переселенцы были бѣдны, то въ Сибири они разбогатѣли. При этомъ общемъ выводѣ необходимо отмѣтить еще нѣкоторыя

частныя обстоятельства, проводящія рѣзкія черты на общемъ фонѣ экономической жизни переселенцевъ. На родинѣ среди переселенцевъ было большое число бездомовыхъ и безземельныхъ: первыхъ 15 хозяйствъ изъ сотни, а послѣднихъ даже 22 хозяйства. Въ Сибири бездомовыхъ (среди приписныхъ) только 3 хозяйства, да и то потому, что эти семьи еще не успѣли построиться, а безземелье и совершенно исчезло.

Затѣмъ большой интересъ представляетъ бюджетная сторона переселенческаго хозяйства. Въ этомъ отношеніи данныя изслѣдованія рисуютъ особенно любопытную картину. Данныя о размѣрахъ общихъ бюджетовъ, имущественнаго обезпеченія и пищевого потребленія средняго переселенческаго двора приводятся въ сопоставленіи съ соотвѣтствующими данными относительно крестьянскаго двора въ губерніяхъ Воронежской, Калужской и Олонецкой, по которымъ имѣется наиболѣе полно разработанный бюджетный матеріалъ, при чемъ первая губернія сопоставляется съ южными и степными мѣстностями Сибири и Степного края (I и II полосы), а двѣ послѣднія—съ лѣсными районами III и IV полосъ. Въ виду особой важности бюджетнаго вопроса, считаемъ необходимымъ привести здѣсь главные цифровые выводы по этому сопоставленію.

ХОЗЯЙСТВА:	Годовой бюджетъ въ руб. на душу.		Въ среднемъ имѣютъ на душу.			Пищевое потребленіе въ пудахъ на душу.				
			Штукъ.			Растит. продукт.		Животныхъ продуктовъ		
	Приходъ.	Расходъ.	Построекъ.	Скота.	Мертв. раб. инвентаря.	Хлѣба.	Всего.	Мяса.	Всего..	Вообще.
Переселенческія I и II полосъ	89	75	0,5	2,6	1,0	15,2	21,5	1,0	6,4	27,9
Воронежской г.	58	54	0,5	1,6	0,4	18,6	25,2	1,2	4,6	30,1
Переселенческія III и IV полосъ	76	65	0,6	2,2	0,9	13,1	27,7	1,1	9,5	37,2
Калужской губ.	54	58	0,6	2,1	0,8	13,8	27,2	1,2	5,7	32,9
Олонецкой „ . . .	125	118	—	1,9	—	20.9	28,8	1,0	15,0	43,8

По этимъ сравнительнымъ даннымъ капиталъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ въ Сибири, заключающійся въ постройкахъ, скотѣ и мертвомъ инвентарѣ и выведенный по расчету на душу средняго хозяйства, существующаго на участкахъ не менѣе трехъ лѣтъ, по количеству предметовъ значительно превышаетъ размѣры соотвѣтствующаго капитала крестьянъ Европейской Россіи въ сѣверной Олонецкой губерніи, центральной Калужской и южной Воронежской.

Размѣры годового бюджета переселенцевъ крупнѣе, чѣмъ они представлены въ бюджетахъ крестьянъ Воронежской и Калужской губерній, и уступаютъ лишь выдающимся по исключительной высотѣ размѣра прихода и расхода средняго крестьянскаго двора въ Олонецкой губерніи.

Питаніе переселенческаго населенія стоитъ въ общемъ выше продовольственнаго уровня крестьянъ въ тѣхъ же Воронежской и Калужской губерніяхъ (небольшое повышеніе потребленія растительной пищи по Воронежской губ. возмѣщается превышеніемъ потребленія въ переселенческихъ хозяйствахъ животной пищи). Что касается Олонецкой губерніи, то въ ней, вслѣдствіе большого количества содержимаго въ хозяйствахъ молочнаго скота, потребленіе молока выше, чѣмъ у переселенцевъ; въ отношеніи же всей прочей пищи размѣры потребленія олончанъ и переселенцевъ почти одинаковы.

Общій результатъ настоящаго сравненія можетъ быть разсматриваемъ какъ дополненіе къ прежнимъ выводамъ о положеніи переселенцевъ въ Сибири. Раньше установлено, что положеніе это и само по себѣ является удовлетворительнымъ и постоянно улучшается и, въ особенности,—несравненно лучше того, въ какомъ переселенцы находились на родинѣ. Разсмотрѣнныя бюджетныя данныя приводятъ къ заключенію, что экономическое положеніе переселенцевъ выдерживаетъ сравненіе и вообще съ положеніемъ крестьянъ въ разныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, и даже во многихъ отношеніяхъ благосостояніе сибирскихъ новоселовъ выше того, какимъ пользуются крестьяне въ разныхъ старыхъ, искони насиженныхъ мѣстахъ центральныхъ губерній. Сравнительно высокая степень благосостоянія переселенцевъ въ Сибири уже успѣла соотвѣтственно отразиться на величинѣ прироста населенія. Размѣръ этого прироста, относящійся къ общему числу душъ всѣхъ безъ исключенія переселенческихъ хозяйствъ, виденъ изъ слѣдующей таблички.

ПОЛОСЫ.	Число душъ въ обслѣдованныхъ поселкахъ.			Среднее число лѣтъ пребыванія переселенцевъ на участкахъ.	Средній ежегодный приростъ	
	Въ моментъ переписи 1911—1912 г.г.	При водвореніи и началѣ хозяйства.	Общій приростъ		Душъ.	$^0/_0$.
I	52.095	40.770	11.325	8,5	1.332	3,3
II	52.773	39.785	12.988	7	1.855	4,7
III	45.918	39.534	6.384	6	1.064	2,7
IV	27.718	24.456	3.262	7	466	1,9
Вообще	17.8504	144.545	33.959	7	4.717	3,3

Такимъ образомъ, при средней продолжительности пребыванія переселенцевъ на участкахъ въ 7 лѣтъ, средній ежегодный приростъ составляетъ 3,3%; общій же средній ежегодный приростъ населенія за послѣднія 14 лѣтъ, истекшія со времени переписи 1897 года, опредѣляется (въ 1911 году) въ 2,2%. По сравненію съ нимъ приростъ населенія въ переселенческихъ поселкахъ выше на 50%.

Приведенныхъ фактовъ достаточно для отвѣта на вопросы настоящей статьи. Не будемъ, поэтому, останавливаться на прочихъ матеріалахъ изслѣдованія и подведемъ итогъ сказанному.

Переселенцы, несомнѣнно, много выиграли отъ перенесенія своего хозяйства съ родины въ Сибирь. Огромная выгода ихъ заключается прежде всего въ расширеніи хозяйства, которое увеличилось противъ бывшаго на родинѣ въ четыре раза. Затѣмъ, отмѣчается значительный ростъ матеріальнаго благосостоянія пере-

селенцевъ. Переѣздъ въ Сибирь и водвореніе тамъ на надѣлахъ вызвали расходъ, повлекшій сокращеніе капитала переселенцевъ на 78 руб. съ каждаго двора. Потеря эта, однако, восполнена доходами отъ сибирскаго хозяйства. Капиталъ переселенцевъ, образуемый стоимостью построекъ и живого и мертваго инвентаря, въ Сибири почти удвоился, по сравненію съ имѣвшимся на родинѣ. Всѣ эти благопріятные результаты, отразившіеся весьма благотворно на приростѣ населенія, получились въ періодъ еще далеко не законченнаго развитія переселенческаго хозяйства, и потому могутъ быть разсматриваемы какъ неполные. Въ будущемъ при достигнутомъ уже увеличеніи капитала и широкомъ земельномъ обезпеченіи предстоитъ дальнѣйшій прогрессъ, могущій поставить хозяйство и общее матеріальное благосостояніе переселенцевъ на еще болѣе высокій уровень.

В. Кузнецовъ.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Пятидесятилѣтіе судебной реформы.—Неумѣстная партійность.—Опасныя „разслѣдованія".—Замѣчательное письмо.—Милитаризмъ и культура.

Въ текущемъ мѣсяцѣ исполняется пятидесятилѣтіе со времени изданія судебныхъ уставовъ императора Александра II-го. Въ другую минуту этотъ юбилей привлекъ бы къ себѣ всеобщее вниманіе; при громѣ войны онъ можетъ пройти едва замѣченнымъ. Живи мы теперь при такихъ же условіяхъ, какъ въ недавніе дни чествованія пятидесятилѣтія земскихъ учрежденій, юбилейное настроеніе, среди прогрессивныхъ круговъ русскаго общества, оказалось бы скорѣе угнетеннымъ, чѣмъ приподнятымъ. Теперь настоящее оставляетъ мало мѣста для оглядокъ на прошлое,—а въ будущее, какъ бы оно ни было омрачено страданіями, неразрывно связанными съ войною, открываются просвѣты, о которыхъ еще недавно нельзя было и мечтать. И такъ какъ въ критическій моментъ все сводится къ одному центру, къ одной, всюду проникающей и все окрашивающей идеѣ, судебные уставы

видятся намъ сквозь призму войны, съ которою совпала ихъ годовщина.

Въ циклѣ преобразованій первой половины шестидесятыхъ годовъ реформы судебная и земская были неразрывно связаны съ крестьянскою, какъ ея необходимое продолженіе и дополненіе. Только засѣдая, рядомъ съ своимъ бывшимъ помѣщикомъ, въ земскомъ собраніи или на скамьѣ присяжныхъ, освобожденный крестьянинъ могъ чувствовать себя хоть иногда, хоть на минуту, гражданиномъ государства, давшаго ему свободу. Много ему приходилось переживать впечатлѣній прямо противоположныхъ—и чѣмъ дальше, тѣмъ, къ несчастію, ихъ было больше, тѣмъ интенсивнѣе становилась ихъ горечь; но въ сознаніе все же проникали слабые лучи новаго свѣта. Изолированная не только отъ общихъ, но и отъ мировыхъ судебныхъ установленій, волостная юстиція стояла стѣною между судомъ, заслуживающимъ этого имени, и широкой народной массой. И все-таки до этой массы доходила вѣсть, что гласные-крестьяне участвуютъ, вмѣстѣ съ «господами», въ выборѣ мировыхъ судей. Въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда крестьянинъ становился тяжущимся, подсудимымъ или свидѣтелемъ въ мировомъ судѣ, для него благою вѣстью звучало обращеніе на *вы*, сглаживавшее разницу между «бариномъ» и «мужикомъ». Въ семидесятыхъ годахъ явилась еще одна точка соприкосновенія между ними: всеобщая воинская повинность ввела привилегированную молодежь въ составъ нижнихъ чиновъ, и если здѣсь и осталось обращеніе на *ты*, то оно потеряло свой прежній характеръ, потому что было одинаково для всѣхъ. Громаднымъ шагомъ назадъ, съ этой точки зрѣнія, какъ и со всѣхъ другихъ, было введеніе института земскихъ начальниковъ; но крестьянство было тогда уже не такимъ, какъ четвертью вѣка раньше. Уже во время турецкой войны семидесятыхъ годовъ нашъ солдатъ не во всемъ былъ похожъ на своего предшественника севастопольской эпохи; сохранивъ его достоинства, онъ присоединилъ къ нимъ другія, тогда бывшія еще въ зачаткѣ, но много обѣщавшія въ будущемъ. Недостаточно развившіяся ко времени японской кампаніи, особыя условія которой не могли, притомъ, не отразиться на духѣ арміи, эти свойства достигли расцвѣта теперь, когда для всѣхъ понятна причина и всѣмъ сочувственна цѣль войны. Безъ преувеличенія, безъ натяжки можно сказать, что въ созданіи современнаго нашего войска не меньшую роль, чѣмъ военная техника и военная подготовка, сыграли «великія реформы», преобразившія Россію и сдѣлавшія возможнымъ обновленіе ея государственнаго строя. Крестьянинъ-присяжный, какъ и крестьянинъ-земскій гласный—прямой предшественникъ крестьянина-избирателя Государственной Думы. Какія бы тяжелыя минуты ни пришлось еще переживать

Россіи, 20-го ноября ей можно будетъ вспомнить съ благодарностью о томъ, чѣмъ ознаменованъ былъ этотъ день полвѣка тому назадъ.

Еще недавно предрѣшеннымъ, близкимъ казалось уничтоженіе той черты, которую провели судебные уставы между судами общими для всѣхъ сословій и судами спеціально крестьянскими. Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ освобожденія крестьянъ, эта черта могла считаться необходимой. За предоставленіе всей массы мелкихъ крестьянскихъ дѣлъ крестьянскому же суду, не стѣсненному ни процессуальными формальностями, ни писаннымъ матеріальнымъ правомъ, говорило и самое множество этихъ дѣлъ, и ихъ малоцѣнность, смѣшиваемая съ маловажностью, и недостатокъ интеллигентныхъ силъ, и опасеніе крѣпостныхъ воздѣйствій и вліяній. Съ каждымъ годомъ наиболѣе важныя изъ числа этихъ соображеній слабѣли или отпадали, но въ оффиціальныхъ сферахъ все больше и больше торжествовалъ принципъ крестьянской замкнутости, обособленности, изъ котораго логически вытекало сохраненіе особаго крестьянскаго суда. Достигнувъ своего кульминаціоннаго пункта въ началѣ XX-го вѣка, когда совѣщаніе, руководимое В. К. Плеве, трудилось надъ сооруженіемъ вокругъ крестьянства (слегка разбавленнаго другими непривилегированными сельскими обывателями) несокрушимой китайской стѣны, этотъ принципъ былъ поколебленъ указомъ 12-го декабря 1904-го года. Законопроектъ о мѣстномъ судѣ, въ своемъ первоначальномъ видѣ, обѣщалъ крестьянству дѣйствительное равенство передъ судомъ. Обѣщаніе это не исполнено: противодѣйствіе большинства верхней палаты, уступчивость министерства и большинства третьей Думы продолжили на неопредѣленное время давно ставшее анахронизмомъ существованіе сословнаго крестьянскаго суда. Неисправленнымъ, такимъ образомъ, остается существенно важный недостатокъ судебныхъ уставовъ, когда-то, быть можетъ, неизбѣжный, но теперь потерявшій всякое оправданіе. Народная масса, выносящая на себѣ главную тяжесть войны, перерасла судебныя учрежденія низшаго типа. Чтобы придвинуть къ ней судъ, чтобы сдѣлать его легко для нея доступнымъ, нѣтъ надобности сохранять за нимъ сословный характеръ. Въ судѣ, общемъ для всѣхъ, вполнѣ возможно и примѣненіе обычая, на сколько уцѣлѣвшія его нормы соотвѣтствуютъ условіямъ и требованіямъ современнаго народнаго быта.

Отъ вопроса о судѣ по мелкимъ дѣламъ мысль невольно переходитъ къ вопросу о мелкой земской единицѣ. Относясь, повидимому къ совершенно различнымъ сферамъ народной жизни, они на самомъ дѣлѣ соединены между собою глубокою внутреннею связью. Недаромъ они были одновременно поставлены на очередь указомъ 12-го декабря, недаромъ разрѣшенію ихъ были противопоставлены, съ

одной и той же стороны, однородныя препятствія. Съ точки зрѣнія нешироких, но вліятельныхъ круговъ нашего общества крестьянство все еще представляется безформенной массой, объектомъ управленія и опеки, предметомъ недовѣрія и подозрѣній. Нельзя,—такъ учитъ традиція,—соединиться съ нимъ, какъ съ равнымъ, въ одномъ общемъ дѣлѣ; нельзя подчиняться суду, годному только для него, нельзя работать съ нимъ на мѣстахъ, опредѣляя сообща, на что, какъ и кѣмъ должны быть расходуемы для всѣхъ обязательные сборы. Пока не только существуетъ, но и господствуетъ такой взглядъ, до тѣхъ поръ немыслимо истинное обновленіе народной жизни. Мы надѣемся и вѣримъ, что онъ будетъ опровергнутъ войною, что противъ ея уроковъ не устоятъ тщательно поддерживаемыя, но безнадежно расшатанныя перегородки.

Вездѣ ли соблюдается лозунгъ, съ кажущимся единодушіемъ провозглашенный въ первые дни войны? Всѣми ли забыты, на время, партійныя разногласія или, по меньшей мѣрѣ, отложены въ сторону партійные счеты? Съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе очевидной невозможность безусловно утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Возьмемъ, для примѣра, одинъ фактъ, далеко не первостепенной важности, но очень характерный. Послѣ двухлѣтняго безголовья, послѣ троекратнаго неутвержденія городскимъ головою избраннаго думою кандидата, Москва получила возможность вновь возвысить свой голосъ. Выборъ думы остановился на М. В. Челноковѣ. Можно было ожидать, что меньшинство, сознавая всю ненормальность создавшагося положенія—ненормальность, особенно бросающуюся въ глаза именно въ нынѣшнее тяжелое время,—помирится съ своей неудачей или, по меньшей мѣрѣ, не пойдетъ прямо въ разрѣзъ съ рѣшеніемъ думы. Случилось, однако, не такъ: двумя гласными (одинъ изъ нихъ—небезызвѣстный гражданскій истецъ по дѣлу Бейлиса, г. Шмаковъ) принесена жалоба на избраніе М. В. Челнокова, мотивированная, между прочимъ, незначительностью полученнаго имъ большинства (79 голосовъ противъ 67). Въ настоящее время, по мнѣнію жалобщиковъ, столичный городской голова «долженъ являться способнымъ объединять населеніе города во имя любви къ родинѣ». Но гдѣ же основаніе считать болѣе къ тому способнымъ лицо, никѣмъ въ городскіе головы не выбранное? Кому пришлось бы исполнять обязанности головы, въ случаѣ неутвержденія М. В. Челнокова? Или товарищу городского головы, уже два года фактически стоящему во главѣ городского общественнаго управленія, но кандидатомъ на званіе головы не выступавшему и, слѣдовательно, никѣмъ къ дѣлу объединенія не

призванному—или лицу, которое было бы назначено головою, помимо желанія и воли городского населенія. Можно ли, затѣмъ, вѣрить въ серьезность основного мотива, приведеннаго жалобщиками? Не ясно ли, что противодѣйствіе М. В. Челнокову исходитъ изъ соображеній партійнаго характера? Всякое сомнѣніе по этому предмету устраняется дальнѣйшимъ указаніемъ жалобы: М. В. Челноковъ принадлежитъ къ нелегализованной конституціонно-демократической партіи и, слѣдовательно, согласно неоднократнымъ циркулярамъ министерства внутреннихъ дѣлъ не можетъ быть городскимъ головою. Какова бы ни была законная цѣнность этого указанія, понятнымъ и допустимымъ оно было бы только въ устахъ блюстителя неприкосновенности административныхъ распоряженій. Не дѣло избранниковъ городского населенія наводить справки о партійной окраскѣ своего товарища и сообщать ихъ кому слѣдуетъ, для надлежащихъ мѣропріятій. Особенно страннымъ подобное вторженіе въ чужую область представляется именно теперь, когда члены всѣхъ партій работаютъ надъ однимъ общимъ дѣломъ, стремятся къ одной общей цѣли. Г.г. Шмакову и Воскресенскому не мѣшало бы взять примѣръ хотя бы съ г. Пуришкевича, котораго опытъ войны научилъ говорить съ уваженіемъ о представителяхъ лѣвыхъ партій, о полякахъ и даже о столь ненавистныхъ ему еще недавно евреяхъ...

Если съ трудомъ поддается перемѣнѣ привычный взглядъ на партійныхъ противниковъ, то еще меньше можно ожидать коренного поворота въ отношеніи къ «инородцамъ». Старинная непріязнь таится подъ пепломъ и ежеминутно можетъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ. А между тѣмъ, именно теперь сдержанность въ этой сферѣ особенно необходима, какъ потому, что болѣе, чѣмъ когда-либо, цѣнно сохраненіе внутренняго мира, такъ и потому, что больше чѣмъ когда-либо опасно сѣять, въ нервно настроенной средѣ, подозрѣнія и тревогу. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ прибалтійскомъ краѣ многое обстоитъ неладно, что нѣмецкое населеніе играетъ въ немъ роль, не соотвѣтствующую ни его численности, ни его политическому развитію; но если отсюда проистекаетъ необходимость или даже неотложность коренныхъ реформъ, то не теперь же, въ военное время, онѣ могутъ быть предприняты и не съ предвзятой, слѣпой враждебностью должны быть проведены. Такія «разслѣдованія», какими занимается въ настоящее время часть нашей печати—та именно часть, которая еще недавно меньше всего расположена была къ поддержкѣ правъ и интересовъ эстонско-латышской массы,—слишкомъ легко пріобрѣтаютъ характеръ, мало свойственный и мало приличествующій литературѣ. На сцену выдвигаются такія данныя (т. е. будто бы данныя), отъ которыхъ только одинъ шагъ до обвиненія въ шпіонствѣ; а чѣмъ

грозитъ такое обвиненіе въ военное время, какъ легко оно можетъ быть подхвачено толпою или стать первымъ звеномъ въ цѣпи, заключительное звено которой заранѣе предугадать нельзя—это не требуетъ поясненія. Корреспондентъ газеты, мѣняющей объекты своей травли, но всегда окрашивающей ее въ одинъ и тотъ же націоналистическій цвѣтъ, увѣряетъ, напримѣръ, что на вершинѣ одной изъ рижскихъ лютеранскихъ церквей и на другихъ зданіяхъ съ «готическими оконечностями» появляются ночью «сигнальные огни», что въ рижскихъ городскихъ лѣсахъ прорублены просѣки для болѣе удобнаго передвиженія непріятельскихъ войскъ, устроены вышки для передачи свѣдѣній врагу. Какъ бы категорически ни опровергались нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній, какъ бы просто и успокоительно ни объяснялись другія [1]), они оставляютъ извѣстный осадокъ подозрительности и страха, изъ котораго могутъ родиться весьма нежелательныя послѣдствія. Имъ вѣрятъ, ихъ повторяютъ—можетъ быть, съ обычными преувеличеніями,—и атмосфера, безъ того наполненная электричествомъ, ежеминутно можетъ стать грозовою. Что значитъ слово *шпіонство*, произнесенное при извѣстной обстановкѣ, что значитъ даже не совсѣмъ ясный намекъ въ этомъ направленіи, — это знаетъ всякій. И въ особенности велика опасность тамъ, гдѣ въ теченіе многихъ десятилѣтій накоплялось взаимное недовѣріе, зрѣла взаимная вражда. Въ остзейскомъ краѣ матеріаловъ для взрыва болѣе чѣмъ достаточно: увеличивать ихъ количество было бы непростительно даже для «святой простоты»—а не она, конечно, составляетъ отличительную черту «благонамѣренныхъ» изысканій.

Сквозь покрывало, наброшенное на русскую печать военною цензурой, многое не видно вовсе, многое скорѣе угадывается, чѣмъ видится, многое вырисовывается только въ смутныхъ, неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что много дѣлается для населенія, пострадавшаго отъ войны, и правительствомъ и крупными организаціями, въ родѣ союзовъ общеземскаго и общегородского, и обществами, и частными лицами; но какъ устроена помощь на мѣстахъ, какъ она распредѣляется между различными группами населенія, какъ обходятся при этомъ разные подводные камни, созданные многолѣтними недоразумѣніями или традиціонною національною враждою—объ этомъ слышно очень мало. На одну сторону этого вопроса бросаетъ нѣкоторый свѣтъ замѣтка кн. Е. Н. Трубецкого: «Къ постановленію варшавскаго обывательскаго комитета», появившаяся на дняхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 241). Варшавскій обывательскій

[1]) См. Письмо изъ прибалтійскаго края въ № 242 „Русскихъ Вѣдомостей".

комитетъ, оказывающій помощь пострадавшему отъ войны населенію Царства Польскаго, «исходя изъ принциповъ гуманности и справедливости, безъ различія вѣроисповѣданій и національностей», постановилъ пригласить въ свой составъ представителя еврейской общины г. Берисона. «Крупное событіе—говоритъ по этому поводу кн. Трубецкой,—совершается на нашихъ глазахъ: духовные барьеры рушатся, общее страданіе, общая нужда и опасность сближаютъ народы, и въ русско-польскомъ примиреніи находитъ себѣ мѣсто и третій народъ—народъ еврейскій». Мы вполнѣ понимаемъ и раздѣляемъ чувство, которымъ проникнуты слова кн. Трубецкого; но невольно возникаетъ вопросъ, неужели до постановленія комитета дѣло помощи въ Варшавѣ и въ другихъ пострадавшихъ мѣстностяхъ Царства Польскаго велось безъ всякаго общенія между національностями, населяющими Царство? Неужели *обывательскій* комитетъ въ городѣ, цѣлая треть жителей котораго—евреи, могъ начать свою дѣятельность безъ участія ихъ представителей и считать привлеченіе въ свою среду *одного* еврея настолько яркимъ доказательствомъ гуманности и справедливости, чтобы торжественно оповѣстить о томъ urbi et orbi? Конечно, каждая народность, живущая въ Варшавѣ, многое предпринимаетъ спеціально для своихъ членовъ и распоряжается такими предпріятіями самостоятельно, никого со стороны къ участію въ нихъ не привлекая; но вѣдь въ обывательскій комитетъ стекаются, безъ сомнѣнія, средства изъ самыхъ различныхъ источниковъ—средства, значительная часть которыхъ предназначена жертвователями для *всѣхъ* пострадавшихъ, независимо отъ ихъ религіи и національности. Постановленіе варшавскаго комитета мы можемъ разсматривать, поэтому, лишь какъ первый шагъ къ осуществленію высокихъ началъ гуманности и справедливости. Крушеніе «духовныхъ барьеровъ» началось, мы этому вѣримъ; но чтобы честь участія въ великомъ дѣлѣ могла быть упрочена за варшавскими поляками, недостаточно сдѣланнаго до сихъ поръ варшавскимъ комитетомъ.

Вездѣ, гдѣ происходили военныя дѣйствія, вездѣ, гдѣ одна ихъ близость нарушила правильный ходъ народной жизни, евреямъ приходится терпѣть еще больше, чѣмъ другимъ элементамъ населенія. Поразительную, съ этой точки зрѣнія, картину даетъ письмо еврея, напечатанное на дняхъ—mirabile dictu!—въ «Новомъ Времени» (№13863). «Я вижу»—читаемъ мы здѣсь,—«женщину, мужъ которой ушелъ на войну и которая, не имѣя средствъ къ существованію, не можетъ, однако, воспользоваться предлагаемымъ ей родными пріютомъ, потому только, что родные эти живутъ въ городѣ, гдѣ она не имѣетъ права жительства. Я вижу мальчика-гимназиста, родной городъ котораго въ рукахъ нѣмцевъ; мальчика готовы пріютить родные, живущіе въ

Петроградѣ, и мѣстная гимназія готова его принять, но все это неосуществимо, такъ какъ онъ не имѣетъ въ Петроградѣ права жительства. Я вижу сотни молодыхъ людей, которымъ русскіе университеты закрыли двери, какъ евреямъ, а нѣмецкіе изгнали, какъ русскихъ. Я слышу сегодня, что непримѣнявшееся въ теченіе двадцати лѣтъ правило о необходимости указанія во всѣхъ еврейскихъ паспортахъ примѣтъ владѣльца паспорта начинаетъ впервые примѣняться теперь, и въ послѣдніе дни нѣсколько лицъ, обладающихъ безспорнымъ правомъ жительства въ столицѣ, но прибывшихъ сюда съ паспортами безъ примѣтъ, были выселены съ проходными свидѣтельствами... Въ недоумѣніи стою я передъ этими противорѣчіями жизни и спрашиваю себя: кому все это нужно? Въ чьихъ интересахъ и ради какой справедливости на плечи населенія возлагается въ это ужасное время такая тягота? Неужели никто не задумывается надъ тѣмъ, какая трагедія создается въ душѣ каждаго еврея условіями, въ которыхъ онъ долженъ жить въ это тяжелое время»?.. Дополненіемъ къ этому по истинѣ потрясающему письму можетъ служить статья кн. Павла Дмитріевича Долгорукова: «Война и положеніе евреевъ», напечатанная въ № 242 «Русскихъ Вѣдомостей». «Много тысячъ раненыхъ евреевъ—говоритъ почтенный авторъ,—разсѣяно теперь по всей Россіи, въ томъ числѣ и внѣ черты. Ихъ родственники не могутъ быть при нихъ или пріѣхать къ нимъ даже на короткое время. А если еврей-солдатъ умретъ, его близкіе бываютъ лишены возможности отдать ему послѣдній долгъ или должны для этого нарушить законъ, проживать тайно, безъ прописки»... «Нужно ли все это»—спрашиваетъ кн. Долгоруковъ,—«для великой Россіи, призванной теперь освободить племена и народности отъ иноземнаго гнета? Полная отмѣна національныхъ ограниченій должна пройти чрезъ законодательныя учрежденія, но смягченіе ихъ въ теченіе военнаго времени было бы возможно и теперь». Мы едвали ошибемся, если скажемъ, что эта мысль носится въ воздухѣ, проникаетъ даже туда, гдѣ еще недавно для нея не было мѣста. Война, освободительная по своему духу и своимъ цѣлямъ, не можетъ не стать освободительной и внутри государства.

Въ Москвѣ происходило на дняхъ общее собраніе членовъ Общества Мира. На его обсужденіе внесена была кн. П. Д. Долгоруковымъ резолюція слѣдующаго содержанія: «Германскій милитаризмъ въ интересахъ права и мира долженъ быть сокрушенъ окончательно. Россія, втянутая въ войну, ведетъ ее противъ германскаго милитаризма, но не противъ германской народной культуры». Нѣкоторые ораторы указывали, что борьба ведется теперь не только противъ гер-

манскаго милитаризма, но и противъ нѣмецкой внутренной культуры послѣднихъ десятилѣтій, порожденіемъ которой явился германскій милитаризмъ; духовныя цѣнности въ Германіи ослабѣли, пораженныя милитаризмомъ; теперешняя ея культура—не культура. Послѣ разъясненія кн. П. Д. Долгорукова, что въ предложенной имъ резолюціи имѣется въ виду народная германская культура, создавшаяся не во время періода развившагося милитаризма, а въ теченіе вѣковъ напряженной духовной работы, предложенная имъ резолюція была единогласно принята. Этому результату мы глубоко сочувствуемъ. Противъ *народной* культуры, какими бы недостатками она ни страдала, нельзя вести борьбу извнѣ, съ оружіемъ въ рукахъ. Только въ глубинѣ народнаго духа можетъ найтись сила, необходимая для ея обновленія и возрожденія—и въ проявленіе этой силы нельзя не вѣрить, если народъ имѣетъ великое прошлое. Оговорка, которою заканчивается резолюція Общества Мира, цѣнна именно какъ протестъ противъ попытокъ возбудить въ русскомъ обществѣ вражду ко всему нѣмецкому—къ нѣмецкому искусству, нѣмецкой литературѣ, нѣмецкой наукѣ. Къ несчастію, этимъ попыткамъ помогаютъ сами нѣмцы; коллективныя заявленія нѣмецкихъ ученыхъ и художниковъ выставляютъ ихъ какъ бы сообщниками или, по меньшей мѣрѣ, апологетами гнусностей и звѣрствъ, творимыхъ германскимъ правительствомъ и, по его приказанію или съ его безмолвнаго согласія, германскими войсками. Умами многихъ, слишкомъ многихъ выдающихся нѣмецкихъ людей овладѣло нѣчто въ родѣ остраго помѣшательства: они видятъ то, чего нѣтъ, и не видятъ того, что́ есть. Показать имъ, до какой степени они неправы, можетъ только время; оно раскроетъ глаза ослѣпленнымъ и образумитъ обманутыхъ. Превосходный отвѣтъ дали имъ англійскіе ученые, въ воззваніи, переводъ котораго появился недавно въ русской печати. «Мы глубоко уважаемъ—таковы заключительныя его слова,—германскую науку. Мы связаны съ Германіей узами уваженія, дружбы, любви. Мы глубоко скорбимъ, что Германія, подъ вліяніемъ своей милитаристской системы и мечтаній о завоеваніяхъ, заняла положеніе общаго врага всей Европы». И вмѣстѣ съ тѣмъ авторы воззванія признаютъ, что войну, которая теперь началась, слѣдуетъ довести до конца; «для насъ—говорятъ они,—это война оборонительная, война во имя свободы и мира». Такія слова, произнесенныя такимъ тономъ, не загораживаютъ дорогу къ сближенію между народами, для общей дѣятельности которыхъ на общую пользу должно, рано или поздно, наступить время.

К. Арсеньевъ.

ГЕРМАНСКІЕ УЧЕНЫЕ И МИЛИТАРИЗМЪ.

Интересная полемика завязалась между нѣмецкими и французскими учеными по поводу войны. Въ газетахъ разныхъ странъ было напечатано воззваніе «къ цивилизованнымъ націямъ», подписанное многими изъ самыхъ громкихъ именъ предстaвителей германской науки, литературы и искусства. Это воззваніе разсылалось отдѣльнымъ лицамъ, писателямъ и ученымъ, и спеціальнымъ научнымъ учрежденіямъ Франціи, Англіи и нейтральныхъ государствъ. Въ числѣ подписавшихся мы видимъ знакомыя всѣмъ имена: Эрнста Геккеля, Вундта, Оствальда, Рентгена, Эрлиха, Виндельбанда, Карла Лампрехта, Пауля Лабанда, Листа, Густава Шмоллера, Луйо Брентано, Конрада, художника Каульбаха, Франца Штука, Макса Рейнгардта, беллетристовъ—Гауптмана, Зудермана, Лудвига Фульды и т. д.

Этотъ манифестъ высшей германской интеллигенціи вызвалъ многочисленные отвѣты со стороны французскихъ ученыхъ и публицистовъ, которые отчасти воспользовались имъ какъ матеріаломъ для выясненія и характеристики своеобразной психологической основы нѣмецкаго патріотизма. Знаменитые германскіе философы, естествоиспытатели, историки и юристы признаютъ себя безусловно солидарными съ Вильгельмомъ II, съ его министрами и совѣтниками, со всѣми подвигами его войскъ и съ самой сущностью прусскаго милитаризма. Они возлагаютъ на враговъ Германіи всю отвѣтственность за войну и ея ужасы. Заявленія и доводы ихъ заслуживаютъ того, чтобы быть отмѣченными и сохраненными для потомства.

«Въ качествѣ представителей нѣмецкой науки и нѣмецкаго искусства,—говорятъ они,—мы торжественно протестуемъ предъ лицомъ культурнаго міра противъ лжи и клеветъ, которыми наши враги пытаются загрязнить правое и доброе дѣло Германіи въ навязанной намъ страшной борьбѣ, угрожающей самому нашему существованію. Ходъ событій отчасти успѣлъ опровергнуть эту лживую пропаганду, которая возвѣщала только германскія неудачи. Но съ тѣмъ большею настойчивостью повторяются усилія извратить истину и сдѣлать насъ ненавистными. Противъ этихъ махинацій мы и протестуемъ громкимъ голосомъ, и этотъ голосъ есть голосъ истины». Авторы манифеста, спеціалисты разныхъ наукъ, подробно объясняютъ затѣмъ, что есть ложь и что есть истина. «Неправда, — заявляютъ они,—что Германія вызвала эту войну. Ни народъ, ни правительство, ни императоръ не желали ея. До послѣдней минуты, до предѣловъ возможнаго, Германія

боролась за сохраненіе мира. Весь свѣтъ можетъ въ этомъ удостовѣриться на основаніи доказательствъ, представляемыхъ подлинными документами. Много разъ въ продолженіе своего двадцатишестилѣтняго царствованія Вильгельмъ II являлся охранителемъ мира, и этотъ фактъ неоднократно признавали сами враги. Они забываютъ, что этотъ императоръ, котораго они осмѣливаются сравнивать съ Аттилой, былъ въ теченіе долгихъ лѣтъ предметомъ ихъ насмѣшекъ именно за его непоколебимое миролюбіе. Нашъ народъ поднялся какъ одинъ человѣкъ только тогда, когда онъ подвергся сначала угрозамъ, а потомъ нападенію изъ-за угла со стороны трехъ великихъ державъ».

Внѣшніе поводы къ войнѣ всѣмъ извѣстны: одобренное Германіею рѣшеніе Австро-Венгріи напасть на Сербію и лишить ее самостоятельности, упорное нежеланіе отсрочить исполненіе задуманнаго плана хотя бы на одинъ день, рѣзкое отклоненіе заступничества Россіи и мирнаго посредничества четырехъ великихъ державъ, и, наконецъ, предъявленное Россіи неожиданно-грубое требованіе Германіи остановить начатую частичную мобилизацію въ теченіе двѣнадцати часовъ. Какое же изъ этихъ обстоятельствъ было навязано Германіи ея врагами? Кто заставилъ ее такъ рѣшительно поддерживать австрійскій проектъ «карательной экспедиціи» и отвергать всѣ попытки соглашенія съ другими заинтересованными державами? Если никто въ Германіи не желалъ войны, то почему же она поторопилась обратиться къ Россіи съ грознымъ ультиматумомъ вмѣсто того, чтобы побудить австрійцевъ отказаться отъ опасныхъ воинственныхъ предпріятій на ближнемъ Востокѣ? Вильгельмъ II много разъ вносилъ тревогу въ общее международное положеніе и подвергалъ большому испытанію миролюбіе сосѣднихъ государствъ, особенно Франціи и Россіи: достаточно вспомнить его рѣзкія выступленія въ вопросахъ мароккскомъ и босній-скомъ. Но источникомъ постояннаго и все болѣе возраставшаго безпокойства служили лихорадочныя, колоссальныя военныя приготовленія на сушѣ и на морѣ, которыя въ послѣднее время приняли прямо вызывающій характеръ, указывая на опредѣленныя вполнѣ созрѣвшія рѣшенія прусско-германской военной партіи, душою которой былъ самъ императоръ. Пока Германія не была готова къ успѣшной войнѣ на два фронта, Вильгельмъ II избѣгалъ окончательной развязки и довольствовался скрытыми или явными угрозами, производившими желательный ему эффектъ безъ соотвѣтственнаго риска; но, какъ только всѣ приготовительныя мѣры были закончены, онъ воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ для устройства мірового пожара, долженствующаго будто бы прославить его царствованіе. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что двадцать шесть лѣтъ онъ не велъ никакой войны въ Европѣ, а на двадцать седьмомъ году, достигнувъ боевой готовности,

обезпечивающей увѣренность въ побѣдѣ,—рѣшилъ воевать. Очевидно, германскіе ученые, подписавшіе манифестъ, приняли на вѣру завѣдомо ложныя оффиціальныя объясненія, по которымъ выходило, что не Германія обращалась къ Россіи съ ультиматумомъ, а напротивъ, Россія угрожала Германіи и коварно напала на нее въ самый разгаръ берлинскихъ хлопотъ о мирѣ.

Наивные пріемы безыскусственнаго обмана, разсчитанные на такъ называемую большую публику, оказались на этотъ разъ убѣдительными и для высшей германской интеллигенціи, которая вообще склонна относиться съ полнымъ довѣріемъ къ правителямъ своей страны. Дѣло въ томъ, что по вопросамъ внѣшней политики общественное мнѣніе Германіи располагаетъ только тѣми свѣдѣніями, какія находитъ полезнымъ сообщать правительство, а частныя лица не имѣютъ возможности провѣрить, въ какой степени эти свѣдѣнія соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Но манифестъ нѣмецкихъ ученыхъ идетъ гораздо дальше простой довѣрчивости въ своихъ утвержденіяхъ, касающихся образа дѣйствій германскихъ войскъ въ Бельгіи и въ другихъ мѣстахъ. «Неправда,—продолжаютъ авторы воззванія,—что мы преступнымъ образомъ нарушили нейтралитетъ Бельгіи. Мы имѣемъ неопровержимое доказательство того, что Франція и Англія, увѣренныя въ соучастіи Бельгіи, имѣли сами въ виду нарушить ея нейтралитетъ. Со стороны нашего отечества было бы актомъ самоубійства не предупредить противниковъ въ этомъ отношеніи. Неправда, что наши солдаты покушались на жизнь или имущество какого бы ни было бельгійскаго гражданина, не будучи къ тому вынужденными тяжкою необходимостью законной защиты. Ибо, вопреки нашимъ предупрежденіямъ, населеніе не переставало измѣнническимъ образомъ стрѣлять въ наши войска, причиняло увѣчья нашимъ раненымъ и избивало врачей при исполненіи ихъ профессіональныхъ обязанностей. Было бы позорно замалчивать жестокости этихъ убійцъ и ставить германцамъ въ вину справедливое наказаніе, которому они вынуждены были подвергнуть этихъ бандитовъ. Неправда, что наши войска грубо разрушили Лувэнъ. Предательскія нападенія озлобленныхъ жителей заставили нѣмцевъ противъ воли прибѣгнуть къ репрессаліямъ и бомбардировать нѣкоторые кварталы города. Значительная часть Лувэна осталась нетронутою. Знаменитая ратуша вполнѣ сохранилась; наши солдаты охраняли ее отъ огня съ опасностью жизни. Если въ этой страшной войнѣ были уничтожены произведенія искусства, то всякій нѣмецъ будетъ объ этомъ сожалѣть; но, дорожа предметами художественнаго творчества не менѣе другихъ націй, мы рѣшительно отказываемся покупать сохраненіе какого-либо художественнаго произведенія цѣною пораженія нашего оружія».

Въ этой удивительной аргументаціи бросается въ глаза нѣкоторая логическая несообразность. Насильственное нарушеніе чужого нейтралитета, обезпеченнаго самою Германіею, не перестаетъ быть нарушеніемъ отъ того, что и другія державы намѣревались будто бы нарушить этотъ нейтралитетъ. Но въ чемъ могли заключаться «неопровержимыя доказательства» злостныхъ намѣреній Франціи и Англіи, если передъ началомъ войны французское правительство, въ отвѣтъ на формальный запросъ лондонскаго кабинета, категорически подтвердило свое обязательство соблюдать нейтралитетъ Бельгіи? Можно ли свои собственныя преступныя или незаконныя дѣйствія оправдывать предполагаемыми чужими намѣреніями, даже если бы послѣднія дѣйствительно существовали? Называть «убійцами» и «бандитами» несчастныхъ бельгійцевъ, защищавшихъ свою родину отъ непріятельскаго нашествія, и отрицать даже ихъ право на самооборону, признавая это право только за напавшими на нихъ насильниками,—это ужъ слишкомъ рѣзко противорѣчитъ не только идеямъ права и этики, но и простому здравому смыслу. И подъ этимъ чудовищнымъ разсужденіемъ подписался знаменитый криминалистъ, профессоръ Листъ.

Никто не обвинялъ бы германскія войска въ уничтоженіи драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ и предметовъ искусства, если бы это было невольнымъ послѣдствіемъ бомбардировки, связанной съ обычнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій; но германцамъ ставятъ въ вину сознательное разрушеніе такихъ городовъ, какъ Лувэнъ, не по мотивамъ военной защиты, а подъ предлогомъ наказанія за мнимые проступки отдѣльныхъ жителей. Въ Лувэнѣ были не бомбардировкою уничтожены, а умышленно сожжены зданія университета, библіотеки, музея и старинной церкви, внѣ всякой зависимости отъ военныхъ надобностей; также точно и разрушеніе Реймскаго собора не было дѣломъ случая и необходимости, а вызвано лишь желаніемъ произвести устрашающее впечатлѣніе на умы французовъ. Воздержаніе отъ подобныхъ дѣйствій никакъ не могло бы привести къ неудачѣ или пораженію германскаго оружія, на что напрасно ссылаются авторы манифеста.

Самая непріятная и обидная для насъ часть воззванія касается способовъ и пріемовъ войны со стороны враговъ Германіи. «Неправда,—говорятъ нѣмецкіе ученые,—что въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ мы нарушаемъ предписанія международнаго права. Наши солдаты не совершаютъ никакихъ жестокостей и никакихъ самовольныхъ насилій. Зато на востокѣ нашего отечества земля обагряется кровью женщинъ и дѣтей, убитыхъ непріятельскими полчищами, и на поляхъ битвъ у рѣки Уазы пули думъ-думъ нашихъ противниковъ разрываютъ груди нашихъ доблестныхъ солдатъ. Тѣ, кто дѣйствуетъ

заодно съ русскими и сербами и не боится возбуждать монголовъ и негровъ противъ бѣлой расы, представляя такимъ образомъ самое постыдное зрѣлище, какое можно только придумать,—имѣютъ, конечно, наименьшее право претендовать на роль защитниковъ европейской цивилизаціи».

Здѣсь не только повторяется завѣдомо лживое, возмутительное обвиненіе противъ русскихъ войскъ и противъ французскаго военнаго управленія, но высказывается взглядъ, что русскіе и сербы принадлежатъ къ низшей расѣ, съ которою позорно находиться въ союзѣ французамъ и англичанамъ,—взглядъ, достойный какого-нибудь невѣжественнаго нѣмецкаго шовиниста, но невѣроятный въ устахъ ученыхъ историковъ, юристовъ и философовъ. И подъ такими жалкими язвительными словами мы видимъ подписи Шмоллера, Брентано, Лабанда, Лампрехта, Геккеля, Вундта, Оствальда, Рентгена и другихъ, къ которымъ довѣрчиво направлялись за поученіемъ цѣлыя поколѣнія начинающихъ русскихъ ученыхъ! Русскіе были желанными союзниками для Пруссіи, пока они спасали ее отъ Наполеона и помогали ей создать могущественную имперію; теперь они попали въ одинъ разрядъ съ монголами и неграми только потому, что перестали поддерживать чрезмѣрныя притязанія Германіи и вынуждены были перейти въ лагерь ея противниковъ. Высокомѣрное отношеніе къ японцамъ, индусамъ и тюркосамъ тѣмъ болѣе странно со стороны германскихъ патріотовъ, что сами они не брезгаютъ союзомъ съ турками и готовы дѣйствовать заодно съ башибузуками, поощряя такія варварскія предпріятія, какъ засыпку или поврежденіе Суэзскаго канала. Поведеніе японцевъ во время войны съ Россіей никогда не давало повода къ тѣмъ ужаснымъ обвиненіямъ, которыя оффиціально выставляются противъ германскихъ войскъ; они не добивали раненыхъ, обращались по-человѣчески съ плѣнными, не истребляли мирныхъ жителей, не грабили ихъ такъ открыто, не предавали городовъ и селъ огню и мечу, не распоряжались «сравнять ихъ съ землею» за проступки отдѣльныхъ лицъ;—и вообще, сравнительно съ нынѣшними германскими командирами, они вели себя какъ джентльмены, и оттого было такъ легко сойтись и сблизиться съ ними послѣ войны.

Нѣмецкіе ученые заступаются именно за тѣ ненужныя жестокости, которыя ставятся въ вину германцамъ, и они берутъ подъ свою защиту самый источникъ этихъ военныхъ ужасовъ—прусско-германскій милитаризмъ. «Неправда,—заявляютъ они,—что борьба противъ нашего такъ называемаго милитаризма направлена не противъ нашей культуры, какъ увѣряютъ наши лицемѣрные враги. Безъ нашего милитаризма наша цивилизація была бы давно уничтожена.

Именно для ея защиты возникъ милитаризмъ въ нашей странѣ, несравненно болѣе доступной нашествіямъ, чѣмъ другія страны. Германская армія и германскій народъ составляютъ одно цѣлое. Это чувство единства связываетъ теперь милліоны жителей безъ различія образованія, классовъ и партій». Воззваніе заканчивается фразами, которыя напоминаютъ скорѣе истерическій вопль, чѣмъ разумный выводъ изъ предыдущаго: «Ложь есть отравленное оружіе, котораго мы не можемъ вырвать изъ рукъ нашихъ враговъ. Мы можемъ только громко заявить передъ всѣмъ свѣтомъ, что они ложно свидѣтельствуютъ противъ насъ. Вамъ, знающимъ насъ и бывшимъ вмѣстѣ съ нами хранителями самыхъ драгоцѣнныхъ благъ человѣчества, мы кричимъ: вѣрьте намъ! Вѣрьте, что въ этой борьбѣ мы пойдемъ до конца, въ качествѣ цивилизованнаго народа, — въ качествѣ народа, которому наслѣдіе Гёте, Бетховена и Канта столь же дорого, какъ родная почва и родной очагъ. Мы ручаемся за это нашимъ именемъ и нашей честью».

Спрашивается однако: кто и когда угрожалъ германской культурѣ, заставляя ее искать спасенія въ милитаризмѣ? Не тѣ ли, которые въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ были ея послушными учениками и поклонниками? Какія нашествія угрожали Германіи со времени ея объединенія? Не она ли, напротивъ, держала въ страхѣ Францію своими постоянными придирками и вооруженіями? Не она ли требовала отъ Россіи безпрекословнаго подчиненія всѣмъ балканскимъ планамъ Австро-Венгріи? Развѣ Англія мѣшала ей расширять свою морскую торговлю и увеличивать свои колоніальныя владѣнія? Не Германія ли, напротивъ, вызывала безпокойство англичанъ созданіемъ огромнаго военнаго флота, способнаго угрожать британскому?

Въ области своихъ спеціальностей ученые авторы могли бы сказать: «вѣрьте намъ»; но этотъ возгласъ теряетъ всякое значеніе, когда дѣло касается фактовъ, извѣстныхъ имъ только со словъ оффиціальныхъ представителей власти и въ одностороннемъ или фальшивомъ освѣщеніи. Нѣмецкая культура развивалась и процвѣтала, когда Германія не находилась еще подъ гнетомъ прусскаго милитаризма; Гёте, Бетховенъ и Кантъ дѣйствовали въ эпоху, когда народы болѣе увлекались идеями свободы, чѣмъ грубыми соблазнами военнаго могущества. Роль прусскаго милитаризма, какъ защитника высшей германской культуры, представляетъ какую-то непонятную обмолвку со стороны серьезныхъ дѣятелей нѣмецкой науки и литературы. Если нѣмцамъ дорога родная почва, то вѣдь никто не посягалъ на нее, а, напротивъ, Германія вторглась въ чужія земли, которыя не менѣе дороги бельгійцамъ, французамъ и русскимъ, чѣмъ нѣмецкія—германцамъ. Легко говорить: «мы дойдемъ до конца»; но до какого конца

придется идти—это зависитъ уже не отъ говорящихъ, и даже не отъ дѣйствующихъ германцевъ, а отчасти и отъ противниковъ ихъ, въ связи съ сложною совокупностью обстоятельствъ, надъ которыми нѣмцы не властны.

Мы не сомнѣваемся, что нѣмецкіе ученые, подписавшіе приведенное воззваніе, находились въ состояніи особаго патріотическаго гипноза, парализующаго способность правильно разсуждать. Въ Германіи повсюду, въ правительственныхъ и парламентскихъ кругахъ, въ обществѣ и въ печати, повторяется одинъ и тотъ же лозунгъ: «надо идти до конца, до полной побѣды надъ врагами». Знаменитый Вундтъ, профессоръ философіи въ Лейпцигѣ, выпустилъ недавно брошюру, въ которой доказываетъ необходимость разъ навсегда покончить съ Англіею и завладѣть ея колоніями, отнять у Россіи Польшу и отдать ее австрійцамъ, присоединить къ Германіи наши остзейскія провинціи и т. д. Извѣстный теоретикъ-экономистъ, профессоръ Вернеръ Зомбартъ, въ напечатанной имъ газетной статьѣ, высказывается въ томъ же духѣ; онъ также находитъ, какъ и Эрнстъ Геккель, что враждебныя державы, съ Англіею во главѣ, должны быть раздавлены для блага Германіи. Если бы эти сторонники крутыхъ и окончательныхъ рѣшеній отдавали себѣ отчетъ въ практическомъ смыслѣ своихъ словъ, то прежде всего они должны были бы остановиться надъ вопросомъ: можетъ ли Германія, хотя бы при союзѣ Австро-Венгріи и Турціи, разсчитывать на полный и окончательный успѣхъ въ одновременной борьбѣ съ такими тремя державами, какъ Франція, Англія и Россія? Имѣетъ ли она какіе-нибудь шансы одолѣть и настолько обезсилить всѣхъ своихъ враговъ, чтобы быть въ состояніи предписать имъ свои условія мира? Допустимъ на минуту невозможное,—что германцамъ и австрійцамъ удалось бы, благодаря необыкновенно счастливымъ обстоятельствамъ, одержать верхъ надъ тремя государствами, насчитывающими въ совокупности втрое или вчетверо больше населенія и вооруженныхъ силъ,—неужели такой временный и случайный успѣхъ могъ бы считаться прочнымъ, способнымъ надолго обезпечить міровое владычество Германіи? Раздавить Англію, уничтожить Францію, одолѣть Россію,—вѣдь это очевидный бредъ больного воображенія. Такіе трезвые умы, какъ Шмоллеръ, Зомбартъ, Брентано, Лабандъ, должны были бы вспомнить, что возможна и другая гипотеза, кромѣ принятой ими за аксіому или за исходную точку, — что и противники могутъ рѣшиться по-своему «идти до конца», до полнаго разгрома Германіи и ея союзниковъ, и что они также имѣютъ хоть нѣкоторые шансы достигнуть цѣли. Разсуждая здраво, нельзя отрицать, что для русскихъ армій, по меньшей мѣрѣ, столь же легко или столь же трудно добраться до Берлина, какъ германскимъ войскамъ — добраться до Петрограда

или до Москвы: первое представляется во всякомъ случаѣ болѣе осуществимымъ, чѣмъ второе. И мы увѣрены, что все ненормальное возбужденіе германскихъ патріотовъ, заставляющее даже ученыхъ людей высказывать самыя дикія идеи, сразу уляжется и уступитъ мѣсто здравой оцѣнкѣ реальнаго положенія вещей, когда болѣзненная мечта о побѣдѣ надъ Англіею, Россіею и Франціею будетъ разбита и уничтожена достаточно внушительными фактами. Нѣмецкій народъ убѣдится тогда, что именно милитаризмъ довелъ Германію до разоренія и подвергъ опасности все ея будущее. Неизбѣжное отрезвленіе нѣмецкаго общества послѣ ряда военныхъ неудачъ подготовитъ почву для возобновленія нарушенныхъ мирныхъ связей между нѣмцами и другими культурными націями.

Въ основѣ того явленія, которое принято называть милитаризмомъ, лежитъ исключительная вѣра въ грубую внѣшнюю силу, въ ея неизбѣжное господство надъ всѣми человѣческими отношеніями, чувствами и интересами. Созданіе такой силы, въ видѣ многочисленнѣйшей и наилучше организованной арміи, снабженной самымъ усовершенствованнымъ оружіемъ, было главнѣйшей задачей Пруссіи и Германіи за послѣдніе полвѣка. Всѣ средства науки и техники, всѣ потребности и рессурсы государства были подчинены этой великой цѣли. Единственные въ мірѣ по обширности и продуктивности заводы Круппа въ Эссенѣ обезпечивали нѣмцамъ безспорное первенство въ техникѣ военнаго дѣла. Сознавая это первенство, правители Германіи и солидарные съ ними патріоты прониклись твердымъ, непоколебимымъ убѣжденіемъ въ своемъ призваніи руководить судьбами Европы и диктовать свою волю чужимъ народамъ и государствамъ. Съ этимъ убѣжденіемъ неразрывно связана прочно укрѣпившаяся увѣренность въ томъ, что силою можно всего достигнуть, что передъ силою исчезаетъ всякое право, что силѣ все дозволено и что, обладая превосходствомъ силы, государство освобождается отъ всякихъ нравственныхъ и договорныхъ обязательствъ относительно чужихъ странъ.

Подъ вліяніемъ подобныхъ идей вырабатывается особая психика, которая неминуемо приводитъ къ роковымъ ошибкамъ и заключаетъ въ себѣ зародышъ гибели. Предполагается, во-первыхъ, что чужіе народы не съумѣютъ или не пожелаютъ проявить свою собственную силу, способную сломить силу противника, и что они предпочтутъ добровольно подчиниться иноземной культурной опекѣ; во-вторыхъ, что для склоненія чужихъ націй къ покорности единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ является внушеніе имъ чувства страха при помощи безпощаднаго террора, пугающаго воображеніе народныхъ массъ; и въ-третьихъ, что вообще другимъ народамъ несвойственны тѣ инстинкты національной независимости и порывы самоотвержен-

наго патріотизма, которые претендентами на гегемонію приписываются только самимъ себѣ и своимъ соотечественникамъ.

Эта первобытная психологія, выросшая на почвѣ исключительнаго культа силы и игнорирующая чувства и интересы другихъ народовъ, погубила когда-то Наполеона, и она же привела нынѣшнюю Германію къ безцѣльной и безнадежной борьбѣ съ обширною и могущественною коалиціею. Германскіе завоевательные планы основаны были на цѣломъ рядѣ предположеній, достаточно убѣдительныхъ, повидимому, для спеціалистовъ военнаго дѣла, но поразительно наивныхъ съ общей политической точки зрѣнія. Для успѣха этихъ плановъ требовалось, чтобы Франція, Англія и Россія по очереди дали себя разбить, и чтобы затѣмъ онѣ примирились съ положеніемъ побѣжденныхъ и отдали побѣдителямъ желательныя имъ территоріи, вмѣстѣ съ милліардами контрибуціи, отказавшись отъ мысли о будущемъ возмездіи. Если можно было еще считать осуществимымъ послѣдовательное пораженіе союзныхъ армій, то дѣлаемые изъ этого практическіе выводы представлялись уже явно нелѣпыми, ибо такія страны, какъ Англія, Россія и Франція, могутъ временно терпѣть неудачи, но никакъ не могутъ быть завоеваны или покорены иноземными войсками. Желаніе дѣйствовать устрашающимъ образомъ на чужіе народы только возбуждаетъ энергію и силу сопротивленія, доводя ее до высшихъ формъ героизма, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Бельгіи. Прямолинейная логика милитаризма строитъ гипотезы, противорѣчащія природѣ вещей, и основываетъ на нихъ фантастическія предпріятія, которыя въ лучшемъ случаѣ даютъ лишь эфемерные, обманчивые плоды.

Казалось бы, что ученые люди, философы, юристы и историки, не должны были бы поддаваться грубымъ внушеніямъ этой примитивной логики милитаризма, но манія военнаго величія заражаетъ и сильнѣйшіе умы, если въ нихъ нѣтъ традицій здороваго гражданскаго чувства и политической свободы. Тяжелые уроки несчастной войны, быть можетъ, избавятъ Германію отъ опасныхъ иллюзій и разбудятъ въ нѣмецкомъ народѣ тѣ стремленія и идеалы, которыми нѣкогда вдохновлялись лучшіе его дѣятели.

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРА И ВОЙНА.

(Параллели).

...«Литература кажется мнѣ ненужной и безполезной. Буду ли я въ состояніи когда-либо заняться ею?..» Такъ писалъ, во время франко-прусской войны, въ одномъ изъ писемъ къ Жоржъ Зандъ, великій художникъ и литераторъ Флоберъ, до тѣхъ поръ безраздѣльно преданный своему искусству, жившій только въ литературѣ и для литературы. Война его преобразила. Онъ «гнѣвается на своихъ современниковъ» за то, что они заставляютъ его «испытывать чувства какого-нибудь дикаря XII вѣка»... «*Меня душитъ злоба*»... «Какой провалъ! Какое глубокое паденіе! Какое оскудѣніе и какія гнусности! Можно ли вѣрить въ прогрессъ и цивилизацію, глядя на все, что̀ творится? На что же нужна наука, когда народъ, среди котораго столько ученыхъ, позволяетъ себѣ гнусности, достойныя гунновъ, и даже худшія, потому что онѣ совершаются систематически, хладнокровно, преднамѣренно и не могутъ быть оправданы ни страстью, ни голодомъ...» Это возмущеніе чередуется въ Флоберѣ съ приливами высокаго патріотизма—до готовности отдать свою жизнь за родину. Изъ кабинетнаго теоретика онъ превращается въ рядового гражданина, жаждущаго борьбы. Онъ сообщаетъ своей корреспонденткѣ, что «поступилъ санитаромъ въ руанскую больницу»—въ ожиданіи, пока придется «спасать Лютецію»... «Меня влечетъ, меня зудитъ драться...»

«Литература кажется ненужной»... «Зудитъ драться»... Эти нѣсколько словъ Флобера довольно близко выражаютъ психологію современнаго нашего писателя. Тѣ изъ писателей, кто удовлетворили свое желаніе и, оставивши литературу, отправились въ ряды храбрецовъ, вѣроятно, нравственно спокойны. А оставшіеся, конечно, мысленно съ ними, испытываютъ нетерпѣливое желаніе хоть духомъ, на разстояніи, принять участіе въ героической борьбѣ. Литература, наша «мирная» литература текущаго дня, отодвинулась отъ нихъ такъ же, какъ отъ тѣхъ—воюющихъ. Все едва напечатанное и даже еще не успѣвшее появиться въ печати, а написанное до войны, кажется отошедшимъ, чужимъ.

Наша недавняя мирная литература хоть и не была обильна, но, несомнѣнно, обладала нѣкоторыми цѣнностями, свидѣтельствующими о ея движеніи и ростѣ. Взять, напр., хотя бы интересную повѣсть Ольнемъ «Трясина». Повѣсть напечатана только-что̀ въ послѣднихъ книжкахъ «Русск. Богатства», но написана, вѣроятно *давно*, тогда, въ

другую эру. Въ иное время она, навѣрное, привлекла бы къ себѣ вниманіе—и мастерскимъ изложеніемъ, и оригинально задуманнымъ идеалистическимъ образомъ несчастной одинокой женщины, погибающей среди человѣческой «трясины»... А теперь она воспринимается глухо, какъ голосъ старой, ушедшей Россіи. Вся наша недавняя—тихая, созерцательная—жизнь представляется трясиной, на которой нельзя сосредоточиться, потому что нельзя отвести глазъ отъ ослѣпительнаго, бурлящаго передъ нами моря—отъ чудесъ воодушевленія и героизма. Мы ли это? Какъ связать это яркое настоящее съ тусклымъ прошлымъ? И какая литература способна отразить эту новую блестящую жизнь?..

Литература о войнѣ пока, по понятнымъ причинамъ, почти отсутствуетъ. Еще не время для нея. Разсказы, навѣянные военными событіями, носятъ обыкновенно характеръ спѣшности и интимности. Таковъ очеркъ г. Шмелева: «Суровые дни» [1]), гдѣ авторъ повидимому не претендовалъ на художественное обобщеніе, а безъискусственно дѣлился своими впечатлѣніями. Это нѣсколько набросковъ съ натуры о томъ, какъ «вся Россія зашевелилась». Самое цѣнное у Шмелева—удачно схваченное обще-народное бодрое настроеніе и отношеніе къ нынѣшней войнѣ, какъ къ явленію совершенно особенному, исключительному—невиданному. Эта народная психологія явственно выражена въ разсужденіяхъ философствующаго старика Орѣшкина: «Сколько живу, мнѣ пятьдесятъ восьмой, а такого дѣла не видалъ. Турецкую помню, японскую,—ни сравнима. Прямо какъ укрѣпленіе въ народѣ какое стало: ни горячаго разговору, ни скандалу... Казенки закрыли—совсѣмъ не распространялись, это прямо надо сказать. И вотъ чудное дѣло,—какъ на крыльяхъ всѣ стали... чисто вотъ какъ на крыльяхъ. Всѣмъ стало понятно—дѣло серьезное... Нѣмцы зачали, отъ ихъ бѣда, съ ними разговоръ строгій»... Немногословные разговоры другихъ шмелевскихъ героевъ сводятся къ общему убѣжденію—убѣжденію, теперь въ равной степени свойственному всѣмъ русскимъ людямъ—отъ мужика до интеллигента: побьемъ, побѣдимъ!

Эта же стихійная увѣренность въ побѣдѣ и пропитанное ею горячее сочувствіе къ воюющей родинѣ объединяетъ писателей, давшихъ свои произведенія въ альманахъ «Война» [2]).

Въ литературномъ отношеніи этотъ наскоро составленный сборникъ жидковатъ, незначителенъ. Врядъ ли что-нибудь изъ его содержимаго избѣжитъ Леты. Но онъ не пройдетъ безслѣдно. Онъ долженъ быть интересенъ читателю, какъ писательскій откликъ на захватившія всѣхъ грандіозныя событія. Въ каждомъ изъ участниковъ чувствуется

[1]) «Сѣв. зап.» № 8—9.

[2]) «Война», литер.-худ. альманахъ. М. изд. Мечъ.

нетерпѣливое желаніе сказать свое слово о войнѣ. Сдѣлать это въ обычной для нихъ художественной формѣ сейчасъ нѣтъ возможности, потому они прибѣгаютъ къ простой публицистикѣ (стихи, помѣщенные въ сборникѣ, недалеко ушли отъ публицистики).

Различны писатели, принявшіе участіе въ альманахѣ, различно и ихъ принципіальное отношеніе къ войнѣ, но ихъ чувства къ нашей теперешней войнѣ отличаются полнымъ единодушіемъ.

На самой непримиримой, въ принципіальномъ отношеніи, точкѣ зрѣнія стоитъ пессимистъ Арцыбашевъ. Война ему, какъ и Фхоберу, внушила мрачнѣйшія опасенія за будущее человѣчества. Его удручаетъ мысль, что одна изъ культурнѣйшихъ странъ, Германія, является воплощеніемъ варварства. «Если эта культура такъ легко спала при первомъ призывномъ крикѣ дикаря, звавшаго на грабежъ и убійство, то остается предположить одно, что въ человѣкѣ никогда и ни при какихъ условіяхъ не умретъ и не можетъ умереть дикій звѣрь»... Тѣмъ не менѣе, у Арцыбашева проскальзываетъ, что конкретно ему рисуется одинъ и тотъ же, теперь единственно представимый исходъ этой войны, исходъ желанный для всѣхъ: «Конечно, Германія будетъ раздавлена. Конечно, кровожадной ярости тевтонскихъ полчищъ будетъ положенъ предѣлъ»...

«Я не сомнѣваюсь, что союзныя войска побѣдятъ германскіе народы»,—просто заканчиваетъ свою статью Купринъ.

О томъ же явно мечтаетъ Сологубъ («На начинающаго Богъ»), Брюссовъ и другіе участники сборника. Большой націоналистическій подъемъ чувствуется въ финалѣ нѣсколько туманнаго полубеллетристическаго очерка А. Толстого: «Максъ Вукъ».

«Не чудовище подняло голову изъ-за тумановъ и лѣсовъ, а знаменіе освобожденія и мира; знаменіе грядущаго освобожденія человѣчества поднялось съ востока, утвердилось на знаменахъ всѣхъ союзныхъ полковъ».

Горячимъ воодушевленіемъ проникнутъ очеркъ Тана: «Вишневый садъ», экспансивный, какъ нечаянное признаніе. Онъ отражаетъ ту замѣчательную вспышку общественнаго единенія, вызваннаго войной, когда верхъ и низъ встрѣтились въ одномъ порывѣ, и населяющіе Россію многочисленные народы почувствовали себя братьями.

«Наша Россія для насъ. Чужихъ намъ не надо. Будемъ мириться и ссориться сами, одни, безъ посредниковъ.

«Лучше родимые камни, чѣмъ чужестранные люди.

«Наша Россія для насъ. Внѣ Россіи намъ негдѣ жить. Мы задыхаемся безъ русскаго простора, безъ нашего нелѣпаго, милаго, безпорядочнаго «Вишневаго сада», вырубленнаго сверху и снизу, дающаго все новые побѣги.

Не дадимъ чужеземцу-насильнику нашего «Вишневаго сада» ни пяди, ни дюйма. Умремъ—не уступимъ.

. . . . . .

«Я видѣлъ на улицахъ великій народъ, объятый стихійнымъ порывомъ. Вѣрю въ него. Сердце бьется въ унисонъ съ его многомилліоннымъ коллективнымъ сердцемъ.

«Новая Россія не хочетъ, чтобы ее сѣкли и били, и плевали ей въ лицо, кто бы то ни было, хотя бы культурные нѣмцы.

Клянусь дышать и жить тобой,
И каждый сердца трепетъ жаркій,
И каждой мысли проблескъ яркій,
Отдать тебѣ, тебѣ одной»...

Эти непосредственные писательскіе отклики-исповѣди, соотвѣтствующіе общему всенародному настроенію, — самое цѣнное въ альманахѣ «Война». А его беллетристика кажется искусственно подобранной, притянутой за волосы. Дѣло въ томъ, что всѣ разсказы, посвященные прежнимъ войнамъ, не могутъ не звучать диссонансами. Слишкомъ безпримѣрна переживаемая нами война, слишкомъ своеобразна ея душа и опредѣленна ея стихія.

Разсказъ Вас. И. Немировича-Данченка: «Слово Нибелунга», относящійся къ послѣдней турецкой войнѣ, еще можно сблизить съ современными настроеніями. Нѣмецкія коварство и жестокость обрисованы въ немъ убѣдительно и наглядно. Но основныхъ токовъ нашей народной психологіи это не касается. Разбуженному русскому сердцу не то важно, что культурные нѣмцы оказались варварами; ему важна его положительная задача: защита отъ варварства своей—горячо, по-новому, возлюбленной—родины и взятая на себя общекультурная миссія... Этихъ-то положительно-патріотическихъ нотъ и не достаетъ въ любопытномъ разсказѣ: «Слово Нибелунга».

Еще виднѣе этотъ дефектъ въ другомъ «военномъ» разсказѣ: «Еврей» Арцыбашева[1]), въ психологическомъ отношеніи интересномъ, но оставляющемъ впечатлѣніе чего-то совсѣмъ мертваго и сейчасъ ненужнаго. Редакція, очевидно, сама чувствовала архаичность и анахронизмъ этого разсказа и потому, печатая его, одѣлала умѣстное примѣчаніе, что онъ «написанъ еще въ 1912 г.» и «настоящей войны не касается». Если бы этой оговорки не было, арцыбашевскій разсказъ казался бы, просто, выдумкой. Ни общая картина—какой-то неудачной, лѣнивой, безпорядочной войны, ни описанный эпизодъ, какъ два еврея, сражавшіеся въ враждебныхъ лагеряхъ, обрадовались другъ другу... не соотвѣтствуютъ теперешнимъ переживаніямъ. Въ разсказѣ совсѣмъ

[1]) «Новая Жизнь» 1914 г. № 10.

нѣтъ тѣхъ новыхъ патріотическихъ нотъ, которыя такъ непосредственно звучатъ у Тана: «Лучше родимые камни, чѣмъ чужестранные люди»...

Нѣкоторымъ анахронизмомъ является также перепечатка въ сборникѣ «Война» Гаршинскаго разсказа и особенно статья о немъ. Не столько самъ Гаршинъ съ его сложнымъ рефлектирующимъ отношеніемъ къ «войнѣ», отразившимся въ разсказѣ «Трусъ», сколько его время,—эта больная эпоха всяческаго надлома и надрыва,—чужда современной цѣльности и бодрости.

Зато, весьма умѣстна другая перепечатка—прекраснаго, тонкаго патріотическаго разсказа Мопасана: «Мадмуазель Фифи», изъ франко-прусской войны.

Эта послѣдняя изъ большихъ европейскихъ войнъ, вообще, интересна для насъ многими сторонами,—не только по ассоціаціи контраста. Это тамъ, въ эпохѣ разгрома ослабленной Франціи, корень ядовитаго, всѣхъ отравляющаго растенія, колыбель разрушительнаго нѣмецкаго милитаризма. Современникъ войны, Флоберъ это понималъ и угадывалъ будущее съ удивительнымъ предвидѣніемъ: «Не пройдетъ и вѣка, какъ увидятъ, что милліоны людей будутъ избивать другъ друга... и, можетъ быть, Пруссіи будетъ данъ хорошій урокъ, заранѣе предназначенный провидѣніемъ, чтобы возстановить европейское равновѣсіе. Эта страна была склонна гипертрофироваться, подобно Франціи при Людовикѣ XIV и Наполеонѣ. Это мѣшаетъ другимъ органамъ. Отсюда всемірная смута. Не будетъ ли полезно чудовищное кровопусканіе?»..

Странно, что другой, тоже зоркій наблюдатель событій, Тургеневъ, какъ будто чуждъ этого предвидѣнія. Онъ смотритъ на разразившуюся въ 70-мъ г. войну, какъ моралистъ, съ точки зрѣнія того урока, который она должна дать человѣчеству. Франція пала изъ-за деморализаціи французской арміи, французскаго народа... Германія такъ легко побѣдила благодаря отличной военной организаціи и духу единенія, воодушевлявшаго ея народъ... Это соблазнительно стройная, но слишкомъ упрощенная схема, и нельзя не удивляться, что она принадлежитъ такому тонкому психологу, какъ Тургеневъ. Онъ восхищается удивительной подготовкой нѣмцевъ къ войнѣ и ихъ военнымъ мастерствомъ. Но вѣдь это мастерство расцвѣтало на счетъ другихъ силъ страны и не могло не сдѣлаться угрожающимъ для сосѣдей. Несомнѣнно, Тургеневъ раздѣлялъ настроеніе всего тогдашняго прогрессивнаго общества, о которомъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ К. К. Арсеньевъ (В. Е. № 10). Источникъ этой непонятной симпатіи къ Германіи—въ ненависти къ наполеоновскому режиму. Однако, проявленныя нѣмцами жестокости и вандализмъ способствовали быстрому охлажденію къ нимъ симпатій русскаго общества. Наиболѣе чуткіе и

искренніе люди почувствовали непріемлемую сущность тогдашней «стройной» побѣдоносной Германіи и рѣзко отъ нея отвернулись.

Многимъ современникамъ, въ томъ числѣ и Флоберу, была совершенно ясна будущая роль Пруссіи. Флоберъ утѣшаетъ себя мыслью, что черезъ нѣсколько лѣтъ Европа сама будетъ «умолять Францію о выступленіи въ союзѣ съ нею противъ Пруссіи». Нѣмецкій вандализмъ приводитъ его въ отчаянье. «Какой провалъ! Какое глубокое паденіе! Какое оскудѣніе и какія гнусности! — восклицаетъ онъ. Каннибалы не нанели бы на меня такого ужаса, какъ офицеры въ бѣлыхъ перчаткахъ, разбивающіе зеркала»... Это тогда, во время своихъ блестящихъ побѣдъ надъ ослабленной Франціей, получили нѣмцы позорное прозвище «варваровъ». Тогда сложился тотъ обликъ тевтонскаго воина, который теперь возмущаетъ весь міръ. Съ неподражаемо тонкимъ юморомъ рисуетъ его Мопасанъ въ разсказѣ: «Мадмуазель Фифи». Какъ типичны у него эти самодовольные побѣдители, кутящіе въ побѣжденной странѣ! Какъ характеренъ ничтожный поручикъ Отто, предлагающій, въ полупьяномъ видѣ, передъ французскими проститутками оскорбительные для національнаго достоинства тосты.

«—За наши побѣды надъ Франціей!

«Несмотря на свое опьяненіе, женщины стихли. Рашель вздрогнула и повернулась къ нему.

« — Послушай, я знаю французовъ, въ присутствіи которыхъ ты бы этого не сказалъ.

«Маленькій маркизъ, не выпуская ее изъ объятій, засмѣялся, охваченный пьяной веселостью.

«—Я никогда такихъ не видѣлъ. Какъ только мы появляемся, они удираютъ!

«Огорченная дѣвушка крикнула ему прямо въ лицо:

«—Ты лжешь, негодяй!

«Въ теченіе одной секунды онъ смотрѣлъ на нее своими свѣтлыми глазами точно такъ же, какъ смотрѣлъ на портреты, которымъ пробивалъ глаза револьвернымъ выстрѣломъ, потомъ разсмѣялся.

«—Такъ, такъ, моя красавица! Ну, развѣ мы были бы здѣсь, если бы они были храбры!—И онъ воодушевился.—Мы ихъ господа! Намъ принадлежитъ Франція!

«—Намъ принадлежитъ Франція, и французы, лѣса, поля и дома Франціи... Намъ принадлежатъ и всѣ женщины Франціи!»

Какъ извѣстно, эта сцена закончилась катастрофой: обезумѣвшая отъ гнѣва француженка зарѣзала хвастливаго нѣмца.

Тѣ же чувства возбуждаетъ и знаменитый романъ Эмиля Зола: «Разгромъ», весьма кстати теперь переизданный «Просвѣщеніемъ».

Романъ этотъ хотя и написанъ издалека, по «документамъ», а не по наблюденіямъ, однако проникнутъ широтой взгляда и безпристрастіемъ настоящаго патріота. Авторъ не щадитъ красокъ, изображая французскую «деморализацію». Но не менѣе рельефно описываетъ онъ и «варварскій» разгромъ, впервые взволновавшій Европу. Разсказъ объ этомъ участника событій, пережившаго осаду Парижа, Ф. Сарсе, съ непосредственностью передаетъ тогдашнія впечатлѣнія. «Сколько опустошенія! сколько разоренія! Шату, Буживаль, Марли, всѣ эти прелестныя мѣста... что изъ нихъ сдѣлали пруссаки? Все, что можно было и что того стоило, они, какъ люди аккуратные, уложили и вывезли, а остальное, какъ пьяные дикари, разбили... Здѣсь погибли цѣлые милліарды! Но что значатъ милліарды: печаль о потерѣ денегъ можетъ со временемъ утѣшиться... Но потеря столькихъ памятниковъ, уничтоженныхъ навсегда! О! лучше не говорить объ этомъ! Я чувствую, что готовъ умереть...».

По сравненію съ тѣмъ, что творится теперь, эти взволнованные разсказы современниковъ кажутся дѣтской сказкой: такъ разрослось и окрѣпло варварство. Послѣ сокрушительныхъ нѣмецкихъ подвиговъ въ Лувенѣ и Реймсѣ, можетъ ли волновать разсказъ объ одинокихъ бомбочкахъ, залетавшихъ въ національную библіотеку и страсбургскій соборъ? Но тогдашнія пробныя нѣмецкія бомбы неуловимыми нитями связаны съ ихъ остервенѣлымъ натискомъ въ наши дни. Поэтому и старый романъ Зола читается съ такимъ захватывающимъ интересомъ.

Иной литературы, кромѣ этой — «военной», у насъ нѣтъ и не можетъ быть сейчасъ. Умъ невольно ищетъ въ прошломъ параллелей... Къ сожалѣнію, или къ счастью, всѣ эти параллели всегда относительны. Нѣтъ прецедентовъ для того, что мы теперь переживаемъ! Закипѣвшая міровая борьба — безприимѣрна, по силѣ напряженія и по возлагаемымъ на нее надеждамъ.

Е. Колтоновская.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— В. Ключевскій. Отзывы и отвѣты. Третій сборникъ статей. М. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

Новый сборникъ статей знаменитаго историка содержитъ его журнальныя рецензіи и отзывы о книгахъ, составленные по порученіямъ Академіи наукъ, а также нѣкоторыя возраженія на критику его статей. Собранный здѣсь матеріалъ разсѣянъ въ очень спеціальныхъ изданіяхъ, напр. въ «Православномъ Обозрѣніи», академическихъ сборникахъ и т. п. Предметъ отзывовъ книги большей частью очень спеціальнаго содержанія по русской исторіи. Кромѣ изумительнаго знанія фактовъ и литературы предмета—у каждаго автора Ключевскій съ легкостью указываетъ пропуски и пробѣлы; вооруженный разработаннымъ и до деталей продуманнымъ методомъ, онъ требуетъ и отъ разбираемыхъ авторовъ той же строгости метода и послѣдовательной, тщательно въ мелочахъ продуманной мысли. Для читателя, мало посвященнаго въ тонкости русской исторіографіи, этотъ томъ представляетъ, въ сравненіи съ ранѣе вышедшими сборниками, меньше привлекательнаго, но кое-что съ живымъ интересомъ можетъ быть прочитано и не-спеціалистами, напр., разборы шумѣвшей въ свое время книги Щапова, взглядовъ на крестьянскій вопросъ Юрія Самарина, или исторіи московской духовной академіи.

Ч. В—ій.

— П. Рюльманъ. Идея гражданскаго воспитанія въ Швейцаріи Москва. 1914.

Постановка народнаго образованія въ Швейцаріи — говоритъ нѣмецкій авторъ книжки, указанной въ заголовкѣ этой замѣтки— какъ нельзя лучше подтверждаетъ, если это еще требуется, мысль, что не столько воззрѣнія отдѣльныхъ мыслителей на задачи воспитанія, сколько общественная структура государства и «высшія идеи о цѣляхъ и задачахъ» послѣдняго опредѣляютъ характеръ народнаго образованія. Государственныя задачи Швейцаріи — этой маленькой области, вкрапленной въ толщу крупныхъ политическихъ тѣлъ, не представляющей къ тому же единства ни въ географическомъ, ни въ этнографическомъ, ни даже въ политическомъ (господство кантональнаго начала) отношеніи—опредѣляются какъ задачи объединенія столь разнородныхъ ея элементовъ въ одно крѣпкое цѣлое и утвержденіе культурной самостоятельности и цѣнности учрежденій страны, отличительную черту коей составляетъ господство демократіи. Осуществленіе этихъ государственныхъ задачъ достигается, главнымъ образомъ, путемъ системы воспитанія юношества,

развивающей патріотизмъ и сознаніе отвѣтственности за использованіе политическихъ правъ въ интересахъ государства и подготовляющей юную демократію къ надлежащему использованію этихъ правъ. «Всякій отдѣльный швейцарецъ во всемъ своемъ жизненномъ обиходѣ и поведеніи, говоритъ Рюльманъ, долженъ сознавать отвѣтственность за существованіе своей родины, какъ отдѣльной государственной единицы», такъ какъ «въ эпоху образованія великихъ державъ существованіе мелкихъ государствъ кажется политически несостоятельнымъ». А вѣра въ особое политическое призваніе Швейцаріи (какъ единственной демократіи въ Европѣ) вмѣстѣ съ «погруженіемъ въ славную исторію Союза и любовнымъ преклоненіемъ передъ пейзажными красотами родной страны» образуютъ существеннѣйшіе элементы союзнаго патріотизма. Сказаннымъ предопредѣляется характеръ народнаго образованія въ Швейцаріи. Швейцарская природа, швейцарская исторія, швейцарское государственное устройство и текущія задачи государственнаго управленія — вотъ что лежитъ въ основѣ преподаванія въ швейцарской школѣ, и что приводитъ, правда, къ нѣкоторой узости кругозора швейцарскаго гражданина, но и къ глубинѣ пониманія родной страны.

Прошлое Швейцаріи наполнено вооруженной борьбой за свободу. Уже поэтому военныя доблести предковъ служатъ естественнымъ предметомъ культа даннаго мирнаго народа. Но военное, если не воинственное настроеніе швейцарцевъ усугубляется сознаніемъ опасности, грозящей маленькому государству среди крупныхъ политическихъ хищниковъ; и новѣйшая судьба несчастной Бельгіи ярко иллюстрируетъ эту идею. Военная подготовка Швейцаріи или, какъ выражается Рюльманъ, «поддержаніе и укрѣпленіе физическихъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ основъ родной военной силы» составляетъ поэтому столь же важную задачу швейцарской школы, какъ и развитіе патріотизма и сознанія гражданской отвѣтственности.

— Народное образованіе въ земствахъ. Подъ редакціей Е. А. Звягинцева, А. М. Обухова, С. О. Сѣрополко и Н. В. Чехова. Москва. 1914.

Народное образованіе составляетъ такую отрасль земскаго хозяйства, которая наиболѣе привлекаетъ къ себѣ денежныхъ средствъ и вниманія земскихъ и не-земскихъ дѣятелей, а также интересъ широкихъ слоевъ общества, и которая, не будучи строго спеціализированной, допускаетъ широкое участіе въ ней послѣдняго. Этотъ естественный интересъ общества къ дѣлу народнаго образо-

ванія и потенціальная его энергія далеко, однако, еще не использованы, и самое дѣло народнаго образованія въ Россіи ни съ педагогической, ни съ организаціонной стороны не находятся на значительной высотѣ. Причины такого явленія кроются и въ самомъ обществѣ, и въ недостаткахъ законодательства о самоуправленіи, и въ ограничительныхъ мѣрахъ правительства. Послѣдними, напр., земство почти отстранено отъ вліянія на педагогическую часть въ школѣ, и, кромѣ того, проявилась явная тенденція подчинить министерству народнаго просвѣщенія и организаціонную работу земствъ. Работа эта тѣмъ не менѣе составляетъ важнѣйшую часть земской дѣятельности, и всѣ живыя силы общества должны оказывать ему въ этомъ возможное содѣйствіе.

Книга, указанная въ заголовкѣ нашей замѣтки, идетъ именно изъ среды общества и имѣетъ задачей «придти на помощь земствамъ при перестройкѣ или созданіи желательной организаціи» школьнаго дѣла. Она же ведетъ земскую школу въ общество, потому что «способы привлеченія для исполнительной или хотя бы только для совѣщательной работы *всѣхъ* силъ, *всѣхъ* работниковъ, какихъ только земство сможетъ найти, наиболѣе производительное использованіе этихъ силъ, распредѣленіе ихъ функцій, характеръ ихъ работы, ихъ подготовка—вотъ о чемъ говорится въ настоящей книгѣ». Въ ней мы находимъ статьи о взаимоотношеніи въ дѣлѣ народнаго образованія губернскаго и уѣздныхъ земствъ, объ участіи въ организаціонной работѣ учащихъ и мѣстнаго населенія, о школьномъ хозяйствѣ, школьно-санитарномъ надзорѣ, библіотекахъ, учительскихъ курсахъ и съѣздахъ, о школьныхъ экскурсіяхъ, организаціи статистики, народнаго образованія и о внѣшкольномъ образованіи и т. п. и, наконецъ, о центральномъ справочномъ бюро по народному образованію, которое только-что затѣяно нѣкоторыми земствами, но уже успѣло ощутить на себѣ тяжелую руку внѣшней опеки. Во всѣхъ своихъ предложеніяхъ авторы стараются исходить изъ того цѣннаго, что уже сдѣлано тѣмъ или другимъ земствомъ, и не забываютъ рамокъ, очерченныхъ около земской работы соотвѣтствующимъ законодательствомъ. Имена редакторовъ и главныхъ авторовъ изданій позволяютъ надѣяться, что въ книгѣ использованъ по возможности весь опытъ въ школьномъ дѣлѣ лучшихъ нашихъ земствъ.

— А. И. Яроцкій. Какова должна быть средняя школа? Юрьевъ. 1914.

Справедливо возмущаясь характеромъ современной нашей средней школы, набивающей головы учениковъ непосильнымъ для нихъ фактическимъ матеріаломъ и пренебрегающей воспитаніемъ

ума учащагося, авторъ вышеназванной брошюры, по правилу: перегибай выпрямляемую палку въ противную сторону—создаетъ проектъ такой школы, единственная задача которой (на-ряду съ основательнымъ преподаваніемъ математики, какъ школы строгаго логическаго мышленія, русскаго и одного иностраннаго языка) «научить человѣка наблюдать и обобщать то, что получено наблюденіемъ». Сообщеніе систематическихъ фактическихъ знаній составляетъ, по мнѣнію автора, задачу высшей школы. Исходя изъ этихъ положеній, г. Яроцкій даетъ расписаніе уроковъ раціонально устроенной школы съ дневными занятіями учениковъ продолжительностью всего въ три часа и составленныя педагогами примѣрныя программы наукъ, приспособленныя къ такому расписанію. Но, какъ этого и слѣдовало ожидать, программы эти,—построенныя, правда, на началахъ противныхъ господствующимъ въ современной средней школѣ, т. е. стремящіяся преподать не столько факты, сколько законы подлежащихъ явленій, — суть все-таки программы научныхъ знаній, а не только методовъ обращенія съ фактами. Стволъ средняго образованія, изогнутый современной школой въ одну сторону и перегнутый г. Яроцкимъ въ другую, выпрямленъ этими программами; и вновь проектируемая преобразованная средняя школа оказалась, такимъ образомъ, удовлетворяющей не только задачѣ подготовленія юноши къ высшему учебному заведенію (что удостовѣряется авторомъ-профессоромъ университета), но и задачѣ преподанія главныхъ данныхъ науки тѣмъ, для кого гимназія является послѣдней школьной инстанціей.

В. В.

— De l'animal à l'enfant, par P. Hachet-Souplet. Paris, 1913 (Alcan).

Авторъ, спеціально посвятившій себя экспериментальному изученію психологическихъ основъ дрессировки животныхъ, дѣлаетъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ «Отъ животнаго къ ребенку» интересную попытку примѣнить результаты своихъ изслѣдованій въ мірѣ безсловесныхъ къ дрессировкѣ, или «воспитанію» Homo sapiens на первыхъ шагахъ жизни. Попытка эта, несомнѣнно, заслуживаетъ большого вниманія. Несомнѣнно, дрессировка играетъ большую роль въ дѣлѣ воспитанія, въ особенности дрессировка, такъ сказать, «одухотворенная», которую, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду нашъ изслѣдователь, отвергающій чисто-механическія формы дрессировки, основанныя на простомъ подражаніи. Его дрессировка обращается къ развитому инстинкту животнаго, замѣняющему послѣднему разумъ; онъ поэтому въ правѣ говорить, что обращается

къ пониманію своихъ питомцевъ. Поэтому онъ избѣгаетъ «исправительныхъ» наказаній и строгостей, и придаетъ особое значеніе хорошему настроенію, веселости, играмъ и т. под. Въ такомъ видѣ «дрессировка», несомнѣнно, и для дѣтей предпочтительнѣе иныхъ популярныхъ формъ «воспитанія». Б.

— І. М. Гольдштейнъ. Панамскій каналъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и наши торговые договоры. Москва. 1914.

Многочисленными статистическими данными авторъ старается обосновать въ этой работѣ мысль, высказываемую имъ въ другихъ публикаціяхъ, именно, что европейскому сельскому хозяйству вообще, русскому хозяйству въ частности еще рано праздновать побѣду надъ кризисомъ, вызваннымъ наплывомъ въ 80-хъ годахъ дешеваго заатлантическаго хлѣба; что сокращеніе этого наплыва и слѣдовавшее засимъ возвышеніе въ новѣйшее время хлѣбныхъ цѣнъ есть явленіе временное, которое должно смѣниться новымъ взрывомъ хлѣбной производительности на тихоокеанскомъ побережьѣ Америки, на территоріи Аргентины, Канады, Австраліи; что такой взрывъ подготовляется орошеніемъ безводныхъ степей и быстрымъ сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ въ отдаленныхъ и рѣдко населенныхъ мѣстностяхъ названныхъ странъ; что онъ уже находитъ себѣ и первое выраженіе въ быстромъ ростѣ запашекъ и получитъ сильный толчекъ со стороны вновь сооруженнаго Панамскаго канала, сокращающаго на тысячи миль разстояніе между Европой и западными частями Сѣверной и Южной Америки.

В. В.

— И. И. Левинъ. Германскіе капиталы въ Россіи. Петроградъ, 1914.

Маленькая книжка эта, выпущенная еще до войны, имѣетъ теперь особый, злободневный интересъ. Война, сразу остановившая и, вѣроятно, надолго прекратившая дѣятельность германскихъ капиталовъ и германской предпріимчивости въ Россіи, выдвинула на очередь дня вопросъ о значеніи этихъ капиталовъ въ экономической жизни Россіи. Всѣмъ извѣстно по личнымъ наблюденіямъ, что это значеніе весьма велико; нашъ авторъ дѣлаетъ попытку выразить его въ цифрахъ. Попытка эта не первая, но она имѣетъ то преимущество, что является по времени послѣдней, и поэтому содержитъ болѣе свѣжія данныя. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Особенно значительна роль германскихъ капиталовъ въ нашемъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, опирающемся вообще, главнымъ образомъ, на иностранномъ капиталѣ. Общая сумма германскихъ

капиталовъ, помѣщенныхъ въ облигаціяхъ нашихъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, опредѣляется авторомъ крупной цифрой 628 милліоновъ. Много помѣщено германскихъ капиталовъ въ русскихъ городскихъ займахъ и въ акціонерныхъ банкахъ. Глубокіе корни пустили германцы въ русской промышленности, но тутъ очень трудно опредѣлить ихъ долю въ цифрахъ, такъ какъ, въ отличіе отъ другихъ иностранныхъ капиталовъ, германскіе тутъ только въ малой части выливаются въ формѣ акцій, относительно легко поддающихся учету. Въ акціонерныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ германскіе капиталы преобладаютъ только въ химической, газовой и электрической промышленности.

Въ общемъ, данныя автора указываютъ на то, что очень большого мѣста въ русской экономической жизни германскіе капиталы не занимаютъ. Главнымъ содержаніемъ экономическихъ взаимоотношеній между Россіей и Германіей служитъ товарообмѣнъ. Объ интенсивности послѣдняго свидѣтельствуютъ цифры движенія германцевъ по Россіи. Такъ, въ 1912 г. прибыло въ Россію 2.555.700 германскихъ подданныхъ и выбыло 2.528.000. Б.

— А. Бѣлоруссовъ. Парижъ. Кн-во писателей въ Москвѣ. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

Въ книгѣ г. Бѣлоруссова собраны фельетоны-корреспонденціи, печатавшіяся послѣдніе годы въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Это рядъ живыхъ бытовыхъ очерковъ столицы Франціи. Они набросаны безъ особой послѣдовательности, но даютъ вдумчивое воспроизведеніе жизни Парижа, жизни различныхъ слоевъ города и его общихъ, иногда мимолетныхъ интересовъ и стойкихъ соціальныхъ настроеній и явленій. «Здѣсь видно, что умираетъ, и почему оно умираетъ,—и что рождается; какая заря меркнетъ за туманнымъ облакомъ, и какая восходитъ». Глубокая симпатія къ умѣющему работать, строить новую жизнь и веселиться трудовому, свободному народу Франціи переплетена съ тѣнью воспоминаній о томъ, какъ «молча, понуренные, сѣрые, точно поставленные на ноги мертвецы, тоскующіе и опустившіеся, бродили мы, «смертныя тѣни», въ подземномъ царствѣ» — то-есть, у себя дома. Это придаетъ фельетонамъ г. Бѣлоруссова особую теплоту и интересъ. Отчетливо разбираясь въ усложненной и пестрой жизни мірового города, авторъ даетъ много матеріала для пониманія и того, какъ современная Франція нашла въ себѣ колоссальныя силы духа для теперешней героической обороны, хотя собственно франко-германскихъ отношеній авторъ не касается.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Воинственное выступленіе Турціи. — Открытіе турецкаго наслѣдства.— Политика балканскихъ государствъ.—Италіянская дипломація.—Вопросъ о германскихъ звѣрствахъ.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 21 октября напечатанъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

«Въ безуспѣшной доселѣ борьбѣ съ Россіей, стремясь всѣми способами умножить свои силы, Германія и Австро-Венгрія прибѣгли къ помощи оттоманскаго правительства и вовлекли въ войну съ Нами ослѣпленную ими Турцію.

«Предводимый германцами турецкій флотъ осмѣлился вѣроломно напасть на Наше черноморское побережье.

«Немедленно послѣ сего повелѣли Мы россійскому послу въ Царьградѣ, со всѣми чинами посольскими и консульскими, оставить предѣлы Турціи.

«Съ полнымъ спокойствіемъ и упованіемъ на помощь Божію приметъ Россія это новое противъ нея выступленіе стараго утѣснителя христіанской вѣры и всѣхъ славянскихъ народовъ.

«Не впервые доблестному русскому оружію одолѣвать турецкія полчища,—покараетъ оно и на сей разъ дерзкаго врага Нашей родины. Вмѣстѣ со всѣмъ народомъ русскимъ Мы непреклонно вѣримъ, что нынѣшнее безразсудное вмѣшательство Турціи въ военныя дѣйствія только ускоритъ роковой для нея ходъ событій и откроетъ Россіи путь къ разрѣшенію завѣщанныхъ ей предками историческихъ задачъ на берегахъ Чернаго моря».

Нападеніе турецкаго флота, о которомъ упоминается въ манифестѣ, было совершено въ ночь на 16 октября въ Одессѣ и затѣмъ утромъ того же числа въ Севастополѣ, Ѳеодосіи и Новороссійскѣ. Какъ видно изъ оффиціальнаго сообщенія морского генеральнаго штаба, въ одесской гавани появились въ три часа утра два турецкихъ миноносца подъ русскимъ флагомъ, при чемъ командныя слова громко произносились на нихъ по-русски. Сторожевая канонерская лодка «Кубанецъ», не получивъ съ вошедшихъ миноносцевъ опознательнаго сигнала, открыла по нимъ огонь; другая же канонерская лодка «Донецъ»,—также стоявшая въ гавани, не успѣла выпустить ни одного снаряда, такъ какъ была потоплена первою же выпущенною турками миной. Обстрѣливаемые «Кубанцемъ», миноносцы ушли въ море, причинивъ незначительныя поврежденія стоявшимъ по близости коммер-

ческимъ судамъ. Въ седьмомъ часу того же утра подошелъ къ Севастополю крейсеръ «Гебенъ» и открылъ огонь; дозорный дивизіонъ миноносцевъ, подъ командой капитана перваго ранга, князя Трубецкого, бросился въ атаку противъ «Гебена», но долженъ былъ отступить, такъ какъ одинъ изъ миноносцевъ получилъ большую пробоину и на немъ вспыхнулъ пожаръ. Послѣ стрѣльбы, продолжавшейся около двадцати минутъ, «Гебенъ» удалился; въ пути онъ остановилъ транспортъ «Прутъ» и потребовалъ его сдачи; въ отвѣтъ на это «Прутъ», не имѣя артиллерійскаго вооруженія, поднялъ на мачтахъ военные флаги и направился къ берегу, и командиръ, открывъ кингстоны и взорвавъ подрывнымъ патрономъ днище, потопилъ транспортъ; при подготовкѣ второго взрыва погибъ лейтенантъ Регузскій. Всего погибло на «Прутѣ» два офицера, священникъ и двадцать шесть нижнихъ чиновъ; на миноносцѣ «Лейтенантъ Пущинъ» убито семь и столько же ранено нижнихъ чиновъ; на «Кубанцѣ» ранено семь нижнихъ чиновъ и на «Донцѣ» погибъ судовой врачъ. Въ Ѳеодосіи начальнику порта была передана записка на англійскомъ языкѣ, въ которой предлагалось предупредить мирное населеніе, что черезъ два часа начнется бомбардировка сооруженій, путей и амбаровъ. Турки подтверди это заявленіе по-русски смотрителю маяка. Турецко-германскій крейсеръ «Бреслау» бомбардировалъ городъ въ продолженіе цѣлаго часа, повредилъ своими снарядами соборъ, греческую церковь, портовые амбары и молъ, при чемъ убито двое и ранено трое рабочихъ. Около того же времени прибылъ въ «Новороссійскъ» турецкій крейсеръ «Гамидіе» (бывшій «Бранденбургъ») и предложилъ добровольно сдать городъ и казенное имущество, угрожая въ противномъ случаѣ бомбардировать городъ; послѣ обстрѣла нѣкоторыхъ городскихъ зданій крейсеръ ушелъ. «Гебенъ» и «Бреслау» успѣли пустить въ море нѣсколько минъ, отъ которыхъ погибли близъ Керчи два парохода Русскаго общества пароходства и торговли—«Ялта» и «Казбекъ».

Этотъ рядъ отдѣльныхъ одновременныхъ нападеній свидѣтельствовалъ о какомъ-то заранѣе составленномъ планѣ, имѣвшемъ цѣлью фактически втянуть Турцію въ войну вопреки желаніямъ и увѣреніямъ многихъ оффиціальныхъ турецкихъ дѣятелей и дипломатовъ. Снабдивъ турокъ оружіемъ, деньгами, броненосцами и офицерами подъ общей командой генерала Лимана фонъ-Сандерса, германское правительство потребовало наконецъ активнаго выступленія Порты противъ Россіи и ея союзниковъ, и оно добилось этого черезъ посредство военнаго министра Энвера-паши, который не стѣснялся дѣйствовать рѣшительно безъ вѣдома и согласія своихъ коллегъ. Говорятъ, что самъ великій визирь былъ озадаченъ совершившимся фактомъ и надѣялся объяснить его недоразумѣніемъ или ошибкой; но турец-

кіе министры были уже не въ силахъ вырваться изъ тисковъ, наложенныхъ на нихъ тяжелою рукою Германіи. Порта пыталась еще свалить отвѣтственность на русскій флотъ, сочинивъ небывалое нападеніе его на турецкія суда или на турецкое побережье; однако, эти запоздалыя выдумки никого не могли ввести въ заблужденіе. Такъ какъ Турція не согласилась или не имѣла возможности разоружить свои германскіе броненосцы и удалить командующихъ ими нѣмецкихъ офицеровъ, то послѣдовало объявленіе войны со стороны Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ состоялся формальный разрывъ между Турціею и союзными съ нами державами, Англіею, Франціею и Бельгіею; англо-французская эскадра бомбардировала Дарданеллы, и русскія войска выступили въ походъ противъ турокъ въ Малой Азіи.

Съ точки зрѣнія интересовъ Оттоманской имперіи, вмѣшательство ея въ войну противъ державъ тройственнаго согласія является совершенно непонятнымъ.

Германія ничего не можетъ предложить или гарантировать Турціи даже въ случаѣ своей побѣды; она не въ состояніи оказать ей какую бы то ни было помощь противъ флотовъ Англіи и Франціи, угрожающихъ всему ея побережью въ Эгейскомъ и Средиземномъ моряхъ,—между тѣмъ какъ Турція съ своей стороны безсильна противъ Россіи и ея союзниковъ и, несомнѣнно, рискуетъ своимъ существованіемъ, вступая въ борьбу съ антигерманскою коалиціею. До послѣдняго времени Турція пользовалась еще содѣйствіемъ и покровительствомъ западно-европейской дипломатіи въ важномъ для турокъ вопросѣ объ островахъ, занятыхъ греками; теперь Греція можетъ безпрепятственно присоединить эти острова къ своимъ владѣніямъ и завладѣть не только Эпиромъ, но и значительной частью Ѳракіи; Болгарія имѣетъ шансы вновь занять Адріанополь; Россіи ничто не препятствуетъ утвердиться на берегахъ Босфора, освободить турецкую Арменію отъ вѣкового гнета и завладѣть пограничными малоазіатскими землями. Англія объявила уже объ окончательномъ присоединеніи Кипра, который въ силу конвенціи 1878 г. оставался номинально подъ властью султана; она же получаетъ возможность, вмѣстѣ съ Франціею, захватить въ свои руки багдадскую желѣзную дорогу, которая фактически стала чисто нѣмецкимъ предпріятіемъ и открывала нѣмцамъ широкія перспективы будущаго преобладанія въ богатѣйшихъ отъ природы областяхъ Малой Азіи. Воинственное выступленіе турокъ представлялось чрезвычайно полезнымъ для Германіи въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, оно отвлекало часть вооруженныхъ силъ Россіи и причиняло ей крупныя затрудненія закрытіемъ выхода изъ Чернаго моря; во-вторыхъ, оно возбуждало—или должно было возбуждать—противъ Англіи милліоны ея мусульманскихъ подданныхъ и могло подвергнуть

опасности ея владычество въ Египтѣ и на Суэзскомъ каналѣ. Но какой смыслъ имѣло все это предпріятіе для Турціи? Можно было бы еще понять выступленіе ея противъ одной Россіи и притомъ въ самомъ началѣ войны, когда имѣлись еще шансы успѣха на сторонѣ Германіи и Австро-Венгріи; впутываться же въ войну съ своими старинными друзьями и защитниками, англичанами и французами, и поднимать противъ себя цѣлую коалицію европейскихъ державъ исключительно лишь для пользы и удовлетворенія Германіи, — было для турокъ явнымъ безуміемъ.

Энверъ-паша и сочувствующіе ему младо-турецкіе патріоты поставили ребромъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Турціи и однимъ ударомъ освободили Европу отъ всякихъ обязательствъ и заботъ относительно Оттоманской имперіи. Традиціонная формула объ охранѣ «цѣлости и неприкосновенности» этой имперіи окончательно отпадаетъ, и турецкое наслѣдство открывается для заинтересованныхъ союзныхъ странъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, съ полнымъ устраненіемъ двухъ могущественныхъ претендентовъ — Германіи и Австро-Венгріи. Старое соперничество между Англіею и Россіею изъза Константинополя и проливовъ потеряло свое значеніе въ виду совмѣстной тяжелой борьбы съ Германіею—борьбы, успѣшный исходъ которой составляетъ жизненный интересъ для англичанъ; поэтому весь такъ называемый восточный вопросъ можетъ и долженъ быть разрѣшенъ теперь разъ навсегда путемъ дружелюбнаго соглашенія между державами тройственнаго согласія.

Съ этой стороны надо признать, что вмѣшательство Турціи, вызванное одностороннимъ давленіемъ ея германскихъ совѣтниковъ и руководителей, вноситъ ясность въ общее международное положеніе и дѣлаетъ неизбѣжною окончательную ликвидацію цѣлаго ряда сложныхъ и щекотливыхъ проблемъ, служившихъ источникомъ постоянныхъ затрудненій и кризисовъ въ Европѣ. Англичане и французы, возмущенные неблагодарностью турокъ, заговорили теперь о необходимости покончить съ Оттоманскою имперіею, и осуществленіе этой мысли зависитъ уже преимущественно, если не исключительно, отъ Россіи. Для достиженія этой великой цѣли, связанной съ возрожденіемъ всѣхъ подвластныхъ туркамъ народовъ, требуется солидарность и единство дѣйствій между Россію и балканскими государствами— Греціею, Болгаріею, Румыніею, при чемъ взаимные счеты между болгарами и сербами, румынами и болгарами, должны быть улажены при русскомъ посредничествѣ. Албанія, искусственно созданная въ видѣ особаго государства, съ расширеніемъ ея границъ по австрійскимъ настояніямъ въ ущербъ сербамъ и грекамъ, перестала существовать въ предположенномъ видѣ; назначенный правитель ея, прусскій

майоръ, князь Вильгельмъ Видъ, покинулъ свое новое «отечество», гдѣ его довѣрчиво водворили державы тройственнаго согласія, и поступилъ обратно на службу въ германскую армію, чтобы воевать противъ этихъ же покровительствовавшихъ ему державъ. Франція, Англія и Россія снабжали этого прусскаго офицера деньгами, отнимали для него Скутари отъ черногорцевъ и Эпиръ—отъ грековъ, заграждали сербамъ выходъ къ морю во имя огражденія территоріальной цѣлости его государства, создали для него какой-то опереточный королевскій дворъ въ Дураццо, воображая въ немъ серьезнаго албанскаго «мбрета», родоначальника новой балканской династіи,—а онъ остался тѣмъ же германскимъ офицеромъ, какимъ былъ и раньше. Князь Видъ не сумѣлъ даже сохранить приличія относительно державъ тройственнаго согласія, признавшихъ его полунезависимымъ албанскимъ властелиномъ. Разумѣется само собою, что албанскій вопросъ подлежитъ теперь новому обсужденію и рѣшенію, при участіи Италіи, которая успѣла уже занять важный для нея портъ Валлону, замыкающій выходъ изъ Адріатическаго моря, противъ Бриндизи, въ проливѣ.

Общій ходъ событій побуждаетъ всѣ балканскія государства принять болѣе опредѣленную позицію, исключающую возможность прежнихъ недоразумѣній и колебаній. Въ Румыніи замѣчается нѣкоторая перемѣна политическаго курса послѣ смерти стараго короля Карла, Гогенцоллерна не только по рожденію, но и по чувствамъ и понятіямъ; наслѣдникъ его, король Фердинандъ, отчасти свободенъ отъ этихъ стѣснительныхъ традиціонныхъ связей, и отъ него ожидается болѣе національное направленіе, соотвѣтствующее политическимъ идеаламъ и стремленіямъ большинства румынскаго народа.

Умершій король былъ младшимъ братомъ того принца Леопольда, кандидатура котораго на испанскій престолъ послужила поводомъ къ франко-прусской войнѣ 1870 года; онъ привыкъ смотрѣть на прусскаго короля, какъ на истиннаго главу своего дома, и до конца своей жизни сохранялъ вѣрность Берлину. Къ Россіи онъ относился вообще недружелюбно, и эта скрытая непріязнь поддерживалась въ немъ непріятными воспоминаніями объ эпохѣ берлинскаго конгресса, когда въ награду за совмѣстныя военныя дѣйствія подъ Плевною отрѣзана была отъ Румыніи пограничная часть Бессарабіи и взамѣнъ предоставлена ей присоединенная отъ Турціи болотистая область Добруджи. Въ послѣдніе годы онъ былъ очень близокъ къ тройственному союзу и имѣлъ какія-то секретныя военныя соглашенія съ Австро-Венгріею; въ силу этихъ соглашеній онъ считалъ бы себя обязаннымъ вмѣшаться въ войну противъ Россіи, если бы послѣдняя была нападающею стороною, и его склонность къ подобной рискованной поли-

тикѣ вызывала вполнѣ естественную тревогу въ общественномъ мнѣніи Румыніи. Между народомъ и династіей устанавливался какой-то антагонизмъ, который неоднократно давалъ королю поводъ поднимать вопросъ объ отреченіи. Племянникъ его выросъ и воспитался при другихъ условіяхъ, вдали отъ родового гнѣзда принцевъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, и родственныя связи сближаютъ его болѣе съ Англіей и Россіею, чѣмъ съ Германіею—такъ какъ онъ женатъ на дочери великой княгини Маріи Александровны и покойнаго принца Альфреда Эдинбургскаго, герцога Кобургъ-Готскаго, младшаго брата короля Эдуарда VII. Династическія соображенія, такимъ образомъ, перестанутъ вліять на румынскую политику въ одностороннемъ германскомъ духѣ, и Румынія пріобрѣтаетъ возможность дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, независимо отъ посторонннихъ фамильныхъ вліяній. Но этотъ моментъ для дѣйствія настанетъ, повидимому, лишь послѣ того, какъ окончательно опредѣлится судьба Австро-Венгріи и для румынскихъ войскъ откроется свободный путь въ австрійскія владѣнія. Пока не наступитъ этотъ часъ развязки, Румынія будетъ, вѣроятно, соблюдать нейтралитетъ.

Династія играетъ весьма замѣтную роль и въ Болгаріи, гдѣ она также часто расходится съ народомъ въ вопросахъ внѣшней политики: царь Фердинандъ, потерявшій во второй балканской войнѣ всѣ плоды своихъ прежнихъ успѣховъ, продолжаетъ упорно проводить свои особыя политическія тенденціи, исключающія мысль о дѣйствительномъ сближеніи съ Россіею. Въ Болгаріи существуетъ вліятельная политическая партія, относящаяся довѣрчиво къ русской дипломатіи, но серьезные вопросы, касающіися всей будущности государства, должны рѣшаться на основаніи болѣе вѣскихъ мотивовъ, чѣмъ случайныя симпатіи или антипатіи. Болгарія могла формально соблюдать нейтралитетъ, пока происходила война между двумя группами могущественныхъ великихъ державъ; но ей трудно оставаться нейтральною по отношенію къ возникшей теперь русско-турецкой войнѣ, если противъ Турціи выступитъ Греція, интересы которой во многихъ пунктахъ сталкиваются съ интересами Болгаріи; а для послѣдовательнаго мирнаго разграниченія этихъ интересовъ потребуются параллельныя дѣйствія обѣихъ странъ. Союзъ съ Россіею противъ турокъ облегчитъ для болгаръ и соглашеніе съ Сербіею, которое рано или поздно должно непремѣнно устроиться ради общаго и прочнаго мира на Балканахъ.

Для Россіи новая турецкая война имѣетъ при современныхъ обстоятельствахъ огромное историческое значеніе: она разрѣшитъ важнѣйшіе и наиболѣе спорные вопросы международной политики въ Европѣ—вопросы о Босфорѣ и Дарданеллахъ, о Константинополѣ и

объ окончательномъ раздѣлѣ турецкаго наслѣдства между заинтересованными культурными націями. На эти неизбѣжные результаты «безразсуднаго вмѣшательства» Турціи ясно указано въ Высочайшемъ манифестѣ, по словамъ котораго для Россіи «откроется теперь» путь къ разрѣшенію завѣщанныхъ ей предками историческихъ задачъ на берегахъ Чернаго моря». Нельзя не отмѣтить также, что Константинополь названъ въ манифестѣ Царьградомъ: въ этомъ можно видѣть намекъ на будущую судьбу древней византійской столицы. Многое, конечно, зависитъ отъ общаго хода военныхъ событій, и заранѣе дѣлить добычу было бы неумѣстно; можно только пожелать, чтобы прежде всего были обезпечены интересы народностей, страдающихъ нынѣ подъ турецкимъ владычествомъ, и чтобы занимаемыя ими области не разсматривались какъ безхозяйныя владѣнія, подлежащія произвольному и искусственному распредѣленію между посторонними державами. Съ разрѣшеніемъ турецкаго вопроса исчезнетъ опаснѣйшій горючій матеріалъ европейской международной политики.

Почти одновременно съ старымъ румынскимъ королемъ умеръ другой вліятельный сторонникъ тройственнаго союза, итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ, маркизъ Санъ-Джуліано. Это совпаденіе обсуждалось въ заграничной печати какъ предвѣстникъ поворота въ политикѣ обоихъ нейтральныхъ государствъ, — что было не совсѣмъ справедливо по отношенію къ Италіи. Итальянская дипломатія, неизмѣнно разсчетливая и осторожная, всего менѣе руководится личными вліяніями, и старый парламентскій дѣятель, Соннино, вошедшій въ составъ обновленнаго кабинета Саландры, едва-ли внесетъ новый духъ во внѣшнюю политику Италіи. Сотрудникъ и единомышленникъ Криспи, баронъ Соннино былъ однимъ изъ первыхъ сторонниковъ сближенія и союза съ Германіею, и онъ, конечно, не станетъ ссориться съ Берлиномъ даже послѣ неудачнаго для нѣмцевъ исхода настоящей войны.

Итальянцы желали бы остаться въ мирѣ съ Германіею, но ничего не имѣли бы противъ разрыва съ Австро-Венгріею. Ненависть къ австрійцамъ распространена во всѣхъ классахъ итальянскаго общества:—однако, она сама по себѣ не могла служить достаточною причиною къ отказу отъ тройственнаго союза, пока послѣдній представлялъ собою наиболѣе выгодную политическую комбинацію. Подъ прикрытіемъ тройственнаго союза Италія успѣшно провела свою триполійскую кампанію, сохраняла свободу дѣйствій на ближнемъ Востокѣ, обезпечила свои интересы на Адріатикѣ и якобы временно, для санитарныхъ цѣлей, заняла портъ Валлону, котораго она уже не выпуститъ изъ рукъ. Зачѣмъ же ей выходить изъ нейтралитета?

Италія можетъ получить и нужныя ей австрійскія земли безъ выстрѣла, въ видѣ простой оккупаціи, послѣ окончательнаго разгрома

имперіи Габсбурговъ русскими войсками; и она спокойно ждетъ этой развязки, которая представляется возможною по общему ходу дѣлъ. Истрія, Тріестъ и часть Тироля съ Тріентомъ достанутся ей сами собою въ надлежащее время, при распаденіи Австро-Венгріи, — быть можетъ, даже съ согласія и одобренія Германіи; ибо нѣтъ другихъ претендентовъ на эти области, и никакія чужія войска не войдутъ въ ихъ предѣлы. Поэтому Италія считаетъ, что не имѣетъ надобности вмѣшиваться въ войну для полученія своей доли въ австрійскомъ наслѣдствѣ; она не должна безпокоиться, что пропуститъ надлежащій моментъ,—какъ приходится бояться этого Румыніи, для которой доступъ къ Семиградію открытъ лишь до занятія этой территоріи вооруженными силами Россіи. Безъ прямого выступленія противъ Австро-Венгріи Румынія рискуетъ остаться ни при чемъ или получить только то, что добровольно ей уступятъ другіе; но Италія во всякомъ случаѣ возьметъ свое, и ея законныя территоріальныя пріобрѣтенія не могутъ быть никѣмъ урѣзаны. Въ этомъ заключается существенная разница въ положеніи обѣихъ странъ, и этимъ же опредѣляется разница въ поведеніи ихъ правительствъ. Оттого и выжидательный нейтралитетъ Италіи имѣетъ менѣе тревожный, болѣе уравновѣшенный характеръ, чѣмъ нейтралитетъ Румыніи.

Рубрика «германскихъ звѣрствъ» не сходитъ со столбцовъ газетъ; она постоянно пополняется все новыми фактами, документами, свидѣтельскими показаніями, заявленіями потерпѣвшихъ или раненыхъ, откровенными письмами нѣмецкихъ солдатъ или офицеровъ и, наконецъ, разсказами запуганныхъ жителей занятыхъ территорій. Многія жестокости вызываются, повидимому, болѣзненнымъ чувствомъ страха за свою безопасность среди чуждаго, озлобленнаго населенія, боязнью шпіонства и засады изъ-за угла, крайнимъ раздраженіемъ вслѣдствіе испытанныхъ неудачъ, лишеній и голода; но огромное большинство совершаемыхъ нѣмцами нарушеній установленныхъ правилъ и обычаевъ войны, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ общимъ принципамъ и взглядамъ командующихъ лицъ и вытекаетъ изъ распоряженій и приказовъ высшаго начальства, а вовсе не изъ случайныхъ и произвольныхъ злоупотребленій. Это подтверждается однородностью и систематичностью фактовъ, повторяющихся повсюду, на всѣхъ нынѣшнихъ театрахъ войны.

Не мало ужасающихъ приказовъ военныхъ властей найдено было у раненыхъ и убитыхъ германскихъ офицеровъ, и они опубликовывались въ свое время, но не было ни одного такого приказа, который предписывалъ бы войскамъ избѣгать ненужныхъ жестокостей, обращаться по-человѣчески съ мирными жителями и плѣнными, ща-

дить церкви и старинные памятники, не разрушать городовъ и селъ послѣ занятія ихъ, не допускать грабежей и произвольныхъ насилій. Если бы императоръ Вильгельмъ II сказалъ хоть одно слово въ этомъ родѣ и если бы его генералы хотя бы одинъ разъ напомнили войскамъ, что они воюютъ съ непріятельскими арміями, а не съ мирнымъ населеніемъ, то, конечно, не было бы той системы безсмысленныхъ ужасовъ, которая отличаетъ эту войну отъ всѣхъ предыдущихъ войнъ. Но за всѣ три мѣсяца войны Вильгельмъ II, ни въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ приказовъ и обращеній къ войскамъ, не произнесъ такого слова, которое осуждало бы ненужныя звѣрства; напротивъ, онъ призывалъ къ чувствамъ злобы и ненависти, требовалъ безпощадныхъ жертвъ, употреблялъ рѣзкія и оскорбительныя выраженія о непріятелѣ, и грозилъ противнику самыми страшными карами возмездія; между прочимъ, онъ предлагалъ своимъ генераламъ «перейти черезъ трупы ничтожной, презрѣнной арміи Френча»,—той арміи, которая потомъ дала почувствовать германцамъ свою упорную силу и способствовала крушенію всего ихъ плана на западномъ фронтѣ франко-бельгійскаго театра войны. Въ такомъ же вызывающемъ, оскорбительномъ тонѣ говорили въ своихъ приказахъ и полководцы Вильгельма II—прусскій кронпринцъ, баварскій принцъ Рупрехтъ, герцогъ Вюртембергскій и другіе; ихъ примѣру слѣдовали и второстепенные командиры, а за ними все офицерство,—и не было абсолютно никого, кто удерживалъ бы армію отъ явныхъ беззаконій. Въ арміи систематически возбуждались хищническіе и звѣрскіе инстинкты, и самыя дикія проявленія ихъ не встрѣчали отпора или порицанія свыше.

Отвѣтственность за это лежитъ всецѣло на императорѣ Вильгельмѣ II и его генералахъ. Ближайшіе совѣтники его, начиная съ канцлера Бетманъ-Гольльвега, придумывали оправданія даже для такихъ актовъ вандализма, какъ умышленное сожженіе Лувена и разрушеніе Реймскаго собора. За ними повторяютъ тѣ же оправданія газетные публицисты, извѣстные писатели и даже знаменитые ученые. Послѣдніе въ своемъ манифестѣ заявили, что никакихъ «самовольныхъ насилій» германскіе солдаты не совершаютъ, и въ этихъ словахъ можно видѣть косвенное подтвержденіе того, что совершаемыя насилія дозволяются начальствомъ и не противорѣчатъ военной дисциплинѣ. Тѣмъ же духомъ злобы проникнуты и многія частныя лица, увѣренныя въ коварномъ, безпричинномъ нападеніи чужихъ народовъ. Эта злоба захватила даже нѣмецкихъ женщинъ, и она выражается нерѣдко въ крайне варварскихъ формахъ. Французскія газеты приводятъ текстъ письма, найденнаго въ карманѣ одного раненаго нѣмца; жена пишетъ ему, чтобы онъ

не щадилъ мерзавцевъ-враговъ, ни женщинъ, ни дѣтей, — и французы съ рыцарскимъ изяществомъ отослали это письмо обратно злобной нѣмкѣ, съ прибавкою слѣдующихъ словъ: «Мадамъ, мы нашли это письмо въ карманѣ вашего мужа; онъ раненъ и пользуется у насъ заботливымъ уходомъ». Эта германская патріотка упустила изъ вида, что и французы берутъ нѣмцевъ въ плѣнъ и могутъ поступать съ ними жестоко; объ этомъ забываютъ и всѣ тѣ, кто рекомендуетъ суровыя мѣры противъ иностранцевъ и потомъ жалуются на еще болѣе суровыя отвѣтныя мѣропріятія чужихъ государствъ. Принципъ взаимности обязателенъ и на войнѣ. Если германское правительство обращается грубо и рѣзко съ русскими подданными, то неизбѣжно пострадаютъ за это и тысячи германскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Россіи. Какъ нѣмцы поступаютъ съ русскими военноплѣнными, такъ и русскіе могутъ поступать съ ихъ военноплѣнными, и, слѣдовательно, собственные интересы нѣмецкаго народа требовали бы внимательнаго и разумнаго отношенія къ правамъ иностранцевъ и военноплѣнныхъ въ предѣлахъ германской территоріи. Это элементарное соображеніе какъ будто не существовало для нѣмцевъ при началѣ войны, но мало-по-малу оно проникаетъ въ умы и начинаетъ сказываться въ дѣйствіяхъ нѣмецкихъ военныхъ организацій и въ настроеніи нѣкоторой части нѣмецкаго общества.

Впрочемъ, надо отдать справедливость и обличителямъ «германскихъ звѣрствъ»: они иногда сочиняютъ такіе факты, которыхъ вовсе не было, или обобщаютъ отдѣльные случаи безъ достаточнаго къ тому основанія. Такъ, напр., газеты сообщали о сожженіи знаменитаго замка Шантильи, пожертвованнаго покойнымъ герцогомъ Омальскимъ французской академіи и заключающаго въ себѣ богатѣйшія коллекціи художественныхъ произведеній, старинныхъ вещей, рукописей и книгъ. Появились даже изображенія замка до и послѣ его разрушенія. О печальной судьбѣ Шантильи упоминалось рядомъ съ именами Лувэна и Реймса. Между тѣмъ въ парижскомъ «Temps» отъ 12 октября напечатанъ подробный разсказъ хранителя замка о томъ, какъ ему удалось благополучно избѣгнуть непріятныхъ инцидентовъ во время пребыванія прусскихъ войскъ въ Шантильи. Командиръ полка, которому назначено было помѣститься въ замкѣ, оказался довольно корректнымъ и сговорчивымъ господиномъ; при осмотрѣ музейныхъ залъ, онъ былъ, видимо, смущенъ ихъ пустотою и спросилъ, куда дѣлись всѣ драгоцѣнныя коллекціи; въ отвѣтъ на замѣчаніе, что онѣ уложены въ ящики, которые хранятся въ подвалахъ замка, въ виду возможной опасности отъ бомбардировки или пожара, онъ сухо сказалъ: «вы боялись ограбленія музея, сознайтесь». Отрядъ былъ кое-какъ размѣщенъ и накормленъ. Труднѣе было удовлетворить требованія офицеровъ, но

и ихъ успокоили, и только вечеромъ пришлось долго и безплодно убѣждать ихъ, чтобы они отказались отъ мысли привести коней по парадной лѣстницѣ наверхъ и устроить ихъ на ночь въ залахъ замка; хранитель музея вынужденъ былъ обратиться къ содѣйствію полковника, который устранилъ и это затрудненіе. На слѣдующій день полкъ долженъ былъ уйти, чтобы принять участіе въ начавшемся боѣ на Марнѣ. Замокъ Шантильи остался цѣлъ, хотя, конечно, онъ могъ и пострадать; но, во всякомъ случаѣ, распространенное нѣкоторыми газетами извѣстіе объ его разрушеніи было совершенно неосновательно, и напрасно обвиняли нѣмцевъ по этому поводу.

Приведемъ другой примѣръ—не изъ области «звѣрствъ», а изъ репортерскихъ отчетовъ и «интервью». Недавно были напечатаны въ газетахъ чрезвычайно рѣзкія и прямо ругательныя сужденія Артура Шницлера о русской литературѣ и о Львѣ Толстомъ, о Метерлинкѣ и Анатолѣ Франсѣ, въ связи съ необыкновенно хвастливыми отзывами о собственномъ литературномъ творчествѣ. Эти странныя и далеко не остроумныя выходки популярнаго и у насъ писателя вызвали соотвѣтственные отвѣты въ нашей печати,—между прочимъ, и со стороны А. И. Куприна. Однако, въ дѣйствительности оказывается, что Шницлеръ ничего подобнаго не говорилъ: онъ проживалъ въ Швейцаріи и Италіи въ тотъ періодъ времени, къ которому относится газетный отчетъ, и случайно находился тамъ въ обществѣ нѣсколькихъ русскихъ, предъ которыми высказывалъ взгляды, не имѣющіе ничего общаго съ приписанными ему идеями. Кто и для чего придумалъ исторію съ Шницлеромъ — неизвѣстно; но репутаціи этого автора нанесенъ у насъ чувствительный ударъ, а опроверженіе, если оно появится гдѣ-нибудь на чужбинѣ, едва-ли дойдетъ до нашей публики. Приходится поневолѣ относиться съ большимъ скептицизмомъ къ массѣ ежедневно сообщаемыхъ свѣдѣній по модному вопросу о германскихъ звѣрствахъ.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГЪ И ВОЕННЫЙ СБОРЪ.

Въ послѣднее время говорилось много о настоятельной необходимости введенія у насъ подоходнаго налога, мысль о которомъ возникла уже давно и проектъ котораго былъ внесенъ министромъ финансовъ В. Н. Коковцевымъ еще въ 1907 году во 2-ю Государственную Думу. О немъ вспомнили теперь въ виду современнаго состоянія нашего государственнаго казначейства, вынужденнаго считаться

съ значительнымъ сокращеніемъ доходовъ казны вслѣдствіе прекращенія продажи крѣпкихъ напитковъ и уменьшенія ряда поступленій отъ таможенныхъ, желѣзнодорожныхъ и другихъ сборовъ. Подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и министерство финансовъ вынуждено было, такъ или иначе, обратить вниманіе на этотъ, нѣкогда самимъ же вѣдомствомъ рекомендованный, источникъ пополненія средствъ казны и рѣшилось поставить вопросъ о подоходномъ налогѣ на очередь. Но оно ставитъ его не въ той формѣ, въ какой онъ былъ предложенъ въ первоначальномъ проектѣ, а въ значительно измѣненной, при чемъ желаетъ воспользоваться имъ въ качествѣ мѣры чрезвычайной и, главнымъ образомъ, для установленія *особаго военнаго сбора.*

Рѣчь о такомъ сборѣ шла,—какъ было указано въ прошлой книжкѣ журнала [1]),—въ междувѣдомственномъ совѣщаніи, состоявшемся въ августѣ мѣсяцѣ подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ. Совѣщаніе это не признало возможнымъ принять ни министерскаго проекта военнаго сбора, ни предложенныхъ въ самомъ совѣщаніи измѣненій его и поручило вѣдомству разработать данный вопросъ снова. Въ настоящее время, министерство финансовъ, какъ сообщаетъ «Правительственный Вѣстникъ» (№ 239), исполнило данное ему порученіе и предполагаетъ слѣдующимъ образомъ измѣнить построеніе этого военнаго налога.

«Для того, чтобы налогъ охватилъ возможно большій кругъ плательщиковъ и далъ существенные финансовые результаты, предполагается основную мысль налога съ освобожденныхъ отъ воинской повинности лицъ поставить на болѣе широкій базисъ и къ налогу, въ видѣ особаго военнаго сбора, привлечь не только тѣхъ, кто освобожденъ по призыву, но *все населеніе, которое не участвуетъ непосредственно въ настоящее время въ томъ или иномъ видѣ въ оборонѣ страны.* Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается не оставлять и первоначальной мысли о налогѣ съ лицъ, освобожденныхъ отъ воинской повинности.

«Обращаясь къ вопросу о построеніи налога, министерство предполагаетъ, что внѣ началъ подоходнаго обложенія сообразованіе налога съ достаткомъ плательщика представляется недостигающимъ своей цѣли. Поэтому предполагается для обложенія военнымъ сборомъ не участвующихъ въ оборонѣ лицъ установить подоходный налогъ, проектъ котораго разсмотрѣнъ и финансовой комиссіей III-ей Государственной Думы, и финансовой комиссіей Думы четвертаго созыва, со слѣдующими двумя существенными отступленіями: къ этому налогу не бу-

---

[1]) См. «Увеличеніе податного бремени», «Вѣст. Европы», октябрь текущаго года

дутъ привлечены принимающіе участіе въ оборонѣ страны, а затѣмъ, разсматривая этотъ налогъ, какъ *чрезвычайный*, предположено повысить окладъ его, и вмѣсто ранѣе предположенныхъ ставокъ отъ 1% до 5% установить обложеніе, начиная съ оклада въ 1,5% и доведя его до 8%».

Предположенныя отступленія отъ первоначальнаго плана подоходнаго налога весьма существенны. Первое изъ нихъ, указывающее на временный характеръ налога, освобождаетъ отъ платежа его всѣхъ, принимающихъ участіе въ оборонѣ страны; оно касается, собственно говоря, лицъ изъ состоятельнаго класса, такъ какъ огромное большинство нижнихъ воинскихъ чиновъ и безъ предположеннаго отступленія, уже по своему имущественному положенію, были бы свободны отъ несенія тягости подоходнаго налога. Разумѣется, такое освобожденіе должно весьма замѣтно повліять на размѣръ ожидаемаго отъ налога поступленія и, конечно, учтено вѣдомствомъ. Дальнѣйшее измѣненіе—повышеніе оклада налога до 8%—совершенно правильно и есть прямое слѣдствіе признанія подоходнаго налога мѣрой чрезвычайной, вводимый въ формѣ спеціально военнаго сбора.

Вторую часть военнаго сбора—*обложеніе лицъ, освобожденныхъ отъ воинской повинности*, при наличіи общаго подоходнаго налога предполагается,—по свѣдѣнію «Правит. Вѣстника»,—построить въ качествѣ *добавочнаго* къ общеподоходному налогу, обложивъ имъ не только самихъ освобожденныхъ отъ воинской повинности, но и родителей этихъ лицъ. Послѣднее, по мнѣнію министерства, имѣетъ за собой глубокія жизненныя основанія и необходимо въ цѣляхъ равномѣрности распредѣленія налоговыхъ тяготъ.

«Размѣръ налога какъ съ самихъ освобожденныхъ отъ воинской повинности лицъ, такъ и съ ихъ родителей предложенъ министерствомъ финансовъ въ 50% оклада, уплачиваемаго тѣми же лицами за данный годъ въ качествѣ подоходнаго налога. Въ цѣляхъ, однако, облегченія налогового бремени для лицъ съ доходами небольшихъ размѣровъ предположено освободить отъ налога тѣхъ родителей, доходъ коихъ будетъ менѣе 2.000 рублей. Предполагается далѣе освободить отъ обложенія какъ при общеподоходномъ налогѣ, такъ и при налогѣ съ освобожденныхъ отъ воинской повинности лицъ, взимаемомъ въ дополненіе къ подоходному, кругъ лицъ, доходъ коихъ ниже 1.000 руб.

«Въ виду того, что въ области налога съ освобожденныхъ отъ воинской повинности лицъ главная масса плательщиковъ состоитъ изъ лицъ съ доходомъ ниже 1.000 руб. и что освобожденіе ихъ отъ налога, при непривлеченіи къ общеподоходному, можетъ создать для нихъ двукратную льготу, предположено всѣхъ неплатящихъ подоходный налогъ и освобожденныхъ отъ воинской повинности облагать въ размѣрѣ 6 рублей въ годъ. Срокъ, въ теченіе котораго этотъ налогъ

долженъ быть взимаемъ, министерство финансовъ считаетъ возможнымъ установить 22 года, время пребыванія въ ополченіи, но съ тѣмъ, что къ платежу налога въ первый годъ его введенія будутъ привлечены только освобожденные на 4 послѣднихъ призыва».

Указанные здѣсь сроки нѣсколько путаютъ и затемняютъ вопросъ о времени, на которое разсчитано дѣйствіе проектированнаго закона. Но, оставляя въ сторонѣ это *добавочное* обложеніе лицъ, освобожаемыхъ отъ воинской повинности,—по поводу чего мнѣ уже пришлось говорить въ указанной выше статьѣ,—долженъ признать, что основная идея министерства превратить самый подоходный налогъ въ налогъ чрезвычайный и спеціально военный—мысль неправильная. Что на основѣ подоходнаго налога и пользуясь имъ, министерство могло попытаться организовать, по примѣру нѣмецкаго Wehrbeitrag,—особый имущественно-подоходный сборъ для военныхъ надобностей,—въ этомъ, разумѣется, нѣтъ никакого сомнѣнія, и если бы такой сборъ былъ установленъ, то онъ заслуживалъ бы полнаго одобренія. Но чѣмъ могло быть вызвано рѣшеніе министерства измѣнить свой взглядъ на подоходный налогъ, который оно разсматривало прежде, какъ налогъ постоянный, а не чрезвычайный? Вѣдь въ проектѣ, внесенномъ въ государственную думу министромъ Коковцевымъ, налогъ этотъ предполагался построить,—по германскому образцу,—въ качествѣ *дополнительнаго* къ существующимъ видамъ реальнаго обложенія. Можно предположить развѣ только одно: не разсчитывая встрѣтить со стороны вліятельныхъ сферъ сочувствія идеѣ введенія у насъ подоходнаго налога, министерство финансовъ не рѣшилось, даже въ настоящихъ трудныхъ условіяхъ, проводить его и надумало воспользоваться имъ лишь въ качествѣ налога чрезвычайнаго, приноровленнаго спеціально для военныхъ надобностей. Если это такъ, то слѣдуетъ очень пожалѣть объ отказѣ министерства отъ защиты его же собственнаго первоначальнаго законопроекта, имѣвшаго въ виду внести существенное улучшеніе въ наше податное дѣло. Какъ на постоянный налогъ и отнюдь не имѣющій характера временнаго и чрезвычайнаго, смотрѣли на него именно и въ коммиссіяхъ Государственной Думы.

Исторія этого первоначальнаго законопроекта, какъ я уже имѣлъ случай высказывать, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Переданный изъ второй въ третью Государственную Думу проектъ подоходнаго налога, послѣ подробнаго постатейнаго обсужденія въ особой подкоммиссіи, былъ принятъ въ финансовой комиссіи еще въ 1910 году. Тщательно разработанный проектъ этотъ не прошелъ, къ сожалѣнію, чрезъ общее собраніе Думы и достался въ наслѣдство четвертой Государственной Думѣ. Послѣдняя не сдѣлала ничего въ первую сессію, но въ сессію прошлую ея финансовая комисссія образо-

вала подкоммиссію, которая пересмотрѣла переработаный комиссіей третьей Думы законопроектъ министерства и закончила эту работу къ концу сессіи.

Въ главныхъ чертахъ законопроектъ этотъ, послѣ его разсмотрѣнія въ финансовой подкомиссіи 4-й Государственной Думы, таковъ.

Прежде всего, подоходный налогъ проектированъ у насъ—повторяю, — въ качествѣ налога *дополнительнаго* къ существующимъ видамъ реальнаго обложенія. Онъ построенъ на началахъ подоходности, введенія довольно высокаго прожиточнаго минимума (свободнаго отъ обложенія) и прогрессивности ставокъ. При такой конструкціи налога малосостоятельные разряды населенія освобождаются отъ него, и, наоборотъ, къ несенію податной тяготы привлекаются такіе разряды, которые до сихъ поръ несли бремя обложенія въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ.

Первый вопросъ,—кто является плательщикомъ налога,—разрѣшается законопроектомъ по признаку связи плательщика съ территоріей государства, связи, какъ личной, такъ и имущественной. А потому налогу подлежатъ: русскіе подданные, за исключеніемъ тѣхъ, которые, не имѣя постояннаго мѣстожительства въ имперіи, кромѣ Великаго Княжества Финляндскаго, проживаютъ свыше двухъ лѣтъ подъ-рядъ за границей или въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, а также иностранные подданные и финляндскіе граждане, имѣющіе постоянное мѣстожительство въ имперіи или пребывающіе въ ней свыше одного года или хотя бы и менѣе одного года, но пребывающіе для заработка или для приносящихъ выгоды занятій. Налогъ предположено взимать,—по примѣру иностранныхъ законодательствъ,—такъ: при совмѣстной жизни супруговъ къ доходу мужа предполагалось причислять доходъ жены; прочіе же члены семьи, имѣющіе самостоятельные источники дохода, должны облагаться отдѣльно отъ главы семьи.

Это послѣднее постановленіе министерство намѣрено въ настоящее время измѣнить и рѣшаетъ въ выработанномъ имъ новомъ проектѣ налога принять соотвѣтствующую статью въ редакціи первоначальнаго своего законопроекта, по которой каждый изъ членовъ семьи признавался самостоятельнымъ плательщикомъ подоходнаго налога. Оно полагаетъ придержаться того же правила и въ губерніяхъ Царства Польскаго, а также Прибалтійскихъ (отчасти въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской), гдѣ плательщикомъ налога по совокупному доходу членовъ семьи признается глава семейства, въ распоряженіи котораго, по мѣстнымъ узаконеніямъ этихъ губерній, поступаютъ доходы членовъ его семьи.

Кромѣ лицъ физическихъ, къ обложенію подоходнымъ налогомъ

предполагается привлекать также и лицъ юридическихъ, но съ опредѣленными изъятіями. Такъ изъ разряда юридическихъ лицъ публично правового характера освобождаются, напримѣръ, земскія и городскія учрежденія, какъ учрежденія всесловныя (кромѣ ихъ доходовъ отъ содержимыхъ ими кредитныхъ учрежденій); всякаго рода благотворительныя, ученыя, просвѣтительныя и художественныя Общества и т. д. Изъ разряда юридическихъ лицъ частно правового характера между прочимъ не подлежатъ налогу учрежденія мелкаго кредита, сельскохозяйственныя и иныя Общества, не преслѣдующія коммерческихъ цѣлей. Надо замѣтить, что одно изъ существенныхъ отличій проекта комиссіи третьей Государственной Думы отъ проекта подкомиссіи четвертой Думы состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ признано справедливымъ привлекать къ обложенію подоходнымъ налогомъ,—согласно предложенію министра финансовъ,—акціонерныя предпріятія, которыя предполагала освободить отъ такого обложенія финансовая комиссія третьей Государственной Думы.

Комиссія эта въ своемъ рѣшеніи руководствовалась слѣдующими основаніями. Если указанныя предпріятія и являются въ гражданскомъ оборотѣ самостоятельными субъектами правъ, то ихъ нельзя все-таки считать совершенно независимыми въ имущественныхъ правахъ отъ ихъ участниковъ, такъ какъ въ концѣ концовъ и ихъ доходы, и ихъ капиталы принадлежатъ не имъ, а акціонерамъ, между которыми эти доходы распредѣляются соотвѣтственно долѣ участія каждаго въ складочномъ капиталѣ. Въ силу такой природы предпріятій акціонернаго типа обложеніе ихъ и одновременное обложеніе выданнаго акціонерамъ дивиденда въ составѣ личнаго дохода явится повторнымъ. Затѣмъ, по мнѣнію той же комиссіи 3-й Госуд. Думы, акціонерныя предпріятія у насъ, въ качествѣ подотчетныхъ, и безъ того чрезвычайно обременены весьма высокимъ промысловымъ обложеніемъ въ формѣ двухъ налоговъ: пропорціональнаго съ капитала и прогрессивнаго, взимаемаго въ процентномъ отношеніи къ прибыли. Этотъ послѣдній налогъ по существу и по формѣ вполнѣ однороденъ проектируемому подоходному налогу, вслѣдствіе чего принужденіе акціонерныхъ компаній уплачивать этотъ послѣдній явится для нихъ повторнымъ прогрессивно-подоходнымъ обложеніемъ. Наконецъ, по мнѣнію той же комиссіи, съ точки зрѣнія чисто фискальной рѣшеніе, будутъ ли вышеозначенныя предпріятія обложены подоходнымъ налогомъ или изъяты отъ послѣдняго, въ сущности безразлично, ибо вопросъ этотъ поставленъ въ прямую зависимость отъ размѣра обложенія промысловымъ налогомъ самимъ же правительствомъ, предложившимъ, во избѣжаніе переобремененія акціонерныхъ предпріятій, понизить скалу дополнительнаго промысловаго налога съ такимъ расчетомъ, чтобы

общая сумма поступленія съ подотчетныхъ предпріятій по подоходному и пониженному промысловому налогамъ составляла именно то, что́ уплачиваютъ они по существующему промысловому налогу.

Подкомиссія четвертой Госуд. Думы, однако, не согласилась съ этими доводами. Какъ видно изъ мотивовъ ея рѣшеній, повторность обложенія въ данномъ случаѣ, на которую указывала финансовая комиссія Государственной Думы третьяго созыва, не можетъ служить доводомъ къ освобожденію акціонерныхъ предпріятій отъ подоходнаго обложенія по ихъ прибылямъ. Повторное обложеніе неустранимо не только въ этомъ, но и во многихъ другихъ случаяхъ, и это обстоятельство, однако, не вызываетъ возраженій и требованій объ изъятій отъ подоходнаго налога. Акціонерныя, паевыя и т. п. компаніи, общества и товарищества представляютъ собою добровольные союзы, образуемые съ промышленною или торговою цѣлью, и обладаютъ одинаковыми съ физическими лицами гражданскими правами, являясь въ гражданскомъ оборотѣ вполнѣ самостоятельными отъ своихъ участниковъ юридическими лицами, а потому принципіальныхъ возраженій противъ ихъ обложенія походнымъ налогомъ быть не можетъ. Съ другой стороны, нѣтъ никакого основанія отожествлять ихъ съ ихъ участниками и въ экономическомъ смыслѣ, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что хотя капиталъ такихъ предпріятій и есть результатъ взносовъ ихъ участниковъ, тѣмъ не менѣе экономическая его цѣнность несравненно болѣе значительна, чѣмъ цѣнность этихъ взносовъ, взятыхъ въ отдѣльности. Въ этомъ смыслѣ капиталы складочнаго предпріятія слѣдуетъ разсматривать въ сущности, какъ совершенно новый источникъ дохода, котораго не было бы, если бы доли, его составляющія, остались расчлененными въ рукахъ ихъ собственниковъ. Къ тому же нельзя упускать изъ виду, что акціонерныя предпріятія въ современной экономической жизни являются едва-ли не сильнѣйшими, а, стало быть, и наиболѣе платежеспособными хозяйственными организаціями современной эпохи, почему въ освобожденіи ихъ отъ походнаго налога, при одновременномъ обложеніи имъ всѣхъ другихъ хозяйствъ страны, нельзя было бы не усмотрѣть рѣзкаго нарушенія принципа податной справедливости. При этомъ необходимо замѣтить, что далеко не всѣ прибыли выдаются въ дивидендъ акціонерамъ и что значительныя доли ихъ отчисляются въ различные капиталы самаго акціонернаго общества и могутъ быть, поэтому, уловлены подоходнымъ налогомъ только путемъ обложенія самихъ обществъ. Наконецъ, по мнѣнію подкомиссіи, никакого принципіальнаго противорѣчія въ обложеніи прибылей акціонерныхъ компаній одновременно и дополнительнымъ промысловымъ налогомъ и подоходнымъ усматривать нельзя, ибо подоходный налогъ вводится у насъ въ допол-

неніе къ существующимъ реальнымъ налогамъ, которые предполагается оставить безъ всякаго измѣненія. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого повода, да и едва-ли было бы справедливымъ по отношенію къ плательщикамъ, имѣющимъ другіе фундированные доходы, освобождать акціонерныя предпріятія отъ подоходнаго обложенія, и это тѣмъ болѣе, что одновременно съ введеніемъ подоходнаго налога имѣется въ виду существенно исправить недостатки дѣйствующей скалы дополнительнаго промысловаго сбора съ подотчетныхъ предпріятій и понизить ее.

Въ настоящее время, министерство финансовъ, какъ слышно, измѣняетъ свою первоначальную точку зрѣнія и предполагаетъ принять, относительно акціонерныхъ предпріятій, постановленіе комиссіи 3 й Государственной Думы, т. е. намѣрено освободить отъ налога акціонерныя компаніи.

Что касается до объекта подоходнаго налога, то проектъ финансовой подкомиссіи признаетъ таковымъ *совокупный доходъ* плательщика (при чемъ въ доходъ зачисляются поступленія изъ всякаго рода источниковъ), какъ дѣйствительно полученный, такъ и причитающійся къ полученію, въ какой бы формѣ таковой доходъ ни получался. Однако, цѣлый рядъ поступленій по различнымъ мотивамъ не причисляется къ облагаемому доходу; напр., доходы духовныхъ установленій, сословныхъ и биржевыхъ обществъ, расходуемые на богоугодныя, благотворительныя и просвѣтительныя цѣли; служебное вознагражденіе чиновъ арміи и флота и т. д. Въ доходъ зачитываются поступленія не случайныя, а имѣющія періодическій характеръ; но изъ такого дохода, образованнаго, какъ сказано, изъ совокупныхъ поступленій и выгодъ, исключаются опредѣленные расходы.

Подлежащими исключенію изъ дохода расходами финансовая подкомиссія признаетъ расходы по полученію, обезпеченію и сохраненію дохода, а также уплачиваемые плательщикомъ прямые налоги—государственные и мѣстные; ежегодныя отчисленія на погашеніе стоимости имущества; проценты по долгамъ, а также всякаго рода обязательныя для плательщика повременныя уплаты и даже добровольные взносы по страхованію плательщика и членовъ его семьи на сумму, однако, не свыше 300 руб. Обложеніе предполагается производить не по доходу окладного года, который не можетъ быть выясненъ ранѣе окончанія этого года, а по доходу, полученному въ предшествующемъ (календарномъ или операціонномъ) окладному году.

Вопросъ о самомъ размѣрѣ обложенія распадается на два вопроса: какой по размѣру доходъ слѣдуетъ облагать подоходнымъ налогомъ и какою ставкой надлежитъ облагать этотъ доходъ? При рѣшеніи перваго изъ нихъ члены подкомиссіи были разнаго мнѣнія. Нѣ-

которые полагали, что прожиточный минимумъ, т. е. минимумъ, свободный отъ обложенія подоходнымъ налогомъ, слѣдуетъ опредѣлить согласно предположенію министерства финансовъ, принятому также и комиссіей третьей Государственной Думы—въ 1.000 руб. Они раздѣляли точку зрѣнія министерства, которое указывало, что подоходный налогъ проектируется у насъ не въ видѣ единичнаго налога, замѣняющаго другіе виды обложенія, а дополнительнаго къ существующему реальному обложенію, лежащему на массѣ населенія, на которое падаетъ главной своей тяжестью и наше весьма высокое косвенное обложеніе. Но именно на основаніи этихъ соображеній министерства нѣкоторые изъ членовъ подкомиссіи признавали минимумъ въ 1.000 руб. недостаточнымъ и предлагали увеличить его по крайней мѣрѣ до 1.200 рублей. Однако, большинство членовъ было того мнѣнія, что минимумъ, свободный отъ обложенія подоходнымъ налогомъ, не слѣдуетъ опредѣлять выше 800 рублей.

По второму вопросу—о ставкахъ налога,—было рѣшено, прежде всего, построить ихъ на прогрессивномъ началѣ, которое нынѣ считается единственно правильнымъ для подоходнаго обложенія, такъ какъ оно одно обезпечиваетъ не только математическую равномѣрность обложенія, но и субъективную, считающуюся съ личностью плательщика и его платежной способностью. Въ отношеніи размѣра обложенія сдѣланы самыя осторожныя и, можетъ быть, даже черезчуръ снисходительныя постановленія: начинаясь отъ 4 р. 50 к. при доходѣ въ 800—900 руб., обложеніе постепенно повышается до своего максимума или до 5%, при доходѣ свыше 100.000 руб. Такой размѣръ, безъ сомнѣнія, отнюдь не можетъ быть признанъ высокимъ и ни въ какомъ случаѣ не долженъ отяготить плательщика.

Въ отличіе отъ этого, въ новѣйшемъ своемъ проектѣ подоходнаго налога министерство финансовъ, какъ указано уже,—предположило повысить оклады, установивъ обложеніе, начиная съ оклада въ 1,5% и доводя его до 8%. По проекту министерства 5% будутъ уплачивать съ доходовъ отъ 35 до 40 тысячъ, а затѣмъ процентъ постепенно поднимается и достигаетъ своего maximum'а (т. е. 8%) при доходѣ въ 200.000 руб. Такое повышеніе вполнѣ правильно, особенно, если налогъ вводится какъ мѣра чрезвычайная и съ исключительною цѣлью—собрать средства для военныхъ нуждъ; при такихъ условіяхъ, конечно, нельзя довольствоваться, дѣйствительно, черезчуръ низкими ставками, принятыми въ комиссіяхъ Государственной Думы.

Затѣмъ, остается отмѣтить, что, по примѣру государствъ, въ которыхъ введенъ подоходный налогъ, и у насъ предполагалось для опредѣленія облагаемаго дохода примѣнить способъ деклараціонный, т. е. разрѣшить плательщику подачу заявленія объ его доходѣ.

Этимъ, собственно, исчерпываются основныя черты проекта подоходнаго налога, прошедшаго черезъ финансовую подкомиссію четвертой Государственной Думы, а также и главныя измѣненія, которыя предположены теперь въ новомъ проектѣ министерства финансовъ, внесеннсмъ въ совѣтъ министровъ. Какъ думаетъ министерство провести новый проектъ свой,—въ порядкѣ ли ст. 87 Основн. законовъ или черезъ законодательныя учрежденія,—этотъ вопросъ остается все еще нерѣшеннымъ. Возможно, что министерство финансовъ не будетъ особенно стараться о проведеніи его по ст. 87, и что совѣтъ министровъ не выкажетъ большей склонности воспользоваться на этотъ разъ указанной статьей и предпочтетъ направить его черезъ законодательныя учрежденія. Такимъ образомъ, еще не исключена возможность, что этотъ новый проектъ подоходнаго налога поступитъ на разсмотрѣніе Государственной Думы, хотя время сейчасъ и довольно позднее. Какой будетъ ходъ его въ законодательныхъ учрежденіяхъ,—трудно предсказать, особенно — принимая во вниманіе отмѣченныя черты новаго министерскаго предложенія, значительно отличающія его отъ первоначальнаго проекта подоходнаго налога.

Но, во всякомъ случаѣ,—какъ я указывалъ уже («Вѣстн. Европы», октябрь),—для обалансированія даже одной смѣты на 1915 годъ министерству требуется огромная сумма, которой не хватаетъ вслѣдствіе прекращенія дохода отъ продажи питей и сокращенія нѣкоторыхъ, другихъ статей прихода. Для пополненія значительнаго недобора министерство рѣшило поднять ставки извѣстныхъ видовъ существующаго обложенія и ввести новые налоги; но позволительно усомниться, чтобы ожиданія министерства оправдались, — чтобы при посредствѣ намѣченныхъ имъ способовъ, дѣйствительно, удалось покрыть полностью громадную сумму образовавшейся убыли въ приходной смѣтѣ. Можно скорѣе предполагать, что безъ помощи подоходнаго налога наше казначейство, при данномъ расходномъ бюджетѣ, не въ состояніи будетъ удовлетворить смѣтныя потребности ближайшаго года и навѣрно не сможетъ въ будущемъ сводить концы съ концами, если не станетъ прибѣгать къ займамъ,—прямымъ или замаскированнымъ. Но, можетъ быть, кромѣ этого мотива, указывающаго на своевременность введенія у насъ подоходнаго налога,—правительству слѣдовало бы еще болѣе имѣть въ виду и мотивъ другой — необходимость считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, которое высказалось опредѣленно за настоятельность податной реформы, за болѣе справедливое распредѣленіе податной тяготы и за необходимость введенія подоходнаго налога, къ платежу котораго были бы привлечены, наконецъ, имущественно болѣе сильные разряды населенія, участвовавшіе до сихъ поръ въ несеніи податного бремени весьма недостаточно.

А. Посниковъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Свѣтлыя ожиданія и тяжелое настоящее Польши.—Лояльность поляковъ.—Обывательскіе комитеты.—Общественная помощь изъ коренной Россіи.—Шпіонство, возведенное на степень культа.—Шпіонство и милитаризмъ.—Какъ бороться съ шпіонажемъ?—Отклики нѣмецкой шпіономаніи.—Газетная «охота» на нѣмцевъ.

Съ войной занялась для Польши «заря новой жизни». Польшу ждетъ примиреніе съ Россіей и свобода «въ вѣрѣ, въ языкѣ и въ самоуправленіи». Конецъ войны будетъ знаменовать для польскаго народа возрожденіе того живого тѣла Польши, которое полтора вѣка тому назадъ «было растерзано на куски». «Да возсіяетъ въ этой зарѣ знаменіе креста,—символъ страданія и воскресенія народовъ!».. Такъ сказалъ полякамъ верховный главнокомандующій. И вѣщія слова нашли живой откликъ въ сознаніи и въ сердцахъ русскихъ поляковъ. Они полны надеждъ. Они вѣрятъ и бодро смотрятъ впередъ. Въ близкомъ уже будущемъ имъ виднѣется свѣточъ воскресенія. Но въ настоящемъ несчастная Польша несетъ тяжелый, какъ никогда, крестъ страданія...

Бельгія на западномъ фронтѣ и русская Польша—на восточномъ третій мѣсяцъ служатъ ареной неистовствъ гунновъ XX-го вѣка. Въ Бельгіи разгромлены и погибли многовѣковые памятники искусства, міровыя книгохранилища, богатѣйшіе города. Въ русской Польшѣ нѣтъ такихъ памятниковъ искусства и культуры, которые могли бы поставить ее рядомъ съ Бельгіей и, кромѣ Варшавы и Лодзи, нѣтъ городовъ, равныхъ бельгійскимъ по промышленному значенію и по населенности. Къ тому же Варшаву русскія войска отстояли отъ нашествія, а въ Лодзи нѣмцы хозяйничали недолго и, видимо, уже утомленные своими неистовствами, или извѣрившіеся въ ихъ цѣлесообразности. Но пострадала русская Польша ничуть не меньше Бельгіи, а если учесть бѣдность главной массы населенія—населенія мѣстечекъ, деревень и городской бѣдноты,—то, пожалуй, больше. Быть театромъ военныхъ дѣйствій—всегда одно изъ величайшихъ бѣдствій для страны. Въ условіяхъ, въ которыхъ ведутъ нынѣшнюю войну германцы и австрійцы, это бѣдствіе поддается сравненію развѣ что съ бѣдствіемъ космическихъ катастрофъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ собрало предварительныя свѣдѣнія о размѣрахъ убытковъ, причиненныхъ войной населенію

Люблинской и Холмской губерній. По этимъ даннымъ въ Люблинской губерніи изъ 5.719 построекъ сгорѣло или уничтожено 3.105; стоимость сожженныхъ или разрушенныхъ домовъ составляетъ 917.330 руб., а стоимость всѣхъ построекъ—1.448.180 руб. Въ Холмской губерніи изъ 1.851 построекъ пострадало 1.345; стоимость уничтоженныхъ домовъ составляетъ 232.000 руб., а другого недвижимаго имущества—483.070 руб. Такимъ образомъ, въ двухъ губерніяхъ осталось гораздо менѣе половины построекъ, какъ по числу ихъ, такъ и по стоимости.

Еще рельефнѣе рисуетъ картину другой оффиціальный документъ—донесеніе холмскаго губернатора, освѣщающее ее не однѣми цифрами сожженныхъ и разрушенныхъ домовъ (см. «Биржевыя Вѣдомости», № 14436). «23-го сентября, — значится въ донесеніи, — мною законченъ объѣздъ пострадавшихъ отъ войны мѣстностей Томашовскаго уѣзда. Вездѣ пришлось наблюдать одну и ту же печальную картину: деревни, частью или цѣликомъ, сожжены, скотъ и лошади уведены, хлѣбъ погибъ въ огнѣ или захваченъ непріятелемъ. Не пощажены и сами жители—почти въ каждой деревнѣ нѣсколько человѣкъ разстрѣляны или уведены въ плѣнъ». Въ частности, въ Крыницкой гминѣ изъ 14 деревень пострадали 11; сожжено 65 усадебъ; въ деревнѣ Майданъ-Селецъ австрійцами сожжены заживо 12 человѣкъ, спрятавшіеся во время боя отъ выстрѣловъ въ особо вырытой для того ямѣ. Въ деревнѣ Верещицахъ изъ 76 усадебъ сгорѣли 54; австрійцы увели 34 человѣка и четверыхъ разстрѣляли. Въ деревнѣ Подгайцахъ Черкасской гмины сгорѣли 28 усадебъ изъ 32. Посадъ Лащовъ выгорѣлъ почти весь. Изъ села Рахани населеніе было выгнано въ Томашовъ; изъ пытавшихся остаться 12 человѣкъ были разстрѣляны, 40 погибли въ огнѣ. Въ деревнѣ Вожучинъ сгорѣли 73 двора изъ 110 и весь сборъ хлѣба; разстрѣляны 7 жителей деревни. Одинаково съ деревнями разрушенъ городъ Томашовъ.

Пока-что, словомъ, война принесла Польшѣ полное и почти сплошное разореніе. Уцѣлѣли лишь нѣкоторыя мѣстности къ востоку отъ Ивангорода и Варшавы и то, впрочемъ, за исключеніемъ Сувалкской губерніи. Объѣхавшіе покинутыя нѣмцами поля сраженій передаютъ, что тамъ, гдѣ произошли бои, не только потоптанъ и уничтоженъ неснятый до конца іюля урожай нынѣшняго года, но вмѣстѣ съ нимъ приведены въ негодность самыя поля. На многіе десятки верстъ поля изрыты окопами, шрапнелями и воронками отъ артиллерійскихъ снарядовъ. Деревья частью срублены, частью срѣзаны выстрѣлами. На песчаной почвѣ отъ верхняго культурнаго слоя нѣтъ и слѣда. Населенію не только придется возста-

новлять жилища, амбары и сараи и хозяйственный инвентарь, но кромѣ того дѣлать другое дѣло, гораздо болѣе трудное и требующее долгаго времени и упорнаго труда: приводить въ порядокъ землю и возвращать ей способность давать урожаи.

Но, какъ и новыя условія политической жизни, возрожденіе хозяйственнаго быта населенія Царства Польскаго—задача будущаго. И поскольку политическія условія стоятъ въ тѣсной связи съ экономическимъ прогрессомъ или застоемъ, постольку есть серьезное основаніе ожидать, что «свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ и въ самоуправленіи» Польша быстро залѣчитъ раны, причиненныя вражескимъ нашествіемъ и опустошеніемъ. Залогомъ тому служатъ два факта, ярко обнаружившіе въ польскомъ народѣ политическую зрѣлость, вѣрную оцѣнку своего прошлаго и настоящаго и подготовленность къ самой широкой самодѣятельности. Одинъ фактъ,—лояльность населенія въ отношеніи русской власти, русскаго войска и вообще интересовъ Россіи. Второй—дѣятельность польскихъ обывательскихъ комитетовъ и городскихъ милицій.

Нельзя не признать, что судьба послала лояльности Польши исключительно тягостное испытаніе. Въ первый же день войны нѣмцами были заняты Калишъ и рядъ приграничныхъ пунктовъ, и на массу населенія это, конечно, не могло не произвести впечатлѣнія. Затѣмъ, вплоть до начала октября русскія войска отходили за Вислу, а нѣмецкія—наступали. Занимая городъ за городомъ и деревню за деревней, нѣмцы не скупились на распространеніе самыхъ нелѣпыхъ слуховъ и намѣренно лживыхъ обѣщаній. Изъ вагоновъ, изъ автомобилей, съ аэроплановъ въ милліонахъ экземпляровъ разбрасывались прокламаціи, которыя, въ противовѣсъ воззванію верховнаго главнокомандующаго, сулили неисчислимыя блага полякамъ подъ германской властью. При всѣхъ этихъ условіяхъ, вѣра въ конечный успѣхъ русскаго оружія въ сознаніи малограмотныхъ поляковъ-сельчанъ естественно могла поколебаться. А за сомнѣніемъ столь же естественно должны были возникнуть во всей ихъ житейской трагичности роковые вопросы: въ чьей власти, въ концѣ концовъ, окажется страна, какой цѣной придется расплачиваться за лояльность, если вдругъ послѣ войны «законная» власть въ краѣ будетъ принадлежать нѣмцамъ. Какіе ужасы мести злобнаго завоевателя падутъ на голову населенія? А какъ велика и систематична нѣмецкая злоба, населеніе видѣло и ощущало каждый день. Въ южной части Царства Польскаго искушеніе шло и съ другой стороны, — со стороны австрійскихъ сородичей-поляковъ, сокольскихъ дружинъ и обывателей западной Галиціи, которые вслѣдъ за австрійскими войсками переходили границу.

Русскіе поляки осилили всѣ искушенія. Мобилизація прошла въ Царствѣ Польскомъ такъ же блестяще, какъ и въ коренной Россіи. И съ этого перваго момента войны поляки оставались и остаются неизмѣнно лояльны. Населеніе городовъ съ восторгомъ встрѣчало и встрѣчаетъ русскіе полки. Въ Варшавѣ и въ Лодзи солдатъ засыпали цвѣтами. Населеніе разрушенныхъ деревень привѣтствуетъ русскихъ солдатъ, какъ избавителей. Въ Лодзи германскія и австрійскія войска стояли почти двѣ недѣли. Здѣсь они, повидимому, стремились побудить населеніе къ измѣнѣ долгу подданства не терроромъ, а демонстрированіемъ австрійскихъ поляковъ, какъ національнаго «польскаго» войска. Сокольскія дружины безпрерывно дефилировали по улицамъ. Въ результатѣ же, въ городѣ съ полумилліоннымъ населеніемъ нашлось всего «около» трехсотъ поляковъ, которые вступили въ ряды соколовъ. Какъ корреспонденты газетъ всѣхъ направленій, такъ равно и оффиціальныя сообщенія гражданскихъ и военныхъ властей, въ одинъ голосъ отмѣчаютъ лояльность всѣхъ слоевъ и классовъ населенія Царства Польскаго. Тотъ же характеръ имѣютъ проникавшія въ печать письма и разсказы офицеровъ и солдатъ. Даже г. Пуришкевичъ отозвался о полякахъ въ «Русскомъ Собраніи» съ рѣшительной похвалой.

Губернская и уѣздная администрація, судъ и полиція оставляли польскіе города вмѣстѣ съ войсками. Вся тяжесть какъ поддержанія внѣшняго порядка, такъ равно текущихъ задачъ управленія, падала на населеніе,—и въ дни, предшествовавшіе занятію городовъ нѣмцами, и въ дни ихъ занятія. Лишеннымъ какихъ бы то ни было органовъ самоуправленія полякамъ приходилось создавать обывательскіе комитеты безъ малѣйшихъ указаній опыта и при полномъ отсутствіи административныхъ навыковъ. О производствѣ выборовъ, само собою разумѣется, не могло быть и рѣчи. Сегодня уѣзжали губернаторъ, начальникъ уѣзда, полицеймейстеръ и съ ними вмѣстѣ—городовые. И сегодня же необходимо было кому-нибудь взять власть въ руки, сформировать милиціи, озаботиться о тюрьмахъ и оградить отъ грабителей имущество жителей. А на завтра предстояло вступать отъ лица города въ тяжелыя сношенія съ непріятелемъ, подъ угрозой уличной стрѣльбы и массовыхъ разстрѣловъ вносить контрибуцію, отводить квартиры, добывать предметы продовольствія и т. д. И опять общіе отзывы свидѣтельствуютъ, что обывательскіе комитеты работали съ возможнымъ въ невѣроятно трудномъ ихъ положеніи успѣхомъ. А насколько эта работа была всеобъемлюща, характерно иллюстрируетъ то, что комитеты и тяжбы разбирали, и даже выпускали въ обращеніе денежные знаки.

Явившіеся въ дни нѣмецкаго нашествія буквально изъ ничего,

обывательскіе комитеты польскихъ городовъ будутъ всегда живымъ воспоминаніемъ въ возвѣщенной воззваніемъ верховнаго главнокомандующаго «новой» Польшѣ. Дни страданій и горя намѣтили людей, способныхъ отдаваться общественному служенію, и раскрыли, насколько широки возможныя рамки общественной самодѣятельности, внутри которыхъ безбоязненно для государственныхъ интересовъ населенію можетъ быть отдана забота о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Можно надѣяться еще, что обывательскіе комитеты, гдѣ подъ свистъ вражескихъ шрапнелей и пуль вмѣстѣ работали и дѣлили горе родныхъ городовъ поляки и евреи, ксендзы и раввины, сослужатъ другую службу будущей «новой» Польшѣ,— создадутъ почву для разрѣшенія больного вопроса о польско-еврейскихъ отношеніяхъ. «Одного ждетъ отъ васъ Россія,—сказалъ полякамъ верховный главнокомандующій, — такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія». Поляки, особенно въ послѣднее передъ войной время, трактовали связь съ еврейскимъ мѣстнымъ населеніемъ, какъ искусственно созданную и искусственно имъ навязанную. Общее горе и общія усилія его перенести должны измѣнить ихъ отношеніе къ евреямъ.

Въ Варшавѣ, кромѣ мѣстной, создалась центральная для всего Царства Польскаго обывательская организація. Во главѣ ея сталъ генералъ-губернаторъ. Ея задачи, конечно, не тѣ, какими были до освобожденія отъ нѣмцевъ задачи лодзинскаго, петроковскаго, радомскаго, кѣлецкаго и т. д. комитетовъ. Центральный варшавскій комитетъ взялъ на себя заботу о всевозможныхъ видахъ помощи разоренному населенію края. Но онъ тоже возникъ въ силу необходимости и какъ органъ, если не общественнаго самоуправленія, то общественной самодѣятельности. И, какъ таковой, онъ примкнулъ къ всероссійскому земскому союзу. Фактъ—для будущей «новой» Польши столь же знаменательный, какъ присоединеніе, въ дѣлѣ помощи раненымъ, городовъ Финляндіи къ всероссійскому союзу городовъ. Въ итогѣ войны начинаютъ обозначаться контуры новаго соотношенія между центромъ Россіи и окраинами, имѣвшими свое особое историческое прошлое и имѣющими особое бытовое настоящее...

Въ данный моментъ разоренная и разгромленная русская Польша требуетъ отъ коренной Россіи помощи,—помощи немедленной и непосредственной: деньгами, хлѣбомъ, одеждой. Голодаетъ бѣднота, оставшаяся на родныхъ пепелищахъ. Голодаютъ бѣженцы. И тѣмъ, и другимъ негдѣ укрыть отъ непогоды дѣтей. И тѣ, и другіе не имѣютъ одежды. Настала уже осень. Близится зима. Жертвовать населенію Польши безъ различія народности и религіи—свя-

той долгъ коренной Россіи. Польша—арена борьбы славянства съ германизмомъ и одна изъ двухъ аренъ борьбы за свободу Европы отъ давившаго ее сорокъ лѣтъ и стремящагося раздавить окончательно милитаризма. Польша—русская Бельгія. Помощь разоренной Бельгіи—долгъ Франціи и Англіи. Помощь Польшѣ—нашъ долгъ. Въ польскихъ селахъ и деревняхъ нѣмцы уравняли зажиточныхъ и нищихъ. Отбирая отъ первыхъ хлѣбъ, скотъ, лошадей и кормъ, они выдавали квитанціи, не имѣющія никакой цѣны. «Цивилизованные дикари» въ текстѣ этихъ квитанцій находили умѣстнымъ издѣваться надъ тѣми, кого грабили, рекомендуя явиться за полученіемъ денегъ въ Пруссію, или бахвалясь произвести уплату изъ контрибуціи, которую они мечтаютъ получить. Помощь необходима широкая, милліонамъ людей.

Въ Петроградѣ 11, 12 и 13 октября происходилъ трехдневный сборъ на помощь Польшѣ. Успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Кромѣ цѣлыхъ горъ бѣлья и теплыхъ вещей, собрано деньгами, по подписнымъ листамъ и въ кружки, двѣсти шестьдесятъ тысячъ рублей. Въ организаціи сбора участвовали отнюдь не одни поляки. Больше, чѣмъ поляковъ, было русскихъ. Широко участвовали также евреи. Собирали деньги и вещи общественные дѣятели, профессора, артисты и артистки, писатели, купцы и т. д., и т. д...

Взывая къ помощи населенію Царства Польскаго и отмѣчая, какой «братскій пріемъ» нашли въ Москвѣ несчастные польскіе бѣженцы, кн. Е. Трубецкой («Русскія Вѣдомости», № 231) писалъ: «Нужно ли говорить о томъ, какое впечатлѣніе производитъ на поляковъ такое къ нимъ отношеніе русскаго народа и общества? Одинъ видный калишскій городской дѣятель со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ: «До сихъ поръ Польшу отдѣляла отъ Россіи оффиціальная стѣна, выстроенная нѣмцами; теперь впервые эта стѣна рухнула; два народа увидали и *почувствовали* другъ-друга». Вотъ какое *огромное* дѣло сближенія двухъ народовъ начинается на нашихъ глазахъ!»... «Не объ обыкновенной благотворительной помощи идетъ рѣчь въ настоящую минуту. Нужна такая помощь, которая выражала бы собою начало цѣлаго историческаго *сдвига* въ жизни обоихъ народовъ. Нужно, чтобы оба народа нашли въ этой помощи не одно устраненіе матеріальной нужды, но и духовное утѣшеніе въ великомъ историческомъ испытаніи и источникъ нравственной бодрости...

Когда первые возвращавшіеся изъ германскаго «плѣна» русскіе больные и туристы разсказывали, какъ ихъ несчетное число разъ водили на допросы, при чемъ допрашивавшіе все старались выяснить, не причастны ли они къ шпіонажу, когда затѣмъ появилось извѣстіе, что М. М. Ковалевскій задержанъ въ Карлсбадѣ если не по обвиненію, то по подозрѣнію въ шпіонствѣ,—эти разсказы и это извѣстіе приводили въ самое искреннее недоумѣніе. Дѣйствительно, въ нашихъ глазахъ членъ Думы или Государственнаго Совѣта, сенаторъ и извѣстный писатель, профессоръ, адвокатъ съ именемъ и фрейлина, крупный коммерсантъ и принятый при дворѣ аристократъ, словомъ, всѣ люди съ прочнымъ и опредѣленнымъ общественнымъ или служебнымъ положеніемъ должны считаться абсолютно свободными отъ малѣйшаго намека на подозрѣніе въ такомъ малопочетномъ занятіи, какъ шпіонство. И допросы въ подобномъ направленіи такихъ людей намъ естественно представлялись, по явной нелѣпости, простымъ предлогомъ для безцѣльнаго и никому не нужнаго издѣвательства.

Теперь оказывается, что намъ были просто неизвѣстны широкіе слои нѣмецкаго общества; мы не знали ихъ этики и тѣхъ пріемовъ, при помощи которыхъ они такъ долго и съ такимъ упорствомъ готовились бросить міру военный вызовъ. Мы вкладывали въ ихъ головы свою психологію и не понимали, какой былъ смыслъ изучать причастность къ шпіонству застигнутыхъ войной на германскихъ курортахъ свѣтскихъ дамъ, почтеннаго возраста сенаторовъ, профессоровъ и т. д. А они, какъ стало ясно послѣ всего уже успѣвшаго вскрыться въ связи съ войной, только прилагали къ нашимъ туристамъ свои тщательно скрывавшіяся шпіонническія мѣрки.

Сообщенія русской, французской и особенно англійской прессы о томъ, какая сѣть шпіонства была раскинута изъ Берлина по всему земному шару, раскрыли нѣчто поистинѣ чудовищное. Въ окрестностяхъ Лондона и Эдинбурга, въ Бельгіи, во Франціи, у насъ на югѣ и на Уралѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ разгуливалъ какой-то «жезлогадатель», — нѣмецъ, изобрѣвшій магическій жезлъ, при помощи котораго онъ, ему одному извѣстнымъ способомъ, открывалъ мѣсторожденія металловъ и нефтеносные участки. Изобрѣтеніе было самымъ широкимъ образомъ рекламировано. Нѣмецъ всюду являлся съ предложеніемъ услугъ и его охотно допускали къ работамъ. Нигдѣ онъ ничего не открылъ и какъ-то вдругъ исчезъ. Теперь его въ Англіи вспомнили: на мѣстахъ, гдѣ онъ «работалъ»,—а всѣ эти мѣста на возвышенностяхъ, чрезвычайно удобныхъ для обстрѣла городовъ,—оказались бетонныя основанія, весьма пригодныя для осадныхъ орудій. По тѣмъ же сообще-

ніямъ, ни что другое, какъ сложную шпіонническую организацію представляла собой многочисленная армія нѣмецкихъ коммивояжеровъ, ловко завязывавшая торговыя сношенія и еще болѣе ловко вывѣдывавшая военныя тайны о расположеніи, передвиженіи и боевой готовности войскъ.

Въ телеграммѣ изъ Копенгагена было передано объ арестѣ въ Лондонѣ нѣкоего профессора Шустера. По поводу этого ареста, «Русскій Инвалидъ» привелъ слѣдующій разсказъ «виднаго представителя англійской колоніи въ Петроградѣ»: «Профессоръ, или, какъ его обыкновенно называютъ лондонцы, докторъ Шустеръ—родной братъ сэра Феликса Шустера, натурализованнаго нѣмца, который много лѣтъ живетъ уже въ Англіи и постепенно дошелъ до высшихъ, общественныхъ и политическихъ, ступеней. За заслуги на пользу отечественной торговли сэръ Феликсъ Шустеръ получилъ въ свое время баронетство, его избрали предсѣдателемъ лондонской англо-германской торговой палаты, онъ состоитъ, наконецъ, членомъ совѣта по дѣламъ Индіи. У него огромныя помѣстья и весьма вліятельныя связи. И, вотъ, этотъ-то натурализованный германецъ, достигнувъ высшихъ ступеней, сталъ проводить «въ люди» своего роднаго брата, доктора Эрнста Шустера, при помощи всякихъ «рекомендацій», «поручительствъ» и т. д. А когда возникла война между Великобританіей и Германіей, братецъ оказался самымъ заурядным германскимъ шпіономъ».

Въ Германіи существуетъ особая школа, гдѣ обучаютъ шпіонству. Свѣдѣнія о ней раскрылъ въ недавно выпущенныхъ мемуарахъ докторъ медицины Карлъ Гравсъ. Когда этотъ достойный медикъ обратился въ Nachrichten-Bureau, ему предложили пройти шестимѣсячный курсъ. По окончаніи курса, Гравсъ жилъ на Ривьерѣ—въ качествѣ богатаго африканскаго шахтовладѣльца; въ константинопольскомъ госпиталѣ—какъ врачъ, заинтересованный въ «азіатскихъ болѣзняхъ»; на Цейлонѣ, гдѣ онъ изучалъ тропическую флору, главнымъ образомъ въ мѣстахъ, близкихъ къ стоянкамъ англійскаго флота; въ Портъ-Артурѣ, гдѣ онъ собиралъ гербарій. И повсюду онъ оставлялъ по себѣ наилучшія воспоминанія. «Какъ удивятся всѣ мои англійскіе друзья», цинически восклицаетъ авторъ мемуаровъ, «когда они узнаютъ, что милый, безобидный «докторъ» былъ на самомъ дѣлѣ членомъ «нѣмецкаго освѣдомительнаго бюро» (см. «Русское Слово», № 271).

Сравнительно съ такимъ широкимъ и «научно» поставленнымъ шпіонажемъ, старые пріемы выкрадыванія документовъ и подкупа штабныхъ писарей представляются дѣтской забавой. И вотъ въ каждомъ нашемъ задержанномъ путешественникѣ мно-

гіе нѣмцы видѣли такихъ «жезлогадателей», какъ Шустеры и Гравсы.

Въ связи съ разоблаченіями, возникъ общій интересъ къ вопросу о шпіонажѣ въ мирное время, какъ къ одному изъ яркихъ порожденій милитаризма—вѣчнаго ожиданія войны и принесенія въ жертву этому ожиданію рѣшительно всѣхъ моральныхъ, правовыхъ и экономическихъ запросовъ государственной жизни. Шпіонажъ выросъ изъ военной развѣдки, шпіонажъ въ мирное время—изъ шпіонажа во время войны и на войнѣ. Военная развѣдка есть необходимое и въ современныхъ войнахъ одно изъ основныхъ средствъ веденія войны. Каждая изъ воюющихъ армій не можетъ не слѣдить за расположеніемъ и передвиженіемъ противника, ибо, во-первыхъ, по нимъ опредѣляются его намѣренія и силы, и во-вторыхъ, только зная, что и какими силами противникъ намѣренъ сдѣлать, можно приготовить ему отпоръ или съ своей стороны нанести вѣрный ударъ. Въ виду этого, военная развѣдка ведется на театрѣ военныхъ дѣйствій непрерывно и безконечно разнообразными способами. И ведется она, само собою разумѣется, съ соблюденіемъ наивозможно большей тайны. Но вездѣ, гдѣ тайна, чрезвычайно трудно провести грань между дозволеннымъ и запрещеннымъ, допустимымъ и недопустимымъ. Отсюда и проистекаетъ неуловимость перехода отъ развѣдки къ шпіонству.

Международныя конвенціи, однако, твердо стоятъ на признаніи, что развѣдка есть легальный пріемъ на войнѣ, а шпіонство—преступный. И, сообразно съ этимъ, всѣ военно-уголовные кодексы трактуютъ шпіонство, какъ преступленіе. Попавшій въ руки противника солдатъ-развѣдчикъ подлежитъ захвату въ плѣнъ и пользуется охраной законовъ и обычаевъ войны. Задержанный шпіонъ—подвергается суду задержавшей его арміи и приговаривается къ смертной казни. Отъ прошлаго учебники международнаго права унаслѣдовали классическій примѣръ отличія развѣдчика отъ шпіона: солдатъ въ формѣ, тайно проникшій въ расположеніе непріятеля, есть развѣдчикъ; проникшій въ непріятельское расположеніе переодѣтый солдатъ есть шпіонъ. Такимъ образомъ, главное отличіе развѣдки отъ шпіонства строится на внѣшнемъ показателѣ принадлежности лица къ воюющей арміи. Но насколько вообще современныя войны стали безконечно сложнымъ и во многомъ совершенно новымъ явленіемъ, настолько малопримѣнимыми къ нимъ сдѣлались старыя уголовно-правовыя опредѣленія и, въ частности, опредѣленіе понятія шпіонства. Проникновеніе въ непріятельское расположеніе солдата—въ настоящее время фактъ исключительный и, во всякомъ случаѣ, отнюдь не обычный способъ добыванія свѣ-

дѣній. Свѣдѣнія, которыхъ нельзя получить развѣдкой кавалеріи или съ аэроплановъ, добываются нынѣ совершенно другими пріемами и, при проволочныхъ и безпроволочныхъ телеграфахъ, могутъ быть доставляемы лицами, находящимися за тысячи верстъ отъ театра войны.

Шпіонажъ, организованный во время войны изъ-за тысячъ верстъ отъ театра военныхъ дѣйствій, составляетъ одно изъ новыхъ, сопутствующихъ нынѣшнія войны, явленій. Шпіонажъ въ мирное время, въ предвидѣніи войны, составляетъ другое явленіе того же порядка, тѣсно связанное съ первымъ. Коммивояжеры разъѣзжаютъ, Шустеры же и Гравсы остаются въ пріютившихъ ихъ странахъ и отсюда сообщаютъ все, что интересуетъ непріятельскій генеральный штабъ. А вмѣстѣ съ ними «работаютъ» за деньги и собственные подданные страны, задолго до войны ими опутанные. И печальный опытъ показалъ, что существующія мѣры уголовно-правовой охраны безсильны бороться съ шпіонствомъ.

Исходя отсюда, юрисконсультъ министерства юстиціи и профессоръ военно-юридической академіи, С. Н. Трегубовъ, предложилъ на страницахъ «Русскаго Инвалида» создать особую «контръ-шпіонную» школу. По его мысли, если она вѣрно передана газетой, «военные должны играть въ контръ-шпіонствѣ роль только экспертовъ, ибо контръ-шпіонство по задачамъ своимъ и пріемамъ совершенно иное дѣло, чѣмъ шпіонство, требующее отъ агентовъ наличія извѣстной военной подготовки. И если въ задачи академіи, готовящей генеральный штабъ, входитъ обученіе тайной развѣдкѣ, то въ курсъ военно-юридической академіи слѣдуетъ ввести контръ-развѣдку, какъ предметъ по теоріи и практикѣ».

Въ приведенныхъ словахъ замѣтно, прежде всего, полное смѣшеніе понятій развѣдки и шпіонства. И что такое представитъ собой «контръ-шпіонство», какъ наука и какъ предметъ преподаванія,— уразумѣть рѣшительно невозможно. Г. Трегубовъ принадлежитъ къ тѣмъ криминалистамъ, которые вводятъ въ кругъ если не наукъ, то предметовъ научнаго изученія и изслѣдованія, пріемы совершенія преступленій. Но что, какъ средство борьбы, быть можетъ приложимо къ имущественнымъ посягательствамъ, то совершенно неприложимо къ такому преступному дѣянію, какъ шпіонство. Кража и мошенничество всегда остаются преступными дѣяніями, совершенно независимо отъ того, кто и на чье посягаетъ имущество. Шпіонство же, совершаемое на территоріи даннаго государства въ интересахъ сосѣдняго, есть преступленіе, а совершаемое въ интересахъ того государства, которому принадлежитъ территорія, преступленія не составляетъ—и именно этого рода дѣйствія г. Трегубовъ, надо пола-

гать, именуетъ контръ-шпіонствомъ или контръ-развѣдкой. А потому получается: вотъ что: агентъ розыска, изучившій пріемы кражъ, во всѣ моменты своей дѣятельности остается только агентомъ розыска и борьбы съ преступленіями, ибо самъ онъ несгораемыхъ кассъ не ломаетъ и вообще кражъ не совершаетъ; а контръ-шпіонъ заимствуетъ у шпіона его преступные пріемы для того, чтобы самому совершать шпіонническія дѣйствія. Если же такъ, то само собою разумѣется, что вводить контръ-шпіонство въ практику офицеровъ, прошедшихъ курсъ военно-юридической академіи, едва-ли соотвѣтствуетъ и достоинству офицерскаго званія, и задачамъ академіи. Изученіе офицерами генеральнаго штаба пріемовъ развѣдки на войнѣ—дѣло совсѣмъ другое, насколько развѣдка есть необходимое и легальное средство войны.

Шпіонство въ мирное время—отвратительное изъ отвратительныхъ преступныхъ дѣяній—порождено милитаризмомъ и составляетъ одинъ изъ крайнихъ эксцессовъ милитаризма. И единственно цѣлесообразная борьба съ нимъ возможна на почвѣ международнаго права, а не уголовныхъ предупредительно-карательныхъ воздѣйствій. Цѣль нынѣшней войны для насъ и нашихъ союзниковъ—разрушить «гнѣздо милитаризма». Въ эту цѣль входитъ если не полное уничтоженіе войнъ, то строгая регламентація пріемовъ и способовъ ихъ веденія въ будущемъ. Прямая задача международныхъ конференцій при ликвидаціи войны, послѣ того какъ «гнѣздо милитаризма» получитъ роковой ударъ, будетъ состоять несомнѣнно въ томъ, чтобы на будущее время очистить войну и военное дѣло. Сюда войдетъ обезпеченіе отъ произвола воюющихъ нейтральныхъ территорій, огражденіе отъ разрушенія памятниковъ художественнаго творчества, дѣйствительная, вмѣсто ставшей мнимою, охрана интересовъ чужеземнаго мирнаго населенія, дѣйствительное недопущеніе разрывныхъ пуль и т. д. Сюда же войдетъ опредѣленіе границъ допустимой и недопустимой развѣдки, какъ по мѣсту, такъ по времени и по условіямъ ея производства. Что касается до шпіонства въ мирное время, то должно надѣяться, будутъ найдены такія формы взаимоотношеній въ области военнаго дѣла, при которыхъ такое шпіонство станетъ ненужнымъ.

Германская шпіономанія откликнулась и у насъ. Двѣ суворинскія газеты, «Новое Время» и особенно «Вечернее Время», буквально каждый день печатаютъ извѣты то на одного, то на другого нѣмца. Извѣты печатаются и въ редакціонныхъ статьяхъ, и въ хроникерскихъ замѣткахъ, и въ письмахъ въ редакціи, присылаемыхъ

вѣдомыми и невѣдомыми добровольцами. Охота ведется на нѣмцевъ вообще: на банкировъ и представителей мелкихъ торговыхъ фирмъ; на германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, конечно, въ первую голову, но также и на нѣмцевъ, состоящихъ въ русскомъ подданствѣ: на остзейскихъ бароновъ, на учителей нѣмецкаго языка, на гувернантокъ и на боннъ. Одно время именно учителя-нѣмцы и бонны привлекали особенное вниманіе обѣихъ газетъ. Потомъ онѣ перенесли его на нѣмцевъ-землевладѣльцевъ, затѣмъ—на служащихъ въ банкахъ и конторахъ.

И нельзя не сказать, что извѣстное движеніе въ желательномъ имъ направленіи суворинскія газеты создали. 21 октября въ «Вечернемъ Времени» было, напримѣръ, напечатано свѣдующее письмо въ редакцію за подписью священника, дьякона, учительницы, фельдшера и нѣсколькихъ крестьянъ: «Сидя въ деревенской глуши и воочію видя всѣ тѣ жертвы, которыя приноситъ родинѣ деревня, отъ всей души возмущаемся неумѣстнымъ гуманнымъ отношеніемъ, проявляемымъ къ нашимъ врагамъ. Въ некультурной деревнѣ живы чувства любви къ родинѣ и справедливаго возмущенія наглымъ врагомъ. Долой нѣмцевъ!—это крикъ возмущенной русской души».

Другой, еще болѣе любопытный примѣръ—письмо за подписью «Петроградскія институтки», напечатанное въ «Вечернемъ Времени» 24 октября. «Институтки» заявляютъ, что, какъ и всѣ русскіе люди, онѣ полны чувствомъ любви къ родинѣ и чувствомъ ненависти къ Германіи. И онѣ до глубины души возмущены. «Намъ, истинно русскимъ дѣвушкамъ, дочерямъ и сестрамъ защитниковъ Россіи, приходится жить подъ надзоромъ нѣмокъ, которыя исполняютъ должности нашихъ классныхъ дамъ». Возраженіе, что эти нѣмки состоятъ въ русскомъ подданствѣ, авторы письма парируютъ просто и съ институтской убѣдительностью: «Да, онѣ русскія подданныя, но не съ русской, а съ нѣмецкой душой».

Конечно, изъ письма институтокъ нельзя дѣлать умозаключеній обобщающаго характера. Нѣмки классныя дамы, требующія, чтобы въ дни ихъ дежурствъ воспитывающіяся въ институтахъ «истинно-русскія» дѣвушки говорили по-нѣмецки,—давніе враги институтокъ. Конечно, и изъ письма, написаннаго «въ деревенской глуши», тоже нельзя дѣлать такихъ умозаключеній. Сидя, по собственному ихъ признанію, въ «некультурной деревнѣ», малокультурные люди просто начитались призывовъ «Новаго Времени» и «Вечерняго Времени» и едва-ли ясно отдаютъ себѣ отчетъ, почему ихъ возмущаетъ «неумѣстное» гуманное отношеніе къ «врагамъ». Но тѣ, кто напечатали эти письма и ежедневно печатаютъ подобныя, тѣ, кто прилагаютъ всѣ усилія, чтобы вызвать въ обществѣ злобное

отношеніе къ живущимъ среди насъ нѣмцамъ,— г.г. Суворины и ихъ сотрудники знаютъ, чего они хотятъ и почему они ведутъ систематическую травлю.

Въ основѣ ихъ возмущенія «неумѣстной гуманностью» лежитъ, прежде всего, именно шпіономанія. Въ каждомъ нѣмцѣ по крови, хотя бы онъ былъ русскимъ подданнымъ, они готовы видѣть шпіона. Разъ человѣкъ носитъ нѣмецкую фамилію и, живя въ Россіи, плохо говоритъ по-русски, или торгуетъ подъ вывѣской на нѣмецкомъ языкѣ, въ отношеніи его воспаленное воображеніе нашихъ монополистовъ патріотизма уже создаетъ презумпцію шпіонства. А презумпція виновности, въ виду войны, по ихъ мнѣнію, должна влечь если не тѣ же карательныя послѣдствія, какъ виновность установленная и доказанная, то одинаково рѣшительныя мѣры предупредительнаго свойства, вплоть до отнятія имущества и ссылки за полярный кругъ. Противоположныя воззрѣнія, по словамъ г. Б. Суворина, составляютъ достояніе лишь «мармеладныхъ ученыхъ» и «отвлеченныхъ мыслителей, витающихъ въ облакахъ».

Къ шпіономаніи присоединяется и нѣчто другое, столь живо напоминающее излюбленную форму мести среди помѣщиковъ во время крѣпостного права. Если по приказанію помѣщика бывалъ высѣченъ крестьянинъ сосѣда-врага, то этотъ послѣдній считалъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, въ наказаніе того, кто причинилъ обиду его «крещеной собственности», схватить и высѣчь перваго попавшагося крестьянина изъ имѣнія обидчика. Нѣмецкія власти въ Германіи держали въ хлѣвахъ ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ, бросали и бросаютъ ихъ въ тюрьмы, лишаютъ имущества. По логикѣ г.г. Суворинихъ, прямой выводъ отсюда тотъ, что всякое проявленіе гуманности въ отношеніи нѣмцевъ, находящихся въ Россіи,—въ положеніи ли военноплѣнныхъ, или оставленныхъ на свободѣ,—«неумѣстно».

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 235) С. Елпатьевскій совершенно справедливо отмѣтилъ, что охота на нѣмцевъ заимствована нашей націоналистической печатью по слѣпому подражанію Германіи и что въ ней поражаетъ «аналогія съ недавней государственной задачей націоналистическаго лагеря,—борьбой съ еврействомъ. Та же система облавы, тотъ же розыскъ, гдѣ, въ какихъ финансовыхъ предпріятіяхъ участвуютъ евреи, то же стремленіе лишить ихъ кредита, то же стремленіе устранить отъ всякой общественной дѣятельности, искоренить ихъ изъ Россіи, а если можно, то и изъ Европы».

Широкихъ погромныхъ послѣдствій охота на нѣмцевъ пока, по счастью, не имѣла. Въ Москвѣ, въ началѣ октября, былъ день—

вѣрнѣе, ночь,—когда, по выраженію объявленія главноначальствующаго, «нашлись люди, не находившіе болѣе благоразумнаго примѣненія своимъ силамъ, чѣмъ нападеніе—въ ночное время—на нѣкоторыя торговыя мѣста, владѣльцы которыхъ по своимъ не-русскимъ фамиліямъ возбуждали ненависть толпы».

Попытка погрома, въ формѣ патріотической манифестаціи, встрѣтила со стороны власти рѣшительное осужденіе и болѣе не повторялась. Главноначальствующій Москвы, генер. А. А. Адріановъ, предупреждая о суровой расправѣ съ погромщиками, объявилъ на другой день населенію: «Пусть же помнитъ всякій, что на-стражѣ интересовъ родины стоятъ законныя власти Его Императорскаго Величества, и не случайному, праздному человѣку подобаетъ рѣшать вопросъ о томъ, что полезно и что вредно для государства, а тѣмъ болѣе приводить свое рѣшеніе тутъ же въ исполненіе насильственными, противозаконными мѣрами. Въ особенности же возмутительно, когда толпа прикрываетъ свои преступныя дѣйствія патріотическимъ пѣснопѣніемъ. Народный гимнъ, это—молитва; а сопровождать молитву безобразіемъ, это—кощунство».

В. Кузьминъ-Караваевъ.

Скончавшійся на-дняхъ Алексѣй Алексѣевичъ Тихоновъ-Луговой сравнительно поздно выступилъ на литературное поприще, но скоро занялъ на немъ почетное мѣсто. Его небольшіе разсказы свидѣтельствуютъ о наблюдательности и знаніи народнаго быта; его романы въ свое время интересовали широкую публику; рядъ картинъ, соединенныхъ подъ общимъ именемъ «Pollice verso», произвелъ глубокое впечатлѣніе. Много талантливыхъ страницъ въ широко задуманной трагедіи, сюжетомъ которой служитъ судьба императора мексиканскаго Максимиліана. Интересны, какъ матеріалъ для общественной психологіи 60-хъ и 70-хъ годовъ, воспоминанія А. А.: «Какъ росла моя вѣра». Оцѣнка сочиненій А. А. Лугового, вошедшихъ въ составъ перваго ихъ изданія, дана въ нашемъ журналѣ Влад. Серг. Соловьевымъ (Литер. обозр. въ декабрьской книжкѣ за 1896 г., замѣтка, подписанная буквою W).

Въ «Вѣстникѣ Европы» помѣщены слѣдующія произведенія А. А. Лугового: 1) «Крымскіе пейзажи» (1885, май); 2) «Не судилъ Богъ» (1886, январь); 3) «Взятка» (1898, іюль и авг.); 4) «Наши дни» (1907, ноябрь и дек.); 5) «Какъ росла моя вѣра» (1909, мартъ, апр., май, іюнь; 1910, ноябрь и дек.); 6) «Вѣрую», стихотв. (1910, іюль); 7) «Бываютъ минуты», стихотв. (1913, апрѣль); 8) «На новой дорогѣ» (1913, іюнь и іюль).

АКАДЕМИКЪ И. И. ЯНЖУЛЪ.

(Некрологъ).

Въ Висбаденѣ, на далекой чужбинѣ, среди враждебной нашей родинѣ атмосферы, 18 октября скончался и тамъ же погребенъ одинъ изъ виднѣйшихъ нашихъ экономистовъ, докторъ финансоваго права, бывшій профессоръ Московскаго университета, членъ академіи наукъ, Иванъ Ивановичъ Янжулъ.

И. И. Янжулъ родился въ іюнѣ 1846 г. въ Кіевской губерніи. Пройдя курсъ Коломенскаго уѣзднаго училища, онъ продолжалъ свое образованіе въ Рязанской гимназіи, которую окончилъ въ 1864 г., послѣ чего поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета. Окончивъ послѣдній весною 1869 г., И. И. поступилъ въ канцелярію прокурора Московскаго окружнаго суда въ качествѣ кандидата на судебную должность. Однако, служба его продолжалась здѣсь недолго. Написанное во время пребыванія И. И. въ университетѣ сочиненіе на тему «Историческій очеркъ русской торговли въ Средней Азіи» обратило на себя вниманіе профессора финансоваго права Ѳ. Б. Мильгаузена, который предложилъ И. И. быть оставленнымъ при университетѣ, Послѣ нѣкоторыхъ колебаній И. И., подъ вліяніемъ убѣжденій со стороны друзей, согласился, и это рѣшеніе опредѣлило всю дальнѣйшую его жизнь.

Сдавъ въ 1872 г. магистерскій экзаменъ, И. И. былъ на два года командированъ за границу, гдѣ сначала слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ, а затѣмъ работалъ въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Къ послѣднему учрежденію И. И. питалъ особую любовь и впослѣдствіи много разъ возвращался въ Лондонъ для работы въ немъ, пользуясь для этого лѣтними каникулами. Въ 1874 г. И. И. вернулся въ Москву съ готовою диссертаціею, озаглавленною «Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Акцизъ». Защитивъ эту работу въ ноябрѣ 1874 г., И. И. вскорѣ послѣ этого былъ избранъ доцентомъ Московскаго университета. Осенью 1876 г. И. И. получилъ степень доктора за первый выпускъ сочиненія «Англійская свободная торговля», послѣ чего былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета по каѳедрѣ финансоваго права. Профессорская дѣятельность покойнаго въ Московскомъ университетѣ продолжалась вплоть до 1898 г., когда И. И., по выслугѣ званія заслуженнаго профессора, покинулъ Москву и переѣхалъ въ Петроградъ въ качествѣ ординарнаго академика.

Въ 1873 году И. И. женился на Екатеринѣ Николаевнѣ Велья-

шевой, ставшей затѣмъ извѣстной писательницею по педагогическимъ вопросамъ. Е. Н. принимала ближайшее участіе во всѣхъ научныхъ работахъ И. И. и, никогда не разставаясь съ нимъ, сопровождала его и въ научныхъ командировкахъ.

Научная дѣятельность И. И. Янжула носила весьма разнообразный характеръ. Въ качествѣ финансиста И. И., главнымъ образомъ извѣстенъ какъ авторъ изданнаго въ 1890 г. курса («Основныя начала финансовой науки»), являющагося плодомъ многолѣтней профессорской дѣятельности покойнаго. Эта книга была удостоена академіей наукъ преміи Грейга и выдержала четыре изданія. Изъ другихъ работъ по финансовымъ вопросамъ слѣдуетъ назвать уже упомянутую выше магистерскую диссертацію объ акцизѣ въ Англіи, а затѣмъ рядъ болѣе мелкихъ произведеній, появившихся въ концѣ 1870-хъ и началѣ 1880-хъ г.г.: книжку, посвященную т. наз. Ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ (1880; второе изданіе съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго 1908), и статьи о табачной монополіи (1879) и объ отмѣнѣ соляного налога (1881).

Однако, въ своихъ научныхъ трудахъ И. И. далеко не ограничивался тѣсными предѣлами своей университетской спеціальности. Его кругозоръ былъ гораздо шире и охватывалъ многія области народнаго хозяйства. Здѣсь его больше всего интересовала такъ наз. прикладная политическая экономія, главнымъ образомъ, вопросы торговой и соціальной политики.

Изъ работъ по торговой политикѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ двухтомное сочиненіе «Англійская свободная торговля», первый выпускъ которой (1876) составилъ докторскую диссертацію И. И. (второй выпускъ вышелъ въ 1882 г.). Этотъ трудъ покоится на обширномъ матеріалѣ, собранномъ авторомъ во время неоднократныхъ поѣздокъ въ Лондонъ, и заключаетъ въ себѣ историческій обзоръ тѣхъ идей, которыя въ отношеніи хозяйственной политики господствовали въ Англіи на протяженіи ряда вѣковъ, въ эпоху меркантилизма и въ смѣнившій эту эпоху періодъ свободной торговли. Къ области торговой политики также относится изданная И. И. въ 1897 г. книга «Торговые музеи, экспортные союзы и склады торговыхъ образцовъ». Эта книга явилась результатомъ предпринятаго по порученію министерства финансовъ путешествія, во время котораго И. И. объѣздилъ важнѣйшіе промышленные центры Зап. Европы для изученія нѣкоторыхъ принимаемыхъ въ интересахъ развитія экспортной торговли мѣръ.

Большое значеніе имѣютъ труды И. И. по рабочему вопросу. Послѣднимъ И. И. сталъ интересоваться еще въ концѣ 1870-хъ г.г., когда былъ приглашенъ къ участію въ трудахъ комиссіи, учрежденной

московскимъ ген.-губернаторомъ кн. В. А. Долгоруковымъ для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ. Въ ближайшіе, затѣмъ, годы появляется рядъ статей И. И., посвященныхъ вопросамъ фабричнаго законодательства (главнымъ образомъ, о дѣтскомъ и женскомъ трудѣ), организаціи фабричной инспекціи въ зап.-европейскихъ странахъ, отвѣтственности хозяевъ за несчастные случаи съ рабочими и т. д. Эти статьи обратили на себя всеобщее вниманіе и дали поводъ министру финансовъ Н. Х. Бунге пригласить И. И. стать однимъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ въ новомъ дѣлѣ созданія и проведенія въ жизнь первыхъ законовъ объ охранѣ фабричнаго труда. Въ 1882 г., при введеніи у насъ института фабричной инспекціи, И. И. занялъ должность фабричнаго инспектора Московскаго округа. Вмѣстѣ съ тѣмъ для И. И. началась новая дѣятельность, которая, однако, продолжалась только пять лѣтъ.

Вступивъ въ должность фабричнаго инспектора, И. И. немедленно приступилъ къ объѣзду подвѣдомственнаго ему района для ознакомленія съ расположенными въ немъ фабриками. Результатомъ явилось извѣстное изслѣдованіе, озаглавленное «Фабричный бытъ Московской губерніи» (1884). Въ этой работѣ, съ полнымъ безпристрастіемъ, въ яркихъ краскахъ изображено въ высшей степени тяжелое положеніе нашихъ фабричныхъ рабочихъ, какимъ оно было наканунѣ введенія первыхъ зачатковъ фабричнаго законодательства. За этотъ трудъ Императорское географическое общество удостоило автора большой золотой медали.

Въ серединѣ 80-хъ годовъ правительствомъ, подъ вліяніемъ жалобъ московскихъ фабрикантовъ на конкурренцію со стороны Лодзи, была учреждена особая комиссія для изученія этого вопроса. Въ составъ этой комиссіи былъ назначенъ и И. И., который, обслѣдовавъ промышленность Царства Польскаго на мѣстѣ, далъ затѣмъ подробный очеркъ ея историческаго развитія и современнаго состоянія (1886).

Въ 1893 г., въ связи съ Колумбовою выставкою въ г. Чикаго, И. И. былъ командированъ министерствомъ финансовъ въ Соед. Штаты Сѣв. Америки для изученія американскихъ синдикатовъ. И здѣсь онъ примѣнилъ тѣ же испытанные пріемы, которыми воспользовался при изученіи быта московскихъ рабочихъ и положенія польской промышленности. Онъ на мѣстѣ собралъ обширный матеріалъ, который разработалъ по возвращеніи въ Россію и издалъ въ видѣ объемистаго изслѣдованія (1895), до сихъ поръ занимающаго почетное мѣсто въ русской литературѣ о синдикатахъ.

Я перечислилъ крупнѣйшія изъ научныхъ трудовъ И. И. Янжула. Но, кромѣ этихъ работъ, покойный оставилъ массу статей по разнымъ вопросамъ. Важнѣйшія изъ нихъ были собраны авторомъ въ три

сборника: «Очерки и изслѣдованія» (два тома, 1884), «Въ поискахъ лучшаго будущаго» (1893) и «Между дѣломъ» (1904). Многія изъ этихъ статей носили публицистическій характеръ: съ особою любовью И. И. останавливался на популяризаціи учрежденій (преимущественно англійскихъ), преслѣдующихъ хозяйственный, умственный и нравственный подъемъ рабочаго населенія.

Какъ профессоръ, И. И. воспиталъ цѣлый рядъ поколѣній молодежи. Его лекціи, привлекавшія всегда полныя аудиторіи, обладали тѣми же достоинствами, какъ и его печатные труды: богатствомъ фактическаго матеріала, обширною эрудиціею, широтою точекъ зрѣнія, живостью, простотою и доступностью изложенія при строгой научности послѣдняго. Благодаря этимъ достоинствамъ, И. И. съ большимъ успѣхомъ выступалъ также какъ публичный лекторъ: многія изъ печатныхъ работъ И. И. возникли изъ публичныхъ лекцій.

Есть еще одна сторона въ дѣятельности И. И., о которой нельзя не упомянуть. Какъ уже указано выше, И. И. принадлежалъ къ числу нашихъ фабричныхъ инспекторовъ перваго призыва. Хотя дѣятельность его на этомъ поприщѣ продолжалась только пять лѣтъ, тѣмъ не менѣе она имѣла большое значеніе и вполнѣ заслуженно будетъ яркими буквами вписана въ исторію нашей фабричной инспекціи. И. И. съ неуклонною строгостью осуществлялъ свои новыя обязанности, настаивая на точномъ соблюденіи закона и привлекая къ отвѣтственности нарушителей послѣдняго. Благодаря этому онъ пріобрѣлъ многихъ враговъ въ средѣ фабрикантовъ; противъ него началась даже цѣлая газетная травля. Тѣмъ не менѣе, пока во главѣ финансоваго вѣдомства стоялъ Н. Х. Бунге, И. И. оставался на своемъ посту. Но, когда Н. Х. Бунге былъ замѣненъ И. А. Вышнеградскимъ и вѣянія въ Петроградѣ измѣнились, И. И., не чувствуя поддержки со стороны министерства финансовъ и видя, что злоупотребленія остаются безнаказанными, не счелъ возможнымъ долѣе занимать свою должность и въ сентябрѣ 1887 г. подалъ въ отставку. Дѣятельность И. И., какъ фабричнаго инспектора, не ограничивалась исполненіемъ связанныхъ съ этою должностью непосредственныхъ обязанностей. Являясь однимъ изъ наиболѣе свѣдущихъ и энергичныхъ людей въ этой области, И. И. принималъ дѣятельное участіе въ многочисленныхъ комиссіяхъ, на которыхъ лежала подготовительная работа по выработкѣ фабричныхъ законовъ и способовъ ихъ примѣненія за время съ 1882 по 1887 г.г.

И. И. Янжулъ оставилъ три тома воспоминаній, изъ которыхъ одинъ посвященъ спеціально дѣятельности его какъ фабричнаго инспектора, а остальные два носятъ болѣе личный характеръ и охватываютъ всю эпоху отъ 1864 по 1909 г.

За послѣдніе годы И. И. постоянно хворалъ. Состояніе его здо-

ровья прогрессивно ухудшалось, силы все болѣе слабѣли. По совѣту врачей, И. И., вмѣстѣ съ женою, въ апрѣлѣ уѣхалъ за границу. Здѣсь его застала война. Не будучи въ силахъ уѣхать, онъ долженъ былъ оставаться въ Висбаденѣ, гдѣ его постигла смерть и гдѣ онъ погребенъ вдали отъ горячо любимой имъ родины.

В. Э. Денъ.

Въ «Вѣстникѣ Европы» И. И. Янжулъ помѣстилъ слѣдующія статьи: 1) «Соляной налогъ и послѣдствія его отмѣны въ Англіи и Россіи» (1881, іюнь и іюль); 2) «Фабричный рабочій въ средней Россіи и Царствѣ Польскомъ» (1888, февраль); 3) Пьянство и борьба противъ него» (1888, іюнь и іюль); 4) «Практическая филантропія въ Англіи» (1890, февраль и мартъ); 5) «Новая фантазія на старую тему» (1890, апрѣль и май); 6) Бисмаркъ и государственный соціализмъ» (1890, августъ); 7) «Изъ психологіи народовъ» (1891, мартъ); 8) «Американская ежедневная пресса, ея обычаи и нравы» (1894, февраль); 9) «Великаны европейской промышленности» (1898, іюнь); 10) «Милліоны, и что съ ними надо дѣлать» (1899, мартъ); 11) «Изъ психологіи дѣтей» (1900, январь); 12) «Какъ у насъ иногда отмѣняются законы» (1909, сентябрь). Трудамъ И. И. Янжула, въ качествѣ перваго фабричнаго инспектора московскаго округа, составляющимъ одно изъ главныхъ его правъ на почетное мѣсто въ исторіи русской общественной жизни, посвящена значительная часть внутренняго обозрѣнія въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала за 1884 годъ.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

(Третій мѣсяцъ войны).

I.

Въ теченіе третьяго мѣсяца войны главное вниманіе привлекали къ себѣ событія на восточномъ театрѣ войны. Весь мѣсяцъ на этомъ театрѣ шли напряженные бои, и лишь изрѣдка выдавались дни относительнаго затишья. Сперва бои шли на границахъ Восточной Пруссіи, а затѣмъ они перекинулись въ Царство Польское и въ Галицію вплоть до предгорій Карпатъ и верховьевъ Днѣстра.

Бои на восточно-прусской границѣ были завершеніемъ крупныхъ операцій, разыгравшихся въ концѣ предыдущаго отчетнаго мѣсяца.

Наступленіе германцевъ на Нѣманъ и къ Оссовцу привело къ ряду упорныхъ боевъ въ Сувалкской губерніи, начавшихся 12-го сентября и длившихся болѣе недѣли. Первоначально бои шли недалеко отъ Нѣмана, но постепенно ихъ линія все больше отодвигалась къ западу и наиболѣе рѣшительныя столкновенія произошли уже недалеко отъ границы у Августова и Сувалокъ. По имени Августова и большого Августовскаго лѣса всѣ эти сложныя операціи въ Сувалкской губерніи получили въ нашихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ названіе «Августовскаго сраженія». Оно кончилось 20-го сентября рѣшительнымъ пораженіемъ германцевъ, о размѣрахъ котораго можно судить по тому, что русскими войсками было подобрано 18.000 непріятельскихъ труповъ. Если даже предположить, что германцы совершенно не имѣли возможности хоронить своихъ убитыхъ воиновъ и что эти 18.000 составляютъ всѣ германскія потери убитыми, все-таки потери получаются колоссальныя. Мы не знаемъ, каково для настоящей войны среднее отношеніе числа убитыхъ къ числу раненыхъ. Но въ прежнихъ войнахъ на одного убитаго приходилось 3—5 раненыхъ. Отсюда слѣдуетъ, что потери германцевъ ранеными въ августовскомъ сраженіи составляютъ 55—90.000 человѣкъ, а всѣ ихъ потери достигаютъ 70—100.000 человѣкъ. Эти цифры совпадаютъ съ указаніями нашихъ оффиціальныхъ сообщеній, опредѣляющихъ общую потерю германской арміи въ 40% ея численнаго состава. Во всей военной исторіи мало найдется сраженій, которыя по тяжести потерь можно было бы поставить на одну доску съ боями въ Сувалкской губерніи, и, однако, эти бои не были генеральнымъ сраженіемъ и не дали какого-нибудь рѣшительнаго результата.

Разбитые подъ Августовомъ и Сувалками германцы отступили къ границѣ и здѣсь, усиленные подкрѣпленіями изъ гарнизона Кенигсберга и тяжелой артиллеріей, возобновили свое сопротивленіе на заранѣе укрѣпленныхъ позиціяхъ. Начался новый рядъ боевъ вдоль самой границы по фронту отъ Владиславова на Вержболово, Бакаларжево, Рачки, Лыкъ. Бои были очень упорные, но не дали рѣшительныхъ результатовъ. Русскія войска на сѣверѣ сбили противника у Владиславова, а на югѣ заняли германскіе города Лыкъ и Бялу (потомъ они были оставлены нами), но въ общемъ обѣ стороны сохранили свое положеніе. Пользуясь своими великолѣпными путями сообщенія, позволявшими имъ быстро перебрасывать войска съ одного участка фронта на другой, германцы мѣстами переходили отъ обороны къ наступленію. Всѣ эти попытки наступленія были отражены, но все-таки германцы удержались на границѣ. Постепенно бои на этомъ фронтѣ стали затихать и общее вниманіе было

отвлечено къ другому театру, гдѣ начали разыгрываться событія въ гораздо болѣе крупномъ масштабѣ, къ западной Польшѣ и Галиціи. Лишь въ самомъ концѣ отчетнаго мѣсяца оживились вновь боевыя столкновенія на восточно-прусскомъ фронтѣ. Начиная съ 5-го октября, германцы неоднократно пытались вести наступленіе въ направленіи отъ Лыка къ Граеву, а 14-го октября начались бои у Бакаларжева, гдѣ 1-й германскій корпусъ, усиленный частями кенигсбергскаго и познанскаго гарнизоновъ, пытался прорвать центръ нашего расположенія. Продолжавшіяся нѣсколько дней подрядъ съ крайней настойчивостью германскія атаки были отбиты и къ 18-му октября прекратились.

Еще въ концѣ предыдущаго мѣсяца была обнаружена концентрація большихъ германскихъ силъ въ приграничныхъ мѣстностяхъ западной Польши, но первоначально можно было думать, что Германцы преслѣдуютъ здѣсь, главнымъ образомъ, оборонительныя цѣли. Наибольшія германскія силы были сосредоточены въ районѣ Кракова, у Олькуша и у Ченстохова; менѣе крупныя силы были обнаружены у Калиша и Торна и сравнительно небольшіе отряды находились на правомъ берегу Вислы въ районѣ Рыпина и Млавы. 14-го сентября германцы начали наступленіе въ западной Польшѣ. Такъ какъ главныя силы ихъ были сосредоточены въ юго-западной Польшѣ, то имъ пришлось, наступая къ Вислѣ, постепенно сворачивать къ сѣверу, и части, шедшія изъ Кракова, доходили до Опатова и затѣмъ почти подъ прямымъ угломъ поворачивали на сѣверъ къ Радому съ тѣмъ, чтобы оттуда опять повернуть на востокъ къ Ивангороду. Такое сосредоточеніе силъ, главнымъ образомъ, въ юго-западномъ районѣ и ломаные пути наступленія къ средней Вислѣ даютъ основаніе думать, что первоначально германцы не преслѣдовали иной цѣли, кромѣ цѣли обороны, и что ихъ наступленіе на Вислу являлось своего рода стратегической импровизаціей.

Но, если это наступленіе было импровизировано, оно тѣмъ не менѣе велось съ очень большой энергіей и очень крупными силами. Точнаго подсчета силъ на восточномъ фронтѣ ни съ нашей стороны, ни со стороны нашего противника, мы дать не въ состояніи, но нѣкоторыя указанія на эти силы все-таки получить можно. «Русскій Инвалидъ» (№ 218) опредѣлялъ численность русскихъ войскъ на всемъ восточномъ фронтѣ (включая и Восточную Пруссію) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Не меньше, если не больше полусотни корпусовъ и до одного или даже до полутора десятковъ армій, въ четверть милліона каждая». Силы нашихъ противниковъ «Русскій Инвалидъ» опредѣлялъ на всемъ восточномъ фронтѣ приблизительно въ 26 или 28 корпусовъ, считая въ томъ числѣ 8 или 11 австрій-

скихъ корпусовъ. Эта цифра, на нашъ взглядъ, является нѣсколько преуменьшенной. Въ виду того, что австрійцы несомнѣнно сосредоточили на нашей границѣ громадное большинство своихъ силъ, то трудно предположить, чтобы тутъ было меньше 12 ихъ корпусовъ, а такъ какъ австрійскій корпусъ состоитъ изъ 3 дивизій и поэтому въ полтора раза больше русскаго корпуса или германскаго, то для единства счета можно численность австрійскихъ войскъ на нашей границѣ опредѣлить въ 18 корпусовъ. Если внести соотвѣтственныя поправки въ данныя «Русскаго Инвалида», то силы нашихъ противниковъ достигнутъ почти 35—40 корпусовъ. Нѣсколько иныя данныя давали англійскія газеты. Онѣ опредѣляли численность германцевъ и австрійцевъ между Варшавой и Ивангородомъ въ 500 тысячъ, между Ивангородомъ и Саномъ въ 700 тысячъ и въ Галиціи въ 450 тысячъ, а всего 1.650 тысячъ, не считая при этомъ германскихъ войскъ, находившихся въ Восточной Пруссіи. Вмѣстѣ съ послѣдними, а также вмѣстѣ съ соединительнымъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ въ районѣ Млавы и Рыпина, численность непріятельскихъ силъ, по подсчету англійскихъ газетъ, достигнетъ приблизительно 2 милліоновъ. Этотъ подсчетъ, впрочемъ, тоже не можетъ быть признанъ точнымъ, потому что въ Галиціи дѣйствовало во всякомъ случаѣ больше 450 тысячъ австрійскихъ войскъ. Въ газетахъ проскользнуло-было извѣстіе, что въ однихъ Карпатахъ дѣйствуетъ до 10 австрійскихъ корпусовъ. Это извѣстіе, несомнѣнно, преувеличено, но и цифра 450 тысячъ, какъ общее число австрійскихъ войскъ въ Галиціи, въ свою очередь, является преуменьшенной. Скорѣе можно допустить меньшую, чѣмъ указываютъ англійскія газеты, численность непріятельскихъ силъ въ Польшѣ.

Начатое 14 сентября германское и австрійское наступленіе совпало съ періодомъ новой концентраціи русскихъ силъ. Какъ изложено въ сообщеніи штаба Верховнаго Главнокомандующаго («Русскій Инвалидъ» № 22), наши дѣйствія въ Галиціи, завершившіяся грандіозными боями въ августѣ мѣсяцѣ, имѣли лишь подготовительный характеръ. Цѣль ихъ была въ томъ, чтобы «обезпечить со стороны Галиціи» «основную нашу операцію, направленную противъ германцевъ». Благополучное окончаніе этихъ боевъ и овладѣніе нами Галиціей дало намъ возможность начать сосредоточеніе нашихъ армій на лѣвомъ берегу Вислы для дѣйствій противъ Германіи. Однако, прежде чѣмъ это сосредоточеніе было закончено, началось германо-австрійское наступленіе и развертываніе германскихъ силъ на фронтѣ Калишъ-Ченстоховъ, Олькушъ. Въ видахъ большей осторожности и обезпеченія безопасности сосредоточенія русскихъ силъ было рѣшено произвести это сосредоточеніе не на

лѣвомъ берегу Вислы, а на правомъ, подъ прикрытіемъ этой рѣки. Въ виду этого въ западной Польшѣ русскія войска не оказали сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія германско-австрійскому наступленію. Западная Польша была уступлена почти безъ боя. Тамъ оставались лишь наши кавалерійскія части, поддерживаемыя небольшими пѣхотными отрядами.

Германское наступленіе велось довольно быстро, и уже 18—20 числа германцы находились въ Радомѣ, а затѣмъ вплотную подошли къ Вислѣ. Параллельно съ этимъ шло австрійское наступленіе въ Галиціи. Рѣшивъ отнести сосредоточеніе нашихъ силъ на правый берегъ Вислы, мы должны были соотвѣтственнымъ образомъ отодвинуть и наши выдвинувшіяся впередъ части въ Галиціи. Эти части отошли къ рѣкѣ Санъ и осада Перемышля была снята. Такимъ образомъ теченіе средней Вислы и Сана являлось разграничительной линіей между русскими войсками и войсками нашихъ противниковъ. На лѣвомъ берегу Вислы мы удержали за собою только небольшой районъ вокругъ Варшавы и сверхъ того одинъ изъ нашихъ корпусовъ, именно третій Кавказскій армейскій корпусъ, удержался на лѣвомъ берегу Вислы у Козеницъ, нѣсколько ниже Ивангорода.

Съ 28 сентября начались большіе и упорные бои на Вислѣ. До того дѣло ограничивалось артиллерійской перестрѣлкой, затѣмъ начались попытки германцевъ овладѣть переправами въ различныхъ мѣстахъ Вислы и одновременно съ этимъ германцы повели наступленіе на Варшаву. На состоявшемся 28 сентября въ Радомѣ совѣщаніи германскихъ и австрійскихъ военачальниковъ былъ выработанъ окончательный планъ дѣйствій. Германское и австрійское наступленіе ставило себѣ три крупныхъ задачи. Прежде всего предполагалось переправиться черезъ Вислу у Казимержа, нѣсколько выше Новой Александріи, гдѣ рѣка разбивается островами на рукава и гдѣ переправа поэтому технически легче, съ тѣмъ, чтобы, ставъ въ этомъ пунктѣ твердой ногой на правомъ берегу Вислы, прорвать русскій центръ и затѣмъ уже бить разрозненныя русскія арміи по частямъ. Одновременно съ тѣмъ предполагалось овладѣть Варшавой, которая дорога была германцамъ не столько по стратегическимъ, сколько по политическимъ соображеніямъ. Впрочемъ, и стратегическая ея цѣнность германцами учитывалась довольно высоко. Наконецъ, третья цѣль, ставившаяся германо-австрійскому наступленію, состояла въ томъ, чтобы обойти въ Карпатахъ нашу крайнюю лѣвофланговую армію генерала Брусилова и тѣмъ побудить русскія войска очистить восточную Галицію. Это казалось австрійцамъ достаточнымъ вознагражденіемъ за понесенное ими пораженіе въ августѣ.

Ни одна изъ этихъ задачъ не была достигнута. Всѣ попытки германцевъ и австрійцевъ переправиться черезъ Вислу, произведенныя какъ у Казимержа, такъ и въ другихъ мѣстахъ, были отбиты съ большими потерями для непріятеля. Артиллерійская перестрѣлка съ Ивангородомъ не дала никакихъ благопріятныхъ для германцевъ результатовъ. Наступленіе на армію Брусилова было отбито, и Варшавой германцамъ овладѣть тоже не удалось.

Для практическаго удобства всѣ непріятельскія операціи на лѣвомъ берегу Вислы можно раздѣлить на три отдѣльныхъ района и соотвѣтственно этому говорить о трехъ отдѣльныхъ непріятельскихъ арміяхъ. Въ сѣверномъ районѣ на лѣвомъ берегу Пилицы дѣйствовали одни германскія войска и ихъ можно считать какъ бы первой сѣверной арміей. Между Пилицей и Ильжанкой дѣйствовали совмѣстно германскія и австрійскія войска. Изъ германскихъ войскъ тутъ, несомнѣнно, участвовали 20-ый армейскій и гвардейскій резервный корпуса. Наконецъ, къ югу отъ Ильжанки дѣйствовали одни лишь австрійскія войска. Въ задачу сѣверной арміи входило овладѣніе Варшавой. Средняя армія должна была переправиться у Казимержа и овладѣть Ивангородомъ и Новой Александріей. Задачи южной арміи были, повидимому, второстепеннаго характера и ограничивались простымъ наблюденіемъ.

Раньше всего развязка наступила въ сѣверномъ районѣ. Германцы вели на Варшаву чрезвычайно упорное наступленіе и подошли почти непосредственно къ окрестностямъ города. Начавшіеся здѣсь въ крупномъ масштабѣ съ 28 сентября бои велись въ 15 верстахъ отъ города, а передовыя германскія части иногда продвигались еще ближе къ Варшавѣ верстъ на 10—11.—2 октября по нашимъ оффиціальнымъ донесеніямъ германцы перешли въ этомъ районѣ отъ наступленія къ оборонѣ, но вслѣдъ затѣмъ они получили значительныя подкрѣпленія изъ средней арміи, что дало имъ возможность вновь перейти въ наступленіе, носившее 4 и 5 октября чрезвычайно стремительный характеръ. Это наступленіе было отбито и вслѣдъ за тѣмъ обнаружилось, что сама германская армія попала въ опасное положеніе. Германское наступленіе велось очень самоувѣренно, и германцы не принимали никакихъ мѣръ для обезпеченія своего лѣваго фланга. Такъ какъ переправы черезъ Вислу находились въ нашихъ рукахъ, и ниже Варшавы и выше ея, то это дало намъ возможность предпринять операціи въ обходъ фланговъ противника. Ниже Варшавы русскія войска переправились черезъ Вислу въ районѣ Новогеоргіевска и нижней Бзуры и здѣсь стали обходить лѣвый германскій флангъ; кавалерійскія же наши части были брошены въ тылъ противнику въ районъ Ловина. Вмѣстѣ съ

тѣмъ выше Варшавы переправа русскихъ войскъ у Гуры-Кальваріи стала угрожать и правому флангу германцевъ. Всѣ эти угрозы побудили германцевъ къ спѣшному отступленію, начатому въ ночь на 7 октября.

Отступленіе сѣверной арміи неизбѣжно должно было вести за собою отступленіе и обѣихъ другихъ армій. Разъ германское наступленіе не удалось, разъ они не могли удержать за собою Вислу, какъ оборонительную линію, нашимъ противникамъ не было большого разсчета задерживаться въ западной Польшѣ, а, наоборотъ, было выгоднѣе отступать ближе къ своимъ границамъ. Отсутствіе хорошихъ путей сообщенія въ западной Польшѣ мѣшало снабженію германской и австрійской армій всѣми необходимыми запасами, мѣшало излюбленному пріему германской тактики—перебрасыванію значительныхъ силъ съ одного участка фронта на другой. И, повидимому, послѣ неудачи подъ Варшавой германцы, дѣйствительно, хотѣли отступить сразу къ границѣ. Во всякомъ случаѣ, сѣверная армія отступала очень поспѣшно и отступила очень далеко. Первыя попытки съ ея стороны остановить наше преслѣдованіе были сдѣланы лишь на линіи Ловичъ—Скерневицы—Рава, т. е. верстахъ въ 70 отъ Варшавы; сѣверные же отряды германской арміи прямо отошли на Кутно, т. е. на 125 верстъ по желѣзной дорогѣ отъ Варшавы. На наличность такого же намѣренія нашихъ противниковъ отойти прямо къ границѣ указываетъ и то, что часть германской арміи, дѣйствовавшей подъ Варшавой, отступила не на западъ, а на юго-западъ и югъ (Скерневицы—Гройцы), имѣя, повидимому, въ виду достигнуть первоначальнаго исходнаго положенія съ сосредоточеніемъ главныхъ силъ въ районѣ Ченстохова и Кракова, преслѣдующаго прежде всего цѣли обороны. Но, помимо желанія нашихъ противниковъ, имъ не удалось выполнить отходъ къ своимъ границамъ съ такой быстротой, какая требовалась отъ нихъ стратегической обстановкой. Средняя армія стала отступать днемъ позже сѣверной. Изъ-подъ Варшавы германцы стали уходить въ ночь на 7 октября, а уже 8 октября былъ обнаруженъ общій отходъ германо-австрійскихъ войскъ на путяхъ отъ Ивангорода и Новой Александріи. Но средней арміи не удалось отступить такъ же безпрепятственно, какъ сѣверной. Она была сейчасъ же настигнута русскими войсками и принуждена была ввязаться въ серьезный бой на путяхъ къ Радому. Какъ и всякое принужденное сраженіе, сраженіе на путяхъ къ Радому оказалось очень неблагополучнымъ для нашего противника и представляло для него большую опасность. Для того, чтобы вывести безъ большихъ потерь изъ боя свои отставшія части, германцы и австрійцы постепенно должны были вводить въ дѣло все новыя

и новыя силы, и фронтъ сраженія постепенно расширялся. 10 октября бой велся на путяхъ къ Радому на протяженіи приблизительно 40 верстъ. Днемъ позже фронтъ сраженія простирался уже на 100 верстъ, а еще черезъ день наши противники должны были ввести въ дѣло и сѣверную германскую армію, и линія боевъ достигла на сѣверѣ до г. Кутно, а на юго-востокѣ упиралась у Яновца въ Вислу, т. е. достигла по прямой линіи до 200 верстъ. 13 октября бой велся по фронту Кутно — Ежовъ — Рава — Нове-Място—Бялобржеги — Бялогура — Гловачовъ —Полична—Яновецъ, представляющему ломанную линію.

13 октября сопротивленіе нашихъ противниковъ было сломлено, и они по всему фронту начали отступать, неся большія потери плѣнными, орудіями, пулеметами. На одномъ участкѣ между станціей Гарбатка, Цльжой и Вислой, нами взято 8.000 плѣнныхъ и 24 пулемета. Первой отступила въ ночь на 14-е октября средняя армія, болѣе выдвинутая впередъ. Днемъ позже, 15 октября, была вынуждена отступить и сѣверная армія, и приблизительно тогда же русская кавалерія захватила Радомъ. Отступленіе нашихъ противниковъ было очень спѣшное, а русскія войска преслѣдовали ихъ очень энергично. Днемъ позже непріятельскія войска находились уже на линіи Лодзь —Завихость. А еще черезъ день русскія войска прочно, т. е. уже большими частями, заняли города Гостынинъ, Ленчицу, Лодзь, Петроковъ, Опочно, Островецъ, Ожаровъ, и къ концу мѣсяца германо-австрійскія арміи главною массой отступали на юго-западъ, стремясь достигнуть первоначальнаго исходнаго положенія. Попытка наступленія на Вислу и Варшаву, составлявшая главное содержаніе событій истекшаго мѣсяца на восточномъ театрѣ войны, окончательно ликвидирована.

Ходъ событій въ Галиціи не имѣлъ такого рѣшающаго значенія. Когда началось общее наступленіе германцевъ и австрійцевъ, русскія войска очистили занятыя ими части западной Галиціи и отошли за рѣку Санъ, снявъ при этомъ осаду съ Перемышля. Всѣ попытки австрійцевъ стать твердо на правомъ берегу Сана кончились неудачно, и наоборотъ, русскія войска мѣстами вновь перешли на лѣвый берегъ Сана и сбили австрійцевъ. Впрочемъ, съ наибольшимъ напряженіемъ шла борьба не на Санѣ, а въ районѣ южнѣе Перемышля, гдѣ австрійцы пытались обойти нашу крайнюю лѣвофланговую армію генерала Брусилова. Австрійцы вели здѣсь наступленіе одновременно и съ запада изъ района Санокъ—Лиско и съ юга черезъ Карпаты изъ Венгріи. Наши, проникшіе было за Карпаты, отряды отошли назадъ, и австрійскія войска заняли всѣ перевалы, бывшіе до того въ нашихъ рукахъ. Но всѣ попытки австрійцевъ дебуши-

ровать изъ горныхъ ущелій и развернуться на равнинѣ были отбиты нами съ громадными потерями для противника. Въ одной лишь долинѣ рѣки Спрыни было обнаружено не менѣе 5.000 труповъ убитыхъ австрійцевъ. Крайнимъ пунктомъ на востокѣ, до котораго удалось пробиться австрійцамъ, былъ Стрый (почти прямо къ югу отъ Львова); ихъ попытка спуститься съ горъ еще восточнѣе къ городу Долина была отбита и наступавшая здѣсь австрійская колонна разсѣяна.

Бои въ районѣ южнѣе Перемышля длились непрерывно болѣе двухъ недѣль. До 12 октября австрійцы все пытались вести наступленіе, но къ этому времени были разбиты и стали отступать. Преслѣдуя ихъ, русскія войска вновь вступили въ Карпатскія горы и заняли городокъ Турка въ 35 верстахъ южнѣе Самбора. Здѣсь начались новые бои, объ исходѣ которыхъ нѣтъ свѣдѣній. Нерѣшенными остались до конца отчетнаго мѣсяца и бои на Санѣ.

II.

Если на восточномъ театрѣ войны событія третьяго мѣсяца рѣзко отличаются отъ событій второго, то на западномъ театрѣ этого не было. Тамъ не было такого рубежа, который позволилъ бы будущему историку обособить сентябрьскіе бои отъ октябрьскихъ. Не рѣшенное въ сентябрѣ сраженіе на р. Энъ продолжалось и въ октябрѣ и осталось по-прежнему нерѣшеннымъ. Какъ извѣстно, въ теченіе всего сентября союзники постепенно вытягивали къ сѣверу свой лѣвый флангъ въ разсчетѣ обойти правый флангъ германцевъ. Парируя эту угрозу, германцы вытягивали тоже къ сѣверу свой правый флангъ и соотвѣтственно этому районъ боевыхъ дѣйствій подвигался все къ сѣверу. Упорные бои на самой рѣкѣ Энъ смѣнились боями въ районѣ Нойона, затѣмъ передвинулись къ Круа и Шольну, дальше къ Альберу, Аррасу, достигли окрестностей Лилля и, наконецъ, какъ союзники, такъ и германцы уперлись своими крайними флангами въ море. Параллельно попыткамъ союзниковъ обойти правый германскій флангъ, шли попытки германцевъ прорвать фронтъ арміи союзниковъ въ различныхъ районахъ у Руа, Арраса и т. д., но эти попытки остались совершенно безрезультатными. Какъ союзники, такъ и германцы передвигали къ западу и сѣверу свои силы, беря ихъ съ первоначальнаго основного фронта, шедшаго по р. Энъ, и ослабляя его. Защищавшіяся первоначально съ такимъ упорствомъ германскія позиціи на р. Энъ были ими потомъ оставлены и съ р. Энъ германцы отошли къ р. Уазѣ, но, при

далеко вытянутомъ къ сѣверу расположеніи обѣихъ армій, это обстоятельство уже не имѣло большого значенія.

Неудача обхода союзниками праваго германскаго фланга и достиженіе обѣими арміями моря, преграждавшаго въ дальнѣйшемъ всякую попытку обходнаго движенія, должны были привести къ извѣстному затишью на западномъ театрѣ войны. Во всякомъ случаѣ идти прежнимъ путемъ ни союзники, ни ихъ противники не могли, а для того, чтобы предпринять новое наступленіе въ какомънибудь иномъ районѣ, нуженъ былъ подготовительный періодъ для соотвѣтственнаго сосредоточенія силъ. Временное затишье казалось почти неизбѣжнымъ для западнаго театра войны, но въ этотъ моментъ наступила перемѣна вслѣдствіе паденія Антверпена. Угрожаемые на своемъ правомъ флангѣ, германцы рѣшили освободить свои войска въ Бельгіи и съ этой цѣлью предприняли энергичное наступленіе на Антверпенъ. Антверпенскія укрѣпленія оказались ниже своей репутаціи первоклассной, почти неприступной крѣпости. Многіе форты были еще не готовы, а силы бельгійской арміи были недостаточно велики для того, чтобы защищать полуготовую, очень обширную крѣпость; поэтому когда германцы повели рѣшительное наступленіе на Антверпенъ, имъ удалось овладѣть передовой линіей фортовъ, затѣмъ они взяли нѣкоторые форты второй линіи и начали бомбардировать самый городъ. Бельгійская армія отказалась отъ дальнѣйшаго сопротивленія, очистила Антверпенскую крѣпость за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фортовъ и отступила на западъ вмѣстѣ съ немногочисленными англійскими подкрѣпленіями, въ видѣ морской пѣхоты, которая помогала ей защищать Антверпенъ.

Оставившая Антверпенъ, бельгійская армія отступила на западъ и тамъ примкнула къ крайнему лѣвому флангу союзниковъ. Попытки германцевъ отрѣзать пути отступленія бельгійцевъ были неудачны, и лишь маленькій англійскій отрядъ въ 2.000 человѣкъ былъ вынужденъ перейти на голландскую территорію и тамъ разоружиться. Германцы вслѣдъ за тѣмъ заняли послѣдовательно Гентъ, Брюгге и Остенде, и изъ всей Бельгіи осталась свободной лишь узенькая полоска на крайнемъ западѣ, на лѣвомъ берегу Изера къ западу отъ линіи Ньепортъ-Диксмюйденъ. Бельгійское правительство переѣхало въ Гавръ. Обрушившіяся на страну несчастія не сломили, однако, мужества бельгійской арміи. Руководимая королемъ Альбертомъ она продолжала свою героическую борьбу.

Паденіе Антверпена (26-го сентября) освободило значительныя германскія силы, а одновременно съ тѣмъ къ германцамъ подошли еще значительныя свѣжія подкрѣпленія. Эти два обстоятельства

дали германцамъ возможность вновь перейти отъ обороны, которой они придерживались въ теченіе цѣлаго мѣсяца, къ наступленію. Новое наступленіе было направлено противъ лѣваго фланга союзниковъ, хотя въ октябрѣ подобный планъ уже не сулилъ такихъ выгодъ, которыя имѣлись въ виду въ августѣ. Лѣвый флангъ союзниковъ уже примкнулъ къ морю, и потому примѣненіе излюбленнаго пріема германской тактики, охвата фланга противника, было въ данномъ случаѣ невозможно; приходилось вести фронтальныя атаки. Далѣе октябрьское наступленіе противъ лѣваго фланга союзниковъ даже въ лучшемъ случаѣ обѣщало лишь частичный успѣхъ. Въ августѣ германское наступленіе, между прочимъ, потерпѣло неудачу изъ-за того, что германцы, съ одной стороны, не имѣли силъ предпринять серьезныя операціи противъ Парижа, а съ другой, не могли оставить его въ сторонѣ. Но тогда Парижъ былъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ союзниковъ. Теперь же въ случаѣ удачи германскаго наступленія и при отступленіи союзниковъ на линію Парижа онъ оказался бы почти въ центрѣ основного боевого фронта, и передъ германской арміей стала бы задача, еще болѣе трудная для разрѣшенія, чѣмъ въ августѣ. Во всякомъ случаѣ тогда для германцевъ былъ бы неизбѣженъ выборъ какого-нибудь новаго главнаго операціоннаго направленія. Иными словами, направленіе главной атаки противъ лѣваго фланга союзниковъ не открывало перспективъ на возможность развитія частичныхъ успѣховъ въ успѣхъ общій.

И тѣмъ не менѣе германцы все-таки остановились на этомъ направленіи. Ихъ къ тому побуждала отчасти необезпеченность собственнаго праваго фланга и необходимость его усиленія. Часть своихъ подкрѣпленій они все равно должны были отправить на усиленіе своего праваго фланга, а свободнаго послѣ того остатка могло быть недостаточно для энергичнаго наступленія на какомъ-либо иномъ участкѣ фронта. Съ другой стороны, положеніе Германіи было уже таково, что ей трудно было надѣяться на возможность дѣйствительной полной побѣды надъ союзниками, и ея планы не шли дальше стремленія добиться какихъ-либо частичныхъ успѣховъ, способныхъ произвести извѣстное моральное впечатлѣніе. Такимъ именно стремленіемъ и была обусловлена попытка овладѣть побережьемъ Па-де-Калэ, что̀ открывало бы возможность производить цеппелинами и аэропланами налеты на Англію.

Германское наступленіе на лѣвый флангъ союзниковъ отличалось необыкновеннымъ упорствомъ. Оно привело къ многодневнымъ боямъ, фронтъ которыхъ отъ Ньюпорта (на берегу Сѣвернаго моря) шелъ по рѣкѣ Изеръ къ Диксмюйдену, на Ипръ, къ рѣкѣ Лисъ,

проходилъ между Арментьеромъ и Лиллемъ, огибая съ запада ла-Бассэ, тянулся восточнѣе Арраса и т. д., т. е. представлялъ чрезвычайно изломанную линію. Разыгравшіеся здѣсь бои отличались крайнимъ упорствомъ, и многіе наблюдатели считаютъ это сраженіе самымъ ожесточеннымъ изъ всѣхъ бывшихъ въ настоящую войну. Въ отраженіи германскихъ атакъ на крайнемъ сѣверномъ флангѣ принимали дѣятельное участіе англійскія и французскія военныя суда, стрѣльба которыхъ корректировалась съ аэроплановъ. Такимъ образомъ, тутъ совмѣстно дѣйствовали сухопутныя войска, морской флотъ и воздушный флотъ.

Въ теченіе многихъ дней исходъ боевъ казался невырѣшеннымъ, и во французскихъ и англійскихъ газетахъ стали появляться статьи, подготовляющія общество къ возможности отступленія союзниковъ. Но въ концѣ концовъ стремительныя атаки германцевъ были отбиты. Имъ мѣстами удавалось продвинуться впередъ, но они не имѣли возможности использовать эти свои успѣхи и развить ихъ. На другихъ участкахъ фронта наоборотъ продвинулись впередъ союзники. Въ общемъ обѣ стороны удержали свои основныя позиціи, и германскій планъ наступленія сразу же потерпѣлъ крушеніе. Принесенныя ими на сѣверѣ колоссальныя жертвы людьми оказались безцѣльными.

Въ самомъ концѣ отчетнаго мѣсяца обнаружилось новое оживленіе дѣятельности на рѣкѣ Энъ, въ районѣ Реймса, въ Аргоннскомъ лѣсѣ, т. е. на томъ южномъ фронтѣ, на которомъ шли главные бои первой половины сентября. Характеръ новыхъ операцій въ этомъ районѣ не поспѣлъ, впрочемъ, выясниться, и трудно считать въ настоящій моментъ, какое значеніе могутъ имѣть достигнутые здѣсь французами успѣхи.

На балканскомъ театрѣ войны истекшій мѣсяцъ не принесъ крупныхъ успѣховъ ни той, ни другой сторонѣ. Наступленіе сербовъ и черногорцевъ на Сараево было остановлено австрійцами.

На Дальнемъ Востокѣ японцы продолжали осаду Цинъдао, теперь уже сдавшагося имъ.

На морѣ большихъ сраженій въ теченіе всего истекшаго мѣсяца не было. Единственнымъ столкновеніемъ болѣе крупнаго размѣра было сраженіе 4-го октября противъ береговъ Голландіи, въ которомъ съ англійской стороны участвовалъ крейсеръ «Undaunted» и 4 истребителя, всѣ принадлежащіе къ классу «L» и имѣющіе по 950 тоннъ водоизмѣщенія и по три орудія калибромъ въ 10,2 стм. Съ германской стороны въ этомъ сраженіи участвовали 4 истребителя «S 115», «S 117», «S 118» и «S 119» по 420 тоннъ водоизмѣщенія и вооруженные каждый тремя 5-ти-сантиметровыми орудіями.

Такъ какъ англійскіе истребители значительно превышали германскіе какъ по водоизмѣщенію, такъ и по своему артиллерійскому вооруженію и, кромѣ того, на англійской сторонѣ былъ еще крейсеръ, то побѣда англійской флотиліи была, конечно, обезпечена. Но англійской флотиліи удалось не только разбить флотилію противника, но и уничтожить ее полностью. Ни одинъ изъ германскихъ истребителей не спасся, всѣ они были уничтожены. Въ остальномъ всѣ столкновенія на морѣ сводились къ атакамъ подводныхъ лодокъ. Германскимъ подводнымъ лодкамъ удалось потопить англійскій легкій крейсеръ «Hawke» и русскій крейсеръ «Палладу». Гибель «Паллады» показательна въ томъ отношеніи, что она является наглядным свидѣтельствомъ того, какими могущественными орудіями являются современныя подводныя лодки. Англійскіе броненосные крейсеры «Aboukir», «Hogue» и «Cressy» и легкій крейсеръ «Hawke» были атакованы подводными лодками внезапно, и этой внезапностью атаки можно было объяснить гибель крейсеровъ. «Паллада» была подготовлена къ атакѣ. Она вмѣстѣ со своимъ товарищемъ «Адмираломъ Макаровымъ» видѣла подводныя лодки, открыла по нимъ стрѣльбу и все-таки подводнымъ лодкамъ удалось потопить «Палладу». Минное вооруженіе послѣ русско-японской войны сдѣлало огромные успѣхи. Зарядъ взрывчатаго вещества въ каждой минѣ увеличенъ больше чѣмъ вдвое. Вдвое увеличена скорость движущихся минъ и разстояніе миннаго выстрѣла. Этимъ и объясняется такое различіе между успѣхами минныхъ атакъ въ русско-японскую войну и въ настоящую. Тогда какъ во время русско-японской войны ни одно изъ большихъ судовъ не погибло вслѣдствіе дѣйствія однѣхъ только самодвижущихся минъ, за три мѣсяца текущей войны имѣется уже длинный списокъ погибшихъ, такимъ образомъ, судовъ. Всѣ эти суда, правда, принадлежатъ теперь къ числу устарѣлыхъ для современнаго флота, но во время русско-японской войны они считались бы одними изъ новѣйшихъ судовъ. Въ самомъ концѣ отчетнаго мѣсяца погибло еще одно русское судно—легкій крейсеръ «Жемчугъ», на который въ Пенангѣ неожиданно, измѣнивъ свой видъ противника приставленною четвертою трубою, напалъ германскій крейсеръ «Эмденъ» и потопилъ его. Еще позже погибъ наткнувшійся на мины небольшой англійскій крейсеръ «Hermes».

Крейсерскія операціи германскаго флота продолжались приблизительно въ прежнемъ размѣрѣ. Въ нихъ участвовало нѣсколько легкихъ крейсеровъ, преимущественно изъ находившихся въ дальневосточной германской эскадрѣ, главной стоянкой которой былъ Циньдао. Наиболѣе активную роль изъ всѣхъ этихъ крейсеровъ

игралъ «Эмденъ», за которымъ англійскія суда установили тщательную погоню, долго остававшуюся безрезультатною, но на-дняхъ закончившуюся потопленіемъ крейсера и плѣненіемъ его экипажа. Кромѣ того довольно большое число англійскихъ торговыхъ судовъ было потоплено германскимъ крейсеромъ «Карльсруэ». Потери, нанесенныя англійскому торговому флоту германскими крейсерами, во всякомъ случаѣ неизмѣримо меньше того ущерба, который былъ причиненъ германскому флоту захватомъ его торговыхъ судовъ.

Въ колоніяхъ военныя дѣйствія развивались съ полнымъ успѣхомъ для англичанъ, и большинство германскихъ колоній были захвачены англичанами, отчасти французами, а, сверхъ того, въ раздѣлѣ германскаго колоніальнаго имущества приняла участіе и Японія, захватившая Маршальскіе острова и нѣкоторыя другія части Каролинскаго архипелага. Не разсчитывая своими силами справиться съ англійскими колоніальными войсками, германцы сдѣлали попытку организовать возстаніе въ Капской колоніи, во главѣ котораго сталъ бурскій офицеръ Марицъ. Возстаніе это, однако, безъ большого труда подавлено самими бурами, огромное большинство которыхъ осталось вѣрными Англіи.

Въ самомъ концѣ истекшаго мѣсяца въ военныхъ дѣйствіяхъ приняла участіе Турція, присоединившаяся къ Германіи и совершенно неожиданно напавшая на беззащитные города русскаго Черноморскаго побережья. Турецкіе крейсера одновременно появились въ Новороссійскѣ, Ѳеодосіи и Одессѣ и начали бомбардировку этихъ городовъ, не только не объявивъ предварительно войну, но даже не прервавъ дипломатическихъ сношеній. Вмѣшательство Турціи въ войну имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Турецкая армія, правда, довольно многочисленна и можетъ быть доведена безъ особенно большого труда въ военное время до 500.000 человѣкъ, но значительная часть ея неизбѣжно останется во Ѳракіи и недалеко отъ Константинополя. На русско-кавказской границѣ можетъ быть сосредоточена только часть турецкихъ войскъ и притомъ къ самой границѣ они могутъ быть подведены лишь по частямъ въ теченіе большого времени. Прилегающая къ русской границѣ турецкая область, главнымъ образомъ такъ называемая Турецкая Арменія, совершенно не оборудована для сколько-нибудь серьезныхъ военныхъ дѣйствій. Тамъ полное отсутствіе не только желѣзныхъ дорогъ, но даже хорошихъ грунтовыхъ путей сообщенія. Въ теперешнее позднее время года Турецкая Арменія представляетъ едва проходимую для значительныхъ войсковыхъ частей страну. Снабженіе турецкой арміи провіантомъ и военными запасами было бы сопряжено тутъ съ колоссальными трудностями. Въ виду этого можно

думать, что сколько-нибудь широкихъ активныхъ военныхъ операцій на сухопутномъ театрѣ войны Турція не можетъ начать ближе весны. Дѣйствія же турецкаго флота могутъ ограничиться исключительно нападеніемъ на беззащитные города русскаго побережья. Турецкій флотъ, самъ по себѣ очень слабый, въ общемъ уступаетъ по численности судовъ и по ихъ силѣ русскому флоту. Единственное, дѣйствительно, настоящее судно въ турецкомъ флотѣ—это проданный недавно Турціей Германіи линейный крейсеръ «Гебенъ». Въ русскомъ черноморскомъ флотѣ нѣтъ ни одного судна, которое въ отдѣльности могло бы сравниться съ «Гебеномъ», какъ по силѣ его артиллерійскаго вооруженія, такъ и по быстротѣ его хода. Въ виду этого операціи противъ «Гебена» и вообще противъ турецкаго флота представляютъ значительныя трудности, но боевыя качества «Гебена» еще не обезпечиваютъ за Турціей господства на морѣ. Какія-либо дессантныя операціи со стороны Турціи совершенно невозможны. Для этого у Турціи нѣтъ достаточнаго транспортнаго флота, да если бы такой флотъ и былъ изъ секвестрованныхъ судовъ, первая попытка дессантныхъ операцій въ широкомъ масштабѣ кончилась бы гибелью этого транспортнаго флота, въ какомъ бы пунктѣ Черноморскаго побережья подобный дессантъ ни былъ произведенъ. Русскому броненосному флоту было бы трудно угнаться за быстроходными «Гебеномъ» и «Бреслау», но разгромить транспортный флотъ, хотя бы защищаемый этими крейсерами, онъ могъ бы безъ большого труда.

А. Оглинъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Великая Европейская Война. Генеральная карта среднеевропейскаго театра военныхъ дѣйствій. Подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальскаго. Изд. 3-ье, т-ва А. Ф. Марксъ. П., 1914. Ц. 1 р.

Тоже. Генеральная карта южнаго театра военныхъ дѣйствій. Ц. 1 р.

Къ намъ не разъ обращались съ просьбою рекомендовать надежную и доступную по цѣнѣ карту театра военныхъ дѣйствій. Въ продажѣ за послѣдніе два мѣсяца было столько самаго возмутительнаго хлама подъ названіемъ картъ театра войны, что можно было придти въ негодованіе. Двѣ довольно большихъ карты, изданныхъ т-вомъ А. Ф. Марксъ, выгодно выдѣлились изъ этого обилія негодныхъ спекулятивныхъ изданій. Онѣ напечатаны вполнѣ отчетливо и для ріентировки въ газетныхъ свѣдѣніяхъ о войнѣ достаточны и удовлетворительны. Къ каждой картѣ приложенъ подробный алфавитный указатель всѣхъ географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго. Библіотека мемуаровъ „Огни“. Редакція П. Е. Щеголева. Вступительная замѣтка Е. А. Ляцкаго. Ц. 2 р. 25 к.

Записки графа Комаровскаго занимаютъ не послѣднее мѣсто въ литературѣ мемуаровъ о концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Удачливый и ловкій человѣкъ, гр. Комаровскій явилъ примѣръ удачной придворной карьеры; на прохожденіе ея были направлены его способности по крайней мѣрѣ въ такой же степени, какъ и на административныя и дипломатическія порученія, какія имъ исполнялись. Записки его—подробный разсказъ объ этой карьерѣ, пересыпанный множествомъ мелкихъ, но иногда весьма характерныхъ подробностей и черточекъ, рисующихъ эпоху: „Здѣсь не слышатся ни бряцаніе оружія, ни пышныя рѣчи о громкихъ событіяхъ,—здѣсь эпоха говоритъ съ нами языкомъ дипломатической учтивости, дворцовыхъ шороховъ, закулисныхъ интригъ, аудіенцій, на-лету перехваченныхъ между дѣловыми докладами и разводами карауловъ. Генералъ-адъютантъ Александра I, человѣкъ обходительный и гуманный, Комаровскій при Аракчеевѣ и новомъ государѣ оказался не ко двору и кончилъ жизнь въ чинѣ сенатора въ деревнѣ. Книга представляетъ воспроизведеніе текста записокъ, появившагося въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1897 года; къ ней приложенъ портретъ автора и указатель личныхъ именъ.

Ф. Сарсе. Осада Парижа. 1870—71. Впечатлѣнія и воспоминанія. Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1914. 351 стр. Ц. 1 р.

Эта старая книга, написанная непосредственно подъ впечатлѣніями осады, въ новомъ русскомъ изданіи является весьма кстати и, безъ сомнѣнія, будетъ прочитана съ живымъ интересомъ. Многое, правда, носитъ въ ней печать поверхностныхъ сужденій типичнаго французскаго буржуа средней руки. Напр., глухое соціальное броженіе осажденнаго Парижа, закончившееся взрывомъ коммуны, въ глазахъ

Сарсе было не болѣе, какъ дѣломъ нѣсколькихъ вздорныхъ людей. Но зато очень живы общія картины и настроенія осажденнаго города, ярко переданы постоянные переходы парижанъ отъ радужныхъ надеждъ къ унынію и разочарованію и разсказъ очевидца, какимъ былъ Сарсе, неизмѣнно занимателенъ. Не лишены исторической поучительности, если исторія чему-нибудь учитъ, разсказы о крушеніи самонадѣяннаго крайняго націонализма, и многое изъ разсказовъ Сарсе было откровеннымъ признаніемъ французскихъ разложенія, всяческаго нестроенія и неспособности, проявленныхъ, какъ плодъ наполеоновской системы. Послѣднія главы книги Сарсе весьма интересны, какъ характеристика тѣхъ способовъ войны, которые, въ усовершенствованномъ и расширенномъ видѣ, примѣняются нынѣ германцами. Любопытна, напр., картина бомбардировки Парижа. Ею нѣмцы вовсе не достигли своей цѣли напугать мирное населеніе, а лишь раздражили его, тѣмъ болѣе, что „роковая случайность“ управляла ихъ бомбами такъ, что, помимо убійства беззащитныхъ, женщинъ и дѣтей, онѣ падали на музеи, библіотеки, госпитали съ необыкновенной удачей.

Ч. В—ій.

Б. И. Селиверъ. Современное состояніе нашей лѣсообрабатывающей промышленности.

Въ этомъ докладѣ первому всероссійскому съѣзду нарождающейся организаціи представителей лѣсной промышленности и торговли заключается разработка статистическихъ данныхъ о нашей лѣсообрабатывающей промышленности, извлеченныхъ изъ отчетовъ фабричной инспекціи за 1911 и 1912 г.г., изъ двухъ подробныхъ изслѣдованій (за 1900 и 1908 г.г.) о состояніи нашей крупной промышленности, произведенныхъ подъ руководствомъ В. Е. Варзара, изъ изслѣдованій проф. Филиппова о кустарной древообрабатывающей промышленности и др. Кромѣ того, имѣется краткое описаніе лѣсного дѣла въ крупныхъ районахъ Европейской Россіи. Докладъ заканчивается указаніемъ на необходимость для новой организаціи заняться систематической текущей регистраціей всѣхъ обстоятельствъ, касающихся положенія лѣсного дѣла въ Россіи.

Труды Статистическаго Отдѣла Московской Городской Управы. Вып. II. Фабрично-заводская промышленность г. Москвы въ 1910 г.

„Одной изъ важнѣйшихъ задачъ текущей статистики г. Москвы является собраніе и разработка данныхъ о фабрично-заводской промышленности столицы“, — говорится въ предисловіи къ разсматриваемому изданію. Но „условія русской общественной жизни“ стоятъ на пути собиранія по желательной программѣ соотвѣтствующихъ данныхъ изъ первоисточниковъ; вмѣсто того статистическій отдѣлъ г. Москвы рѣшилъ воспользоваться цифрами фабричной инспекціи, несмотря на то, что для каждаго заведенія онѣ заключаютъ лишь свѣдѣнія о числѣ рабочихъ (съ распредѣленіемъ по полу и возрасту) и суммѣ заработной платы. Эти свѣдѣнія зато разработаны въ таблицахъ по возможности подробно, а въ текстѣ производится также сравненіе въ различныхъ отношеніяхъ фабрично-заводской промышленности г. Москвы съ промышленностью уѣздовъ Московской губ.

П. Дворниковъ и С. Соколовъ. Географическій справочникъ. М. 1915.

Эта книжка составлена по образцу статистическихъ нашихъ ежегодниковъ, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній спеціально географическихъ и астрономическихъ. Въ ней содержатся цифровыя данныя за рядъ лѣтъ о различныхъ сторонахъ преимущественно экономической жизни Россіи по возможности въ погубернской группировкѣ и нѣкоторые общіе итоги по различнымъ другимъ странамъ. Книжка предназначается для пособія при прохожденіи курса отечествовѣдѣнія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но пригодна и для справокъ съ иными цѣлями, намъ кажется только, что, соотвѣтственно своей главной задачѣ, она должна бы заключать нѣкоторыя поясненія относительно происхожденія наполняющихъ ее статистическихъ матеріаловъ.

В. В.

Русска литература XX вѣка. 1890—1910. Подъ ред. проф. С. А. Венгерова. Изд. т-ва „Міръ“. Москва, 1914. Книга II. Стр. 129—256.

Второй выпускъ этого интереснаго изданія заключаетъ въ себѣ окончаніе статьи Ѳ. Д. Батюшкова о Брюсовѣ, автобіографіи З. А. Венгеровой, В. Вересаева, Зинаиды Гиппіусъ, Максима Горькаго и Любови Гуревичъ, съ критическими этюдами—о Вересаевѣ В. Л. Львова-Рогачевскаго, о З. Н. Гиппіусъ—Валерія Брюсова, и о Горькомъ—С. А. Венгерова и В. Л. Львова-Рогачевскаго. Обсуждаемые авторы распредѣлены, повидимому, въ алфавитномъ порядкѣ; пропущенный въ этомъ выпускѣ А. Л. Волынскій, о которомъ много говоритъ въ своей неоконченной еще замѣткѣ Л. Я. Гуревичъ, появится, вѣроятно, въ слѣдующей книгѣ. На отдѣльныхъ листахъ помѣщены прекрасно исполненные портреты В. Я. Брюсова, В. В. Вересаева, З. Н. Гиппіусъ-Мережковской и Максима Горькаго.

Г. Фробеніусъ. Роковой часъ Германской имперіи. Перев. съ нѣм. М. Панина. Книгоиздательство М. В. Попова. 1914. Стр. 95. Ц. 75 к.

Брошюра „оберъ-лейтенанта германской службы“, Г. Фробеніуса, вышедшая въ свѣтъ незадолго до войны, имѣла отчасти пророческій характеръ и, быть можетъ, играла нѣкоторую роль въ подготовкѣ нѣмецкаго общественнаго мнѣнія къ задуманнымъ въ Берлинѣ событіямъ. Прусскій кронпринцъ въ сочувственной телеграммѣ, напечатанной въ газетахъ, рекомендовалъ всѣмъ нѣмецкимъ патріотамъ прочесть эту брошюру и принять къ свѣдѣнію ея выводы. Г. Фробеніусъ изображаетъ положеніе дѣлъ въ такомъ видѣ, какъ будто всѣ державы собираются напасть на Германію, которая со своей стороны думаетъ только объ оборонѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. о пріобрѣтеніи надлежащаго простора въ мірѣ для своихъ культурныхъ и производительныхъ силъ, стѣсняемыхъ на каждомъ шагу завистливыми врагами. Понимая агрессивныя приготовленія Германіи въ смыслѣ обороны, а оборонительныя мѣры другихъ державъ—въ смыслѣ нападенія, авторъ легко и просто рѣшаетъ вопросъ о необходимости ускорить неминуемую развязку. „Съ весны 1915 года,—говоритъ онъ,—мы каждый день можемъ ожидать вторженія въ нашу страну такихъ могучихъ армій, какихъ свѣтъ еще не видалъ. И тогда пробьетъ часъ Германской имперіи и ея союзниковъ, — тогда мы должны будемъ вести войну болѣе тяжелую, чѣмъ когда бы то ни было“. Чтобы избѣгнуть этого фантастическаго вторженія, Германія должна будто бы дѣйствительно вторгнуться въ чужія страны, а такъ какъ по разсчетамъ германскихъ стратеговъ Англіи придется высадить свои войска въ Бельгіи (стр. 46), то Германія имѣетъ право заранѣе нарушить бельгійскій нейтралитетъ. Этотъ способъ разсужденій, раздѣляемый, очевидно, всѣмъ правящимъ классомъ Германіи, и привелъ къ настоящей войнѣ. Ничего новаго или оригинальнаго не содержится въ брошюрѣ Фробеніуса. Русскій переводъ сдѣланъ съ большими пропусками, которые, однако, нисколько не возбуждаютъ любопытства читателя,—до того блѣдно и наивно все изложеніе автора.

Л. С.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Ардашевъ, П. Н., проф. Хрестоматія по всеобщей исторіи. Часть I. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 1 руб.

Бѣлорусовъ, А. Парижъ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Груздевъ, С. А. Какъ подойти къ земельной кооперації. Москва, 1914 г.

Державинъ, Н. С. Болгарско-сербскія взаимоотношенія и македонскій вопросъ. Петроградъ, 1914 г.

Дмитріевъ, А. Пѣсни невольника. Москва, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Діонео. Мѣняющаяся Англія. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Евгеньевъ, В. Николай Алекс. Некрасовъ. Москва, 1914 г. Цѣна 2 руб.

Кватцъ, Донато. Стихотворенія. Андижанъ, 1914 г.

Каррутерсъ, Д. Невѣдомая Монголія. Т. I. Урянханскій край. Пер. съ англ. Н. В. Турчанинова. Петроградъ, 1914 г.

Колобовъ, В. М. Сельскій кредитъ въ Московской губ. Москва, 1914 г.

Меегровичъ, Іосифъ. Стихи. Пѣсни о солнцѣ. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 45 коп.

Мусинъ-Пушкинъ, А. А., гр. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ семьи и школы. П., 1914 г. Цѣна 1 руб.

Мѣшковъ, Николай. Стихотворенія. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб.

Сегаль, С. Л. Естествознаніе въ школѣ. Новочеркасскъ, 1914 г. Цѣна 1 руб.

Семеновъ, М. И. Пожары и страхованіе отъ огня въ г. Москвѣ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Фробеніусъ, Г. Роковой часъ Германской имперіи. Пер. съ нѣм. М. Панина. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 75 коп.

Хвостовъ, Михаилъ. Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ. I. Казань, 1914 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Честняковъ, Ефимъ. Сказки и рисунки П., 1914 г. Цѣна 35 коп.

Щепкина, Е. Н. Изъ исторіи женской личности и семьи. П., 1914 г. Цѣна 1 р. 30 коп.

Библіотека войны. № 1. П. Критскій. Изъ-за чего началась война. № 3. П. Критскій. Когда и за что воевали русскіе съ нѣмцами? № 4. Н. Новинскій. Ледовое побоище. № 5. Разсказы нашихъ раненыхъ о послѣднихъ сраженіяхъ съ нѣмцами. № 6—7 А. З. Современные варвары. № 8—9. М. Богдановичъ. Червонная Русь (австрійскіе украинцы). № 12. Пѣсни балканскихъ славянъ. № 13. П. Критскій. Взятіе Львова. № 14—15. Бар. В. Энгельгардтъ. Германскія колоніи и чѣмъ грозитъ Германіи ихъ утрата. № 25. В. Погосскій. Что такое право войны и какъ нѣмцы его нарушаютъ. № 28. М. Богдановичъ. Братья-чехи. № 30. Бар. В. Энгельгардтъ. Германскій флотъ. Москва, 1914 г. Цѣна каждаго №-ра 5 коп.

Война и трудъ. № 1. Огановскій, Н. П. Отчего загорѣлась великая европейская война? Москва, 1914 г. Цѣна 8 коп.

Война. Хроника и отклики. № 1. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову. Юбилейный сборникъ. Москва, 1914 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Дѣтство и юность М. Ю. Лермонтова. Москва, 1914 г. Цѣна 40 коп.

Ежегодникъ статист. отд. Нижегородской губ. зем. управы. Нижній-Новгородъ, 1914 г.

Извѣстія общества любителей изученія Кубанской области. Вып. VI. Екатеринодаръ, 1914 г.

Извѣстія Тифлисскихъ Высшихъ женскихъ курсовъ. Кн. I. Вып. 1-й и 2-ой. Тифлисъ, 1914 г. Цѣна за 2 выпуска 3 руб.

Отчетъ Императорскаго Московскаго и Румянцевскаго Музея за 1913 годъ. Москва, 1914 г.

Родной языкъ въ школѣ. № 1 и 2. Ярославль, 1914 г. Цѣна №-ра 35 коп

У Троицы въ Академіи. 1814—1914. Юбилейный сборникъ. Москва, 1914 г. Цѣна 3 руб.

Французскіе лирики. XVIII вѣка. Москва, 1914 г. Цѣна 2 руб.

Юбилеенъ сборникъ по случай 30-годишнината отъ освобождението на България. София, 1914 г. Цѣна 2 лева.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

Журнальный фонд Московской об. библіотеки

ВЫШЕЛЪ ПЕРВЫЙ ТОМЪ НОВАГО ИЗДАНІЯ Т-ВА „МІРЪ“.

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Содержаніе перваго тома. Предисловіе. **Часть I.** Введеніе: очеркъ развитія русскихъ общественныхъ отношеній. **Часть II.** Движеніе общественной мысли въ до-Петровской Руси. Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы духовной власти со свѣтской, дворянства съ боярствомъ и съ духовенствомъ, царя съ боярствомъ. Движеніе общественной мысли въ эпоху Смуты. Общественный бытъ и общественное настроеніе Московской Руси послѣ Смутнаго времени. Поворотъ къ Западу. Первые западники и просвѣтители.—6 портретовъ: Павла Сильванскаго, Ключевскаго, С. М. Соловьева, патріарха Никона, Ивана IV и Ордина-Нащокина. Изданіе составитъ около 5 томовъ, приблизительно по 18 листовъ въ каждомъ, и будетъ иллюстрировано портретами историковъ, общественныхъ дѣятелей и публицистовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: при подпискѣ уплачиваются 2 руб. и при полученіи каждаго тома въ переплетѣ (включая пересылку)—2 руб. 80 коп. и, сверхъ того, за переводъ платежа 10 коп.

Вышла вторая книга изданія Т-ва „МІРЪ“.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX В. (1890—1910 г.).

Подъ редакціей проф. С. А. Венгерова.

Содержаніе первой и второй книгъ: *Программа изданія.* Проф. С. А. Венгерова.—*Этапы нео-романтическаго движенія.* Проф. С. А. Венгерова.—*Дѣятели періода переоцѣнки всѣхъ цѣнностей.* К. Д. Бальмонтъ.—*Автобіографическіе матеріалы для біографіи Бальмонта.*—К. Д. Бальмонтъ. *Проф. Е. В. Аничкова.*—Валерій Брюсовъ. *Автобіографія.*—В. Я. Брюсовъ. *Ѳ. Д. Батюшкова.*—З. Венгерова. *Автобіографическая справка.*—В. Вересаевъ. *Автобіографическая справка.*—В. Вересаевъ. *В. Л. Львова-Рогачевскаго.*—З. Гиппіусъ. *Автобіографическая замѣтка.*—З. Н. Гиппіусъ. *Валерія Брюсова.*—М. Горькій. *Редакціи.*—Максимъ Горькій. *В. Л. Львова-Рогачевскаго.*—Л. Гуревичъ. (Исторія „Сѣвернаго Вѣстника“).—12 иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ.—„Русская литература XX вѣка“ составитъ около 75 листовъ, то-есть около 1,200 страницъ большого формата, и будетъ богато иллюстрирована портретами писателей, воспроизведенными меццотинто-гравюрой и въ краскахъ. Изданіе выходитъ книгами по 7—8 листовъ каждая, всего книгъ будетъ около 12-ти.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: при подпискѣ уплачивается 2 руб. и при полученіи каждой книги по 1 руб. 60 коп. и, сверхъ того, по 10 коп. за переводъ платежа.

Продолжается подписка на другія изданія Т-ва „МІРЪ“.

ИТОГИ НАУКИ. Подъ редакціей проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ М. Н. Покровскаго.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго и П. Н. Сакулина.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Подъ ред. Ѳ. Д. Батюшкова

СИЛУЭТЫ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ Ю. И. Айхенвальда.

СОВРЕМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА. 40 меццотинто-гравюръ съ текстомъ Сергѣя Маковскаго.

Проспекты безплатно. Главная к-ра Т-ва „МІРЪ“, Москва, Знаменка, 9. Тел. 137-31.

фабриканты

Художественной мебели.

Торговый Домъ

Братья А. и С.

ЮРАСОВЫ.

МОСКВА, Кузнецкій мостъ.

Телефонъ № 41-16.

Поставщики ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ.

Москва, Тверская улица, близъ Газетнаго, домъ № 15.

ВСЕ необходимое и лучшее для ОХОТЫ.

Громадный выборъ ружей центр. боя заграничн. фабрикъ отъ 27 р. ◘ Особенно рекомендуемъ ружья Императорскаго Тульскаго завода отъ 34 р. ◘ Шомпольныя двухствол. отъ 12 р. ◘ Берданы дробов. отъ 6 р. 75 к. ◘ Карабины Монтекристо для цѣлевой стрѣльбы отъ 11 р. ◘ Пистолеты карман. Монтекр. отъ 1 р. 50 к. ◘ Пугачи самыхъ разнородныхъ типовъ отъ 1 р. ◘ Револьверы отъ 5 р. 50 к. **Новость!** Безобидный пистолетъ Браунъ Марсъ съ коробкою театральн. патроновъ съ пересыл. во всѣ города 4 руб.

Лыжи, коньки и пр. принадлежности по ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно,—на пересылку просимъ приложить 2 почт. марки по 7 к. 1—1

Идеалъ

всѣхъ дамъ есть нѣжное, чистое лицо, цвѣтущій, свѣжій, молодой видъ, бѣлая, мягкая какъ бархатъ кожа и ослѣпительно красивый цвѣтъ лица, а потому каждая дама, для достиженія этихъ качествъ, должна мыться

Мыло „Конекъ"

Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ

Требуйте только красную упаковку.
За кусокъ 50 Коп. въ розничной лавкѣ.
Главный складъ для Россійской Имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ,
С.-Петербургъ, Малая Конюшенная № 10.

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

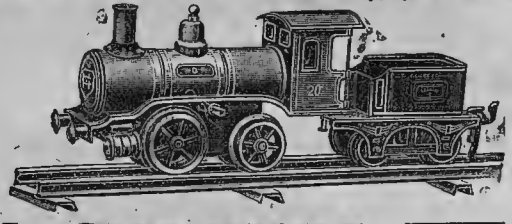
Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающій лабораторіей, инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

МАГАЗИНЪ ИНЖЕНЕРА



С. И. ЗВѢРЕВА

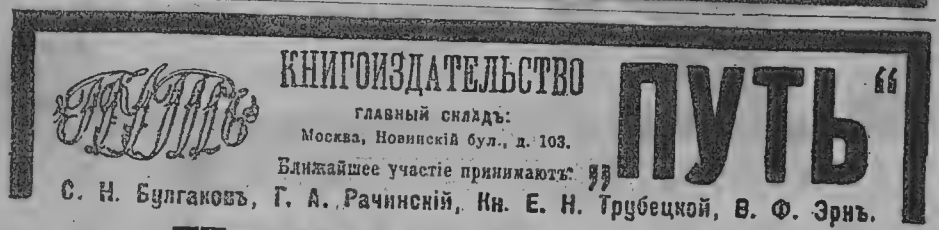
МОСКВА, Петровскія линіи.

ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ.

Наборы жел. д. зав.	отъ 2 р.	до 80 р.	
„ „ „ пар.	отъ 10 р.	до 180 р.	
Паровозы заводные	отъ 3 р.	до 45 р.	
„ паровые	отъ 5 р.	до 80 р.	
Вагоны тов. и пасс.	отъ 50 к.	до 20 р.	
Станціи	отъ 1 р. 50 к.	до 35 р.	
Перевз., мосты, тон. и депо	отъ 2 р.	до 50 р.	
Паровыя машины	отъ 2 р.	до 50 р.	
Разные приводы	отъ 50 к.	до 30 р.	
Электрическія станціи для добыванія тока	отъ 8 р.	до 500 р.	
Электрическія ж. д.	отъ 3 р.	до 100 р.	
Электродвигатели	отъ 4 р.	до 25 р.	
Динамо	отъ 4 р.	до 12 р.	

Безпроволочный телеграфъ	20 р.
Телеграфъ „Морзе"	30 р.
Микроскопы	8 р. и 10 р.
Статическія машины	10 р. и 15 р.
Аппараты для выжиганія	отъ 5 р. 50 к.
Устройство домашняго электрическ. освѣщенія	отъ 3 р. 50 к. до 6 р.
Кукольн. ком. съ меб. и электр. осв.	15 р.
Электроотвѣты для изучен. географ.	6 р. 50 к.
Поли. наборъ для постр. аэроплана	6 р.
Синем. и волшебн. фон.	отъ 12 р. до 60 р.
Разныя игрушки, игры, постройки	отъ 50 к.

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЫ, АГРАМАНТЪ
ФАБРИК.
Бр. БАЛАКИНЫ
МОСКВА, ИЛЬИНКА, ПРОТ. ГОСУДАРСТВ.
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИН. КАНАЛЪ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ и СТИЛЕЙ
ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ.
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.


КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ"
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
Москва, Новинскій бул., д. 103.
Ближайшее участіе принимаютъ:
С. Н. Булгаковъ, Г. А. Рачинскій, Кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрнъ.

НОВЫЯ КНИГИ:

С. БУЛГАКОВЪ.—Очерки по исторіи экономическихъ ученій. Выпускъ 1. Изданіе автора. Ц. 1 р. 50 к.

И. ЗЕЙПЕЛЬ.—Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ церкви. Перев. съ нѣм. съ предисл. С. Н. Булгакова. Ц. 2 р.

Вл. КАРПОВЪ.—Основныя черты органическаго пониманія природы. Ц. 80 к.

Кн. В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ.—Русскія ночи. (Съ дополнен. и поправк. по рукописямъ). Ц. 2 р.

Вл. СОЛОВЬЕВЪ.—Владиміръ Святой и христіанское государство и отвѣтъ на корреспонденцію изъ Кракова. Перев. съ франц. Г. Рачинскаго съ предисл. кн. Ев. Трубецкого. Ц. 75 к.

Кн. Евг. ТРУБЕЦКОЙ.—Міросозерцаніе Вл. Соловьева. Въ 2-хъ том. Изд. автора. Ц. 4 р.

П. Я. ЧААДАЕВЪ.—Сочиненія и письма. Въ 2-хъ том. съ портр. подъ ред. М. Гершензона. Ц. за 2 тома 5 р.

Свящ. С. ЩУКИНЪ.—Сборникъ статей. (Около церкви и др.). Ц. 1 р.

Продаются во всѣхъ извѣстн. книжн. маг. Высылаются нал. плат. Проспектъ по треб. безплатно.